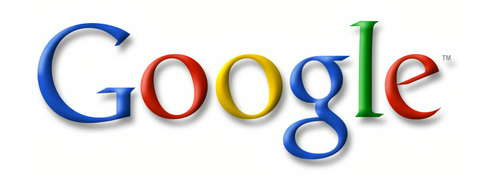

1868/1

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-ая.

ЯНВАРЬ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА ИСКУССТВА.

КНИГА 1-ая. — ЯНВАРЬ, 1868.

Въ февральской книжкѣ печатается новая драма А. Н. Островскаго: «Василиса Мелент
Въ теченіе года будутъ помѣщаться «Письма о земствѣ» Н. И. Колюпанова, изъ предпр
маго имъ путешествія по Россіи.

VESTNIK EVROPY. 1868, t. 1,

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

Third Year

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XXXII. — ТОМЪ CLXXXIII. — 1/13 ЯНВАРЯ 1868.

1877. Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U.S. Consul
at Birmingham, Eng.

БРИГАДИРЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Читатель, знакомы ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, двадцать-пять, тридцать лѣтъ тому назадъ, изобиловала наша великорусская Украйна? Теперь онѣ попадаются рѣдко — а лѣтъ черезъ десять и послѣднія изъ нихъ, пожалуй, исчезнутъ безслѣдно.—Проточный прудъ, заросшій лозникомъ и камышами, приволье хлопотливыхъ утокъ, къ которымъ изрѣдка присосѣживается осторожный «чирòкъ»; за прудомъ садъ съ аллеями липъ, этой красы и чести нашихъ чернозёмныхъ равнинъ, съ заглохшими грядами «шпанской» земляники, со сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, въ томный часъ неподвижнаго полуденнаго зноя, ужъ непремѣнно мелькнётъ пестрый платочекъ дворовой дѣвушки и зазвенитъ ея пронзительный голосокъ; тутъ же амбарчикъ на курьихъ ножкахъ, оранжерейка, плохенькій огородъ, со стаей воробьевъ на тычинкахъ и прикорнувшей кошкой близъ провалившагося колодца; дальше кудрявыя яблони надъ высокой, съ низу зеленой, къ верху сѣдой травой, жидкія вишни, груши, на которыхъ никогда не бываетъ плода; потомъ клумбы съ цвѣтами — макомъ, піонами, анютиными-глазками, крыжантами, «дѣвицей-въ-зелени», кусты татарской жимолости, дикаго жас-

мину, сирени и акаціи, съ непрестаннымъ пчелинымъ, шмелинымъ жужжаніемъ въ густыхъ, пахучихъ, липкихъ вѣткахъ; наконецъ, господскій домъ, одноэтажный, на кирпичномъ фундаментѣ, съ зеленоватыми стеклами въ узкихъ рамахъ, съ покатой, нѣкогда крашенной крышей, съ балкончикомъ, изъ котораго повыпадали кувшино-образные перила, съ кривымъ мезониномъ, съ безголосой старой собакой въ ямѣ подъ крыльцомъ; за домомъ широкій дворъ съ крапивой, полынью и лопухами по угламъ, службы съ захватанными дверями, съ голубями и галками па пробуравленныхъ соломенныхъ крышахъ, погребокъ съ заржавѣлымъ флюгеромъ, двѣ-три берёзы съ грачиными гнѣздами на голыхъ, верхнихъ сучьяхъ — а тамъ уже дорога съ подушечками мягкой пыли по колеямъ — и поле, и длинные плетни копоплянниковъ, и сѣренькія избушки деревни, и крики гусей съ отдаленныхъ заливныхъ луговъ... Знакомо ли тебѣ всё это, читатель? Въ самомъ домѣ все немножко на̀-бокъ, немножко разшаталось — а ничего! Стоитъ крѣпко и держитъ тепло: печи, что̀ твои слоны, мебель сбродная, домодѣльщина; бѣловатыя, протоптанныя дорожки бѣгутъ отъ дверей по крашеннымъ поламъ; въ передней чижи и жаворонки въ крошечныхъ клѣткахъ — въ углу столовой громадные англійскіе часы въ видѣ башни, съ надписью: «Strike—silent»—въ гостиной портреты хозяевъ, писанные маслеными красками, съ выраженіемъ суроваго испуга на кирпичнаго цвѣту лицахъ—а иногда и старая, покоробленная картинка, представляющая либо цвѣты и фрукты, либо миѳологическій сюжетъ; вездѣ пахнетъ квасомъ, яблокомъ, олифой, кожей; мухи гудятъ и звенятъ подъ потолкомъ и на окнахъ, бойкій прусакъ внезапно заиграетъ усиками изъ-за зеркальной рамы... Ничего! жить можно — и даже очень недурно можно жить.

II.

Вотъ такую-то усадьбу пришлось мнѣ посѣтить лѣтъ тридцать тому назадъ — дѣла давно-минувшихъ дней — какъ изволите видѣть. Небольшое имѣньице, въ которомъ находилась та усадьба — принадлежала одному моему университетскому товарищу; оно недавно къ нему поступило послѣ смерти троюроднаго дяди холостяка, и самъ онъ въ немъ не жилъ... Но въ не-

дальнемъ разстояніи оттуда зачинались пространныя степныя болота, въ которыхъ, во время лѣтняго прилёта, водилось много дупелей; мой товарищъ и я — мы оба были страстные охотники — а потому и сговорились съѣхаться — онъ изъ Москвы, я изъ своей деревеньки — къ Петрову дню — въ его домикъ. Пріятель мой замѣшкался въ Москвѣ и опоздалъ двумя днями; я безъ него не хотѣлъ начать охоты. — Меня принялъ старый слуга, по имени Наркизъ Семёновъ: его предувѣдомили о моемъ пріѣздѣ. Этотъ старый слуга нисколько не походилъ на «Савельича» или на «Калеба»; мой товарищъ звалъ его въ шутку «Маркизомъ». Въ немъ было что-то самоувѣренное, даже утонченное, не безъ достоинства: онъ смотрѣлъ на насъ молодыхъ людей свысока — но и къ другимъ помѣщикамъ не питалъ особеннаго уваженія; о прежнемъ баринѣ отзывался небрежно — а свою братью просто презиралъ — за невѣжество. Самъ онъ умѣлъ читать и писать, выражался правильно и вразумительно — и водки не пилъ. Въ церковь ходилъ рѣдко — такъ что его раскольникомъ считали. Изъ себя онъ былъ худощавъ и высокъ, лицо имѣлъ длинное и благообразное, острый носъ и нависшія брови, которыя онъ безпрестанно то надвигалъ, то поднималъ; носилъ просторный, опрятный сюртукъ и сапоги до колѣнъ съ вырѣзанными въ видѣ сердца голенищами.

III.

Въ самый день моего прибытія, Наркизъ, подавъ мнѣ позавтракать и убравъ со стола — остановился въ дверяхъ, пристально посмотрѣлъ на меня, и поигравъ бровями—промолвилъ:

— Что же вы, сударь, теперь дѣлать будете?

— А я, право, не знаю, Еслибы Николай Петровичъ слово свое сдержалъ, пріѣхалъ—мы бы на охоту вмѣстѣ отправились.

— А вы, стало, сударь, надѣялись, что они такъ въ самый разъ и пріѣдутъ, какъ обѣщались?

— Конечно, надѣялся.

— Гмъ. — Наркизъ опять посмотрѣлъ на меня — и какъ бы съ сожалѣньемъ покачалъ головою. — Коли чтеніемъ позабавиться желательно, продолжалъ онъ — отъ стараго барина остались книжки; я ихъ, буде угодно, принесу; только вы ихъ читать не станете, такъ полагать надо.

— Почему?

— Книжки-то пустыя; не для теперешнихъ господъ писаны.

— Ты ихъ читалъ?

— Не читалъ, не сталъ бы говорить. Сонникъ, напримѣръ— это что-же за книга? Ну, есть другія... только вы ихъ тоже не станете читать.

— А что̀?

— Божественныя.

Я помолчалъ... Наркизъ помолчалъ тоже.

— Главное-то мнѣ досадно, началъ я; въ этакую погоду— дома сидѣть.

— Въ саду прогуляйтесь; а не-то̀ въ рощу сходите. Тутъ у насъ роща за гумномъ. Не охочи ли вы рыбу ловить?

— А у васъ есть рыба?

— Есть, въ прудѣ. Гольцы, пескари, окуньки попадаются. Теперь, конечно, настоящая пора прошла: іюль на дворѣ. Ну— а все-таки попытаться можно. — Прикажете удочку снарядить?

— Сдѣлай одолженіе.

— Я съ вами мальчика пошлю — червей насаживать. А то развѣ самому пойти? — Наркизъ очевидно сомнѣвался въ томъ, съумѣю ли я одинъ справиться.

— Пойдемъ, пожалуйста, пойдемъ.

Наркизъ улыбнулся молча, но во весь ротъ, потомъ вдругъ надвинулъ брови — и вышелъ изъ комнаты.

IV.

Полъ-часа спустя, мы отправились ловить рыбу. Наркизъ надѣлъ какой-то необыкновенный, ушастый картузъ — и сталъ еще величественнѣе. — Онъ выступалъ впереди, степеннымъ, ровнымъ шагомъ; двѣ удочки мѣрно колыхались на его плечѣ; босоногій мальчишка несъ за нимъ лейку и горшокъ съ червями.

— Тутъ, во̀злѣ плотины, на плоту лавочка устроена для удобства, — началъ пояснять мнѣ Наркизъ — заглянулъ впередъ и вдругъ воскликнулъ: «Эге? да наши убогіе ужъ тутъ... Пова̀дились!» Я вытянулъ изъ-за него голову и увидалъ на плоту, на той самой лавочкѣ, о которой онъ говорилъ — двухъ сидѣвшихъ къ намъ спиною людей: они преспокойно удили рыбу.

— Кто это? спросилъ я.

— Сосѣди, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Наркизъ.—Дома-то ѣсть имъ нечего, такъ вотъ они къ намъ и жалуютъ.

— А имъ позволяется?

— Прежній баринъ позволялъ... развѣ вотъ Николай Петровичъ. Длинный-то—дьячокъ изъ заштатныхъ—совсѣмъ пустой человѣкъ; ну а тотъ, что̀ потолще — бригадиръ.

— Какъ, бригадиръ? повторилъ я съ изумленіемъ.—Одежда на этомъ «бригадирѣ» была чуть ли не хуже дьячковской.

— Я жъ вамъ докладываю: бригадиръ. И состояніе у нихъ было хорошее. А теперь вотъ изъ милости уголъ отведенъ — и живутъ — та̀къ, чѣмъ Господь пошлетъ. Однако, между прочимъ, какъ-же быть? Заняли опи лучшее мѣсто... Надо будетъ дорогихъ гостей потревожить.

— Нѣтъ, Наркизъ, пожалуйста, не тревожь ихъ. Мы тутъ же присядемъ въ сторонкѣ: они намъ не помѣшаютъ. Мнѣ съ бригадиромъ хочется познакомиться.

— Какъ угодно-съ. — А только, что если на счетъ знакомства — много удовольствія вы, сударь, получить не надѣйтесь; слабы они очень понятіемъ стали—и въ «разговоркѣ» тупы—что̀ малый ребенокъ. И то̀ сказать: восьмой десятокъ доживаютъ.

— Какъ его зовутъ?

— Васильемъ Ѳомичемъ. По фамиліи—Гуськовъ.

— А дьячка какъ?

— Дьячка-то? — прозвище ему — Огурецъ. Его здѣсь всѣ такъ величаютъ — а какое его настоящее имя — Господь вѣдаетъ! Пустой человѣкъ! Какъ есть проходимецъ!

— Они живутъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, не вмѣстѣ; да чортъ ихъ — знаете — веревочкой связалъ.

V.

Мы подошли къ плоту. Бригадиръ вскинулъ на насъ глазами—и тотъ-часъ устремилъ ихъ на поплавокъ; Огурецъ вскочилъ, выдернулъ удочку, снялъ свою истасканную поповскую шляпу, провелъ трепетной рукой по жесткимъ, жолтымъ волосамъ, поклонился на-о̀тмашь и засмѣялся дряблымъ смѣхомъ. Его припухлое лицо изобличало горькаго пьяницу; съеженные глазки униженно моргали. Онъ толкнулъ своего сосѣда въ бокъ,

какъ бы давая ему знать, что надо-молъ убираться... Бригадиръ зашевелился на лавочкѣ.

— Сидите, прошу васъ, не безпокойтесь, поспѣшно заговорилъ я. Вы намъ нисколько не мѣшаете. Мы тутъ помѣстимся; сидите.

Огурецъ запахнулъ свой дырявый балахонъ, передернулъ плечами, губами, бородкой... Наше присутствіе видимо его стѣсняло — и онъ бы охотно улизнулъ — но бригадиръ снова погрузился въ созерцаніе своего поплавка... «Проходимецъ» кашлянулъ раза два, присѣлъ на самый край лавочки, положилъ шляпу на колѣни, и подобравъ подъ себя свои голыя ноги, скромно закинулъ удочку.

— Клюетъ? съ важностью спросилъ Наркизъ, медлительно разматывая лѣсу.

— Штучекъ пять гольцовъ залучили, отвѣчалъ Огурецъ разбитымъ и сиплымъ голосомъ — да вотъ они порядочнаго окунька поймали.

— Да, окунька, пискливо повторилъ бригадиръ.

VI.

Я принялся пристально разсматривать — не его, а опрокинутое его отраженіе въ прудѣ. Оно мнѣ представлялось ясно, какъ въ зеркалѣ, немного темнѣй, немного серебристѣй. Широкій прудъ дышалъ на насъ прохладой; прохладой вѣяло и отъ сырого обрывистаго берега: и тѣмъ слаще была она, что тамъ, надъ головою, въ золотистой и темной лазури, надъ купами деревьевъ, ощутительнымъ бременемъ нависъ неподвижный зной. Вода не колыхалась около плота; въ тѣни, падавшей на нее съ раскидистыхъ прибрежныхъ кустовъ, блестѣли, какъ крохотныя свѣтлыя пуговки, водяные паучки, описывавшіе свои вѣчные круги; лишь изрѣдка чуть замѣтная рябь шла отъ поплавковъ, когда рыба «шалила» съ червякомъ. Бралась она очень плохо: въ теченіе цѣлаго часа мы вытащили двухъ гольцовъ и пескаря. Я бы не съумѣлъ сказать, почему бригадиръ возбуждалъ мое любопытство: чинъ его не могъ на меня дѣйствовать; раззоренные дворяне и въ то время не считались рѣдкостью — и самая его наружность не представляла ничего замѣчательнаго. Изъ подъ теплаго картуза, закрывавшаго всю верхнюю часть его

головы до бровей и до шеи, виднѣлось красное, гладко выбритое, круглое лицо, съ маленькимъ носомъ, маленькими губками и свѣтло-сѣрыми небольшими глазами. Простоту и слабость душевную и какую-то давнишнюю, безпомощную грусть выражало это смиренное, почти дѣтское лицо; въ пухлыхъ бѣлыхъ ручкахъ съ короткими пальцами было тоже что-то безпомощное, неумѣлое... Я никакъ не былъ въ состояніи себѣ представить, какимъ образомъ этотъ убогій старичокъ могъ когда-то быть военнымъ человѣкомъ, командовать, распоряжаться—да еще въ екатерининскія, суровыя времена! Я глядѣлъ на него: иногда онъ надувалъ щеки и слабо пыхтѣлъ, какъ ребенокъ, иногда онъ щурился болѣзненно, съ усиліемъ, какъ всѣ дряхлые люди. Разъ онъ широко раскрылъ и поднялъ глаза... Они уставились на меня изъ водной глубины — и странно трогательнымъ и даже значительнымъ показался мнѣ ихъ унылый взоръ.

VII.

Я постарался заговорить съ бригадиромъ... но Наркизъ не обманулъ меня: бѣдный старикъ дѣйствительно очень слабъ понятіемъ сталъ. Онъ освѣдомился о моей фамиліи—и переспросивъ меня раза два, подумалъ, подумалъ и промолвилъ наконецъ: «Да у насъ, кажись, былъ такой судья.—Огурецъ, былъ у насъ такой судья — ась»? — «Былъ, былъ, батюшка, Василій Ѳомичъ, ваше благородіе», отвѣчалъ ему Огурецъ, который вообще обходился съ нимъ, какъ съ ребенкомъ. — «Былъ, точно. А удочку вашу мнѣ пожалуйте: у васъ червячокъ, должнὸ, съѣденъ... Съѣденъ и есть».

— Съ Ломовскимъ семействомъ изволили быть знакомы?— внезапно, напряженнымъ голосомъ спросилъ меня бригадиръ.

— Какое такое Ломовское семейство?

— Какое?—Ну, Ѳедоръ Иванычъ, Евстигнѣй Иванычъ, Алексѣй Иванычъ жидъ, ну Ѳеодулія Ивановна грабительница... а тамъ еще....

Бригадиръ вдругъ умолкъ и потупился.

— Самые имъ близкіе были люди, — наклонясь ко мнѣ, шепнулъ Наркизъ; — чрезъ нихъ, чрезъ самаго этого Алексѣя Иваныча, чтὸ жидомъ они обозвали, да еще черезъ одну Алек-

сѣй-Иваничыну сестрицу, Аграфену Ивановну — они, можно сказать, всего состоянія лишились.

— Чтò ты тамъ объ Аграфенѣ Ивановнѣ толкуешь? — воскликнулъ вдругъ бригадиръ — и голова его поднялась, бѣлыя брови нахмурились.... Ты смотри у меня! — И какая она тебѣ Аграфена? Агриппина Ивановна—вотъ какъ надо... ее называть.

— Ну-ну, нуну, батюшка, залепеталъ было Огурецъ.

— Ты развѣ не знаешь, что про нее Милоновъ стихотворецъ сочинилъ?—продолжалъ старикъ, внезапно войдя въ совершенно мною неожиданный азартъ. — «Не брачныя свѣщи возженны» — началъ онъ на распѣвъ, произнося всѣ гласныя въ носъ, а слоги: «ан» и «ен» — какъ французскіе: *an* и *en* — и странно было слышать изъ устъ его эту связную рѣчь;—«не факелы»... Нѣтъ, это не тò; а вотъ:

Не бреннымъ тлѣнія кумиромъ,
Не амаранѳомъ, не порфиромъ,
Столь услаждаются они...
Одно лишь въ нихъ...

Это про насъ — слышишь?

Одно лишь въ нихъ непреткновенно,
Пріятно, томно, вожделѣнно:
Взаимный жаръ питать въ крови!

А ты — Аграфена!

Наркизъ усмѣхнулся полу-презрительно, полу-равнодушно. —Эхъ-ма, каженникъ! [1])—проговорилъ онъ про себя. Но бригадиръ уже опять потупился — удочка вывалилась изъ его руки и соскользнула въ воду.

VIII.

— А чтò, какъ я погляжу — дѣло-то наше — дрянь, промолвилъ Огурецъ; рыба — вишь — неклюетъ вовсе. Ужъ жарко больно стало — а нашего барина «мехлюдія» [2]) постигла. Видно —

[1]) Каженникъ — идіотъ, чудакъ.
[2]) Мехлюдія — меланхолія.

домой пойти; лучше будетъ. — Онъ осторожно досталъ изъ кармана жестяную фляжку съ деревянной пробочкой, откупорилъ ее, насыпалъ себѣ на соколокъ табаку — да и дернулъ по обѣимъ ноздрямъ ра̀зомъ...—Эхъ, табачокъ! простоналъ онъ, приходя въ чувство;—ажнѐ тоска по зубамъ заиграла!—Ну, голубчикъ Василій Ѳомичъ, извольте подниматься — пора!

Бригадиръ всталъ съ лавочки.

— Далеко вы отсюда живете? спросилъ я Огурца.

— Да оно-то вотъ недалеко... и версты не будетъ.

— Позволите вы мнѣ проводить васъ? обратился я къ бригадиру. Мнѣ не захотѣлось отстать отъ него.

Онъ посмотрѣлъ на меня — и улыбнувшись той особенной, важной, вѣжливой и нѣсколько жеманной улыбкой, которая, не зна́ю какъ другимъ — а мнѣ всякій разъ напоминаетъ пудру, французскіе кафтаны съ стразовыми пуговицами, — вообще восемнадцатый вѣкъ — проговорилъ съ старомодной разстановкой, что «онъ о-чен-но будетъ радъ»... и тотъ-часъ опять опустился. Екатерининскій кавалеръ мелькнулъ въ немъ на мгновеніе—и исчезъ.

Наркизъ удивился моему намѣренію; но я не обратилъ вниманія на неодобрительное покачиваніе его ушастаго картуза — и вышелъ изъ саду вмѣстѣ съ бригадиромъ, котораго поддерживалъ Огурецъ. Старикъ двигался довольно быстро, какъ на деревяшкахъ.

IX.

Мы шли чуть-чуть проторенной тропинкой, по травянистой долинѣ, между двумя березовыми ро́щами. Солнце пекло; иволги перекликались въ зеленой чащѣ, коростели трещали возлѣ самой тропинки, голубенькія бабочки перелетывали стайками по бѣлымъ и краснымъ цвѣтамъ низкаго клевера — пчёлы, словно сонныя, путались и вяло жужжали въ недвижной травѣ. Огурецъ встряхнулся, оживился; Наркиза онъ боялся — онъ жилъ у него подъ глазами: я былъ ему чужой, заѣзжій — со мной онъ скоро освоился. — «Вотъ, зачастилъ онъ, — нашъ баринъ — постникъ, что̀ толковать! а однимъ окунькомъ — какъ тутъ сыту быть? — Развѣ вы, ваше благородіе, что̀ пожертвуете? Тутъ сейчасъ за повёрткомъ въ кабачкѣ—отличные калачи-ситнички. А коли милость будетъ—такъ и азъ многогрѣшный при этомъ случаѣ за

ваше здравіе—долголѣтіе-многоденствіе, шкальчикъ выкушаю». Я далъ ему двугривенный и едва успѣлъ отдернуть руку, которую онъ бросился лобызать. Онъ узналъ, что я охотникъ—и пустился толковать о томъ, что у него есть хорошій знакомый офицеръ, у котораго шведское мин-дин-ден-герровское ружье съ мѣднымъ стволомъ — что̀ твоя пушка! выпалишь — такъ словно забытьё найдетъ: послѣ французовъ осталось — и собака — просто игра природы! что онъ самъ всегда большую страсть къ охотѣ имѣлъ, и попъ бы ничего—вмѣстѣ съ нимъ перепеловъ лавливалъ—да благочинный до безконечности его затиранилъ; а что до Нарциза Семеныча, промолвилъ онъ на распѣвъ, — такъ ежели я по ихнему понятію необстоятельный человѣкъ на семъ свѣтѣ есть—и я на то доложу: отростили они себѣ брови не хуже тетерева, да и полагаютъ, что всѣ науки произошли.—Тѣмъ временемъ мы подошли къ кабачку—одинокой ветхой избушкѣ безъ задворка и клети; отощалая собака лежала свернувшись подъ окошкомъ; курица копалась въ пыли передъ самымъ ея носомъ. Огурецъ усадилъ бригадира на завалинкѣ,—и мгновенно шмыгнулъ въ избушку. Пока онъ покупалъ калачики, да подносилъ себѣ шкаликъ—я глазъ не сводилъ съ бригадира, который, Богъ вѣдаетъ почему, мнѣ представлялся загадкой. Въ жизни этого человѣка — думалось мнѣ — навѣрное произошло что-нибудь необыкновенное. А онъ, казалось, и не замѣчалъ меня вовсе; сидѣлъ, сгорбившись, на завалинкѣ, и перебиралъ въ пальцахъ нѣсколько гвоздикъ, сорванныхъ имъ въ саду моего пріятеля. Огурецъ появился наконецъ со связкой калачиковъ въ рукѣ; появился, весь красный и потный, съ выраженіемъ радостнаго удивленія на лицѣ, какъ будто онъ только-что увидалъ нѣчто чрезвычайно пріятное и для него неожиданное. Онъ тотчасъ предложилъ бригадиру откушать калачика — и тотъ откушалъ. Мы отправились далѣе.

X.

Въ силу выпитой водки, Огурца совершенно, какъ говорится, «разлимонило». Онъ принялся утѣшать бригадира, который продолжалъ спѣшить впередъ, пошатываясь, какъ на деревяшкахъ. «Что вы, батюшка баринъ, не веселы, носъ повѣсили? Позвольте, я вамъ пѣсенку спою. Сейчасъ всякое удовольствіе получите.—

Вы не извольте сумлѣваться, обратился онъ ко мнѣ; баринъ у насъ пресмѣшливый—и Боже ты мой!—Вчерась я гляжу: баба на плоту портки моетъ—да толстая же и попалась баба—а они сзаду стоятъ—да отъ смѣху такъ и киснутъ, ей Богу!—Вотъ позвольте сейчасъ: про зайца пѣсню знаете? Вы не глядите на меня, что я не взраченъ есть; у насъ тутъ въ городѣ цыганка живетъ: рыло-рыломъ—а запоетъ: гробъ! Ложись да помирай!» Онъ широко раскрылъ свои мокрыя, красныя губы и запѣлъ, загнувъ голову на̀-бокъ, закрывъ глаза и потряхивая бородкой:

Лежитъ заяцъ подъ кустомъ;
Ѣздятъ охотнички по пустѡмъ...
Лежитъ заяцъ, еле дышетъ—
Между тѣмъ онъ ухомъ слышитъ—
Смерти ждетъ!

Чѣмъ вамъ, охотнички, я досадилъ?
Иль какую бѣдушку учинилъ?
Я въ капустахъ хоть бываю,
По одномъ листу съѣдаю—
И то не у васъ!
Да-съ!!

Огурецъ все болѣе задавалъ форсу:

Скакнулъ заяцъ въ темный лѣсъ—
И охотничкамъ фостъ поднѣсъ.
Вы, охотнички, простите,
На мой фостикъ поглядите—
Я не вашъ!

Огурецъ уже не пѣлъ... Онъ оралъ.

Ѣздили охотники до су-тáкъ...
Разбирали заячій па-сту-пáкъ...
Межъ собой все толковали
И другъ дружку обругали:
Заяцъ-то не нашъ!
Косой обманулъ!!

Первые два стиха каждаго куплета Огурецъ пѣлъ протяжнымъ голосомъ—остальные три напротивъ очень живо, при чемъ щеголевато подпрыгивалъ и переступалъ ногами; по окончаніи же куплета откалывалъ «колѣно», т. е. ударялъ самого себя пят-

ками. Воскликнувъ во все горло: «Косой обманулъ!» онъ перекувернулся.—Ожиданія его оправдались. Бригадиръ вдругъ залился тонкимъ слезливымъ хохотомъ, да такъ усердно, что дальше идти не могъ—и слегка присѣлъ, безсильно похлопывая руками по колѣнкамъ. Я глядѣлъ на его побагровѣвшее, судорожно-искривленное лицо, и очень мнѣ жаль его стало—именно въ это мгновенье. Воодушевленный успѣхомъ, Огурецъ пустился въ присядку, безпрестанно приговоривая: «шилды-будылды да начики-чикалды!»... Онъ ткнулся наконецъ носомъ въ пыль... Бригадиръ внезапно пересталъ хохотать и заковылялъ дальше.

XI.

Мы прошли еще съ четверть версты.—Показалась маленькая деревушка на краю неглубокаго оврага; въ сторонѣ виднѣлся «флигелекъ» съ полуразметанной крышей и одинокой трубой: въ одной изъ двухъ комнатъ этаго флигелька помѣщался бригадиръ. Владѣтельница деревушки, постоянная обитательница Петербурга, статская совѣтница Ломова, отвела—какъ я узналъ въ послѣдствіи—этотъ уголокъ бригадиру. Она велѣла выдавать ему мѣсячину, а также приставить къ нему для услуженія проживавшую въ той же деревнѣ дурочку изъ дворовыхъ, которая, хотя и плохо понимала человѣческую рѣчь, однако могла, по мнѣнію совѣтницы, и полъ подмести и щи сварить. На порогѣ флигелька бригадиръ снова обратился ко мнѣ съ прежней екатерининской улыбкой: не угодно ли-молъ мнѣ пожаловать въ его апартàментъ? Вошли мы въ этотъ «апартàментъ». Все въ немъ было до крайности грязно и бѣдно, такъ грязно и такъ бѣдно, что бригадиръ, вѣроятно, замѣтивъ, по выраженію моего лица, какое впечатлѣніе произвело на меня его жилище, промолвилъ, пожавъ плечами и прищурившись: «се-не-пà... òль-де-пердри...» Чтò собственно хотѣлъ онъ этимъ сказать—осталось мнѣ не совсѣмъ яснымъ... Заговоривъ съ нимъ по-французски, я не получилъ отвѣта на этомъ языкѣ. Два предмета особенно поразили меня въ жилищѣ бригадира: во-первыхъ, большой офицерскій георгіевскій крестъ въ черной рамкѣ, подъ стекломъ, съ надписью стариннымъ почеркомъ: «получонъ полковникомъ Черниговскаго Дерфельдéна полка Василіемъ Гуськовымъ за штурмъ Праги въ 1794 году;» а во-вторыхъ—поясной масленый портретъ красивой черноглазой

женщины съ продолговатымъ и смуглымъ лицомъ, высоко-взбитыми и напудренными волосами, съ мушками на вискахъ и подбородкѣ, въ пестромъ вырѣзномъ робъ-ронѣ, съ голубыми оборками, эпохи восьмидесятыхъ годовъ. Портретъ былъ плохо написанъ—но навѣрное очень схожъ: чѣмъ-то слишкомъ жизненнымъ и несомнѣннымъ вѣяло отъ этого лица. Оно не глядѣло на зрителя, какъ бы отворачивалось отъ него и не улыбалось; въ горбинѣ узкаго носа, въ правильныхъ, но плоскихъ губахъ, въ почти прямой чертѣ густыхъ, сдвинутыхъ бровей, сказывался повелительный, надменный, вспыльчивый нравъ. Не нужно было особаго усилія, чтобы представить себѣ, какъ это лицо могло внезапно загораться страстію или гнѣвомъ. Подъ самымъ портретомъ, на небольшой тумбочкѣ, стоялъ полузавядшій букетъ простыхъ полевыхъ цвѣтовъ въ толстой стеклянной банкѣ. Бригадиръ приблизился къ тумбочкѣ, воткнулъ въ банку принесенныя имъ гвоздики—и обернувшись ко мнѣ и поднявъ руку въ направленіи портрета, промолвилъ: «Агриппина Ивановна Телѣгина, Ломова урожденная».—Слова Наркиза пришли мнѣ на память: я съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на выразительное и недоброе лицо женщины, изъ-за которой бригадиръ всего состоянія лишился.

— Вы, я вижу, присутствовали при штурмѣ Праги, господинъ бригадиръ, началъ я, указывая на георгіевскій крестъ—и удостоились получить знакъ отличія, во всякое время рѣдкій—а тогда подавно; вы, стало-быть, помните Суворова?

— Александра Васильича-то?—отвѣчалъ бригадиръ, помолчавъ немного и какъ бы собираясь съ мыслями;—какъ же, помню, маленькій былъ, живой старичокъ.—Ты стоишь, не чукнешь — а онъ туды-сюды. — Бригадиръ захохоталъ. — Въ Варшаву-то на казачьей лошади въѣхалъ; самъ весь въ браліантахъ, а полякамъ говоритъ: нѣту у меня часовъ, въ Питерѣ забылъ, нѣту, нѣту! а они-то: виватъ! виватъ! — Чудаки! — Эй! Огурецъ! Малый! прибавилъ онъ вдругъ, перемѣнивъ и возвысивъ голосъ: (балагуръ-дьячокъ оставался за дверью)—Гдѣ-жъ,—калачики-то? Да Грунькѣ скажи — какъ бы кваску?

— Сейчасъ, батюшка баринъ, послышался голосъ Огурца. Онъ вручилъ бригадиру связку ситничковъ—и выйдя изъ флигелька, подошелъ къ какому-то взъерошенному существу въ лохмотьяхъ,—должно быть, самой той дурочкѣ Грунькѣ—и сколько я могъ разобрать сквозь запыленное окошко, началъ требовать отъ нея «кваску»—ибо нѣсколько разъ сряду приставлялъ одну руку воронкой ко рту — а другою махалъ въ нашу сторону.

XII.

Я снова попытался вступить въ бесѣду съ бригадиромъ; но онъ видимо усталъ, опустился, кряхтя, на лежанку, и простонавъ: «ой, ой, косточки, косточки», развязалъ свои подвязки. Помнится, меня тогда удивило, какъ это у мужчины могли быть подвязки? Я не сообразилъ, что въ прежнее время всѣ ихъ носили. Бригадиръ принялся зѣвать продолжительно и откровенно, не спуская съ меня отупѣлыхъ глазъ; такъ зѣваютъ очень маленькія дѣти. Бѣдный старикъ, казалось, не совсѣмъ даже понималъ мои вопросы... И онъ бралъ Прагу! Онъ, со шпагой на-голо́, въ дыму, въ пыли — въ челѣ суворовскихъ солдатъ, прострѣленное знамя надъ головой, обезображенные трупы подъ ногами... Онъ... онъ?! Не удивительно ли?—Но мнѣ все-таки сдавалось, что въ жизни бригадира происходили событія еще болѣе необыкновенныя. Огурецъ принесъ бѣлаго квасу въ желѣзномъ ковшикѣ; бригадиръ напился съ жадностью—руки его тряслись—Огурецъ поддерживалъ дно ковшика. Старикъ старательно отеръ свой беззубый ротъ обѣими ладонями—и снова уставившись на меня, зажевалъ и зачмокалъ губами. Я понялъ въ чемъ дѣло, раскланялся и вышелъ изъ комнаты.—Теперь почивать будутъ, замѣтилъ Огурецъ, выступая за мною. Очень ужъ уморились сегодня—на могилку съ утра ходили.

— На чью могилку?

— А къ Аграфенѣ Ивановнѣ на поклоненіе.—Онѣ тутъ у насъ въ приходскомъ кладбищѣ похоронены; верстъ отсюда пять будетъ. Василій Ѳомичъ каждую недѣлю безпремѣнно къ нимъ ходятъ. Да онъ же ихъ и похоронилъ и ограду поставилъ на свой коштъ.

— А давно она скончалась?

— Да лѣтъ — почитай — съ двадцать.

— Она ему пріятельницей была, что̀-ли?

— Всю жисть, какъ есть, съ ними провели — помилуйте.— Самъ я барыни той, признаться, не знавалъ, — а, говорятъ, промежъ ихъ дѣла были... нину!—Господинъ, поспѣшно прибавилъ дьячокъ, видя что я отвернулся, не соблаговолите-ли, не пожалуете-ли «ощѣ» на шкаликъ—а то̀ мнѣ пора въ пуньку [1])—да подъ шептуху [2]).

---

[1]) Клѣть.

[2]) Одѣяло изъ грубаго сукна.

Я не почелъ за нужное распрашивать Огурца — далъ ему еще двугривенный — и отправился домой.

XIII.

Дома я обратился за свѣдѣніями къ Наркизу. — Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, поломался немного, поважничалъ, выразилъ свое удивленіе, что меня такіе пустяки «антересовать» могутъ — и наконецъ разсказалъ, что̀ зналъ. Я услышалъ слѣдующее:

Василій Ѳомичъ Гуськовъ познакомился съ Аграфеной Ивановной Телѣгиной въ Москвѣ, вскорѣ послѣ польскаго погрома; мужъ ея служилъ при генералъ-губернаторѣ — а Василій Ѳомичъ находился въ отпуску. — Онъ тогда въ нее влюбился — но въ отставку не выходилъ: человѣкъ онъ былъ одинокій, лѣтъ сорока, съ состояніемъ. Мужъ ея вскорѣ умеръ. — Она осталась послѣ него бездѣтной, въ бѣдности, въ долгахъ... Василій Ѳомичъ узналъ объ ея положеніи, бросилъ службу — (ему дали при отставкѣ бригадирскій чинъ) — и отыскалъ свою любезную вдовушку, которой всего двадцать-пятый годъ пошолъ — заплатилъ всѣ ея долги, выкупилъ имѣніе... Съ тѣхъ поръ онъ уже съ нею не разставался — и кончилъ тѣмъ, что поселился у нея. — Она тоже словно полюбила его — но выдти за него за-мужъ не хотѣла. — «Блажна̀я была покойница», замѣтилъ при этомъ Наркизъ; «мнѣ, говоритъ, своя воля дороже всего.» — А пользоваться имъ — она пользовалась — «во всѣхъ частяхъ» — и деньги какія у него были, онъ всѣ къ ней тащилъ, какъ «муравей.» Но блажь Аграфены Ивановны принимала иногда размѣры необычайные: нраву она была неукротимаго и на-руку дерзка̀. — Однажды она съ лѣстницы своего казачка столкнула — а тотъ возьми да переломи себѣ два ребра да ногу... Аграфена Ивановна испугалась — тотчасъ велѣла запереть казачка въ чуланъ, и до тѣхъ поръ сама оттуда не выходила и ключъ отъ чулана никому не отдала, пока не прекратились въ немъ стенанья.... Казачка тайкомъ похоронили. — «И будь это при императрицѣ Екатеринѣ», прибавилъ шопотомъ, пригнувшись, Наркизъ — «можетъ и такъ бы дѣло обошлось, много такихъ дѣло̀въ тогда осталось подъ спудомъ — а то — и тутъ Наркизъ выпрямился и возвысилъ голосъ — «воцарился» тогда справедливый государь Але-

ксандръ Благословенный—ну и завязалось дѣло.... Пріѣхалъ судъ, отрыли тѣло — оказались боевые знаки... пошолъ дымъ коромысломъ. И какъ же вы полагаете? Василій Ѳомичъ всё на себя взялъ. — Я-молъ причиной, я толкнулъ да я же и заперъ.—Ну, разумѣется, сейчасъ, всѣ судьи тамъ, приказные, полицейскіе— на него да на него, и до тѣхъ поръ, доложу вамъ — его трепали, пока послѣдній грошъ изъ мошны не выскочилъ. Нѣтъ, нѣтъ— да опять за-воротъ. — До самаго француза — вотъ какъ французъ къ намъ въ Расею приходилъ — всё трепали; тогда только бросили. Ну а Аграфену Ивановну онъ обезпечилъ — точно; онъ её спасъ — такъ сказать надо. Ну и послѣ до самой ея кончины онъ у ней жилъ — и сказываютъ, помыкàла же она имъ — бригадиромъ-то — зря; пѣшкомъ изъ Москвы въ деревню посылала, ей-богу — за-оброкомъ, значитъ. — Онъ изъ-за нея, изъ-за самоё тоё Аграфены Ивановны съ англійскимъ милордомъ Гузѣ-Гузомъ на «шпантонахъ» дрался; и англійскій милордъ должòнъ былъ произнести извинительный комплиментъ. Такъ вотъ онъ, бригадиръ-то, съ тѣхъ мѣстъ и скопытился. — Ну а теперь ужъ онъ — конечно — не въ числѣ человѣковъ.»

— Кто этотъ Алексѣй Иванычъ жидъ, спросилъ я, черезъ кого онъ разорился?

— А братецъ Аграфены Ивановны. Алчная была душа, ужъ точно жидовская. Сестрѣ въ ростъ деньги отдавалъ—а Василій Ѳомичъ поручителемъ. Поплатился тоже... лихо!

— А Ѳеодулія Ивановна грабительница? Это — кто была?

— Тоже сестрица — и ловкая тоже. — Копьё, чтò называется... бѣдовая!

XIV.

«Вотъ гдѣ проявился Вертеръ!» — думалъ я на слѣдующій день, снова направляясь къ жилищу бригадира. Я былъ тогда очень молодъ — и быть можетъ, именно потому и считалъ своей обязанностью — не вѣрить въ продолжительность любви. Всё же я былъ поражёнъ и нѣсколько озадаченъ слышаннымъ мною разсказомъ — и ужасно мнѣ захотѣлось расшевелить старика, заставить его разговориться. — «Сперва упомяну опять о Суворовѣ» — такъ разсуждалъ я съ самимъ собою — «должна же въ нёмъ таиться хоть искра прежняго огня... а потомъ, когда онъ

разогрѣется, наведу рѣчь на эту... какъ бишь её? — Аграфену Ивановну. Странное имя для «Шарлотты» — Аграфена!»

Я засталъ Вертера-Гуськова посреди крохотнаго огородца, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ флигелька, возлѣ стараго, крапивой поросшаго сруба никогда не выведенной избы. По заплеснѣвшимъ верхнимъ брёвнамъ этого сруба съ пискомъ пробирались, безпрестанно скользя и хлопая крыльями, щедушныя индюшата. На двухъ-трехъ грядахъ росла коё-какая убогая зелень. Бригадиръ только-что вытащилъ изъ земли молодую морковь — и продёрнувъ её у себя подъ мышкой, — «для очищенія» — принялся жевать ея тонкій хвостикъ. — Я поклонился ему и освѣдомился объ его здоровьи.

Онъ очевидно не узналъ меня, хотя и отдалъ мнѣ мой поклонъ — т. е. прикоснулся рукой къ картузу, не переставая однако жевать морковь.

— Сегодня вы не пришли ловить рыбу? началъ я, въ надеждѣ напомнить ему мою фигуру этимъ вопросомъ.

— Сегодня? повторилъ онъ — и задумался... а морковь воткнутая въ его ротъ всё сокращалась да сокращалась. — Да вѣдь это Огурецъ ловитъ рыбу! — А мнѣ тоже — позволяютъ.

— Конечно, конечно, почтеннѣйшій Василій Ѳомичъ... Я не съ тѣмъ... Но вамъ не жарко — этакъ, на солнцѣ? — На бригадирѣ былъ толстый ваточный халатъ.

— А? Жарко? повторилъ онъ опять, какъ бы недоумѣвая — и окончательно проглотивъ морковь, разсѣянно посмотрѣлъ вверхъ.

— Не угодно-ли пожаловать въ мой апартàментъ? заговорилъ онъ внезапно. У бѣднаго старика, видно, одна только эта фраза и осталась въ распоряженіи.

Мы вышли изъ огорода... но тутъ я невольно остановился. Между нами и флигелемъ стоялъ огромный быкъ. — Склонивъ голову до самой земли, злобно поводя глазами — онъ тяжко и сильно фыркалъ — и быстро сгибая одну переднюю ногу, высоко взбрасывалъ пыль своимъ широкимъ раздвоеннымъ копытомъ, билъ хвостомъ себѣ по бокамъ — и вдругъ немного пятился, упорно трясъ мохнатой шеей — и мычалъ — не громко, жалобно, и грозно. Я, признаюсь, смутился — но Василій Ѳомичъ преспокойно выступилъ впередъ — и проговоривъ строгимъ голосомъ: «Ну ты, деревеньщина», махнулъ платкомъ. Быкъ еще попятился, склонилъ рога, — и вдругъ бросился въ сторону и побѣжалъ, мотая головой на-право и на лѣво.

— А онъ, точно, бралъ Прагу — подумалъ я.

Мы вошли въ комнату. Бригадиръ стащилъ картузъ со вспо-

тѣвшихъ волосъ, выкликнулъ: фа!—прикорнулъ на край стула—и понурился...

— Я зашолъ къ вамъ, Василій Ѳомичъ, началъ я свои дипломатическіе апроши, собственно за тѣмъ, что такъ-какъ вы служили подъ начальствомъ великаго Суворова—и вообще участвовали въ такихъ важныхъ событіяхъ—то для меня было бы весьма интересно знать подробности...

Бригадиръ уставился на меня. — Лицо его странно оживилось—я уже ожидалъ—если не разсказа—то по крайней мѣрѣ одобрительнаго, сочувственнаго слова...

— А я, господинъ, должно̀, скоро умру, проговорилъ онъ въ полъ-голоса.—Я пришолъ въ тупикъ.—Какъ, Василій Ѳомичъ, вымолвилъ я наконецъ.—Почему же вы... это полагаете?

Бригадиръ внезапно задергалъ руками — вверхъ; внизъ — опять-таки по ребячьи.

— А потому, господинъ... Я... вы, можетъ, знаете... Агриппину Ивановну покойницу — царство ей небесное! — часто во снѣ вижу—и никакъ я её поймать не могу; всё гоняюсь за нею—а не поймаю. А въ прошлую ночь—вижу я—стоитъ она этакъ будто передо мной въ полъ-оборота и смѣется... Я тотчасъ же къ ней побѣгъ—и поймалъ.—И она будто обернулась вовсе и говоритъ мнѣ: ну, Васинька, теперь ты меня поймалъ.

— Что же вы изъ этого заключаете, Василій Ѳомичъ?

— А то̀, господинъ, заключаю: стало, вмѣстѣ намъ быть. Да и слава Богу, доложу вамъ; слава Господу Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу—(бригадиръ запѣлъ): и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь!

Бригадиръ началъ креститься.—Больше я ничего отъ него добиться не могъ—и такъ и ушолъ.

XV.

На слѣдующій день мой пріятель пріѣхалъ. — Я упомянулъ ему о бригадирѣ, о моихъ посѣщеніяхъ... Ахъ да! какъ же! я его исторію знаю, отвѣчалъ мой пріятель; я и со статской совѣтницей Ломовой хорошо знако̀мъ, по милости которой онъ тутъ пріютился. Да постой, у меня, кажется, здѣсь должно письмо его храниться, къ ней самой статской совѣтницѣ; она ему въ силу этого письма и уголокъ отвела.—Пріятель мой порылся въ сво-

ихъ бумагахъ и дѣйствительно нашолъ письмо бригадира.—Вотъ оно отъ слова до слова, за исключеніемъ орѳографическихъ ошибокъ.—Бригадиръ, какъ всѣ люди тогдашней эпохи, путался въ буквахъ «е» и «ѣ»—писалъ: хкому, штопъ, слюдми и т. д.—Сохранить эти ошибки не предстояло надобности: письмо его и безъ того носитъ отпечатокъ своёго времени.

Милостивая государыня!

Раиса Павловна!

По кончинѣ друга моего а вашей тетушки имѣлъ я счастіе писать къ вамъ два письма, первое іюня отъ перваго, второе же іюля отъ шестаго числъ, 1815 года—а она скончалась шестаго мая тогожъ года; въ нихъ былъ я вамъ открытъ въ чувствахъ души и сердца моего, которыя стѣснены были убивственнымъ оскорбленіемъ и изображали въ полномъ видѣ ожесточенное мое и жалости достойное отчаяніе; оба письма посланы по коронной почтѣ страховыми, а по сему и не можно усумниться, чтобъ они не были вами прочтены. Чрезъ откровенность мою въ нихъ я надѣялся получить ваше благодѣтельное ко мнѣ вниманіе; но сострадательныя ваши чувства отдалены были отъ меня горькаго! Оставшись же послѣ единственнаго друга, Агриппины Ивановны, въ самомъ разстроенномъ и бѣдственномъ состояніи, я только и полагалъ по словамъ ея всю мою надежду на ваше благоутробіе; она, чувствуя уже кончину жизни своей, сказала мнѣ именно сама, яко бы надгробными и мнѣ вѣчно памятными словами: «другъ мой, я твоя змѣя и виновница всего твоего несчастія, я чувствую, сколько много ты мнѣ жертвовалъ и за то оставляю тебя въ злополучномъ и воистину обнаженномъ положеніи; по смерти моей прибѣгни ты къ Раисѣ Павловнѣ»—то есть къ вамъ—«и проси у ней помощи, взывай! Она имѣетъ душу чувствительную, и въ ней я увѣрена, что она тебя сироту не оставитъ».—Милостивая государыня, примите во свидѣтельство всевышняго Создателя міра, что это ея слова, и я говорю ея языкомъ; а посему утвердясь въ добродѣтели вашей, къ первой къ вамъ отнесся съ чистосердечными и откровенными моими письмами; но по долговременномъ ожиданіи не получа на нихъ отвѣта, иначе не мыслилъ, что добродѣтельное ваше сердце оставило меня безъ вниманія! Таковое неблагорасположеніе ваше ко мнѣ въ вящшее меня ввергло отчаяніе—кудыжъ и къ кому было мнѣ безталанному прибѣгнуть—

я не зналъ; разсудокъ былъ потерянъ, духъ блуждалъ — наконецъ, къ совершенной уже моей погибели Провидѣнію угодно было еще жесточайшимъ образомъ меня наказать и обратить мои мысли къ покойницѣ же, вашей же тетушкѣ, Ѳеодуліи Ивановнѣ, Агриппины Ивановны сестрѣ единоутробной, но не единосердной! Представя самому себѣ въ воображеніи то, что уже двадцать лѣтъ былъ я преданъ всему родственному Ломовскому вашему дому — особливо же Ѳеодуліи Ивановнѣ, которая иначе не называла Агриппину Ивановну, какъ «сердечный мой дружечикъ», а меня «препочтенный радѣтель нашего семейства»,—представя все сіе въ обильной воздыханіями и слезами тишинѣ скорбныхъ ночныхъ бдѣній, я подумалъ: ну! такъ видно тому и быть! — и обратившись къ оной Ѳеодуліи Ивановнѣ съ моими письмами, получилъ точное удостовѣреніе, что послѣднюю кроху со мной раздѣлятъ! Бывъ симъ обѣщаньемъ обнадеженъ, собралъ убогіе свои остатки, и поѣхалъ къ Ѳеодуліи Ивановнѣ! Привезенные мною гостинцы, болѣе какъ на пять сотъ рублей, были приняты съ отмѣннымъ удовольствіемъ; а потомъ и деньги, которыя я привезъ для содержанія себя, Ѳеодуліи Ивановнѣ угодно было, подъ видомъ сохраненія, взять въ свое вѣдѣніе; чему, угождая ей, я не противился. Если же вы спросите меня: отколѣ и въ силу чего таковое довѣріе я возымѣлъ; на сіе, сударыня, одинъ отвѣтъ: Агриппинѣ Ивановнѣ сестра и Ломовскаго семейства вѣтвь!! — Но увы и ахъ! денегъ сихъ я всѣхъ въ скорости лишился; и надежда моя, которую я полагалъ на Ѳеодулію Ивановну — что̀ хотѣла послѣднюю кроху со мною раздѣлить, оказалась тщетной и суетной; напротивъ, оная Ѳеодулія Ивановна моимъ же добромъ себя угостила. А именно, въ день ея ангела, пятаго февраля, я ей зеленой французской матеріи на пятьдесятъ рублей, по пяти рублей аршинъ, преподнесъ; самъ же изъ обѣщаннаго получилъ: бѣлаго пикѐ на жилетъ на пять рублей, да кисейный на шею платокъ, которые подарки при мнѣ же были куплены и, какъ мнѣ извѣстно, изъ моихъ же денегъ—и вотъ все, чѣмъ я, по благодѣянію Ѳеодуліи Ивановны ко мнѣ, воспользовался! Вотъ оная послѣдняя кроха! И я бы могъ далѣе въ самой истинѣ обнаружить всѣ недоброжелательные Ѳеодуліи Ивановны со мной поступки — а также и мои, всяческую мѣру превосходящіе депансы, какъ-то, между прочимъ, на конфекты и фрукты, которые Ѳеодулія Ивановна была великая охотница кушать; — но все сіе умалчиваю для того, дабы вы таковое объясненіе объ умершей не отнесли въ дурную сторону; и притомъ, такъ какъ Богъ призвалъ ее къ себѣ на судъ — и все, что я отъ нея претер-

пѣлъ изъ сердца моего истребилось—то я ей, какъ христіанинъ, простилъ давно и умоляю Бога, чтобы Онъ ей простилъ!!

Но, милостивая государыня Раиса Павловна! Неужелижъ вы обвините меня за то, что я былъ вѣрнымъ и неложнымъ другомъ вашего семейства, и за то, что такъ много и непреоборимо любилъ Агриппину Ивановну, жертвовалъ ей моей жизнью, моей честью и всѣмъ моимъ состояньемъ! былъ въ совершенной ея власти, и потому не могъ уже управлять ни самимъ собою, ни моей собственностью—а распоряжалась она по своей волѣ какъ мною, такъ и моимъ состояньемъ! Вамъ извѣстно̀ и то̀, что по дѣлу ея съ людьми ея я терплю *невинно* убивственное оскорбленіе—дѣло сіе я перенесъ послѣ смерти ея въ сенатъ, въ шестый департаментъ—оно еще теперь не рѣшено—по которому сдѣлали меня соучастникомъ съ нею, отдали въ опеку, и все еще судятъ уголовнымъ судомъ! Въ моемъ званіи, въ мои лѣта, таковое безчестіе несноcно мнѣ; и остается мнѣ только симъ горестнымъ размышленіемъ ублажать свое сердце, что, слѣдовательно, и по смерти Агриппины Ивановны я страдаю за нее—и сіе означаетъ слѣды неизмѣнной любви и добродѣтельной благодарности моей къ ней!

Въ упоминаемыхъ моихъ къ вамъ письмахъ я доводилъ до свѣдѣнія вашего о похоронахъ Агриппины Ивановны со всею подробностью—и какое было по ней поминовеніе; дружба и любовь моя къ ней по состоянію ничего не щадили! На все сіе—и съ сорокоустами и за шесть недѣль за чтеніе по ней псалтыри—(сверхъ того, пятьдесятъ рублей ассигнаціями мои пропали, кои даны въ задатокъ за камень, о которомъ я васъ увѣдомилъ) — на все сіе издержано собственныхъ моихъ денегъ семьсотъ пятьдесятъ рублей ассигнаціями—въ числѣ которыхъ и взнесенные за мѣсто вкладу въ церковь полтораста рублей ассигнаціями-жъ!

Благотворная душа твоя, внемли гласу отчаяннаго и вверженнаго въ пропасть жесточайшихъ мученіевъ! Одно состраданіе твое къ человѣколюбію можетъ возвратить жизнь погибшаго!! Я хотя и живъ—но въ страданіи души и сердца моего мертвъ; мертвъ, когда вспомню, чѣмъ былъ, и что̀ есмь: былъ воиномъ и отечеству всею правдою служилъ и прямилъ, какъ истому россіянину и вѣрному подданному несомнѣнно надлежитъ—и отмѣнными знаками награждаемъ былъ,—и состояніе сообразное съ рожденьемъ и званіемъ имѣлъ; а нынѣ изъ за насущнаго хлѣбо-питанія горбомъ хребетъ сгибаю; мертвъ же особенно я есмь, когда вспомню, какого друга лишился... и на что̀ мнѣ жизнь послѣ сего? Но предѣла своего не ускоришь, и земля

не разступится, а скорѣе того въ камень обратится! А потому взываю къ тебѣ, душа добродѣтельная, утиши молву народную, не дай себя въ общее осужденіе, что за таковую мою безграничную преданность я пристанища себѣ не имѣю, удиви милостію твоею ко мнѣ, обрати языкъ злобствующихъ и завидующихъ къ прославленію твоихъ достоинствъ—и осмѣлюсь со всяческимъ смиреніемъ присовокупить, утѣшь въ гробѣ дражайшую тетку твою, незабвенную Агриппину Ивановну, которая за твою благопоспѣшную помощь, моими грѣшными молитвами, простретъ надъ главою твоею свои благословящія длани, успокой на закатѣ дней одинокого старца, который не такую могъ ожидать себѣ участь!—А впрочемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю счастье назваться вашимъ, милостивая государыня,

преданнѣйшимъ слугою

Василій Гуськовъ

бригадиръ и кавалеръ.

XVI.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я снова посѣтилъ деревушку моего пріятеля... Василія Ѳомича уже давно въ живыхъ не было: онъ скончался вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ. Огурецъ все еще здравствовалъ. Онъ свелъ меня на могилку Аграфены Ивановны.—Желѣзная ограда окружала большую плиту съ подробной и пышной эпитафіей покойницы; а тутъ же, рядомъ, и какъ бы у ногъ ея виднѣлся небольшой холмикъ съ покривившимся крестомъ: рабъ Божій, бригаридъ и кавалеръ Василій Гуськовъ покоился подъ этимъ холмикомъ... Прахъ его пріютился, наконецъ, возлѣ праха того существа, которое онъ любилъ такой безграничной, почти безсмертной любовью.

Ив. Тургеневъ.

ПОСЛѢДНЯЯ СУДЬБА
ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ
ВЪ РОССІИ.

(1845—1867 гг.)

Перерывъ дипломатическихъ сношеній съ Римомъ, нота канцлера, 7-го января 1867 г., нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, съ приложеніемъ къ ней подробной исторической записки о сношеніяхъ съ папою, аллокуція Пія IX-го, 29 октября 1866 года, обвинительная его записка противъ Россіи съ приложеніемъ сборника изъ ста документовъ, изданная въ Римѣ и разосланная по всѣмъ европейскимъ державамъ [1],—это не простые памятники дипломатической переписки, но важныя историческія происшествія, возбудившія всеобщее у насъ вниманіе.

Неясныя извѣстія о нашихъ дипломатическихъ несогласіяхъ съ Римомъ, о непріятномъ столкновеніи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ съ самимъ папою, доходившія до насъ большею частію изъ иностранныхъ газетъ, которымъ мы привыкли такъ мало вѣрить, когда онѣ заводятъ рѣчь о Россіи,—переходили во всѣ

---

[1]) Esposizione documentata sulle costanti cure del sommo pontifice Pio IX a riparo dei mali che soffre la chiesa cattolica nei dominii di Russia e Polonia. Roma 1866. Записка на 55 стр., и 100 докум. 313 стр.

слои общества и возбуждали пытливое и зоркое вниманіе. Указъ, 25 ноября 1866 года, объ уничтоженіи силы конкордата, заключеннаго нашимъ правительствомъ съ римскимъ дворомъ, въ 1847 г., убѣдилъ всѣхъ, что разрывъ между Россіею, представительницею въ политическомъ отношеніи вселенскаго православія, и Римомъ, принадлежитъ къ числу совершившихся явленій,—и успокоилъ напряженное вниманіе. Совершилось важное историческое событіе: двусмысленныя отношенія прерваны, и прерваны не по нашей винѣ; самъ Римъ пособилъ намъ высказаться передъ всѣми въ истинномъ смыслѣ, согласномъ съ тысячелѣтними преданіями нашей исторіи, сохранившими живую свѣжесть и въ настоящемъ. Наши отношенія къ Риму не были для русскаго народа дѣломъ чуждымъ и неизвѣстнымъ, случайнымъ явленіемъ, въ которомъ должна была принять участіе наша дипломатія, только увлеченная общимъ ходомъ жизни европейскихъ государствъ; напротивъ, это его собственное, кровное дѣло. Русскій народъ, съ первыхъ дней своего историческаго существованія, защищалъ свою народную и государственную самостоятельность и вселенскую церковь отъ двухъ враговъ: съ одной стороны, отъ азіатскаго варварства и магометанства, грозившаго нѣкогда порабощеніемъ всей Европѣ, съ другой—отъ латинскаго запада. Въ этой послѣдней борьбѣ зачинщикомъ и руководителемъ былъ постоянно — Римъ. Такое значеніе вопроса естественно возбуждало любопытство, узнать подробно ближайшіе поводы и обстоятельства, побудившія къ прекращенію нашихъ сношеній съ римскимъ дворомъ. Но указъ объ отмѣнѣ конкордата появился — «безъ изложенія причинъ и соображеній, побудившихъ русское правительство принять эту мѣру, сказано въ нотѣ 7-го января. Умалчивая объ этихъ причинахъ и соображеніяхъ, императорское правительство руководилось желаніемъ оказать вниманіе папскому правительству; но это послѣднее не отвѣтило ему тѣмъ-же.» Сдѣлавъ дѣло, оно предоставляло исторіи произнесть надъ нимъ свой приговоръ; но папское правительство, въ запискѣ кардинала Антонелли, 30 января 1865 г., говорило: «Святѣйшій отецъ надѣется, что императоръ не поставитъ его въ необходимость заявить предъ цѣлымъ свѣтомъ о рядѣ угнетеній, какія претерпѣваетъ католическая церковь въ россійской имперіи и царствѣ польскомъ». На эту странную угрозу—нашимъ правительствомъ былъ данъ слѣдующій отвѣтъ: «Нашъ августѣйшій монархъ не питаетъ въ душѣ ни малѣйшаго желанія воздвигнуть гоненіе на католическую церковь. Мы совершенно спокойно будемъ ожидать исполненія угрозы, которая высказывается въ заявленіяхъ кардинала Антонелли». Въ объясненіе этихъ словъ нашъ канцлеръ

заявилъ — «что императорскій кабинетъ имѣлъ весьма достаточное основаніе не страшиться суда общественнаго мнѣнія, и что, отмѣнивъ конкордатъ, послѣ того, какъ были истощены всѣ усилія, направленныя къ тому, чтобы устроить примиреніе, онъ принялъ послѣдствія положенія, созданнаго римскимъ дворомъ, который и несетъ на себѣ отвѣтственность за него.»

Римъ привелъ въ исполненіе свою угрозу, обнародовавъ обширное изложеніе, отъ 15 ноября 1866 г., тѣхъ мнимыхъ гоненій, которыя будто бы претерпѣваетъ латинская церковь въ предѣлахъ русской имперіи и царства польскаго, съ приложеніемъ подлинныхъ актовъ дипломатической переписки съ нашимъ дворомъ. Не въ первый разъ такъ поступаетъ папское правительство. Послѣ присоединенія уніатовъ къ православной церкви, папа Григорій XVI, въ аллокуціи 1842 г. іюля 22-го, говорилъ: «Особенно огорчила насъ клевета, разсѣеваемая врагами церкви, что мы, несмотря на свои священныя обязанности, не заботимся о католической церкви въ предѣлахъ русскаго государства.» Чтобы отклонить это нареканіе, — говоритъ далѣе папа — «мы приказали составить подробное изложеніе нашихъ стараній въ пользу католической церкви, и обнародовать, чтобы все христіанство знало, что мы пребывали вѣрными своему призванію». Дѣйствительно, вмѣстѣ съ этою аллокуціею, была обнародована подробная записка, составленная въ папской государственной канцеляріи, съ приложеніемъ 90 подлинныхъ документовъ дипломатической переписки съ нашимъ правительствомъ [1]). Эта записка осталась безъ отвѣта со стороны нашего правительства. Вѣроятно, римскій дворъ разсчитывалъ, что ту же судьбу испытаютъ и вновь обнародованные имъ документы; но онъ ошибся въ разсчетѣ, и подробная записка князя Горчакова, приложенная къ нотѣ 7-го января, представила въ настоящемъ видѣ весь рядъ переговоровъ нашихъ съ Римомъ. Обнародованные таким образомъ документы даютъ намъ возможность обозрѣть наши отношенія къ Риму за послѣднія слишкомъ двадцать лѣтъ.

Но прежде, нежели обратимся къ подробному разсмотрѣнію ихъ содержанія, не можемъ не обратить вниманія на различіе двухъ параллельныхъ между собою документовъ, получающихъ важное историческое значеніе: *изложеніе* папскаго статсъ-секретаря и *записка* нашего канцлера. *Спокойно* ожидало наше правительство исполненія папской угрозы, заявить передъ цѣлымъ

---

[1]) Галль-Морелль, Allocution Sr. Heilig. Gregor XVI, gehalten 22 Jul. 1842 г., mit einer durch Documente belegten Darstellung der Sorge S. Heil. zur Abwendung der Verdrängnisse der kathal. Religion in Russland u. Polen. Einsiedeln, 1842.

свѣтомъ о нашихъ отношеніяхъ къ латинской церкви и римскому двору. Съ тѣмъ-же спокойствіемъ и достоинствомъ оно отвѣчало на папскія обвиненія. Приложенная къ нотѣ, 7-го января, записка рѣзко отличается по внѣшнему виду отъ записки, обнародованной римскимъ дворомъ, въ которой обычныя Риму набожныя выраженія худо скрываютъ желчь и полное раздраженіе. Конечно, сознаніе недостижимости цѣлей, къ которымъ стремилось папское правительство въ продолженіе столькихъ лѣтъ, можетъ привести въ раздраженное состояніе; но неправильное изложеніе всѣмъ извѣстныхъ происшествій, умышленное искаженіе мнѣній и дѣйствій, оправданы быть не могутъ. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ:

«Въ собранной въ Римѣ, 29 октября 1866 г., тайной консисторіи Пій IX заявилъ: ни представленія наши, сдѣланныя русскому правительству чрезъ кардинала статсъ-секретаря, ни письма наши къ императору не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ. Письмо наше отъ 23 апрѣля 1863 г. осталось безъ отвѣта».

«Какъ это намъ ни прискорбно, говоритъ нашъ канцлеръ, но мы должны замѣтить, что приведенное заявленіе совершенно невѣрно. Императоръ получилъ письмо, о которомъ идетъ рѣчь, 29-го апрѣля 1863 года. Мая 11-го, онъ отвѣчалъ на него съ особымъ курьеромъ. Отвѣтъ былъ переданъ въ руки кардинала Антонелли, 20-го мая (1-го іюня) 1863 г.» До какого грустнаго положенія должно было достигнуть папское правительство, чтобы рѣшиться на подобный поступокъ, — явно и торжественно отрицать историческій фактъ, котораго вѣрность такъ легко было возстановить [1]).

Конечно, Римъ въ послѣдніе годы, съ самаго начала царствованія нынѣшняго императора, преслѣдовалъ такія цѣли въ отношеніи къ Россіи и употреблялъ такія средства, что не могъ обнаружить ихъ и признаться передъ всѣми, не уронивъ окончательно, какъ политическаго, такъ и религіознаго достоинства своего правительства; но во всякомъ случаѣ, вызывая Россію на судъ общественнаго мнѣнія, нельзя было скрывать самаго существеннаго вопроса, на которомъ сосредоточивались всѣ переговоры. Такимъ вопросомъ было учрежденіе постояннаго папскаго нунція при нашемъ дворѣ, къ чему папское правительство постоянно стремилось съ самаго начала дипломатическихъ съ нимъ сношеній русскаго двора, со временъ императрицы Екатерины Великой. Между тѣмъ — «нельзя не обратить вниманія, что римскій дворъ, въ обнародованномъ имъ сборникѣ, тща-

[1]) Записка къ нотѣ 7-го января, Esposizione documentata N. C. стр. 303.

тельно избѣгалъ всякого намека. какъ на документы такой важности, такъ и на самые переговоры объ этомъ вопросѣ» — сказано въ запискѣ къ нотѣ 7-го января.

Скрывая свои дѣйствительныя цѣли и стремленія, противъ которыхъ, безъ сомнѣнія, возстало бы общественное мнѣніе всей современной Европы, римскій дворъ привыкъ дѣйствовать тайно, подспудными путями и пользоваться всякими средствами, обладая такимъ сильнымъ орудіемъ, какъ духовенство и особенно монашескіе ордена. Латинское духовенство, поощряемое Римомъ, проникая повсюду, въ жизнь семейную и общественную, тайно подготовляетъ происшествія. Стремясь къ политическимъ цѣлямъ обладанія и обогащенія, Римъ говоритъ обыкновенно о благѣ церкви, ея независимости и свободѣ; возбуждая дѣйствія, гибельныя по своимъ послѣдствіямъ, онъ отрицается потомъ отъ этихъ роковыхъ послѣдствій и сваливаетъ вину на другихъ. Такова постоянная политика римскаго двора въ отношеніи къ свѣтской власти государствъ, и съ ея подвигами мы еще встрѣтимся не разъ при изложеніи отношеній папскаго правительства къ Россіи.

Мы не войдемъ, конечно, въ разсмотрѣніе вообще всей исторіи отношеній папства къ востоку и Россіи; но, ограничиваясь последнею эпохою, въ которой, впрочемъ, выразился общій характеръ этой вѣковой борьбы, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о нашихъ отношеніяхъ къ римскому двору послѣ присоединенія уніатовъ къ православной церкви въ 1839 году.

I.

Значеніе уніатской церкви. — Присоединеніе уніатовъ къ православію въ 1839 г. — Послѣдовавшіе затѣмъ переговоры съ Римомъ. — Аллокуція Григорія XVI, 1842 г. іюня 22, и обнародованная имъ обвинительная записка противъ Россіи, съ сборникомъ дипломатическихъ документовъ.

Уніатская церковь въ глазахъ Рима не представляла самостоятельнаго историческаго явленія и не имѣла права на постоянное существованіе. Хотя папа Климентъ VIII, утвердивъ унію въ 1595 г., призналъ всѣ обряды, священнодѣйствія и совершеніе таинствъ по правиламъ восточной вселенской церкви [1]),

[1]) Булла декаб. 25, Magnus dominus et laudabilis: — ...ad majorem charitatis nostrae erga ipsos significationem omnes sacros ritus et caeremonias, quibus Rutheni episcopi et clerus, juxta S. Patrum Graecorum instituta, in divinis officiis et sacrosanctae missae sa-

однако же римскій дворъ никогда не исполнялъ этого постановленія. Напротивъ, онъ смотрѣлъ на унію, какъ на временную сдѣлку, какъ на первый шагъ къ полному присоединенію уніатовъ къ латинской церкви. Пропаганда въ отношеніи къ уніатамъ не только не окончилась и не ослабла,—напротивъ, усилилась. Соединеніе съ латинскою церковью только давало ей большія удобства постоянно обращать въ латинство отдѣльныя лица и, болѣе и болѣе замѣняя обряды и священнодѣйствія восточнаго православія латинскими, подготовлять совершенное уничтоженіе уніатской церкви. Таковы были начала, которыми Римъ сознательно руководствовался въ этомъ случаѣ. Папа Николай V прямо называлъ *позорнымъ* присоединеніе католиковъ къ уніатамъ [1]). Римъ запрещалъ подобные переходы и напротивъ поощрялъ переходы уніатовъ въ латинство. Папа Бенедиктъ XIV объяснялъ это тѣмъ, что римская церковь есть *мать* и *учительница* другихъ церквей [2]). Постановленія Замосцкаго собранія уніатскихъ епископовъ, вполнѣ преданныхъ Риму, въ 1720 г., утвержденныя папою, нанесли почти окончательный ударъ самостоятельному существованію уніатской церкви. Внѣшнее устройство храмовъ и большая часть обрядовъ были искажены по образцу римскихъ, измѣнены многія догматическія ученія и правила. Монашествующее духовенство почти совершенно обратилось въ латинское, образовало одинъ изъ его орденовъ (Базиліанскій) и вытѣсняло, болѣе и болѣе, бѣлое духовенство, связанное съ народомъ, потому что оно сохраняло обычай брачнаго состоянія. Получая силу отъ народа, еще хранившаго память о вѣрѣ предковъ и племенномъ единствѣ съ русскимъ народомъ, оно не сочувствовало ни римской, ни польской пропагандѣ, которыя дружно сливались въ одно неразрывное цѣлое въ чувствѣ исконной и закоренѣлой ненависти къ Россіи. Высшая уніатская іерархія колебалась между двумя противоположными направленіями.

---

crificio ceterorumque sacramentorum administratione, aliisve sacris functionibus utuntur, dummodo veritati et doctrinae fidei catholicae adverserentur et communionem cum Romana ecclesia non excludant, ex apostolica benegnitate permittimus, concedimus et indulgemus.

[1]) Bullarium. III const. 3, p. 64. Pervenit ad aures nostras, quod in locis, qnae catholicis in Graecia subjecta sunt, multi catholici unionis praetexta ad graecos *impudenter* transeunt ritus. Mirati admodum sumus, mirareque non desistimus, и пр.

[2]) Bullar. Benedicti XIV. Const. Allatae sunt... Cum latinus ritus is sit, quo utitur sancta Romana ecclesia, quae mater est et magistra aliarum ecclesiarum, reliquis ritibus omnibus anteferri debet. Ex quo sequitur, haud licere a latino ritu ad graecum transire nec illis qui semel a ritu graeco ad latinum transierunt, integrum esse, ad pristinum graecum ritum reverti. Сравн. Пихлера: Geschichte d. kirchlichen Trennung, т. II, стр. 265 и др. Мюнхенъ, 1865 г.

При такомъ положеніи дѣлъ, раздираемые внутреннею борьбою, уніаты дѣйствительно не могли существовать болѣе въ видѣ самостоятельной церкви: они должны были или присоединиться къ римской, или къ восточной церкви. Къ соединенію съ первой влекли ее Римъ, нѣсколько членовъ высшаго и низшаго духовенства, почти все монашество, и бывшіе прежде уніатами, но потомъ обратившіеся въ латинство и ополячившіеся помѣщики. Къ присоединенію ко второй влекли сочувствія милліоновъ народа, большая часть бѣлаго духовенства и нѣкоторые изъ представителей іерархіи, не утратившіе памяти о древней церкви и своей связи съ народомъ и государствомъ [1]).

Кажется, не можетъ быть и вопроса о томъ, должно ли было русское правительство внять просьбамъ о защитѣ большей части уніатской паствы и многихъ изъ ея пастырей,—отъ преслѣдованій и угнетеній Рима, избравшаго своимъ орудіемъ польскую народность? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ объясняетъ всѣ мѣры, принятыя нашимъ правительствомъ въ отношеніи къ уніатской церкви, во все царствованіе покойнаго императора.

Признавая *терпимость* вѣроисповѣданій за одно изъ коренныхъ началъ внутренней политики въ дѣлахъ вѣры и совѣсти, правительство не могло и не должно было принести въ жертву латинскому прозелитизму церковь, считавшую милліоны исповѣдниковъ, бывшихъ нѣкогда православными и которые соединились съ Римомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы сохранить большую часть особенностей своего вѣроисповѣданія. Право религіозной терпимости, допускаемое государствомъ, налагаетъ на него въ

---

[1]) Нѣкоторые написты, какъ австрійскій писатель Joseph Alexander Freiherr von Helfert, оправдывая Римъ, все-таки признаетъ вину, но сваливаетъ ее на однихъ поляковъ: «Стремленіе латинизировать уніатовъ, говоритъ онъ, произошло единственно отъ поляковъ, которые, увлекаясь пропагандою своей національности до ослѣпленія, не понимали, что чрезъ это они отдалятъ отъ себя русскихъ, какъ въ политическомъ, такъ и религіозномъ отношеніи. Къ собственной своей бѣдѣ, полонизмъ одержалъ въ этомъ случаѣ побѣду и привлекъ въ свое гнѣздо, для служенія своимъ цѣлямъ, могущественный базиліанскій орденъ. Подъ покровительствомъ латинской іерархіи базиліанамъ удалось совершенно освободиться отъ подчиненія уніатскимъ митрополитамъ и епископамъ, забрать въ свои руки всѣ вліятельныя и доходныя мѣста въ епархіяхъ, завладѣть имуществами приходовъ, и бѣлое духовенство, о просвѣщеніи котораго не прилагали заботъ, совершенно удалить отъ церковнаго управленія и высшихъ должностей. Затѣмъ поляки, легкомысленно смѣшивая латинское исповѣданіе съ греческимъ, допустили пріемъ въ уніатскіе монастыри поляковъ латинскаго исповѣданія, и имъ, какъ дворянамъ, давали высшія духовныя должности, когда они не знали ни богослужебнаго языка, ни правилъ монастырскихъ и старались только вводить латинскіе обряды». Oestreichische Revue. 1864. 6-й томъ стр. 24 и 25: Russland u. die cathol. Kirche in Polen.

то же время обязанность устранить враждебныя дѣйствія одного исповѣданія противъ другого [1]). Эта обязанность въ отношеніи къ уніатамъ представлялась особенно важною: они принадлежали къ русской народности, и постоянное ихъ обращеніе въ латинство соединялось вмѣстѣ съ ихъ *ополяченіемъ*. Наше правительство не исполнило бы своего назначенія, еслибъ допустило принести такую жертву въ пользу враждебныхъ Россіи началъ. Всѣ предпринятыя имъ мѣры были оборонительнаго свойства: съ одной стороны, противъ латинской пропаганды, стремившейся совершенно уничтожить самостоятельность уніатской церкви, соединивъ ее въ одно цѣлое съ римской,—съ другой, чтобы оградить себя отъ враждебныхъ замысловъ польскихъ мятежниковъ, въ которыхъ латинское духовенство принимало такое ревностное участіе. Устранить его отъ такого участія требовала безопасность государства.

Для достиженія послѣдней цѣли наше правительство прежде всего обратилось къ римскому двору. Когда въ 1832 г. нашъ посланникъ кн. Гагаринъ, въ нотѣ 20 апрѣля, представилъ кардиналу Бернетти, что послѣ усмиренія польскаго возстанія, для окончательнаго успокоенія революціонныхъ волненій въ Польшѣ, необходимо содѣйствіе духовенства, римскій дворъ обратилъ вниманіе на важность этого вопроса. «Но, къ несчастію — сказано въ этой нотѣ — латинское духовенство не такъ дѣйствовало до настоящаго времени; духовные, всѣхъ разрядовъ, забывая святость своего призванія, вмѣшивались во всѣ кровавыя дѣйствія и постоянно находились во главѣ всѣхъ революціонныхъ движеній и участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ. Отеческое сердце папы, конечно, должно скорбѣть въ виду подобныхъ поступковъ духовенства, и поэтому онъ долженъ употребить свою духовную власть и поручить польскому духовенству покаяться въ своихъ преступныхъ заблужденіяхъ и внушить ему рѣшительно, что оно должно исправиться строгимъ исполненіемъ законовъ и искреннимъ содѣйствіемъ всѣмъ мѣрамъ, клонящимся къ поддержанію законнаго порядка». Дѣйствительно, папа въ окружномъ посланіи, 1832 г. іюня 9, къ латинскимъ епископамъ въ имперіи и царствѣ, осуждалъ польское возстаніе и внушалъ повиновеніе власти русскаго императора. Но это направленіе въ политикѣ римскаго двора продолжалось не долго.

Что касается до мѣръ, принятыхъ нашимъ правительствомъ въ отношеніи къ уніатамъ, то лишь только они были освобождены отъ вліянія на назначеніе священниковъ (право патроната) поль-

---

[1]) Montesquieu, Esprit des lois. Liv. XXV, chap. IX и X.

скими и латинскими по исповѣданію помѣщиками, приходскія священническія мѣста, перешедшія къ монахамъ, возвращены бѣлому духовенству, храмы и церковные обряды избавлены отъ латинскихъ искаженій, число монастырей сокращено и учреждено отдѣльное управленіе уніатскою церковію, — такъ совершилось присоединеніе уніатовъ къ православной восточной церкви въ 1839 году.

Извѣстіе объ этомъ происшествіи сильно поразило Римъ; долго онъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, что духовныя завоеванія, посредствомъ внѣшняго насилія, не могутъ быть долговѣчны. Но, понявъ наконецъ, что они могли поддерживаться только этою внѣшнею силою, онъ принялъ ихъ подъ свою защиту и перемѣнилъ политику въ отношеніи къ Россіи. Хотя въ аллокуціи произнесенной въ тайной консисторіи, 22 ноября 1839 г., Григорій XVI *оплакивалъ отторженіе* уніатовъ отъ римской церкви, поносилъ присоединившихся къ православію епископовъ и духовенство, и, обращаясь къ великодушію русскаго императора, выражалъ надежду подвигнуть его исполнить требованія Рима; однако, въ то же время въ сношеніяхъ съ нашимъ дворомъ, вопреки самимъ же имъ провозглашеннымъ началамъ, онъ началъ покровительствовать духовнымъ лицамъ, обличеннымъ въ участіи въ мятежѣ и въ дѣйствіяхъ явно враждебныхъ русскому правительству.

Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ епископъ Подлясскій. Несмотря на неоднократныя и постоянныя представленія русскаго правительства о необходимости его удалить, римскій дворъ нѣсколько лѣтъ тянулъ дѣло, постоянно защищалъ дѣйствія этого епископа и рѣшился только тогда на его увольненіе, когда правительство уже было вынуждено, собственною властію, удалить его изъ епархіи [1]). Между тѣмъ, этотъ прелатъ прямо объявлялъ, что не хочетъ исполнять законоположеній о духовенствѣ, постоянно дѣйствовавшихъ въ царствѣ польскомъ (декрета 1817 года (6) 18 марта), тайно сносился съ польскими эмигрантами, съ папскимъ нунціемъ въ Вѣнѣ, сообщалъ ложныя извѣстія въ иностранныя газеты, не исполнялъ никакихъ представленій правительства, въ оффиціальныхъ бумагахъ называя ихъ незаконными дѣйствіями противъ «привилегій, уставовъ и независимости латинской церкви, которой, одной между всѣми церквами Спаситель міра далъ привилегію полновластнаго владычества на землѣ», и выра-

[1]) Эта переписка началась съ 1837 г. и окончилась въ 1841.—Галль-Морелль, Allocution S. Heil. Gregor XVI, 22 іюля 1842. Докум. №№ LV, LVII, LVIII, LIX, LXII—LXV, LXVII.

жая надежду, что Богъ скоро положитъ конецъ русскому правительству въ Польшѣ (et his quoque dabit Deus finem) [1]).

Русское правительство, сообщая римскому двору объ удаленіи епископа Гутковскаго, въ нотѣ 17 мая 1840 г. говорило: «Если, по мнѣнію главы римской церкви, епископъ Подлясскій не достоинъ за указанные поступки лишенію епископскаго достоинства, то это вопросъ относится къ церковной дисциплинѣ, и папѣ принадлежитъ его разрѣшеніе, въ которое императоръ не желаетъ вмѣшиваться. Но предъ его величествомъ епископъ Гутковскій, какъ подданный и должностное лицо (sujet et fonctionnaire public) оказался виновнымъ въ явномъ неповиновеніи предписаніямъ правительства, не имѣвшимъ ничего общаго съ дѣломъ вѣры. Поэтому, не какъ епископа, но какъ подданнаго и лице должностное, императоръ считалъ себя вправѣ предать его суду, лишить его своей довѣренности и препятствовать, находившимися въ его распоряженіи способами,—преслѣдовать ему свои преступные замыслы и распространять свое вліяніе, которымъ онъ такъ нагло злоупотреблялъ, открыто дѣйствуя, какъ врагъ правительства и поощряя согражданъ къ сопротивленію и презрѣнію власти, во имя религіи». Въ отвѣтъ на это, кардиналъ Ламбрускини сообщилъ рѣзкую ноту, 1 іюня 1840 г., въ которой римскій дворъ оправдывалъ всѣ дѣйствія епископа, объясняя ихъ необходимою защитою церкви противъ распоряженій правительства, будто бы нарушающихъ ея права. «Жалобы католиковъ, подданныхъ его императорскаго величества—сказано въ этой нотѣ—доходятъ со всѣхъ сторонъ до святого отца, несмотря на то, что ихъ сношенія съ главою ихъ церкви стѣснены и могутъ производиться неиначе, какъ чрезъ императорское правительство. Многія и многія императорскія постановленія въ послѣднее время тяжелымъ гнетомъ легли на ка-

---

1) Тейнеръ: Die neue Zustände der cathol. Kirche in Polen u. Russland. Докум. №№ CXIV и CXV.—Галль-Морель: № LVIII, нота русск. 17 мая 1840 г. «L'éveque ne se borna point à refuser dans les termes de la plus amère ironie les renseignement démandés, mais saisit encore cette occasion pour déverser sans le moindre déguisement la haine dont il est animé contre le gouvernement et poussa l'audace de ses imprécations jusqu'à énoncer clairement l'espoir consolateur qu' il nourrissait, que Dieu mettrait fin à ce gouvermement». Любопытенъ отвѣтъ на это римскаго двора, нота 1 іюня 1840, № LIX: M-r Gutkovsky non a inteso di parlare di Sua Maesta imperiale e reale, ne del guverno superiore del regno di Polonia, ma unicamente del guverno inferiore, ossia di quella auctorita civile che e perfino soggetta agli ordini della comissione administrativa. Это тотъ епископъ Гутковскій, котораго ксендзъ Фелинскій, въ тайныхъ своихъ бесѣдахъ съ учениками Петербургской католической академіи въ 1858 г., выставлялъ, какъ мученика правды и образецъ для подражанія молодымъ людямъ, готовившимся быть ксендзами. См. «Друж. совѣты кс. Феллинскаго», изъ Вилен. Вѣстника 1866 г. вечеръ 4-й.

толическую церковь». Въ числѣ этихъ распоряженій римскій дворъ указывалъ на отобраніе у Уніатовъ Почаевской лавры, уничтоженіе училищъ при монастыряхъ, о смѣшанныхъ бракахъ, распредѣленіи приходовъ по числу паствы, на основаніи постановленія императрицы Екатерины II (che per ogni 400 abitanti vi fosse una chiesa e un prete), и наконецъ, объ учрежденіи православныхъ епископскихъ каѳедръ въ Варшавѣ и Полоцкѣ. При дальнѣйшихъ изложеніяхъ отношеній Рима къ нашему правительству, мы еще будемъ имѣть случай говорить о всѣхъ притязаніяхъ Рима, теперь же обратимъ вниманіе только на слѣдующія.

Угнетеніемъ свободы латинской церкви въ имперіи и царствѣ польскомъ римскій дворъ считалъ учрежденіе православныхъ епископскихъ каѳедръ въ Варшавѣ и Полоцкѣ! По его воззрѣнію, православное правительство не могло учреждать ихъ въ своей же собственной государственной области, въ городахъ, гдѣ находятся русскія правительственныя средоточія и многочисленная православная паства. Между тѣмъ, какъ папа всю вселенную считаетъ своею областію и во всѣ концы міра можетъ безпрепятственно назначать епископовъ, даже безъ всякой нужды, по отсутствію паствы (episc. in partibus). Таковъ дѣйствительно взглядъ Рима, въ связи съ которымъ находится, выраженная въ нотѣ кардинала Ламбрускини, слѣдующая мысль: «Удаленіе Подлясскаго епископа поставило св. отца въ двусмысленное положеніе, или своимъ молчаніемъ подать поводъ предполагать, что онъ его осуждаетъ за нарушеніе вѣрности и повиновенія своему законному государю, въ дѣлахъ гражданскихъ; тогда какъ онъ въ сущности ничего не сдѣлалъ, кромѣ ревностнаго исполненія своихъ церковныхъ обязанностей, — или причинить непріятность могущественному русскому императору. Епископъ есть сановникъ церкви (un dignitario della chiesa), а не должностное лицо (publico funzionario), который можетъ быть смѣненъ и отрѣшенъ отъ должности по волѣ государя и удаленъ изъ своей епископіи». Если къ этимъ словамъ прибавить, что бѣлое духовенство по каноническимъ правиламъ должно находиться въ полномъ повиновеніи епископамъ, монашествующіе ордена ихъ генераламъ, пребывающимъ въ Римѣ, а паства покориться своимъ пастырямъ; то окажется, что латинская церковь въ предѣлахъ русской имперіи составляетъ особое государство, подчиненное исключительно папѣ, и въ дѣла котораго всякая другая власть можетъ вмѣшиваться развѣ только въ той степени, въ какой папа ей позволитъ.

Естественно, что при такомъ взглядѣ римскій дворъ дол-

женъ былъ стремиться къ тому, чтобы достигнуть права непосредственнаго сношенія съ своими подданными, и смотрѣлъ на всякое ограниченіе въ этомъ случаѣ, какъ на преслѣдованіе латинской церкви. Дѣйствительно, онъ заявлялъ объ этомъ при каждомъ случаѣ, и неразборчивый на средства, въ виду неудачи своихъ заявленій, сносился тайными и незаконными путями, какъ то доказала открытая при слѣдствіи переписка подлясскаго епископа съ вѣнскимъ папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Альтьери, который, отъ имени папы, поощрялъ его дѣйствія противъ русскаго правительства. На замѣчаніе нашего уполномоченнаго въ дѣлахъ, въ нотѣ 17-го мая 1840 г., что подобныя тайныя дѣйствія несогласны съ открытыми заявленіями папы, приглашавшими епископовъ повиноваться законной власти, римскій дворъ отвѣчалъ, что сношенія Гутковскаго съ вѣнскимъ нунціемъ, хотя и производились *безъ прямого порученія* святого престола, но онъ находитъ ихъ весьма естественными. «Нѣтъ ничего удивительнаго, говорилось въ римской нотѣ 1-го іюня 1840 г., что вѣнскій нунцій, имѣвшій подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ епископа, писалъ къ нему въ томъ же смыслѣ, какъ и самъ папа», т. е. оправдывая его противоборство русскому правительству [1]). Хотя Григорій XVI и поддерживалъ своего нунція, однако же онъ считалъ еще неприличнымъ объявить о своихъ тайныхъ и противозаконныхъ сношеніяхъ съ епископами, и оговаривался, что вѣнскій нунцій сносился съ подлясскимъ епископомъ *безъ его уполномочія;* но Пій IX не счелъ нужнымъ скрывать въ этомъ случаѣ, давно впрочемъ знакомые всей Европѣ, пріемы римскаго двора въ международныхъ сношеніяхъ, — онъ обнародовалъ именно такія сношенія съ митрополитомъ Головинскимъ и другими латинскими епископами [2]).

Рядомъ съ переговорами о епископѣ Гутковскомъ, также долго затягивались Римомъ и переговоры объ епископѣ Павловскомъ, котораго наше правительство представляло въ качествѣ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 11--го іюля 1839 г., вѣнскій нунцій писалъ епископу Гутковскому: «Мнѣ очень пріятно, хотя въ краткихъ словахъ, но отъ искренняго сердца, выразить достойную хвалу вашему преосвященству за ваше примѣрное постоянство. Извѣстно, что вы, почтенный пастырь, неоднократно подвергались преслѣдованіямъ, кознямъ и, несмотря на угрожавшія вамъ опасности, устояли противъ тѣхъ угнетеній, передъ которыми рабски преклонялись нѣкоторые изъ братій. Поэтому еще въ большемъ блескѣ является ваше мужество и твердость: избравъ однажды путь приличный достоинству пастыря и, неуклонно идя по немъ, вы устояли противъ угнетеній. Нѣтъ словъ для выраженія того, какъ ваши дѣйствія были пріятны и утѣшительны его святѣйшеству, который такъ отягощенъ различными непріятностями».

[2]) Esposiz. document. NN. XV, XVIII, LV, и др.

кандидата на могилевское архіепископство. Римскій дворъ только черезъ нѣсколько лѣтъ уступилъ самымъ рѣшительнымъ настояніямъ нашего правительства, и въ надеждѣ на то (какъ указано въ нотѣ кардинала Ламбрускини, 2-го октября 1840 г.) что русское правительство съ своей стороны сдѣлаетъ уступки въ отношеніи къ другимъ требованіямъ Рима [1]). Если римскій дворъ находилъ естественнымъ тайныя сношенія епископовъ съ своими дипломатическими агентами, вопреки кореннымъ законамъ имперіи; то нельзя не признать также весьма естественнымъ, что онъ всѣми способами затруднялъ исполненіе права императорской власти избирать кандидатовъ на епископскія каѳедры. Явно признавая это право, тайно онъ считалъ, напротивъ, епископовъ исключительно подвластными Риму, и потому желалъ устранить въ этомъ всякое участіе свѣтской власти.

Хотя этотъ взглядъ Рима совершенно согласенъ со всѣми преданіями латинской церкви, однакоже мы должны замѣтить, что Римъ долго не обнаруживалъ его въ переговорахъ съ нашимъ правительствомъ во всей его послѣдовательности. Со временъ императрицы Екатерины II и до 1840-хъ годовъ, Римъ тщательно скрывалъ этотъ взглядъ, который, очевидно, могъ повести только къ полному разрыву съ Россіею. Наше правительство понимало все и съ своей стороны желало склонить папскій дворъ къ той умѣренности, которой въ нѣкоторой степени онъ самъ придерживался до этого времени. Въ нотѣ 31-го января 1841 г., императорское правительство, сообщая нѣкоторыя свѣдѣнія и отвѣчая на требованія Рима, заявило однакоже, что оно «не желало бы возводить своихъ переговоровъ до основныхъ началъ (s'engager dans une discussion de principes), въ отношеніи къ которымъ было трудно, если не вовсе невозможно, придти къ соглашенію; напротивъ, оно желало бы единожды и навсегда прекратить подобные переговоры и поставить ихъ на почву болѣе практическую — соглашеній и уступокъ» [2]). Но римскій дворъ съ тѣхъ поръ, какъ совершилось присоединеніе уніатовъ, пересталъ скрывать свои прежнія тайныя цѣли и, не внимая совѣтамъ нашего правительства, все сильнѣе и рѣзче выражалъ тотъ взглядъ, на который мы указали.

Между тѣмъ въ продолженіе этихъ переговоровъ, со времени усмиренія польскаго возстанія, польское дворянство и ду-

---

[1]) Галь-Морель: NN. LXII — LXVIII. Для окончанія переговоровъ объ еписк. Гутковскомъ и Павловскомъ, потребовалось отправленіе въ Римъ особаго уполномоченнаго, ст. сов. Фурмана въ 1840 г.

[2]) Галь-Морель: № LXIX, стр. 142.

ховенство чрезъ посредство своихъ эмигрантовъ, вело возмутительную агитацію противъ Россіи въ государствахъ западной Европы, чтобы возбудить участіе общественнаго мнѣнія и правительствъ въ пользу Польши. Предлогомъ служило именно присоединеніе уніатской церкви къ православію, выставленное передъ Европою со всѣми ужасами религіознаго преслѣдованія, которое способенъ былъ воздвигнуть только папскій Римъ — и то въ средніе вѣка. Газеты непрерывно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, наполнялись ложными извѣстіями, небывалыми и выдуманными происшествіями, клеветами и бранью противъ Россіи; являлись даже подставные мученики и мученицы за вѣру! Чтобы подвинуть римскій дворъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, была пущена въ ходъ мысль, что папа не заботится о латинской церкви въ русскихъ предѣлахъ и предаетъ ее на гоненіе.

Не знаемъ, искренно-ли вѣрилъ римскій дворъ этой недостойной шумихѣ, произведенной поляками, или нѣтъ,—но онъ вполнѣ увлекся ею. «Отложеніе большей части уніатовъ отъ римской церкви еще слишкомъ свѣжо и грустно. Оно не было внезапнымъ съ ихъ стороны стремленіемъ; оно подготовлено постепенно мѣрами не прямыми, но дѣйствительными. Извѣстны также и возбудили уже общее сожалѣніе и жалобы на строгости и преслѣдованія, которымъ подвергались тѣ изъ уніатовъ, которые желали оставаться вѣрными католической церкви», — писалъ подъ вліяніемъ пущенныхъ въ ходъ слуховъ кардиналъ Ламбрускини въ нотѣ къ нашему правительству, 4-го октября 1840 г. Папа Григорій XVI въ аллокуціи, 1842 г. іюля 22-го, счелъ нужнымъ оправдаться отъ этой клеветы и потомъ обнародовалъ эту аллокуцію, вмѣстѣ съ обвинительною запискою противъ Россіи и съ приложеніемъ подлинныхъ документовъ дипломатической переписки съ нашимъ правительствомъ.

Въ 1842 году, папа прибѣгнулъ къ тому же средству, какъ и въ настоящее время. Такія же происшествія, хотя и въ другихъ размѣрахъ, повторились и въ нашихъ глазахъ, потому что тѣ же дѣйствующія силы вышли на поприще борьбы,—но борьбы болѣе ожесточенной и рѣшительной: Григорій XVI окончилъ свою аллокуцію обращеніемъ къ великодушнымъ чувствамъ русскаго императора,—Пій IX, напротивъ, окончательно прервалъ сношенія съ Россіею.

II.

Свиданіе императора Николая Павловича въ Римѣ, въ 1845 г., съ папою Григоріемъ XVI. — Записка, врученная папою лично императору и отвѣтъ на нее.

Пріѣздъ императора Николая Павловича въ Римъ, въ 1845 г., послужилъ исходною точкою цѣлаго періода нашихъ отношеній къ Риму, окончившагося только въ настоящее время.

Послѣ непріязненныхъ сношеній Рима съ нашимъ правительствомъ, о которыхъ мы говорили, и послѣ обнародованія папской аллокуціи 1842 г. съ обвинительною запискою противъ Россіи и съ приложеніемъ къ ней дипломатическихъ документовъ, наши сношенія съ римскимъ дворомъ, хотя и не были явно прерваны, однакоже находились въ положеніи близкомъ къ разрыву. Конечно, римскій дворъ желалъ возобновить ихъ снова и только искалъ благопріятнаго случая, ибо Россія ничего не теряла отъ такого разрыва, и всѣ его невыгоды исключительно доставались на долю Рима. Пріѣздъ русскаго императора въ Римъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ въ этомъ отношеніи видамъ папскаго двора. Пій IX говоритъ, что на «счастливую встрѣчу могущественнаго монарха съ главою церкви всѣ благонамѣренные люди смотрѣли какъ на благопріятное для религіи событіе, обѣщавшее лучшую будущность для католиковъ въ предѣлахъ Россіи. Поэтому св. отецъ въ этомъ достопамятномъ разговорѣ прежде всего заявилъ императору, что на его пріѣздъ и личное свиданіе съ нимъ онъ смотритъ, какъ на особенное дѣло божественнаго провидѣнія, что глаза всей Европы обращены теперь на ихъ встрѣчу въ Ватиканѣ и ожидаютъ облегченія участи католиковъ въ имперіи». Представивъ императору, что папскій престолъ постоянно желаетъ, чтобы его подданные были ему вѣрны и послушны, о чемъ неоднократно заявлялъ онъ торжественно, Григорій XVI указалъ на нѣкоторыя постановленія, стѣсняющія латинскую церковь и несогласныя съ каноническими правилами. По желанію императора, онъ собственноручно передалъ ему, 13-го декабря, записку, состоявшую изъ 22-хъ статей [1]), на которую мы должны обратить особенное вниманіе, потому что

[1]) Esposizione docum. стр. 3 и 4 и №№ 1 и 2.—Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній собственно о разговорѣ императора съ папою; извѣстія нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей (Flix, Briefe aus Rom. 1864, стр. 45, и Wiseman, Erinnerungen an die 4 letzten Päpste. 1858, стр. 394), основанныя на простой молвѣ, не могутъ имѣть исторической достовѣрности. Пихлеръ, т. II, стр. 261 и 262.

она послужила поводомъ и основою для всѣхъ дальнѣйшихъ переговоровъ.

Указавъ на священный текстъ: «цесарево цесарю, а божіе Богови»—въ запискѣ такъ опредѣлены два направленія политики, которыхъ постоянно придерживался римскій дворъ: «Папа никогда не нарушалъ ни той ни другой изъ своихъ обязанностей; онъ всегда напоминалъ и внушалъ самыми торжественными способами католикамъ, разсѣяннымъ по всему міру, священную обязанность религіи оставаться вѣрными верховной власти и вполнѣ повиноваться ея законамъ въ дѣлахъ свѣтскихъ (dans l'ordre civil)». Это заявилъ папа въ посланіи къ польскимъ епископамъ и въ энцикликѣ, 1832 г. авг. 15-го, всѣмъ пастырямъ латинской церкви въ цѣломъ мірѣ. Поэтому онъ не принялъ и депутата, отправленнаго революціоннымъ польскимъ правительствомъ во время возстанія, съ тайнымъ порученіемъ, чтобы просить содѣйствія римскаго престола. Но съ другой стороны, папа, въ качествѣ главы церкви, не переставалъ заявлять *представленія* и *просьбы*, оставшіяся безъ исполненія, самому императору: «Со всѣхъ сторонъ міра католики всѣхъ народностей обращаютъ свои взоры на общаго ихъ отца и пастыря, всѣ прибѣгаютъ къ нему съ просьбами о помощи и о защитѣ вѣры. Папа оказался бы виновнымъ, если бъ презрѣлъ свое апостольское призваніе, оставилъ ихъ безъ вниманія и не поспѣшилъ бы на помощь всѣми, находящимися въ его распоряженіи, средствами. Какъ всякое правительство имѣетъ право установлять политическія и гражданскія отношенія въ своихъ государствахъ, такъ все относящееся до католическаго вѣроисповѣданія, по божественному предназначенію, принадлежитъ власти духовной, церкви. Поэтому всѣ представленія папы императорскому правительству касались только или нѣкоторыхъ законовъ, нарушавшихъ свободу католической вѣры и противныхъ ея правамъ и канонамъ церкви, или относились къ явленіямъ, сопровождавшимъ исполненіе на дѣлѣ этихъ законовъ (ст. 1—10)».

Въ числѣ законовъ, несогласныхъ съ правилами латинской церкви, въ запискѣ, врученной императору, папа указываетъ на постановленіе о консисторіяхъ, 1842 г. дек. 22-го,—«которымъ епископы подчинены постановленіямъ консисторій до такой степени, что консисторія пишетъ, а епископъ только подписываетъ, (consistorium scribit, episcopus subscribit tantum)»;—на указъ 20-го ноября 1843 г. о семинаріяхъ, который въ сущности устраняетъ ихъ отъ зависимости епископовъ. «Эти постановленія, говоритъ папа, составляютъ только продолженіе и развитіе началъ, нарушающихъ права и божественную власть (divina

auctoritas) церкви, которыя выражены въ законахъ и указахъ приложенныхъ къ аллокуціи (1842 г.) Такимъ образомъ открывается цѣлая совокупность законовъ, которыхъ цѣль заключается въ томъ, чтобы воспрепятствовать епископамъ исполнять ихъ священныя обязанности пастырей, ограничивая ихъ юрисдикцію въ отношеніи къ церковной дисциплинѣ и образованію (sulla disciplina, sul culto, sulla liturgia, sull'insegnamento, sui seminarii), отнимая, однимъ словомъ, у нихъ право управленія своими церквами и подчиняя консисторіямъ, духовной коллегіи и наконецъ, министерству, какъ простыхъ исполнителей высочайшихъ повелѣній».

Указавъ такимъ образомъ на всю совокупность нашихъ узаконеній, относящихся къ латинской церкви, Григорій XVI несчитаетъ нужнымъ говорить о каждомъ изъ нихъ порознь, но указываетъ только на главнѣйшія. Къ ихъ числу онъ относитъ запрещеніе «католическимъ священникамъ крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, еслибъ даже того пожелали родители»; на отобраніе монастырскихъ имуществъ, упраздненіе нѣкоторыхъ монастырей и подчиненіе ихъ власти епископовъ, вмѣсто особыхъ провинціаловъ и генераловъ ихъ орденовъ. Но особенно онъ считаетъ противнымъ каноническимъ правиламъ латинской церкви вмѣшательство правительства въ сношенія папы съ духовенствомъ и паствою. «Постановленія, запрещающія свободный доступъ папскихъ буллъ въ имперію, и суровыя наказанія за непосредственныя сношенія католиковъ съ святымъ престоломъ, безъ предварительнаго одобренія правительства, явно обнаруживаютъ намѣреніе отторгнуть ихъ отъ святого престола, средоточія католическаго единства (п. 4)».

Требуя въ этомъ послѣднемъ случаѣ такихъ правъ, какихъ не предоставляютъ римскому двору даже латинскія по исповѣданію государства, папа очевидно стремился къ тому, чтобы совершенно устранить русское правительство отъ всякихъ отношеній къ латинской церкви въ имперіи и царствѣ польскомъ. Отношенія ея членовъ къ верховной власти, какъ подданныхъ, замѣнить исключительнымъ подчиненіемъ власти римскаго первосвященника, предоставить ей полную свободу дѣйствія, какъ въ своей средѣ, такъ и въ отношеніи къ другимъ исповѣданіямъ, не только терпимымъ въ государствѣ, но даже и къ господствующему. Упоминая объ удаленіи латинскихъ миссіонеровъ изъ Грузіи, въ 1844 г., за то, что они не хотѣли подчиниться власти могилевскаго архіепископа и за совращенія православныхъ въ латинство, папа оправдываетъ ихъ дѣйствія

и говоритъ, что они исполняли «священныя обязанности своего призванія (п. 15)».

Достиженіе предположенной римскимъ дворомъ цѣли Григорію XVI представлялось весьма легкимъ; стоило только императору отмѣнить всѣ тѣ законы, которые Римъ находилъ несогласными съ его правилами и стѣсняющими свободу его дѣйствій. «Управленіе церковью не можетъ служить и подчиняться различнымъ видоизмѣненіямъ государственнаго управленія, потому что оно блюдетъ устройство церкви, дарованное ей отъ ея божественнаго основателя. Государи свѣтскіе могутъ отмѣнять или измѣнять свои законы, но святой престолъ не можетъ измѣнять началъ католической вѣры, ни произвольно отмѣнять правилъ церковной дисциплины. Законы и указы императора, противъ которыхъ возставалъ и возстаетъ святой престолъ, или состоялись недавно, или вновь возобновлено дѣйствіе прежнихъ. Очень легко ихъ отмѣнить, не нарушая пользы и достоинства государства. Законы же католической церкви восходятъ, напротивъ, по времени ея основанія, къ *отцамъ церкви*, къ *соборамъ*. Нельзя молчать, когда ихъ нарушаютъ, иначе разрушится весь духовный порядокъ въ церкви; поэтому сохраненіе этихъ законовъ для папы составляетъ дѣло совѣсти предъ Богомъ, предъ церковью, предъ всѣмъ католическимъ міромъ (ст. 11, 12 и 13)».

Пій IX повторяетъ ту же мысль въ разсматриваемой нами запискѣ (стр. 5). «Во всякомъ законодательствѣ—говоритъ онъ—право измѣнять или отмѣнять законы принадлежитъ той власти, которая ихъ установляетъ. Поэтому въ россійской имперіи, законы, установленные императоромъ и противъ которыхъ возражаетъ святой престолъ, могутъ быть отмѣнены государемъ, не нарушая выгодъ и достоинства имперіи. Напротивъ, въ католической церкви всякій законъ восходитъ ко времени ея основанія и непосредственно связанъ съ ея божественнымъ устройствомъ, и поэтому святъ и неизмѣненъ». Въ этомъ повтореніи выраженій записки Григорія XVI исключено указаніе на *отцовъ церкви* и *соборы*, мы полагаемъ, не безъ цѣли. Дѣйствительно, въ ученіи отцовъ церкви, въ постановленіяхъ соборовъ, нѣтъ возможности отыскать доказательства для подтвержденія вообще папскихъ притязаній, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которыя они выражали въ отношеніи къ нашему правительству.

Изъ приведенныхъ словъ нельзя не замѣтить, что папы указываютъ только на законы, изданныя свѣтскою властію, и вовсе не признаютъ существованія постановленій и правилъ нашей церкви, точно также основанныхъ на священномъ писаніи, уче-

ніи отцовъ церкви, постановленіяхъ соборовъ, и восходящихъ до временъ основанія христіанства. Григорій XVI, хотя и называетъ присоединеніе уніатовъ къ православной церкви отступничествомъ (apostasia), однакоже умалчиваетъ вообще о нашей церкви; его преемникъ, напротивъ, прямо называетъ ее расколомъ, схизмою, и слѣдовательно, не признаетъ за ней права на законное существованіе.

Обращаясь въ своей запискѣ къ приведенію указанныхъ имъ законовъ въ исполненіе, Григорій XVI говорилъ: «Мы не имѣемъ намѣренія смѣшивать законы или указы съ способами ихъ исполненія, подавшими поводъ къ стольким вопіющимъ явленіямъ. Законы исходятъ отъ власти государя, ихъ исполненіе зависитъ отъ подчиненныхъ дѣятелей. Очень можетъ случиться, что законы будутъ примѣняемы такими способами, которыхъ государь никогда бы не одобрилъ, и о которыхъ онъ можетъ даже не знать. Мы далеки отъ того, чтобы приписывать императору строгость и жестокость при исполненіи нѣкоторыхъ законовъ, и увѣрены, что это зависѣло отъ произвола исполнителей, несогласнаго съ волею и намѣреніями его величества. Но все-таки нельзя не желать, чтобы противъ такихъ злоупотребленій были приняты дѣйствительныя мѣры. Нельзя также отрицать, что разсказы и изложеніе фактовъ, ихъ свойствъ и сопровождавшихъ ихъ обстоятельствъ, не совсѣмъ вѣрны и преувеличены. Это случается часто, когда дѣло идетъ о происшествіяхъ сложныхъ, совершившихся въ странахъ отдаленныхъ, сообщеніе съ которыми такъ затруднено, и гдѣ существуютъ противоположныя партіи. Однакоже не возможно отвергать самыхъ фактовъ и ихъ существеннаго значенія; въ извѣстіяхъ объ нихъ могутъ быть преувеличены ихъ свойства, произвольныя и жестокія, но цѣль, къ которой направлены самые указы, не подлежитъ сомнѣнію. Говорятъ, будто папа не получаетъ вѣрныхъ свѣдѣній, что его обманываютъ. Но если нѣкоторыя извѣстія, доходящія до него путемъ общей гласности, подтверждаются подробными изложеніями происшествій, если тѣ, которые ихъ отвергаютъ, съ своей стороны не доказываютъ, что они ложны, если папѣ не даютъ возможности имѣть своего посланника, чтобы повѣрять ихъ на мѣстѣ; то какъ же можетъ онъ удостовѣриться, что ложно все, что ни разсказываютъ и—успокоиться. Но жалобы святого престола основаны не на этихъ однихъ фактахъ, а на законахъ, которые ставятъ католическую церковь въ рабское положеніе (nello stato di schiativa), противное постановленіямъ этой церкви, и стремятся отторгнуть католиковъ отъ средоточія католическаго единства (ст. 16—19)».

Такимъ образомъ, папа желалъ освободить латинскую церковь въ предѣлахъ русскаго владычества отъ всякихъ отношеній къ нашему правительству, подчинить ее исключительно римскому престолу и, чтобы достигнуть этой цѣли, съ одной стороны, онъ желалъ заключить договоръ съ императоромъ (un atto), а съ другой имѣть постояннаго нунція при русскомъ дворѣ, который бы служилъ живою связью между этою церковію и папою, какъ ея главою.

Чрезъ нѣсколько дней императоръ Николай Павловичъ, 17 декабря, передалъ письменный отвѣтъ, составленный въ видахъ искренняго желанія водворить мирныя отношенія между Россіею и Римомъ, оградить права латинской церкви въ предѣлахъ имперіи и царства и успокоить свободу совѣсти своихъ подданныхъ латинскаго исповѣданія. «Краткость пребыванія—сказано въ этомъ отвѣтѣ—и отсутствіе документовъ, на которые указано въ папской запискѣ, не дозволяютъ императору войти въ подробное разсмотрѣніе различныхъ вопросовъ, въ ней означенныхъ. Въ бесѣдѣ, исполненной взаимнаго довѣрія и откровенности между имъ и святымъ отцомъ, равно и въ разговорахъ съ кардиналомъ Ламбрускини, императоръ поспѣшилъ отвѣчать, какъ на всю совокупность вопросовъ, такъ и на нѣкоторые изъ нихъ въ частности. Но, есть однако же предметы, которые не могутъ быть немедленно разрѣшены, а именно, относящіеся до уставовъ и указовъ, которые римскій дворъ считаетъ болѣе или менѣе несогласными съ каноническими постановленіями римской церкви. Императоръ, по возвращеніи въ Петербургъ, займется подробно всѣми этими вопросами и постарается въ духѣ дружественнаго благорасположенія изыскать средства для соглашенія, по возможности, желаній святого отца съ своими обязанностями, какъ верховнаго защитника господствующей церкви (protecteur) и съ общимъ законодательствомъ имперіи». Въ концѣ отвѣта прибавлено, что — «императоръ проситъ верховнаго первосвященника быть твердо увѣреннымъ, что никто болѣе его не желаетъ поддерживать значеніе и достоинство римской церкви въ имперіи и Польшѣ. Въ мольбахъ къ Всевышнему, которыя возноситъ императоръ, онъ одинаково выражаетъ заботу о всѣхъ народахъ, безъ различія вѣроисповѣданій, которыхъ судьбы ввѣрены его попеченію божественнымъ провидѣніемъ. Все, что возможно сдѣлать, не противорѣча кореннымъ законамъ имперіи и не нарушая правъ и каноновъ господствующей церкви,—будетъ сдѣлано. Императорское слово можетъ быть въ этомъ случаѣ ручательствомъ его святѣйшеству».

Указавъ на коренные законы имперіи и каноны православ-

ной церкви, какъ главныя основанія, императоръ, вслѣдъ за приведенными словами, говорилъ: «Но, какъ выше указано, есть такіе предметы и требованія, не подчиниться которымъ не зависитъ отъ воли императора». Въ отвѣтѣ, дѣйствительно, указано на одинъ изъ частныхъ вопросовъ, составлявшихъ предметъ спора, на смѣшанные браки, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Святой отецъ жалуется на запрещеніе латинскимъ священникамъ крестить дѣтей, рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ. Не говоря уже о религіозныхъ сомнѣніяхъ и личныхъ убѣжденіяхъ императора, его величество не считаетъ себя вправѣ отмѣнить это распоряженіе, потому что это было бы прямымъ нарушеніемъ правъ и каноновъ господствующей церкви. Впрочемъ, взглядъ его святѣйшества въ этомъ случаѣ совершенно одинаковъ со взглядомъ императора. Пусть святой отецъ спроситъ самого себя, поступилъ ли бы онъ иначе въ подобныхъ случаяхъ? Согласился-ли бы папа обнародовать такой законъ въ своей области, по которому дозволялось бы православнымъ священникамъ или протестантскимъ пасторамъ крестить въ Римѣ дѣтей, происшедшихъ отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ, въ которыхъ одинъ изъ супруговъ исповѣдуетъ римскій католицизмъ?»

Что касается до злоупотребленій, совершаемыхъ нисшими исполнителями распоряженій высшаго правительства, на которыя жаловался папа, то въ этомъ отношеніи — «виды императора не могутъ подлежать сомнѣнію», сказано въ отвѣтѣ римскому первосвященнику. «Всякое злоупотребленіе и теперь строго преслѣдуется и будетъ преслѣдоваться; его величество былъ бы очень доволенъ, еслибъ папа указалъ ему на нѣкоторыя изъ нихъ, ускользнувшія отъ бдительности правительства».

Безъ сомнѣнія, русскій императоръ, во время непродолжительнаго пребыванія въ Римѣ, не могъ входить въ подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ вопросовъ, въ которыхъ выражались притязанія римскаго двора; но опредѣленіе тѣхъ общихъ условій, при которыхъ только могло послѣдовать взаимное по нимъ соглашеніе, и указаніе, для примѣра, на вопросъ о крещеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, совершенно ясно и опредѣленно выразили какъ основныя начала, такъ и очертили границы будущихъ дипломатическихъ переговоровъ. Строгое сохраненіе правъ и постановленій православной церкви, неприкосновенность коренныхъ законовъ государства, вотъ предѣлы, далѣе которыхъ не могли и не должны были простираться уступки Риму. Но въ этихъ предѣлахъ, сохраняя неприкосновеннымъ достоинство церкви и государства, императоръ обѣщалъ сдѣлать

все, что могло бы удовлетворить папу и успокоить его подданныхъ, исповѣдующихъ латинское ученіе.

Эти два важные документы, которыхъ содержаніе мы изложили, послужили основаніемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ. Изъ нихъ уже нельзя не замѣтить, что выступили лицомъ къ лицу двѣ самостоятельныя и независимыя одна отъ другой силы: одна предъявляетъ притязаніе на полновластіе, предъ которымъ всѣ должны преклоняться, другая охраняетъ свою государственную самостоятельность и неприкосновенность своей, національной церкви. Такое взаимное отношеніе договаривающихся сторонъ уже предсказывало будущій ходъ и вѣроятный исходъ переговоровъ. Очевидно, споръ возведенъ до основныхъ *началъ;* но переговоры о нихъ наше правительство, еще въ нотѣ 31 января 1841 г., считало — дѣломъ «труднымъ и почти невозможнымъ», чтобы придти къ соглашенію.

Послѣ отъѣзда императора изъ Рима, русскій канцлеръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, еще оставался тамъ нѣсколько времени и совѣщался съ кардиналомъ Ламбрускини, который передалъ ему болѣе подробныя свѣдѣнія о вопросахъ, обращавшихъ на себя вниманіе римскаго двора.

III.

Посольство гр. Д. Н. Блудова въ Римъ. — Конкордатъ 1847 г. іюня 22. — Значеніе конкордата и разсмотрѣніе постановленныхъ въ немъ правилъ, сравнительно съ другими европейскими конкордатами.

По возвращеніи изъ путешествія, императоръ, исполняя данное папѣ слово, назначилъ особое посольство въ Римъ съ исключительною цѣлію подробно разсмотрѣть всѣ требованія папскаго правительства и, по возможности, придти къ соглашенію, въ указанныхъ имъ самимъ предѣлахъ. Послѣдствіемъ продолжительныхъ совѣщаній графа Д. Н. Блудова съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ Ламбрускини, при участіи нашего посланника въ Римѣ г. Бутенева, былъ заключенъ конкордатъ, 22 іюля 1847 года, или, по оффиціальному названію — «Статьи (articles), подписанныя уполномоченными императора и папы».

Въ первый еще разъ Россія заключила письменный договоръ съ римскимъ дворомъ. Важное значеніе такого явленія въ нашей исторіи обязываетъ насъ обратить на него особенное вниманіе. Сущность конкордата, состоявшаго изъ 31 статьи, заключалась въ слѣдующемъ:

Въ русской имперіи, вмѣсто существовавшихъ уже шести, учреждены семь римско-католическихъ епархій, и въ первой же статьѣ опредѣлены ихъ предѣлы. Но вслѣдъ за тѣмъ, во второй статьѣ, сказано: «пространство и предѣлы епархій будутъ опредѣлены папскою буллою». Какой же заключается смыслъ въ этомъ, повидимому, противорѣчіи? Возможно-ли вновь опредѣлять уже опредѣленные предѣлы эпархій и ихъ пространство, и на что это нужно, когда новое опредѣленіе — «должно быть сообразно съ тѣмъ, какое означено въ предшедшей первой статьѣ» — конкордата, какъ сказано въ той же, второй статьѣ?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, весьма важный съ точки зрѣнія римскаго двора, мы должны припомнить прежнія отношенія наши къ Риму по вопросу объ учрежденіи латинскихъ епархій въ предѣлахъ русской имперіи.

При императрицѣ Екатеринѣ II, послѣ перваго раздѣла Польши, для Бѣлоруссіи было учреждено римско-католическое епископство въ Могилевѣ, 22 ноября 1773 г., управленію котораго были подчинены всѣ лица, исповѣдывавшія латинское ученіе, и находившіяся въ предѣлахъ имперіи. Въ указѣ по этому случаю сказано: «Нынѣ, по *усмотрѣнію нашему*, опредѣляемъ епископомъ католицкимъ Станислава Сестренцевича». Впослѣдствіи, послѣ второго раздѣла Польши, въ 1795 году сентября 6, учреждены, для вновь присоединенныхъ областей, еще три епископства, въ Вильнѣ, Луцкѣ и Летичевѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, императрица не входила ни въ предварительныя сношенія съ Римомъ, не требовала утвержденія папы для учрежденія новыхъ епархій и разграниченія ихъ предѣловъ. Въ перепискѣ, возникшей съ римскимъ дворомъ по случаю іезуитовъ, императрица въ письмѣ къ Пію VI, 1782 г., говорила, что терпя, по примѣру своихъ предковъ, въ предѣлахъ имперіи всѣ исповѣданія безъ исключенія и въ числѣ ихъ римское, она однако же не допуститъ, чтобы въ какихъ бы то ни было дѣлахъ, исповѣдующіе это ученіе непосредственно могли зависѣть отъ чужеземной власти. «Поэтому, никакая булла папы не обнародывается въ имперіи безъ нашего повелѣнія». Считая въ тоже время своимъ правомъ возводить въ архіепископское достоинство, она возвела въ этотъ санъ могилевскаго епископа, назначила ему коадъютора и предложила только папѣ прислать архіепископу палліумъ, а коадъютора посвятить, — «единственно для того, чтобы соблюсти обычаи римской церкви» [1]).

---

[1]) Когда папа долго не исполнялъ желанія императрицы, она, въ 1782 г. нояб. 4, писала къ нашему посланнику въ Варшавѣ гр. Штакельбергу, что если папскій дворъ

Папа, уступая требованіямъ императрицы, воспользовавшись однако же случаемъ, поспѣшилъ прислать своего посла, монсиньора Аркетти. Хотя онъ поручалъ ему предложить русскому двору и о другихъ дѣлахъ, касающихся латинской церкви, однако императрица ограничила его кратковременное посольство только утвержденіемъ Сестренцевича въ архіепископскомъ достоинствѣ и посвященіемъ ему коадъютора.

Впослѣдствіи, при императорѣ Павлѣ, въ 1798 г., указомъ сенату 22 апрѣля, число римско-католическихъ епархій было умножено до шести. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса, представлялась ли особая нужда умножать число латинскихъ епископовъ, замѣтимъ только, что и этимъ обстоятельствомъ Римъ воспользовался, чтобы снова отправить въ Россію своего легата. Разсчитывая на то, чтобы эта мѣра была принята благосклонно нашимъ правительствомъ, папа избралъ посломъ въ Россію графа Литту, котораго братъ управлялъ Мальтійскимъ орденомъ и пользовался особеннымъ расположеніемъ императора.

Кардиналъ графъ Литта, въ качествѣ апостольскаго нунція, утвердилъ 27 іюня 1798 г. распоряженіе русскаго правительства объ епархіяхъ, дозволивъ себѣ при этомъ случаѣ и нѣкоторыя измѣненія по собственной власти, а именно: умноженіе числа суффрагановъ. Быть можетъ и это обстоятельство, а особенно взгляды на управленіе латинскою церковію Сестренцевича, возведеннаго уже въ санъ митрополита, не совсѣмъ согласныя съ ультрамонтанскими притязаніями Рима, и преимущественно то, что кардиналъ Литта, окончивъ свое частное порученіе, не думалъ оставлять Россію и вмѣшивался въ дѣла внутренняго управленія и политики, принудили русское правительство немедленно

будетъ долѣе медлить въ присылкѣ палліума Сестренцевичу и посвященіи ему коадъюторомъ Бениславскаго, то онъ долженъ объявить нунцію, что не только отказъ, но и всякое промедленіе къ удовлетворенію ея требованій поставитъ ее въ совершенную необходимость отнять у римской церкви то покровительство, какимъ она могла до сихъ поръ гордиться въ ея имперіи. Затѣмъ, она неизбѣжно будетъ доведена до полной бездѣйственности, а эта бездѣйственность будетъ для нея особенно гибельна, потому что, какъ извѣстно папѣ, бо́льшая часть нынѣшнихъ католиковъ Бѣлоруссіи были нѣкогда православными и приняли сами, или ихъ предки, католицизмъ, единственно во избѣжаніе гоненій, воздвигнутыхъ противъ нихъ въ Польшѣ по проискамъ римскаго духовенства. При такомъ положеніи дѣлъ, большинство изъ нихъ ждетъ только малѣйшаго знака для перехода въ вѣру православную, покинутую ими со скорбію и оставившую еще много слѣдовъ въ ихъ сердцѣ, въ ту вѣру, основанія которой тѣмъ драгоцѣннѣе для человѣчества, что они никогда не идутъ па перекоръ верховной власти и гражданскаго управленія, также какъ и благоденствію и благочинію общественному. См. Сборникъ Русск. истор. общества, ст. кн. Оболенскаго: переписка по дѣлу о іезуитскомъ новиціатѣ въ Бѣлоруссіи; стр. 455, прилож. № XL.

выслать его изъ Петербурга. Съ тѣхъ поръ число латинскихъ епархій оставалось неизмѣненнымъ до конкордата 1847 года [1]).

Допуская власть папы въ отношеніи къ латинской церкви въ предѣлахъ имперіи только въ дѣлахъ духовныхъ, вѣры и совѣсти, русское правительство—учрежденіе епархій и опредѣленіе ихъ границъ, не имѣющее ничего общаго съ этими дѣлами, считало неотъемлемымъ правомъ верховной власти. Но Римъ смотрѣлъ иначе на этотъ вопросъ. Папы никогда не довольствовались одною духовною властью; не охрана чистоты вѣроисповѣданія, не старанія о спасеніи душъ римскихъ католиковъ составляли главный предметъ ихъ заботъ и попеченій. Напротивъ, свѣтское владычество составляло существенную цѣль ихъ стремленій. Объявляя притязанія на господство надъ цѣлымъ міромъ, они хотѣли подчинить своей власти области, въ которыхъ обитали исповѣдующіе латинское ученіе, ихъ имущества и самую государственную власть, управлявшую ими. Государи должны быть только исполнителями папскихъ предписаній. При такомъ взглядѣ, конечно, учрежденіе епархій и опредѣленіе ихъ границъ римскій дворъ считалъ своимъ исключительнымъ правомъ, и всякое вмѣшательство въ этомъ случаѣ свѣтской власти объявлялъ, какъ притѣсненіе и гоненіе латинской церкви.

Понимая въ этомъ отношеніи виды папъ и, безъ сомнѣнія, не раздѣляя ихъ, русскіе государи сами, безъ всякаго участія Рима, увеличивали число епархій и обозначали ихъ предѣлы, когда считали нужнымъ. Папы, съ своей стороны, опасались прямо возставать противъ такихъ дѣйствій, однако же, пользуясь обстоятельствами, всякій разъ посылали своихъ легатовъ, которымъ поручали утверждать новое раздѣленіе епархій, чтобы такимъ образомъ удерживать за собою окончательную санкцію. Наше правительство не препятствовало этому, но и не придавало папскому утвержденію особеннаго значенія.

Но, что̀ прежде было случайнымъ явленіемъ, то превратилось въ правило съ тѣхъ поръ, какъ внесено въ конкордатъ 1847 г. Хотя по смыслу заключающихся въ немъ постановленій, новое распредѣленіе епархій установлено по взаимному соглашенію обѣихъ договаривавшихся сторонъ; но окончательное утвержденіе предоставлено папскому престолу. Значеніе этихъ постановленій объясняютъ слѣдующія слова буллы Пія IX, 1848 г. іюня 5-го (universalis ecclesiae cura): «Въ обширнѣйшей россійской имперіи существуетъ шесть латинскаго исповѣданія епархій, которыхъ

---

1) Полн. Собр. Закон. №№ 14.073, 17.379, 17.380, 18.504.—Гр. Д. Толстого: Le cathol. Romain en Russie. T. II, гл. VII.

границы нашъ предшественникъ Пій VI апостольскою заботливостію старался, для благоденствія вѣрующихъ, опредѣлить въ своей граматѣ, 15 декабря 1798 г.; поэтому мы, имѣя въ виду настоящее состояніе этихъ епархій и разныя мѣстныя и современныя обстоятельства, употребили наше стараніе къ тому, чтобы эта любезная паства могла пользоваться лучшимъ управленіемъ и болѣе достаточными духовными пособіями. Почему, между прочимъ, положено, существующія уже шесть епархій латинскаго исповѣданія въ россійской имперіи разграничить новыми предѣлами и учредить новое епископство въ г. Херсонѣ съ двумя суффраганами съ тою цѣлію, чтобы епископы въ сихъ преобширныхъ странахъ легче и удобнѣе могли пещись о спасеніи душъ своей паствы. Вслѣдствіе чего, по зрѣломъ и тщательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и по совѣщаніи съ конгрегаціею кардиналовъ, побуждаемые сверхъ того надеждою, что новое разграниченіе епархій и учрежденіе новаго епископства послужатъ ко благу католической вѣры и къ полезнѣйшему управленію духовными дѣлами, на основаніи точныхъ свѣдѣній и зрѣлыхъ соображеній нашихъ, а также и въ силу апостольскаго нашего *полновластія* (apostolicae potestatis plenitudine), настоящею граматою постановляемъ»... За тѣмъ слѣдуетъ подробное опредѣленіе установляемыхъ семи епархій. Приведенныя слова, кажется, не нуждаются въ объясненіи: очевидно, папа считаетъ вопросъ объ учрежденіи епархій и опредѣленіи ихъ границъ принадлежащимъ исключительно его власти и въ этомъ смыслѣ понимаетъ постановленія конкордата. Поэтому и распредѣленіе приходовъ въ каждой епархіи должно быть «представлено на утвержденіе святѣйшаго престола», сказано во 2-й ст. конкордата.

Такое значеніе первыхъ статей этого договора представится въ бóльшей еще ясности, если мы сравнимъ его съ подобными же постановленіями конкордатовъ другихъ европейскихъ государствъ.

Въ австрійскомъ конкордатѣ, 1855 г. августа 18-го, заключеннаго для «всей имперіи и всѣхъ входящихъ въ ея составъ государствъ»—постановлено: «Святой престолъ, пользуясь принадлежащимъ ему правомъ, можетъ учреждать новыя епархіи и опредѣлять ихъ границы, когда для блага вѣрныхъ это сочтетъ полезнымъ (ст. 18)». Такимъ образомъ, это право признается прямо принадлежащимъ папѣ, который только, изъ снисхожденія, позволяетъ себѣ входить въ этихъ случаяхъ—«въ соглашенія съ императорскимъ правительствомъ».

Напротивъ, Франція вовсе не признаетъ въ этомъ случаѣ исключительнаго права римскаго первосвященника. Въ конкор-

датѣ, заключенномъ, 1802 г. апрѣля 8-го, первымъ консуломъ съ Піемъ VII, постановлено: «Новое распредѣленіе епархій во Франціи будетъ составлено святымъ престоломъ по соглашенію съ французскимъ правительствомъ (ст. 2)». Свѣтское правительство въ этомъ случаѣ считаетъ свои права совершенно равными съ правами папы. Если правительство страны, латинской по исповѣданію, удерживаетъ за собою это право,—то, конечно, новое распредѣленіе епархій, составленное по взаимному соглашенію нашихъ уполномоченныхъ съ римскимъ дворомъ и внесеніе въ конкордатъ статьи, что это будетъ утверждено особою буллою папы, составляетъ уже такую уступку римскому двору, далѣе которой не могла простираться въ этомъ случаѣ снисходительность русскаго правительства.

Эта уступка повлекла за собою и другую. Вопросъ о посвященіи епископовъ, конечно, никогда не составлялъ предмета споровъ между правительствами европейскихъ государствъ и Римомъ. Дѣла *посвященія*, какъ духовнаго, свѣтская власть и не имѣла намѣренія присвоивать себѣ; но *избраніе* лицъ на епископскія каѳедры, назначеніе кандидатовъ, — это былъ и есть одинъ изъ важныхъ вопросовъ для всѣхъ правительствъ, въ виду особеннаго свойства латинской церкви.

Не признающая народностей, стремящаяся къ полному господству надъ всѣми народами и государствами, римская церковь могла назначать такихъ лицъ на эти важныя въ общественномъ отношеніи должности, которыя ничего не имѣя общаго, ни съ ввѣряемою ихъ управленію паствою, ни съ государствомъ, не могли принести никакой пользы. Напротивъ, папы могли назначать враждебныхъ народу и правительству лицъ, хотя и вѣрныхъ слугъ чуждой имъ власти Рима. Это не простое опасеніе, но истина, подтверждаемая опытами многихъ вѣковъ, которая и заставила европейскія правительства ограничить въ этихъ случаяхъ власть римскаго первосвященника.

Не вдаваясь въ доказательства, множествомъ которыхъ могла бы снабдить насъ исторія европейскихъ государствъ, сравнимъ только постановленія нашего конкордата съ нѣкоторыми изъ иностранныхъ.

Въ австрійскомъ конкордатѣ 1855 г. сказано: «Императоръ, въ силу апостольской привилегіи, дарованной его предкамъ, избирая епископовъ, будетъ назначать или представлять ихъ святому престолу для каноническаго поставленія, но собравъ о нихъ мнѣнія другихъ епископовъ преимущественно той же области». Признавая за собою право избранія и поставленія епископовъ, папа однакоже передавалъ свои права въ этомъ случаѣ,

въ отношеніи другихъ государствъ, своимъ нунціямъ или мѣстнымъ митрополитамъ. Иногда же въ знакъ особой милости и довѣрія, римскій престолъ эти права нунціевъ передавалъ и самимъ государямъ. Первый примѣръ такой передачи былъ венгерскому королю Стефану и его наслѣдникамъ папою Сильвестромъ, подтвержденный потомъ для императрицы Маріи Терезіи Климентомъ VIII. Съ этою привилегіею соединялся титулъ *апостольскаго* и ношеніе креста въ торжественныхъ случаяхъ, какъ передъ папскимъ нунціемъ. Только на этомъ основаніи нѣкоторые государи получали право назначать епископовъ, которое, въ отношеніи къ австрійскому императору, уже было нѣсколько ограничено послѣднимъ конкордатомъ; ибо онъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ принимать во вниманіе мнѣнія другихъ епископовъ. Такимъ же правомъ пользовались неаполитанскіе короли (конкорд. 1818 г. февр. 16, ст. 28); но, назначая епископовъ, они обязывались увѣдомлять папу, дабы «онъ, собравъ о нихъ надлежащія справки», утвердилъ ихъ въ этомъ званіи. До утвержденія же папою, они не могли вступать въ управленіе епархіею.

Исторія Франціи, въ отношеніи къ этому вопросу, представляетъ любопытныя явленія, которыя вполнѣ его объясняютъ.

До XVI вѣка, въ галликанской церкви избраніе епископовъ принадлежало капитуламъ, а папѣ только утвержденіе. По конкордату 1517 г., заключенному Франдискомъ I-мъ съ папою Львомъ X, это право предоставлено было королямъ Франціи. Духовенство постоянно жаловалось на эту привилегію королевской власти и считало ее нарушеніемъ такъ называемыхъ вольностей галликанской церкви. Но когда впослѣдствіи революціонное правительство Франціи провозгласило начало народнаго избранія лицъ на церковныя должности, — то духовенство возстало еще сильнѣе. Въ слѣдъ за ультрамонтанами, оно развило папскій взглядъ на этотъ вопросъ въ цѣлое ученіе, по которому избраніе и постановленіе епископовъ признавалось исключительнымъ и священнымъ правомъ папы (droit divin). Конечно, это ученіе, умышленно смѣшавшее понятія о духовномъ значеніи рукоположенія и посвященія съ простымъ распоряженіемъ объ избраніи епископовъ и другихъ служителей церкви, касавшимся только церковной дисциплины, не могъ привлечь на свою сторону перваго консула, да и въ средѣ духовенства, еще не совсѣмъ утратившаго преданія галликанской церкви, не всѣ раздѣляли этотъ ультрамонтанскій взглядъ.

Въ конкордатѣ 1802 г. было постановлено, что новое распредѣленіе епархій на развалинахъ, произведенныхъ революціею, будетъ составлено Римомъ, по соглашенію съ французскимъ пра-

вительствомъ; что же касается до епископовъ — «то они будутъ назначены первымъ консуломъ» и впредь на вакантныя мѣста, будутъ назначаемы имъ-же. «Святой престолъ сообщитъ имъ только каноническое утвержденіе по установленнымъ формамъ (ст. 2. 4 и 5)». Въ конкордатѣ 1813 г. февраля 13-го, это общее правило развито такимъ образомъ: «Если папа въ продолженіе шести мѣсяцевъ не сообщитъ своего утвержденія, то митрополитъ или старшій изъ епископовъ самъ исполнитъ утвержденіе, такъ чтобы ни одна епископская каѳедра не оставалась вакантною болѣе года (ст. IV)». Это послѣднее правило представляется особенно важнымъ, ибо не признаетъ безусловной необходимости даже окончательнаго утвержденія епископовъ исключительно папою.

Простымъ ли дѣломъ произвола, которымъ въ своихъ поступкахъ такъ отличался Наполеонъ I-й, можно объяснять происхожденіе подобнаго правила? Хотя оно и было утверждено папою, но Пій VII былъ въ это время плѣнникомъ въ Фонтенеблò. Дѣйствительно, раздражаемый постоянными отказами папы утверждать избираемыхъ имъ епископовъ, Наполеонъ I-й вынудилъ признаніе этого правила у Пія VII; но, тѣмъ не менѣе, самое правило напоминаетъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, истинныя постановленія вселенской церкви. На основаніи апостольскихъ правилъ, какъ вселенскіе такъ и помѣстные соборы признавали, что епископы должны быть избираемы и поставляемы соборомъ всѣхъ епископовъ области, въ случаѣ же неудобства собраться всѣмъ,—двумя или тремя епископами, съ утвержденія митрополита. Эти правила до сихъ поръ ненарушимо сохраняются восточною церковью. Римъ, въ X-мъ вѣкѣ, отступилъ отъ нихъ и, на основаніи подложныхъ декреталій, присвоилъ исключительно это право одному папѣ.

Но слѣды первоначальныхъ правилъ еще сохранялись долго и на западѣ Европы. Таково было *право капитуловъ* избирать епископовъ, существовавшее тамъ почти повсюду. Но мало-помалу оно было стѣсняемо и даже уничтожаемо, съ одной стороны властію королей, какъ во Франціи, съ другой — папами. Въ настоящее время оно существуетъ въ Пруссіи. Конкордатомъ 1821 г., заключеннымъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III съ Піемъ VII, это право подтверждено для всѣхъ латинскихъ епархій этого королевства (ст. 5). Въ буллѣ Пія VII, іюля 16 1821 г. — de salute animarum, сказано: «Мы полагаемъ сдѣлать пріятное германскому народу и прусскому королю, возстановивъ, въ находящихся подъ свѣтскою его властью епархіяхъ по сю сторону Рейна право выборовъ, сохранившееся и утвержденное въ за-

рейнскихъ епархіяхъ, но отмѣненное въ лежащихъ по сю сторону Рейна апостольскимъ постановленіемъ 1801 г.»

Указавъ на постановленія конкордатовъ нѣкоторыхъ изъ европейскихъ государствъ, обратимся къ нашему.

Русское правительство постоянно удерживало за собою право назначать епископовъ, но предоставляло папѣ утверждать ихъ въ этомъ званіи. Но конкордатомъ 1847 г. сдѣлана важная уступка Риму; въ немъ постановлено: «Епископы, какъ епархіальные, такъ равно и суффраганы россійской имперіи и царства польскаго, будутъ назначаемы каждый разъ по предварительному соглашенію его императорскаго величества съ святѣйшимъ престоломъ; каноническое же ихъ утвержденіе будетъ совершаться его святѣйшествомъ обыкновеннымъ порядкомъ (ст. XII)». При прежнемъ порядкѣ дѣлъ, когда назначеніе епископовъ производилось безъ участія папъ, непосредственно отъ власти государственной,—безъ сомнѣнія, могли встрѣчаться нѣкоторыя неудобства. Назначенный такимъ порядкомъ епископъ, хотя и вступалъ въ управленіе своею епархіею, однакоже, до утвержденія въ этомъ санѣ папою, не могъ исполнять многихъ духовныхъ обязанностей и, что особенно было важно, не могъ посвящать въ священники. Очевидно, это неудобство происходило не отъ порядка назначенія, но или отъ отказовъ папы въ утвержденіи, или въ несвоевременномъ утвержденіи. Чтобы предотвратить это неудобство, конкордатъ 1847 г. допустилъ предварительное соглашеніе императора съ папою о назначаемыхъ епископахъ. Но не могъ-ли папа, стремясь къ достиженію окончательной своей цѣли — къ неограниченному праву, самому какъ избирать и назначать, такъ и утверждать епископовъ, не соглашаться съ представленіями нашего правительства, отклонять избранныхъ имъ лицъ, и такимъ образомъ возбуждать еще большія неудобства, оставляя епархіи безъ епископовъ? Послѣдующій опытъ доказалъ справедливость такого опасенія.

Григорій XVI въ запискѣ, поданной императору Николаю Павловичу въ Римѣ, писалъ: «Если нѣкоторые изъ представленныхъ на епископства лицъ не были имъ одобрены, то потому, что они не имѣли необходимыхъ для того, по каноническимъ правиламъ, качествъ». «Судить о качествахъ необходимыхъ для епископа, составляетъ не только право папы, отъ котораго онъ не можетъ отказаться, но и обязанность, возлагаемую на него канонами церкви. Впрочемъ папа не рѣдко отказываетъ въ этихъ случаяхъ и католическимъ государямъ, и они подчиняются сужденію главы церкви и представляютъ другихъ кандидатовъ. Безъ сомнѣнія, папа не изберетъ лица завѣдомо подозрительнаго импе-

ратору въ политическомъ отношеніи; но онъ также не можетъ дать каноническаго утвержденія и лицу, подозрительному для святого престола (ст. 21 и 22)». Вслѣдствіе личныхъ переговоровъ императоръ писалъ Григорію XVI, 1845 г. декабря 17, что — «онъ надѣется на послѣдовавшее, къ счастію, между ними соглашеніе въ отношеніи къ способу назначенія епископовъ, которое устранитъ затрудненія, до сихъ поръ испытываемыя императорскимъ правительствомъ въ замѣщеніи вакантныхъ епископскихъ каѳедръ». Но соглашенія, основанныя на личномъ довѣріи, конечно, могли измѣниться съ перемѣною лицъ и обстоятельствъ; а условія конкордата не могли предотвратить неудобствъ, возникавшихъ на дѣлѣ.

Конечно, уважая каноническія постановленія вселенской церкви, Россія не могла принять за образецъ французскій конкордатъ 1813 г.; но могла, опираясь на эти постановленія, которыхъ значенія не можетъ отрицать и Римъ, требовать, чтобы епископы сами, всѣ или въ числѣ двухъ и трехъ, могли поставлять епископовъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ. Такое постановленіе было бы вполнѣ согласно и съ преданіями нашей политики съ Римомъ [1]), и съ стремленіемъ ввести соборное начало въ управленіе латинскою церковью, выразившемся въ учрежденіи для нея особой *духовной коллегіи.*

Сверхъ изложенныхъ правилъ, въ конкордатѣ 1847 г., заключаются подробныя постановленія объ учрежденіи новой херсонской епархіи (ст. 4—10) и о правахъ епископовъ, какъ въ отношеніи къ суду и управленію церковными дѣлами, такъ и — «по высшему управленію воспитаніемъ, наукою и внутреннею дисциплиною» — въ семинаріяхъ и въ петербургской католической академіи (ст. 13 — 29).

«Судъ и управленіе церковными дѣлами каждой епархіи принадлежитъ исключительно епископу оной», сказано въ конкордатѣ. Власть епископа ограничена только слѣдующимъ усло-

---

[1]) Въ 1798 г., митрополитъ Сестренцевичъ составилъ проектъ объ устройствѣ латинской іерархіи въ имперіи, въ которомъ предполагалъ поддержать зависимость латинской церкви папѣ, какъ ея главѣ, только въ отношеніи къ догматамъ вѣры. Что же касается дисциплины и внутренняго управленія въ епархіяхъ, то правительство должно его предоставить епископамъ, своимъ подданнымъ, назначаемымъ всегда государемъ, посвящаемымъ митрополитомъ, по благословенію папы. «Епископы должны пользоваться властью, которая имъ принадлежала въ продолженіе первыхъ десяти вѣковъ христіанства, пока папа Григорій VII не отнялъ у нихъ этой власти. Епископы должны находиться въ зависимости отъ постояннаго синода, который долженъ быть учрежденъ въ Петербургѣ». Гр. Толстой, Le catholicisme Romain en Russie, т. II, гл. 8, стр. 114 и слѣд.

віемъ: онъ судитъ и управляетъ — «безъ нарушенія однакожъ канонической подчиненности святѣйшему престолу». Члены, состоящихъ при каждомъ епископѣ, консисторій, хотя и опредѣляются имъ съ согласія правительства,—но ихъ голосъ въ дѣлахъ имѣетъ только совѣщательное значеніе. «Епископъ не обязанъ объяснять основанія своихъ рѣшеній даже и тогда, когда мнѣніе его не согласно съ заключеніемъ консисторіи». Епископскому суду подчинены даже «спорныя дѣла между духовными лицами, касающіяся движимыхъ или недвижимыхъ имуществъ церквей», — между тѣмъ, какъ эти дѣла должны бы рѣшаться не иначе, какъ по общимъ гражданскимъ законамъ имперіи о правѣ собственности, а не на основаніи правилъ латинской церкви, и потому подлежать свѣтскимъ судамъ. Даже по австрійскому конкордату 1855 г., папа уступилъ, хотя и скрѣпя сердце, подсудность такихъ дѣлъ гражданскимъ судамъ (vu les circonstances du temps, ст. 13). Въ отношеніи къ воспитанію лицъ, приготовляющихся къ духовному званію, «епископу принадлежитъ высшее управленіе какъ по предмету воспитанія, такъ и науки и внутренней дисциплины во всѣхъ семинаріяхъ его епархіи». Онъ назначаетъ и увольняетъ какъ должностныхъ лицъ, такъ и профессоровъ, можетъ закрывать курсы и самыя заведенія, въ послѣднемъ случаѣ доводя только объ этомъ до свѣдѣнія правительства. Учители не богословскихъ наукъ могутъ быть и свѣтскіе, но непремѣнно латинскаго исповѣданія. Тѣже права принадлежатъ и могилевскому архіепископу въ отношеніи къ с.-петербургской римско-католической академіи. Предоставленная конкордатомъ власть по суду и управленію ограничивалась только каноническою подчиненностію Риму, а въ отношеніи къ воспитанію въ семинаріяхъ правилами тридентинскаго собора.

Но въ какомъ же отношеніи эта власть должна находиться къ правительству того государства, которое, по началу терпимости всѣхъ исповѣданій, даруетъ ей право самостоятельнаго существованія, какого, напримѣръ, не признаетъ за латинскою церковію великобританское правительство (билль іюля 1851 г.)? Въ какой мѣрѣ ея дѣйствія должны согласоваться съ общими государственными и гражданскими законами имперіи? Неужели государство, даруя права и опредѣляя кругъ дѣйствій нѣкоторыхъ лицъ и обществъ, должно вполнѣ положиться на нихъ и избавить себя отъ всякаго непосредственнаго или посредственнаго за ними наблюденія? Если бы дѣятельность латинскаго духовенства и ихъ епископовъ совершалась на виду всѣхъ, открыто и гласно, то, конечно, возможно было бы слѣдить за нею;

но не такова эта тайная и скрытная дѣятельность, какъ доказываетъ многовѣковая исторія. Но еслибъ даже въ этомъ случаѣ правительство и усмотрѣло, что дѣйствія епископовъ враждебны государству, нарушаютъ его коренные законы,—то и тогда, не опредѣливъ напередъ извѣстными границами ихъ власти, оно не могло бы считать ихъ преступными и преслѣдовать законнымъ порядкомъ. Прибѣгать же только къ силѣ, хотя бы и по необходимости, для правительства просвѣщеннаго, безъ сомнѣнія, тяжело и непріятно. Въ такомъ положеніи къ Риму часто находились европейскія государства, даже латинскія по исповѣданію. Историческій опытъ доказалъ имъ, что прибѣгать въ этихъ случаяхъ къ власти папъ, какъ верховныхъ представителей латинской іерархіи, и безполезно и опасно. Римъ постоянно оказывалъ защиту епископамъ, имѣя въ виду главную свою цѣлью подчинить своей власти всѣхъ государей Европы. Русское правительство также испытало всю тягость этого средства по случаю переговоровъ съ Римомъ о подлясскомъ епископѣ Гутковскомъ.

Защищая свои права, какъ верховной власти противъ притязаній Рима, европейскія правительства наблюдали за дѣйствіями епископскаго суда и управленія и не предоставляли имъ неограниченной власти въ этомъ случаѣ. Если епископы нарушали правосудіе даже въ отношеніи къ подчиненнымъ имъ духовнымъ лицамъ, то эти послѣднія имѣли право прибѣгнуть къ защитѣ свѣтской верховной власти; если они превышали данную имъ власть, нарушали законы государства, или даже своими дѣйствіями оскорбляли честь гражданъ, или смущали ихъ совѣсть; то свѣтская власть принимала ихъ подъ свою защиту и не отказывала имъ въ законной помощи. Такимъ образомъ развилось ученіе о правахъ верховной власти, извѣстныхъ по терминологіи европейскихъ канонистовъ, подъ названіемъ appelatio ab abusu (les appeles contre d'abus) и recursus ad principem (le recour au prince) [1]). Правосудіе составляетъ долгъ и обязанность государства въ отношеніи ко всѣмъ своимъ подданнымъ безъ различія. Исключая въ этомъ случаѣ духовенство, хотя бы и терпимаго только исповѣданія, правительство тѣмъ самымъ давало бы поводъ его членамъ не считать себя подданными государства. Безъ сомнѣнія, такова и цѣль папской политики. Папы, постоянно выражая притязаніе на соединеніе въ своемъ лицѣ какъ духовной, такъ и свѣтской власти, считаютъ

[1]) Dupin, Manuel du droit publ. ecclesiast. français. ст. 243 и слѣд.—Laurent, l'Eglise et l'état. ч. 2. — Van Espen, стр. 128 и слѣд.

всѣхъ исповѣдующихъ латинское ученіе своими подданными, а духовныхъ своими слугами. Ни одно, однакоже, государство не раздѣляло такого взгляда на власть римскаго первосвященника. Не отказывая духовнымъ лицамъ въ правосудіи въ качествѣ своихъ подданныхъ, оно не нарушало ни свободы церкви, ни ея постановленій, но давало защиту противъ злоупотребленій и притѣсненій. Конечно, ультрамонтанскіе писатели постоянно возставали противъ этихъ правъ верховной власти, ограничивавшихъ полновластіе папъ, а сами папы считали ихъ изобрѣтеніемъ зловредной ереси, однако европейскія правительства твердо за нихъ держались. Франція подтвердила ихъ такъ называемыми «органическими постановленіями», составляющими дополненіе къ конкордату 1802 г., и напомнила о нихъ Риму, по случаю папской энциклики 1864 г. [1]).

Наше правительство никогда не предоставляло безотчетнаго права суда и распоряженія латинскимъ епископамъ даже въ предѣлахъ предоставленной имъ власти. Въ регламентѣ 12-го февраля 1769 г., прихожанамъ латинскаго исповѣданія, въ случаѣ несогласія съ духовенствомъ, предоставлено право, для полученія суда и расправы, обращаться въ юстицъ-коллегію лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ. По указу 1797 года февраля 26-го, учрежденъ при этой коллегіи особый департаментъ — «по дѣламъ до духовенства и брачныхъ тяжбъ относящимся», подъ высшимъ вѣдомствомъ сената. Этому департаменту, въ 1708 г. ноября 3-го, подчинены дѣла по жалобамъ низшаго духовенства на высшее: «Какъ бѣлое, такъ и черное духовенство, въ случаѣ какого либо неудовольствія на постановленныя надъ нимъ начальства, приносятъ жалобы епархіальному своему архіерею, а сей не доставилъ бы законнаго удовлетворенія, то могутъ просить о томъ римско-католическій департаментъ юстицъ-коллегіи». Тоже подтверждено и *правилами*, 11-го декабря 1800 г., объ управленіи римско-католическаго духовенства въ Россіи.

Въ началѣ царствованія императора Александра I-го, изъ этого департамента образована особая римско-католическая коллегія (13-го ноября 1801 г.), къ предметамъ вѣдомства которой отнесены и судебныя дѣла: «Духовный судъ, изъ духовныхъ и мірскихъ особъ составляемый, относится на дѣла общія по законамъ гражданскимъ, а для духовныхъ и церковныхъ, къ догматамъ вѣры и правиламъ каноническимъ относящихся и не под-

---

[1]) Articles organiques de la convention du 26 Messidor, an IX. Tit. I, ст. 6, 7 и 8. Dupin, Manuel. стр. 215.

лежащихъ суду мірянъ, остаются духовныя консисторіи въ епархіяхъ учрежденныя, а надъ ними главная духовная консисторія или римско-католическая духовная коллегія». Въ эту коллегію приносились — «жалобы на архіереевъ и апелляціи на консисторіи», а по дѣламъ брачнымъ, она составляла послѣднюю степень суда. Такимъ образомъ, кромѣ дѣлъ по управленію, главному надзору за монашескими орденами и учебными заведеніями, вѣдѣнію коллегіи подлежали судебныя дѣла: 1) духовныя, о расторженіи браковъ, сепараціи, освобожденіи отъ монашескихъ обѣтовъ и т. под.; 2) дѣла смѣшанныя, о бенефиціяхъ, тяжбы о правѣ собственности духовныхъ учрежденій, вознагражденія за обиды, объ удаленіи настоятелей и викарныхъ отъ занимаемыхъ ими должностей; и 3) дѣла по жалобамъ на епископовъ, на злоупотребленія властью, растрату капиталовъ и т. д. По дѣламъ духовнымъ, коллегія составляла послѣднюю и высшую инстанцію, — по всѣмъ же прочимъ, подчинялась въ апелляціонномъ порядкѣ сенату. При расмотрѣніи дѣла о злоупотребленіяхъ латинскихъ монаховъ и властей, въ 1804 г. марта 1-го, сенатъ выразилъ, между прочимъ, общее правило, что, «примѣненіе каноническихъ правилъ латинской церкви допускается въ такой только мѣрѣ, въ какой они не противорѣчатъ общимъ государственнымъ и гражданскимъ законамъ, для блага и пользы россійскаго государства изданнымъ» [1]).

Такимъ образомъ, не вмѣшиваясь въ чисто духовныя дѣла, наше правительство наблюдало однакоже за дѣйствіями латинскихъ епископовъ, какъ по управленію, такъ и по суду, и давало высшую защиту противъ ихъ злоупотребленій властью. Но Римъ никогда не признавалъ существованія этой духовной коллегіи; въ конкордатѣ о ней вовсе не упомянуто, и всѣ почти дѣла, подлежавшія ея вѣдомству, переданы завѣдыванію епископовъ. Значеніе высшей степени суда, подчиненнаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ сенату, она совершенно утратила.

Разсмотрѣвъ содержаніе конкордата 1847 г., нельзя не замѣтить, какія важныя уступки сдѣланы были нашимъ правительствомъ римскому двору, съ цѣлію войти въ мирныя съ нимъ отношенія и тѣмъ успокоить своихъ подданныхъ латинскаго исповѣданія. Не одна, впрочемъ, сущность этихъ уступокъ представляется важною; еще важнѣе тотъ путь, на который она поставила наши сношенія съ Римомъ. Съ одной стороны, первыя уступки дали ему поводъ требовать еще бóльшихъ уступокъ,

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, №№ 13.252, 15.836, 15.876, 18.734 п. 2, 19.684 п. 2, 20.058 п. 1 и 4.

какъ необходимыхъ послѣдствій тѣхъ, которыя уже были сдѣланы; а съ другой, они поставили наше правительство въ невозможность не только удовлетворять новымъ требованіямъ Рима, но даже до конца исполнить сдѣланныя уже уступки, безъ нарушенія коренныхъ законовъ имперіи и сохраняя независимость своей государственной власти.

IV.

Взглядъ Рима на отношенія власти папъ къ свѣтской власти. — Недовольство Рима конкордатомъ и способами его исполненія. — Особый протоколъ къ конкордату, и подробное разсмотрѣніе заявленныхъ въ немъ притязаній римскаго двора, съ отвѣтами на нихъ нашихъ уполномоченныхъ.

Римскій дворъ можно укорять во многомъ, но никакъ нельзя отказать ему въ томъ, что онъ дѣйствуетъ послѣдовательно въ своей политикѣ и неуклонно идетъ къ извѣстной цѣли. Опредѣленный взглядъ руководитъ его дѣйствіями, неудачи его не смущаютъ и только временно пріостанавливаютъ его притязанія; всякою удачею онъ пользуется, чтобы сдѣлать болѣе шаговъ впередъ и ближе подойти къ главной цѣли, не увлекаясь случайностями и не придавая имъ особаго значенія. Въ чемъ же заключается окончательная цѣль Рима, которую онъ постоянно преслѣдуетъ во всѣхъ сношеніяхъ съ другими государствами?

Исторія европейскаго запада представляетъ длинный рядъ происшествій, въ продолженіе многихъ вѣковъ, которыя извѣстны подъ названіемъ борьбы папъ съ свѣтскою властью различныхъ государствъ и народовъ. Въ чемъ заключалась сущность этой борьбы,—вовсе не представляется вопросомъ для историковъ; она объяснена самими враждебными сторонами во всей подробности и стоила многихъ и кровавыхъ жертвъ народамъ Европы. Папы, въ лицѣ Григоріевъ, Иннокентіевъ и Бонифаціевъ, ясно выразили свой взглядъ, а ультра-монтанскіе богословы и канонисты, начиная съ изобрѣтателя подложныхъ декреталій, продолжая Беллярминомъ и Солья и оканчивая современнымъ профессоромъ каноническаго права Филлипсомъ, развили его съ ученою полнотою и послѣдовательностію. Государи Европы, въ лицѣ своихъ защитниковъ, государственныхъ чиновъ, парламентовъ и юристовъ, въ противоположность папскому, выработали другой взглядъ о самостоятельности государствъ, независимости свѣтской верховной власти отъ папъ, и о предѣлахъ вмѣшательства римскаго первосвященника, какъ главы латинской церкви, въ дѣла другихъ государствъ.

По ученію папъ и ихъ канонистовъ, весь міръ составляетъ область (діоцезъ) римскаго первосвященника, какъ единственной власти на землѣ, намѣстника І. Христа. *Полновластіе* папъ обнимаетъ не только, такъ-называемыя, дѣла духовныя, но и свѣтскія. Всякая власть происходитъ отъ Бога, а папа представитель его на землѣ; поэтому только та власть имѣетъ законное значеніе и право на существованіе, которая поставлена или признана папою, единственнымъ обладателемъ *божественнаго права* на землѣ. «Во сколько душа выше тѣла, во столько власть папы возвышается надъ всякою иною властью». Свѣтскіе государи должны быть только исполнителями его повелѣній. Папа Сильвестръ, въ виду «непослушанія враговъ церкви, передалъ императору мечъ только для ихъ наказанія». «Можетъ ли быть и сомнѣніе въ томъ,—говорилъ Иннокентій IV—что папа, который будетъ судить ангеловъ на небѣ, не могъ бы судить дѣлъ міра сего. Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что папы получили власть отъ императора Константина; напротивъ, она основана І. Христомъ, онъ передалъ св. Петру во власть небо и землю», а папы прямые наслѣдники св. Петра [1]).

Намъ скажутъ, что это — средневѣковое ученіе, утратившее всякое значеніе въ наше время. Безъ сомнѣнія, такое ученіе не можетъ имѣть никакого современнаго значенія не только въ отношеніи къ Россіи, но и ко всѣмъ другимъ европейскимъ государствамъ, даже латинскимъ по исповѣданію. Но ультра-монтанскіе богословы и канонисты проповѣдуютъ его до сихъ поръ; папы никогда отъ него не отказывались, и Пій IX весьма недавно напомнилъ о немъ Европѣ въ пресловутой Энцикликѣ 1864 г. декабря 8-го. Только въ новыя времена утративъ силу, римскій дворъ, допускающій всевозможныя сдѣлки съ совѣстью, позволяетъ себѣ дѣлать уступки свѣтской власти, «подчиняясь условіямъ времени». Плодомъ этихъ уступокъ и были конкордаты. Но заключая ихъ, папы признаютъ обязательную силу только въ отношеніи къ одной изъ договаривавшихся сторонъ; сами же, напротивъ, предоставляютъ себѣ право постоянно требовать новыхъ уступокъ со стороны правительствъ, обходить и не исполнять условій конкордатовъ и даже совсѣмъ уничтожать ихъ при первой надеждѣ заключить болѣе выгодныя, или и вовсе не стѣснять своихъ дѣйствій никакими условіями, не ограничивать сво-

[1]) Мы могли бы привести многочисленныя свидѣтельства, но ограничимся указаніемъ на сочиненія Лорана, l'Eglise et l'Etat ч. 2, стр. 158 и слѣд., и Гизелера, Kirchengeschichte ч. XI, §§ 54, 59 и др., гдѣ собрано много выписокъ изъ сочиненій латинскихъ богослововъ и канонистовъ среднихъ вѣковъ.

его *полновластія*, составляющаго одинъ изъ существенныхъ догматовъ латинскаго исповѣданія. Исторія французскихъ конкордатовъ можетъ служить недавнимъ примѣромъ. Лишь только Людовикъ XVIII вступилъ на престолъ Франціи, папа отвергъ прежніе конкордаты и пытался заключить новый, въ 1817 г. іюня 11-го.

На конкордатъ съ Россіею, съ самаго его появленія, папа не смотрѣлъ, какъ на окончательныя условія, установившія отношенія между нашимъ правительствомъ и латинскою церковію, но только какъ на начало и первый шагъ къ вынужденію дальнѣйшихъ уступокъ съ нашей стороны. Взглядъ нашего правительства, въ этомъ случаѣ, былъ совершенно противоположенъ римскому. Оно полагало, что конкордатъ дастъ возможность окончательно устроить отношенія къ Риму и—если бы послѣдовали дальнѣйшіе переговоры—то въ *духѣ мира и согласія*, по вопросамъ несущественнымъ. Дѣйствительно, сдѣлавъ всѣ возможныя уступки *духовнымъ* требованіямъ главы латинской церкви, оно, конечно, не могло придавать особеннаго значенія его *политическимъ* притязаніямъ и полагать, что римскій дворъ будетъ настаивать въ этомъ случаѣ еще съ большею силою. Въ письмѣ къ Григорію XVI, 15-го ноября 1847 г., императоръ говорилъ: «Надѣюсь, что взаимныя дѣйствія не замедлятъ убѣдить всѣхъ, что между двумя дворами водворилось согласіе». Но въ запискѣ 1866 г., Пій IX говоритъ, что «конкордатъ 1847 г. обѣщалъ новую эру въ сношеніяхъ съ Россіею; однакоже недолговременны и скоропреходящи были надежды (ma breve e passaggere furono le concepite speranze)», и жалуется между прочимъ, что конкордатъ не довольно торжественно былъ обнародованъ и притомъ съ пропускомъ предисловія къ статьямъ. Почему же этому предисловію римскій дворъ придаетъ такое важное значеніе? Потому, что всякую уступку со стороны другихъ государствъ онъ считаетъ только началомъ къ дальнѣйшимъ и бо́льшимъ уступкамъ, а въ этомъ предисловіи сказано, что уполномоченные, утвердивъ вошедшіе въ составъ конкордата правила, многіе другіе вопросы оставили для дальнѣйшихъ переговоровъ [1]). Объявляя во всеобщее свѣдѣніе о заключеніи

---

[1]) ... et cum super pluribus hujus modi capitibus finem aliquem assequuti fuerint et alia restent adhuc componenda, super quibus iidem plenipotentiarii M. Suae Imperatoris spondent, se omnem Gubernii sui considerationem esse revocaturos, conventum est ex utraque parte, ut firma remanente conditione redigendi in actu separato capita, quae novis disquisitionibus ac tractationibus inter S. Sedis administros et suae M. imperialis Legatum in hac urbe materiam suppeditabant, designentur in praesenti pactorum summa,

конкордата, какъ радостномъ событіи для латинской церкви, Пій IX, въ аллокуціи 3-го іюля 1848 г., также заявилъ, что предстоятъ еще переговоры о важнѣйшихъ вопросахъ. Въ письмѣ къ императору, августа 10-го, 1847 г., онъ выражалъ надежду, что его великодушіе поможетъ и по этимъ вопросамъ достигнуть соглашенія. Наконецъ, въ буллѣ 1848 г. іюля 5-го, о приведеніи конкордата въ исполненіе, папа говорилъ епископамъ: «Хотя съ помощію Всевышняго многое по сему предмету мы успѣли опредѣлить, въ чемъ всепресвѣтлѣйшій государь искренне и благосклонно желаніямъ нашимъ споспѣшествовать изволилъ, не менѣе того *многочисленныя и величайшей важности* отношенія предстоитъ еще привести въ желаемое устройство, какъ это изъ произнесенной нами и обнародованной консисторіальной рѣчи ясно и очевидно открывается».

Дѣйствительно, при самыхъ уже переговорахъ о конкордатѣ, кардиналъ Ламбрускини предлагалъ нашимъ уполномоченнымъ многія требованія, на которыя они отвѣчали или отрицательно, или откладывали ихъ до дальнѣйшихъ переговоровъ (ad referendum). Поэтому и составленъ былъ особый *протоколъ*, подписанный уполномоченными по заключеніи конкордата, 1847 г. іюля 22-го (августа 3-го), въ которомъ изложены заявленія римскаго двора въ 12 статьяхъ.

Требованія Рима заключались въ слѣдующемъ:

1) Чтобы папа имѣлъ право непосредственно и свободно сноситься, какъ съ латинскимъ духовенствомъ, такъ и мірянами по дѣламъ *совѣсти* и *вообще по духовнымъ* дѣламъ (п. 1).

2) Отмѣнить назначеніе въ секретари консисторій свѣтскихъ лицъ и особенно не-латинскаго исповѣданія (п. 2).

3) Дозволить супругамъ латинскаго исповѣданія, при смѣшанныхъ бракахъ, т. е., когда одна сторона принадлежитъ къ православной церкви, не подчиняться въ дѣлахъ брачныхъ юрисдикціи православнаго духовнаго суда, а обращаться въ латинскіе духовные суды, и вообще отмѣнить постановленія о смѣшанныхъ бракахъ (п. 3 — 5).

4) Измѣнить порядокъ суда по дѣламъ брачнымъ между католиками (п. 6).

5) Отмѣнить постановленія о возрастѣ для вступленія въ монашество, о школахъ при монастыряхъ, о раздѣленіи монастырей на штатные и сверхъ-штатные (surnuméraires) и объ упраздненіи провинціаловъ (п. 7).

---

res quae hac usque constitutae sunt quaeque post huius modi ulteriores tractationes inceptam negotionem perficient. Esposiz. document. N. 111, стр. 74.

6) Новому херсонскому епископу назначить двухъ суффragановъ: одного въ Тифлисѣ, другого въ Саратовѣ (п. 8).

7) Возвратить имущества, отобранныя у церквей и монастырей (п. 9).

8) Учредить особаго уніатскаго епископа для имперіи (п. 10).

9) Отмѣнить законы противъ прозелитизма латинскаго духовенства (п. 11); и наконецъ,

10) Измѣнить присягу на вѣрность императору, ибо она — «оскорбляетъ совѣсть католиковъ и не можетъ быть ими исполнена, безъ отказа отъ евангельскаго предписанія: euntes docete omnes gentes (п. 12)».

Уже эти притязанія должны были послужить поводомъ къ дальнѣйшимъ сношеніямъ нашего правительства съ Римомъ. Чтобы удовлетворить въ нѣкоторой мѣрѣ его требованіямъ и поддержать согласіе съ папою, въ виду происшествій, взволновавшихъ западную Европу въ 1848 г., наше правительство само начало переговоры по нѣкоторымъ вопросамъ, изложеннымъ въ протоколѣ. Въ нотѣ графа Нессельроде, 7 апрѣля этого года, сказано, что сношенія наши съ римскимъ дворомъ — «доказываютъ ему желаніе императора ускорить, на сколько это отъ него зависитъ, окончательное соглашеніе съ святымъ престоломъ, какъ по исполненію уже заключенныхъ условій, такъ и по вопросамъ, по которымъ наши уполномоченные, при совѣщаніяхъ въ Римѣ, не достигли непосредственныхъ соглашеній. Между этими вопросами, оставшимися нерѣшенными, мы считаемъ наиболѣе важнымъ—вопросъ о подсудности дѣлъ брачныхъ и церковныхъ, на который указано въ VI-й статьѣ «протокола».

При переговорахъ по этому вопросу въ Римѣ, наши уполномоченные предлагали учредить двѣ первыя степени суда по этого рода дѣламъ, на основаніи постановленія Бенедикта XIV, dei miseratione, что̀ было принято и внесено въ конкордатъ. Что же касается до третьей степени, то они говорили, что русское правительство готово, съ согласія римскаго престола, установить для этихъ дѣлъ особый про-синодальной судъ въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы ему были подчинены и дѣла этого рода, возникающія въ царствѣ польскомъ, въ замѣнъ временной апостольской коммиссіи, учрежденной въ Варшавѣ, на основаніи буллы Григорія XVI, 1838 г. Очевидно, наши уполномоченные, съ нѣкоторыми быть можетъ измѣненіями, предлагали Риму тотъ порядокъ, который уже существовалъ въ Россіи и не представлялъ никакихъ неудобствъ и затрудненій, т. е. подчинить эти дѣла въ послѣдней степени суда римско-католической коллегіи въ Петербургѣ.

Но именно этого и не хотѣлъ Римъ, никогда не признававшій этой коллегіи и почитавшій ея учрежденіе за попытку ограничить власть папы въ предѣлахъ русской имперіи. Въ отвѣтъ на это предложеніе, кардиналъ Ламбрускини представилъ другое мнѣніе; онъ предложилъ для этого рода дѣлъ установить слѣдующій порядокъ: «Первыя двѣ степени суда должны быть устроены на основаніи постановленій Бенедикта XIV; для дѣлъ, разсматриваемыхъ архіепископами въ первой степени суда, на право разсмотрѣнія во второй степени получатъ уполномочіе ad quinquennium (на пятнадцать лѣтъ) особые судьи in partibus (внѣ общей іерархической подчиненности). Тѣ же судьи составятъ и третью степень для дѣлъ, которыя судитъ архіепископъ во второй. Архіепископы могилевскій и варшавскій, по примѣру баварскихъ, получатъ уполномочіе ad quinquennium на взаимное право суда въ третьей степени этихъ дѣлъ, возникшихъ въ ихъ епархіяхъ. Послѣ третьей степени суда должна быть допущена аппелляція въ Римъ».

Разногласіе, какъ и замѣчено въ нотѣ графа Нессельроде, относилось въ собственномъ смыслѣ только къ третьей степени суда въ этихъ случаяхъ. «Мы полагаемъ, сказано въ ней, что самый простой способъ разрѣшить удовлетворительно вопросъ и избѣжать многочисленныхъ затрудненій, состоитъ въ томъ, чтобы съ нашей стороны отказаться отъ мысли объ учрежденіи особаго суда, который бы разсматривалъ въ третьей степени дѣла этого рода и согласиться на апелляцію прямо въ Римъ по всѣмъ дѣламъ, которыя уже разсматривались во второй инстанціи суда».

Вслѣдствіе этого предложенія установленъ былъ такой порядокъ, что «первую степень духовнаго суда по дѣламъ этого рода составляютъ мѣстные епархіальные епископы, а въ архіепархіи — архіепископъ, съ своими консисторіями; вторую, по дѣламъ рѣшеннымъ въ первой степени епископами — архіепископъ, а по тѣмъ, которыя были разсмотрѣны имъ архіепископомъ въ первой степени — епископъ одной изъ епархій ближайшихъ къ архіепархіи, по предварительному назначенію папы. Затѣмъ, въ случаѣ несогласія рѣшеній въ двухъ первыхъ степеняхъ духовнаго суда, а равно и по апелляціямъ, жалобамъ и протестамъ, разсмотрѣніе брачныхъ дѣлъ предоставляется римскому престолу». Вникая въ значеніе этихъ правилъ, въ ихъ примѣненіи къ вопросамъ возникающимъ въ жизни, нельзя не замѣтить, что бюрократическій характеръ, мелочной и формальный, римскаго правительства, занятый только отвлеченными разсчетами и выгодами Рима, и не обращающій никакого вниманія на затрудненія для частныхъ лицъ, вполнѣ выразился въ этомъ по-

становленіи, какъ это замѣчено и въ нотѣ графа Нессельроде [1]), хотя эти правила упростили первоначальныя предложенія Рима.

«Другой вопросъ, въ отношеніи къ которому императоръ счелъ возможнымъ согласиться съ предложеніями Рима, сказано въ этой нотѣ, касается до назначенія второго суффрагана для херсонской епархіи. Такимъ образомъ, желаніе святого престола будетъ исполнено, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Тифлисъ не былъ назначаемъ мѣстомъ постояннаго пребыванія этого епископа-суффрагана. Мы ограничиваемся въ настоящее время только этими двумя вопросами. Когда же всѣ епископскія каѳедры будутъ замѣщены, то эти епископы могутъ начать соглашенія и по другимъ вопросамъ, до которыхъ, безъ ихъ участія, мы не касаемся».

Безъ сомнѣнія, римскій дворъ съ радостію принялъ эти уступки со стороны Россіи, что и выразилъ кардиналъ Ламбрускини въ нотѣ къ нашему посланнику г. Бутеневу, 2-го іюля 1848 г. Папа поспѣшилъ утвердить кандидатовъ, представленныхъ на епископскія каѳедры, очевидно, съ тою цѣлію, чтобы получить новыя уступки и по другимъ вопросамъ, указаннымъ въ особомъ протоколѣ къ конкордату. Но уступки русскаго правительства на этомъ остановились. Другого рода вопросы послужили предметомъ для дальнѣйшихъ переговоровъ съ Римомъ, — вопросы о затрудненіяхъ, возникшихъ по случаю приведенія въ исполненіе постановленій конкордата.

Римскій дворъ радовался заключенію конкордата, только какъ началу для дальнѣйшихъ съ его стороны требованій и дальнѣйшихъ со стороны Россіи уступокъ. Въ собственномъ же смыслѣ, самый конкордатъ вовсе не удовлетворялъ его желаній. Точно также онъ не удовлетворялъ и желаній Россіи и произвелъ непріятное впечатлѣніе на русскихъ.

Не входя въ разсмотрѣніе, заключавшихся въ немъ, отдѣльныхъ постановленій, въ то время еще не многимъ извѣстныхъ, самая мысль о заключеніи конкордата съ папою не внушала сочувствія. Нисколько бы не показалось страннымъ, еслибъ этотъ конкордатъ касался только царства польскаго, гдѣ господствуетъ въ народѣ латинское исповѣданіе; примѣры другихъ европейскихъ государствъ могли-бы объяснить его появленіе. Но въ от-

[1]) ... Il est vrai qu'il resulterait de cette marche une difficulté de plus pour les parties appellantes, mais cette considération saurait d'autant moins nous arrêter que nous entrons completement dans les vues et les intentions du S. Pere, pour entraver les scandaleux procès de dissolution du mariage. Нота 16 іюня 1848 г. Espos. document. № XII стр. 36.

ношеніи къ Россіи, даже къ тѣмъ губерніямъ, которыя входили нѣкогда въ составъ польско-литовскаго королевства,—послѣ присоединенія уніатовъ къ православной церкви, самая мысль о необходимости международнаго обязательства съ иностранною державою, по дѣламъ вѣры, казалась непонятною. Въ странѣ, какъ Россія, гдѣ терпимость вѣроисповѣданій признана не только законами государства и распоряженіями правительства, даже съ изысканною подъ-часъ предусмотрительностію, но и нравами народа и общества, казалось бы, вовсе не предстояло особенной необходимости для мѣстностей, населенныхъ русскимъ народомъ, исповѣдующимъ восточное православіе, входить въ торжественныя обязательства съ представителемъ латинской церкви.

Гнетъ исторіи, хотя недавняго, но все-таки продолжительнаго времени, когда эти губерніи находились подъ владычествомъ Польши, оказалъ и, можетъ быть, не могъ не оказать въ этомъ случаѣ вліянія на отношенія наши къ римскому престолу. Губерніи, вошедшія въ составъ новыхъ предѣловъ римско-католическихъ епархій (Могилевская, Витебская, Гродненская, Курляндская, Ковенская, Минская, Кіевская, Волынская и Подольская), уже входили прежде въ округи латинскихъ епархій бывшей Рѣчи Посполитой, въ которой господствующимъ исповѣданіемъ признавалось римское, а всѣ остальныя причислялись къ гонимымъ и преслѣдуемымъ. Древнее православіе этихъ областей, послѣ совершившейся уніи, римскій дворъ и польское правительство, какъ послушное орудіе въ его рукахъ, считали окончательно побѣжденнымъ. Оно, какъ нѣкогда господствовавшее въ этихъ коренныхъ русскихъ странахъ, преимущественно подвергалось преслѣдованіямъ. Во время существованія польскаго королевства, православное народонаселеніе этихъ областей и духовенство, постоянно обращались къ единовѣрной Россіи, прося о заступничествѣ и покровительствѣ. Съ присоединеніемъ ихъ къ Россіи и возвращеніемъ уніатовъ въ православіе, судьба этихъ областей должна была измѣниться, а вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣниться и значеніе латинской церкви и ея іерархіи въ этихъ предѣлахъ имперіи. Изъ господствовавшей полновластно эта церковь превратилась въ терпимую; ея іерархія, независимая отъ государственной власти, управлявшая даже ею, какъ это было въ Польшѣ, и признававшая лишь одно полновластіе папъ, должна была отказаться отъ политической дѣятельности, покориться законамъ государства и заботиться только о духовныхъ, а не о мірскихъ дѣлахъ.

Безъ сомнѣнія, въ глазахъ Рима такое положеніе латинской церкви, привыкшей господствовать надъ правительствомъ, на-

сильно совращать въ свое исповѣданіе и упорно преслѣдовать другія, представлялось гоненіемъ, едва не напоминавшимъ преслѣдованія христіанства въ первые вѣка языческими императорами Рима! Григорій XVI, въ аллокуціяхъ 22 ноября 1839 г. и 22 іюля 1842 г., оплакивая судьбу латинской церкви въ предѣлахъ имперіи, выражалъ однакоже надежду поправить дѣло. Посредствомъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ, Римъ желалъ достигнуть того, чтобы доставить латинской церкви и власти папъ то же положеніе, въ которомъ она находилась въ польскомъ королевствѣ. Конкордатъ считался первымъ къ тому шагомъ.

Такое значеніе конкордата съ Римомъ очевидно не могло не возбудить опасеній и сомнѣній въ общественномъ мнѣніи русскихъ. Но внѣшнимъ признакомъ, возбуждавшимъ общее вниманіе, было учрежденіе *новой* латинской епархіи,—херсонской, обнимавшей всю Бессарабію, губерніи: Херсонскую, Екатеринославскую, Саратовскую, Таврическую, Астраханскую и весь Закавказскій край. И эти области, отторгнутыя русскимъ мечемъ отъ азіатскаго варварства, гдѣ находилось незначительное количество римскихъ католиковъ, присоединялись ко всемірному владычеству римскаго престола. Херсонъ, гдѣ святой Владиміръ принялъ крещеніе, небольшой городъ въ имперіи, не имѣвшій въ то время православной епископской каѳедры, превращался въ резиденцію латинскаго епископа, съ двумя суффраганами, капитуломъ, соборнымъ храмомъ, семинаріею и тому подобными принадлежностями епископской каѳедры!

Такимъ образомъ, договоръ, заключенный между двумя сторонами, не удовлетворилъ ни ту, ни другую: Риму внушилъ ложныя и неосуществимыя надежды, Россіи — опасенія въ возможности его исполнить, не пожертвовавъ народнымъ достоинствомъ и значеніемъ православной церкви.

Едва былъ заключенъ конкордатъ, какъ уже возникъ вопросъ о примѣненіи 25-й статьи, въ которой постановлено, что преподавателями въ семинаріяхъ и академіи не-богословскихъ наукъ могутъ быть и свѣтскія лица, но непремѣнно латинскаго исповѣданія. Нотою 15 ноября 1847 г., графъ Нессельроде поручилъ нашему посланнику въ Римѣ обратить вниманіе папскаго правительства на неудобства при примѣненіи этого правила на дѣлѣ. «Трудно и часто невозможно, говорится въ этой нотѣ, найти способныхъ преподавателей непремѣнно латинскаго исповѣданія, особенно въ отношеніи къ каѳедрѣ русскаго языка. Принимая условіе о вѣроисповѣданіи въ строгомъ смыслѣ, придется лишать учебныя заведенія хорошихъ преподавателей рус-

скаго языка и словесности, единственно способныхъ принесть пользу. Мы вполнѣ соглашаемся съ требованіями римскаго двора, чтобы науки богословскія, философскія и исторія церкви преподавались духовными; но, что касается до тѣхъ предметовъ, преподаваніе которыхъ поручается свѣтскимъ лицамъ, то, кажется, ученыя достоинства преподавателей должны обращать на себя болѣе вниманія, нежели ихъ вѣроисповѣданіе». Такія же замѣчанія предлагали и наши уполномоченные еще при переговорахъ объ этомъ вопросѣ въ Римѣ. Поэтому, въ нотѣ говорится далѣе: «Принимая въ соображеніе сообщенія графа Блудова, римскіе уполномоченные обратили вниманіе на эти доводы, но прямо не рѣшились принять за правило, чтобы въ этихъ случаяхъ допускать преподавателей не-латинскаго исповѣданія, потому, чтобы не нарушать принятыхъ святымъ престоломъ началъ. Но, поддерживая начало, слѣдуетъ однакоже допустить нѣкоторую терпимость въ его примѣненіи». Но слово «терпимость» неизвѣстно римскому двору, и потому онъ отвѣчалъ, 24 января 1848 г., что лучше въ этомъ случаѣ вовсе не преподавать, временно, тѣхъ предметовъ, по которымъ нельзя найти знающихъ преподавателей латинскаго исповѣданія, т. е. чтобы въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ не преподавать русскаго языка и словесности! Конечно, подобное требованіе, быть можетъ и согласное съ желаніями поляковъ, не могло быть исполнено русскимъ правительствомъ. Между тѣмъ, Пій IX выставляетъ это обстоятельство, какъ «преслѣдованіе и угнетеніе латинской церкви». «Не смотря на положительныя заявленія римскаго престола—сказано въ запискѣ папскаго двора 1866 г.—на нѣкоторыя каѳедры были назначены профессора-схизматики, и молодымъ клерикамъ дана была въ руководство ядовитая исторія схизматика Устрялова [1]), въ которой ненависть къ католикамъ соперничаетъ съ недобросовѣстнымъ изложеніемъ событій и клеветами на католическую церковь». Не хотѣлось-ли Пію IX, чтобы русское правительство въ своей столицѣ предпочло преподаваніе русской исторіи по руководству какого нибудь Духинскаго!

Это странное заявленіе римскаго двора составляетъ впрочемъ, простое повтореніе того, что писалъ, 10 мая 1851 г., митрополитъ Головинскій, въ тайно отправленномъ къ папѣ донесеніи о состояніи латинской церкви въ имперіи и о препят-

---

[1]) Afronte di si esplicite dichiarazioni si nominavano a quelle cathedre professori scismatici; e si dava ai giovani chierici per testo la storia venenosa dello scismatico Ustratow, nelle di cui pagine la malignità verso i catolici gareggia con la mala fede nei racconti e con la calumnia contra la chiesa Romana. Esposiz. docum. стр. 25.

ствіяхъ ко введенію въ дѣйствіе конкордата со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). Въ обширномъ посланіи этотъ

---

[1]) ... Comites Nesselrode et Bloudow omnem lapidem moverunt, ut conventio effectum suum sortiatur, sed reipsa, non aliam ob causam haud multum vis et efficaciae in hoc negotio exercent. Ministerii autem illius (внутр. дѣлъ), quod plaenam fiduciam Imperatoris nactum est, nervus et anima rerum gerendarum est Valerianus Skripitzin, director departamenti, infensissimus ecclesiae catholicae hostis. Brevissima ejus biographia palam ostendit scopum, quem imperium nostrum relate ad fidem catholicam sibi proposuit. A primordiis curriculi sui publici, factus est famosus per media violenta, quibus usus est in colligendis in unum diversis sectis in ipsa schisma existentibus: idque ei aperuit aditum ad synodum schismaticum, in quo omnem vim adhibuit ad extinguendam in imperio russiaco ecclesiam catholicam Ruthenam. Is est sua vafritie, nimis, fame, incarcerationibus, fustigationeque nunquam sat deplorabilem unitorum defectionem ad finem usque perduxit; is in consiliabulo Polocensi, in quo haec res solemniter ad faciendum fucum pertractabatur, personam custodis, promotoris et carnificis agebat; tandem in remunerationem suarum iniquitatum idem ipse schismaticus ad dignitatem directoris departamenti, cui causae religionis nostrae subsunt, elevatus est, obtenta eodem tempore secreta instructione ut, data quavis opportunitate, catholicis eandem sortem ac unitis praepararet, vel numerum eorum in diem diminueret, aut saltem omnia negotia ecclesiastica, violatis ss. canonibus, potestati civili subderet. Ex hisce facile praevideri potuit, huiusmodi hominem, nil intentatum derelicturum, quod inserviret ad abolendum concordatum, potius adhibiturum omnem nisum ad retinendum eorum, quae iam prius ex manibus ejus in perniciem nostrae s. religionis in imperio prodierunt.—Такъ описывалъ М. Головинскій того, передъ кѣмъ онъ пресмыкался въ это время и прикидывался его другомъ. Мы выписали эти строки потому, что они показываютъ характеръ латинскаго прелата-поляка и не могутъ повредить В. В. Скрыпицину, имя котораго не забудетъ Россія. Объ обнародованіи конкордата, Головинскій писалъ: nihilosecius tamen huius ratificationis ministerium, quod solam habet potestatem executionis, antequam ventum esset ad exequendum, millenas difficultates in quovis passu ponebat. Catholicorum erat concordati articulos promulgare eo modo, quo omnis lex in perpetuum obligans apud nos promulgari consuevit, idque eo magis quod executio eorum pertineat simul et ad potestatem civilem. Ut igitur ultima decisio ponatur, qua ratione articuli hi in imperio promulgari debeant, convenienter imperatoris voluntati commissio ex quatuor personis, scilicet ex Nesselrode, Bloudow, ministro cultus externi Perowsky et ministro regni Poloniae Turkul, constituta est. Duo primi suffragium tulerunt, ut concordatum una cum caesareo mandato de more transmitteretur ad senatum, qui illud per totum imperium tamquam legem publicaret; sed minister catholicus Turkul tulit contrariam sententiam, ut nempe concordatum particulari tantum modo via episcopis communicetur, cum hoc ultimo suffragio Perowsky suum adiunxit, adeo ut in commissione paritas votorum in utramque partem eveniat, quam imperator, particulari communicationi adhaerens, rem totam absolvit. Fautores igitur rei catholicae convolarunt ad alia publicandi media, quibus concordati articuli vim legis obtineri possent. Prospere contigit, ut imperator ante expeditionem suam Hungaricam profectus sit ad urbem Mosqua excitandi ibi enthusiasmi nationalis causa. D. Bloudow, qui illum in itinere comitatus est, arripiens occasionem ex eo, quod ministerium inimicum Petropoli permanserit, opportuno tempore obtinuit ab imperatore licentiam non solum ultimum concordatum, sed etiam litteras apostolicas ecclesiam catholicam in Russia concernentes typis excudendi eo fine, ut haec documenta tam potestati spirituali, quam civili trasmissa sint, uno eodemque tempore impetravit a Caesare, ut concordatum in universali codice legum Imperii poneretur, haec ultima res nullum hucusque exitum habuit. Тамъ же, № XVIII, стр. 48 и 50. Эта цѣль

прелатъ, преслѣдуя польскія цѣли, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описываетъ положеніе латинской церкви въ имперіи и не останавливается ни передъ какими клеветами противъ нашего правительства. «Римъ, какъ говоритъ историческая записка, приложенная къ нотѣ нашего канцлера, отъ 7-го января 1867-го года, постоянно стремился нарушить и перейдти тѣ предѣлы», которые были постановлены конкордатомъ для латинской церкви. «Сущность католической церкви состоитъ въ нетерпимости, писалъ папскій статсъ-секретарь Консальви въ 1804 г. къ кардиналу Капрарѣ; въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ папа остался вѣренъ этому началу». При всякомъ затрудненіи, возникавшемъ при исполненіи конкордата, папа не только не оказывалъ пособія нашему правительству,—напротивъ, пользовался каждымъ такимъ случаемъ, чтобы переступать за установленные конкордатомъ предѣлы и предъявлять свои требованія. Онъ постоянно, тайными путями, въ нарушеніе коренныхъ постановленій имперіи, сносился съ поляками-епископами и придавалъ вѣру всѣмъ ихъ заявленіямъ.

Учрежденіе новой херсонской епархіи и составленіе списка всѣмъ латинскимъ приходамъ и монастырямъ въ имперіи, порученное конкордатомъ могилевскому митрополиту, послужили поводомъ къ новымъ столкновеніямъ съ Римомъ.

Хотя римскій дворъ и согласился на перенесеніе епископской каѳедры изъ Херсона въ Тирасполь (нота 26 августа 1852 г.), однако постоянно требовалъ, чтобы назначенный въ эту епархію епископъ былъ немедленно отпущенъ изъ Петербурга въ свое мѣстопребываніе; между тѣмъ, какъ это замедлялось потому, что требовало значительныхъ издержекъ и времени на устройство помѣщенія для него, капитула и семинаріи. Сверхъ того, конечно, русское правительство понимало, какою грозило опасностію учрежденіе этой епархіи господствующей церкви, и не оказывало особенной ревности къ тому, чтобы способствовать латинской пропагандѣ. Не нужды паствы, весьма немногочисленной, вызвали учрежденіе этой епархіи, но цѣли, клонившіяся къ распространенію латинской проповѣди въ этихъ областяхъ, отдаленныхъ отъ средоточія государственнаго управленія. Что эту именно цѣль имѣлъ въ виду римскій дворъ, доказываютъ слѣдующія слова папской буллы, 1848 г. іюля 5: «Мы не можемъ удер-

---

была однакоже достигнута въ послѣдствіи: при третьемъ изданіи Свода Законовъ Имперіи въ 1857 г., къ XI т. были присоединены уставы иностранныхъ исповѣданій, и въ первомъ изъ нихъ, въ уставѣ о управленіи духовныхъ дѣлъ христіанъ римско-католическаго исповѣданія, нашли мѣсто постановленія конкордата 1847 г.

жаться отъ того, чтобы здѣсь еще и еще не повторить начальнику херсонской церкви, чтобы онъ каждый разъ, когда того потребуютъ нужды его паствы, разсылалъ по всей епархіи священниковъ, которые, исполняя обязанность миссіонеровъ, могли бы доставлять католикамъ всѣ духовныя пособія. Что впрочемъ для него тѣмъ удобоисполнительнѣе, что такихъ священниковъ уже постановлено содержать на счетъ правительства.»

Митрополитъ Головинскій, совершивъ путешествіе по юго-восточной Россіи, для личнаго обозрѣнія края, ревностно принялся за составленіе вѣдомости о приходахъ и монастыряхъ, которую, въ буллѣ, 1848 г. іюля 5-го, поручалось ему представить папѣ въ шестимѣсячный срокъ. Утвердивъ число приходскихъ церквей и монастырей, Римъ такимъ образомъ ограничивалъ право русскаго правительства измѣнять въ послѣдствіи, какъ количество приходскихъ церквей и границы приходовъ, такъ и число монастырей. Въ виду этого обстоятельства, какія же цѣли долженъ былъ преслѣдовать не только польскій, но и вообще латинскій прелатъ? Безъ сомнѣнія, удержать за латинскою церковію какъ можно болѣе приходовъ и монастырей, разсчитывая въ этомъ случаѣ не столько на потребности паствы, сколько преимущественно на пропаганду. Между тѣмъ, послѣ присоединенія уніатовъ къ православію, всѣ приходы и монастыри этой церкви должны бы исключиться изъ этой вѣдомости. Но смѣшеніе въ устройствѣ и управленіи уніатскою и латинскою церквами, умышленно введенное Римомъ съ цѣлію ихъ сліянія, давало поводъ при этомъ случаѣ къ безчисленнымъ притязаніямъ. Во время присоединенія уніатовъ, конечно, нѣкоторыя лица, особенно изъ духовенства и монаховъ, или остались уніатами, или прямо соединились съ латинскою церковію. Это обстоятельство еще болѣе усложняло дѣло опредѣленія числа приходовъ. Сверхъ того у римскихъ католиковъ было много совершенно безприходныхъ церквей, филіальныхъ, и часовенъ, размножаемыхъ съ единственною цѣлію пропаганды. Захватить какъ можно болѣе приходовъ, превратить въ приходы филіальныя церкви и даже часовни, — вотъ чего хотѣло латинское духовенство, поощряемое папскимъ дворомъ. Основываясь на XXXI статьѣ конкордата, въ которой, при починкѣ латинскихъ костеловъ, дозволялось обращаться къ правительству съ просьбами о вспомоществованіи, оно желало, чтобы правительство при этомъ случаѣ пособило возобновить всевозможные костелы и часовни.

Что касается до монастырей, то въ этомъ отношеніи прежде всего мы должны обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

Буллою 1848 г. іюля 5-го (Universalis ecclesiae cura), Пій IX поручалъ митрополиту Головинскому, чтобы онъ—«точнѣйшимъ образомъ опредѣлилъ число, названія и границы приходовъ каждой епархіи. Имѣя въ виду, что существующія нынѣ въ имперіи россійской обители и монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе (которыхъ обрѣтается болѣе ста), постановлено вполнѣ сохранить и впредь вовсе не уменьшать ихъ числа, безъ предварительнаго и точнаго на сіе уполномочія святѣйшаго престола,—повелѣваемъ и предписываемъ сему же исполнителю, чтобы онъ въ тѣхъ же самыхъ опредѣленіяхъ (decretis) точнѣйшимъ образомъ показалъ число существующихъ тамъ обителей и монастырей и подробно изъяснилъ, въ какихъ именно городахъ и въ какой епархіи они состоятъ, какого они обряда, исповѣданія, названія и правила (cujus ordinis, ritus, nominationis et regulae sint), и сколько въ каждой обители и монастырѣ находится лицъ, посвятившихъ себя монашескимъ обѣтамъ». Обращаясь къ конкордату, мы не находимъ въ немъ никакихъ постановленій о монастыряхъ и ихъ числѣ. Но въ особомъ протоколѣ, приложенномъ къ конкордату, указано, что папское правительство требовало, чтобы число монастырей оставалось неприкосновеннымъ, и русское правительство не закрывало бы и тѣхъ, которые уже были признаны излишними и существовали сверхъ опредѣленнаго числа (surnuméraires). «Уполномоченные императора отвѣчали, что правительство не имѣетъ намѣренія уничтожать этихъ монастырей. Если же, вслѣдствіе недостаточнаго количества монаховъ, установленнаго каноническими правилами, необходимо будетъ закрыть нѣкоторые изъ нихъ, то это послѣдуетъ съ предварительнаго соглашенія со святымъ престоломъ. Они согласились, чтобы въ буллѣ объ утвержденіи епархіи было упомянуто о существующихъ монастыряхъ [1])». Но папская булла послѣдовала прежде, нежели римскому двору сообщена была вѣдомость о числѣ монастырей; притомъ самый протоколъ еще не былъ окончательнымъ актомъ, утвержденнымъ верховною властію обѣихъ державъ, а простою запискою о вопросахъ, предоставлявшихся для будущихъ переговоровъ. Папа поспѣшилъ однако же воспользоваться частнымъ мнѣніемъ уполномоченныхъ и облечь его въ законную силу, которой, конечно, не могло русское правительство безусловно подчиниться.

Какъ же должно было поступать русское правительство въ виду такого рода дѣйствій римскаго двора и латинскаго духовенства? Кажется, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что оно

[1]) Esposiz. document. № IV, ст. 6.

не могло принести въ жертву польской и латинской пропагандѣ своихъ подданныхъ, русскихъ и православныхъ, дозволивъ причислить ихъ къ латинскимъ приходамъ. Напротивъ, оно должно было положить предѣлъ такимъ дѣйствіямъ. Поэтому оно остановило М. Головинскимъ составленную для утвержденія папы вѣдомость о приходахъ и монастыряхъ, и закрыло, указомъ 6 іюля 1850 г., 21 монастырь и, вслѣдъ за тѣмъ, еще нѣкоторые другіе изъ числа сверхъштатныхъ, по недостаточному количеству монаховъ и по нахожденію въ мѣстностяхъ, гдѣ не было въ нихъ нужды, за неимѣніемъ тамъ римскихъ католиковъ.

Въ такомъ положеніи находились наши отношенія къ Риму до вступленія на престолъ нынѣ царствующаго императора.

Хотя конкордатъ послужилъ поводомъ ко многимъ затрудненіямъ, однакоже онъ имѣлъ одно важное значеніе. Римъ, хитро скрывая главныя цѣли своей политики, конечно никогда не упускалъ ихъ изъ виду и пользовался каждымъ случаемъ, каждымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы приближаться къ нимъ болѣе и болѣе. Медленный ходъ въ этомъ дѣлѣ наиболѣе обѣщалъ ему возможность успѣха, не открывая сразу всей бездны, которая лежитъ между нимъ и Россіей. Но при заключеніи конкордата, ясно обнаружились окончательные виды папскаго престола. Подъ видомъ свободы латинской церкви, онъ желалъ достигнуть полной независимости ея духовенства и паствы отъ русскаго правительства, и въ то же время подчинить ихъ полной зависимости отъ Рима, исторгнуть изъ рукъ Россіи милліоны ея подданныхъ и сдѣлать ихъ подданными папы, создать въ нѣдрахъ русскаго государства другое государство, отъ него независимое и враждебное. Политическія цѣли Рима неразрывно соединены и съ религіозными, и религія служитъ могучимъ для нихъ орудіемъ. Независимость латинской церкви означаетъ ея господство надъ всѣми другими. Принадлежащихъ къ другимъ исповѣданіямъ Римъ считаетъ или отступниками, какъ бывшихъ уніатовъ, или еретиками; и тѣхъ и другихъ стремится обратить въ лоно латинской церкви.

Въ противоположность съ этимъ взглядомъ, необходимо долженъ былъ выразиться другой,—взглядъ Россіи. Онъ и выразился въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ Римомъ, въ отношеніи къ тѣмъ изъ его требованій, на которыя наше правительство принуждено было отвѣчать отказомъ. Онъ выразился и въ нотѣ нашего канцлера къ посланнику въ Римѣ, отъ 13 мая 1863 г. «Начало свободы совѣсти, сказано въ ней, принадлежитъ къ числу глубокихъ убѣжденій императора, но въ ея чистотѣ, а не въ томъ значеніи, которое во всѣ времена придавалъ ей римскій дворъ,

требуя для католической вѣры безграничной свободы въ ущербъ другимъ исповѣданіямъ. По своей сущности православная церковь не есть воинствующая, она не ведетъ пропаганды; но она имѣетъ полное право на то, чтобы не оставлять ее безъ защиты отъ нападеній церкви, отличающейся этими качествами. Мы не стараемся и не будемъ стараться, исхитить овецъ изъ чужаго стада; но мы вправѣ и даже обязаны имѣть попеченіе о томъ, чтобы принадлежащія къ нашему не были совращаемы въ иную вѣру. Однимъ словомъ, наша церковь никого не угнетаетъ. Странно было бы требовать, чтобы въ странѣ, гдѣ огромное большинство жителей исповѣдуетъ православную вѣру, народная церковь была бы поставлена въ подчиненное и зависимое положеніе».

Конечно, Россія не могла ни государственной своей власти подчинить римскому престолу, ни исповѣдующаго православіе русскаго народа принести въ жертву латинской пропагандѣ, облеченной въ польскую народность, ни свою христіанскую церковь унизить передъ искаженною папизмомъ.

Дальнѣйшія наши отношенія къ Риму, къ расмотрѣнію которыхъ мы обратимся, ясно представятъ, что разрывъ съ Римомъ необходимо долженъ былъ совершиться рано или поздно.

V.

Отношенія къ Риму съ восшествія на престолъ нынѣ царствующаго императора. — Комитетъ 1856 г. для разсмотрѣнія особаго протокола къ конкордату и послѣдующихъ притязаній Рима, и его заключенія.

Римскій дворъ не переставалъ заявлять свои требованія. Въ двухъ нотахъ кардинала Антонелли, 30 янв. и 23 іюля 1856 г., излагались различные вопросы, какъ относившіеся къ исполненію конкордата, такъ и другіе, указанные въ протоколѣ и въ разныя времена возбужденные Римомъ. Воспользовавшись случаемъ коронованія нынѣ царствующаго императора, по прежнимъ примѣрамъ, римскій дворъ отправилъ къ намъ особаго посланника для поздравленія и присутствія при этомъ торжествѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было вновь предъявить прежнія требованія Рима, съ добавленіемъ и новыхъ. Въ письмѣ къ императору, 4 авг. 1856 года, привезеннаго монсиньоромъ Киджи, папа просилъ «его величество довершить дѣло, начатое его родителемъ». «Посланнику было поручено, какъ сказано въ запискѣ нашего канцлера 7 янв., заявить императорскому прави-

тельству различныя притязанія римскаго двора, касавшіяся примѣненія и толкованія нѣкоторыхъ условій конкордата 1847 года. Монс. Киджи могъ самъ удостовѣриться, что императоръ, по вступленіи на престолъ, поручилъ уже особому комитету, составленному изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, разсмотрѣть эти притязанія и дать имъ удовлетвореніе въ предѣлахъ законовъ». Дѣйствительно, комитетъ, составленный подъ предсѣдательствомъ канцлера гр. Нессельроде (изъ гр. Киселева, гр. Блудова, мин. внутр. дѣлъ Ланскаго, ст. секр. царства польскаго Туркула и тайн. сов. Бутенева, Киселева и Губе), подробно разсмотрѣлъ какъ постановленія конкордата, по которымъ были возбуждены вопросы римскимъ дворомъ, такъ и другія притязанія папы, вошедшія въ особый протоколъ, приложенный къ конкордату или заявленныя въ послѣдствіи. Римскій дворъ обнародовалъ заключеніе этого комитета въ сборникѣ документовъ, 1866 года.

Что касается до вопросовъ, возникшихъ по случаю исполненія условій конкордата, то комитетъ нашелъ возможнымъ разрѣшить ихъ согласно съ желаніями Рима.

Учрежденіе седьмой латинской епархіи въ предѣлахъ имперіи, замедлявшееся, вслѣдствіе причинъ, о которыхъ мы говорили, составляло предметъ особенныхъ заботъ папскаго двора. Хотя въ общихъ видахъ Россіи ея учрежденіе представлялось болѣе вреднымъ, а по числу лицъ, исповѣдывавшихъ латинское ученіе въ этихъ мѣстностяхъ имперіи, излишнимъ, однако же комитетъ, не допуская возможности нарушить условія конкордата, не возбуждалъ даже вопроса объ ея существованіи. Но въ виду затрудненій устроить епископскую каѳедру въ Тирасполѣ, гдѣ слѣдовало бы построить соборную церковь, помѣщенія для епископа, капитула и семинаріи, комитетъ полагалъ, что это учрежденіе по необходимости замедлится на продолжительное время. Поэтому онъ — «не встрѣчалъ препятствія на первое время назначить мѣстопребываніе тираспольскаго епископа въ Саратовѣ», — городѣ болѣе обширномъ, и въ области котораго находилось большее число римскихъ католиковъ, и затѣмъ предоставить епископу позаботиться о составленіи капитула и консисторіи.

Въ связи съ устройствомъ этой епархіи находилось и исполненіе условій конкордата (ст. 8, 9 и 10) объ армянахъ-католикахъ. Совращеніе армянъ, принадлежащихъ къ такъ называемому григоріанскому исповѣданію, составляло одну изъ давнишнихъ заботъ римской пропаганды. Мы не войдемъ въ подробное изложеніе ея дѣйствій въ этомъ случаѣ, хотя и весьма лю-

бопытныхъ; но укажемъ только, что миссія на Кавказѣ, высланная изъ Тифлиса въ 1844 году была устроена съ этою также цѣлію, а условіями конкордата римскій дворъ желалъ обязать наше правительство оказывать ему пособіе въ этомъ случаѣ. Въ конкордатѣ было поставлено, что—«впредь до назначенія католическаго епископа армянскаго исповѣданія, духовныя требы армянъ-католиковъ, пребывающихъ преимущественно въ херсонской и каменецкой епархіяхъ, будутъ исполняемы по правиламъ Латеранскаго собора 1215 г. Епископы этихъ епархій опредѣлятъ число армяно-католическихъ клириковъ, которые должны содержаться на счетъ правительства въ подвѣдомственныхъ имъ семинаріяхъ. При каждой изъ этихъ семинарій будетъ находиться армяно-католическій священникъ для обученія армянскихъ воспитанниковъ церковнымъ обрядамъ ихъ исповѣданія. Каждый разъ, когда того потребуютъ духовныя нужды пребывающихъ въ новой херсонской епархіи лицъ римско-католическаго и армяно-католическаго исповѣданій, епископъ, сверхъ способовъ употребляемыхъ нынѣ для удовлетворенія сихъ нуждъ, будетъ посылать въ объѣздъ для сей цѣли священниковъ, а правительство императора ассигнуетъ нужныя на путевыя издержки и содержаніе ихъ суммы (ст. 8, 9 и 10)».

По объясненію министра внутреннихъ дѣлъ, эти постановленія конкордата дѣйствительно не исполнялись на дѣлѣ, но онъ заявилъ, что не встрѣчаетъ препятствій къ ихъ исполненію, если епископы сдѣлаютъ представленіе. Съ этою цѣлію онъ извѣститъ тираспольскаго епископа, чтобы онъ, по соглашенію съ каменецкимъ, представилъ, какое число учениковъ изъ армянъ можетъ быть помѣщено въ каменецкую семинарію. Комитетъ къ этому прибавилъ, что въ эту семинарію могутъ быть принимаемы только армяне, имѣющіе жительство въ предѣлахъ этой епархіи, а кавказскіе уроженцы должны быть помѣщаемы въ саратовскую семинарію.

Точно также по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы исполнить желаніе римскаго двора, ему поручено представить вновь пять кандидатовъ для занятія мѣстъ епископовъ и суффрагановъ и дозволено епископамъ представлять папѣ срочныя вѣдомости объ управленіи своими епархіями,—но, въ виду коренного закона, запрещающаго непосредственныя сношенія съ папою, неиначе какъ чрезъ русское посольство, находящееся въ Римѣ. Что касалось до составленія устава с.-петербургской латинской академіи, то правительство отклонило отъ себя это требованіе Рима, потому что по конкордату составленіе этого устава поручено было могилевскому архіепископу (ст. 29). Въ

отношеніи къ требованію, чтобы какъ въ академіи, такъ и въ семинаріяхъ, преподаватели русскаго языка и русской исторіи были непремѣнно латинскаго исповѣданія, комитетъ, не отрицая этого начала, полагалъ однако же необходимымъ заявить римскому двору, что въ настоящее время невозможно его исполнить, потому что нельзя пріискать знающихъ и добросовѣстныхъ преподавателей изъ лицъ этого исповѣданія. «Но правительство приметъ мѣры для того, чтобы приготовить преподавателей по этимъ двумъ предметамъ изъ лицъ латинскаго исповѣданія, которымъ и будетъ поручено ихъ преподаваніе».

Въ отношеніе къ подсудности брачныхъ дѣлъ, комитетъ постановилъ исполнять правила конкордата и послѣдовавшія къ нимъ дополненія въ 1849 г. Что же касается до жалобъ римскаго двора на то, что починку церквей, на основаніи 31 ст. конкордата, правительство не позволяло производить, не испросивъ дозволенія министерства внутреннихъ дѣлъ, то комитетъ нашелъ ихъ уже несвоевременными, потому что по просьбѣ М. Головинскаго, 11 окт. 1852 г., еще покойный императоръ устранилъ это затрудненіе.

Самымъ важнымъ вопросомъ представлялся комитету, не безъ основанія конечно, вопросъ о томъ, какъ объяснить, что вѣдомость о латинскихъ приходахъ и монастыряхъ не была до этого времени доставлена въ Римъ. Причина замедленія заключалась въ томъ, какъ мы уже говорили, что она не соотвѣтствовала дѣйствительному количеству приходовъ и монастырей, потому что послѣ ея составленія было закрыто 35 монастырей и учреждено два новыхъ прихода. Комитетъ полагалъ, что — «представляется два способа для устраненія этого затрудненія: или объявить папѣ, что эта вѣдомость невѣрна, и потому надо назначить новаго исполнителя, который бы повѣрилъ ее или составилъ новую; или сообщить римскому двору составленную Головинскимъ вѣдомость, присовокупивъ къ ней, что послѣ ея составленія закрыты нѣкоторые монастыри по малочисленности монаховъ; но тѣ изъ нихъ, къ которымъ были приписаны приходы, остались какъ приходскія церкви. Правительство обезпечило имъ доходы и расположено даже оставить съ этою цѣлію и другія монастырскія церкви, не имѣвшія прежде приходовъ, если только по мѣстнымъ обстоятельствамъ окажется нужнымъ прибавить число приходскихъ церквей». Второй способъ комитетъ призналъ болѣе удобнымъ для того, чтобы предотвратить на будущее время всѣ дальнѣйшія по этому вопросу объясненія.

Такимъ образомъ, комитетъ нашелъ возможнымъ удовлетворить требованіямъ Рима по всѣмъ этого рода вопросамъ, при-

знавая, что договоръ, утвержденный уже какъ законъ, долженъ быть, по возможности, исполненъ во всей точности.

Но что касалось до другихъ притязаній, выраженныхъ римскими уполномоченными въ протоколѣ къ конкордату или впослѣдствіи заявленныхъ; то комитетъ раздѣлилъ ихъ на три разряда. По однимъ онъ полагалъ возможнымъ, не нарушая коренныхъ законовъ имперіи, сдѣлать уступки римскому двору, по другимъ отложить рѣшеніе до будущихъ переговоровъ, предоставляя починъ въ этомъ случаѣ самому Риму, и наконецъ, по третьимъ, выразилъ положительно мнѣніе, что никакихъ уступокъ со стороны Россіи допущено быть не можетъ.

Къ первому разряду относились слѣдующіе вопросы:

Кардиналъ Антонелли въ одной изъ послѣднихъ нотъ выразилъ требованіе папскаго престола, чтобы представлены были кандидаты для занятія епископскихъ должностей въ царствѣ польскомъ. По конвенціи, заключенной съ Піемъ VII, въ царствѣ должно быть 7 епископовъ; въ это время находился только одинъ въ Люблинѣ, но уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ представленъ кандидатъ для августовской епархіи, а въ 1855 г. еще пять кандидатовъ, одинъ въ архіепископы въ Варшаву, и четыре въ епископы другихъ епархій. Предполагая, что папа не утвердитъ кандидата представленнаго на августовскую каѳедру, комитетъ находилъ, что слѣдовало бы еще представить двухъ кандидатовъ. Но невозможно было представлять кандидата для краковской епархіи, потому что часть этой епархіи въ 1847 г. присоединена къ Австріи, пока она въ церковномъ отношеніи не будетъ отдѣлена отъ другой части этой епархіи, входящей въ составъ царства польскаго, съ епископскою каѳедрою въ Кельцахъ. Поэтому комитетъ предполагалъ представить новаго кандидата на августовское епископство, а о суффраганахъ для всѣхъ семи епископовъ предоставить намѣстнику царства польскаго сдѣлать представленіе. Точно также, исполняя желаніе Рима, комитетъ предположилъ представить кандидата и на холмское уніатское епископство.

Чтобы не прерывать обозрѣнія соображеній комитета по всѣмъ вопросамъ, составлявшимъ предметъ его разсмотрѣнія, мы обойдемъ тѣ изъ нихъ, которые относились до римско-католическихъ монастырей въ имперіи съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за симъ разсмотрѣть ихъ въ подробности. Замѣтимъ только, что и въ этомъ отношеніи комитетъ предполагалъ сдѣлать уступку Риму и постановить, что число монастырей, 50, опредѣленное постановленіемъ 17 декабря 1841 г., по соображеніи съ количествомъ

жителей латинскаго исповѣданія, на будущее время останется неизмѣннымъ.

Вопросы, по которымъ комитетъ предполагалъ также возможнымъ уступить требованіямъ Рима, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, но отлагалъ ихъ рѣшеніе до того времени, пока самъ римскій дворъ не начнетъ переговоровъ, были слѣдующіе: о секретаряхъ консисторій, провинціалахъ монашескихъ орденовъ и участіи латинскаго духовенства при совершеніи смѣшанныхъ браковъ.

Въ 1846 г., было постановлено, что секретари консисторій назначаются по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, который и опредѣляетъ ихъ обязанности особою инструкціею. Въ 1846 г., кардиналъ Ламбрускини предъявилъ, что римскій дворъ считаетъ это учрежденіе нарушающимъ права епископовъ въ отношеніи къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ, которыя по правиламъ церкви исключительно подлежатъ ихъ власти; что секретари имѣютъ слишкомъ большое вліяніе на дѣла, что они должны быть назначаемы изъ духовныхъ, или по крайней мѣрѣ изъ лицъ, исповѣдующихъ римско-католическое ученіе и съ согласія епископовъ. Въ конкордатѣ обойденъ этотъ вопросъ, но былъ заявленъ въ особомъ къ нему протоколѣ.

Конкордатъ предоставилъ такія широкія права епископамъ въ отношеніи къ суду и управленію, что казалось бы римскій дворъ долженъ былъ торжествовать окончательную побѣду. Ничтожный призракъ правительственнаго надзора за ихъ дѣйствіями, въ лицѣ секретарей консисторій, казалось бы не долженъ былъ и обращать его вниманія. Но римскій дворъ, чѣмъ болѣе ему дѣлаютъ уступокъ, тѣмъ выше поднимаетъ свои требованія; поэтому онъ хотѣлъ устранить даже всякій внѣшній признакъ надзора свѣтской власти за дѣйствіями епископовъ. Наши уполномоченные отвѣчали на эти требованія кардинала, что если правительство и согласится опредѣлять секретарей съ согласія епископовъ, то въ такомъ случаѣ оно должно будетъ въ каждую консисторію опредѣлять особыхъ прокуроровъ. Конечно, римскіе уполномоченные не согласились съ этимъ предложеніемъ. Комитетъ, тщательно разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, нашелъ, что устройство консисторій и ихъ отношенія къ епископамъ, уже опредѣлены конкордатомъ, согласно съ постановленіями латинской церкви, что наше правительство въ силу принадлежащаго ему права, которое постоянно удерживаютъ за собою и европейскія государства, наблюдать за дѣйствіями римско-католической церкви (jus inspectionis), безъ сомнѣнія можетъ назначать въ консисторіи, когда сочтетъ нужнымъ, своихъ чиновниковъ для

наблюденія, чтобы консисторіи не постановили чего-либо противнаго законамъ имперіи. Потому, еслибъ даже римскій дворъ протестовалъ противъ этого, комитетъ полагаетъ, что правительство не должно отказываться отъ этого права. Въ Пруссіи въ каждой консисторіи присутствуетъ свѣтскій чиновникъ, назначенный правительствомъ. Принимая это за основаніе, комитетъ однако же обратилъ вниманіе на способы устранить этотъ надзоръ за консисторіями. Учрежденіе особыхъ прокуроровъ потребовало бы новыхъ издержекъ, притомъ прокурорскій надзоръ состоитъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, а консисторіи — министерства внутреннихъ дѣлъ; поэтому комитетъ полагаетъ, что слѣдуетъ удержать существующій порядокъ, но чтобы удовлетворить желаніямъ Рима, можно назначать въ должности секретарей непремѣнно лицъ римско-католическаго исповѣданія».

Въ протоколѣ къ конкордату помѣщено также заявленіе римскихъ уполномоченныхъ, что — «для устраненія сомнѣній, происходящихъ въ римскомъ духовенствѣ отъ несогласія законовъ имперіи съ каноническими правилами, въ отношеніи къ порядку совершенія смѣшанныхъ браковъ, слѣдовало бы примѣнить къ имперіи тѣ же правила, которыми римскій дворъ руководствуется въ этихъ случаяхъ въ отношеніи къ Венгріи, и на основаніи которыхъ онъ признаетъ такіе браки законными, не нарушая коренныхъ постановленій церкви».

Буллою Пія VIII, 25 марта 1830 г., въ отношеніи къ Пруссіи, наставленіемъ кардинала Альбани, 12 сент. 1804 г., баварскимъ епископамъ, и кардинала Ламбрускини, 30 авг. 1841 г., венгерскимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ вступающихъ въ бракъ сторонъ латинскаго исповѣданія съ другою иновѣрною не согласится дать обязательства крестить и воспитывать дѣтей по римско-католическому исповѣданію, дозволяется латинскому священнику дѣлать внушенія и указывать на постановленія церкви, но если и это не окажетъ дѣйствія, то не препятствовать браку. Но въ этомъ случаѣ дѣло священника заключается только въ томъ, чтобы при двухъ свидѣтеляхъ записать въ книгу желаніе обѣихъ сторонъ о вступленіи въ бракъ. Это замѣняетъ вѣнчаніе и римскими казуистами называется assistentia passiva, изобрѣтенная въ этихъ случаяхъ въ замѣнъ совершенія христіанскаго таинства [1]).

«Комитетъ находя, что подобное распоряженіе римскаго двора не представляетъ ничего противнаго видамъ нашего правительства и можетъ даже имѣть послѣдствіемъ умноженіе смѣшан-

---

[1]) Zhishman, Das Eherecht d. orient. Kirche. стр. 548 и слѣд.

ныхъ браковъ, полагалъ возможнымъ согласиться съ примѣненіемъ этихъ правилъ къ имперіи и царству польскому».

Наконецъ, въ отношеніи къ возобновленію уничтоженнаго въ Россіи званія провинціаловъ монашескихъ орденовъ, чего также требовалъ Римъ, комитетъ полагалъ возможнымъ допустить вновь должность провинціаловъ для надзора за монастырями, но неиначе какъ съ утвержденія мѣстныхъ латинскихъ властей въ имперіи и царствѣ и съ подчиненіемъ ихъ епископамъ.

Объ этихъ рѣшеніяхъ комитетъ не считалъ нужнымъ прямо сообщать римскому двору, но полагалъ извѣстить о нихъ нашего посланника въ Римѣ, который, соображаясь съ ними, могъ бы отвѣчать, еслибъ само папское правительство возобновило свои требованія по этимъ вопросамъ.

Сдѣлавъ такимъ образомъ всѣ возможныя уступки Риму и открывъ возможность будущихъ переговоровъ по нѣкоторымъ вопросамъ, комитетъ окончательно прервалъ ихъ въ отношеніи къ слѣдующимъ вопросамъ, признавъ ихъ неразрѣшимыми:

1) О непосредственномъ сношеніи папъ съ епископами и мірянами и обнародованіи ихъ буллъ, безъ предварительнаго разрѣшенія правительства.

2) Объ избавленіи отъ подсудности православнымъ духовнымъ судамъ брачныхъ дѣлъ по смѣшаннымъ бракамъ, когда одна сторона принадлежитъ къ латинскому вѣроисповѣданію и объ отмѣнѣ закона, по которому такіе браки признаются законными только тогда, когда исполнено вѣнчаніе православнымъ священникомъ.

3) О возвращеніи имуществъ, принадлежавшихъ прежде латинскимъ церквамъ и монастырямъ.

4) Объ учрежденіи для областей имперіи уніатскаго епископа, и о дозволеніи присоединившимся къ православной церкви уніатамъ—вновь переходить въ унію или въ латинство.

5) Объ отмѣнѣ постановленій противъ совращенія въ латинское исповѣданіе православныхъ; — и наконецъ,

6) Объ измѣненіи присяги на вѣрноподданство.

«Докладъ комитета—сказано въ исторической запискѣ, приложенной къ нотѣ 7-го января нашего канцлера — былъ сообщенъ римскому двору, который его обнародовалъ. Изъ этого доклада видно, что всѣ притязанія, объявленныя римскимъ дворомъ, разсмотрѣны были со всевозможнымъ вниманіемъ и добросовѣстностію, и что тѣмъ притязаніямъ, которыя оказались основательными и не противорѣчащими ни кореннымъ законамъ имперіи, ни уставамъ господствующей церкви, дано было полное и немедленное удовлетвореніе. Не довольствуясь важными уступ-

ками, сдѣланными императорскимъ правительствомъ и отвѣчая на нихъ заявленіемъ новыхъ требованій, римскій дворъ, относительно говоря, до 1859 г., держался въ предѣлахъ умѣренности. Въ письмѣ къ императору, 31 янв. 1859 г., папа отдаетъ должную справедливость «возвышеннымъ качествамъ ума и сердца его величества и искренно благодаритъ, что онъ доставилъ ему возможность замѣстить нѣкоторыя каѳедры епископовъ и суффрагановъ, бывшія вакантными». Но — «къ сожалѣнію, римскій дворъ начиналъ уже въ то время выказывать менѣе чистосердечія и взаимнаго благорасположенія къ императорскому правительству, и наконецъ совершенно измѣнилъ характеръ своихъ отношеній во время печальныхъ событій, совершившихся въ Польшѣ съ 1858 по 1864 годъ».

Разрывъ съ римскимъ дворомъ собственно и начался съ тѣхъ поръ, какъ папа получилъ рѣшительный отказъ на нѣкоторыя изъ своихъ притязаній, которыя мы указали. До этого времени онъ питалъ надежды осуществить свои виды на полновластіе, которому такъ тѣсно приходилось въ западной Европѣ, въ отношеніи къ Россіи, и неожиданно эти надежды окончательно разрушились. Заключенія комитета, состоявшаго изъ лицъ, поставленныхъ во главѣ управленія, заставили его понять, что далѣе идти невозможно, что полновластіе папъ встрѣтилось съ *коренными законами имперіи* и *уставами православной церкви*, которыхъ русское правительство не позволяло себѣ нарушать. Могъ ли папа согласиться на ограниченіе своей власти?

Григорій XVI говорилъ покойному императору и писалъ въ поданной ему запискѣ, что всякій законъ, постановленный императорскою властію, можетъ быть и отмѣненъ ею въ виду требованій главы латинской церкви, основанныхъ, по его мнѣнію, на божественномъ правѣ. Его преемникъ повторяетъ ту же мысль въ разсматриваемой нами объяснительной запискѣ. Особенности государства, его самостоятельность и независимость, охраняемыя коренными его законами, въ глазахъ Рима, не имѣютъ никакого значенія. Что же касается до уставовъ нашей церкви, то Григорій XVI, благоразумно не упомянулъ о нихъ; но его преемникъ прямо называетъ нашу церковь еретическою и, конечно, не считаетъ для себя обязательными ея уставы, хотя это уставы той же вселенской церкви, къ которой принадлежала и римская.

Всякій отказъ Риму въ его притязаніяхъ на полновластіе, есть уже разрывъ съ нимъ, casus belli. Такъ и понялъ это римскій престолъ, и съ тѣхъ поръ, какъ опытный боецъ, повелъ войну противъ Россіи. При дальнѣйшемъ изложеніи нашихъ от-

ношенiй къ Риму, мы постараемся опредѣлить особенныя свойства этой войны и средства, которыми пользовалось папское правительство.

VI.

Латинскiе монашескiе ордена въ Россiи, со временъ императрицы Екатерины II и до настоящаго времени.

Монашескiе латинскiе ордена не имѣютъ ничего общаго съ древнимъ установленiемъ христiанской церкви, извѣстнымъ подъ этимъ названiемъ. Это—войско папъ;—такъ называютъ ихъ издавна и весьма справедливо. Значенiе монашества, заключающееся въ удаленiи отъ мiра съ цѣлiю спасенiя души, не можетъ объяснить многочисленности орденовъ, образовавшихся въ латинской церкви послѣ ея отдѣленiя отъ церкви вселенской, и еще менѣе оправдать ихъ устраненiе отъ зависимости отъ епископовъ и подчиненiе особымъ генераламъ. Такое явленiе становится понятно, если только смотрѣть на эти ордена, какъ на отдѣльные корпуса папскаго войска. Въ этомъ смыслѣ понятно также, съ одной стороны, желанiе папъ увеличивать количество монаховъ и число монастырей, а съ другой — попытки европейскихъ правительствъ положить предѣлъ этому увеличенiю, истощавшему средства государствъ.

Мы не войдемъ въ изложенiе длиннаго ряда происшествiй, сопровождавшихъ во всѣхъ государствахъ Европы постоянное сокращенiе, а иногда и совершенное уничтоженiе монастырей, какъ всѣмъ извѣстныхъ, и повторимъ только, что всѣ правительства постоянно удерживали за собою право полагать предѣлъ излишнему умноженiю числа монастырей.

Наше правительство точно также постоянно удерживало за собою это право; но пользовалось имъ въ различной степени, смотря по обстоятельствамъ.

Въ царствованiе императрицы Екатерины II, наше правительство, въ отношенiи къ латинскимъ и унiатскимъ монастырямъ, руководилось слѣдующими основными правилами. Въ 1772 году мая 28, губернаторамъ, назначеннымъ въ присоединенныя отъ Польши губернiи, императрица поручала—«о монастыряхъ сдѣлать разсмотрѣнiе. Тѣ монахи, кои намъ не пожелаютъ присягать, но заграницу уйдутъ, оставляя монастыри пусты, тѣхъ монастырей деревни взять въ казенное управленiе. Тоже учинить съ деревнями тѣхъ монастырей, кои за-границею. Iезуитскимъ монастырямъ, школамъ и училищамъ сдѣлать особую пе-

репись. За сими наипаче недреманно смотрѣть, яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ; ибо у нихъ безъ согласія начальниковъ подчиненные ничего предпринять не могутъ». Учредивъ епископовъ для римскихъ католиковъ и уніатовъ и при нихъ консисторіи, она подчинила ихъ вѣдѣнію и монастыри, а самихъ, на основаніи регламента, 1769 года февраля 12, подчинила юстицъ-коллегіи и сенату. При назначеніи Сестренцевича бѣлорусскимъ епископомъ, монашествующимъ, въ 1780 году января 9, предписано было подчиниться его власти, и всѣхъ тѣхъ, которые безъ его призыва явились бы изъ-за границы въ какія бы то ни было должности, немедленно высылать изъ предѣловъ имперіи. Когда въ этомъ же году уніатскій польскій митрополитъ желалъ управлять уніатскою церковью и въ предѣлахъ имперіи, императрица строго запретила ему вмѣшиваться въ дѣла, говоря: «опредѣленіе новыхъ архіереевъ и дальнѣйшее устроеніе епархіи есть единственное дѣло самодержавной власти», и запретила принимать монаховъ, приходившихъ изъ за-границы. Возведя, въ 1782 году января 17, Сестренцевича въ санъ архіепископа, императрица всѣ монашескіе ордена поставила въ зависимость единственно отъ него, поручила ему опредѣлять въ настоятели монастырей такихъ лицъ, — «кои въ подданствѣ нашемъ родились или утверждены, а временно присылаемыхъ изъ за-границы отрѣшать и впредь не терпѣть, запретя пріемъ оныхъ подъ опасеніемъ мірскаго суда за неисполненіе указовъ верховной власти». Въ тоже время она поручила ему прислать обстоятельное извѣстіе о всѣхъ монастыряхъ съ означеніемъ, которые изъ нихъ прямо въ богоугодныхъ и обществу полезныхъ дѣлахъ обращаются, разумѣя просвѣщеніе юношества, служеніе немощнымъ и призрѣніе помощи требующихъ, каковыя учрежденія долженъ онъ всемѣрно охранять, или же которые въ праздности и уединенной жизни безъ всякаго ближнему пособія живутъ, въ тягость міру; — дабы мы во славу Божію и на пользу обществу могли обо всемъ томъ учредить лучшимъ по возможности образомъ». То же самое было предписано, въ 1795 году сентября 6, въ отношеніи къ монастырямъ великаго княжества литовскаго. При постановленіи, 1785 года января 7, полоцкаго уніатскаго епископа, ему строго предписывалось наблюдать, чтобы монастыри и монахи не имѣли сношеній съ заграничнымъ духовнымъ начальствомъ. При учрежденіи, въ 1795 году сентября 6, пинской и летичевской епархій сказано: «Возобновляемъ повелѣнія наши, воспрещающія монастырямъ и всему духовенству признавать себя зависимыми отъ какой либо духовной власти, пребы-

вающей внѣ предѣловъ имперіи нашей, имѣть предосудительныя общему спокойствію сношенія или высылать имъ доходы или часть оныхъ, избирать провинціаловъ или генеральныхъ суперіоровъ и повиноваться ихъ повелѣніямъ». Непокорныхъ же настоятелей монастырей высылать немедленно за-границу [1]).

Изъ этого обзора постановленій императрицы Екатерины II о латинскихъ монастыряхъ, составлявшихъ въ послѣдствіи коренныя начала нашего законодательства, въ этомъ отношеніи оказывается, что наше правительство желало подчинить ихъ епископамъ, что и слѣдовало на основаніи правилъ вселенской церкви, какъ духовнымъ властямъ, постановляемымъ верховною властію имперіи. Поэтому оно хотѣло перервать ихъ зависимость и сношенія съ генералами орденовъ, находившимися внѣ предѣловъ Россіи, въ Римѣ. Съ этою цѣлію оно имѣло въ виду уничтожить и провинціаловъ, какъ посредствующую власть между настоятелями монастырей и ихъ генералами, которые держали ихъ въ покорности и зависимости отъ этихъ послѣднихъ. Но подчиняя монастыри власти епископовъ въ духовномъ отношеніи, правительство въ то же время не отказывалось отъ надзора за ними, чрезъ уполномоченныхъ имъ начальниковъ тѣхъ губерній, гдѣ находились эти монастыри. Оно оставляло за собою право, не стѣсняя дѣятельности тѣхъ монастырей, которые могли быть полезны обществу, уничтожать не только безполезные, но даже положительно вредные въ нравственномъ и политическомъ отношеніи.

Зависимость монашескихъ орденовъ отъ властей, не имѣвшихъ никакихъ связей съ государствомъ и народомъ и преслѣдовавшихъ только свои цѣли и выгоды каждаго монашескаго ордена и папской власти, которой они всѣ подчинялись безъ сомнѣнія были столько же вредны для имперіи, сколько полезны для политическихъ притязаній Рима. Въ европейскихъ государствахъ мѣстныя іерархіи латинской церкви болѣе соединялись съ паствою, съ народами, находившимися подъ ихъ духовнымъ руководствомъ, понимали его потребности, сочувствовали его нуждамъ и даже могли гордиться его народною славою и государственнымъ значеніемъ. Таково нѣкогда было галликанское духовенство. Между тѣмъ это вовсе не было въ видахъ Рима, потому что могло ослабить безусловную покорность этой іерархіи главѣ латинской церкви и — даже образовать мѣстныя церкви, или усилить ихъ значеніе. Исторія латинской церкви во Франціи

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 13.807, 13.808, 13 922, 13.251, 13.252, 14.966, 15,028, 15.326, 16.122, 17.379, 17.168.

можетъ служить примѣромъ. Поэтому папы, съ одной стороны, охотно вводили во всѣ страны епископовъ-инородцевъ, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ народомъ, ни съ государствомъ; съ другой, образовали могучее орудіе, посредствомъ котораго могли слѣдить за всѣми дѣйствіями мѣстной іерархіи и держать ее постоянно въ страхѣ, а потому и въ полной зависимости. Такимъ орудіемъ и были монашескіе ордена. Различіе въ направленіи и дѣйствіяхъ этихъ орденовъ были особенно выгодны, давая возможность римскому двору пользоваться услугами того или другого изъ нихъ, согласно съ особыми цѣлями папъ и мѣстными обстоятельствами различныхъ странъ и народовъ. Если гдѣ нибудь возбуждали противъ себя негодованіе доминиканцы, римскій дворъ замѣнялъ ихъ капуцинами, іезуитами или другимъ орденомъ; вся вина въ этихъ случаяхъ падала на орденъ, не умѣвшій прикрыть своихъ дѣйствій и принаровиться къ обстоятельствамъ; римскій дворъ оставался чистъ и правъ, а—между тѣмъ неуклонно преслѣдовалъ одни и тѣже цѣли. Монашескіе ордена, находясь въ зависимости отъ своихъ провинціаловъ и генéраловъ, не подчиняясь власти епископовъ, постоянно слѣдили за ихъ дѣйствіями и доносили въ Римъ. Хотя значеніе народности въ отношеніе къ латинской іерархіи въ предѣлахъ имперіи и не могло озабочивать Римъ, потому что всѣ лица, изъ которыхъ она состояла, принадлежали къ народности польской, враждебной паствѣ, принадлежавшей по преимуществу къ русскому племени,—но возможность нѣкоторой независимости латинской іерархіи въ Россіи отъ Рима и образованія даже мѣстной церкви, какъ это было во Франціи, конечно, смущала папскій дворъ. Образъ мыслей въ этомъ отношеніи митрополита Сестренцевича и согласіе съ нимъ императрицы, безъ сомнѣнія, были извѣстны Риму и конечно не возбуждали его сочувствія [1]). Всякая попытка

---

[1]) Римскій дворъ весьма не благоволилъ къ митрополиту Сестренцевичу, іезуиты его ненавидѣли и при императорѣ Павлѣ имъ удалось устранить его отъ управленія. Въ іюльской нотѣ 1832 г., кардиналъ Ламбрускини писалъ нашему правительству: «Sono noti in questa parte gli atti arbitrari dell'arcivescovo di Mohilew defunto M-r Stanislao Siestrenczewicz con aver acconsentito ed ammesso nel lungo governo di quella chiesa moltissime novità perniciosissime alla dottrina ed alla disciplina della chiesa catholica, coll'essersi fatto specialmente protettore delle societa biblica». На это обвиненіе наше правительство отвѣчало, въ нотѣ 6 сентября 1832 г.: «On y cite entr'autres feu Métropolitain Siestrenczewitch, comme ayant introduit des innovations contraires aux doctrines de l'eglise Romaine. A ces inculpations un peu vagues nous ne pouvons repondre, que par l'observation générale que durant le demi-siecle que M-r Sestrenczewitch s'est trouvé à la tête de l'église catholique Romaine en Russie, il a constamment suivi le précépte de l'évangile qui lui ordonnait de rende à Dieu ce qui est à Dieu, et à Cesar ce qui est à Cesar, et qu'il a laissé à ses successeurs deux grands exemples à suivre: un amour

синодальнаго управленія, выразившаяся въ учрежденіи духовной коллегіи, была непріятна для папъ. Поэтому они постоянно покровительствовали монашескимъ орденамъ, прикрывая и оправдывая всѣ ихъ злоупотребленія, и не желали отдавать ихъ въ зависимость отъ епархіальныхъ епископовъ.

Вопросъ о числѣ монастырей точно также представлялъ особенную важность въ видахъ римскаго двора, на который онъ смотрѣлъ совершенно съ иной точки зрѣнія, нежели наше правительство. Польза, приносимая монастырями для общества, сообразность ихъ числа съ количествомъ народонаселенія, принадлежащаго къ латинской церкви, и ихъ устройство согласно съ каноническими правилами, — вотъ цѣли, которыя имѣло въ виду наше правительство при соображеніи вопроса о монастыряхъ. Совершенно иныя цѣли преслѣдовалъ Римъ въ этомъ случаѣ. Монастыри въ тѣхъ особенно странахъ, гдѣ латинское исповѣданіе не господствуетъ, въ видахъ папской политики представляются не столько монастырями, сколько *миссіями* для совращенія иновѣрцевъ въ римскій католицизмъ. Для достиженія этой главной цѣли, Римъ съ одной стороны не обращаетъ особеннаго вниманія на нарушенія не только монашеской дисциплины, но даже и каноническихъ постановленій о монастыряхъ, съ другой—никогда не соглашается на сокращеніе числа монастырей, и, наоборотъ, стремится умножать ихъ болѣе и болѣе. Въ видахъ пропаганды выгодно умноженіе числа монастырей и учрежденіе ихъ даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе не было римскихъ католиковъ. Если Римъ и соображалъ ихъ число съ количествомъ народонаселенія страны, то *всего* народонаселенія, а не однихъ только исповѣдующихъ латинское ученіе.

Очевидно эти два взгляда были противоположны одинъ другому. Постановленія императрицы Екатерины II положили предѣлъ наступательной политики Рима и заставили ее, если не отступить, то пріостановиться. Строго подчиняя монастыри вла-

---

pur pour la réligion qu'il professait et un entier dévouement à son souverain légitime (Галль-Морель: №№ VI и XIV, стр. 15 и 39). Римъ особенно не любилъ М. Сестренцевича за то, что онъ не противился учрежденію римско-католической коллегіи; напоминая древнее синодальное устройство церкви, это учрежденіе казалось папистамъ *чудовищнымъ* (Тейнеръ: Die neu. Zustände der kathol. Kirche in Russl. u. Polen. Augsburg, 1841. стр. 478). Ср. Mémoires du Card. Consalvi, т. II, изд. Cretineau-Joli. 1864 г. стр. 316: Les ennemis de Rome, à la tête dequels se distinguait le célèbre archeveque de Mogileff, autrefois lutherien (?), puis converti au catholicisme ete nfin promu à cet archevêché n'aimait pas à voir un nonce à S.-Peterbourg, — говоритъ папскій статсъ-секретарь по случаю неудачи назначить монсиньора Ареццо постояннымъ папскимъ резидентомъ въ Россіи.

сти епископовъ, она запрещала «своевольный пріѣздъ заграничныхъ духовныхъ римскаго и уніатскаго законовъ, подъ именемъ *провинціаловъ*, визитаторовъ и тому подобныхъ, паче же распоряженіе ими дѣлами церковными, перемѣною начальниковъ и переводомъ монашествующихъ». Такихъ посѣтителей велѣно было не впускать въ предѣлы имперіи, а если они появятся, то немедленно выпровождать ихъ за-границу. Эти распоряженія, ограждая права мѣстной латинской іерархіи и независимость государства отъ властей чужеземныхъ, основывались и на другомъ, также важномъ, обстоятельствѣ. Монастыри владѣли большими недвижимыми имуществами, населенными крѣпостными людьми русскими и не-латинскаго исповѣданія. Провинціалы, по власти данной имъ генералами, распоряжались ими какъ своею собственностію, расточали имущества и, въ ущербъ государству, большую часть доходовъ отсылали въ Римъ. Хотя управленіе этими имуществами и составляло предметъ особенныхъ заботъ императрицы, однакоже охранить ихъ отъ расхищенія не было возможности, еслибъ ихъ доходами распоряжались лица, независимыя не только отъ государственной власти, но и отъ епископовъ [1]).

Заявивъ о безполезности многихъ монастырей и поручивъ составить подробныя о нихъ вѣдомости, она не успѣла однакоже повести далѣе предположенной ею мѣры о сокращеніи ихъ числа. Ея вниманіе прежде всего обратилось на уніатскіе монастыри, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, возникшихъ немедленно послѣ присоединенія къ имперіи русскихъ областей, находившихся подъ властію Польши. Освобожденіе отъ полной зависимости отъ Рима и остановка насильственныхъ дѣйствій со стороны латинской пропаганды, которой усердно служило польское правительство, немедленно оказали вліяніе на уніатскую церковь. Въ два года, отъ 1794 до 1796 г., присоединилось къ православной церкви слишкомъ полтора милліона уніатовъ.

Въ 1794 г., православный минскій архіепископъ Викторъ обнародовалъ пастырское посланіе, въ которомъ — «исполняя долгъ пастыря, приглашалъ всѣхъ, въ его паствѣ обитающихъ, которыхъ праотцы, отцы или сами они, лестью и страхомъ отъ благочестія совращены въ унію съ латинами, возвратиться безбоязненно въ объятія православной восточной церкви. Никто же да не усумнится въ семъ спасительномъ обращеніи страха ради угрозъ или лживыхъ разглашеній объ отторженіи ихъ отъ обладанія россійскаго, пребывая въ полномъ удостовѣ-

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 14.891, 14.966, 15.943.

реніи, что власть Всевышняго не попустить, и никакая рука человѣческая не сильна будетъ отъять ихъ отъ соединенія съ прочими единовѣрными братьями и вѣрноподданными императрицы. Никто да не убоится властей духовныхъ или мірскихъ римскаго закона, вѣдая, что когда всемилостивѣйшая государыня наша дозволяетъ иновѣрнымъ свободно исповѣдовать законъ, отъ предковъ каждымъ наслѣдованный; то съ другой стороны отнюдь не допуститъ, чтобы кто либо изъ обращенныхъ въ вѣру православную, въ имперіи ея господствующую, кольми же паче тѣ, которыхъ предки или они сами изъ нѣдръ благочестія коварно и насильственно исторгнуты, малѣйшія обиды или угнетенія, потерпѣли, въ чемъ установленныя по волѣ ея начальства имѣть будутъ бдѣніе и озлобляемымъ подадутъ руку законной помощи». Конечно, императрица не только знала объ этомъ посланіи, но сама предписала минскому генералъ-губернатору Тутолмину, чтобы это посланіе было обнародовано по всѣмъ городамъ и селамъ. Послѣдствіемъ этой мѣры были съ одной стороны многочисленныя заявленія со стороны уніатовъ о желаніи немедленно присоединиться къ православной церкви, съ другой всевозможныя противодѣйствія со стороны латинскаго духовенства и польскихъ помѣщиковъ. Въ началѣ слѣдующаго года (10-го января, тому-же генералъ-губернатору императрица писала, что «происходятъ не только препятствія жителямъ въ обращеніи ихъ къ православію, но поношенія и побои проповѣдующимъ истинное слово божіе. А какъ указомъ 22-го апр. предписано вамъ наблюдать, чтобы никто изъ помѣщиковъ, временныхъ владѣльцевъ и чиновниковъ, духовныхъ и мірскихъ римскаго и уніатскаго закона, не осмѣлился дѣлать жителямъ ни малѣйшаго въ присоединеніи ихъ къ благочестію препятствія, а обращающимся обидъ и притѣсненія, и что всякое подобное покушеніе, яко противу господствующей вѣры обращаемое и означающее преслушаніе воли нашей, долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе, суду подлежащее и влекущее за собою секвестръ имѣнія... И понеже обращеніе къ православному исповѣданію, отторгнутыхъ отъ онаго насиліемъ, есть самопроизвольное, совѣстію ихъ возрожденное и торжественно ими самими изъявляемое, слѣдственно нѣтъ надобности ни въ чьемъ по оному обстоятельству участіи и посредствѣ, и на сей конецъ указомъ 22-го апрѣля прекратили мы ваши съ уніатскимъ митрополитомъ переписки. Не взирая на сіе однакожъ, къ справедливому неудовольствію нашему видимъ, что правитель Изяславской губерніи разослалъ по дорогамъ повелѣнія и письма объ удержаніи введенія благочестія, если приходскіе священ-

ники къ оному не присоединятся или примѣчено будетъ неудовольствіе помѣщиковъ, какъ будто бы помѣщики имѣли какое либо право стѣснять крестьянъ своихъ въ отправленіи господствующей вѣры по внутреннему убѣжденію совѣсти ихъ, когда и мы нимало не стѣсняя, не только терпимъ, но и покровительствуемъ свободное и публичное отправленіе ихъ римскаго исповѣданія. Чрезъ упомянутыя повелѣнія и письма всѣ непорядки произошли. Въ отвращеніе оныхъ предписываемъ всѣмъ, чтобы обнародованіе грамоты архіепископа Виктора производилось впредь самимъ поселянамъ, и введеніе благочестія во всѣхъ ихъ обиталищахъ чинилось безъ всякаго духовныхъ и мірскихъ чиновниковъ римскаго и уніатскаго закона участія и посредства; и дабы предавшіеся въ объятія нашей православной церкви отъ мести, притѣсненія и обидъ дѣятельно оберегаемы были, а обидчики и наглецы безъ наказанія не оставались; но надлежитъ употреблять стараніе и мѣры, чтобъ при повсемѣстномъ сего исполненіи отвращаемы были пустые толки и вымышленія, яко разрушающіе спокойство жителей и въ благоустроенномъ правленіи нетерпимые. Для удобнѣйшаго въ семъ дѣлѣ успѣха, чтобы обѣщеваемыя поселянамъ грамотою преосвященнаго Виктора безопасность и защита дѣйствительно исполняемы были, долгъ вашъ, правителей и всѣхъ подчиненныхъ вамъ, да будетъ ревностнѣйшее наблюденіе, чтобы никто изъ присоединившихся къ благочестію притѣсняемъ не былъ; ибо мы, позволяя свободное и ни въ чемъ неограниченное отправленіе вѣры римско-католической, желаемъ, чтобы и помѣщики исповѣданія сего никакъ не дерзали угнетать тѣхъ изъ подданныхъ ихъ, которые желаютъ обратиться къ прежнему ихъ греческому исповѣданію, и чтобы, по обращеніи ихъ къ благочестію, власти наши не только предохраняли ихъ отъ всякихъ притѣсненій и обидъ, но паче принимали о нихъ возможное попеченіе, ибо сіе обращеніе наивящше сблизитъ ихъ съ россіянами и они ни мало не должны уже бояться, чтобы когда либо отъ нашей державы отторгнуты были. Равно слѣдуетъ вразумить помѣщиковъ, временныхъ владѣльцевъ и священниковъ, что изъявляемое при введеніи благочестія сопротивленіе и разсѣеваемые толки и выдумки, удобные только, чтобъ совратить поселянъ съ истиннаго пути, ихъ самихъ довести могутъ до непріятностей, и что впрочемъ нѣтъ никому изъ нихъ ни малой пользы чинить въ семъ случаѣ препятствія и сопротивленія; ибо всѣмъ извѣстны наши великодушныя о всѣхъ новопріобрѣтеннаго края обитателяхъ намѣренія, дабы каждый въ предѣлахъ своей должности живущій, обезпеченъ былъ въ его достояніи и собственности, а посему всякій владѣлецъ оста-

нется при всемъ своемъ имуществѣ, хотя бы подданные его и обратились къ благочестію. Такъ-же и священники, буде обращенію сему послѣдуютъ, не лишатся приходовъ своихъ, но будутъ въ оныхъ утверждены отъ нашихъ духовныхъ властей, какъ многіе примѣры видятъ въ глазахъ своихъ. Въ заключеніе нужнымъ считаемъ изъяснить вамъ желаніе наше, дабы при дальнемъ обращеніи поселянъ въ предѣлахъ, вамъ ввѣренныхъ, къ благочестію, вездѣ и при каждомъ случаѣ и съ обоюдныхъ сторонъ удаляемъ былъ всякій видъ принужденія и насилія; дерзающіе явно возстать противъ закона и спокойства долженствуютъ быть судимы по законамъ, памятуя, что всякое послабленіе удобно посѣять въ сихъ вѣтреныхъ умахъ поползновеніе къ неповиновенію власти и законамъ. Симъ способомъ, надѣемся, предуспѣете выполнить намѣренія наши, клонящіяся къ благу и спокойствію народовъ, обитающихъ въ сихъ новыхъ областяхъ нашихъ и не оставите, по удостовѣреніи въ истинѣ, исправить и впредь отвращать тѣ препоны, кои неблагонамѣренность духовныхъ властей римской церкви и помѣщиковъ сего исповѣданія нашему духовенству въ непринужденныхъ успѣхахъ его постановить возмогутъ».

Мы полагаемъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ за длинныя выписки изъ этого важнаго документа, выражающаго взглядъ нашего правительства временъ Екатерины Великой,—взглядъ, исполненный терпимости къ другимъ исповѣданіямъ и уваженія къ православной церкви, которому, конечно, будетъ сочувствовать и современная Россія.

Обнародованіе грамоты минскаго архіепископа немедленно оказало дѣйствіе. Уніаты только и ожидали призыва со стороны православной церкви и устраненія русскимъ правительствомъ того угнетенія и тѣхъ гоненій, которымъ они подвергались отъ латинскаго духовенства и польскихъ помѣщиковъ, чтобы присоединиться къ той церкви, къ которой нѣкогда принадлежали, и къ которой постоянно сохраняли сочувствіе. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ указѣ 18-го мая того-же года, сказано: «Видѣвъ опытами, какое спасительное дѣйствіе произвело обнародованіе по повелѣнію нашему архіепископомъ минскимъ грамоты, соизволяемъ, чтобъ таковыя же грамоты опубликованы были и въ губерніяхъ Могилевской и Полоцкой». Спустя полтора года послѣ того, въ указѣ 6-го сентября 1795 г., императрица могла уже сказать: «Разсторгнувъ узы принужденія, угнетавшаго свободу исповѣданія прародительской вѣры, мы съ удовольствіемъ видимъ, что обитатели возвращенныхъ отъ Польши областей, исполненные усердія къ благочестію, возвращаются радостно въ объятія пра-

вославной восточной церкви». Присоединеніе слишкомъ полутора милліона (1,572,067 душъ) уніатовъ къ православію послужило поводомъ къ учрежденію православныхъ епархій въ губерніяхъ минской, волынской, подольской и брацлавской. При этомъ случаѣ императрица обратила вниманіе на уніатскіе монастыри. За упраздненіемъ въ этихъ губерніяхъ уніатскихъ епархій и учрежденіемъ православныхъ, базиліанскіе монастыри, не присоединившіеся къ православію, императрица повелѣла приписать къ бѣлорусской епархіи и подчинить вѣдѣнію уніатскаго архіепископа Лисовскаго. Въ то же время она предписывала генералъ-губернатору Тутолмину: «Усмотрѣвъ изъ вѣдомости, намъ представленной, что число монастырей уніатскихъ вовсе несоразмѣрно числу церквей въ уніи остающихся, возлагаемъ на васъ подробныя собрать объ уніатскихъ монастыряхъ свѣдѣнія и по сношенію съ архіепископомъ Лисовскимъ, уничтожить таковые, которые, не занимаясь ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ и призрѣнія требующимъ, суть обществу безполезны. Монаховъ же изъ сихъ упраздненныхъ монастырей размѣстить въ другіе бѣлорусской епархіи, но и въ оставшіеся затѣмъ отнынѣ въ монахи не постригать безъ особой нашей воли [1])».

Долго собирались свѣдѣнія объ уніатскихъ монастыряхъ, — въ продолженіе двухъ послѣдовавшихъ царствованій; и присоединеніе уніатовъ къ православной церкви почти прекратилось,— до 1838 года. «Продолжись еще нѣсколько лѣтъ царствованіе императрицы Екатерины, справедливо замѣчаетъ гр. Д. А. Толстой, и унія покончила бы свое существованіе, не потому чтобы русское правительство уничтожило ее силою, но потому, что ни правосудіе, ни чувство народнаго достоинства не побуждало его поддерживать существованіе какой-то полу-церкви, которая безъ искуственныхъ способовъ поддержки, должна была уничтожиться сама собою [2])». Но, за прекращеніемъ присоединенія уніатовъ къ православію, не прекратились насильственныя дѣйствія въ отношеніи къ нимъ со стороны латинскаго духовенства и польскихъ помѣщиковъ. Императоръ Павелъ манифестомъ, 1797 г. марта 18-го, который повелѣлъ читать во всѣхъ церквахъ православныхъ и латинскихъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, *всенародно объявилъ*: «Вступивъ на прародительскій престолъ, предположили мы себѣ священнымъ долгомъ обезпечить каждому свободу исповѣданія вѣры, имъ содержимой, охранять

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 17.199, 17.290, 17.333, 17.380, 17.384.

[2]) Le catholicisme Romain en Russie, часть II, гл. VII, стр. 85.

всѣми мѣрами святую грекороссійскую православную вѣру, нами самими и природными россійскими вѣрноподданными исповѣдуемую, и наблюдать притомъ, дабы каждый обращался въ предѣлахъ званію и состоянію его предписанныхъ, исполняя обязанности и удаляясь всего тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ таковую свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священно-служителей православной церкви и не токмо тайно внушеніями, но даже и насильственно исторгаютъ отъ церкви сей людей, добровольно къ ней присоединившихся изъ уніатства. Болѣзнуя милосердо о таковыхъ неблагонамѣренныхъ нашихъ подданныхъ», императоръ, *предварительно* обратился къ нимъ съ своимъ словомъ, повелѣвая, чтобы — «отнюдь не дѣлали и самомалѣйшаго помѣшательства въ правилахъ и священнослуженіи на алтаряхъ православной церкви и не оскорбляли ничѣмъ священныхъ и церковныхъ ея служителей, подъ опасеніемъ за преслушаніе сей нашей воли наказанія по всей строгости законовъ». Не смотря на это насильственныя обращенія въ латинство продолжались и, по произведенному слѣдствію, въ 1799 г., указомъ 12-го января, виновные въ этомъ ксендзы преданы были суду, а римско-католическому департаменту юстицъ-коллегіи поручено было сдѣлать строжайшее предписаніе латинскимъ духовнымъ властямъ «о непривлеканіи людей къ римско-католицкой вѣрѣ». Подобныя предписанія повторялись и въ послѣдующее царствованіе; но не оказывали дѣйствія, особенно въ отношеніи къ совращенію уніатовъ въ латинство [1]).

Какія-же были причины такого явленія?

Основныя начала, которыя выражены въ постановленіяхъ императрицы Екатерины, оставались неприкосновенными и въ послѣдовавшія царствованія; послабленіемъ въ управленіи и нѣкоторымъ равнодушіемъ исполнительныхъ властей къ господствующей церкви—еще нельзя объяснить постояннаго упорства латинской пропаганды. Оно должно было опираться на какія либо распоряженія самого правительства. Такъ дѣйствительно и было!

Подъ вліяніемъ іезуитовъ, вошедшихъ въ силу при императорѣ Павлѣ, управленіе уніатскою церковію поручено было осо-

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 17.879, 18.819, 19.987, 20.748, 21.393, 21.400, 22.226, 22.659, 26.043.

бому римско-католическому департаменту при юстицъ-коллегіи, и монастыри уніатскіе подведены подъ одинъ *регламентъ* съ латинскими. Такимъ образомъ, два отдѣльныя исповѣданія, какъ бы соединялись въ одно [1]). Какъ освобожденіе уніатовъ отъ подчиненія латинской церкви, во время царствованія Екатерины II, привлекало ихъ къ соединенію съ православною церковію, такъ, наоборотъ, подчиненіе ихъ власти латинскаго духовенства должно было приводить къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Конечно, правительство, принимая эту мѣру, не могло имѣть въ виду подобной цѣли; но такъ объяснили ея значеніе латинскія духовныя власти и польскіе помѣщики. Въ доказательство приведемъ замѣчательный именной указъ императора Александра I-го бѣлорусскому генералъ-губернатору Михельсону, 1803 г. мая 5-го, въ которомъ сказано, что латинскіе миссіонеры распускаютъ слухъ, «будто бы правительство намѣрено силою обращать къ греко-россійской церкви всѣхъ тѣхъ уніатовъ, кои къ римско-католическому исповѣданію не пристанутъ». Императоръ предписывалъ, чтобы не допускать распространенія подобныхъ слуховъ и взять подъ стражу виновныхъ [2]). Но, впрочемъ, не одни ксендзы и папы выводили такое заключеніе изъ этой мѣры правительства. Сенатъ, въ упомянутомъ указѣ, 1799 г. января 12-го, въ отношеніи къ уніатамъ, совращеннымъ въ латинство, постановилъ: «относительно же перехожденія показанныхъ въ томъ слѣдствіи крестьянъ изъ греко-унитской въ римско-католическую вѣру, то хотя достойны принимавшіе ихъ строжайшаго взысканія, но какъ сіе послѣдовало отъ *недоразумѣнія* тѣхъ ксендзовъ, чего ради оставить сіе безъ всякаго послѣдствія, но съ тѣмъ, чтобъ они и *другихъ религій* людей не осмѣливались впредь подговаривать и принимать въ римско-католицкій законъ». *Недоразумѣніе* же заключалось въ томъ, что ксендзы считали уніатскую церковь вполнѣ подчиненною латинской и обреченною рано или поздно совершенно слиться съ нею. Это мнѣніе въ свой чередъ подкрѣплялось слѣдующими обстоятельствами.

Св. Синодъ получалъ безпрерывныя извѣстія, что въ бѣлорусскихъ губерніяхъ уніатовъ насильственно присоединяютъ къ латинству; жаловались прихожане, жаловались священники и духовныя власти, извѣщали объ этомъ и правительственныя лица. Въ виду заявленій синода, правительство поручило генералъ-губернатору Михельсону произвести слѣдствіе, которое

---

[1]) Тамъ-же, №№ 17.836, 18.734.

[2]) Тамъ-же, № 20.748.

многочисленными примѣрами подтвердило ихъ справедливость. Съ усиленною ревностію латинскіе духовные и монахи разъѣзжали по губерніямъ, объявляя, что правительство предписало немедленно всѣхъ уніатовъ присоединить къ латинской церкви, захватывали церкви и монастыри, прогоняли священниковъ и заставляли крестьянъ подписывать приговоры о присоединеніи. Исполнителями притязаній духовенства были польскіе паны, которые, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, употребляли всевозможныя насильственныя мѣры въ отношеніи къ крестьянамъ, увѣряя ихъ, что они исполняютъ въ этомъ случаѣ только волю правительства. Въ подтвержденіе читалась бумага, въ которой дѣйствительно была выражена эта мысль.

На чемъ-же былъ основанъ такой подлогъ, развившій въ широкихъ размѣрахъ насильственную латинскую пропаганду, напоминавшую тѣ гоненія, которыя испытывали православные и уніаты отъ правительства бывшей Рѣчи Посполитой?

Въ 1800 г., велижскій уніатскій приходъ былъ совращенъ въ латинство. По этому случаю возникло дѣло, которое, по установленному порядку, достигло до разсмотрѣнія римско-католической духовной коллегіи. Эта коллегія, въ указѣ 9-го сентября 1801 г., говорила, что—«прехожденіе исповѣдниковъ изъ уніатскаго обряда въ римско-католическій, яко заключающій въ себѣ одно и тоже исповѣданіе, по каноническимъ духовнымъ правиламъ позволительно и высочайшимъ узаконеніямъ непротивно». Поэтому она утвердила рѣшеніе могилевской консисторіи, что—«перешедшіе изъ уніи, помянутые прихожане, имѣютъ уже остаться въ римско-католическомъ обрядѣ». Предсѣдательствовавшій въ духовной коллегіи епископъ Бениславскій, въ предложеніи могилевской консисторіи, 1801 г. марта 15-го, предписалъ, «чтобы въ дѣлахъ о принятіи уніатскихъ священниковъ въ латинскій обрядъ поступать по резолюціи римской конгрегаціи о распространеніи вѣры, 1624 г. іюля 7-го, въ которой изъяснено, что папа Урбанъ VIII, по мнѣнію легата своего, находившагося тогда въ Польшѣ и представлявшаго, что король польскій Іоаннъ III и вельможи тогдашніе не дозволили опубликовать буллы, воспрещающей всѣмъ уніатамъ переходить въ латинскій обрядъ, подъ строгимъ наказаніемъ оную буллу отмѣнилъ». Этимъ обстоятельствомъ и *неважностью* самого *дѣйствія* перехода изъ одного исповѣданія въ другое, епископъ Бениславскій объявлялъ отмѣну папской буллы. Но, и по его мнѣнію, запрещеніе *духовнымъ* лицамъ переходить изъ уніи въ латинство оставлено въ своей силѣ. «Въ слѣдствіе сего — заключаетъ Бениславскій — когда по состояніи сего опредѣленія, представляемо было о нѣкоторыхъ

свѣтскихъ людяхъ, то оная конгрегація всегда отвѣчала, что свѣтскимъ людямъ, на основаніи означеннаго опредѣленія, разрѣшеніе не нужно». Сверхъ того, Могилевской консисторіи архіепископъ Лисовскій представилъ письмо бывшаго въ Петербургѣ папскаго нунція, кардинала гр. Литты, въ которомъ онъ писалъ базиліанскому провинціалу — «что римская конгрегація о распространеніи вѣры, по дошедшимъ въ оную просьбамъ о дозволеніи греко-уніатамъ, въ Россіи находящимся, переходить въ обрядъ латинскій, опредѣлила позволеніе сіе распространить не только на народъ россійскій греко-уніатскій, но и на священниковъ того исповѣданія, полагая, что въ разсужденіи монаховъ ничего новаго вводить не должно». Нельзя не обратить вниманіе, что пресловутая конгрегація, допуская свободный пріемъ въ латинство уніатскихъ священниковъ и мірянъ, ограничивала его въ отношеніи къ монахамъ очевидно потому, что базиліанскій орденъ давно уже сдѣлался латинскимъ, слѣдовательно, и переходить въ латинство было некому. Такимъ образомъ дѣйствовало римское правительство, всѣми способами привлекая уніатовъ къ латинству, вопреки самыхъ папскихъ буллъ.

Вотъ тѣ документы, на основаніи которыхъ могилевская консисторія постановляла рѣшенія по многочисленнымъ дѣламъ о совращеніи уніатовъ въ латинство. Ея рѣшенія читались народу ксендзами и панами и выдавались за повелѣнія высшаго правительства.

Конечно, сенатъ, въ 1807 г. октября 25-го, призналъ эти документы противозаконными, дѣйствія какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, преступными, и подвергъ ихъ суду и наказанію; но корень зла оставался. Онъ заключался въ томъ, что управленіе уніатскою церковью, подчиненное латинской духовной коллегіи, было подтверждено и новымъ положеніемъ для управленія латинскою церковію въ имперіи, 1801 г. ноября 13-го [1]. Въ докладѣ сената по этому случаю, сказано: «Такъ какъ покойнымъ императоромъ Павломъ, на запискѣ уніатскаго митрополита, написано: «уніаты, какъ присоединенные или къ намъ или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ имѣть не могутъ»,—поэтому сенатъ полагаетъ, что они должны подлежать управленію римско-католической коллегіи, въ которой членовъ отъ уніатовъ не полагается».

Эта мѣра не могла не оказать вліянія и на всѣ послѣдовавшія отношенія нашего правительства къ латинской церкви, и особенно къ монастырямъ. Два важные вопроса, рѣшенные

[1]) Полн. Соб. Зак № 22.659, 20.053.

уже императрицею Екатериною въ сущности, должны были приводиться въ исполненіе уже въ послѣдующее время, а именно, о сокращеніи числа базиліанскихъ монастырей и объ устраненіи иноземныхъ властей отъ управленія монастырями и подчиненіи ихъ власти епископовъ.

Еще въ 1795 г. сентября 3-го, императрица писала генералъ-губернатору въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, Тутолмину: «Усматривая изъ вѣдомости намъ представленной, что число монастырей уніатскихъ вовсе несоразмѣрно числу церквей въ уніи остающихся, возлагаемъ на васъ собрать объ уніатскихъ монастыряхъ свѣдѣнія и, по сношеніи съ архіепископомъ Лисовскимъ, уничтожить тѣ, которые, не занимаясь ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію неимущимъ, суть обществу безполезны». Генералъ-губернаторъ поручилъ собрать эти свѣдѣнія губернскимъ правленіямъ; но они собраны не были. На его мѣсто поступилъ потомъ генералъ-отъ-инфантеріи Беклешевъ, который, получивъ, въ 1797 г. декабря 10-го, подтвержденіе отъ императора Павла по этому дѣлу и повелѣніе закрыть жидиченскій монастырь, вновь предписалъ губернскимъ правленіямъ собрать свѣдѣнія о монастыряхъ и, для ускоренія дѣла, въ то же время обратился съ вопросомъ къ уніатскому архіепископу Лисовскому, какіе изъ монастырей онъ полагалъ бы, что слѣдуетъ закрыть. Губернскія правленія свѣдѣній не собрали; а уніатскій архіепископъ не отвѣчалъ генералъ-губернатору. На мѣсто Беклешева былъ назначенъ потомъ графъ Гудовичъ, который также «писалъ къ луцкому уніатскому епископу Левинскому и, дабы скорѣйшимъ образомъ исполнены были указы, требовалъ, по извѣстности ему, бискупу, состоянія уніатскихъ монастырей, избрать изъ нихъ лучшіе, которые не состояли бы внутри благочестивыхъ селеній, и по соразмѣрности какому числу ихъ быть можно въ губерніи, по количеству уніатскихъ приходовъ, прочіе монастыри назначить къ упраздненію». Въ отвѣтъ на это епископъ извѣстилъ, что дѣло объ устройствѣ уніатскихъ монастырей поступило въ сенатъ, а о сокращеніи ихъ числа представитъ правительству свои соображенія митрополитъ Сестренцевичъ. Вслѣдствіе такого отзыва, гр. Гудовичъ отнесся къ митрополиту, но не дождался отвѣта. На его мѣсто назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ, который съ этимъ же вопросомъ отнесся къ заступившему мѣсто Сестренцевича, епископу Бениславскому. Не получая отвѣта и, вѣроятно понявъ, что странно было-бы спрашивать самихъ волковъ, сколькихъ изъ нихъ слѣдуетъ истребить, чтобы оградить безопасность овецъ, Розенбергъ

вошелъ самъ въ разсмотрѣніе этого дѣла. Изъ собранныхъ имъ свѣдѣній оказалось, что въ одной Волынской губерніи было 26 уніатскихъ монастырей, изъ которыхъ 11—«вовсе не занимаются ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ»; въ остальныхъ хотя и есть школы, но совершенно неустроенныя, кромѣ одного почаевскаго монастыря. «Въ большей части монастырей состоитъ только по два, по три или по пяти монаховъ; такихъ же монастырей, въ которыхъ находилось бы до 10 монаховъ, очень мало». Но за то, не только — «съ благочестивыми священниками они ведутъ безпрерывно споры и дѣлаютъ разныя притязанія», но даже прогоняютъ ихъ и отторгаютъ отъ православія цѣлые приходы и завладѣваютъ православными монастырями. «Всѣ вышеприведенныя обстоятельства—представлялъ генералъ-губернаторъ сенату—ясно даютъ видѣть, что пользы самихъ монаховъ и необходимость требуетъ: малые монастыри, кои ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію бѣднымъ не занимаются и кои суть обществу безполезны, слѣдуетъ упразднить». Сенатъ, 1804 г. мая 17-го, одобряя предположенія генералъ-губернатора, поручилъ однакоже исполненіе дѣла латинской духовной коллегіи. По сношеніи съ министромъ просвѣщенія,—потому что при монастыряхъ находились школы,—она должна была войти съ представленіемъ, какіе изъ монастырей найдетъ нужнымъ закрыть. Въ такомъ положеніи осталось это дѣло до вступленія на престолъ императора Николая I-го.

Что касается до вопроса о провинціалахъ и другихъ монашескихъ должностяхъ, то онѣ были допущены послѣдовавшими, послѣ императрицы Екатерины II-й, узаконеніями. Въ царствованіе императора Павла, при составленіи новаго *регламента для управленія церквами и монастырями римско-католическаго исповѣданія въ россійской имперіи,* дозволены были «съѣзды монаховъ на капитулы для избранія разныхъ монастырскихъ должностныхъ лицъ». Но противъ этого возсталъ митрополитъ Сестренцевичъ, и съ его мнѣніемъ согласился сенатъ, которому поручено было разсмотрѣть проектъ регламента вмѣстѣ съ замѣчаніями на него митрополита и въ его присутствіи. Поэтому высочайше утвержденнымъ регламентомъ, 3-го ноября 1798 г., съѣзды монаховъ не допускались и опредѣленія лицъ на всѣ монастырскія должности поручены духовной коллегіи, митрополиту и епископамъ, въ исключительномъ вѣдомствѣ которыхъ они и должны были находиться [1]).

Между тѣмъ въ то же время, какъ русское правительство

[1]) Полн. Собр. Зак. № 18.733 и 18.734, п. 7, 8, 9 и 10.

установляло въ законодательномъ порядкѣ эти правила, находившійся въ Петербургѣ папскій нунцій, графъ Литта, тайно утвердилъ нѣкоторыхъ лицъ въ разныхъ должностяхъ для базиліанскихъ монастырей. Это обстоятельство послужило поводомъ къ продолжительной борьбѣ между двумя партіями, изъ которыхъ одна стремилась поддержать зависимость монастырей отъ Рима и такимъ образомъ освободить ихъ отъ надзора правительства, другая защищала власть епископовъ. Къ послѣдней примыкали и уніаты, не желавшіе совращаться въ латинство. Борьба этихъ партій продолжалась во все время царствованія императоровъ Павла и Александра I-го. Въ 1800 г., когда вліяніе іезуитовъ на наше правительство достигло наибольшей силы, митрополитъ Сестренцевичъ былъ удаленъ изъ Петербурга, и 11-го декабря того-же года, утвержденъ новый уставъ объ управленіи латинскимъ духовенствомъ и монастырями въ имперіи. Это была новая законодательная переработка регламента 1798 года. Стоитъ только сравнить эти два закона, чтобы замѣтить что послѣднее сочинено съ совершенно противоположною цѣлію, нежели первое, и какъ бы составляетъ его опроверженіе. Регламентъ 1798 г. подчинялъ всѣ монашескіе ордена власти епископовъ; *пункты* 1800 г., наоборотъ, освобождаютъ ихъ отъ этой власти. Іезуиты, не желавшіе покоряться епископамъ, вывели за собою на свободу изъ подъ этой власти и всѣхъ другихъ латинскихъ монаховъ. Подчиняя бѣлое духовенство епископамъ и дозволяя жалобы на нихъ духовной коллегіи въ отношеніе къ монахамъ, въ этихъ пунктахъ постановлено: «Монашествующіе, по церковнымъ правиламъ, на нижнихъ начальниковъ, въ сходство института каждаго ордена, имѣютъ жаловаться высшимъ; поелику для вящшаго въ монашескомъ собраніи спокойствія, церковными законами, подъ наказаніемъ, *запрещено прибѣгать съ жалобами къ начальству не своего ордена*. Каждый монашескій орденъ повиненъ избирать для себя настоятелей монастырскихъ, или высшіе начальники низшихъ начальниковъ, согласно съ правилами каждаго ордена, властію *святой* церкви утвержденными. Когда же монашествующіе изберутъ настоятеля монастырскаго, то имѣютъ представлять объ утвержденіи его въ семъ званіи провинціалу своего ордена. Сами же провинціалы избираются или назначаются по правиламъ своего ордена». О всѣхъ этихъ назначеніяхъ только повелѣвалось доставлять свѣдѣнія въ римско-католическій департаментъ юстицъ-коллегіи. «Епархіальнымъ же архіереямъ въ таковые выборы не вмѣшиваться, ибо имъ трудно каждого въ особенности ордена знать постановленія и

правила; вмѣсто же того они должны заниматься управленіемъ бѣлаго духовенства» [1]).

Постановленіе 1800 г. послужило поводомъ къ слѣдующимъ явленіямъ: въ латинскую духовную коллегію, въ началѣ 1801 г., вошелъ съ представленіемъ монахъ Фальковскій, въ которомъ объяснялъ, что по случаю новаго законоположенія онъ — «не можетъ, однако-же, сложить самъ собою своего званія, будучи утвержденъ въ 1793 г. прото-архимандритомъ уніатскаго базиліанскаго ордена». Это званіе, въ первый разъ дошедшее до свѣдѣнія правительства, высшее въ отношеніи къ провинціаламъ, было чѣмъ-то въ родѣ орденскихъ генераловъ. Въ то же время онъ доносилъ, что—«въ базиліанскихъ бѣлорусскихъ монастыряхъ происходятъ безпорядки отъ монаховъ, неправильно исходатайствовавшихъ себѣ отъ нунція гр. Литта, архимандритскія и аббатскія достоинства», и извѣщалъ, что онъ назначилъ собраніе капитула уніатскихъ монастырей. Коллегія, 1801 г. февраля 19-го, отвѣчала, что—«на основаніи высочайше конфирмованныхъ пунктовъ въ 11-й день декабря 1800 г., онъ можетъ вступить въ управленіе орденомъ, ежели по установленіямъ онаго законно былъ избранъ.» Что-же касается до собранія капитула, то поручала ему принять для этого мѣры — «согласно съ правилами ордена». Таково было первое приложеніе на дѣлѣ новаго законоположенія: утверждено званіе какого-то прото-архимандрита, начальника всѣхъ уніатскихъ монастырей въ Россіи, неизвѣстнаго ни древнимъ монашескимъ правиламъ восточной церкви, ни русскому правительству, и признаны *особыя* постановленія ордена, тогда какъ уніатскіе монастыри не имѣли никакихъ *особыхъ* постановленій и не составляли отдѣльнаго ордена, а должны были подчиняться общимъ правиламъ восточной церкви о монашествующихъ.

Одинъ подлогъ вызвалъ на свѣтъ и другіе: явился ксендзъ Новаковскій, который, на основаніи грамоты, данной ему нунціемъ гр. Литтою, назывался провинціаломъ и обличалъ въ донесеніяхъ коллегіи монаха Фальковскаго въ неправильномъ присвоеніи себѣ званія прото-архимандрита и въ произвольныхъ дѣйствіяхъ. Онъ обличалъ его какъ самозванца, потому что онъ не могъ быть избранъ капитуломъ, который никогда не собирался; а между тѣмъ не только вмѣшивается въ управленіе монастырями, но даже самовольно присоединилъ базиліанскіе монастыри бѣлорусской епархіи къ литовскимъ.

Въ то же время, архіепископъ Лисовскій жаловался коллегіи

---

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 18.733, 18.734, п. 7, 8, 9 и 10, № 19.684, п. 2, 7 и 8.

на провинціала ксендза Лешинскаго, что онъ произвольно смѣняетъ настоятелей монастырей; Новаковскій доносилъ на епископа Бениславскаго, что онъ тайно велъ переписку съ Фальковскимъ и поощрялъ его присоединить бѣлорусскіе уніатскіе монастыри къ литовскимъ, и такимъ образомъ соединить въ своихъ рукахъ управленіе всѣми базиліанскими монастырями имперіи. Повѣренный Лисовскаго, ксендзъ Ярошинскій, доносилъ на провинціаловъ Новаковскаго и Суража, что они разорили имѣнія уніатскихъ монастырей, а Новаковскій извѣщалъ, что архимандритъ Лешинскій продалъ въ Вильнѣ домъ уніатскаго училища и вырученныя деньги употребилъ въ свою пользу.

Въ такомъ состояніи находилось въ это время управленіе уніатскими монастырями! Между тѣмъ, Фальковскій, получивъ одобреніе коллегіи, назначилъ въ опредѣленный срокъ собраніе капитула въ Тороканскомъ монастырѣ, упросилъ епископа Булгака предсѣдательствовать въ немъ и извѣстилъ коллегію о своихъ распоряженіяхъ. Но, на этотъ разъ, въ коллегіи произошло разногласіе: большинство членовъ сочло нужнымъ измѣнить распоряженія Фальковскаго и совершенно отмѣнить предписанное имъ соединеніе бѣлорусскихъ уніатскихъ монастырей съ литовскими въ одно управленіе; но два члена, къ которымъ однакоже присоединился и прокуроръ, находили его произвольныя дѣйствія правильными. Потому это дѣло перешло въ сенатъ, который, разсмотрѣвъ его, нашелъ: «что коллегія, принимая рапорты отъ Фальковскаго и давъ ему поводъ принять званіе прото-архимандрита или главнаго начальника базиліанскаго ордена, предоставила ему право начальства надъ всѣми того ордена монахами въ разныхъ епархіяхъ состоящими, и поступила въ противность всѣхъ изданныхъ о католическомъ духовенствѣ узаконеній, которыми существованіе главныхъ начальниковъ монашескихъ орденовъ не дозволяется и въ теченіи около тридцати лѣтъ ихъ не было, и что имѣющимся въ узаконеніяхъ предписаніемъ, откуда и какимъ образомъ въ коллегію должны поступать представленія о выборахъ монашескихъ начальниковъ и управителей, поколику сіи должны относиться къ архіереямъ, которые посѣщая монастыри и принимая на начальниковъ орденскихъ или провинціаловъ жалобы, яко начальники въ ихъ епархіяхъ духовенства, обязаны отвѣтомъ предъ высшимъ правительствомъ и, за учрежденіемъ въ Россіи католической духовной коллегіи, установленіе въ Россіи генеральныхъ капитулъ и чина прото-архимандрита, т. е. генерала или главнаго начальника монаховъ, въ разныхъ епархіяхъ состоящихъ, не вмѣстно; ибо съ допущеніемъ оныхъ разрушился бы порядокъ въ испол-

неніи государственныхъ постановленій о римско-католическомъ духовенствѣ изданныхъ». Поэтому сенатъ, отмѣнивъ всѣ распоряженія Фальковскаго и уничтоживъ все «производство по нимъ коллегіи, предписалъ ей, дабы отнюдь никакихъ монастырскихъ чиновъ не установляла и всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и начальникамъ монастырей подтвердила, поступать въ избраніи провинціаловъ и другихъ начальниковъ монастырей по точной силѣ узаконеній, распространяя сіе положеніе съ равною силою и дѣйствіемъ и на все вообще католическое духовенство». Что же касается до доносовъ разныхъ лицъ другъ на друга и указаній на папскія буллы, по которымъ нѣкоторые присвоивали себѣ разныя духовныя достоинства, то сенатъ предписалъ произвесть объ этомъ изслѣдованіе.

Коллегія, получивъ этотъ указъ сената, 1803 г. ноября 9, нѣсколько разъ собиралась, разсуждала о немъ, но не исполнила, потому что прежнее разногласіе возникло въ ней еще съ большею силою. Епископъ Бениславскій, инфулатъ Болиѣовскій и прелатъ Скирневскій защищали дѣйствія Фальковскаго. Конечно, они защищали не отдѣльныя и случайныя дѣйствія такой личности, какъ Фальковскій, но основныя начала, выражавшіяся въ его дѣйствіяхъ. Они защищали независимость базиліанскаго ордена, какъ отъ епископской власти, такъ и отъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства. Къ враждебному для русскаго правительства мнѣнію меньшинства членовъ, присоединился, по прежнему, голосъ его представителя въ этой коллегіи, т. е. прокурора Скренджевскаго. Онъ «предложилъ ей, по открывающимся важнымъ неудобствамъ и препятствіямъ къ исполненію того указа, учинить сенату представленіе для вторичнаго того дѣла разсмотрѣнія.» Протестъ прокурора, исполненный дерзкихъ выраженій и укорявшій сенатъ въ незнаніи законовъ, обратилъ на себя вниманіе министра юстиціи; а сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, вновь подтвердилъ прежнее свое рѣшеніе и потребовалъ удаленія изъ коллегіи трехъ членовъ и суда надъ прокуроромъ. Императоръ Александръ, 1804 г. марта 1-го, утвердилъ это постановленіе.

Соображая ходъ этого замѣчательнаго дѣла, нельзя не обратить вниманія на общее направленіе латинскаго духовенства, которое, не смотря на недомолвки и умолчанія, на желаніе благовидными предлогами прикрыть главныя цѣли, выразилось въ немъ вполнѣ. Первоначально коллегія, опираясь, не безъ основанія, на *пункты* 1800 г., признала принятое Фальковскимъ званіе прото-архимандрита и одобрила всѣ его дѣйствія; но пока производилось дѣло, эти пункты были отмѣнены и вмѣсто

ихъ утверждено въ законодательномъ порядкѣ, въ 1801 г. ноября 13, новое «положеніе для духовнаго и церковнаго правительства римско-католическаго закона.» Въ этомъ *положеніи* постановлено: «Монастырямъ монашескихъ орденовъ быть во всемъ управляемымъ по ихъ правиламъ и институтамъ и имѣть согласно тому своихъ орденскихъ начальниковъ или провинціаловъ, не дерзая однакожъ, вопреки высочайшему прощенію, подъ опасеніемъ суда уголовнаго, какое либо имѣть сношеніе съ генералами монашескихъ орденовъ или иными властями, внѣ Россіи находящимися; въ чемъ имѣютъ отвѣтствовавать помянутые орденскіе начальники или провинціалы, которые, хотя и не суть подвластны архіереямъ, но не меньше должны къ нимъ во всякомъ случаѣ по общему духовному въ епархіи ихъ начальству, какъ-то — въ случаѣ надобности въ переходѣ или отлучкѣ монаховъ, относиться, и отъ надзора и отъ напоминаній ихъ, касательно должнаго по закону устройства и порядка, не уклоняться. Надлежитъ архіереямъ доносить о всякомъ свѣдѣнія достойномъ происшествіи въ монастыряхъ, въ епархіи ихъ состоящихъ: о выборѣ монашескихъ начальниковъ и управителей, о состояніи монастырей, монашествующихъ и жительствующихъ въ нихъ, о имѣніяхъ, капиталахъ, доходахъ, заведеніяхъ и вообще, что знать нужно архіерею, яко начальнику всего въ епархіи духовенства, обязанному за оное отвѣтомъ предъ высшимъ правительствомъ. Архіереямъ не вступаться въ распоряженія монастырскія и выборы монашескіе, однакоже, въ случаѣ смерти орденскаго начальника или провинціала, по должномъ донесеніи имъ объ ономъ коллегіи, которая и имѣетъ распорядить, чтобы выборъ въ орденскіе начальники произведенъ былъ на законномъ основаніи. О выбранномъ-же и выбираемыхъ начальникахъ или провинціалахъ представляетъ орденъ коллегіи; архіерею самому или чрезъ довѣренную духовную особу должно посѣщать временемъ монастыри, обозрѣвать заведенія ихъ и особливо съ крайнимъ примѣчаніемъ смотрѣть за преподаваніемъ наукъ, въ которомъ властенъ архіерей давать согласныя законнымъ правиламъ приказанія. На начальника ордена или провинціала жалобы принимать архіерею въ его епархіи, входить въ разсмотрѣніе обстоятельствъ и буде, по жалобѣ или по собственному усмотрѣнію, найдетъ онъ что противное, то представлять обязанъ коллегіи, которая въ исправленіи и взысканіи имѣетъ поступать по законнымъ постановленіямъ» [1]).

Въ этихъ правилахъ хотя и замѣтны еще слѣды *пунктовъ*

---

[1]) «Полн. Собр. Зак. № 20.053, докл. и п. 5.

1800 г., однакоже въ общемъ направленіи они болѣе согласны съ постановленіями императрицы Екатерины, что выразилъ впрочемъ и самъ сенатъ въ докладѣ императору, представляя на утвержденіе *положеніе* 1801 г. Послѣ изданія этого положенія митрополитъ Сестренцевичъ вновь вызванъ былъ въ Петербургъ и вступилъ въ управленіе дѣлами; а съ тѣмъ вмѣстѣ упало конечно и значеніе іезуитовъ. Очевидно, это положеніе—имѣла въ виду духовная коллегія, хотя и не упоминала о немъ, когда измѣняла и отмѣняла распоряженія Фальковскаго. Имъ руководствовался и сенатъ при рѣшеніи этого дѣла; но члены меньшинства коллегіи и прокуроръ вовсе не упоминаютъ о немъ. Ссылаясь на разные и даже не относящіеся къ дѣлу законы, они умалчиваютъ о двухъ, самыхъ важныхъ: о *пунктахъ* 1800 г., которыми, хотя отчасти, они могли-бы оправдать свое мнѣніе; потому что *пункты* были отмѣнены,—и о замѣнившемъ ихъ новомъ положеніи 1801 г., потому что оно прямо обличало противузаконность ихъ дѣйствій. Конечно, и правосудіе и достоинство государства требовало удаленія изъ католической коллегіи трехъ членовъ и суда надъ прокуроромъ. Такъ и рѣшилъ сенатъ, и императоръ утвердилъ его рѣшеніе [1]), 1804 года марта 1-го; но несмотря на то безпорядки и борьба въ нѣдрахъ самой латинской церкви продолжались по прежнему. Положеніе уніатовъ было одною изъ главныхъ причинъ борьбы.

Базиліане, подъ вліяніемъ іезуитовъ совершенно превратившіеся въ латинскій монашескій орденъ, съ одной стороны, освобождались отъ зависимости въ отношеніи къ епископамъ и отъ надзора правительства, съ другой — угнетали бѣлое духовенство, привлекая его насильно въ латинство и уничтожая самостоятельное значеніе уніатской церкви. Кромѣ вліянія іезуитовъ на правительство, оказавшееся и въ законодательныхъ постановленіяхъ, въ ихъ рукахъ было и другое, могущественное средство. Уніатское монашество, по своему происхожденію, не походило на латинскіе монашескіе ордена и не имѣло своего особаго главнаго управленія, своего генерала въ Римѣ. Но латинизированное и ополяченное, оно мало по малу подчинилось общему направленію латинскихъ орденовъ. Въ Римѣ постоянно находился, во времена польскаго владычества, представитель этого ордена (procurator), и по четыре молодыхъ уніатскихъ клириковъ воспитывались въ тамошнихъ училищахъ. Конечно, въ царствованіе императрицы Екатерины II, такое явленіе не могло быть терпимо, и дѣйствительно прекратилось; но въ послѣдовавшее

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 21.193, стр. 177—190.

за 1796 г., время, оно возобновилось снова. Этимъ-то воспитанникамъ Рима, обращеннымъ уже въ латинство, базиліане, при содѣйствіи папскаго правительства, доставляли мѣста епископовъ. Такіе епископы, безъ сомнѣнія, стремились къ тому, чтобы уніатскую церковь вполнѣ присоединить къ латинской, всѣми средствами помогали базиліанамъ и поддерживали подчиненіе уніатовъ управленію латинской коллегіи. Личныя страсти, выражавшіяся въ ссорахъ между собою духовныхъ властей и взаимныхъ доносахъ, излишнія притязанія нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ Фальковскаго, задумавшаго сдѣлаться генераломъ базиліанскаго ордена, препятствовали уже полному развитію римской политики. Но это волненіе происходило только на поверхности, между тѣмъ какъ внутри уніатской церкви гнѣздилась гораздо болѣе глубокая вражда. Уніатская паства и бѣлое духовенство, поддерживаемыя нѣкоторыми изъ епископовъ, не принадлежавшихъ къ базиліанскому ордену, не хотѣли подчиняться латинскому вліянію; напротивъ, желали возстановить отдѣльное управленіе уніатскою церковью, поддержать чистоту ученія и обрядовъ и очистить ихъ отъ латинскихъ искаженій. Эта борьба продолжалась во все царствованіе императора Александра I-го. Въ виду постоянныхъ и многочисленныхъ просьбъ, правительство должно было удовлетворить уніатовъ; но оно уступало по немногу ихъ требованіямъ. Съ 1804 г., дозволено было уніатскому епископу и тремъ членамъ присутствовать въ римско-католической коллегіи; въ 1805 г., образованъ особый въ ней уніатскій департаментъ, но важныя дѣла все таки разсматривались въ общемъ собраніи обоихъ департаментовъ[1]). Окончательное рѣшеніе этого вопроса послѣдовало только въ царствованіе императора Николая Павловича.

Императоръ Александръ I-й, вступая на престолъ, говорилъ, что принимаетъ на себя «обязанность управлять по законамъ и по сердцу Великой Екатерины». Императоръ Николай выразилъ желаніе, чтобы его царствованіе составило продолженіе Александрова царствованія, и хотѣлъ исполнить *все, чего желалъ*, но не исполнилъ, Александръ, *для блага Россіи*[2]). Дѣйствительно, заявленное въ манифестѣ 1801 г. императоромъ Александромъ желаніе было исполнено только Николаемъ I-мъ. Его царствованіе, въ отношеніи къ вопросамъ о латинской и уніат-

---

[1]) Полн. Соб. Зак. №№ 21.393 и 21.836. Въ сочиненіи гр. Толстаго, Le catholicisme Romain en Russie, т. II., гл. XIV, стр. 338 — 382, подробно изложена борьба уніатовъ съ латинами въ это время.

[2]) Полн. Соб. Зак. № 19.779; и 2-е Полн. Соб. Зак. № 1.

ской церквахъ въ имперіи, составляетъ непосредственное продолженіе царствованія Великой Екатерины.

Указомъ 1827 г. октября 9, исполнено было одно изъ настоятельныхъ желаній уніатовъ, которое издавна и постоянно они заявляли. «До свѣдѣнія нашего дошло, сказано въ этомъ указѣ, что греко-уніатское монашество чина св. Василія Великаго, принимая въ свой орденъ людей малосвѣдущихъ въ греческихъ обрядахъ богослуженія, отправляемаго въ уніи, такъ-же какъ и въ православной церкви, на языкѣ славянскомъ, уклоняются отъ первобытнаго учрежденія, которое и римскими папами въ древнихъ буллахъ объ уніи признано и отъ чуждаго вліянія и смѣшенія охранено было. Происходящій отъ того несвойственный составъ монашества, преимущественно изъ людей римскаго обряда, имѣлъ еще и тѣ вредныя послѣдствія, что начальство монастырей, не занимаясь образованіемъ уніатскаго юношества духовнаго званія на служеніе церкви, предпочтительно заводило свѣтскія училища, болѣе для людей другого обряда, и что между бѣлымъ и монашествующимъ духовенствомъ греко-унитскимъ возникали несогласія и взаимное недовѣріе». Поэтому подтверждены были постановленія, запрещавшія обращать уніатовъ въ латинство и — «сообразно съ тѣмъ постановлено ни въ какомъ случаѣ не дозволять въ греко-уніатское монашество принимать людей другого обряда и изъ самого греко-унитскаго допускать къ произношенію монашескихъ обѣтовъ только тѣхъ, коими будетъ доказано, что они имѣютъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія». Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было учредить, «гдѣ нужно, училища для наставленія греко-унитскаго юношества духовнаго званія, какъ въ правилахъ вѣры, такъ и въ обрядахъ богослуженія на языкѣ славянскомъ» [1]).

Полагая такимъ образомъ предѣлъ дальнѣйшему обращенію въ латинство и ополяченію уніатскаго духовенства и давая ему способы къ образованію, правительство выразило тотъ взглядъ, что унія составляетъ отдѣльную отъ латинской церковь и не должна быть принесена въ жертву ея пропагандѣ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого взгляда было постановленіе 1828 г. апрѣля 22, которымъ учреждена особая греко-уніатская коллегія, независимая отъ римско-католической, и всѣ базиліанскіе монастыри обѣихъ уніатскихъ епархій — «подчинены мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ и консисторіямъ. Провинціалы базиліанскихъ монастырей неиначе должны дѣлать распоряженія по

[1]) 2-е Полн. Соб. Зак. № 1.449; ср. №№ 3.707, 3.459, 3.968, 5.231; и 1-е Полн. Соб. Зак. № 22.659.

управленію вверенными ихъ вѣдѣнію обителями и производить визитаціи оныхъ, какъ съ вѣдома и разрѣшенія епископовъ. Настоятели монастырей назначаются и смѣняются съ утвержденія коллегіи». Въ послѣдствіи, въ 1832 г. февраля 16, было уничтожено званіе провинціаловъ, какъ «несвойственное,—по выраженію указа — монашеству чина св. Василія Великаго» [1].

Устранивъ такимъ образомъ вліяніе латинскаго духовенства на уніатовъ и базиліанскіе монастыри, правительство не могло не обратить вниманія вообще на устройство и состояніе какъ униатскихъ, такъ и латинскихъ монастырей.

По правиламъ Тридентинскаго собора [2]), въ монахи могутъ поступать лица по достиженіи 16-ти лѣтняго возраста. Это правило, совершенно несогласное съ современнымъ развитіемъ жизни европейскихъ народовъ, подвергалось различнымъ ограниченіямъ, даже въ государствахъ латинскаго исповѣданія. Что-же касается до Франціи, то и всѣмъ вообще постановленіямъ этого собора она никогда не придавала обязательнаго для себя каноническаго значенія. Тѣмъ менѣе могла Россія безусловно подчиняться его опредѣленіямъ, особенно такимъ, которыя противорѣчили ея законамъ. По правиламъ нашего законодательства, вступать въ монашество дозволяется только достигшимъ 22-хъ лѣтняго возраста. Это правило подтверждено указомъ 27 марта 1829 г., въ которомъ сказано: «Въ регламентѣ, для церквей и монастырей римско-католическаго исповѣданія, 1798 г., было постановлено, дабы къ такъ называемымъ торжественнымъ обѣтамъ (vota solemnia), допускать не прежде, какъ по вступленіи новиціевъ въ иподьяконскій санъ; а по постановленіямъ Тридентинскаго собора, въ санъ сей могутъ быть посвящаемы токмо достигшіе 22-хъ лѣтняго возраста. Какъ монастыри не имѣютъ возможности сами собирать достовѣрныхъ свѣдѣній о свойствѣ и положеніи людей, изъявляющихъ желаніе вступить въ оные, и отъ того нерѣдко общества ихъ оскорбляются присутствіемъ людей порочныхъ; ибо изъ обстоятельствъ дѣла видно, что въ монастыряхъ сихъ отыскиваемы были бродяги и бѣглые; жестокія же тѣлесныя наказанія, употребляемыя въ римско-католическихъ монастыряхъ надъ монахами, вмѣсто исправленія, приводятъ въ отчаяніе, и употребленіе такого наказанія не только не сообразно правиламъ, начертаннымъ въ указѣ 22 іюня 1798 г., но несогласно и съ каноническими правилами»,—поэтому постановлено допускать находящихся подъ искусомъ къ произнесенію

---

[1]) 2-е Полн. Соб. Зак. №№ 1.977, 2.086 и 5.169.

[2]) Canones et decret. cons. Tridentini, sessio XXV, cap. XV.

торжественныхъ монашескихъ обѣтовъ не иначе, какъ послѣ посвященія въ иподьяконскій санъ, и слѣдовательно не прежде, какъ по достиженіи 22-хъ лѣтняго возраста. «Испытаніе-же готовящимся къ поступленію въ монашество должно быть производимо не менѣе трехъ лѣтъ, хотя бы вступающій въ монашество имѣлъ и болѣе 22-хъ лѣтъ».

Двѣ черты, на которыя указано въ этомъ постановленіи,— укрывательство въ монастыряхъ бѣглыхъ и порочныхъ людей и жестокія тѣлесныя наказанія, къ которымъ прибѣгали монастырскія власти въ отношеніи къ монахамъ для поддержанія дисциплины, уже достаточно показываютъ въ какомъ положеніи находились эти монастыри, если бы нельзя было привести еще многочисленныя свидѣтельства даже самихъ латинскихъ епископовъ о томъ, что римско-католическіе монастыри въ это время дошли до крайней степени паденія. При такомъ положеніи, правительство обязано было обратить вниманіе на эти монастыри, дабы устранить, по крайней мѣрѣ, то вредное вліяніе, которое они производили на общественный бытъ всего населенія тѣхъ губерній, гдѣ находились. Польскій мятежъ, 1830 г., въ которомъ духовенство и монахи принимали такое дѣятельное участіе, еще болѣе убѣдилъ правительство въ необходимости этой мѣры. Поэтому министру внутреннихъ дѣлъ поручено было собрать подробныя свѣдѣнія о монастыряхъ и войти въ изслѣдованіе причинъ того печальнаго положенія, въ которомъ они находились. Это изслѣдованіе было разсмотрѣно сенатомъ, въ указѣ котораго, 1832 г. іюля 19, сказано: «Упадокъ монастырскихъ обителей, часто возбуждавшій негодованіе въ самомъ римско-католическомъ духовномъ начальствѣ, зависитъ отъ малаго и постепенно уменьшающагося числа монашествующихъ, давно уже несоразмѣрнаго съ числомъ обителей. Сія несоразмѣрность во многихъ мѣстахъ простиралась до такой степени, что нѣкоторыя монашескія общества не имѣли даже опредѣленнаго самыми снисходительными церковными правилами количества членовъ, кои чрезъ то лишены всѣхъ выгодъ взаимнаго надзора и наставленія. Чтобы положить конецъ сему нарушенію уставовъ и всѣмъ происходящимъ отъ него безпорядкамъ, неразборчивости въ пріемѣ лицъ въ монастырское званіе, чрезмѣрному послабленію дисциплины, худому управленію монастырскими имуществами чрезъ настоятелей часто мѣняющихся, мало свѣдущихъ или безпечныхъ, всего же болѣе укоренившемуся между оставленными безъ присмотра монахами нравственному развращенію»,—признано было необходимымъ упразднить— «излишніе монастыри, безполезные по недостаточности своего состава или

по мѣстному своему положенію, вдали отъ городовъ и селеній римско-католическаго исповѣданія и обряда, и чрезъ то собрать разсѣянныхъ нынѣ по разнымъ мѣстамъ монаховъ въ тѣ обители, кои наиболѣе отличаются хорошимъ устройствомъ и дознаннымъ благоразуміемъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ». Простой взглядъ на цифры вполнѣ подтверждаетъ— «излишество монастырей, какъ сказано въ этомъ указѣ, несоразмѣрное ни съ потребностями церкви, ни съ народонаселеніемъ римско-католическаго исповѣданія». Ихъ было 300 для народонаселенія едва доходившаго до $2^1/_2$ милліоновъ душъ, т. е. по одному монастырю на 8 тысячъ жителей. Притомъ въ Литвѣ, Самогитіи и инфляндскихъ уѣздахъ Витебской губерніи, населенныхъ преимущественно жителями латинскаго исповѣданія, ихъ приходилось по одному на 20, на 30 и даже на 40 тысячъ; а въ южныхъ губерніяхъ Бѣлоруссіи, гдѣ почти все населеніе принадлежитъ къ православной церкви и частію къ уніатской, приходилось по одному монастырю на 2 и даже 1000 душъ обоего пола. Эти числовыя данныя, безъ сомнѣнія, доказываютъ *излишество* латинскихъ монастырей; но вмѣстѣ съ тѣмъ они же объясняютъ, почему Римъ съ такимъ упорствомъ поддерживалъ ихъ существованіе и не соглашался сокращать ихъ числа. Цѣли русскаго правительства и папскаго двора и въ этомъ случаѣ были совершенно противоположны.

Наше правительство сокращало монастыри для того, чтобы дать имъ возможность безбѣднаго существованія, чтобы возвысить нравственность и образованность монаховъ, въ виду соблюденія каноническихъ правилъ самой римской церкви и пользы латинскаго населенія края [1]). Между тѣмъ какъ Римъ не одобрялъ мѣръ правительства съ одной стороны потому, чтобы показать въ этомъ случаѣ свое полновластіе и устранить всякое вмѣшательство власти свѣтской, а съ другой—потому, что онъ именно старался умножать число монастырей особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ наименѣе было лицъ исповѣдующихъ латинское ученіе. Въ его глазахъ это были не собственно монастыри въ каноническомъ смыслѣ, но миссіи для совращенія въ латинство какъ уніатовъ, такъ и православныхъ. Самая мѣра сокращенія числа монастырей, конечно, не нарушаетъ правъ церкви и сами папы много разъ ее допускали. Въ 1744 г., папа Бенедиктъ XIV, по просьбѣ уніатскаго митрополита, дозволилъ закрыть въ *польской провинціи* всѣ монастыри, въ которыхъ, вопреки каноническимъ правиламъ, было менѣе 10 монаховъ. При императорѣ

---

[1]) Полн. Соб. Зак. № 2.773; и 2-е Собр. № 5.506.

Александрѣ I, въ 1817 г., по соглашенію съ папою Піемъ VII (булла Ex impositu nobis), предположено было закрыть 47 монастырей. Не сокращеніе только, но и совершенное уничтоженіе монастырей приходилось переносить папѣ даже въ странахъ латинскихъ по исповѣданію!

Кардиналъ статсъ-секретарь римскаго престола, Бернетти, въ нотѣ къ нашему министру иностранныхъ дѣлъ, іюня 1832 г., писалъ, что — «глава церкви, узнавая съ безконечною грустію о томъ плачевномъ состояніи, въ какомъ, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ, находится римско-католическая церковь какъ латинскаго, такъ и уніатскаго обряда, въ продолженіе многихъ лѣтъ оплакивалъ и теперь оплакиваетъ ея паденіе. Но онъ не могъ не обратить вниманія, что существенныя причины этого положенія заключаются въ нововведеніяхъ и предписаніяхъ правительства въ отношеніи къ духовнымъ дѣламъ, которыя производятъ неисчислимый ущербъ церкви. Упадокъ монастырей, къ великому соблазну вѣрующихъ, заключается въ нововведеніяхъ въ отношеніи дисциплины, установленной святыми канонами и апостольскими постановленіями, въ уничтоженіи зависимости монастырей отъ ихъ генераловъ и подчиненіи ихъ власти епископовъ, отъ новыхъ правилъ о монашескихъ обѣтахъ и духовнаго образованія». Въ обширной запискѣ, приложенной къ нотѣ 6 сент. того же года, широко развита таже мысль. Римскій дворъ не могъ не сознаться, что латинскіе монастыри сдѣлались соблазномъ для вѣрующихъ, но приписывалъ это явленіе нѣкоторымъ постановленіямъ и мѣрамъ русскаго правительства, едва входившимъ въ силу, и умышленно отстранилъ вниманіе отъ того, что они пришли въ такое положеніе подъ непосредственнымъ надзоромъ и управленіемъ Рима, продолжавшимся нѣсколько столѣтій. Укоряя русское правительство въ нарушеніи церковныхъ правилъ и папскихъ предписаній, онъ не обращалъ вниманія на то, что уничтожены именно тѣ монастыри, въ которыхъ число монаховъ не соотвѣтствовало этимъ правиламъ и предписаніямъ, или тѣ, которые были притонами мятежа.

Наше правительство противъ обвиненій Рима сообщило подробныя объясненія въ нотѣ, сообщенной нашимъ посланникомъ въ Римѣ, графомъ Гурьевымъ, кардиналу Бернетти, въ маѣ 1833 года:

«Хотя въ запискѣ римскаго двора и не опредѣлено, на уничтоженіе какихъ именно монастырей онъ указываетъ, мы полагаемъ однако же, что рѣчь идетъ о 4-хъ монастыряхъ въ Брестѣ-Литовскомъ, которыхъ зданія потребовалось разрушить

въ 1830 году по случаю возведенія крѣпостныхъ укрѣпленій, и о 6-ти монастыряхъ, закрытыхъ въ 1831 году за участіе ихъ въ мятежѣ. Преступное поведеніе монаховъ, измѣна, которой нѣтъ примѣровъ въ исторіи монашескихъ обителей, и ихъ безнравственность, вынудили потомъ правительство принять рѣшительныя мѣры, чтобъ положить конецъ печальному положенію дѣлъ и направить монастыри къ настоящей цѣли ихъ первоначальнаго учрежденія. Поэтому, убѣдясь, что паденіе нравственности и дисциплины между монахами преимущественно зависитъ отъ уменьшенія ихъ числа въ монастыряхъ, освободившаго ихъ отъ всякаго взаимнаго контроля и наблюденія, столь необходимаго для поддержанія порядка въ ихъ обществахъ, правительство приступило къ уничтоженію тѣхъ изъ монастырей, которые продолжали незаконное существованіе въ противность буллы Бенедикта XIV, 1744 года, примѣняя эту мѣру особенно къ тѣмъ, которые сами себя лишили средствъ для содержанія достаточнаго числа монаховъ, дурно управляя своими имуществами.

«Подчиненіе монастырей власти епископовъ и опредѣленіе возраста для вступленія въ монашество, римскій дворъ считаетъ также одною изъ причинъ ослабленія вѣры и паденія нравственности между монахами. Но жалобы самихъ католиковъ на злоупотребленія настоятелей монастырей въ управленіи церковными имуществами и происходившіе отъ того важные безпорядки послужили первымъ поводомъ къ тому, что правительство обязано было освободить монастыри отъ зависимости относительно чужеземныхъ властей, и подчинить ихъ власти епископовъ, тѣмъ болѣе, что во многимъ изъ нихъ были приписаны приходы, которые по каноническимъ правиламъ подлежатъ вѣдѣнію епископовъ. Другая причина подчиненія монастырей власти епископовъ состояла въ томъ, чтобы придать единство епархіальному управленію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ предписывается и правилами Тридентинскаго собора. Притомъ въ сношеніяхъ съ папскимъ нунціемъ гр. Литтою, по случаю новаго разграниченія епархій, правительство, въ нотѣ 20 апр. 1798, положительно выразило намѣреніе подчинить монастыри власти епископовъ,—и нунцій въ отвѣтъ на эту ноту, 1 мая того же года, призналъ это распоряженіе. Въ послѣдствіи монастыри вновь поступили подъ власть своихъ особыхъ начальниковъ и оставались въ этомъ положеніи до постановленія 19 іюля 1832 г. Епископы не имѣли почти никакого вліянія на монаховъ и потому не могли отвѣчать за происходившіе въ монастыряхъ безпорядки.

«Что касается до жалобъ папскаго двора на постановленія о

монашескихъ обѣтахъ, то въ этомъ случаѣ оказывается ошибка въ годахъ: ослабленіе дисциплины въ монастыряхъ приписывается постановленію 1829 г., тогда какъ въ папскихъ буллахъ 1778, 1784, 1812 и 1815 къ митрополиту Сестренцевичу, признается уже необходимость принять мѣры противъ этого ослабленія. Запрещеніе вступать въ монашество ранѣе 22-хъ лѣтняго возраста римскій дворъ, казалось бы, долженъ признать полезнымъ. Опытъ достаточно доказалъ неудобство постановленій Тридентинскаго собора, которыми дозволяется вступать въ монашество по достиженіи 16 лѣтъ, т. е. въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ еще не можетъ отдать себѣ отчета, владѣетъ ли онъ достаточными физическими и духовными силами, чтобы принять на себя такія строгія обязанности. Время, когда было постановлено это правило, слишкомъ удалено отъ насъ; обстоятельства, послужившія поводомъ къ его установленію, мало имѣютъ общаго съ требованіями современнаго общества, чтобы возможно было настаивать на строгомъ его исполненіи въ настоящее время. Послѣдствія этого стараго постановленія, много разъ оказывались гибельными, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для общественнаго спокойствія. Сколько встрѣчалось молодыхъ людей, которые раскаявались, что въ минуты увлеченія дали обѣты непреложные, и, не надѣясь въ этомъ случаѣ на помощь правительства, наблюдавшаго за исполненіемъ правилъ церкви, перебѣгали въ Польшу, гдѣ духовныя власти считали возможнымъ слагать съ нихъ данные ими обѣты. Для примѣра укажемъ на одну виленскую епархію, въ которой одной, съ 1801 г. до 1829, бѣжало изъ монастырей 110 монаховъ, и изъ этого числа 44 получили отъ самаго римскаго престола позволеніе сложить монашескіе обѣты. Послѣ этого легко можно понять, какіе произошли бы безпорядки, еслибъ въ настоящее время поддерживать правило, совершенно не соотвѣтствующее современнымъ требованіямъ общественной жизни.»

«Въ нотѣ кардинала Бернетти выражены также жалобы на мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ въ отношеніи къ уніатскимъ монастырямъ, находившимся въ областяхъ нѣкогда бывшихъ подъ властію Польши. Объяснивъ общія въ отношеніи ко всѣмъ монастырямъ причины, оправдывающія принятыя правительствомъ мѣры, мы укажемъ особенно на тѣ строгія, но справедливыя, мѣры, которыя были предприняты въ отношеніи къ березанскому, картезіанскому и почаевскому монастырямъ.

«До свѣдѣнія императора дошло, что лишь только вспыхнуло возмущеніе въ гродненской губерніи, монахи березанскаго монастыря собрали шайку мятежниковъ изъ всѣхъ сословій, снабдили

ихъ оружіемъ и провіантомъ, и сами сдѣлались ея предводителями. Когда эта шайка была разбита императорскими войсками, монахи попались, какъ военно-плѣнные. Извѣстясь объ этомъ происшествіи, императоръ приказалъ закрыть монастырь, церковь обратить въ приходскую, а недвижимыя имущества конфисковать, на основаніи общаго правила о конфискаціи имуществъ мятежниковъ. Въ то же время, латинское духовенство было извѣщено, что та же участь постигнетъ всѣхъ враговъ Россіи, которые осмѣлятся послѣдовать такому примѣру. Не смотря на это предупрежденіе, лишь только Дверницкій вторгнулся въ Волынь, почаевскіе базиліанскіе монахи вошли съ нимъ въ сношеніе, принимали его какъ освободителя, пѣли торжественный Te Deum, по случаю его прибытія, печатали и распространяли возмутительныя воззванія, возбуждая окрестныхъ жителей къ мятежу. Когда Дверницкій принужденъ былъ отступить, они оставили монастырь и присоединились къ его отряду.

«Императоръ, не оставляя надежды, что заблудившіеся раскаются и возвратятся на путь своихъ обязанностей, долго колебался между милосердіемъ и правосудіемъ и, только убѣдившись наконецъ въ неисправимости и упорствѣ монаховъ въ преступленіи, рѣшился принять тѣ мѣры, на которыя римскій дворъ выражаетъ теперь жалобы и обвиненія.

«Самая мѣстность почаевскаго монастыря, расположеннаго на значительной возвышенности, откуда монахи давали сигналы и поддерживали постоянныя сообщенія съ мятежниками, угрожая спокойствію Волыни, давала правительству справедливый поводъ къ разрушенію этого гнѣзда возмущенія. Эти соображенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальное происхожденіе монастыря, побудили правительство возвратить его православному духовенству. Римскій дворъ не можетъ не знать, что этотъ монастырь, хотя и основанъ послѣ уніи, но принадлежалъ православной восточной церкви, что было признано и постановленіями польскихъ королей; только въ XVIII вѣкѣ онъ беззаконно отнятъ былъ у православныхъ и отданъ уніатамъ. Овручскій монастырь былъ обращенъ въ приходскую церковь, и его имѣнія конфискованы, потому что монахи этого монастыря принимали дѣятельное участіе въ мятежѣ.

«Въ заключеніе замѣтимъ, что изъ числа 50 монастырей латинскихъ и уніатскихъ, которые, забывъ свои священныя обязанности и попирая всѣ божескіе и человѣческіе законы, стали подъ знамя мятежа противъ своего государя и Россіи, только шесть наиболѣе преступныхъ подверглись наказанію конфискаціи имуществъ, остальные же были прощены. Требовать, чтобы и

первые не подверглись наказанію и по прежнему пользовались имуществами, значило бы обезпечить имъ и на будущее время безнаказанность за самыя тяжкія преступленія и дать поводъ латинскому духовенству слѣдовать ихъ примѣру. Императоръ, отвѣчая передъ Богомъ и судомъ своей совѣсти за спокойствіе и благоденствіе своихъ подданныхъ, не могъ терпѣть подобнаго соблазна [1]).»

Доводы русскаго правительства, конечно, не убѣдили и не могли убѣдить римскій дворъ. Преступленіями со стороны духовенства онъ считаетъ только невыгодныя дѣйствія для интересовъ латинской церкви, ея постановленій и властей; всѣ остальныя въ его глазахъ не суть преступленія, пока ихъ не признаетъ таковыми верховная власть церкви, право же судить и наказывать лицъ духовныхъ принадлежитъ исключительно папѣ. Понятія о *Богѣ* и *совѣсти* точно также совершенно особымъ образомъ преломляются, пройдя сквозь призму папскихъ воззрѣній: божественная власть осуществляется на землѣ въ лицѣ папы, и потому его велѣнія и выражаютъ божественные законы, а совѣсть каждаго должна обрѣтать свое успокоеніе въ безусловной имъ покорности. Самостоятельное и непосредственное отношеніе къ Богу и даже своей совѣсти Римъ считаетъ ересью!

Поэтому, римскій дворъ, не обращая никакого вниманія на объясненія нашего правительства, постоянно предъявлялъ одни и тѣ же притязанія. Въ 1842 г., въ исторической запискѣ, приложенной къ извѣстной аллокуціи Григорія XVI, іюля 22, о гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ латинскою церковію въ Россіи, сказано: «Его святѣйшеству были извѣстны, принятыя русскимъ правительствомъ, къ великому вреду для монашескихъ орденовъ, мѣры, которыя до основанія разрушали святую дисциплину, утвержденную церковными канонами и апостольскими (т. е. папскими) постановленіями, дабы отвлечь отъ подчиненія своимъ генераламъ разные монашескіе ордена и подчинить ихъ епископамъ, вводя новыя правила въ отношеніи къ монашескимъ обязанностямъ, обѣтамъ, новиціату, преподаванію и т. п., и сокращая число монастырей [2])».

Въ 1832 г., было закрыто 202 монастыря и оставлено 89; но изъ числа оставшихся, нѣкоторые не соотвѣтствовали своему назначенію, какъ по незначительному числу монаховъ, такъ и по недостатку средствъ для существованія. Это были монастыри только по названію. Уніатскіе монахи, превратившись въ латин-

---

[1]) Галль-Морель: №№ VI, XIII и XIV.

[2]) Галль-Морель: стр. XII.

скій орденъ, постоянно стремились совращать въ латинство уніатскую паству, и потому устранять бѣлое духовенство, служившее главнымъ для нихъ препятствіемъ. Они прогоняли священниковъ, завладѣвали приходами, помощію которыхъ только и могли существовать многіе изъ такихъ монастырей. Конечно, это было злоупотребленіе, нарушавшее каноническія правила, также какъ и монастыри, неимѣвшіе узаконеннаго числа монаховъ; но Римъ не только терпѣлъ подобныя нарушенія правилъ церкви, но даже поощрялъ ихъ въ видахъ пропаганды.

Въ 1841 г. декабря 17, церковныя и монастырскія имѣнія были взяты въ казенное управленіе, потому что онѣ были населены почти исключительно лицами православнаго исповѣданія, и слѣдовательно не могли находиться въ управленіи ксендзовъ и монаховъ. Притомъ они управлялись дурно и большая часть доходовъ или посылались въ Римъ, или истрачивались на личныя потребности духовныхъ властей. Немногіе изъ монастырей обладали значительными доходами,—большая часть, напротивъ, находились въ крайней бѣдности. Съ тѣхъ поръ, какъ управленіе этими имѣніями перешло въ руки казны, доходы увеличились, но далеко не соотвѣтствовали количеству монастырей и не давали возможности содержать ихъ безбѣдно.

Поэтому, устраняя монастыри отъ управленія приходами и по недостатку доходовъ съ монастырскихъ имѣній, правительство должно было рѣшиться на одну изъ двухъ мѣръ: или значительно сократить число монастырей, чтобы доставить остальнымъ возможность безбѣднаго существованія, или, въ добавокъ къ доходамъ съ монастырскихъ имѣній, ежегодно назначать огромныя суммы изъ государственнаго казначейства. Безъ сомнѣнія Риму желательно было, чтобы правительство прибѣгло ко второй мѣрѣ; но кажется нѣтъ нужды и доказывать, что русское правительство не могло принудить своихъ православныхъ подданныхъ платить лишніе налоги для поддержанія не только излишнихъ, но даже и вредныхъ для него латинскихъ монастырей. Въ виду этихъ обстоятельствъ, въ 1841 г., опредѣлено содержать 50 штатныхъ монастырей, которые были раздѣлены на три класса: перваго класа 12 мужскихъ и 5 женскихъ; второго—5 мужскихъ и 4 женскихъ, и третьяго—5 мужскихъ и 5 женскихъ. Но сверхъ того оставлены еще 57, временно, съ жалованіемъ по 40 руб. въ годъ на человѣка съ тѣмъ, чтобы постепенно закрывать тѣ изъ нихъ, въ коихъ число монашествующихъ будетъ менѣе 8, установленнаго каноническими правилами [1]). Съ уменьшеніемъ

[1]) Г. Варадиновъ, Истор. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. III, кн. 2, стр. 729—80. — Esposiz. document. № XLV.

ихъ числа, правительство получало возможность возвышать суммы, отпускаемыя на штатные монастыри или на приходы, если они были приписаны къ тѣмъ изъ монастырей, которые предназначались къ закрытію. Такимъ образомъ, уже послѣ заключенія конкордата, по изложенной причинѣ, было закрыто 36 монастырей, и остальные 21 изъ сверхштатныхъ существовали только временно.

Жалобы римскаго двора, которыя подробно разсматривалъ комитетъ 1856 г., касались:

1) сокращенія числа монастырей, особенно послѣ заключенія конкордата, число которыхъ Пій IX, на основаніи только мнѣнія уполномоченныхъ, заключавшихъ конкордатъ, внесеннаго въ особый протоколъ, полагалъ укрѣпить навсегда буллою 5 іюля 1848 г.;

2) уничтоженія училищъ, находившихся при монастыряхъ, и

3) подчиненія монастырскихъ властей епископамъ.

Комитетъ, разсмотрѣвъ историческія свѣдѣнія и соображенія, представленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ требованіями Рима, нашелъ, что число 50 монастырей совершенно достаточно по отношенію къ народонаселенію латинскаго исповѣданія; но полагалъ возможнымъ, для удовлетворенія требованіямъ Рима, постановить, что это число впредь сокращаемо не будетъ. Когда заключенія комитета, изложенныя въ особой запискѣ, были вручены нашимъ посланникомъ кардиналу Антонелли, 23 іюля 1856 года (promemoria, de la main à la main), то римскій дворъ, казалось, остался доволенъ обѣщаніемъ нашего правительства сохранить постоянно штатное число монастырей, и затѣмъ, какъ увѣдомлялъ нашъ посланникъ, вопросъ о сокращеніи монастырей можно считать оконченнымъ [1]).

Въ отношеніи къ 22-хъ лѣтнему возрасту, назначенному для вступленія въ монашество, въ нотѣ, кардиналъ Антонелли, въ 1856 году, повторилъ старыя жалобы Рима, говоря, что вслѣдствіе этого постановленія уменьшается число монаховъ. Но опытъ доказалъ, что латинскіе монастыри не соблюдали этого постановленія правительства и удобно могли нарушать его, при существованіи при нихъ особыхъ училищъ или семинарій. Такія училища устроивались при латинскихъ монастыряхъ исключительно для новиціевъ, готовившихся къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ. Но какъ число добровольно поступавшихъ въ монашество

---

1) ... que cette question peut-être envisagée à présent comme vidée, car sur mes réprésentations, le cardinal, comme le Pape lui meme, l'acceptent comme un fait accompli, sur le quel il n'y avait plus à revenir.

было весьма незначительно, то монастыри начали принимать въ свои школы несовершеннолѣтнихъ и дѣтей и, дѣйствуя на молодое воображеніе, привлекали ихъ къ поступленію въ монашество, чтобы сколько нибудь пополнить постоянно уменьшавшійся его составъ. Мы указали уже, какія происходили отъ того послѣдствія, — многіе изъ такихъ монаховъ оставляли свое званіе и перебѣгали за границы имперіи. Сверхъ того, монастыри находились въ крайнемъ паденіи и не могли дать порядочнаго образованія своимъ воспитанникамъ, котораго сами не имѣли, грубо и даже жестоко обходились съ ними, о чемъ неоднократно доходили жалобы до правительства. Въ виду этихъ обстоятельствъ, и обращая постоянное вниманіе на улучшеніе семинарій, состоявшихъ при епископскихъ каѳедрахъ и, давая имъ всѣ средства для образованія клириковъ, правительство уничтожило, въ 1844 г., монастырскія училища. Въ 1847 г., римскій дворъ протестовалъ противъ этой мѣры. Сверхъ того, въ нотѣ 1856 г., кардиналъ Антонелли приписывалъ уменьшеніе числа монаховъ строгому порядку, установленному въ 1829 и 1842 г., правительствомъ для поступленія въ монашество, которое совершается не иначе, какъ съ вѣдома губернскаго начальства, духовной коллегіи и министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). Дѣйствительно, пріемъ въ монахи несовершеннолѣтнихъ и бѣглыхъ преступниковъ и бродягъ вынудили правительство принять мѣры къ пресѣченію этихъ злоупотребленій.

Комитетъ — «принимая во вниманіе, что постановленіе Тридентинскаго собора, дозволяющее произносить монашескіе обѣты по достиженіи 16 лѣтняго возраста, когда человѣкъ еще не въ состояніи отдавать себѣ надлежащаго отчета о важности принимаемыхъ имъ на себя обязанностей, не можетъ быть допущено безъ опасныхъ послѣдствій, что даже въ странахъ латинскихъ по исповѣданію, это правило подвергалось значительнымъ ограниченіямъ, считалъ необходимымъ удержать силу нашихъ постановленій о пріемѣ вообще въ монашество, и поэтому полагалъ не принимать въ новиціатъ лицъ моложе 19 лѣтъ». Не допуская также школъ при монастыряхъ — «въ виду опасныхъ послѣдствій и трудности надзора за ними, комитетъ, желая по возможности удовлетворить требованіямъ Рима, полагалъ возможнымъ дозволить тѣмъ монастырямъ, которые будутъ имѣть къ тому средства, учредить преподаваніе богословскихъ наукъ для лицъ уже поступившихъ въ новиціатъ, или дозволить имъ

---

[1]) Св. Зак. т. IX, ст. 343, 344 и 345, Высоч. пов. 1864 г., янв. 1.

посылать новиціевъ слушать курсъ наукъ въ епархіальныя семинаріи и по окончаніи возвращаться въ монастырь».

Наконецъ, комитетъ подробно обсуждалъ требованіе Рима о возстановленіи званія монастырскихъ провинціаловъ.

До 1842 г., латинское духовное управленіе на дѣлѣ выражалось въ трехъ, почти независимыхъ одна отъ другой, властяхъ: епископахъ, которымъ принадлежала власть распорядительная; консисторіи, имѣвшей судебную власть, и провинціалахъ, управлявшихъ монастырями. Такое разновластіе служило поводомъ ко многимъ безпорядкамъ. Поэтому министерство внутреннихъ дѣлъ, въ томъ году, предположило консисторіи подчинить епископамъ, а провинціаловъ вовсе уничтожить и замѣнить ихъ благочинными монастырей или визитаторами, которые находились бы въ зависимости отъ епископовъ и были членами консисторій. Императоръ Николай Павловичъ нашелъ эту мѣру весьма полезною; но, до приведенія ея въ исполненіе, желалъ знать мнѣніе латинской духовной коллегіи. Коллегія, разсмотрѣвъ эти предположенія, признала ихъ также «полезными и непротивными римско-католической церкви».

При императрицѣ Екатеринѣ Великой званіе провинціаловъ было вовсе уничтожено, въ виду главной цѣли—прервать, вредныя для государства, сношенія монашескихъ орденовъ съ ихъ заграничными властями и подчинить ихъ исключительно власти епископовъ. Въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ іезуитовъ, званіе провинціаловъ было возобновлено и существовало до 1842 г. Постановленіе этого года о визитаторахъ не было однакоже прямымъ возвратомъ къ постановленіямъ Екатерины, но собственно, къ регламенту 1798 г., которымъ хотя и допускались провинціалы, но по выбору епископовъ и вполнѣ подчиненные ихъ власти. Несмотря на то, что перемѣнилось только названіе, римскій дворъ, въ 1846 г., протестовалъ противъ учрежденія визитаторовъ, какъ власти каноническими правилами римской церкви неустановленной. При заключеніи конкордата, римскіе уполномоченные настаивали на необходимости возобновить должности провинціаловъ, а для избѣжанія столкновеній между ними и епископами, предлагали готовность папы увеличить права епископовъ въ отношеніи къ надзору за *внѣшнею* дисциплиною монастырей. Что же касается до *внутренней* дисциплины, то она должна находиться подъ исключительнымъ надзоромъ провинціаловъ, которые должны сноситься съ ихъ генералами, тѣмъ же порядкомъ, какъ епископы сносятся съ папою. Предлагали даже дать епископамъ право предсѣдательства въ монастырскихъ ка-

питулахъ. Предложенія Рима внесены въ особый протоколъ (ст. 7) къ конкордату, и оставлены безъ разрѣшенія нашими уполномоченными до дальнѣйшихъ переговоровъ. Конечно, протестъ Рима относился не къ названію новой должности, потому что онъ не утверждалъ также и провинціаловъ, *подчиненныхъ епископамъ*. Сущность возраженія заключалась именно въ отношеніи къ этому подчиненію, потому что Римъ постоянно стремился освободить монашескіе ордена отъ всякой зависимости отъ епископовъ и подчинить ихъ исключительно генераламъ орденовъ и папѣ. Сверхъ того визитаторы учреждены были, въ 1842 г., въ числѣ шести, а монашескихъ орденовъ въ имперіи было 12, и каждый орденъ хотѣлъ имѣть своего провинціала.

Комитетъ, принимая во вниманіе, что правило, которому неуклонно слѣдовало наше правительство, заключалось въ томъ, чтобы монастыри исключительно подчинялись епископамъ, какъ власти находящейся въ предѣлахъ имперіи, и не считали себя въ зависимости отъ какихъ бы то ни было иноземныхъ властей; что подчиненіе ихъ епископамъ не противорѣчитъ церковнымъ канонамъ, ибо самъ папа Пій VI, въ 1778 г. августа 6, предоставилъ, хотя и временно, эту власть митрополиту Сестренцевичу, и нунцій Аркетти подтвердилъ ея продолженіе въ 1784 г. февраля 15,—полагалъ, что не слѣдуетъ измѣнять коренныхъ началъ нашего законодательства въ этомъ случаѣ. Но, чтобы удовлетворить до нѣкоторой степени желанію Рима, комитетъ выразился, что—«возможно допустить избраніе провинціаловъ для наблюденія за внутреннею дисциплиною, согласно съ правилами каждаго ордена, но съ условіемъ, что они будутъ утверждаемы съ вѣдома правительства духовною властію, находящеюся въ предѣлахъ имперіи, напримѣръ, могилевскимъ митрополитомъ,—будутъ подчинены власти епископовъ въ каждой епархіи, относясь къ нимъ во всѣхъ потребныхъ случаяхъ и чрезъ нихъ единственно испрашивая отъ папской власти, установленнымъ порядкомъ, необходимыя указанія и разрѣшенія».

Такова исторія латинскихъ монастырей въ имперіи. Мѣры правительства не касались монастырей, находившихся въ царствѣ польскомъ, которые оставались въ прежнемъ положеніи до послѣдняго времени. Правительству удалось путемъ сокращенія монастырей доставить имъ внѣшнее благосостояніе: устройствомъ семинарій и академіи поднять уровень ихъ просвѣщенія; усиленіемъ надзора водворить въ нихъ бо̀льшій порядокъ; но, конечно, оно не могло внушить имъ христіанскихъ чувствъ и необходимости исполнять обязанности, соединенныя съ духовнымъ

званіемъ. Это было дѣло Рима; но онъ ничего не дѣлалъ и только протестовалъ противъ всякой мѣры, предпринимаемой русскимъ правительствомъ въ отношеніи къ монастырямъ. Поэтому они сохранили прежній характеръ, и въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ приняли такое же участіе, какъ и въ возстаніи 1830 года.

А. Поповъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ПАТРІАРХЪ ФОТІЙ

и

ПЕРВОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ.

Photius Patriarch von Constantinopel, sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Nach handschriftlichen und gedruckten Quellen von Dr. S. Hergenröther, a.-o. Professor des Kirchenrechts und der Kirchengeschichte an der Universität zu Würzburg. Erster Band. Regensburg. 1867.

I.

Возвышеніе Константинопольскаго патріаршества и соперничество съ Римомъ до Фотія.

Впродолженіе ряда вѣковъ совершало и совершаетъ христіанство свой великій процессъ обновленія человѣчества. Ветхій человѣкъ съ своимъ языческимъ строемъ религіозныхъ, научныхъ, политическихъ, соціальныхъ, нравственныхъ убѣжденій долго упорствовалъ, подъ защитою римской имперіи, за свое существованіе, и безъ пощады силился замучить своего кроткаго, незлобиваго врага, который каждымъ новымъ своимъ страданіемъ одерживалъ надъ нимъ новую побѣду, — но вмѣстѣ съ тѣмъ и входилъ съ нимъ въ сдѣлку. Новое христіанское общество, ратуя орудіемъ евангельской истины противъ древняго міра, принимало въ себя пріемы его жизни, его философію, его поэзію, его риторство, его политическія привычки, мирилось съ выраб-

танными имъ юридическими понятіями. Такъ подготовилось внѣшнее торжество христіанства надъ язычествомъ, которое не должно смѣшивать съ внутреннимъ: первое часто достигалось на счетъ послѣдняго. Христіане по наружности — часто были внутренне язычниками. Внутренняя борьба христіанскаго человѣка съ язычникомъ продолжается и до нашихъ дней.

Важнѣйшимъ моментомъ внѣшняго торжества христіанства надъ древнимъ міромъ, была эпоха Константина Великаго. Римскій императоръ, преемникъ гонителей христовой вѣры, объявилъ ее господствующею, и направилъ всѣ земныя средства своей имперіи къ ея торжеству и власти.

Благоразумный политикъ понялъ, что принятіе новой вѣры требовало и новой столицы. Старый Римъ въ тѣ времена слишкомъ сжился съ язычествомъ и, казалось, не годился продолжать новое дѣло. Намъ русскимъ, по аналогіи съ собственной исторіей, представляющей цѣлый рядъ примѣровъ появленія новыхъ центровъ власти съ новыми поворотами въ народной жизни, понятна по домашнимъ опытамъ эта необходимость.

Константинъ избралъ для новаго Рима Византію. Превосходное мѣстоположеніе, пунктъ соединенія Азіи съ Европой, здоровый климатъ — все давало право этой новой колоніи Аѳинъ сдѣлаться новымъ центромъ обновленной христіанствомъ имперіи. Въ ней большинство жителей уже были христіане, и это, вѣроятно, особенно расположило императора предпочесть ее другимъ мѣстамъ. Сохранилось преданіе, что Византія просвѣщена была первозваннымъ апостоломъ Андреемъ, посѣщавшимъ послѣ того Синай и благословившимъ нашъ Кіевъ. Это преданіе долго составляло и теперь составляетъ славу нашей православной церкви и опору противъ притязаній Запада. Апостолъ Андрей былъ старшій братъ Петра и прежде послѣдняго призванъ Христомъ къ апостольству. Такимъ образомъ, по силѣ насажденія имъ сѣмянъ христіанства въ Византіи и въ Кіевѣ, старшинство все-таки остается за нами, православными, греками и русскими, а не за Римомъ и Западомъ, гдѣ опираются на историческое старшинство Петра. Понятно, что западные ученые старались и стараются заподозрить достовѣрность этого преданія, опираясь болѣе всего на томъ, что древніе писатели, какъ напр. Евсевій, а также Григорій Назіанзинъ, имѣвшіе поводъ говорить о судьбѣ Константинополя, не упоминаютъ о такомъ важномъ обстоятельствѣ. По преданіямъ, насчитывалось уже двадцать три епископа въ Византіи до Митрофана, бывшаго при Константинѣ Великомъ, признаваемаго первымъ архіепископомъ Константинограда (причисленъ къ лику святыхъ; память его празднуется

4 іюня). Историческія свидѣтельства о первыхъ константинопольскихъ владыкахъ, по принятіи Константиномъ христіанства, Митрофанѣ и Александрѣ, сбивчивы. Такимъ образомъ, когда одни (Георгій Амартолъ, Левъ Грамматикъ, Кедринъ, Глика) говорятъ о личномъ участіи Митрофана на первомъ вселенскомъ соборѣ, другіе (Геласій Кизикскій, Аполлинарій,—писатель, приводимый Фотіемъ и друг.) говорятъ, что самъ владыка не былъ на соборѣ, а посломъ его былъ священникъ Александръ, бывшій потомъ на его мѣстѣ; третьи (Ѳеофанъ и его комментаторы) говорятъ, что Александръ былъ уже во время собора владыкою. Даже о продолжительности правленія того и другого говорятъ разно: напр., Митрофану одни приписываютъ десять, другіе тринадцать, третьи только три года; Александру—одни двадцать три, другіе восемь, третьи семь лѣтъ. Въ епископское правленіе Александра совершено было торжественное освященіе Царяграда (11 мая 330) и объявленіе его столицею наравнѣ съ Римомъ, и, подобно древнему городу, онъ былъ раздѣленъ на четырнадцать частей. Съ тѣхъ поръ дворъ пребывалъ тамъ постоянно, и Константинополь сдѣлался столицей христіанскаго міра. Уже въ концѣ правленія Константина, церковь, едва умиротворенная, подверглась опять волненіямъ. Аріане пріобрѣли вліяніе при дворѣ Константина. Императоръ повелѣвалъ принять отверженнаго Арія въ лоно церкви; но Арій въ 336 г. скоропостижно умеръ, идучи въ церковь, въ которую его слѣдовало принять по волѣ императора. Это принято было за слѣдствіе молитвы Александра ко Господу. По многимъ свидѣтельствамъ, Александръ скончался въ слѣдующемъ году, 337. Въ тотъ же годъ умеръ и Константинъ [1]).

При Констанціѣ, сынѣ Константина, благопріятствовавшемъ аріанамъ, начались споры между православными и аріанами за владѣніе престоломъ. Аріане, покровительствуемые верховною властію, взяли верхъ и утвердили своего епископа Македонія на Константинопольской каѳедрѣ. Но скоро этотъ епископъ отступилъ отъ чистаго аріанства и началъ умствовать особо. За это аріане воздвигли на него гоненіе. Македоній, потерявъ расположеніе Констанція, оскорбившагося за перенесеніе праха его отца изъ церкви св. Апостолъ въ церковь Акакія, въ 360 году,

---

[1]) Трудно рѣшить, какіе храмы существовали въ это время въ новой столицѣ. По Евсевію, Константинъ воздвигъ великія церкви въ ней; важнѣйшая была церковь св. Апостоловъ, гдѣ покоились мощи апостола Андрея, Луки и Тимоѳея. Церковь св. Ирины, по Созонену, существовала за городомъ. Церковь св. Михаила. Церковь Софійская построена была уже послѣ Константина. Къ періоду четвертаго вѣка относятся церкви св. Мокія и св. Агаѳоника и св. Акакія.

на соборѣ, названномъ по имени церкви, гдѣ происходилъ, акакіанскимъ, былъ обвиненъ въ разныхъ преступленіяхъ и спасся бѣгствомъ изъ столицы. Этотъ человѣкъ оставилъ по себѣ новую секту духоборцевъ или полу-аріанъ, называемыхъ по имени его македоніянами.

Послѣ Македонія, до 370 года, въ продолженіе нѣсколькихъ царствованій, и въ томъ числѣ при Юліанѣ Отступникѣ, сидѣли на духовномъ престолѣ Константинополя еретики (Евдоксій, потомъ Диссофилъ). То была печальная эпоха для христіанской церкви. Современникъ Василій Великій, ставшій по смерти Аѳанасія дѣятельнѣйшимъ борцомъ православія, въ письмахъ къ западнымъ епископамъ изображалъ въ темныхъ краскахъ состояніе восточнаго христіанства. «Презрѣны отеческіе догматы и апостольскія преданія сочтены ни во что. Люди упражняются въ словоисхищреніяхъ. Для взаимной вражды, по разнымъ причинамъ, избираютъ орудіемъ своихъ видовъ религію, и притворяются будто враждуютъ между собою за религію, а на самомъ дѣлѣ дѣйствуютъ по другимъ своекорыстнымъ поводамъ. Другіе боятся уликъ въ гнусныхъ преступленіяхъ и возбуждаютъ народъ ко взаимнымъ дракамъ, подъ предлогомъ религіозныхъ вопросовъ укрывая собственныя дѣла во всеобщей бѣдѣ; такая война непримирима, ибо творящіе зло боятся всеобщаго мира, чтобы ихъ постыдная жизнь не показалась на свѣтъ.»

Такое состояніе церкви продолжалось до 378 года, когда Валентъ, врагъ православія, былъ убитъ въ войнѣ противъ готтовъ. Аріанство стало падать: во-первыхъ, по общему удѣлу религіозныхъ ученій, оно распадалось на секты и теряло черезъ то единство, а съ нимъ и силу; во-вторыхъ, аріанство приняли готты, тогдашніе враги имперіи, и политическая непріязнь къ нимъ соединилась съ непріязнью къ вѣрѣ, которую они исповѣдывали. Многіе изъ патріотизма отступали отъ аріанства. Православные жители столицы, разсѣянные, лишенные пастыря, бывшіе долго подъ гнетомъ и преслѣдованіемъ, собрались и призвали на епископство Григорія Назіанзина, жившаго въ уединеніи и оплакивавшаго тогда скончавшагося (1 янв. 379 г.) своего друга Василія Великаго. Въ простой молитвенной комнатѣ, нареченной именемъ Анастасіи (т. е. Воскресенія, ибо тамъ воскресло попранное православіе), Григорій говорилъ свои богословскія рѣчи, привлекалъ краснорѣчіемъ толпу слушателей, громилъ всѣ секты, на которыя разбилась оппозиція противъ православнаго ученія — евноміанъ, македоніанъ, аполлинаріевъ, фотиніанъ, новатіевъ; терпѣлъ оскорбленія: часто на него кидывали даже камни. Однажды толпа враговъ ворвалась въ мо-

дельню, разорила ее, онъ самъ едва спасся. По поводу происшедшаго безпорядка его привлекли къ суду, но онъ не устрашился, держался съ увѣренностію и одержалъ верхъ своимъ спокойствіемъ. Духъ раздѣленія такъ вкоренился въ нравы, что его небольшая паства стала раздѣляться. Явился коварный Максимъ Циникъ, державшійся, какъ говорятъ, аполлинаріевой ереси, вкрался въ довѣренность къ Григорію, прикинулся православнымъ, составилъ партію и объявилъ себя владыкою Константинопольскимъ, но былъ тотчасъ изгнанъ. Григорій, бывшій только блюстителемъ епископскаго престола, хотѣлъ было отказаться, но вѣрные удержали его и убѣдили остаться до собора, который долженъ будетъ разрѣшить недоразумѣнія въ церкви. Но тогда настало господство православія. Θеодосій Великій издалъ 27 февраля эдиктъ, которымъ объявилъ во всей имперіи единую вѣру, переданную апостоломъ Петромъ римлянамъ и проповѣданную папою Дамазомъ и Петромъ Александрійскимъ. 14 ноября того же года, онъ прибылъ въ Константинополь, предложилъ аріанскому епископу Димофилу или принять Никейское исповѣданіе или удалиться. Димофилъ, вмѣстѣ съ Люціемъ, аріанскимъ александрійскимъ епископомъ, уѣхалъ. Церкви отобраны были у аріанъ; имъ оставили однако одну, св. Мокія. Народъ просилъ Григорія быть владыкою. Святой мужъ отказывался, и неиначе соглашался, какъ тогда, когда всѣхъ епископовъ на то воля будетъ. Происки Максима, хотѣвшаго получить каѳедру, оставлены безъ вниманія.

Въ маѣ 381 г., созванъ былъ соборъ, получившій въ церковной исторіи названіе второго Вселенскаго. На него съ востока прибыло сто пятьдесятъ епископовъ; предсѣдательствовалъ Мелетій Антіохійскій. Шестьдесятъ шесть епископовъ, державшихся македоніанства, отказались признать Никейскій символъ и оставили столицу. Тогда, несмотря на желаніе многихъ, чтобы Григорій Назіанзинъ былъ епископомъ, онъ увидѣлъ около себя много противниковъ. Самъ папа Дамазъ неблаговолилъ къ нему по нерасположенію къ Мелетію Антіохійскому, котораго другомъ былъ Григорій. Египетскіе и македонскіе епископы были противъ него; онъ сложилъ съ себя санъ и удалился съ собора. «Я, какъ новый Іона — говоритъ онъ — хотя невиненъ въ волненіи моря, но для укрощенія бури, приношу себя въ жертву за корабль церкви». Ему въ преемники, по настоянію императора, назначили Нектарія изъ Тарса.

Въ теченіе IV вѣка, епископы константинопольскіе постепенно пріобрѣтали болѣе и болѣе вѣса и значенія въ ряду христіанскихъ владыкъ по своей близости ко двору и къ госуда-

римъ. Такъ какъ новый Римъ, Константинополь, стремился поставить себя наравнѣ со старымъ, сообразно этому и его духовные владыки стали стремиться возвысить свою власть. Съ другой стороны, старый Римъ не хотѣлъ покорно уступить своего историческаго старшинства, и его епископы не думали отречься отъ своего историческаго первенства предъ Константинополемъ. Григорій Назіанзинъ уже предвидѣлъ, какое зло могло произойти изъ мѣстничества епархій и честолюбивыхъ замысловъ владыкъ. «О, если бы — говоритъ онъ — не было никакого предсѣдательства, никакого первенства мѣстъ, никакихъ внѣшнихъ преимуществъ, если бы мы отличались другъ отъ друга только добродѣтелями! Это сидѣніе на-право, на-лѣво, по-срединѣ, выше и ниже, хожденіе впередъ и назадъ, не принося никакой пользы, причиняетъ много замѣшательствъ и ввергаетъ многихъ въ погибель» Но епископы константинопольскіе, имѣвшіе великое значеніе de facto, по праву были въ началѣ помощниками экзарха Ираклiи Θракійской. Въ древней церкви старѣйшинство епархій не сочеталось съ старѣйшинствами городовъ. Всѣ епископы были равные братія, и старѣйшинство безъ особыхъ правъ наблюдалось у нихъ по времени апостольскаго начала епархій; но такъ какъ апостолы, для удобства распространенія вѣры, основывали епископства въ большихъ городахъ, то сочетаніе между духовнымъ и гражданскимъ старѣйшинствомъ возникало само собою и вошло окончательно въ жизнь при христіанскихъ императорахъ. Во времена Никейскаго собора церковь раздѣлялась уже на три главныхъ митрополіи: римскую, антіохійскую и александрійскую, или на патріаршества. Въ свою очередь патріаршества дѣлились на митрополіи, обнимавшія нѣсколько епископствъ. Такъ, Египетъ, находившійся подъ главенствомъ александрійскаго патріаршества, дѣлился на три части или дікиза: Египетъ, Ливію и Пентаполисъ. Подъ властію Аθанасія Александрійскаго было уже до ста епископовъ; отношенія ихъ взаимной зависимости не вполнѣ ясны въ это время. Кажется, не было постоянной власти одного изъ епископовъ надъ про винціями, но распорядителемъ въ нихъ былъ старшій епископъ, хотя изъ одного примѣра видно, что епископство въ Птоломаидѣ, въ провинціи Пентаполисъ, имѣло достоинство митрополіи. О римскомъ патріаршествѣ есть очевиднѣйшія свѣдѣнія, что подъ начальствомъ римскаго папы были митрополиты, имѣвшіе подъ собою епископовъ. Такъ, Галлія была (по Евсевію) подъ первенствомъ митрополита ліонскаго Иринея; верхняя Галлія подъ первенствомъ Трирскаго; на островѣ Сардиніи и въ Миланѣ были епископы съ митрополитскою властью. То же извѣстно и объ

Антіохіи, ибо Василій Великій упоминаетъ объ иконійскомъ и никополійскомъ епископахъ, съ значеніемъ митрополитовъ, т. е. старшихъ надъ епископами. Три главныя митрополіи или патріаршества составляли іерархическій тріумвиратъ, руководили церковными дѣлами, сносились между собою и собирали соборы. Напр., когда въ 269 году собранъ былъ соборъ въ Антіохіи, то обратились къ римскому и александрійскому патріархамъ. Съ различными правами власти наречены были экзархами епископы Кесаріи Каппадокійской, Ефеса и Иракліи Ѳракійской, а въ Африкѣ карѳагенскіе. Первый между всѣми по старшинству считался римскій, и только на своемъ западѣ онъ былъ патріархомъ надъ епархіями. Митрополіи образовывались просто и естественно: великіе центры церковной жизни удерживали купы провинцій въ связи своимъ высокимъ церковнымъ значеніемъ. Рѣдки были внѣшніе знаки отличій, и немногіе хотѣли ихъ. Правила отцовъ служили руководствомъ; связь и единство между церквами не разрывали честолюбцы; въ письмахъ пастырей господствовалъ сердечный, простой, братственный тонъ, нарушаемый иногда только, какъ у Кипріана, догматическими убѣжденіями и чувствомъ полученной несправедливости. Расколы были только мѣстны, недолги, и принадлежали ко внутреннимъ явленіямъ въ церквахъ, а не раздѣляли церквей одна отъ другой. Не встрѣчались тогда примѣры неправильнаго вмѣшательства епископовъ въ чужую епархію, какъ бывало впослѣдствіи, не гонялись за внѣшними преимуществами, какъ бывало съ четвертаго вѣка. Клиръ и народъ были за одно съ епископомъ; императорскій дворъ не былъ цѣлью епископскихъ поѣздокъ; великолѣпіе свѣтскихъ почестей не отвлекало восточныхъ пастырей отъ пастырской должности и ея нелегкихъ обязанностей.

Первый, получившій на никейскомъ соборѣ почетное отличіе, былъ епископъ іерусалимскій; по важности занимаемаго имъ мѣста, ознаменованнаго страданіями Христа, прежде онъ зависѣлъ отъ кесарійскаго митрополита, и послѣ никейскаго собора пріобрѣлъ болѣе значенія и титуловался патріархомъ. Епископъ іерусалимскій вступилъ уже въ споръ съ митрополитомъ кесарійскимъ и домогался полной независимости. На константинопольскомъ соборѣ онъ честимъ былъ выше Геласія; Іерусалимъ—его епархія, назывался матерью всѣхъ церквей. Послѣ него, по времени, возвышался константинопольскій епископъ. Эпоха второго вселенскаго собора была временемъ важнаго усиленія константинопольскаго владыки. Этому помогло неблагопріятное отношеніе тогдашнихъ отцовъ къ александрійскому патріарху, который поддерживалъ Максима противъ любимаго и

уважаемаго Григорія Богослова. Поэтому отцы готовы были приложить свой голосъ къ тому, чтобы унизить Александрію и возвысить на ея счетъ Константинополь. Императоръ Ѳеодосій находилъ политически выгоднымъ поднять значеніе константинопольской епархіи, на которую могъ имѣть ближайшее вліяніе. Въ этихъ видахъ постановлено, что константинопольскій епископъ освобождался отъ зависимости Иракліи Ѳракійской (отъ которой онъ давно уже фактически былъ освобожденъ), получалъ управленіе ѳракійскимъ округомъ и почетъ передъ другими митрополитами, за исключеніемъ римскаго. Дальнѣйшій шагъ долженъ былъ заключаться въ подчиненіи азіатской и понтійской діикизій; экзархамъ оставался только титулъ. Антіохійскій патріархъ Флавіанъ, посвященный на этомъ соборѣ, не противился. Александрійскому Тимоѳею это было ударомъ, равно какъ и для всей его церкви, такъ что не только онъ, но и его противники протестовали противъ этого правила; впрочемъ, александрійскіе епископы не всегда были послѣдовательны въ этомъ отношеніи и допускали съ своей стороны шаги, показывавшіе ихъ признаніе преимуществъ Византіи. Римскій папа Дамазъ утвердилъ только постановленія противъ еретика Македонія, но какъ онъ, такъ и его наслѣдники удерживались отъ явнаго признанія правила, возвышавшаго константинопольскій престолъ. Въ Римѣ было преданіе, что оно и не было предоставлено папѣ, по крайней мѣрѣ Григорій Великій говорилъ объ этомъ ясно.

Нектарій, не смотря на то, что былъ человѣкъ неопытный, произведенный изъ свѣтскихъ, и даже не очень давно принялъ христіанство, но показалъ и ревность къ православію, и энергію, и практическій смыслъ. Хотя онъ и былъ преемникомъ живого Григорія, но сохранилъ съ нимъ короткія отношенія и пользовался его совѣтами. Онъ старался сойтись съ еретиками и мирно уладить волненія, отчего Григорій уговаривалъ его имѣть большую бдительность противъ аполлинаристовъ. Аріане его такъ ненавидѣли, что даже поджигали его домъ. Этотъ епископъ, съ своей стороны, значительно содѣйствовалъ возвышенію константинопольской епархіи тѣмъ, что при немъ начались постоянные соборы, такъ какъ многіе епископы за своими и за ихъ епархій дѣлами пріѣзжали въ столицу, другіе для того, чтобы снискать благоволеніе властей, а иные просили рѣшить свои споры, и такъ какъ ихъ было часто много въ городѣ, то Ѳеодосій, по ихъ дѣламъ, созывалъ изъ пріѣзжихъ туда случайно синоды подъ предсѣдательствомъ епископа константинопольскаго, что ему вполнѣ подобало, какъ мѣстному духовному начальнику. Эти

собранія, сначала случайныя, сдѣлались скоро постояннымъ учрежденіемъ, рѣшающимъ дѣла епископовъ: оно называлось *σύνοδος ἐνδημοῦσα*. Само собою разумѣется, что это возникшее, безъ особыхъ усилій, въ силу сцѣпленія вещей, учрежденіе очень много содѣйствовало возвышенію власти константинопольскаго епископа, предсѣдательствовавшаго на такомъ судебномъ собраніи.

Нектарій умеръ въ 397 г. Могучій тогда при дворѣ евнухъ Евтропій провелъ на константинопольское епископство уже знаменитаго своими проповѣдями антіохійскаго священника Іоанна, извѣстнаго подъ прозвищемъ Златоуста. Его противникомъ былъ александрійскій патріархъ Ѳеофилъ, стоявшій за первенство своей митрополіи передъ возвышающеюся византійскою, и хотѣлъ, чтобы посадили въ Константинополѣ его священника, но не успѣлъ въ этомъ. Іоаннъ дѣятельно продолжалъ дѣло усиленія константинопольскаго епископства. Онъ требовалъ покорности своей юрисдикціи отъ церквей ѳракійской и малоазійской, смѣнялъ и поставлялъ тамъ епископовъ. Этому способствовало уваженіе, которое питали къ личности архіерея. Такъ, по поводу возникшихъ безпорядковъ въ Малой Азіи, духовенство Ефеса само пригласило его установить рядъ; Іоаннъ ѣздилъ на мѣсто и тамъ собралъ изъ сосѣднихъ епископовъ соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ, и отрѣшилъ шесть малоазійскихъ епископовъ, обвиняемыхъ въ подкупахъ для полученія должностей своихъ (симоніи). Этотъ случай, вмѣстѣ съ другими, впослѣдствіи послужилъ въ пользу дальнѣйшаго возвышенія константинопольской каѳедры; на него ссылались какъ на примѣръ, показывающій, какъ еще въ то время архіереи константинопольскіе имѣли надзоръ и судъ надъ малоазійскою церковью.

Своими смѣлыми обличеніями современныхъ пороковъ, Іоаннъ нажилъ себѣ враговъ. Главнымъ врагомъ его была императрица Евдоксія; она воспользовалась непріязнію и завистью александрійскаго патріарха, имѣвшаго значительную за собою партію. Подъ предсѣдательствомъ Ѳеофила собралось сорокъ епископовъ на *синодъ подъ дубомъ*, и обвинили Іоанна въ томъ, что онъ вторгается въ чужія епархіи, и отрѣшили его. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ дѣйствовала съ одной стороны, зависть противъ возвышенія константинопольскаго архіерейства, а съ другой — угодничество двору. Слабый императоръ Аркадій не протестовалъ, но заступился за него народъ; его такъ любили, что въ городѣ боялись бунта, и это побудило Евдоксію и ея сообщниковъ уступить народному желанію и призвать снова его на епископство. Іоаннъ требовалъ великаго собора для своего оправданія, но пока со-

боръ могъ собраться, его партія, состоявшая изъ шестидесяти епископовъ, прибывшихъ въ столицу, востановила его въ достоинствѣ. Тогда враги его прибѣгли къ юридической уловкѣ. Существовало правило антіохійскаго собора, по которому нѣкогда низложенъ былъ Аѳанасій; сказано было, что епископъ, запрещенный соборомъ, не иначе можетъ получить вновь свой санъ, какъ будучи возведенъ другимъ соборомъ, а если онъ самъ осмѣлится принять безъ собора прежній санъ, то лишается сана навсегда. Но Іоаннъ справедливо возражалъ, что соборъ, на который противники стали ссылаться, былъ аріанскій, а слѣдовательно правило его не можетъ здѣсь приводиться. Онъ обратился къ суду римскаго папы. Туда же обратились и Ѳеофилъ съ своими единомышленниками. Папа Иннокентій I, въ качествѣ третейскаго судьи, требовалъ собранія собора, гдѣ бы въ равной степени участвовали съ восточными и западные епископы, и предлагалъ такой соборъ въ Римѣ, куда и звалъ епископовъ; между тѣмъ писалъ къ александрійскому патріарху, что онъ безъ основанія не долженъ прекращать общенія съ константинопольскимъ архіепископомъ. Но въ то время, когда въ Римѣ папа хлопоталъ за Іоанна, утѣшалъ его самого дружескими письмами и обращался съ просьбою о ходатайствѣ за него къ западно-римскому императору Гонорію,—враги Іоанна, побуждаемые завистью, къ величію Константинополя, александрійскаго патріарха, и мстительною Евдоксіею, которую мужественный и правдивый Іоаннъ не переставалъ обличать, подтвердили низложеніе Іоанна, посвятили вмѣсто него другого архіепископа Арзакія, брата Нектаріева. Іоанна, по приказанію императора, отправили въ ссылку, въ 404 году (9 іюня). Духовенство Константинополя было за него. Преподобный Нилъ, въ смѣлыхъ рѣчахъ, грозилъ Аркадію божіимъ гнѣвомъ. Папа и весь Западъ были за Іоанна. Но власть тогдашняго императора (не имѣвшаго лично никакой власти и зависѣвшаго отъ Евдоксіи), была такъ уважаема на Востокѣ, что ничто не помогло. Іоаннъ скончался въ заточеніи на берегу Эвксинскаго Понта, 14 сентября 417 года. Еще прежде него умеръ поставленный на его мѣсто соперникъ Арзакій, и въ другой разъ на его мѣсто поставили нѣкоего Аттика изъ Севасты, въ Арменіи. Этотъ архіепископъ правилъ своею паствою двадцать лѣтъ. Долго онъ долженъ былъ бороться съ многочисленною партіею почитателей памяти Іоанна. Самъ Аттикъ былъ его врагомъ и выпрашивалъ у императора строгіе эдикты о преслѣдованіи его приверженцевъ, а вслѣдствіе этого западная церковь, уважавшая Іоанна, не признавала Аттика законнымъ іерархомъ. Въ упорствѣ поддерживалъ Аттика Ѳеофилъ;

но когда послѣдній скончался (412), Аттикъ помѣстилъ имя Златоустаго въ диптикахъ на ряду съ другими владыками, и упросилъ преемника Ѳеофилова, Кирилла, возстановить память Іоанна и въ своей церкви. Тогда объявлено было полное примиреніе съ партіей Іоанна.

Подобно своимъ предшественникамъ, Аттикъ старался держать въ зависимости церковь ѳракійскую и малоазійскую, и выпросилъ у императора Ѳеодосія II законъ, по которому въ этихъ церквахъ епископъ не можетъ быть выбранъ безъ соизволенія и авторитета константинопольскаго собора или синода. Такимъ образомъ, этотъ константинопольскій соборъ, учрежденіе случайное, получилъ важное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣплялась и власть предсѣдательствующаго на немъ первосвященника. При Аттикѣ показались первые слѣды того спора, между константинопольскою и римскою церковью, которому суждено было впослѣдствіи развиться до такой важной степени. Не смотря на то, что по дѣленію, сдѣланному между своими сыновьями Ѳеодосіемъ Великимъ, иллирійская префектура, обнимавшая провинціи: Эпиръ, Ѳессалію, Ахаію и Македонію, т. е. большая часть нынѣшняго Балканскаго полуострова,—принадлежала восточной римской имперіи,—въ церковномъ отношеніи, эти страны подчинялись римскому первосвященнику, который поручалъ вмѣсто себя намѣстническую власть ѳессалоникскому епископу. Константинопольскіе архіепископы смотрѣли на это съ досадою, и въ 419 году возникъ поводъ къ столкновеніямъ. Иллирійскіе епископы были недовольны перемѣщеніемъ патрасскаго епископа въ Коринѳъ, и обращались съ этимъ къ викарію папскому (Руфу), а потомъ къ самому папѣ, а когда папа не призналъ ихъ возраженій законными, обратились къ Аттику, и, по распоряженію послѣдняго, устроенъ былъ соборъ въ Коринѳѣ. Папа считалъ вмѣшательство Аттика незаконнымъ, объявилъ соборъ, на которомъ обсуждалось дѣло, не дѣйствительнымъ и приказывалъ повиноваться своему прежнему рѣшенію. Константинопольскій архіепископъ выпросилъ у своего императора указъ, запрещавшій иллирійскимъ провинціямъ рѣшать важныя дѣла безъ вѣдома верховнаго пастыря церкви Константинополя, имѣющаго преимущества равныя привилегіямъ древняго Рима. Но папа Бонифацій I энергически приказывалъ подчиненнымъ себѣ духовнымъ Иллиріи ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ юрисдикціи апостольскаго престола, и побудилъ своего западнаго императора Гонорія написать къ восточному, своему племяннику, убѣжденіе измѣнить законъ, изданный по внушенію константинопольскаго іерарха. Ѳеодосій также легко уничтожилъ свое распоряженіе, какъ и

далъ его. Такимъ образомъ, первая попытка спора съ римскимъ первосвященникомъ для константинопольскаго архіепископства была неудачна, но она была началомъ ряда другихъ, и важна сама по себѣ тѣмъ, что впослѣдствіи первый эдиктъ императора о принадлежности Иллиріи Константинополю, былъ вписанъ въ кодексъ законовъ, а послѣдній, отмѣнявшій первый, остался въ забвеніи.

Аттикъ, извѣстный кромѣ того энергическими спорами съ разными еретиками, аріанами, новатіанами и другими, скончался въ 425 или 426 г. На мѣсто его былъ избранъ священникъ Созоній и скончался въ 427 г. Тогда на константинопольскомъ духовномъ престолѣ явился *знаменитый* (по ереси), въ исторіи церкви христіанской, Несторій, родомъ изъ Германики Антіохійской, посвященный въ апрѣлѣ 428 года, призванный въ столицу императоромъ, не хотѣвшимъ утвердить кандидатовъ, представленныхъ духовенствомъ, въ томъ числѣ Прокла, имѣвшаго въ столицѣ за собою значительное число сторонниковъ. Папа Целестинъ и александрійскій патріархъ Кириллъ признали Несторія безъ возраженій, не зная, что изъ него будетъ. Сначала новый архіепископъ оказался ревностнымъ преслѣдователемъ еретиковъ, аріанъ, македоніянъ, новатіанъ и другихъ, какъ вдругъ самъ увлекся существовавшею уже ересью Діодора Тарсійскаго и Ѳеодора Мопсуэстійскаго о воплощеніи, и вслѣдствіе этого началъ отбрасывать отъ имени Божіей матери эпитетъ Богородицы (*Θεοτόκος*) и признавать соединеніе двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ однимъ моральнымъ сочетаніемъ божества съ человѣкомъ Іисусомъ. Это надѣлало волненія. Въ Константинополѣ сталъ вооружаться противъ этого предназначавшійся на архіепископство Проклъ въ своихъ проповѣдяхъ; когда же ученіе Несторія, изложенное въ рѣчахъ, достигло Александріи, Кириллъ разбивалъ его несостоятельность въ своихъ поученіяхъ, писалъ къ Несторію, совѣтуя ему воздержаться и отречься отъ ошибочныхъ умствованій. Несторій отвѣчалъ ему высокомѣрно. Кириллъ обратился къ императору, его супругѣ, къ сестрѣ Пульхеріи, убѣждалъ не слушать лживыхъ умствованій константинопольскаго владыки, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдавался, по бывшимъ примѣрамъ, на судъ римскаго первосвященника въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Целестинъ, въ 430 году, созвалъ въ Римѣ соборъ, который оправдалъ Кирилла, вполнѣ обвинилъ Несторія, угрожалъ ему анаѳемой, если онъ въ теченіе десяти дней не принесетъ раскаянія. Дальнѣйшее дѣйствіе противъ еретиковъ предоставлено александрійскому патріарху, который собралъ соборъ, и на немъ

состоялись написанныя имъ 12 анаѳематизмъ на ученіе Несторія. Несторій имѣлъ партію при дворѣ и не повиновался; за него были нѣсколько епископовъ и самъ антіохійскій патріархъ Іоаннъ. Тогда Ѳеодосій II, не зная кого держаться, Несторія или православныхъ его противниковъ, назначилъ вселенскій соборъ въ Эфесѣ. Папа Целестинъ послалъ туда своихъ двухъ легатовъ и одного священника. Патріархъ антіохійскій медлилъ явиться. Самъ Несторій не явился и положился на своего *легата* Кандидіана. 22 іюня 431 г., Кириллъ съ двумя стами епископовъ началъ засѣданія безъ антіохійскаго патріарха, и скоро ученіе Несторія было осуждено, а на него самого возложено отлученіе и низложеніе. Но Іоаннъ антіохійскій прибылъ черезъ нѣсколько дней послѣ того съ своей партіей, сорока тремя епископами, составилъ противный соборъ и осудилъ Кирилла. Ѳеодосій не зналъ, что дѣлать; долго колебался, тѣмъ болѣе, что бывшій легатомъ изъ Константинополя Кандидіонъ представлялъ дѣло въ пользу Несторія; наконецъ, послѣ настоятельныхъ требованій сильной православной партіи въ столицѣ, предводимой тогда архимандритомъ Далматомъ, императоръ признаъ распоряженіе эфесскаго собора подъ предсѣдательствомъ Кирилла. Несторій былъ низложенъ и уѣхалъ въ Антіохію, гдѣ продолжалъ распространять ересь, но въ 435 г. его защитникъ, Іоаннъ Антіохійскій, отступилъ отъ него, примирился съ Кирилломъ; Несторія сослали въ Египетъ, къ его врагамъ, гдѣ онъ скоро умеръ, не покаявшись въ ереси.

Эфесскій соборъ, повидимому, возвысилъ значеніе постоянно соперничествующаго съ константинопольскимъ александрійскаго патріаршества, и понизилъ временно первое. Тѣмъ не менѣе, съ этихъ поръ, какъ мы видимъ, константинопольское архіепископство начинаетъ называться патріаршествомъ. При преемникѣ Несторія, старцѣ Максиміанѣ, бывшемъ на каѳедрѣ только два года, и при слѣдовавшемъ за нимъ Проклѣ (умеръ въ 446), не произошло ничего важнаго, кромѣ того, что Проклъ выпросилъ у Ѳеодосія перевезти тѣло Іоанна, лежащее еще въ Команѣ, мѣстѣ его заключенія, и положить въ церкви св. Апостоловъ. Было опять не большое столкновеніе съ папою за иллирійскія дѣла, и опять неудачное для константинопольскаго владыки. При преемникѣ Прокла, Флавіанѣ, человѣкѣ ученомъ, ревностномъ, православномъ и добродѣтельномъ, константинопольскій патріархъ началъ уже судить дѣла, принадлежавшія антіохійскому патріаршеству. Это было по поводу Эдесскаго епископа, обвиненнаго въ ереси, на котораго поступило обвиненіе разомъ и къ антіохійскому патріарху и къ императору. Императоръ по-

ручилъ разсудить дѣло константинопольскому патріарху, который созвалъ соборъ изъ епископовъ, по своему усмотрѣнію; впослѣдствіи на вселенскомъ халкидонскомъ соборѣ ссылались, какъ на законное распоряженіе, именно на это рѣшеніе константинопольскаго патріарха Флавіана и на распоряженіе благочестивѣйшаго императора. Замѣчательно, что, по мѣрѣ возвышенія константинопольскаго престола, патріаршество антіохійское, именно съ Іоанна, или съ Эфесскаго собора, начало терять свою силу и значеніе. Епископъ іерусалимскій, пользуясь этимъ, возвышается въ своемъ значеніи. На Востокѣ поднялась новая буря. Архимандритъ Евтихій впалъ въ ересь, составлявшую противоположную крайность несторіанской, и привязался къ ученію о единомъ естествѣ во Іисусѣ Христѣ. Архіерей константинопольскій осудилъ его на синодѣ (ἐνδημοῦσα), въ ноябрѣ 448 года. Но Евтихій имѣлъ за собою сильныхъ помощниковъ: его сторону принялъ тогдашній патріархъ александрійскій Діоскоръ, хотѣвшій во что бы то ни стало унизить константинопольскую каѳедру и возвысить свою, а на его сторонѣ былъ могучій любимецъ при дворѣ, евнухъ Хризаѳій, и императрица Евдокія, которая тогда хотѣла оттѣснить и удалить сестру и воспитанницу императора Ѳеодосія II, Пульхерію. Онъ хотѣлъ также склонить на свою сторону папу Льва Великаго и жаловался передъ нимъ на несправедливость къ нему Флавіана, обвинялъ своихъ соперниковъ въ несторіанствѣ. Но папа, разсмотрѣвши тщательно вопросъ этотъ, объявилъ Евтихіево ученіе невѣрнымъ и оправдывалъ приговоръ Флавіана, а между тѣмъ императоръ, державшій сторону Евтихія, назначилъ соборъ въ Эфесѣ для разрѣшенія спора. Евтихій самъ хотѣлъ этого, надѣясь, что подъ покровительствомъ императора и двора, ему удастся въ пользу свою составить между духовными сильную партію. Папа согласился на соборъ и отрядилъ туда двухъ своихъ легатовъ, но въ письмахъ своихъ уже изъявлялъ опасеніе, что выйдетъ дурно. Папа хвалилъ константинопольскаго архіерея и увѣщевалъ его стоять твердо за истинную вѣру. На собравшемся соборѣ, Діоскоръ, патріархъ александрійскій, увлекъ многихъ, а къ тому еще многіе склонялись къ ереси соблазняемые покровительствомъ императора, нѣкоторые обманывались. Противники Флавіана поставили вопросъ такъ, что идетъ дѣло объ истребленіи возродившагося несторіанства. Діоскоръ употребилъ все, чтобы Флавіанъ потерпѣлъ пораженіе: Евтихія слушали, его противникамъ не дали голоса и, по иниціативѣ Діоскора, многіе епископы подписали оправданіе Евтихія и осужденіе Флавіана. Папскихъ легатовъ также не послушали. Флавіанъ послѣ того умеръ. Но папа Левъ Великій

не оставилъ торжествовать ереси, собралъ, въ 449 г., въ Римѣ соборъ, объявилъ на немъ бывшій въ Эфесѣ соборъ «разбойническимъ», отвергъ постановленія его и произнесъ отлученіе на Діоскора и его соумышленниковъ, а Діоскоръ собралъ въ Никеѣ своихъ и произнесъ анаѳему на папу.

На константинопольскую каѳедру возвели Анатолія; человѣкъ этотъ былъ, повидимому, готовъ поддерживать дѣло александрійскаго патріарха и его ереси, но этотъ пастырь показалъ себя скоро не тѣмъ, потому что обстоятельства перемѣнились. Ѳеодосій умеръ. Правленіе досталось въ руки его сестры Пульхеріи: господство ея соперницы Евдокіи и эвнуха Хризафія кончилось. Пульхерія (съ обѣтомъ соблюдать дѣвство) вышла замужъ за полководца Маркіана, и эта царственная чета возстановила торжество православія на Востокѣ. Въ ноябрѣ 450 г., на соборѣ въ Константинополѣ, осудили евтихіанское ученіе. Анатолій показалъ себя ревностнымъ православнымъ; многіе епископы, уклонившіеся въ ересь по слабости, принесли раскаяніе. Императрица и супругъ ея назначили новый вселенскій соборъ. Папа былъ сперва противъ него; онъ находилъ соборъ ненужнымъ, потому что ересь сама собой уже уничтожилась; папа видѣлъ, что теперь сама собою возвышается власть римскаго первосвященника, умиротворившая въ бывшемъ смятеніи церковь, а новымъ соборомъ, конечно, постараются возвыситься другіе и ослабить примѣръ первенства папы. Но по усильнымъ просьбамъ императорской четы, римскій первосвященникъ согласился и отправилъ своихъ легатовъ. Собранные, въ 451 г., въ Халкидонѣ отцы, въ такомъ числѣ, какъ еще не бывало, осудили окончательно Евтихія, Діоскора и его приверженцевъ, и приняли догматическія посланія папы Льва. Здѣсь значеніе римскаго первосвященника проявилось какъ еще никогда; ибо, по стеченію самыхъ обстоятельствъ, онъ руководилъ всѣмъ, былъ первымъ между всѣми. Но константинопольскій патріархъ употреблялъ съ своей стороны все, чтобы возвысить свою каѳедру и противопоставить ее возрастающей власти Рима. 31 октября, константинопольскій легатъ Аэцій провелъ правило, по которому положено, что всякому епископу или духовному, въ случаѣ несогласія съ митрополитомъ своей провинціи, вольно обращаться къ экзарху своего діоцеза, или же прямо къ константинопольскому епископскому престолу, который имѣетъ право рѣшать споры. Такимъ образомъ, по этому правилу, византійскій духовный престолъ получилъ право не только распоряжаться зависимыми прежде отъ него экзархатами, но даже вмѣшиваться во внутреннія дѣла патріархій антіохійской и александрійской. Соб-

ственно это только узаконяло то, что уже бывало на дѣлѣ, ибо неоднократно, какъ выше замѣчено, дѣла, обращенныя къ императору, отдавались на рѣшеніе собора въ Константинополѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ мѣстный архіерей. Сверхъ того, подтверждалось уже существовавшее со второго собора (въ Константинополѣ) право—константинопольской каѳедрѣ считаться второю послѣ римской въ христіанской церкви. Ей предоставлялась власть назначать митрополитовъ въ трехъ экзархатахъ и посвящать всѣхъ епископовъ безъ исключенія въ варварскихъ земляхъ. Это достоинство давалось ей, какъ существующей въ новомъ Римѣ, что впослѣдствіи подало поводъ соперничеству Константинополя съ Римомъ въ духовномъ отношеніи; ибо приверженцы Константинополя понимали вопросъ такъ, что какъ скоро старый Римъ пересталъ быть резиденціею императоровъ, то всѣ привилегіи столицы переходятъ на новый Римъ. Знатнѣйшіе изъ іерарховъ, антіохійскій Максимъ и іерусалимскій Ювеналій, подписали это, ибо были покровительствуемы константинопольскимъ, особенно Ювеналій, получившій тогда же титулъ патріарха. Другіе архіереи легко согласились: одни, не видя здѣсь ничего для себя опаснаго, другіе, боясь за то, что участвовали сами въ незаконномъ соборѣ эфесскомъ, оправдавшемъ ересь. Но противились папскіе легаты и протестовали противъ рѣшеній собора. Анатолій старался просьбами склонить папу не противиться; за него просила императорская чета. Но папа, провидя, что изъ этого возвышенія на Востокѣ возникнетъ пониженіе собственной его римской каѳедры, былъ непреклоненъ, и имѣлъ то благовидное основаніе, что возвышеніе іерархіи, которая такъ близка къ императорскому двору, можетъ быть опасно по вліянію на всю церковь силою свѣтской власти. Случалось уже, что іерархъ, облеченный силою, задумывалъ ересь, склонялъ на свою сторону несвѣдущій въ дѣлахъ богословскихъ дворъ, и ересь расширялась; притомъ же не слѣдовало, какъ доказывалъ Левъ, смѣшивать духовнаго значенія съ мірскимъ. Константинополь есть только резиденція императоровъ, а не мѣсто апостольскаго сѣдалища; наконецъ, онъ указывалъ, что это возвышеніе противно правиламъ никейскаго собора, ибо оно подрываетъ значеніе Антіохіи и Александріи, первопрестольныхъ апостольскихъ мѣстъ. Анатолій долго не соглашался. Папа писалъ противъ него, возбуждалъ антіохійскаго и александрійскаго патріарховъ (Александрійскимъ поставленъ послѣ Діоскора—Протерій), убѣждалъ императорскую чету уговорить Анатолія. Нѣсколько лѣтъ шелъ споръ, въ продолженіе котораго Анатолій не объявлялъ писемъ папскихъ къ собору; наконецъ, въ 454 году,

папа примирился съ Анатоліемъ. Послѣдній увѣрялъ папу, что онъ чуждъ самолюбія и исканія почестей, въ чемъ его обвинялъ папа, сваливалъ все на константинопольское духовенство и отказался отъ 28 правила, дававшаго константинопольскому престолу мѣсто равное Риму, по значенію столицы. Впрочемъ, отъ этого дѣла не могли измѣниться, ибо на дѣлѣ каѳедра константинопольская все-таки оставалась со всѣми привилегіями столицы, ибо находилась въ столичномъ городѣ. Власть константинопольскихъ іерарховъ надъ экзархатами совершалась по прежнему. Въ этомъ случаѣ папѣ не было разсчета сильно вооружаться; онъ стоялъ только за права антіохійскаго и александрійскаго патріарховъ.

Послѣ смерти Маркіана и послѣдовавшей за нею смерти Пульхеріи, въ 457 году, императоромъ сдѣлался Левъ, также благочестивый, преслѣдовавшій еретиковъ. Патріархомъ послѣ Анатолія былъ благочестивый Геннадій, правившій 13 лѣтъ и утверждавшій православіе въ продолжавшейся борьбѣ съ монофизитами, а послѣ Геннадія, въ 471 году, Акакій, при которомъ насталъ первый формальный разрывъ съ римскимъ дворомъ, и двѣ іерархіи стояли враждебно другъ противъ друга, какъ представительницы двухъ верховныхъ духовныхъ властей, оспаривавшихъ другъ у друга первенство. Въ это время, въ Константинополѣ были смуты и перемѣны. Послѣ Льва I и его внука, сына его дочери, Льва II, захватилъ власть зять Льва I, Зенонъ, но скоро былъ свергнутъ братомъ второй жены Льва I, Василискомъ, который началъ покровительствовать монофизитамъ, возвратилъ изъ ссылки Тимоѳея Элура, лже-патріарха александрійскаго, еще при Анатоліи избраннаго еретиками вмѣсто убитаго ими Протерія, и посадилъ на александрійское патріаршество,— а другого еретика, Петра, посадилъ на антіохійское, и издалъ энкикліонъ, царскій указъ, отвергающій халкидонскій соборъ. Противъ этого своевольнаго поступка вооружились иноки: они явились во множествѣ изъ разныхъ мѣстъ въ столицу; въ челѣ ихъ былъ знаменитый въ свое время отшельникъ Даніилъ-Столпникъ. Они настойчиво требовали отмѣны своевольнаго указа; явленіе ихъ взволновало народъ, толпы пристали къ инокамъ. Императоръ долженъ былъ уступить и издалъ въ противоположномъ смыслѣ указъ (антиэнкикліонъ), но это не помогло ему: соперникъ его, Зенонъ, убѣжалъ изъ ссылки, овладѣлъ престоломъ, а Василиска сослалъ въ ссылку, гдѣ его предали смерти.

Возстановленіе Зенона казалось торжествомъ православія. Въ это время константинопольскій патріархъ началъ дѣлать

новые шаги къ рѣшительному достиженію первенства и къ подчиненію себѣ остальныхъ восточныхъ патріаршествъ. Поводомъ къ этому было сначала низверженіе еретическихъ патріарховъ, поставленныхъ тираномъ Василискомъ. Послѣ нихъ монофизиты хотѣли поставить своихъ сторонниковъ; патріархъ константинопольскій, дѣйствуя за-одно съ императоромъ, ставилъ православныхъ, и это поставленіе отъ руки его патріарховъ подчиняло послѣднихъ первому и поставляло въ зависимость ихъ патріаршества отъ константинопольскаго. Папа Симплицій сначала не протестовалъ, потому что поступки константинопольскаго патріарха извинялись неистовствами, которыя тогда происходили со стороны еретиковъ: подобно какъ прежде они поступили съ Протеріемъ въ Александріи, произошло тоже въ Антіохіи, гдѣ патріарха Стефана II утопили въ рѣкѣ Оронтѣ. Естественными казались строгія мѣры; но потомъ константинопольскій патріархъ Акакій сталъ продолжать тѣ же примѣры, и послѣ смерти поставленнаго имъ Стефана III, по своему произволу назначилъ, какъ бы въ издавна подвѣдомственную ему епархію, на антіохійское патріаршество Календіона, а потомъ, въ угодность императору, смѣнилъ его и поставилъ на мѣсто его прежде имъ же низложеннаго и обвиненнаго въ ереси Петра, а черезъ нѣсколько времени посадилъ на александрійскій престолъ Петра Монга, монофизита, который уже прежде, послѣ Элура, былъ избранъ монофизитами и низложенъ при торжествѣ православія. Самъ константинопольскій патріархъ, повидимому, поддавался ереси. Въ то время монофизиты дѣйствовали тайно, и не всегда объявляли себя тѣмъ, чѣмъ были, но увѣряя въ своемъ православіи, тѣмъ незамѣтнѣе проводили монофизитство. Акакій уговорилъ Зенона, мало понимавшаго въ тонкостяхъ вѣры, къ подобному шагу, который погубилъ Василиска — издать эдиктъ о вѣрѣ, гдѣ излагалось вкратцѣ православное ученіе, утвержденное на трехъ первыхъ вселенскихъ соборахъ, и гдѣ о четвертомъ не было ни слова. Этотъ эдиктъ, называемый энотиконъ, изданъ въ 482 году для священства и посланъ сначала въ александрійское патріаршество, а потомъ и въ другія. Кромѣ Петра Монга, участвовавшаго вмѣстѣ съ Акакіемъ въ этой продѣлкѣ, Мартирій Іерусалимскій, изъ страха предъ властью имптратора и патріархомъ, его подписалъ. То же сдѣлали и другіе многіе епископы. На этотъ разъ папа Феликсъ III вооружился противъ константинопольскаго патріарха, побуждаемый особенно другимъ претендентомъ на александрійское патріаршество Ѳалайею и многими духовными востока, не хотѣвшими принять энотикона. Онъ осудилъ константино-

польскаго патріарха и предалъ анаѳемѣ вмѣстѣ съ помогавшими ему патріархами. Въ вину ему поставлено, какъ то, что онъ посадилъ еретиковъ на каѳедры, такъ равно и то, что онъ вмѣшивался въ права и устройство другихъ патріаршествъ. Акакій не покорился собору въ Римѣ, не переставалъ священнодѣйствовать, объявлялъ себя православнымъ и приказалъ имя папы Феликса изгладить изъ диптиковъ (помянниковъ). Это былъ первый открытый разрывъ между западною и восточною церковью, довольно долгій; онъ продолжался съ 484 до 519 года. Никогда еще константинопольскій патріархъ не дѣйствовалъ такъ рѣшительно и не показывалъ такого примѣра на власть и значеніе.

Возвышенію константинопольской каѳедры и теперь, какъ и прежде, болѣе всего способствовала близость ко двору и неограниченная власть императора. Находясь вблизи двора, константинопольскіе іерархи пользовались почестями, какими другіе не имѣли случаевъ пользоваться; къ нимъ обращались цари за благословеніемъ въ важныхъ дѣлахъ; къ нимъ обращались и подданные съ просьбами о ходатайствѣ предъ царями. Въ религіозныхъ обрядахъ, императоръ благосклонно обращался къ патріарху, (какъ лицо свѣтское къ духовному). Патріархъ вѣнчалъ государя и слѣдовательно давалъ церковное освященіе его свѣтскому праву, а какъ въ Константинополѣ право вступленія не было обезпечено и утверждено строгими правилами и подвергалось коловратностямъ обстоятельствъ, то патріаршее посвященіе значило очень много для императора въ глазахъ народа. Узурпаторы, которыхъ такъ было много въ византійской исторіи, всегда спѣшили вѣнчаться на царство. Съ другой стороны, императоры, съ самаго царя Константина, привыкли назначать въ своей столицѣ епископовъ, такъ что, хотя и существовала форма выбора, но всегда былъ іерархомъ тотъ, кто заслуживалъ расположеніе императора. Иначе не могло быть въ странѣ, гдѣ власть монарха была неограничена. Надобно замѣтить, что въ тѣ времена уже константинопольскій іерархъ владѣлъ значительными богатствами и имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи большое разнообразное управленіе, ибо подъ вѣдѣніемъ церкви находилось попеченіе о бѣдныхъ, больныхъ, богомольцахъ, сиротахъ; кругъ вмѣшательства іерарховъ въ жизнь гражданъ былъ очень широкъ. Еще прежде халкидонскаго собора, установлены были правила для управленія церковными имуществами посредствомъ постановленныхъ экономовъ изъ священниковъ, находившихся подъ надзоромъ епископовъ. Ихъ было много, и главный надъ ними назывался великій экономъ; его

какъ бы помощникъ, главный надъ священниками назывался протопресвитеръ, а надъ діаконами и низшимъ духовенствомъ — архидіаконъ, который, какъ показывали случаи, удерживалъ свою должность и по посвященіи во священники. Затѣмъ слѣдовали: стенофилаксъ (блюститель ризницы), простонаріи — стражи или блюстители церквей, экдики — дѣловодители или повѣренные въ дѣлахъ церковныхъ, и дьяки. Уже въ то время существовали и были немаловажны синкеллы, приближенные и какъ бы домашніе секретари іерарховъ. У патріарха назывался онъ протосинкеллъ. Въ это время уже сильно развивалось монашество, и въ Византіи болѣе и болѣе возникали и возрастали монастыри, такъ, что изъ монаховъ уже посвящались епископы. Нѣкоторые монахи занимались исключительно воспитаніемъ юношества; вообще это было церковное дѣло. Уваженіе къ иночеству — отшельникамъ и подвижникамъ, распространилось при дворѣ. Къ столпникамъ и затворникамъ обращались за совѣтами въ дѣлахъ управленія. Многіе изъ важныхъ лицъ посвящались въ монашество, бывали примѣры и насильственныхъ постриженій лицъ, опасныхъ или неугодныхъ власти. Вообще Византія тогда изобиловала постояннымъ присутствіемъ въ ней духовенства; кромѣ живущаго въ городѣ, туда стекалось много изъ провинцій.

Преемникъ Акакія (умершаго въ 491 г.) и трехъ-мѣсячно за нимъ слѣдовавшаго Фавстя, Евѳимій, строгій православный, не ладилъ съ папою Геласіемъ, отказываясь изгладить изъ диптиковъ имя Акакія на томъ основаніи, что онъ отнюдь не былъ еретикъ и самимъ папою не признаваемъ былъ за такого, а осужденъ самовольно и неправильно. Со стороны папы шло дѣло не столько о виновности Акакія противъ вѣры, сколько о посягательствѣ на власть и первенство въ качествѣ константинопольскаго патріарха, изъ чего возникало столкновеніе съ властію папы. Замѣчательно, что въ спорахъ, бывшихъ по этому поводу, папа старался доказать, что константинопольское епископство отнюдь не имѣетъ права на первенство на томъ основаніи, что Константинополь есть резиденція императоровъ. Евѳимію приходилось защищать права той іерархіи, гдѣ онъ возсѣлъ, когда папа даже не хотѣлъ признавать его патріархомъ, а на соборѣ, 496 года, въ Римѣ, признавали только три бывшія издавна патріаршества, римское, антіохійское и александрійское. Патріархъ долженъ былъ дѣйствовать за одно съ императоромъ Анастасіемъ, который однако вовсе не былъ расположенъ къ нему лично, но стоялъ за первенство константинопольскаго архіерея противъ папы потому, что это значило

стоять и за власть императорскую. Онъ прервалъ съ папою всякія сношенія и запрещалъ своимъ сенаторамъ являться къ папѣ въ Римѣ. Самъ этотъ императоръ, возведенный по смерти Зенона вдовою послѣдняго Аріадною, наклонялся въ монофизитству, но принужденъ былъ, при своемъ вступленіи, признать халкидонскій соборъ, по настоянію Евѳимія. Въ 496 году, онъ обвинилъ нелюбимаго давно патріарха въ измѣнѣ и приказалъ преданнымъ себѣ епископамъ низложить его и сослалъ въ ссылку; на его мѣсто избранъ стенофилаксъ Македоній II, человѣкъ благочестивый. Анастасій потребовалъ отъ него подписи энотикона Зенонова, т. е. отреченія отъ халкидонскаго собора, но противъ этого возвысилось множество голосовъ монаховъ и даже монахинь. Евѳимій твердо стоялъ за православіе; ненавидимый народомъ Анастасій, явно покровительствуя монофизитамъ, долго не могъ ничего сдѣлать съ непреклоннымъ іерархомъ, потому что народъ любилъ его и готовъ былъ возстать за него. Не ранѣе, какъ въ 511 году удалось ему посредствомъ вѣрныхъ себѣ духовныхъ обвинить патріарха въ несторіанствѣ, искаженіи священнаго писанія и безнравственности, и сослать. На его мѣсто поставленъ Тимоѳей, по велѣнію императора; онъ въ угодничество Анастасію началъ дѣйствовать въ пользу монофизитовъ и преслѣдовать православныхъ. Это произвело возмущенія, сопровождаемыя пожарами и убійствами. Анастасій и его патріархъ притворились, будто они православные; императоръ, устрашенный возстаніемъ, публично соглашался даже оставить багряницу, но оставленный на престолѣ повѣрившимъ ему народомъ, началъ снова покровительствовать монофизитамъ. Тогда его полководецъ Виталіанъ, скиѳъ родомъ, возсталъ противъ него съ войскомъ, составленнымъ изъ гунновъ и болгаръ, и разбилъ войско императора. Анастасій долженъ былъ согласиться на возвращеніе изгнанныхъ православныхъ архіереевъ и на созваніе собора въ Ираклии подъ предсѣдательствомъ папы. Римскимъ первосвященникомъ былъ тогда Гормиздъ; онъ прежде всякаго собора послалъ къ императору требованіе отречься отъ всякихъ ересей и признать халкидонскій соборъ. Анастасій сначала увертывался, потомъ оказался снова рѣшительно враждебнымъ римскому первосвященнику. Такъ дѣло тянулось до 518 года, когда одинъ за другимъ умерли, сперва Тимоѳей патріархъ, а за нимъ и Анастасій.

Преемникъ Анастасія, Юстинъ I, возстановилъ православіе. Ему дѣятельно помогалъ новый патріархъ, преемникъ Тимоѳея, Іоаннъ II, бывшій синкелломъ при Тимоѳеѣ, хотя и подписавшій энотиконъ, но теперь объявившій себя ревностнымъ пра-

вославнымъ. Онъ торжественно призналъ халкидонскій соборъ, установилъ даже праздникъ въ честь его; перенесли тѣло изгнаннаго Македонія II, низложили монофизитскихъ архіереевъ, замѣстили православными и приступили къ примиренію съ Римомъ. Но папа упорно требовалъ осужденія не только Акакія, но и двухъ его преемниковъ, не смотря на то, что они пострадали за православіе. Послѣ долгихъ споровъ, легаты папскіе согласились только на то, чтобы имена двухъ преемниковъ Акакія не были помянуты въ церкви съ Акакіемъ, какъ осужденные, но не должны быть исключены изъ диптиковъ. Въ 519 г., на праздникъ пасхи, прочитано было примиреніе въ цекрви и полное признаніе халкидонскаго собора. Папскій формуляръ подписанъ былъ двумя съ половиною тысячами епископовъ.

Послѣ скоро умершаго Іоанна II, вступилъ на его мѣсто Епифаній. Онъ былъ въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ съ Гормиздомъ, который довѣрилъ ему отъ себя принимать кающихся епископовъ и судить по дѣламъ вѣры. Въ 525 году, этотъ папа, первый изъ всѣхъ папъ, ѣздилъ лично въ Константинополь съ тяжелымъ для него назначеніемъ хлопотать за свободу аріанъ въ имперіи; къ этому принудилъ его Теодорикъ готтскій. Онъ такъ дурно исполнилъ свое порученіе, что Теодорикъ послѣ того засадилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Находясь подъ властью аріанскихъ государей, преемники его теряли видимо свое значеніе, тѣмъ болѣе, что тогда еще, по смерти папы, происходили споры между кандидатами на папскій престолъ. Въ 527 году взошелъ на престолъ византійской имперіи знаменитый Юстиніанъ, племянникъ бывшаго императора Юстина.

Царствованіе этого государя было самое благопріятное для возвышенія константинопольскаго патріаршества, и самое неблагопріятное для папскихъ стремленій къ единовластію. До сихъ поръ папскій престолъ въ спорахъ съ Константинополемъ, безъ сомнѣнія, поддерживало то, что Римъ, гдѣ жилъ папа, не находился въ предѣлахъ императора византійскаго. Папы въ своихъ спорахъ могли дѣйствовать смѣлѣе и держаться независимаго положенія, пока существовала еще западная имперія и придавала духовной власти римскаго первосвященника земную опору. Если Константинополь былъ столицею, то и Римъ, кромѣ его духовнаго значенія, былъ также столицею. Но Италія пала во власть готтовъ; положеніе папъ подъ властію азіатскихъ государей стало стѣснительнымъ; сами папы искали тогда опоры въ императорахъ. Но когда Юстиніанъ освободилъ Италію отъ готтовъ и присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ; папскій духовный престолъ сталъ во владѣніяхъ императоровъ

наравнѣ съ константинопольскимъ; тогда и выборъ папы значительно сталъ зависѣть отъ императора, и поступки папъ должны были, болѣе чѣмъ прежде, соображаться съ силою императорской власти. Когда Велизарій взялъ Римъ, бывшій тогда папою Сильверій былъ сосланъ; на мѣсто его поставленъ папа Вигилій по волѣ императора. Самъ Юстиніанъ однако признавалъ, по старинѣ, первенство римскаго первосвященника между всѣми, а константинопольскаго считалъ вторымъ. Это значеніе послѣдняго существовавшее давно фактически, теперь же получило полную санкцію со стороны римскаго первосвященника, котораго предшественники неохотно его признавали. Оставляя за папою первенство и, считая константинопольскаго патріарха вторымъ, Юстиніанъ хотѣлъ быть первымъ надъ обоими, и чтобы не дать зазнаться римскому папѣ, покровительствовалъ расширенію власти и достоинства константинопольскаго патріарха. Епифаній вмѣшивался въ духовныя дѣла иллирійскаго діекиза, принадлежавшаго вѣдѣнію папы, низлагалъ и поставлялъ тамъ епископовъ. Преемникъ его (и недолго бывшаго послѣ Епифанія, обличеннаго въ ереси и низложеннаго Анѳима), Менналъ былъ слишкомъ кротокъ и неискусенъ, чтобы пользоваться удачно своимъ положеніемъ. По приказанію императора, онъ однако посвятилъ въ Константинополѣ, мимо папы, въ патріархи александрійскіе, оказавшагося впослѣдствіи неправославнымъ и низложеннаго. Ересь монофизитская не умирала, вела и при дворѣ свои интриги. Императоръ былъ строгій православный, но большой охотникъ вмѣшиваться въ богословскіе споры, и онъ считалъ себя ученымъ и знатокомъ церковной мудрости. Въ 544 году, онъ издалъ эдиктъ о трехъ главахъ, направленный противъ несторіанства. Но въ немъ начали видѣть противное халкидонскому собору и наклонность къ монофизитству, и по этому поводу возникли долгіе споры. Папа Вигилій сначала было сопротивлялся, но лишенный, по причинѣ новаго взятія готтами Рима, своего мѣстопребыванія, и находясь въ Константинополѣ, согласился и издалъ свой indicatum, осуждавшій, сообразно императорской волѣ, *три главы*, и по желанію императора налагавшій анаѳему на сочиненія Ѳеодора изъ Мопсуеста, Ивы и Ѳеодорита кирскаго. Но тогда многіе епископы на Западѣ протестовали противъ самого папы, а папа, по поводу обвиненія любимца императорскаго Ѳеодора Аскиды, былъ взятъ подъ стражу, но убѣжалъ въ Халкидонъ. Споръ по поводу «трехъ главъ» возбуждалъ противодѣйствіе со стороны западныхъ духовныхъ и самого папы въ вопросѣ о возможности произносить анаѳему на умершихъ, ибо сочинители писаній,

противъ которыхъ направлено было сочиненіе Юстиніана, давно уже отошли отъ сего міра. Въ 553 году, Юстиніанъ открылъ вселенскій соборъ, считаемый, по числу, пятымъ, гдѣ западныхъ архіереевъ было только шесть; папа не былъ представленъ, и предсѣдательство, по его убѣжденію, слѣдуемое ему, занималъ патріархъ константинопольскій, осудившій признаваемыя еретическими мнѣнія. Папа протестовалъ противъ анаѳемы лицъ, сочиненія которыхъ осуждались, тѣмъ болѣе, что находилось сомнѣніе въ дѣйствительной принадлежности обвиняемыхъ сочиненій Ѳеодориту и Ивѣ. Императоръ не сообщилъ о папской протестаціи собору и даже приказалъ исключить имя Вигилія изъ диптиковъ. Соборъ окончился 8-го іюня.

Вигилій, немного поупрямившись, покорился императорской волѣ и, 8-го декабря, прислалъ къ Евтихію съ своей стороны осужденіе трехъ главъ въ смыслѣ, признанномъ соборомъ, объявивъ при этомъ недѣйствительнымъ все, что самъ прежде говорилъ и дѣлалъ противъ этого. Такимъ образомъ, на этотъ разъ крѣпкая державная воля императора унизила римское первосвященство, такъ какъ оно еще никогда подобнаго не испытывало. Таже воля, въ то же время, еще болѣе возвысила константинопольское патріаршество: пятый вселенскій соборъ былъ чрезвычайно важнымъ событіемъ въ исторіи его возвышенія. Папа Вигилій не долго пережилъ это событіе, преемникъ его (съ 555 г.), Пелагій, былъ поставленъ по волѣ императора и старался угождать ему; но на Западѣ многіе епископы составили оппозицію противъ самовластія императора и духовнаго господства константинопольскаго патріаршества.

Самодержавный Юстиніанъ, возвышая константинопольскаго іерарха, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалъ значеніе столицы въ отношеніи благочестія постройкою церквей, обиліемъ духовенства и великолѣпіемъ богослужебныхъ обрядовъ. Важнѣйшимъ памятникомъ его была, конечно, безсмертная Софія, которая при немъ строена была дважды, и первый разъ такъ неудачно, что восточная часть, въ 559 году, обвалилась. Но обновленіе окончено въ 563 г., и тутъ отправлено было освященіе — праздникъ, котораго великолѣпіе осталось на многіе вѣка въ воспоминаніяхъ византійскаго міра. Въ этотъ вѣкъ, духовенства было такъ много въ Византіи, что къ одной Софіи принадлежало 458 духовныхъ лицъ; число это возрасло до 600 при преемникахъ Юстиніана. Кромѣ софійскаго храма, Юстиніанъ воздвигъ еще и другіе, и между ними знатнѣйшій былъ Богородицы-на-источникѣ.

Не смотря на множество духовныхъ, не прилагаемо было ста-

ранія къ просвѣщенію христіанствомъ малоазійскихъ народовъ, и тѣмъ самымъ къ соединенію ихъ съ государственнымъ тѣломъ имперіи. Лаская духовенство, возвышая константинопольскаго іерарха, самодержавный государь всегда верховнымъ начальникомъ духовенства хотѣлъ быть самъ, и хотя соблюдалъ внѣшнія права церковнаго самоуправленія, но поставилъ его такъ, что синоды, имъ собираемые, должны были зависѣть отъ воли государя. Такъ, въ 565 году, незадолго до своей смерти, не полюбился ему Евтихій за то, что не хотѣлъ согласиться съ новымъ императорскимъ эдиктомъ, касавшимся богословскихъ тонкостей. Императоръ собралъ соборъ, который, исполняя волю государя, низложилъ Евтихія и заслалъ его въ монастырь. На его мѣсто поставленъ былъ старецъ Іоаннъ II, прозванный за ученость схоластикомъ.

При зятѣ Юстиніана, назначенномъ послѣднимъ въ преемники, Юстинѣ II, Іоаннъ Схоластикъ скончался въ 577 году и на патріаршество призванъ былъ снова Евтихій изъ ссылки. По смерти его, при преемникѣ Юстина, умершаго въ 578 г., Маврикіѣ, имъ усыновленномъ, съ 588 по 596 г., былъ патріархомъ Іоаннъ, прозванный за свою строгую аскетическую жизнь Постникомъ, — человѣкъ энергическій, который началъ въ оффиціальныхъ бумагахъ придавать себѣ титулъ вселенскаго патріарха. Титулъ этотъ былъ не новостью; уже Юстиніанъ часто давалъ его константинопольскому іерарху, точно также какъ и другимъ патріархамъ давались подобные титулы; напр., о папѣ Львѣ Великомъ александрійскіе священники отозвались, какъ о вселенскомъ архіепископѣ и патріархѣ всего Рима, и другихъ называли вселенскими патріархами. Но послѣ пятаго вселенскаго собора, римскимъ іерархамъ казалось уже опаснымъ допустить этотъ титулъ за константинопольскими, которые теперь стали ихъ прямыми соперниками, тѣмъ болѣе, что названіе соборовъ *вселенскими*, въ смыслѣ ихъ высокаго законодательнаго значенія, давало слову «вселенскій» значеніе первоверховной власти. Папою избранъ былъ, послѣ Пелагія, также съ согласія императора (Маврикія), Григорій, прозванный Великимъ (590 г.). До какой степени поставленіе папъ зависѣло отъ императора, показываетъ письмо этого папы къ константинопольскому патріарху, гдѣ онъ говоритъ, что только по желанію сестры императора принялъ возлагаемое на него императоромъ бремя. Тѣмъ не менѣе, преданія о первенствѣ Рима были живы и составляли святыню для каждаго преемника папской власти. Григорій зналъ хорошо дворъ императорскій; до своего избранія онъ былъ апокризіемъ папскимъ (постояннымъ посланникомъ) при константинопольскомъ

патріархѣ, зналъ, что все зависитъ отъ императора, и выступилъ противъ константинопольскаго патріарха за его титулъ, стараясь склонить на свою сторону Маврикія и побудить его запретить константинопольскому патріарху это нововведеніе, какимъ оно ему казалось; онъ дѣйствовалъ на него посредствомъ своего апокризія Сабиніана (который, однако, находясь въ Константинополѣ долженъ былъ сообразоваться болѣе съ желаніемъ императора, чѣмъ папы), писалъ къ императрицѣ, убѣждалъ самого Іоанна во имя христіанскаго смиренія снять этотъ титулъ: ничто не помогло. Онъ жаловался на притязанія константинопольскаго іерарха и александрійскому (Евлогію) и антіохійскому (Анастасію) патріархамъ, и старался, для показанія своей власти, противодѣйствовать константинопольскому патріарху въ его рѣшеніяхъ; такъ напр., онъ оправдалъ обвиненнаго въ ереси константинопольскимъ патріархомъ халкидонскаго священника Іоанна. Императоръ Маврикій, какъ и константинопольскій патріархъ, по старинѣ, признавали номинальное первенство римскаго епископства, но тѣмъ не менѣе императору не было выгодно допустить это первенство до власти, и казалось безопаснѣе, если константинопольское патріаршество будетъ выше всѣхъ, и на дѣлѣ будетъ пребывать зависимо отъ императоровъ. Давая значеніе своему патріарху, императоръ тѣмъ самымъ могъ держать церковное управленіе въ рукахъ своихъ. Вѣроятно, и самъ Іоаннъ, человѣкъ умный и чрезвычайно святой жизни, руководствовался здѣсь политическими соображеніями о крѣпости и единствѣ государства, а никакъ не собственною склонностью къ почестямъ. Власть императора надъ Италіей была уже потрясена основаніемъ лонгобардцами царства на сѣверѣ Италіи. Папа могъ быть подъ вліяніемъ чужихъ, непріязненныхъ имперіи силъ, а потому было политически благоразумнѣе, чтобы власть церкви въ имперіи сосредоточивалась поближе къ средоточію гражданской власти, поближе къ императорскому двору. Папа ничего не могъ сдѣлать. Преемникъ Іоанна, Киріакъ (596 г.), продолжалъ носить титулъ вселенскаго.

При этомъ патріархѣ византійское государство перенесло ужасный ударъ. Добродѣтельный Маврикій былъ (въ 602 году) свергнутъ и убитъ разомъ со своими дѣтьми. Похититель Фока былъ коронованъ Киріакомъ; это былъ образчикъ, какъ легко въ Византіи было утвердиться незаконнымъ похитителямъ и пріобрѣтать освященіе своего похищенія. Похититель вошелъ въ добрыя отношенія съ папою, и въ Италіи къ нему гораздо болѣе благоволили чѣмъ въ Греціи, такъ что въ Римѣ воздвигли въ честь ему столбъ. На востокѣ, въ его восьмилѣтнее царство-

ваніе, ослабѣли связи порядка, и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудились религіозныя волненія. Не только сектанты, но и нехристіане, а главное евреи, поднялись противъ церкви. Въ Антіохіи умертвили они патріарха Анастасія; въ Александріи передъ тѣмъ умерщвленъ былъ патріархъ Θеодоръ. Изъ Іерусалима патріархъ Исаакій былъ изгнанъ.

Въ 610 году, похититель византійскаго престола былъ низвергнутъ и казненъ полководцемъ Иракліемъ, вступившимъ послѣ него на престолъ.

Царствованіе Ираклія, сначала несчастливое по причинѣ пораженія отъ персовъ, впослѣдствіи счастливое по причинѣ побѣдъ его надъ ними, не могло удержать начинавшагося со смерти Маврикія паденія имперіи. Явился Магометъ, а за нимъ завоевательное движеніе арабовъ. Египетъ, Палестина, Сирія были потеряны для имперіи. Въ это время восточная церковь опять стала раздираться новымъ еретическимъ ученіемъ — это была ересь монофелитовъ, видоизмѣненіе монофизитства. Начало ея произошло при Ираклiѣ и при патріархѣ Сергіѣ и его преемникѣ Θомѣ; первое ея проявленіе было въ письмахъ между патріархомъ и Θеодоромъ, епископомъ фаранскимъ. Патріархъ, думая примирить монофизитство съ господствующимъ ученіемъ, началъ проводить ученіе, что въ Христѣ было хотя двѣ природы, но единая воля и единый образъ дѣйствія. Это образовало въ церкви два противоположные лагеря. Папа Гонорій, (болѣе по неразмышленію, чѣмъ по убѣжденію), присталъ къ патріарху Сергію. Императоръ Ираклій былъ также покровителемъ этихъ толковъ. Послѣ многихъ ученыхъ споровъ, въ 638 году, императоръ обнародовалъ составленный Сергіемъ эктезисъ, которымъ запрещалось по всей имперіи толковать о двухъ способахъ дѣйствія въ лицѣ Іисуса Христа и признавалась въ немъ единая воля. Послѣ смерти патріарха Сергія (638 г.), его преемникъ Пирръ былъ также монофелитъ. Ученіе это принято было всѣми восточными патріархами и казалось уже торжествующимъ, но на Западѣ нашло сопротивленіе. Папа Северинъ и за нимъ Іоаннъ IV (641) рѣшительно отвергали эктезисъ. По смерти Ираклія, Пирръ подозрѣвался въ соучастіи съ царицею въ убійствѣ ея пасынка, и принужденъ былъ оставить свой санъ. На его мѣсто при императорѣ Константѣ, внукѣ Ираклія (642—668), поступилъ патріархъ Павелъ III (648—655); онъ былъ сторонникомъ монофелитства, хотя и увѣрялъ, что строго держится правилъ прежнихъ соборовъ и старался доказывать, что ученіе монофелитское строго согласно съ православнымъ; наконецъ, чтобы успокоить и умиротворить разгоряченные умы, по его настоянію,

Константъ издалъ эдиктъ, подъ названіемъ типосъ, замѣнявшій эктезисъ его дѣда; здѣсь запрещалось толковать не только о двухъ или объ одномъ способѣ дѣйствія, но также и о двухъ или объ одной волѣ. Но такой путь, не могъ уже привести къ успокоенію. Православные видѣли въ этомъ хитрое намѣреніе безпрепятственно проводить ересь въ то время, когда нельзя будетъ обличать ея расширенія. Папа Мартинъ I, въ 649 г., на латеранскомъ соборѣ, состоявшемъ изъ 105 епископовъ, отвергъ типосъ, предалъ отлученію іерарховъ и епископовъ, живыхъ и умершихъ, виновныхъ въ монооелитствѣ, смѣстилъ въ своемъ иллирійскомъ діоцезѣ солунскаго архіепископа; но съ императоромъ еще трудно было тягаться римскому первосвященнику; папа все еще былъ его подданный. По приказанію императора, экзархъ, намѣстникъ императорской власти въ Италіи, Өеодоръ Калліописъ, въ 653 году, взялъ папу и отправилъ въ Константинополь; тамъ его обвинили въ государственной измѣнѣ и мнимыхъ сношеніяхъ съ сарацинами и отправили, въ 654 г., въ ссылку въ Херсонесъ, гдѣ на другой годъ онъ умеръ. Въ давно начатомъ спорѣ Рима съ Константинополемъ, въ церковномъ отношеніи, это былъ одинъ изъ моментовъ торжества Константинополя. Преемники Сергія—Пирръ, возстановленный снова и черезъ четыре мѣсяца скончавшійся, а за нимъ Петръ, были монооелиты. Преемникъ Мартина на папскомъ престолѣ, Виталіанъ, не объявляя себя совершенно за типосъ, не противодѣйствовалъ его распространенію и ладилъ съ императоромъ. Въ 668 году, императоръ былъ убитъ въ Сициліи. Сынъ его Константинъ Погонатъ (бородатый) объявилъ себя рѣшительно за православіе. Три патріарха, послѣ Петра, одинъ за другимъ (Өома II, Іоаннъ V и Константинъ) были православные, но слѣдующій за ними Өеодоръ показывалъ колебаніе. Онъ былъ низложенъ, и его преемникъ Георгій, хотя былъ прежде монооелитъ, но предъ принятіемъ каоедры объявилъ себя православнымъ. Императоръ Константинъ заявилъ мысль о необходимости созвать вселенскій соборъ и сообщилъ ее папѣ Агаоону. Этотъ соборъ послѣдовалъ, въ 688 г., подъ предсѣдательствомъ папскаго легата, въ Константинополѣ и названъ трулльскимъ, по имени сводообразной залы во дворцѣ, носившей названіе Трулль. Онъ продолжался почти годъ, и осудилъ монооелитство окончательно, возложивъ отлученіе на его послѣдователей. Константинопольская каоедра на этотъ разъ должна была чувствовать нѣкоторое униженіе, когда цѣлый рядъ занимавшихъ ее патріарковъ разомъ, по опредѣленію вселенскаго собора, исключался изъ диптиковъ, и Георгій не настаивалъ, чтобы воздержались отъ произноше-

нія анаѳемы на его предшественниковъ; онъ могъ утѣшиться только тѣмъ, что и на одного изъ іерарховъ соперничествующаго Рима, на Гонорія, наложена анаѳема.

Императоръ Константинъ возстановилъ доброе согласіе съ Римомъ и съ Западомъ, и дозволилъ при патріархѣ быть папскому апокризію, чего уже не было, со времени ссылки Мартина. Константинъ столько оказывалъ уваженія къ римской каѳедрѣ, что дозволилъ даже, при выборѣ новаго первосвященника, посвящать его прежде утвержденія императоромъ.

Моноѳелитство было побѣждено, но въ то же время являлась другая, еще болѣе враждебная православію — секта павликіанъ. Въ 684 году, ея глава Константинъ Сильванъ, послѣ двадцатисемилѣтней дѣятельности, былъ обезглавленъ; но секта отъ этого не была истреблена, и ей суждено было со временемъ волновать и потрясать государство.

При наслѣдникѣ Константина, Юстиніанѣ II, былъ, въ 692 г., соборъ въ той же Труллѣ, установившій дополнительныя правила ко вселенскому собору, носившему названіе трулльскаго; онѣ касались духовной дисциплины. Эти правила способствовали въ послѣдствіи образованію распри между Западомъ и Востокомъ. Восточная церковь считаетъ ихъ принадлежащими къ шестому вселенскому собору; нѣкоторые смѣшивали даже этотъ соборъ со вселенскимъ; другіе, хотя извѣщаютъ, что правила эти постановлены послѣ, но считаютъ ихъ принадлежащими нераздѣльно къ вселенскому собору, на томъ основаніи, что тѣ же отцы, которые были на вселенскомъ соборѣ, въ большинствѣ постановили и эти правила, и притомъ апокризій римскаго первосвященника и епископы, носившіе званіе легатовъ папскихъ, ихъ утвердили. Папа Сергій отказался утвердить ихъ. Императоръ приказывалъ его схватить и привезти въ Константинополь, но войско и народъ не дали его. Юстиніанъ во чтобы ни стало готовился его принудить, но въ это время съ нимъ случилось несчастіе. Поссорившись съ преемникомъ Павла (умершаго въ 673 году), Каллимахомъ, бывшимъ стенофилаксомъ Влахернской церкви, императоръ, знавшій о враждѣ къ себѣ въ городѣ и подозрѣвавшій, что существуетъ заговоръ и участвуетъ въ заговорѣ патріархъ, хотѣлъ съ нимъ раздѣлаться, но патріархъ, защищая себя и другихъ, возстановилъ народъ противъ императора. Юстиніану обрѣзали носъ, урѣзали языкъ и сослали въ Херсонесъ. Патрицій Леонтій овладѣлъ престоломъ, и черезъ три года, въ 698 г., подобно своему предшественнику, потерялъ и скипетръ и носъ. За нимъ овладѣлъ престоломъ Тиверій, именовавшійся вторымъ; но черезъ семь лѣтъ, (705) сосланный и

искалеченный Юстиніанъ, съ помощію болгаръ, овладѣлъ опять престоломъ, казнилъ Тиверія и ослѣпилъ враждебнаго ему патріарха, приказавъ на его мѣсто выбрать пустынножителя Кира изъ Анатоліи. Возстановивши свою власть, Юстиніанъ началъ снова стараться принудить Римъ признать правила собора 698 года, въ единствѣ вселенскаго собора. Папа Іоаннъ VII, по его призыву, явился въ 710 году въ столицу и былъ принятъ съ большимъ уваженіемъ. Ученые римско-католической церкви толкуютъ, что папа, въ это время дѣйствовавшій съ своимъ ученымъ діакономъ Григоріемъ (послѣ него бывшимъ папою), не призналъ всѣхъ правилъ, которыя требовалъ признать императоръ, а только нѣкоторыя; но по всему видно, что папа сдѣлалъ все угодное, ибо воротился въ Римъ благополучно, чего бы не допустилъ императоръ, въ случаѣ упорства. Дѣло въ томъ, что въ этихъ правилахъ заключались постановленія, противныя принятымъ западною церковью обычаямъ, которые сдѣлались въ послѣдствіи спорными пунктами между церквами. Важнѣйшимъ было дозволеніе посвящавшимся во священники оставаться съ женами, тогда какъ въ западной церкви вошло въ обычай быть священникамъ безженными. Кромѣ того, соборъ принялъ 85 апостольскихъ правилъ, тогда какъ на Западѣ признавали только 50, и въ новопринятыхъ заключались постановленія, противныя обычаямъ западнаго благочестія. Такъ, въ правилахъ, принятыхъ соборомъ, запрещалось поститься въ субботу, а на Западѣ вошелъ въ обычай субботный постъ. Эти правила, коснувшись обычаевъ западныхъ, коснулись и армянъ, запрещали употребленіе нераствореннаго водою вина въ эвхаристіи, яденіе яицъ въ воскресные дни четыредесятницы, ограниченіе пріема въ клиръ священническими дѣтьми и приношеніе мяса въ церковь. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что въ послѣдствіи, во время борьбы противъ иконоборцевъ, сами папы ссылались на правила этого собора, какъ вселенскаго. Слѣдовательно, Римъ тѣмъ самымъ лишилъ себя права не признавать ихъ принадлежащими вселенскому собору.

Юстиніанъ II недолго усидѣлъ на вновь пріобрѣтенномъ престолѣ. Въ 711 году, его низвергъ и приказалъ умертвить Филиппикъ Варданъ, и самъ сдѣлался императоромъ. Онъ былъ ученикъ знаменитѣйшаго изъ еретиковъ, Макарія антіохійскаго, и первымъ дѣломъ его, по вступленіи, было объявить уничтоженіе шестого вселенскаго собора и господство монофелитства. Патріархъ Киръ воспротивился; его прогнали и заключили въ монастырь. Избранный на его мѣсто Іоаннъ VII (изъ діаконовъ) согласился притворно на все. Собранъ былъ вновь соборъ: епи-

скопы отъ страха подписали все, чего требовалъ императоръ. Сожжены были акты шестого собора. Немногіе упорствовали. Папа Константинъ, къ которому послали требованіе, былъ далеко отъ императора, могъ удобнѣе противиться, и объявилъ еретикомъ императора. Черезъ три года (713), взбунтовалось войско, убило тирана и возвело на его мѣсто государственнаго секретаря Артемія, подъ именемъ Анастасія II, человѣка крѣпкаго въ православіи. Тогда патріархъ Іоаннъ VII тотчасъ объявилъ, что по-неволѣ исполнялъ требованія Вардана, и, въ своихъ оправдательныхъ письмахъ къ папѣ, увѣрялъ, что сдѣлалъ такъ потому, чтобы не дать константинопольскаго патріаршества какому нибудь отъявленному еретику, но самъ онъ скрылъ экземпляры шестого вселенскаго собора, находившіеся въ патріаршествѣ и не далъ ихъ сжечь, какъ этого требовалъ императоръ. Свой поступокъ онъ оправдывалъ благоразуміемъ и ссылался на поступокъ Аарона, который будтобы потакалъ идолослужащему еврейскому народу и за то не былъ наказанъ Богомъ, даже не лишился своего первосвященническаго достоинства. Недолго, впрочемъ, довелось пожить этому уклончивому іерарху; въ 715 году, его уже не стало, и вмѣсто его назначенъ Германъ, сынъ казненнаго при Погонатѣ патриція, епископъ изъ Кизика. Хотя и было встарину запрещено переводить архіеревъ изъ однихъ епархій въ другія, но уже это случалось не впервые. Новый патріархъ былъ искренній православный. Его первымъ дѣломъ было собрать соборъ и объявить анаѳему монофелитамъ.

Расшатанная имперія все болѣе и болѣе теряла внутреннюю и внѣшнюю силу; не было прочной власти, не было права на престолъ; честолюбцамъ и интриганамъ было удобно. Анастасій былъ низвергнутъ и постриженъ Ѳеодосіемъ III, а съ Ѳеодосіемъ тоже сдѣлалъ полководецъ Левъ Исаврянинъ. Арабы угрожали стѣнамъ столицы. Они заняли много мѣстъ въ Малой Азіи. Но несчастіе имперіи и потеря областей возвышали однако положеніе патріарха константинопольскаго, вмѣсто того, чтобы понижать его. Патріархи александрійскій и антіохійскій сдѣлались подданными мусульманъ въ опустошенной странѣ. Они уже не имѣли значенія и силы, и жили милостынею отъ Константинополя. На Востокѣ остался одинъ сильный патріархъ, и не было ему ни равнаго, ни соперника, кромѣ папы римскаго. Между ними принималъ болѣе и болѣе значенія вопросъ: кто изъ нихъ долженъ быть выше въ церкви, — пастырь стараго или новаго Рима?

Съ императоромъ Львомъ III (Исавряниномъ), начинается шумная и знаменательная эпоха иконоборства, волновавшая Во-

стокъ цѣлое столѣтіе. Почитаніе образовъ было издавна въ обычаѣ въ церкви. Если объ этомъ не толковали прежде, то оттого, что не возникало вопроса: нужно ли ихъ почитать, а просто почитали ихъ. Первый, поднявшій этотъ вопросъ, былъЛевъ III. Георгій Амартолъ, и за нимъ другіе историки, приписываютъ это явленіе вліянію іудеевъ, которые еще прежде поджигали магометанъ къ истребленію христіанъ, указывая, что они, поклоняясь иконамъ—идолопоклонники; говорятъ, въ молодости евреи предсказали Льву престолъ, обязавши его, когда онъ сдѣлается императоромъ, ниспровергнуть иконы. Должно быть распространеніе мусульманства, ненавидѣвшаго иконопоклоненіе, способствовало появленію вопроса объ иконахъ. На Востокѣ, Левъ нашелъ уже между духовными лицъ, которыя прежде его касались этого вопроса. Таковъ былъ Константинъ, епископъ въ Никомидіи, во Фригіи, учившій не кланяться иконамъ, но въ Константинополѣ, предъ патріархомъ Германомъ, притворно отрекшійся отъ своего заблужденія. Кромѣ его, видамъ Льва способствовали эфесскій архіепископъ Θеодоритъ и клавдіопольскій епископъ Θома. Халифъ Омаръ I (717—720) пытался съ другой стороны привлечь императора къ вѣрѣ пророка. Левъ, видя печальныя послѣдствія борьбы съ магометанствомъ, замѣчалъ, что важнѣйшая причина вражды мусульманъ къ христіанамъ заключается въ поклоненіи образамъ, которое казалось мусульманамъ идолопоклонствомъ, а они, по принципу корана, должны были вести непримиримую войну съ идолопоклонствомъ. Левъ былъ человѣкъ рѣшительный, и когда что дѣлалось не такъ, какъ ему хотѣлось, то онъ не останавливался ни предъ какими мѣрами, а наведеніе страха считалъ самою дѣйствительною. Хотя враги его увѣряли, что онъ былъ подъ вліяніемъ евреевъ, но Левъ показалъ противное. Въ 722 году, онъ началъ принуждать евреевъ силою къ крещенію. Столь же свирѣпо онъ поступалъ съ магометанами и манихеями. Многіе, чтобъ избавиться отъ суровости императора, прибѣгали къ самоубійству.

Противъ извѣстія о томъ, что онъ былъ настроенъ еще до своего воцаренія, повидимому, говоритъ то, что первыя десять лѣтъ Левъ не дѣлалъ ничего противъ православія. Онъ находился въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ и съ папою Григоріемъ II, и съ патріархомъ константинопольскимъ Германомъ, который крестилъ и вѣнчалъ на царство сына его Константина (прозваннаго впослѣдствіи Кавалиномъ и Копронимомъ, т. е. гнойнымъ); въ 726 году, явился вдругъ эдиктъ, не дозволявшій ставить образовъ и держать на улицахъ. Поводомъ къ этому послужило землетрясеніе и вулканическое изверженіе между островами Θе-

рою и Өеразіею, объясняемое врагами иконъ—божіимъ напоминовеніемъ идолопоклонникамъ. Потомъ онъ собралъ духовныхъ и богослововъ и представилъ имъ на разсмотрѣніе свое мнѣніе о необходимости уничтожить поклоненіе иконамъ, какъ идолопоклонство. Патріархъ Германъ возражалъ ему. Императоръ, недовольный имъ, обратился къ папѣ. Папа также отвергъ его предложеніе. «Догматы св. церкви —писалъ папа императору — не дѣло царей, а дѣло епископовъ. Такъ какъ епископы, сообразно своему назначенію, удаляются отъ вмѣшательства въ мірскія дѣла, такъ равно и цари должны не мѣшаться въ дѣла духовныя, а соблюдать то, что имъ повѣрено».

Разсерженный императоръ написалъ къ папѣ: «Прикажу разрушить въ Римѣ изображеніе св. Петра, и папу Григорія привести плѣнникомъ, какъ нѣкогда сдѣлалъ Константъ съ Мартиномъ». Папа отвѣчалъ: «Весь Западъ обращаетъ очи на наше смиреніе, хотя и не по достоинству нашему; не имѣю нужды съ тобою сражаться; стоитъ уйти на 24 стадіи въ Кампанію, и тогда ищи вѣтра въ полѣ! А образъ Петра, что ты грозишь разорить, весь Западъ почитаетъ, какъ образъ святыни на землѣ, и если ты на это покусишься, то западные народы въ состояніи будутъ отомстить тебѣ за угнетаемыхъ тобою восточныхъ. Константъ пріялъ худой конецъ, а Мартинъ прославленъ какъ святой». Это появленіе иконоборства на Востокѣ и твердое пребываніе Запада въ православныхъ преданіяхъ способствовало къ дальнѣйшему расширенію пропасти, которая уже образовывалась между Востокомъ и Западомъ. При преемникѣ Григорія II, умершаго въ 731 году, папѣ Григоріѣ III, императоръ отнялъ отъ папскаго вѣдомства иллирійскія провинціи, то есть все церковное управленіе папы на Балканскомъ полуостровѣ и отдалъ Анастасію константинопольскому патріарху, который, въ 730 году, возведенъ былъ на мѣсто низложеннаго по императорскому повелѣнію Германа, и въ угодность императору сталъ горячо за иконоборство. Такимъ образомъ, императоръ лишилъ римскаго первосвященника разомъ большей части его доходовъ. Оторванныя иллирійскія провинціи никогда уже не присоединились къ Риму. Иконоборство, со временемъ исчезнувшее, въ вѣковой періодъ своего существованія произвело на далекія времена важныя послѣдствія для возвышенія константинопольскаго патріаршества.

Царствовавшій послѣ Льва сынъ его, Константинъ Копронимъ или Кавалинъ (741 — 775) продолжалъ дѣло иконоборства пуще своего отца. Неудачно было противодѣйствіе въ пользу возстановленія иконопочитанія въ самомъ началѣ его царствованія.

Его зять (мужъ сестры) Артабаздъ задумалъ свергнуть Константина, надѣялся, что иконопочитатели примутъ его сторону, а ихъ было много; онъ склонилъ на свою сторону войско, которымъ командовалъ противъ арабовъ въ Арменіи и внезапно овладѣлъ столицею. Патріархъ Анастасій перешелъ на его сторону, явился вдругъ поборникомъ иконопоклоненія и осуждалъ Константина какъ еретика. Константинъ убѣжалъ въ Азію; но черезъ нѣсколько времени (въ ноябрѣ 743 г.) онъ овладѣлъ Константинополемъ снова, поймалъ Артабазда и приказалъ ему и двумъ его сыновьямъ выколоть глаза, казнилъ и мучилъ тѣхъ, которые пристали къ нему, а патріарха велѣлъ наказать публично, потомъ ослѣпить,—а потомъ приказалъ ему отправлять богослуженіе по прежнему, и патріархъ пробылъ въ этомъ званіи до 753 года, когда умеръ. Послѣ этого, Константинъ сталъ еще рѣшительнѣе врагомъ иконъ. Преслѣдовалось равнымъ образомъ поклоненіе мощамъ святыхъ и монашество. Въ 754 году, открытъ былъ соборъ въ Константинополѣ. На этомъ соборѣ 338 отцовъ епископовъ, подъ предсѣдательствомъ (за вакансіею патріаршескаго достоинства) Θеодосія Эфесскаго, изъ страха, постановили уничтоженіе иконопочитанія, какъ идолопоклонства, и предали анаθемѣ бывшаго патріарха Германа и защитниковъ иконопочитанія, въ томъ числѣ знаменитаго творца церковныхъ пѣсней, Іоанна Дамаскина. Новый патріархъ Константинъ обязался преслѣдовать иконопочитаніе. Императоръ разорялъ и сожигалъ монастыри, монахи предавались бѣгству. Многіе, за одно неугодное императору слово по этому предмету, заплатили жизнію. Всѣ подданные обязаны были присягою не почитать иконъ и преслѣдовать монаховъ. Патріархъ съ амвона далъ обѣщаніе не вести монашеской жизни. Константинъ шелъ все далѣе и далѣе въ своемъ религіозномъ либерализмѣ, который онъ проводилъ самыми деспотическими мѣрами, и когда патріархъ, замѣтивъ, что императоръ впадаетъ въ несторіанскую ересь, сталъ обуздывать его, то императоръ за это патріарха низложилъ, а потомъ приказалъ отрубить ему голову и предать поруганію его останки. Въ 766 году на мѣсто его поставленъ Никита, поступавшій во всемъ по волѣ Константина. Въ это время произошло событіе, еще болѣе раздѣлившее Востокъ отъ Запада. Папа, напрасно просившій у Византіи помощи противъ лонгобардовъ, обратился къ французскому королю Пипину; а тотъ отнялъ у лонгобардовъ принадлежавшій прежде Византіи экзархатъ, подарилъ его папѣ, и съ тѣхъ поръ папа сталъ свѣтскимъ владѣтелемъ, а на притязанія константинопольскаго императора, Пипинъ отвѣчалъ, что онъ не отдастъ ни за что требуемаго экзархата, а подарилъ

его св. Петру. Преемникъ Стефана III, Стефанъ IV, въ 769 году, предалъ анаѳемѣ константинопольскій соборъ 759 года. Съ этихъ поръ папа пересталъ находиться въ отношеніяхъ подданства, и могъ уже говорить съ императоромъ, какъ равный государь.

Послѣ смерти Константина V Копронима (775 г.), наслѣдникъ его и сынъ Левъ IV Хазаръ, хотя и шелъ по слѣдамъ отца и дѣда, но уже не отличался такимъ фанатизмомъ и жестокостью. Въ 780 г., открыто совершалось при дворѣ иконопоклоненіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что главная покровительница иконопоклонниковъ была супруга его Ирина. Императоръ обрекъ ее на изгнаніе, но самъ умеръ скоропостижно отъ припадка гнѣва. Ирина, во имя своего еще малолѣтняго сына, уже коронованнаго при отцѣ подъ именемъ Константина VI, стала правительницею, и тотчасъ принялась за возстановленіе иконъ. Она сперва должна была дѣйствовать осторожно, ибо страшилась войска, которое въ три прошедшія царствованія поддерживало фанатически иконоборство страхомъ оружія. Сначала она только «позволила» чествовать иконы и вести монашеское житіе кому угодно. Между тѣмъ она заключила съ арабами, безпокоившими государство, перемиріе на три года, присоединила, побѣдами полководца Ставракія, занятыя славянами земли Пелопоннеса и Эллады, возстановила императорское достоинство въ Сициліи, и заключила съ Карломъ Великимъ союзъ, по которому Карлъ обѣщалъ дочь свою Ротруду въ супружество за ея сына Константина. Патріархъ Павелъ, избранный незадолго до смерти Льва VI, послѣ Никиты, отказался отъ престола въ 784 году, отказавшись вмѣстѣ отъ ереси и исповѣдавши почитаніе иконъ, а на мѣсто его поставленъ Тарасій, бывшій въ то время свѣтскимъ лицомъ и занимавшій должность секретаря императорскаго. Первое дѣло его было примириться съ папою. Онъ отнесся къ нему, получилъ отъ него согласіе; папа прислалъ своихъ легатовъ въ Константинополь, хвалилъ Тарасія за православіе, но порицалъ за принятіе патріаршескаго достоинства прямо изъ свѣтскаго званія, и напоминалъ о возвращеніи папѣ отнятыхъ прежде еретическими патріархами провинцій. Патріархи александрійскій и антіохійскій прислали своихъ двухъ пословъ, хотя, находясь подъ властію магометанъ, эти патріархи тогда мало имѣли силы въ христіанскомъ мірѣ. 1 августа 786 года, въ церкви Апостоловъ былъ собранъ соборъ, но преданные иконоборству епископы и другихъ чиновъ духовные возмутили солдатъ, сдѣлался бунтъ, и засѣданія были прекращены. Въ Константипополѣ была еще сильна партія иконоборцевъ. Императрица велѣла распустить гвардію, въ ко-

торой наиболѣе было иконоборцевъ, и перенесла соборъ въ Никею, въ Виѳиніи. Соборъ открылся тамъ 24 сентября 787 года. Папскимъ посламъ хоть и оказывали почести, но всѣми дѣлами заправлялъ тамъ Тарасій, такъ-что на этомъ соборѣ патріархъ константинопольскій de facto былъ первенствующимъ высшимъ лицомъ между всѣми христіанскими духовными властями. Что касается до требованія папы, заявленнаго послами, о возвращеніи отнятыхъ провинцій, то греки обошли этотъ вопросъ, какъ будто не относящійся къ главному дѣлу, по поводу котораго созвали соборъ. Очень неудачно заявлена была папская претензія противъ присвояемаго константинопольскимъ патріархомъ титула вселенскаго: не только восточные епископы объявили о давности обычая давать константинопольскому патріарху этотъ титулъ, но даже и епископы Сициліи, которые уже 50 лѣтъ находились подъ константинопольскимъ духовнымъ управленіемъ. На этомъ соборѣ осужденъ соборъ 754 года и преданы анаѳемѣ всѣ участвовавшіе на немъ еретическіе патріархи: Анастасій, Константинъ и Никита, и возстановлена память патріарха Германа, Іоанна Дамаскина и другихъ. Тогда многіе епископы принесли раскаяніе и были приняты въ лоно церкви, съ удержаніемъ ихъ въ достоинствѣ. Иконопоклоненіе утверждено. Соборъ призналъ всѣ правила труллъскаго собора; такимъ образомъ, римскій престолъ, еслибы и справедливо утверждалъ, что прежде не заявилъ ихъ признанія, но уже и тѣмъ, что призналъ седьмой соборъ, не имѣлъ права не принимать утвержденныхъ на немъ правилъ шестого.

Послѣ этого собора Тарасію пришлось выдерживать споры съ ревностными монахами, которые были недовольны его кроткими мѣрами противъ иконоборцевъ. Папа также былъ недоволенъ, и обвинялъ своихъ легатовъ за то, что они уступили и не настаивали на отдачу въ папское вѣдомство отнятыхъ провинцій. На Западѣ было много недовольныхъ болѣе самого папы; во Франкфуртѣ епископы на мѣстномъ соборѣ отвергали постановленія седьмаго собора. Самъ папа, въ этомъ случаѣ, противъ нихъ защищалъ соборъ, чтобы не подвергнуть сомнѣніямъ постановленія объ иконахъ. Между тѣмъ политическія событія способствовали дальнѣйшему разрыву Запада съ Востокомъ. Карлъ разрушилъ лонгобардское государство, подорванное его отцомъ, и присоединилъ италіанскія земли къ своимъ владѣніямъ. Византія считала ихъ своимъ древнимъ достояніемъ. За это ухватился, какъ за послѣднее средство, послѣдній претендентъ на лонгобардское царство — Адельгисъ, сынъ Дезидерія; онъ прибылъ въ Константинополь, билъ челомъ своимъ царствомъ и просилъ

помощи. Но его сподручникъ, Арихисъ, герцогъ беневентскій, измѣнилъ его дѣлу и отдался Карлу, прежде признавая надъ собою верховную власть константинопольскаго престола. Вспыхнула война. Ирина разорвала обязательство взять за сына Константина дочь Карла, Ротруду, и женила сына противъ его воли на армянской княгинѣ Маріи Амніи, въ 789 году. Греки, посланные на помощь Адельгису въ Италію, были разбиты, и почти въ тоже время на другихъ пунктахъ Византія потерпѣла пораженія отъ сарацинъ и болгаръ. Тогда папа, видя, что счастіе оставляетъ восточную имперію, и все ярче и ярче сіяетъ надъ Западомъ, рѣшительно заявилъ себя на сторонѣ Карла въ борьбѣ его съ Греціей. Внутренніе безпорядки въ это время подрывали Византію. Константинъ, достигши зрѣлаго возраста, хотѣлъ освободиться отъ опеки матери, которая не хотѣла упустить изъ рукъ власти, и самъ принужденъ былъ составлять противъ матери заговоры. Первый не удался. Любимецъ Ирины, Ставракій, обо всемъ узналъ заранѣе: соучастники были схвачены и казнены. Ирина потребовала даже, чтобы войско произносило присягу ей одной, а не ея сыну. Сынъ составилъ другой заговоръ. Часть войска была вовлечена въ него; въ октябрѣ 790 года, Ирина была заключена въ построенный ею элевѳерійскій дворецъ; совѣтники ея одни казнены, другіе сосланы. Но черезъ два года (въ 792), Константинъ выпустилъ мать свою изъ-подъ стражи и возвратилъ ей императорскій титулъ; Ирина опять стала государынею. Даже ея любимецъ, ненавистный Константину Ставракій, воротился изъ ссылки. Милостивый къ матери, Константинъ былъ суровъ съ другими врагами. Двое дядей его и братьевъ отца, кесарь Никифоръ и кесарь Христофоръ, видя въ народѣ недовольство правленіемъ племянника, задумали было свергнуть его, но Константинъ, предупредивъ ихъ, Никифору выкололъ глаза, Христофору отрѣзалъ языкъ и при этомъ казнилъ нѣкоторыхъ знатныхъ людей. Въ 795 г., онъ навлекъ на себя всеобщее нерасположеніе: ненавидя жену свою, съ которою соединенъ былъ насильно, онъ влюбился въ Ѳеодоту, племянницу знаменитаго въ церковной исторіи Ѳеодора Студита, задумалъ развестись съ женою, жениться на Ѳеодотѣ, и подговорилъ священника Іосифа, который его и обвѣнчалъ. Патріархъ Тарасій ограничился только неодобреніемъ этого поступка; но игуменъ монастыря Саккудіона, по имени Платонъ, и его племянникъ Ѳеодоръ подняли противъ императора бурю. Существуетъ современное подозрѣніе, что Ирина, завидуя сыну и ненавидя его, сама расположила его къ этому незаконному поступку, чтобы потомъ привести его въ омерзѣніе у народа и погубить. Кон-

стантинъ напрасно старался всѣми силами усмирить монаховъ; напрасно Θеодота хотѣла преклонить строгаго авву Θеодора дарами. Наконецъ, Константинъ велѣлъ Платона засадить въ тюрьму, а Θеодора отправить въ ссылку съ другими монахами. Ирина тотчасъ приняла ихъ подъ свое покровительство. Народъ волновался, наклонялся къ матери, возставалъ противъ сына. Патріархъ Тарасій соблюдалъ осторожность; не оправдывая поступка Константина, онъ однако не рѣшался произнести надъ нимъ отлученія; онъ боялся, чтобы, въ такомъ случаѣ, императоръ не сталъ открыто поборникомъ иконоборства, которое, будучи недавно еще подавлено, имѣло еще довольно много сторонниковъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, въ 797 году, нѣсколько вельможей, сторонниковъ Ирины, напали на императора въ его дворцѣ и выкололи ему глаза. Это случилось въ тотъ самый день, въ который, за пять лѣтъ передъ тѣмъ, онъ сдѣлалъ подобное съ своими дядями. Ирина сдѣлалась послѣ того полновластною государынею. Ослѣпленный сынъ ея скоро умеръ. Монахи, которыхъ Константинъ преслѣдовалъ, были возвращены съ честію въ монастыри Саккудіонъ и Студитскій. Въ правленіе Ирины, въ 800 году, случилось событіе, имѣвшее вліяніе на дальнѣйшій разрывъ Востока съ Западомъ,—это вѣнчаніе Карла Великаго на императорство, совершенное, въ декабрѣ этого года, папою Львомъ III. Сохранилось у византійскихъ писателей извѣстіе, будто Карлъ послѣ того предлагалъ руку свою Иринѣ, чтобы такимъ образомъ послѣдовало соединеніе имперій; но любимецъ Ирины, заступившій мѣсто прежняго Ставракія, патрицій Аэцій, помѣшалъ этому. У него было тайное намѣреніе доставить престолъ своему брату Львѣ. Ирина какъ ни старалась опираться на громадѣ народной, и для этого какъ ни облегчала государственныя подати и повинности, не избѣжала однако козней. Въ октябрѣ 802 г., недовольная партія при дворѣ составила заговоръ, схватила Ирину и провозгласила императоромъ логоѳета Никифора. Тарасій безпрекословно вѣнчалъ его на царство. Ирину заслали на островъ Лесбосъ, гдѣ она, лишенная всѣхъ своихъ имуществъ, умерла отъ горя на слѣдующій годъ.

При Никифорѣ, въ 806 году, скончался патріархъ Тарасій, человѣкъ, отличавшійся строгою жизнію. Въ 806 году, поступилъ патріархомъ, также какъ и его предшественникъ, изъ свѣтскихъ, посвященный въ монахи передъ принятіемъ сана, Никифоръ. Тогда монахи подняли споръ противъ прощенія, оказаннаго священнику Іосифу, обвѣнчавшему съ Θеодотой Константина VI. Деспотически правившій императоръ Никифоръ, послѣ напрасныхъ усилій умиротворить ихъ, черезъ покорный ему собранный для этого соборъ,

въ 806 году, провозгласилъ независимость императоровъ отъ церковныхъ законовъ, право епископовъ давать диспенсацію даже противъ каноновъ, и заточилъ противныхъ себѣ монаховъ и духовныхъ, а студитскій монастырь, какъ гнѣздо противодѣйствій, разорилъ. Θеодоръ и Платонъ, твердо стоя на своемъ и обвиняя патріарха въ слабости, обращались къ римскому двору, какъ къ стражу чистоты церкви, называя папу въ письмѣ своемъ отцомъ отцовъ. Θеодоръ выражался: «Мы и большіе и малые отъ нашихъ отцовъ научились, что Христосъ, Богъ нашъ, далъ ключи Петру отъ царства небеснаго, власть пасти овецъ своихъ; и потому всякая новизна, отклоняющаяся отъ истины, должна быть объявлена преемнику Петра». Но римскій первосвященникъ, Левъ III, не хотѣлъ открыто стать во вражду съ византійскимъ дворомъ. Папа ничего для нихъ не сдѣлалъ и послалъ только нѣсколько письменныхъ утѣшеній. Монаховъ преслѣдовали. Никифоръ самовольно распоряжался по церковнымъ дѣламъ не только со свѣтскими и съ простымъ монашествомъ, но и съ епископами, сажалъ ихъ въ тюрьму, между тѣмъ свободно давалъ распространяться ереси павликіанъ, не наказывалъ иконоборцевъ, и оттого онъ сталъ ненавидимъ благочестивыми. Кромѣ того, онъ вооружилъ противъ себя народъ поборами. Онъ потерялъ жизнь въ сраженіи противъ болгаръ, въ 811 году. Болгары нанесли тогда великое пораженіе имперіи. Голова убитаго императора поставлена была для поруганія на полѣ. Сынъ его Ставракій, раненый въ бою, недолго царствовалъ, и, при содѣйствіи патріарха, былъ низверженъ въ томъ же 811 году, а на мѣсто его возведенъ мужъ его сестры, Прокопій Куропалатъ Михаилъ, котораго онъ не успѣлъ передъ тѣмъ, какъ ему хотѣлось, ослѣпить. Ставракія и жену его заточили въ монастырь. Ставракій скоро умеръ. Новый императоръ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Михаила Рангаве, обязанъ былъ своимъ вступленіемъ пособію духовенства, и при вступленіи далъ обѣщаніе защищать православную вѣру, почитать духовенство, и тотчасъ сдѣлалъ богатые подарки духовнымъ. Онъ примирилъ съ патріархомъ студитовъ, которыхъ возвратилъ изъ изгнанія, а патріархъ уступилъ имъ совершенно, лишивъ священническаго достоинства Іосифа. Императоръ поставилъ себя также въ добрыя отношенія съ папою, и патріархъ Никифоръ, не сносившійся съ римскою церковью вовсе при императорѣ Никифорѣ, извинялся предъ папою, приписывая это неизбѣжному въ его положеніи повиновенію императорской власти. Новый императоръ отправилъ посольство къ императору Карлу; на челѣ этого посольства былъ епископъ Михаилъ. Посольство это заключило союзъ съ Кар-

ломъ въ Ахенѣ, потомъ явилось въ Римъ и утвердило союзъ съ папою. Строгій православный, Михаилъ опредѣлилъ смертную казнь для уличенныхъ въ павликіанствѣ, преслѣдовалъ также и ненавистныхъ православнымъ иконоборцевъ, которые въ прежнее царствованіе подняли было голову. Не смотря на гоненіе со временъ Ирины, партія эта все еще была сильна въ имперіи: она считала Константина Копронима своимъ патрономъ и на гробѣ его произносила воззванія къ возстанію, умоляла мнимымъ его благочестіемъ спасти погибающее государство. Несчастія имперіи отъ болгаръ и сарацинъ иконоборцы приписывали торжеству идолопоклонства, какъ называли они православіе. Михаилъ до такой степени былъ покоренъ церкви, что совѣтовался съ духовенствомъ о дѣлахъ политическихъ. Въ 812 году, когда сильный болгарскій царь, Крумъ, угрожалъ столицѣ имперіи, онъ собралъ на совѣтъ духовныхъ, митрополитовъ, епископовъ и монаховъ вмѣстѣ съ вельможами, и они побуждали его не принимать унизительныхъ условій отъ враговъ, а воевать съ ними. Но въ войскѣ его не было порядка и дисциплины, и многіе не любили императора. 22 іюня 813 года, византійцы были разбиты на голову. Императоръ убѣжалъ. Тогда войско провозгласило императоромъ полководца Льва Армянина; говорили въ послѣдствіи, что этотъ хитрый соперникъ умышленно подготовилъ пораженіе Михаила, чтобы опозорить его и лишить престола. Бывшаго императора заключили въ тюрьму; двухъ его сыновей, Ѳеофилакта и Никиту, оэвнушили и постригли. Также пострижены были двѣ его дочери.

Левъ Армянинъ, какъ солдатъ, былъ уже настроенъ къ иконоборству, которое издавна гнѣздилось между военными, и какъ только онъ взошелъ на престолъ, такъ и поднялась эта партія. Коноводами ея въ это время были: монахъ Савватій, изъ монастыря Филомеліонъ, Ѳеодотъ Касситерасъ, Іоаннъ Леканомантисъ и епископъ Антоній Силеумскій. Были еще съ ними за одно и другіе епископы, прежде иконоборцы, но, ради своихъ мѣстъ, притворно признавшіе себя православными. Многіе были не вполнѣ иконоборцы, но отвергая иконы, почитали крестъ и евангеліе. Во дворцѣ императора были соборныя совѣщанія о томъ, что поклоненіе иконамъ будтобы противно библіи и надлежитъ его искоренять. Патріархъ Никифоръ, старавшійся въ бесѣдѣ съ императоромъ склонить его къ православію, собралъ ночью у св. Софіи, на совѣщаніе православныхъ духовныхъ и свѣтскихъ, гдѣ произнесли отлученіе на иконоборцевъ, особенно на епископа Антонія; приговорили твердо стоять за поклоненіе св. иконамъ. Императоръ позвалъ къ себѣ патріарха и духовныхъ. Тутъ отличился передъ

всѣми преп. Θеодоръ Студитъ, доказывавшій царю, что власть свѣтская должна быть отдѣлена отъ духовной, и что государство не имѣетъ права вмѣшиваться въ церковныя дѣла. «Ты заслужилъ смерть за твою дерзость, сказалъ императоръ, но я не сдѣлаю тебя мученикомъ». Онъ слушалъ православныхъ, окруженный иконоборцами, доказывавшими несовмѣстность поклоненія иконамъ съ христіанствомъ. Отпустивъ ихъ, съ видомъ безпристрастнаго разбирателя дѣла, императоръ вслѣдъ затѣмъ издалъ повелѣніе не дѣлать болѣе собраній, не начинать диспутовъ о религіозныхъ предметахъ и требовалъ черезъ городского префекта именныхъ подписей въ этомъ. Нѣкоторые игумены тотчасъ подписали, но преп. Θеодоръ объявилъ, что ни за что не подпишетъ, и разослалъ къ монахамъ окружное посланіе, гдѣ доказывалъ, что молчать по приказанію императора — есть измѣна истинѣ: не слѣдуетъ преклоняться ни передъ какою человѣческою властью, когда идетъ дѣло о наученіи другихъ въ истинѣ и защитѣ вѣры. Никифоръ думалъ уладить дѣло мирно и относился съ увѣщательными письмами къ императрицѣ и близкимъ вельможамъ, въ особенности къ секретарю императора, Евтихіану. Но это ни мало не подѣйствовало, а напротивъ, императоръ, разсерженный за мнимую непослѣдовательность патріарха, ободренный его кротостью, велѣлъ собрать соборъ и низложить его. Тогда Никифоръ рѣшился показать мужество и не явился на соборъ, для оправданія, когда его потребовали. Соборъ тѣмъ скорѣе, угождая государю, низложилъ его. Солдаты толпою бросились на его жилище и поносили его. Императоръ отправилъ его въ ссылку. На его мѣсто, по волѣ государя, избранъ свѣтскій и женатый человѣкъ Θеодотъ Касситерасъ, находившійся въ свойствѣ по женѣ съ Константиномъ Копронимомъ. Онъ посвященъ 1 апрѣля 815 года, на пасху, и скоро послѣ того собралъ соборъ, который, исполняя то, что ему указывала власть, отвергъ седьмой вселенскій соборъ и провозгласилъ правдивымъ соборомъ, бывшій въ 754 году, иконоборскій. Съ этихъ поръ иконоборцы владѣли патріаршимъ престоломъ и торжествовали въ имперіи двадцать семь лѣтъ. Неутомимый авва Θеодоръ сопротивлялся и возбуждалъ другихъ, особенно монаховъ, къ православію. Его наказывали тѣлесно, томили и ссылали; преслѣдовали православныхъ епископовъ, игуменовъ, священниковъ, истребляли книги, гдѣ доказывалось иконопоклоненіе; переливали даже церковные сосуды, гдѣ были изображенія. При деспотическомъ гоненіи на иконопочитателей, Левъ былъ хорошій полководецъ и правитель, поддерживалъ достоинство имперіи противъ внѣшнихъ враговъ, соблюдалъ внутренній порядокъ, обуздалъ

строгостію продажность чиновниковъ. Въ 820 году, онъ умерщвленъ былъ заговорщиками, руководимыми сидѣвшимъ въ тюрьмѣ полководцемъ Михаиломъ изъ Аморіи, котораго казнь, на бѣду императора, отсрочена была ради праздника Рождества. На мѣсто его возвели этого самаго Михаила, подъ именемъ второго: онъ прозывался Заика. Хотя онъ и воротилъ изъ ссылки всѣхъ сосланныхъ Львомъ, но не уничтожилъ иконоборства и, будучи самъ иконоборцемъ, покровительствовалъ ему; однако не преслѣдовалъ и православныхъ, а провозгласилъ свободу совѣсти.

По смерти Θеодота назначенъ былъ патріархомъ человѣкъ дурного поведенія, иконоборецъ Антоній. Тогда одинъ изъ полководцевъ, Θома, оспаривалъ у Михаила престолъ, называясь Константиномъ, сыномъ царицы Ирины, и поставилъ, для успѣха, знамя православія. Но православные не пошли на сторону обманщика. Императоръ схватилъ его и казнилъ. Либерализмъ императора не удовлетворялъ православныхъ; если ихъ не гнали иконоборцы, то они добивались преслѣдованія враговъ православія. Во все его царствованіе православные домогались исключительнаго господства, и поэтому хотѣли возстановленія прежней связи съ Римомъ, связи, прерванной иконоборствомъ, надѣясь этой связью нанести ударъ иконоборству. Самъ Михаилъ вообще хотѣлъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Западомъ и даже представлялся православнымъ, увѣряя Западъ, что греческіе монахи въ Римѣ на него клеветали. По этому поводу, папа Евгеній II поручилъ французскимъ духовнымъ собрать изреченія отцовъ о вопросѣ, волновавшемъ грековъ, и въ Парижѣ состоялся соборъ. Онъ произнесъ сужденіе, которое не удовлетворило ни иконоборцевъ, ни православныхъ на Востокѣ.

Преемникъ Михаила, умершаго въ 829 году, былъ сынъ его Θеофилъ, тиранъ жестокій, хотя человѣкъ дѣятельный и храбрый, украсившій Константинополь великолѣпными зданіями, между которыми занимаетъ первое мѣсто Вріосъ—дворецъ въ арабскомъ стилѣ. Сарацины, еще при его предшественникѣ завоевавшіе Критъ, распространили при немъ свои завоеванія на счетъ имперіи, въ Малой Азіи. Императоръ, какъ и отецъ его, продолжалъ держаться иконоборства, но показывая себя очень набожнымъ, устраивалъ религіозныя церемоніи и самъ сочинялъ церковныя пѣсни. По смерти Антонія, онъ возвелъ (въ 833 г.) въ патріаршій санъ своего учителя Іоанна Грамматика, также ревностнаго иконоборца. Императоръ началъ преслѣдовать монаховъ, возстававшихъ противъ иконоборства; его супруга Θеодора, напротивъ, была наклонна къ иконопочитанію, побуждаемая къ этому своею матерью Θеоктистою, но не смѣла заступаться за единомыслен-

никовъ, страшась деспотизма своего мужа. Өеофилъ умеръ въ 849 г., объявивъ наслѣдникомъ малолѣтняго сына Михаила III.

Молодой императоръ возрасталъ подъ регентствомъ матери Өеодоры. Ее поддерживали въ дѣлѣ правленія логоөетъ Өеоктистъ, магистръ Мануилъ и его братъ, патрицій Варда. Всѣ были склонны къ иконопочитанію. Имъ приходилось преодолѣвать трудности: въ сенатѣ было много иконоборцевъ, и самъ патріархъ принадлежалъ къ нимъ; но за нихъ было монашество, за нихъ была народная громада, на которую монахи имѣли вліяніе. Патріархъ, чтобъ очернить власть и вооружить народъ противъ нея, нанесъ себѣ раны и разгласилъ, будто императрица посылала убійцъ умертвить его, но тѣ не успѣли этого сдѣлать и только изранили его. Патрицій Варда производилъ слѣдствіе, и у него, какъ у сторонника императрицы, оказалось, что патріархъ самъ себя поранилъ: патріарха обвинили въ намѣреніи лишить себя жизни, и за это низложили. На его мѣсто возвели Меөодія, инока изъ Сиракузъ. Собранный имъ соборъ провозгласилъ иконопочитаніе; и возстановленіе 7-го вселенскаго собора, 19 февраля 842 года, открылось торжественнымъ богослуженіемъ; — съ тѣхъ поръ установленъ праздникъ *православія* на первой недѣлѣ Великаго поста, въ память этого событія.

Здѣсь мы приближаемся къ эпохѣ, когда вступаетъ въ свою дѣятельность лицо, составляющее главный предметъ указаннаго нами сочиненія. Обозрѣвая рядъ патріарховъ, предшественниковъ Фотія, мы находимъ, что изъ 58 бывшихъ прежде него константинопольскихъ іерарховъ, отъ Митрофана до Меөодія, многіе заслужили честь быть вписанными въ ликъ святыхъ, но за то цѣлая треть — именно 21, были еретики или покровительствовали ересямъ. Около такого же числа можно насчитать тѣхъ, которые лишены были сана по произволу императоровъ. Эти два обстоятельства давали и теперь даютъ поводъ западнымъ ученымъ указывать на легкость, съ какою тогдашняя восточная церковь была потрясаема ересями и на вредныя слѣдствія зависимости ея отъ произволовъ внѣшней власти. Въ противность этому, на папскомъ престолѣ, въ этотъ періодъ, не было ни одной личности, измѣнившей православію, кромѣ Гонорія, да и то болѣе пришедшаго въ недоразумѣніе, чѣмъ въ сознательное отклоненіе отъ православнаго ученія. Нѣсколько разъ римскіе первосвященники являлись умиротворителями и успокоителями бурь, возникавшихъ на Востокѣ. Такія явленія видимъ мы въ лицѣ папъ Целестина, при Несторіѣ, Льва, по поводу діоскоровой ереси, Агапита, въ произнесеніи суда надъ Анөимомъ. Къ папамъ не разъ взывали съ Востока благочестивые люди, какъ

къ защитникамъ церковной истины, когда на Востокѣ наступало колебаніе. Это помогало возвышенію папъ и развитію ученія о первенствѣ римскаго первосвященника надъ всѣми епископами въ цѣломъ христіанствѣ. Особенно придавали имъ, случайно, своею риторикою такое значеніе монахи, ревнители благочестія на Востокѣ, когда имъ приходилось бороться съ своими верховными властями, зараженными ересью. Препод. Θеодоритъ, (Theod. ed. Migne ep. 116 p. 324), въ справедливомъ негодованіи противъ восточныхъ ересей, отдавая справедливость чистотѣ ученія папскаго престола въ этомъ отношеніи, прямо признавалъ за папскимъ престоломъ право гегемоніи надъ всѣми церквами вселенной потому именно, что онъ пребылъ свободенъ отъ ересей. Не разъ и первосвященники Востока (напр. Аѳанасій, Петръ, Іоаннъ Θалайа александрійскіе, и Павелъ I, Іоаннъ I, Флавіанъ, Германъ константинопольскіе), ревнуя за колеблемое православіе, находили подмогу и утѣшеніе, обращаясь въ Римъ. Это счастливое отсутствіе ересей на Западѣ — греки однако, когда имъ выставляли такое обстоятельство на видъ латиняне, приписывали не болѣе, какъ невѣжеству Запада, а обиліе ересей на Востокѣ, по взгляду грековъ, показывало какъ будто большое развитіе образованности, возбуждающей мышленіе. Какъ бы то ни было, эти обстоятельства давали папскому престолу гордость и высокое о себѣ мнѣніе въ борьбѣ съ Византіею. Пока папы были подданными византійскихъ императоровъ, разрывъ Запада съ Востокомъ былъ труденъ. Папы, защищая первенство и древность апостольскаго Рима противъ столичности византійской, не ставили тѣмъ вопроса о безусловной своей власти надъ церковью; они сами были подданными и, самостоятельные въ дѣлахъ вѣры, не смѣли идти открыто противъ императорской власти. Совсѣмъ другое сдѣлалось тогда, какъ папы стали свѣтскими владѣтелями, особенно когда на Западѣ возобновилась имперія. Тогда естественно, бывшій подданный Византіи склонялся къ франкскому императору и становился неблагорасположеннымъ къ византійскому государю, тѣмъ болѣе, что византійскій дворъ не переставалъ смотрѣть на отторженіе Италіи, какъ на измѣну и на возведеніе въ императоры Карла, какъ на узурпацію.

Разъединительныя грани между Западомъ и Востокомъ издавна существовали. Первая, отдаленная причина разъединенія заключалась въ отличіяхъ племенного характера грековъ и латинъ, выработанныхъ предидущими вѣками въ жизни обоихъ племенъ. Эти различія видимы еще въ языческія времена. Сферы культурнаго развитія ихъ различны между собою. Эл-

лины считали себя вправѣ хвалиться своею старѣйшею цивилизаціею, искусствами, философіею; но римляне, за то — своею дѣятельностію, храбростію, гражданскими доблестями, стойкостью характера, законностью и государственною политикою. Римская gravitas et tenacitas противопоставлялись живости и подвижности грековъ; у древнихъ римлянъ было несравненно менѣе чѣмъ у грековъ охоты къ спекулятивнымъ умозрѣніямъ; римлянинъ не былъ ни столько мечтателенъ, ни столько остроуменъ, какъ грекъ, а потому неспособенъ былъ, подобно грекамъ, поднимать тонкіе философскіе и богословскіе вопросы; римляне за то были крѣпче въ законѣ и въ вѣрѣ. Еще въ языческомъ Римѣ жречество получило бо́льшее достоинство, чѣмъ греческое, и вообще римскіе язычники относились къ религіи съ большимъ благоговѣніемъ. То же качество перешло въ послѣдствіи и въ христіанскую религіозную жизнь. Латинское племя, принявши христіанство, меньше умствовало надъ нимъ, относилось къ нему съ великимъ чувствомъ долга и законности. Замѣтимъ также, что у римлянъ лучше и ярче выработались идеи личности, тогда какъ у грековъ личность болѣе поглощалась государственною властію.

Съ самаго покоренія Греціи Римомъ, одинъ народъ постоянно смотрѣлъ на другой нерасположенно въ извѣстныхъ пунктахъ. Греки, гордые своими интеллектуальными успѣхами, ни во что считали успѣхи римлянъ въ латинской литературѣ, не находя ихъ достойными вниманія. Римъ хотя изучалъ древнюю греческую литературу и науку, однако въ современныхъ грекахъ не видѣлъ истинныхъ эллиновъ. Латинецъ учился у грека греческой древней наукѣ, а самъ себя сознавалъ выше настоящаго грека. Во время имперіи и даже послѣ разрушенія западной римской имперіи, грековъ въ Римѣ называли презрительно уменьшительнымъ именемъ: Graeculi; даже остготты смѣялись надъ византійцами и поносили ихъ женоподобными, болтливыми, жадными и лукавыми. Различіе народностей поддерживалось различіемъ языка, и отдѣленіе Запада отъ Византіи шло параллельно съ тѣмъ, какъ греческій языкъ замѣнилъ въ восточной имперіи оффиціальное значеніе латинскаго. Сначала въ восточной имперіи, называвшейся римскою, а не греческою, при дворѣ и въ судахъ былъ въ употребленіи языкъ латинскій; при Ѳеодосіѣ II, въ 442 году, Киръ, городской префектъ въ Византіи, потерялъ мѣсто за то, что объявлялъ свои приговоры не по-латыни, а по-гречески. При Юстиніанѣ латинскій языкъ еще употреблялся въ Константинополѣ, какъ языкъ правительственный, и законы этого государя, исключая новеллъ, писаны по-латыни, но тогда уже

необходимость вынуждала дѣлать греческіе переводы. При Маврикіѣ, греческіе переводы совершенно замѣнили латинскіе подлинники въ судахъ; но полное торжество греческаго языка совершилось при Иракліѣ, который съ намѣреніемъ покровительствовалъ этому. Мало по малу, латинское наименованіе чиновъ, введенное вначалѣ, замѣнилось греческими; латинскій языкъ быстро выходилъ изъ употребленія и, съ отпаденіемъ отъ имперіи провинцій, гдѣ говорили латинскими нарѣчіями, совсѣмъ забылся. Греки стали даже презирать его и опирались на нѣкоторыхъ отцовъ церкви, которые говорили о бѣдности и ограниченности латыни въ сравненіи съ греческою рѣчью. Императоръ Левъ III уничтожилъ, до того времени употребляемые, царскіе латинскіе титулы: Dominus Augustus Caesar; государь сталъ называться автократомъ (самодержецъ) и василевсомъ. Параллельно съ этимъ падало употребленіе греческаго языка въ Римѣ и вообще въ Италіи; еще въ четвертомъ столѣтіи, онъ былъ тамъ распространенъ, но съ пятаго столѣтія, знаніе его дѣлается уже достояніемъ только ученыхъ, хотя и оставались воспоминанія, что въ первые вѣка христіанства — это былъ языкъ христіанства. Съ теченіемъ времени, онъ все болѣе и болѣе дѣлался чужимъ для Запада. Въ пятомъ столѣтіи все еще однако въ Италіи ему учились богословы. Иларій изъ Пуатье, Іеронимъ, Руфимъ, Фульгентій—знали по-гречески; но въ шестомъ и въ седьмомъ вѣкахъ знаніе греческаго языка до того упало, что самъ папа Григорій Великій незналъ по-гречески и изъявлялъ сожалѣніе, что и въ восточной столицѣ нѣтъ людей, способныхъ переводить съ латинскаго на греческій. Это раздѣленіе по языкамъ было важнѣйшимъ признакомъ совокупности явленій, приготовившихъ духовное раздѣленіе Востока отъ Запада. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ самой религіи, не смотря на видимое единство догматическое, развивались съ теченіемъ времени самобытные обычаи, принадлежавшіе исключительно — одни Востоку, другіе Западу. Эта разница въ формахъ долго не производила соблазна, пока другія причины не побудили взять это обстоятѣльство въ числѣ поводовъ къ полному разрыву. Прежде сколько ни было римскихъ легатовъ въ Константинополѣ, и константинопольскихъ въ Римѣ, ихъ и тамъ и здѣсь почитали представителями каѳолической церкви, и не поднимались вопросы о различіяхъ. Папа Константинъ въ началѣ VIII столѣтія служилъ обѣдню для Юстиніана II, и однако это не подало повода къ какимъ либо замѣчаніямъ, хотя уже и въ то время латинская литургія была по обрядности отлична отъ греческой. Точно также греческіе монахи служили въ Римѣ по своему восточному обряду. Это не составляло ничего

важнаго, пока не обращено было на то умышленнаго вниманія. Разница эта однако не касалась только однихъ обрядовъ, она уже проникала и въ церковное законодательство и въ дисциплину, и даже въ область богословія. Папскія постановленія имѣли важное вліяніе и значеніе въ дѣлѣ преобразованій по христіанскому духу нравовъ и потребностей германскихъ племенъ; западные соборы *выработали* свои правила; капитуляріи Карла Великаго утвердили предшествовавшія учрежденія и создали новыя; съ другой стороны, на Востокѣ были дисциплинарныя правила, утвержденныя вселенскими соборами, которыя на Западѣ мало уважали; кромѣ того, на Востокѣ были императорскіе указы, которые касались церковныхъ дѣлъ: они на Востокѣ имѣли силу и значеніе, а на Западѣ ихъ вовсе не знали. Дисциплина духовнаго класса монаховъ и свѣтскихъ была здѣсь и тамъ своеобразна: на Востокѣ были, напр., столпники, которымъ на Западѣ только подражали; духовные носили своеобразныя одежды, бороды, и вели образъ жизни не такой, какой вели на Западѣ; посты были различны, въ праздникахъ и календарѣ были отличія. Нѣкоторыя догматическія сочиненія имѣли значеніе только для Востока или для Запада, а не для обоихъ разомъ. На Западѣ долго почти не знали сочиненій Іоанна Дамаскина, да и изъ древнѣйшихъ отцовъ восточныхъ были извѣстны только отрывочные переводы; равно и Востокъ мало зналъ латинскую литературу. Многое изъ Амвросія и Августина было неизвѣстно; ограничивались извлеченіями изъ нихъ. Многіе вопросы, занимавшіе сильно западную церковь, были мало извѣстны на Востокѣ; такъ было съ тѣмъ, что̀ входило въ кругъ богатой умственной дѣятельности Августина, вопросы о предопредѣленіи, о благодати, о свободѣ воли. Вообще въ послѣдніе вѣка для Востока, вмѣсто творческой дѣятельности, какой отличались времена первыхъ восточныхъ отцовъ, наступали уже времена толкованій, компиляцій, риторства, подобно тому, какъ въ языческомъ мірѣ времена александрійской учености замѣнили блестящую эпоху поэзіи, искусства и философіи. Съ никейскаго второго собора, какъ будто уже не ждали новыхъ самобытныхъ великихъ отцовъ церкви, какъ будто писанія прежнихъ все исчерпали и все завершили. Послѣ иконоборства приходилось воевать только съ павликіанами; уже не возникало новыхъ важныхъ ересей, подобныхъ тѣмъ, противъ которыхъ изощрялась догматическая логика и развивалось церковное краснорѣчіе. Въ обществѣ восточномъ стало изсякать то, что прежде оживляло массу учености прожитыхъ вѣковъ. Если на Востокѣ и тогда и послѣ было распространено болѣе знаній, чѣмъ на Западѣ, то ихъ въ VIII

и IX в. покрывала какая-то мертвенность, непроизводительность. Западъ былъ невѣжественнѣе, но свѣжѣе, энергичнѣе, любознательнѣе.

Государственный деспотизмъ былъ душою византійскаго строя. Все передъ нимъ склонялось. Западъ разбивался на многія государства; безъ сомнѣнія, это раздробленіе и было важнѣйшею причиною интеллектуальныхъ успѣховъ Запада, оно же было очень полезно для самостоятельности церкви, и Римъ черезъ то получилъ для всѣхъ государствъ Запада значеніе оживляющаго средоточія; папа былъ посредникомъ цивилизаціи, и такимъ-то образомъ эта раздѣльность помогла образованію на нѣкоторое время перевѣса духовной власти надъ свѣтскою. Идеалъ Запада былъ федерація независимыхъ государствъ подъ единою связью церкви. Папы стали себя чувствовать независимо и сильно, за ними стояли народы и государства; естественно, при прежнемъ соперничествѣ, какое издавна существовало между Римомъ и Константинополемъ, надлежало рано или поздно вспыхнуть борьбѣ за церковные вопросы между столицами древняго міра. Разнообразная жизнь Запада въ сравненіи съ монотонностью Востока отражалась въ церкви. Если Западъ много вѣковъ стоялъ за единство догмата, то формы религіознаго благочестія подвергались большему разнообразію, чѣмъ на Востокѣ. Самодержцы византійскіе издавали эдикты о вѣрѣ, какъ напр., императоры Василискъ, Зенонъ, Юстиніанъ, Ираклій, Константъ, Левъ III; на Западѣ въ этомъ видѣли издавна отвергаемое церковью стремленіе поставить волю свѣтскаго произвола выше каноновъ. Патріархъ защищалъ высокое значеніе новой столицы; по взгляду Запада этимъ самымъ онъ поддерживалъ и освящалъ свѣтскій произволъ, будучи самъ зависимъ отъ него. Западные духовные корили восточныхъ, вспоминая какъ патріархи новаго Рима впадали сами въ ереси или уступали волѣ склонныхъ къ ереси тирановъ, и какъ римскіе патріархи спасали колеблемую на Востокѣ чистоту вѣры. Оскорбительныя воспоминанія возбуждали на Западѣ преданія объ униженіи римскихъ первосвященниковъ; помнили поступки Юстиніана I съ папою Вигиліемъ, Юстиніана II съ Сергіемъ, Константа съ Мартиномъ, и угрозы Льва III. Для Италіи непріятна оставалась память правленія византійскихъ экзарховъ и слабости Византіи, обнаруженной ею, когда нужно было защищать Италію отъ варваровъ. Не Византія, а франки спасли Италію отъ аріанъ-лонгобардовъ. Византійская держава своимъ политическимъ безславіемъ не возбуждала уже прежняго уваженія; варвары отнимали у ней цѣлыя области; магометанство

водворялось тамъ, гдѣ процвѣтала первобытная церковь. Византія не спасла въ Азіи ни своихъ областей, ни вѣры. Это знали на Западѣ. Наконецъ, папы не переставали претендовать на то, что патріархатъ овладѣлъ, во время господства иконоборной ереси, иллирійскими провинціями и не хотѣлъ, по возстановленіи православія, возвратить ихъ папѣ, какъ того домогался послѣдній. Для Рима эта потеря была чувствительна и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Въ Византіи, напротивъ, не могли забыть, что папы упорно не хотѣли признать достоинства патріарха новаго Рима, вопреки соборнымъ постановленіямъ 381 и 451 гг.; въ Византіи оскорблялись возвышеніемъ значенія папы вслѣдствіе пріобрѣтенія территоріи, которая по всѣмъ правамъ, казалось, должна была возвратиться къ восточной имперіи, какъ ея прежнее достояніе: Италія принадлежала нѣкогда этой имперіи. Папы не признавали этого права; напротивъ, помогали образованію новой имперіи на Западѣ, слѣдовательно содѣйствовали окончательному уничтоженію дѣла Велизарія. Новая западная римская имперія, на Востокѣ, казалась узурпаціей, а эту узурпацію освящали папы; изъ подданныхъ византійской имперіи они самовольно сдѣлались свѣтскими государями; здѣсь въ глазахъ восточнаго христіанства было двоякое преступленіе: во-первыхъ, папа изъ подданнаго сдѣлался властителемъ земли, принадлежавшей тому государству, котораго подданнымъ былъ онъ; во-вторыхъ, будучи духовною особою, онъ сталъ вмѣстѣ свѣтскимъ государемъ. И трудно было найдти этому оправданіе и въ евангельскомъ ученіи и въ соборныхъ правилахъ.

Н. Костомаровъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ.

Изученіе памятниковъ древне-русской поэзіи сдѣлало въ короткое время громадные шаги впередъ. Давно-ли один изъ даровитѣйшихъ писателей нашихъ, Бѣлинскій, говорилъ о русскихъ сказкахъ, что «розыски о ихъ происхожденіи невозможны, а если-бы и были возможны, то безплодны. Если въ этихъ сказкахъ есть что-нибудь интересное, такъ это именно ихъ выраженіе, въ которомъ проявляется русскій умъ, — а не содержаніе, которое уже по тому самому нелѣпо, что оно, какъ иностранное (съ Востока или Запада), находится въ явномъ противорѣчіи съ русскимъ складомъ выраженія?» Не много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ у насъ такъ говорили и думали, а уже теперь не только страненъ, но просто невозможенъ подобный дѣтскій взглядъ на такія произведенія народнаго творчества, народной фантазіи, которыми питались, которые пересказывали или распѣвали другъ другу, въ продолженіе нѣсколькихъ сотенъ, даже тысячъ лѣтъ, безчисленныя поколѣнія. Ныньче никому уже не придетъ въ голову говорить объ одной только формѣ, объ одномъ только внѣшнемъ выраженіи, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о такихъ важныхъ проявленіяхъ народнаго ума, фантазіи и творчества, какъ сказки и пѣсни. За ними признано значеніе историческое, въ нихъ видятъ уже теперь памятники вѣрованій, понятій, обычаевъ и всей жизненной обстановки древнихъ сыновъ рода человѣческаго. Мудрено было бы имѣть въ настоящее время иной взглядъ въ виду всего, что̀ сдѣлано на Западѣ для изученія народныхъ

сказокъ и пѣсенъ. Для того, чтобъ наконецъ оставить навсегда прежнія слишкомъ наивныя понятія, намъ достаточно было хотя узнавать тѣ результаты, къ которымъ пришли путемъ долгаго изученія западные изслѣдователи. И это скоро принесло свои плоды. Наши ученые не только взглянули серьезными глазами на созданія древняго нашего поэтическаго творчества, но стали изучать ихъ до самаго основанія, сравнивали ихъ одни съ другими, сравнивали съ подобными же произведеніями у другихъ славянскихъ и европейскихъ народовъ. Жатва вышла обильная и плодотворная. Число изслѣдователей растетъ у насъ съ каждымъ днемъ, и древне-русская поэзія, все болѣе и болѣе узнаваемая, начинаетъ давать новыя могучія опоры для вѣрнаго народнаго самосознанія.

Но мнѣ казалось, что при этомъ изученіи не всегда изслѣдованіе стояло на своей настоящей почвѣ, и что это особенно выразилось при изученіи нашихъ *былинъ* или *богатырскихъ пѣсенъ*. Мнѣ казалось, что нельзя признавать чисто-русскимъ, совершенно-самостоятельнымъ, многое изъ того, что̀ у насъ признается за таковое: у меня были подъ руками памятники иныхъ народовъ, забытые или еще неузнанные, съ которыми необходимо ставить эти произведенія древней русской поэзіи. Поэтому я и рѣшился представить на общее обсужденіе свои основанія и соображенія, въ надеждѣ, что они могутъ послужить указаніемъ или исходною точкою для дальнѣйшихъ розысканій.

Настоящее изслѣдованіе мое состоитъ изъ *двухъ* главныхъ частей: 1) разбора нѣсколькихъ главнѣйшихъ былинъ нашихъ, и 2) представляемыхъ ими, на мой взглядъ, выводовъ. Но я счелъ необходимымъ предпослать имъ, какъ введеніе, еще третью часть: разборъ двухъ сказокъ, одну—объ Еруcланѣ Лазаревичѣ, другую — о Жаръ-Птицѣ, первую какъ такую сказку, въ которой у насъ признаютъ *восточное* происхожденіе, а вторую,— какъ сказку, у которой нельзя оспаривать ближайшаго родства и тожества *съ западно-европейской* сказкой того-же имени. Разсмотрѣніе обѣихъ этихъ сказокъ было мнѣ необходимо для выводовъ, предлагаемыхъ въ концѣ изслѣдованія.

Приступая къ дѣлу, мнѣ остается только просить читателя, чтобъ онъ не сѣтовалъ на многочисленныя и пространныя мои выписки изъ поэмъ, пѣсенъ, легендъ и сказокъ разныхъ иноземныхъ народовъ: мнѣ необходимо было приводить ихъ цѣликомъ, иногда во всей обширности ихъ, потому что мнѣ важно и необходимо не одно содержаніе того или другого разсказа, но и внѣшняя поэтическая его форма, всѣ его подробности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

СКАЗКА О ЕРУСЛАНѢ ЛАЗАРЕВИЧѢ.

Сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ въ русскомъ народѣ, но, не смотря на это, наши изслѣдователи такъ мало обращали на нее до сихъ поръ вниманія, что въ печати можно найти лишь нѣсколько отрывочныхъ, и притомъ противорѣчивыхъ замѣтокъ о ней. Никто еще не подвергалъ ее полному, всестороннему изслѣдованію, и мы имѣемъ о ней лишь слѣдующіе отзывы. Макаровъ, въ своихъ «*Догадкахъ объ исторіи русскихъ сказокъ*», спрашивалъ: «сказка объ Ерусланѣ и другія ей подобныя не дошли-ли къ намъ отъ новѣйшихъ славянскихъ народовъ?»[1]) Сахаровъ утверждалъ, что Еруcланъ происхожденія чисто-русскаго, но что въ этой сказкѣ замѣтно много прибавокъ западныхъ[2]). Бѣлинскій, въ обширной статьѣ, посвященной обозрѣнію и критикѣ русскихъ пѣсенъ и сказокъ, говорилъ, что Еруcланъ Лазаревичъ отзывается востокомъ, и вѣроятно появился у насъ не раньше XVIII вѣка[3]). Г. Снегиревъ считалъ Еруслана сказкою «восточнаго происхожденія»[4]). Хомяковъ полагалъ, что Ерусланъ явнаго восточнаго происхожденія, и полученъ нами отъ армянъ или грузинъ; наконецъ, г. Безсоновъ, не вдаваясь въ подробности, признавалъ эту сказку «заносною отъ сопредѣльныхъ народовъ»[5]).

Итакъ, большинство мнѣній склоняется въ пользу восточнаго происхожденія нашей сказки. Но это—мнѣнія совершенно голословныя, ровно ничѣмъ не подтвержденныя. И, надо правду сказать, наврядъ-ли кто въ прежнее время имѣлъ возможность заняться надлежащимъ изслѣдованіемъ: всѣ извѣстные прежде, въ печати и въ рукописяхъ, пересказы этой сказки были до крайности неудовлетворительны и представляли сказку въ какомъ-то очень странномъ и искаженномъ видѣ. Теперь мы имѣемъ текстъ вполнѣ превосходный, такой, который даетъ русскимъ изслѣдователямъ возможность подвергнуть сказку о Ерусланѣ са-

---

1) *Телеграфъ*, 1830, № 21, стр. 157—164.
2) *Русскія народныя сказки*, С.-Петербургъ, 1841, стр. CXIV.
3) *Сочиненія Бѣлинскаго*, т. V, стр. 208.
4) *Лубочныя картинки въ московск. мірѣ*, Москва, 1861, стр. 107.
5) *Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ*, вып. 3-й; Замѣтка, стр. XII, XVI.

мому основательному разсмотрѣнію. Мы разумѣемъ напечатанное въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности» 1859 года, «*Сказаніе о нѣкоемъ славномъ богатырѣ Урусланѣ Залазаревичѣ*», по рукописи XVII вѣка, изъ библіотеки Ундольскаго. Издатели были вполнѣ правы, замѣтивъ, что немногія рукописи XVII вѣка сохранили намъ въ такой свѣжести, какъ эта, полноту эпическаго разсказа. Дѣйствительно, нечего и сравнивать этого текста съ прочими, до сихъ поръ извѣстными въ рукописяхъ, въ печатныхъ изданіяхъ (начиная съ петербургскаго изданія 1797 г.) и въ изданіяхъ лубочныхъ: всѣ они являются лишь поздними, довольно-нескладными искаженіями первоначальнаго текста; между тѣмъ, какъ тотъ текстъ, который мы теперь узнаемъ изъ рукописи Ундольскаго, содержитъ неожиданное богатство деталей, новый, ясный и твердый планъ сказки, опредѣлительно обозначившіяся формы, и все это вмѣстѣ ведетъ къ такимъ соображеніямъ и выводамъ, которые прежде наврядъ-ли были возможны.

Вотъ вкратцѣ главныя черты сказки, по рукописи Ундольскаго.

Жилъ былъ царь Киркоусъ Киркодановичъ, и у него былъ дядя, князь Залазарь Залазаревичъ, а у князя Залазаря сынъ Уруcланъ Залазаревичъ. Когда Уруслану было всего только десять лѣтъ, бояре и князья стали жаловаться царю, что имъ и ихъ дѣтямъ нѣтъ житья отъ Уруслана: что какъ онъ выйдетъ на улицу, да кого возьметъ за руку, тому руку вырветъ, а кого возьметъ за ногу, тому ногу выломитъ. Царь Киркоусъ велѣлъ дядѣ выслать Уруслана изъ царства. Уруcланъ поселяется въ каменной палатѣ, на берегу моря, и стрѣляетъ гусей и лебедей, чтобъ прокормить себя. Все шло хорошо, одна только была у него печаль: не могъ онъ сыскать коня по себѣ, никакой конь не поднималъ его. Но разъ онъ повстрѣчался въ полѣ со старымъ конюхомъ Ивашкой, который уже 30 лѣтъ стережетъ стада его отца, князя Залазаря. Этотъ научаетъ его, какъ достать чуднаго коня. Уруcланъ даетъ этому коню имя—вѣщій Арашъ, и съ нимъ пускается на богатырскіе подвиги. Едва выѣхавъ въ поле, Уруcланъ встрѣчаетъ своего отца, который разсказываетъ, что на Киркоуса напалъ князь Даніилъ Бѣлый съ войскомъ, хвалясь взять Киркоуса въ полонъ, со всѣми его двѣнадцатью богатырями, и увезти изъ царства все золото и серебро, угнать всѣ стада конскія. Тогда Уруcланъ забываетъ свою досаду на царя, побиваетъ совершенно одинъ рать Даніила Бѣлаго и оставляетъ ему самому жизнь лишь на томъ условіи, что онъ никогда болѣе не будетъ тревожить ихъ царство. Потомъ Уруcланъ пускается на дальнѣйшіе подвиги.

Одну за другою встрѣчаетъ онъ три побитыя рати, и узнаетъ, что онѣ побиты княземъ Иваномъ, русскимъ богатыремъ, отыскиваетъ этого Ивана, побѣждаетъ его, но не лишаетъ жизни и дѣлаетъ его своимъ названымъ братомъ, и тотчасъ-же вслѣдъ за тѣмъ доказываетъ ему свою пріязнь тѣмъ, что ѣдетъ къ князю Ѳеодулу-Змѣю, и въ единоборствѣ убиваетъ его, а дочь его, руки которой тщетно добивался князь Иванъ, отдаетъ въ жены этому русскому богатырю. Изъ подслушаннаго разговора молодыхъ супруговъ Урусланъ узнаетъ, что есть на свѣтѣ богатырь удалѣе его, и ѣдетъ отыскивать его. Но напередъ заѣзжаетъ домой проститься съ отцомъ и матерью, и тутъ находитъ все царство Киркоусово пустымъ, ограбленнымъ и безлюднымъ: уцѣлѣлъ одинъ лишь человѣкъ, и тотъ разсказываетъ богатырю, что вотъ уже три года тому назадъ, снова пришелъ войною на Киркоуса князь Даніилъ Бѣлый, все царство вывоевалъ, царя Киркоуса и князя Залазаря и двѣнадцать богатырей къ себѣ въ полонъ взялъ, людей въ царствѣ посѣкъ, всѣ сокровища увезъ. Урусланъ ѣдетъ въ царство князя Даніила Бѣлаго, и тамъ находитъ, что Киркоусъ, Залазарь и богатыри посажены въ темницу, и всѣмъ имъ выколоты глаза. Тогда, по наученію отца своего, князя Залазаря, Урусланъ ѣдетъ отыскивать, на морѣ, Зеленаго-царя, Огненный-щитъ, Пламенное-копье, достигаетъ его съ помощью волшебной дѣвы, превращенной въ птицу-хохотуня, убиваетъ его, и возвращаетъ имъ всѣмъ зрѣніе, помазавъ глаза печенью и кровью Зеленаго-царя. Киркоусъ возвращается на свой престолъ, а Урусланъ ѣдетъ продолжать свои подвиги. Въ полѣ онъ находитъ двухъ царевенъ-красавицъ, и, разспрашивая ихъ одну послѣ другой, узнаетъ, что въ индѣйскомъ царствѣ есть царевна, которая краше всѣхъ на свѣтѣ, и богатырь Ивашка, бѣлая поляница, сторожъ индѣйскаго царя, который удалѣе его, Уруслана. Онъ ѣдетъ отыскивать ихъ, и на индѣйскомъ рубежѣ находитъ Ивашку, который стоитъ тамъ уже семь лѣтъ и никого не пропускаетъ. Урусланъ вступаетъ съ нимъ въ единоборство и убиваетъ его, а самъ ѣдетъ къ индѣйскому царю и поступаетъ къ нему на службу. Тутъ онъ спасаетъ царство отъ трехъ-главаго змѣя, живущаго въ озерѣ, который пожираетъ всякій день по человѣку, и, убивъ его, спасаетъ царевну, которую на слѣдующій день должны были отдать чудовищу на съѣденіе. Изъ своего боя Урусланъ возвращается съ драгоцѣннымъ камнемъ, найденнымъ на днѣ озера, и послѣ того женится на царевнѣ, по желанію ея отца. Во время первой ночи онъ узнаетъ отъ своей молодой жены, что въ Солнечномъ-городѣ царствуетъ царевна, которая несравненно краше

ея. Услыхавъ это, Урусланъ на слѣдующее же утро покидаетъ свою жену, и ѣдетъ въ Солнечный-городъ, оставивъ женѣ свой драгоцѣнный камень, по которому-бы ему можно было узнать рожденнаго отъ нея сына или дочь его. Въ Солнечномъ-городѣ Урусланъ дѣйствительно находитъ царевну-красавицу, живетъ съ нею много лѣтъ и совершенно забываетъ про свою жену. Между тѣмъ эта послѣдняя родила сына, котораго назвали Урусланъ Урусдановичъ. Когда ему исполнилось 12 лѣтъ, онъ узнаетъ отъ матери, кто его отецъ, и ѣдетъ отыскивать его. Онъ пріѣзжаетъ къ Солнечному-городу; Урусланъ бьется съ нимъ, сшибаетъ съ коня, хочетъ уже заколоть его и въ эту самую миниту видитъ на рукѣ молодого богатыря свой драгоцѣнный камень. Тутъ слѣдуютъ распросы и объясненія, отецъ съ сыномъ узнаютъ другъ друга, оба возвращаются въ индѣйское царство, къ женѣ Уруслановой, и царь отдаетъ Уруслану полъ-царства и полъ-имѣнія своего.

Еще не зная настоящей, полной редакціи этой сказки, но только прочитавъ Еруслана въ нѣмецкомъ переводѣ съ одного изъ плохихъ лубочныхъ изданій позднѣйшаго времени, Яковъ Гриммъ, уже цѣлыхъ 35 лѣтъ назадъ, угадалъ тонкимъ чутьемъ своимъ истинное значеніе этой сказки. «Сказка о Ерусланѣ, сказалъ онъ, должно-быть, выдѣлилась изъ какой-нибудь поэмы»[1]); а въ другомъ мѣстѣ: «Можно предполагать, что въ сказкахъ о Ерусланѣ Лазаревичѣ и Ильѣ Муромцѣ заключается главная основа эпическихъ народныхъ поэмъ, которыхъ стиль и размѣръ походятъ на таковые же въ сербскихъ»[2]). Имѣя нынче въ рукахъ наилучшую редакцію Еруслана, нельзя не вспомнить словъ великаго нѣмецкаго ученаго, и не подивиться его вѣрному взгляду на поэтическія произведенія народности, ему совершенно чуждой да и вообще малоизвѣстной.

Дѣйствительно, многочисленныя пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, неизвѣстныя Гримму, оправдываютъ его предположеніе о первоначальной стихотворной формѣ сказаній объ этомъ богатырѣ. Что же касается до сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, то, хотя мы и не имѣемъ (до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ) соотвѣтствующихъ ей пѣсенъ на русскомъ языкѣ, но за то въ настоящее время оказывается, что, съ одной стороны, она представляетъ, самое близкое родство съ пѣснями объ Ильѣ Муромцѣ, а съ другой — съ разными восточными поэмами и пѣснями, и

---

[1]) Russ. Volksmärchen, übers. von Anton Dietrich. Leipzig, 1831; предисловіе Гримма, стран. VIII.

[2]) Тамъ же стр. VII.

въ особенности съ повѣстью о жизни и подвигахъ одного прославленнаго восточнаго богатыря, какъ они разсказаны въ одной знаменитой восточной поэмѣ. Если Гриммъ не указалъ на это родство сразу, съ такою-же опредѣлительностью, какъ онъ это сдѣлалъ со сказкой о Бовѣ-Королевичѣ [1]), то этому причиною была, конечно, неудовлетворительная редакція сказки, бывшей у него въ рукахъ.

Нашъ Еруcланъ Лазаревичъ есть не кто иной, какъ знаменитый Рустемъ персидской поэмы *Шахъ-Намэ* (книга царей). Конечно, похожденія Еруслана составляютъ, можно сказать, лишь небольшую частицу всего того, что̀ въ персидской поэмѣ разсказывается о Рустемѣ; они, по справедливому предположенію Гримма, не больше какъ эпизодъ, такъ какъ они — отрывокъ изъ громадной массы богатырскихъ и волшебныхъ похожденій Рустема; но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, пропуская цѣлую груду другихъ эпизодовъ, что событія, совершающіяся съ Еруcланомъ, представляются въ нашей сказкѣ точно въ томъ самомъ порядкѣ, какъ въ Шахъ-Намэ съ Рустемомъ, и вся разница между ними состоитъ лишь въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе важныхъ подробностяхъ.

Обратимъ прежде всего вниманіе на поразительное тожество многихъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ персидскомъ и русскомъ оригиналѣ. У насъ, Еруcланъ живетъ и богатырствуетъ при царѣ Киркоусѣ; а имя персидскаго (иранскаго) царя, при которомъ совершаются почти всѣ главные подвиги Рустема— «Кей-Каусъ»: *Кей* есть имя цѣлаго рода, фамиліи; *Каусъ*—собственное имя царя. У насъ царя этого зовутъ по-батюшкѣ «Кирководановичъ»; въ Шахъ-Намэ, отецъ Кей-Каусовъ былъ — «Кей-Кобадъ», и такимъ образомъ изъ первоначальнаго «Кей-Кобадовичъ», у насъ произошло «Кирководановичъ».

По тексту рукописи Ундольскаго, отца Еруcланова звали «Залазарь», тогда какъ во всѣхъ прочихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ—«Лазарь». Лишній слогъ «*За*» не ошибка и не случайность: въ Шахъ-Намэ отца Рустемова обыкновенно зовутъ «Заль»; но это лишь сокращеніе полнаго имени—«Заль-Зеръ», что̀ значило на древне-персидскомъ языкѣ «старый и сѣдой». Имя это было дано Заль-Зеру потому, что онъ родился съ сѣ-

[1]) Бова-Королевичъ—это извѣстный романъ изъ цикла Карла Великаго — Буово д'Антона. Самъ Бова, это—Буово, Дружневна—Друзіяна, Симбальда—Синибальдо, Полканъ—Пуликано, городъ Антонъ—Анкона первоначальнаго сказанія (Rus. Volksmärchen, предисл. стр. IX).

дыми волосами [1]). Персидское «Заль-Зеръ» явилось сначала на нашей почвѣ въ формѣ — «Залазарь», а изъ нея, впослѣдствіи, по сходству звуковъ, образовано христіанское «Лазарь», и Еруслань «Залазаревичъ» превратился въ Еруслана «Лазаревича».

Въ русской сказкѣ, конь Еруслановъ называется Арашъ, въ Шахъ-Намэ—Ракшъ, что на древне-персидскомъ языкѣ значило: *пестрый*, *блестящій*, *живой*.

Если-же отъ собственныхъ именъ мы обратимся къ подробностямъ событій, то найдемъ въ однихъ случаяхъ совершенное тожество, въ другихъ— ближайшее сходство.

Въ Шахъ-Намэ разсказъ о Рустемѣ начинается событіями, которыхъ въ русской сказкѣ нѣтъ. Говорится о чудномъ рожденіи Рустема, потомъ о богатырскихъ качествахъ, которыя проявились въ Рустемѣ съ самаго перваго дѣтства: «Десять кормилицъ кормили его грудью; когда его отняли отъ груди, онъ принялся за хлѣбъ и мясо, и сталъ съѣдать столько, сколько пять взрослыхъ человѣкъ вмѣстѣ; уставали его кормить. Дѣдъ его, по имени Самъ, не могъ надивиться его росту, стану, широкой груди, ногамъ крѣпкимъ, какъ ноги верблюда, его львиному сердцу, его силѣ, подобной силѣ льва и пантеры; никто не могъ съ нимъ равняться ни въ силѣ, ни въ красотѣ и величіи. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что такого ребенка еще никогда не бывало на свѣтѣ (Mohl. I, 357 — 361). Первый подвигъ Рустема-ребенка тотъ, что онъ палицей убиваетъ бѣшенаго бѣлаго слона, сорвавшагося съ цѣпи. Всѣхъ этихъ подробностей въ нашей сказкѣ нѣтъ. Еруслановы первые годы не отличаются ничѣмъ особеннымъ; лишь съ десяти-лѣтняго возраста у него оказалась такая сила и задоръ, что кого онъ ни схватитъ за руку, тому руку вырветъ, кого ни схватитъ за ногу, тому ногу выломитъ, и это кончается изгнаніемъ Еруслана изъ царства: этого о Рустемѣ не разсказывается. До сихъ поръ, такимъ образомъ, между Шахъ-Намэ и нашей сказкой сходства еще нѣтъ.

Но, вслѣдъ за разсказомъ о дѣтствѣ, начинаются черты близкаго сходства. Рустемъ, собираясь въ первый походъ, говоритъ отцу своему, Заль-Зеру: «Мнѣ нуженъ конь, величиной съ гору, и котораго только я одинъ могъ-бы поймать арканомъ; такой конь, который могъ-бы снести мою тяжесть». Заль при-

---

[1]) Въ ссылкахъ на Шахъ-Намэ я имѣю всегда въ виду классическій переводъ Моля: *Le livre des rois*, traduit par Jules Mohl, Paris 1838—1855. Во всѣхъ четырехъ томахъ, гдѣ разсказывается о Рустемѣ, только въ *семи* мѣстахъ я встрѣтилъ полное имя «Заль-Зеръ»: т. I, стр. 229, 231, 253, 309; т. IV, стр. 243, 585 и 643. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ отецъ Рустемовъ зовется «Заль».

казываетъ пригнать всѣ табуны своихъ коней изъ Забулистана и Кабула, но ни одинъ конь не годится Рустему: онъ каждому накладываетъ руку на спину, и тотъ не въ состояніи выдержать его силы, падаетъ на колѣнки. Наконецъ, онъ замѣтилъ въ одномъ табунѣ жеребчика, который ему показался хорошъ, въ то время, когда бѣжалъ мимо со своею матерью. «Спина и грудь у него были такія-же широкія, какъ у матери его, глазъ черный, хвостъ поднятъ, копыта словно стальныя. Все тѣло его было въ розовыхъ пятнахъ по шафранному полю. Ночью онъ могъ различать, за два фарзанга [1]) разстоянія, маленькаго муравья на чемъ-нибудь черномъ; это былъ слонъ по силѣ, верблюдъ по росту, и бисутунскій левъ по мощи. Рустемъ тотчасъ же захотѣлъ поймать его арканомъ. Старый пастухъ сказалъ ему: О могучій человѣкъ, не бери чужаго коня.—Рустемъ спросилъ: А кому принадлежитъ этотъ конь? у него нѣтъ тавра ни на одной ногѣ.—Пастухъ отвѣчалъ: Не ищи тавра. Много разсказовъ про этого коня; мы зовемъ его Ракшемъ: онъ весь пестрый (въ яблокахъ), блестящъ какъ вода, и живъ какъ пламя. Мы не знаемъ его хозяина, но называемъ Ракшемъ Рустемовымъ».—Послѣ этого, Рустемъ прогоняетъ кобылицу, которая хотѣла было защитить свое дѣтище, и испытываетъ силу этого жеребчика. «Онъ протянулъ свои богатырскія руки, и со всей силы ударилъ ладонью по спинѣ коня,—Ракшъ не погнулся, словно не слыхахъ ничего. Рустемъ сказалъ про себя: вотъ мое сѣдалище, вотъ теперь-то я могу совершать великія дѣла!—Онъ вскочилъ на Ракша, подобнаго вѣтру, и розоватый конь встрепенулся подъ нимъ. Онъ спросилъ пастуха: Какая цѣна этому дракону, кто мнѣ ее скажетъ?—Пастухъ отвѣчалъ: «Если ты Рустемъ, ѣзди на немъ и поратуй за Иранъ. Цѣна его — земля иранская; верьхомъ на Ракшѣ ты спасешь міръ!» — Рустемъ улыбнулся такъ, что губы его стали точно коралловыя, и онъ сказалъ: «Это божье дѣло—дѣлать добро!» Онъ положилъ сѣдло на спину розоваго коня, и голова его наполнилась желаніемъ мести и битвъ. Онъ растворилъ ротъ Ракшу, и увидѣлъ, что конь быстръ, храбръ, силенъ и породистъ, что онъ могъ выносить его латы, шлемъ и палицу, его богатырское тѣло, его грудь и руки» (Mohl I, 449 — 451).

Русскій разсказъ о пріобрѣтеніи Араша не что иное, какъ выписанный нами разсказъ персидской поэмы, но въ значительно сокращенномъ и урѣзанномъ видѣ. Измѣненія самыя незначи-

---

[1]) Фарзангъ=4 англійскія мили; слѣдовательно, два фарзанга составляютъ около 12 верстъ.

тельныя. Уруcланъ говоритъ конюху Ивашкѣ, сторожащему отцовскихъ коней: «Я ни о чемъ не тужу, какъ только о томъ, что нѣтъ у меня по моей мысли коня и не могу нигдѣ добыть такого коня, который бы меня подняль. А отецъ мой, князь Залазарь, разсылалъ по многимъ городамъ и далекимъ землямъ, и нигдѣ не могъ добыть такого коня.—Ивашка, старый конюхъ, на это молвилъ: Господине Урусланъ Залазаревичъ, есть въ отцовѣ стадѣ жеребецъ, третьимъ лѣтомъ, онъ ни у какого человѣка еще въ рукахъ не бывалъ, а тебѣ, чаю, по мысли будетъ.—И Урусланъ молвилъ: Буде у тебя въ стадѣ есть такой жеребецъ, то мнѣ его доставь, и я покамѣстъ живъ, другъ тебѣ буду.—А Ивашка молвилъ: Я добра отца твоего къ себѣ не забылъ, и я нынѣ и тебѣ послужу. На утро же, Богъ дастъ, я тебѣ все стадо пригоню. И буде того жеребца возможешь самъ поймати, и ты его поймай, а буде того жеребца поймати не возможешь самъ, ино тебѣ того жеребца не видать, поймать его некому, еще онъ ни у какого человѣка въ рукахъ не бывалъ! И на другое утро учинился въ полѣ великій стукъ необычный, и копоть *(ископыть, что изъ подъ копытъ летитъ)* встала великая. И посмотритъ Урусланъ на лугъ: изъ поля старый конюхъ стадо гонитъ, а напередъ бѣжитъ жеребецъ великъ добре. И Урусланъ взялъ узду тесмяную, окованную златомъ и удила булатныя, и пошелъ къ берегу, и когда жеребецъ сталъ пить воду, онъ ухватилъ его за шею, да ударилъ по бедрамъ, и жеребецъ палъ на окорачки. И Урусланъ молвилъ: дурная ты кляча, кому на тебѣ ѣздити, какъ не намъ богатырямъ? И онъ наложилъ на него узду и повелъ къ каменной своей палатѣ, а жеребецъ величествомъ мало не съ палатой равенъ. И далъ Урусланъ жеребцу имя: вѣщій Арашъ, и положилъ на него сѣдло черкаское и подпруги подтянулъ, и поѣхалъ потѣшаться въ чистомъ полѣ».

Далѣе у насъ идетъ разсказъ о нападеніи князя Даніила Бѣлаго на Киркоусово царство, и о томъ, какъ Урусланъ освободилъ изъ темницы царя и его богатырей, а также своего отца, и всѣмъ имъ возвратилъ зрѣніе. Все это есть и въ Шахъ-Намэ, разница въ подробностяхъ очень небольшая.

Главная разница здѣсь въ томъ, чтъ не на Кей-Кауса нападаютъ,—а онъ самъ, только что сѣвъ на отцовскій престолъ, вдругъ возгордился своею силою, войскомъ и богатствами до такой степени, что вообразилъ себя выше всѣхъ царей на свѣтѣ, не хотѣлъ уже считать никого себѣ равнымъ, и затѣялъ напасть на сосѣднее мазандеранское царство, обитаемое Дивами—существами миѳологическими, вмѣстѣ чудовищами и волшебни-

ками. Тщетно приближенные отговариваютъ его: расхваставшійся и расчванившійся Кей-Каусъ никого слушать не хочетъ, беретъ войско и идетъ на Мазандеранъ. Но верховный предводитель войска Дивовъ, *Бѣлый Дивъ* (*князь Даніилъ Бѣлый* нашей сказки), выходитъ противъ него, разбиваетъ войско иранцевъ и уводитъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ. Тогда Заль-Зеръ, отецъ Рустемовъ, не ходившій въ этотъ походъ, спѣшитъ къ своему сыну и разсказываетъ ему обо всемъ случившемся. Рустемъ отвѣчаетъ: «Я посвящаю жизнь и тѣло свое царю, я разрушу талисманы и волшебниковъ, я приведу назадъ всѣхъ иранцевъ, которые остались еще живы; клянусь именемъ Бога единаго, Создателя, что Рустемъ не сойдетъ съ Ракша прежде, чѣмъ свяжетъ царя мазандеранскаго и растопчетъ голову воеводы его!» (Mohl, I, 509). Въ нашей сказкѣ есть все это, и подъ конецъ Урусланъ говоритъ своему отцу: «О томъ, государь-батюшка, не кручинься: тѣмъ могу царю Киркоусу и тебѣ послужити, рать князь-Данилу побью, а самого князь-Данила живаго ко царю приведу.»

Послѣ того начинаются знаменитыя семь приключеній Рустемовыхъ, составляющихъ цѣлый особый отдѣлъ въ Шахъ-Намэ. Большинство ихъ, съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, повторены въ нашей сказкѣ объ Еруланѣ.

Первыхъ двухъ приключеній персидской поэмы: сраженія со львомъ и нахожденія источника — въ русской сказкѣ нѣтъ. Но третье, сраженіе съ дракономъ, есть то самое приключеніе, которое является у насъ въ сказкѣ подъ видомъ нѣсколько измѣненнаго эпизода объ Иванѣ, русскомъ богатырѣ.

Пріѣхавъ въ тѣ мѣста, гдѣ живетъ драконъ, Рустемъ сходитъ съ коня и ложится спать; а въ русской сказкѣ: «И въѣзжаетъ Урусланъ на холмъ: тутъ шатеръ стоитъ; и онъ сошелъ съ коня, и посмотрѣлъ въ шатеръ: тамъ богатырь спитъ, а уснулъ добре крѣпко. И Урусланъ вошелъ въ шатеръ, и, не будя богатыря, легъ и уснулъ добре крѣпко, да учалъ спати долго». Увидавъ Рустема, драконъ «разсматриваетъ съ удивленіемъ этого спящаго богатыря, ищущаго власти надъ міромъ, и подлѣ него коня его»; а въ русской сказкѣ: «И пробудился князь Иванъ, русскій богатырь, и посмотрѣлъ на Уруслана, а самъ ужаснулся и вышелъ изъ шатра вонъ: а тутъ конь ходитъ встревоженъ, великъ добре». Ракшъ будитъ Рустема, богатырь встаётъ, и, на вопросъ дракона, разсказавъ ему свое имя и отечество, бьется съ нимъ; Ракшъ принимаетъ участіе въ боѣ и своими зубами разрываетъ плечи дракона, чѣмъ облегчаетъ Рустему побѣду надъ врагомъ (Mohl, I). Все это есть и въ рус-

ской сказкѣ: пробужденный — впрочемъ не конемъ, а княземъ Иваномъ — Урусланъ встаетъ, говоритъ свое имя и отечество Ивану, они бьются, и Арашъ помогаетъ своему господину; «а добрый конь Уруслановъ, вѣщій Арашъ, наступилъ на пансырское ожерелье копытомъ». Послѣ того оба разсказа нѣсколько расходятся: въ персидской поэмѣ, Рустемъ убиваетъ дракона и тѣмъ кончается приключеніе; у насъ же Урусланъ сжаливается надъ побѣжденнымъ княземъ Иваномъ и милуетъ его.

Но конецъ этого эпизода въ русской сказкѣ опять сильно напоминаетъ Шахъ-Намэ. Урусланъ вступаетъ въ единоборство съ Ѳеодуломъ-Змѣемъ, и окончаніе этого единоборства описывается такъ: «И какъ на утрѣ будетъ на солнечномъ всходѣ, вышелъ Ѳеодулъ съ ратью, и Урусланъ сѣлъ на своего добраго коня и вооружился въ ратное оружіе.... И какъ пособилъ Богъ Уруслану и побили они (съ княземъ Иваномъ) съ половину рати, и Ѳеодулъ-Змѣй побѣжалъ.... И какъ онъ утекъ въ каменныя ворота городовыя, и по божію велѣнью Урусланъ Ѳеодула досталъ по шелому и разсѣкъ его на-двое до сѣдла». Въ Шахъ-Намэ, это — седьмое приключеніе Рустема, а именно его битва съ Дивомъ Арзенгомъ, однимъ изъ военачальниковъ войска Дивовъ: «Рустемъ пошелъ противъ этого Дива, онъ увидалъ каменную пещеру, подобную аду, глубина ея была вся во тьмѣ.... Онъ не торопился убить Дива, но крикнулъ такимъ крикомъ, какъ тигръ; Дивъ проснулся и вышелъ къ нему на бой. Рустемъ разъярился какъ дикій левъ, ударилъ Дива острымъ мечомъ своимъ по серединѣ тѣла и отсѣкъ ему ногу». Скоро потомъ, Рустемъ убилъ уже до смерти Арзенга (Mohl I, 537—539). Въ обоихъ случаяхъ врагъ героя — военачальникъ, человѣкъ-чудовище (Змѣй, Дивъ), и его убиваютъ въ каменной пещерѣ, или за каменными воротами городскими.

Свиданіе Кей-Кауса, сидящаго въ плѣну у Бѣлаго-Дива, и Рустема, желающаго помочь ему, произошло, по персидской поэмѣ, слѣдующимъ образомъ: «Рустемъ приблизился къ царю, и всѣ иранскіе богатыри окружили его. Рустемъ очень сожалѣлъ о царѣ, воздалъ ему почтеніе и сталъ распрашивать о его долгихъ страданіяхъ. Каусъ прижалъ его къ груди, спросилъ его про Заме, про трудный путь его, потомъ сказалъ: Теперь скачи на Ракшѣ такъ, чтобъ эти Дивы не замѣтили; потому что когда Бѣлый-Дивъ (глава ихъ) узнаетъ, что исчезъ съ лица земли Арзенгъ (тотъ военачальникъ Дивовъ, о которомъ говорено выше), и что Рустемъ пріѣхалъ къ Каусу, тогда всѣ Дивы соберутся, твои труды пропадутъ понапрасну, и міръ наполнится войскомъ Дивовъ. Тотчасъ же поѣзжай въ жилище главнаго Дива, и не

давай отдыха ни своему тѣлу, ни мечу, ни стрѣламъ. Если Богъ поможетъ, ты свергнешь въ прахъ головы волшебниковъ. Тебѣ надобно перейти семь горъ, наполненныхъ всюду войсками Дивовъ; потомъ ты увидишь ужасную пещеру, которая, какъ я слышалъ, есть жилище ужаса и страховъ. Входъ въ нее наполненъ воинственными Дивами, готовыми биться какъ тигры. Тутъ живетъ Бѣлый-Дивъ, который есть вмѣстѣ и ужасъ и надежда своего войска. Побѣди его! Онъ и начальникъ и опора своихъ воиновъ. Зрѣніе моихъ товарищей ослабѣло отъ горести, а мое также помрачилось и потемнѣло. Лѣкаря, осматривавшіе мои глаза, обѣщаются, что ихъ можно вылѣчить кровью изъ сердца и мозгомъ Бѣлаго-Дива. Одинъ знахарь сказалъ мнѣ: Если ты вольешь въ свои глаза три капли его крови, величиной со слезу, то вся темнота выйдетъ изъ нихъ вмѣстѣ съ этою кровью» (Mohl, I, 535). Въ русской сказкѣ это самое описывается слѣдующимъ образомъ: «И пришедши Урусланъ въ темницу и ударилъ челомъ царю Киркоусу, и молвилъ: Дай Богъ здравіе государю моему, царю Киркоусу и дядѣ его князю Залазарю и 12 богатырямъ его». Далѣе, Киркоусъ разсказываетъ свою бѣду Уруслану, и тотъ говоритъ: «Я ныньче тебѣ, государю, радъ служити головою своею: въ которомъ мѣстѣ мой супостатъ? И отецъ Уруслановъ молвитъ сыну своему: Господине ты мой сынъ Урусланъ Залазаревичъ! Только захоти послужить великому царю Киркоусу Киркодановичу и мнѣ, отцу своему, и царевымъ богатырямъ; поди ты: есть на морѣ Зеленый-царь, Огненный-щитъ, Пламенное-копье. А того царя не можетъ никакой богатырь достати, а ты силою силенъ, можно тебѣ того царя достати! И ты привези намъ того царя свѣжую печень и горячую кровь, и мы тою печенью и кровью помажемъ очи великому царю Киркоусу и намъ, богатырямъ его, и мы всѣ прозримъ, а впредь ты начнешь сильнымъ богатыремъ слыти».

По русской сказкѣ, Урусланъ совершаетъ этотъ подвигъ съ помощью одного волшебнаго существа. Ѣдетъ онъ, и самъ не знаетъ, гдѣ ему сыскать Зеленаго-царя: ни въ которой землѣ о немъ слухомъ не слыхано. И вотъ, онъ наѣзжаетъ въ полѣ на великій дубъ, прячется подъ нимъ. Наступаетъ полдень, летитъ великое стадо птицъ-хохотуней, и разсаживается на дубѣ. Посидѣвъ немного, онѣ оттуда сходятъ на землю и превращаются въ красныхъ дѣвицъ. Конемъ своимъ Арашемъ Урусланъ спугиваетъ ихъ и схватываетъ одну изъ нихъ. Тщетно она оборачивается всякимъ звѣремъ, и всякой птицей, и всякой гадиной: Урусланъ держитъ ее крѣпко и требуетъ, чтобъ она научила, гдѣ ему отыскать Зеленаго-царя. «Господине Уруслане,

говоритъ она, есть Зеленый-царь, да никакой человѣкъ не можетъ живъ его видѣти.—А Урусланъ молвилъ: Дѣвка! того мнѣ не сказывай: не поставишь ты меня въ царство Зеленаго-царя тотчасъ-же, тебѣ живой не быти, и отпуска себѣ не чай отъ меня.—И дѣвка молвитъ: Господине Уруслане! до Зеленаго-царя далеко: одному ѣхати отъ сихъ мѣстъ, 12 мѣсяцевъ, а я тотчасъ-же поставлю тебя у Зеленаго-царя, только меня не задержи, отпусти. — И Урусланъ сказалъ: Дѣвка! какъ ты меня поставишь у Зеленаго-царя, тотчасъ тебя отпущу, не задержу». По ея приказанію Урусланъ зажмуривается; три раза ступилъ на своемъ вѣщемъ Арашѣ, «и дѣвка молвитъ: Господине Уруслане! прозри! Ажно Урусланъ сталъ на чистомъ полѣ, подъ царствомъ Зеленаго-царя»; однакоже онъ все-таки не отпускаетъ свою волшебную помощницу: онъ приковываетъ ее къ стремени своего коня и отпускаетъ лишь тогда, когда, послѣ побѣды его надъ Зеленымъ-царемъ, она опять въ три мига становитъ его снова подъ дубомъ, гдѣ поймалъ ее вначалѣ, и потомъ идетъ къ Киркоусу, чтобы вылѣчить и освободить его. Царь Киркоусъ и двѣнадцать его богатырей помазываютъ себѣ глаза кровью и печенью Зеленаго-царя, и прозрѣваютъ; всѣ «стали вольный свѣтъ видѣть». Все это находится, въ нѣсколько иномъ видѣ, въ 4-мъ и 5-мъ приключеніяхъ Рустема, но съ тою разницею, что то, что разсказывается въ персидской поэмѣ о двухъ отдѣльныхъ личностяхъ, помогавшихъ Руслану, слито у насъ—въ одной. Въѣхавъ въ страну волшебниковъ, Рустемъ садится подъ деревомъ, на берегу ручья, и въ то время, какъ утоляетъ тамъ голодъ и жажду, ему является волшебница, превратившаяся въ молодую, прекрасную дѣвицу. Она хочетъ завлечь Рустема въ свои сѣти, но когда богатырь, собираясь пить съ нею чашу вина, произноситъ имя божіе, она вдругъ вся почернѣла: Рустемъ накидываетъ на нее арканъ, и она принуждена снова принять настоящій видъ свой, видъ отвратительной старухи. Рустемъ убиваетъ ее. Тотчасъ вслѣдъ затѣмъ онъ пріѣзжаетъ въ другую страну, гдѣ царствуетъ молодой Ауладъ; Рустемъ побиваетъ все его войско и обѣщается помиловать его самого, если онъ укажетъ ему дорогу къ Бѣлому-Диву, и туда гдѣ Кей-Каусъ сидитъ въ плѣну. Ауладъ сначала отговариваетъ Рустема, разсказываетъ ему, что путь ужасно длиненъ, предпріятіе трудно, опасно, и прибавляетъ: «Ты одинъ, да хотя-бы ты былъ сдѣланъ и изъ желѣза, посмѣешь-ли ты потереться объ этихъ аримановъ (демоновъ)?» Рустемъ улыбнулся и отвѣчалъ: Если ты проводишь меня, то увидишь, что̀ сдѣлаетъ съ этими прославленными ариманами одинъ человѣкъ помощью силы, дарованной ему Богомъ. Тогда Ауладъ

соглашается, и, быстрый какъ вѣтеръ, бѣжитъ передъ конемъ Рустемовымъ; онъ не отдыхалъ ни во время ночи темной, ни во время дня свѣтлаго, и наконецъ, приведя богатыря къ подошвѣ горы Аскруса, сказалъ: вотъ входъ въ мазандеранское царство! Рустемъ привязываетъ Аулада своимъ арканомъ къ дереву, самъ входитъ въ царство, потомъ побѣждаетъ Бѣлаго-Дива, и отвязавъ отъ дерева Аулада, отпускаетъ его, а самъ идетъ къ Кей-Каусу, освобождать и цѣлить его. Кровь Дива вливаютъ въ глаза царю и всѣмъ его спутникамъ, «и изъ темныхъ, глаза дѣлаются блестящими какъ солнце» (Mohl, I, 523). Ясно, что Ауладъ и злая волшебница подъ деревомъ этого послѣдняго разсказа были первообразами прекрасной дѣвицы-птицы, явившейся Уруслану подъ дубомъ и потомъ помогавшей ему въ его подвигахъ.

Послѣ того, въ персидской поэмѣ Рустемъ, а въ русской сказкѣ Урусланъ силою освобождаютъ царя изъ плѣна. Въ этомъ мѣстѣ, мы читаемъ въ нашей сказкѣ: «И князь Данило Бѣлый хотѣлъ побѣжать отъ Уруслана, и Урусланъ молвилъ: Уже ты отъ меня бѣгивалъ, а ныньче тебѣ у меня живота не будетъ за твое преступленіе, и бѣжать тебѣ отъ меня некуда. И поймалъ Урусланъ князя Данила Бѣлаго и привелъ его живаго къ царю Киркоусу, и царь Киркоусъ, поднявъ Данила князя Бѣлаго, да ушибъ о-землю до смерти». Въ Шахъ-Намэ разсказывается это же самое, только гораздо подробнѣе, и нѣсколько иначе. Излѣченный отъ слѣпоты и освобожденный изъ темницы, царь Кей-Каусъ выходитъ съ войскомъ противъ мазандеранскаго царя, все еще надѣющагося побѣдить его; семь дней длится сраженіе; наконецъ, Рустемъ сражается съ самимъ царемъ, онъ почти уже побѣдилъ его, но царь — волшебникъ: онъ превращается въ камень. Рустемъ въ отчаяньи, что ничего не можетъ съ нимъ сдѣлать; однакоже схватываетъ камень, «несетъ его къ палаткамъ Кей-Кауса, бросаетъ о-землю» и грозится разбить камень въ мелкіе куски, если волшебникъ не появится тотчасъ же въ настоящемъ своемъ видѣ. Тому страшно, онъ принимаетъ свой полу-человѣческій, полу-звѣриный видъ; Рустемъ схватываетъ его за руку, приводитъ къ Кей-Каусу, показываетъ царю побѣжденнаго, и потомъ велитъ разрубить его на куски.

«И царь Киркоусъ, — продолжаетъ русская сказка — всѣхъ своихъ сыскалъ, которые съ нимъ были въ полону, а князь-Данилова царства людей, которые ему грубили, всѣхъ велѣлъ смертною казнью казнити и разными муками мучити; а иныхъ, которые добрыхъ родовъ, велѣлъ для славы оставити у себя въ царствѣ, велѣлъ служити, а по князь-Даниловымъ городамъ раз-

сажалъ своихъ людей. И оттолѣ царь Киркоусъ пошелъ на свое царство добре радостенъ, и устроилъ царство свое лучше стараго, и учалъ царь Киркоусъ на своемъ царствѣ жити безмятежно».—Каждая изъ этихъ чертъ находится уже и въ Шахъ-Намэ: «Кей-Каусъ велѣлъ (послѣ казни мазандеранскаго царя) собрать въ кучи всю непріятельскую добычу. Войско сошлось все вмѣстѣ, и царь сталъ раздавать драгоцѣнности каждому по заслугѣ, смотря по понесеннымъ трудамъ. Потомъ онъ велѣлъ отрубить голову всѣмъ Дивамъ, которые не обожали Бога и приводили въ ужасъ войско его: тѣла ихъ побросали по перекресткамъ». Далѣе разсказывается, что по требованію Рустема Кей-Каусъ отдалъ мазандеранское царство въ правленіе Ауладу (которому Рустемъ еще прежде обѣщалъ его), возвратился въ Иранъ, и отпуская Рустема на родину, и осыпавъ его богатыми подарками, снова утвердилъ за нимъ грамотою удѣлъ его—южное царство. Самъ же раздѣлилъ міръ между своими вельможами, и сталъ проводить время въ пирахъ и весельи, и славно правилъ царствомъ» (Mohl, I, 567).

Наконецъ, есть еще цѣлый отдѣлъ разсказа, гдѣ сходство русской сказки съ персидскою поэмой, въ общемъ и въ подробностяхъ — поразительно. Это разсказъ о сынѣ богатыря. У насъ этого сына зовутъ Уруслономъ Урусолновичемъ, въ Шахъ-Намэ — Сограбомъ.

Въ нашей сказкѣ, послѣ побѣды надъ трехъ-главымъ чудовищемъ, Уруслонъ получаетъ отъ индѣйскаго царя дочь его въ замужство. «И спалъ съ нею Уруслонъ первую ночь, да всталъ отъ постели своей, да тотъ ей камень далъ, который съ собою изъ озера вынесъ. И молвитъ Уруслонъ: Душечка моя, красавица-царевна! родится у тебя послѣ меня сынъ, и ты тотъ камень на руку ему возложи; а родится у тебя дочь, и ты ей въ томъ камени серьги доспѣй.— И садится Уруслонъ на своего добраго коня, на вѣщаго Араша, да поѣхалъ Ѳолнечнаго-города доѣзжати, гдѣ царевна царствуетъ. И послѣ Уруслона родился у жены его, индѣйскаго царя дочери, отъ его Уруслонова плоду сынъ, и дали ему имя Уруслонъ Урусолновичъ. И какъ будетъ Уруслонъ двѣнадцати лѣтъ, захотѣлъ онъ потѣшиться царскою потѣхою, чести надъ собою царской же похотѣлъ, и которые добрыхъ родовъ царскіе дѣти и великихъ князей не учали надъ Уруслономъ чести держать, и учали говорить ему: Что ты за царевъ сынъ, что съ нами не гораздо шутишь? А ты у себя и отца не знаешь. И Уруслону Урусолновичу то слово учинилось добре въ досаду, и пришелъ Уруслонъ къ матери своей добре не-веселъ и учалъ говорити: Скажи мнѣ, госпожа моя мати, какого я отца

сынъ, и гдѣ отецъ мой? А меня тѣмъ многіе люди безчестятъ, и мнѣ въ срамѣ не можно лица своего показать. И Уруслану молвитъ мать его: Въ томъ ты, сынъ мой, не кручинься, отца ты сынъ добраго; отецъ у тебя былъ русскій богатырь, а пріѣхалъ изъ дальныя земли, изъ Киркоусова царства, а имя ему Урусланъ Залазаревичъ. И Урусланъ Уруслановичъ молвитъ: Да гдѣ нынѣе, мати, отецъ мой Урусланъ? А я еще его не знаю, а хочется мнѣ его въ очи увидѣть. И мать сказала: Сынъ мой Урусланъ Урусланович! Отецъ твой Урусланъ вѣнчался, да одну ночь ночевалъ со мною, да и поѣхалъ искати Солнечнаго-города, гдѣ красная царевна царствуетъ.—И разослалъ Урусланъ по дѣдинымъ стадамъ конскимъ, индѣйскаго царя, и выбралъ себѣ добраго коня по своей мысли, и осѣдлалъ его, и подпруги подтянулъ по своему обычаю, и остегнулъ на себя саадакъ, и саблю крымскаго дѣльца, и взялъ Урусланъ свое булатное копье, и сѣлъ на своего добраго коня, и поѣхалъ искати Солнечнаго-города. И какъ пріѣхалъ Урусланъ къ Солнечному-городу и сталъ по-конецъ мосту, и свиснулъ богатырскимъ голосомъ, и въ то время отецъ, Урусланъ Залазаревичъ, исполошился и самъ молвилъ царевнѣ: Не простой то человѣкъ крикнулъ, свиснулъ добрый сильный богатырь.—И садится Урусланъ на своего добраго коня, вѣщаго Араша, и поѣхалъ изъ Солнечнаго-города противъ богатыря къ мосту: а по-конецъ мосту стоитъ паробочекъ молодъ добре. И Урусланъ напустилъ на конѣ противъ паробочка съ копьемъ, а паробочекъ напустилъ противъ Уруслана, отца своего, съ копьемъ же; и съѣхались оба богатыря вмѣстѣ. И паробчикъ Уруслана ударилъ, отца своего, копьемъ тупымъ концомъ, и вышибъ его изъ сѣдла: мало Урусланъ съ коня не упалъ, удержался за сѣдельную луку, и поѣхали богатыри вдругорядь вмѣстѣ съѣзжатися. И Урусланъ паробчика сшибъ копьемъ, тупымъ концомъ, съ коня на землю, а добрый конь Урусланов, вѣщій Арашъ, у паробчика наступилъ на пансырское ожерелье. И Уруслану паробчика убити до смерти жаль, что еще молодъ добре, а паробчикъ въ сердцахъ подъ Урусланомъ рветъ у него копье булатное, и ухватилъ за копье добре крѣпко, и у паробчика рука обголилась. И Урусланъ у паробчика увидѣлъ тотъ камень, который Урусланъ изъ озера вынесъ, какъ чудо убилъ. И по тому камню Урусланъ опозналъ сына своего, и скочилъ Урусланъ съ коня долой, и учалъ паробчика спрашивать: Скажи мнѣ, брате, какой ты человѣкъ? Таковъ ты молодъ, а поѣхалъ козаковать рано. И паробчикъ молвитъ: Какъ мнѣ тебѣ сказатися? По подобію я человѣкъ, а и самъ не знаю, какого отца я сынъ; а сказываетъ мнѣ мать моя, индѣйскаго царя дочь,

красная царевна, что прозвали меня именемъ отца моего, Урусланомъ, а тотъ мой отецъ Урусланъ былъ русскій богатырь, а спалъ съ маткою моею одну ночь, да поѣхалъ прочь; а какъ я родился послѣ отца своего, тому 12 лѣтъ минуло. — И Урусланъ Залазаревичъ то слово помыслилъ, и сказалъ паробчику: Сынъ мой Урусланъ! а я твой отецъ Урусланъ Залазаревичъ; я тебя опозналъ по камню: какъ ты за копье мое хватился и у тебя рука оголилась, и я тотъ камень усмотрѣлъ у тебя на рукѣ, а тотъ камень я изъ озера вынесъ, какъ убилъ чудо о трехъ головахъ. И какъ я поѣхалъ гуляти отъ матери твоей, и я, поѣдучи, матери твоей приказалъ: родится послѣ меня сынъ, и ты тотъ камень на руку ему возложи, а родится у тебя дочь, и ты ей въ томъ камнѣ серьги доспѣй. И Богъ далъ мнѣ тебя добраго сына!» Въ заключеніе, обрадованный Еруслан покидаетъ Солнечный-городъ и возвращается съ сыномъ къ прежней женѣ.

Въ Шахъ-Намэ встрѣчаемъ, съ нѣкоторыми небольшими лишь измѣненіями, тотъ-же разсказъ въ знаменитомъ эпизодѣ о Сограбѣ. Находясь случайно въ гостяхъ у туранскаго царя, въ городѣ Семенганѣ, Рустемъ женится на его дочери, царевнѣ Техмимэ, страстно въ него влюбившейся. «Свадьбу совершили по обычаямъ и обрядамъ, говоритъ персидская поэма, и всѣ, старый и малый, плакали отъ радости и благословляли Рустема. Наконецъ, Рустема оставили съ его подругой. Прошла долгая и темная ночь, и когда блестящее солнце начало метать съ вершины небесной свои арканы свѣта, Рустемъ снялъ ониксъ, который всегда носилъ на рукѣ, и который былъ знаменитъ въ цѣломъ мірѣ; онъ далъ его царевнѣ Техмимэ, говоря: Храни этотъ камень, и если Богъ дастъ тебѣ дочь, возьми этотъ ониксъ и надѣнь ей на косы, въ счастливый день и часъ; но если свѣтила небесныя пошлютъ тебѣ сына, надѣнь ему этотъ ониксъ на руку, какъ носилъ и отецъ его; онъ ростомъ сравняется съ дѣдомъ своимъ Самомъ Неримановичемъ; храбростью и добротою онъ будетъ похожъ на Керимана; онъ будетъ попадать, въ небѣ, въ орла крылатаго, и солнце будетъ благосклонно свѣтить надъ нимъ. — Рустемъ провелъ такимъ образомъ ночь съ прекрасно-лицею красавицей, разговаривая съ нею обо всѣхъ вещахъ; а когда блестящее солнце поднялось въ небѣ и съ любовью принялось украшать землю, Рустемъ простился съ Техмимэ, прижалъ ее къ своему сердцу, и много разъ целовалъ ее въ глаза и лобъ. Красавица съ лицомъ Пери разсталась съ нимъ, проливая слезы и предаваясь горести. Рустемъ вышелъ, приласкалъ Ракша, и осѣдлалъ его, возсылая благодареніе Богу, отъ

котораго приходитъ всякое счастье [1]). Потомъ онъ понесся какъ вѣтеръ и направился къ Ирану, все думая о своемъ приключеніи. Оттуда онъ поѣхалъ въ Забулистанъ (Рустемовъ удѣлъ), и никому не разсказывалъ про то, что̀ видѣлъ и слышалъ... Когда прошло девять мѣсяцевъ, царевна родила сына, красотою равнаго блестящему мѣсяцу. Онъ былъ словно Рустемъ слоновотѣлый, или Самъ-левъ, или Кериманъ. Его уста улыбались, а лицо было блестящее; оттого Техмимэ и назвала его Сограбомъ. Когда ему исполнился мѣсяцъ, казалось, будто ему уже годъ, и грудь у него была такая же широкая, какъ у Рустема Заловича. Когда ему исполнилось три года, онъ упражнялся въ воинскихъ играхъ, а въ пять лѣтъ сердце у него было львиное. Когда онъ достигъ десятилѣтняго возраста, никто во всей странѣ не смѣлъ бороться съ нимъ. Онъ пошелъ къ своей матери, и сталъ ее спрашивать, говоря смѣло: Вотъ я больше своихъ молочныхъ братьевъ, и голова моя возвышается выше небесъ; скажи же мнѣ, какого я рода и племени, и что̀ мнѣ отвѣчать, когда меня спрашиваютъ, какъ зовутъ моего отца. Если ты не отвѣтишь мнѣ, я не оставлю тебя въ живыхъ, между великими на землѣ.—Мать отвѣчала ему: Послушай моихъ словъ, и радуйся тому, что̀ я тебѣ скажу, и не гнѣвайся; ты сынъ Рустемовъ, сынъ богатыря съ тѣломъ слоновымъ; ты произошелъ отъ Сама и Неримана, и голова твоя выше неба, потому-что ты происходишь отъ этой знаменитой породы. Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ сотворилъ міръ, не было еще такого богатыря, какъ Рустемъ; никогда еще не бывало такого человѣка, какъ Самъ Неримановичъ,—головы его не сможетъ тронуть небо въ своемъ движеніи. Потомъ она принесла письмо Рустемово и показала ему, втайнѣ, три блестящихъ рубина и три бедрэ съ золотомъ [2]), присланныхъ Рустемомъ изъ Ирана съ вѣстникомъ, около времени рожденія Сограбова. Она ему сказала: Смотри на эти подарки съ благодарностью; твой отецъ прислалъ ихъ тебѣ, о храбрый сынъ мой!—Потомъ она прибавила: Но обо всемъ этомъ ничего не долженъ знать Афразіабъ (царь туранскій), потому-что онъ врагъ славнаго Рустема, и весь Туранъ страждетъ отъ его тиранства. Только-бы онъ не возненавидѣлъ тебя, и не погубилъ сына изъ-за отца! А потомъ еще, если твой отецъ узнаетъ, что ты сдѣ-

---

[1]) Рустемъ благодаритъ здѣсь Бога за возвращеніе ему Ракша, который былъ незадолго передъ тѣмъ украденъ у него туранцами и найденъ по приказанію семенганскаго царя.

[2]) По истолкованію почтеннаго нашего оріенталиста, П. И. Лерха, *бедрэ* значитъ по древне-персидски: кожаный мѣшокъ. Въ переводѣ Моля нѣтъ объясненія этого выраженія.

лался такимъ, какимъ вотъ я тебя вижу, возносящимъ голову выше всѣхъ головъ людскихъ, онъ призоветъ тебя къ себѣ, и тогда горесть убьетъ твою мать.—Сограбъ отвѣчалъ: Никто на свѣтѣ не можетъ удержать этого втайнѣ. Всѣ знатные и храбрые, что постарше, говорятъ о Рустемовыхъ подвигахъ; зачѣмъже было скрывать отъ меня такое благородное происхожденіе? Я стану теперь во главѣ безчисленнаго войска храбрыхъ туранцевъ, я низвергну Кауса съ его престола; я сотру съ лица земли иранской слѣдъ ногъ Туса, я не оставлю въ живыхъ ни Гургина, ни Гудерза, ни Гива, ни Кучема Невдеровича, ни Баграма храбраго [1]); я отдамъ Рустему палицу, коня и шлемъ царевы; я возведу его на трôнъ Каусовъ; потомъ, изъ Ирана я поворочу на Туранъ, пойду на встрѣчу царю, отниму престолъ у Афразіаба, подниму копье мое выше солнца, сдѣлаю тебя царицею иранскою, себя же покажу львомъ въ битвѣ храбрыхъ. Если Рустемъ мой отецъ, а я его сынъ, то я не оставлю ни единаго другого царя на цѣломъ свѣтѣ; потому что зачѣмъже звѣздамъ носить вѣнцы, когда сіяютъ солнце и луна?» (Mohl, II, 79—87)... «Техмимэ велѣла начальнику табуновъ тотчасъже собрать всѣхъ кобылицъ, чтобъ Сограбъ могъ выбрать себѣ коня для воинскаго похода. Привели въ городъ коней изо всѣхъ краевъ, гдѣ только были табуны, съ горъ и долинъ» (Mohl, II, 87). Тогда Сограбъ выбираетъ себѣ коня точно такъ, какъ Рустемъ, пробуя его силу наложеніемъ богатырской своей руки на его спину. Нашелся одинъ только конь (изъ породы Ракша), который въ состояніи былъ вынести нажимъ Сограбовой руки, и Сограбъ беретъ его себѣ въ кони. Афразіабъ даетъ ему туранское войско чтобъ идти на Иранъ, надѣясь, что не зная другъ-друга, Рустемъ и Сограбъ погубятъ одинъ другого, и избавятъ его отъ ненавистныхъ и страшныхъ иранскихъ противниковъ. Сограбъ идетъ съ войскомъ на иранское царство; перепуганный Кей-Каусъ шлетъ пословъ за Рустемомъ, который, проводя постоянно все время въ пирахъ и бражничаньи, совсѣмъ про царя и забылъ, и не хочетъ даже слушать его напоминаній [2]). Однако наконецъ Рустемъ собираетъ свое войско и идетъ на выручку

---

[1]) Тусъ, Гургинъ, Гудерзъ, Гивъ, Кучемъ, Баграмъ—иранскіе богатыри и вмѣстѣ подвластные Кей-Каусу владѣтельные князья.

[2]) Эта черта разгульной, безпечной жизни и забывчивости прежнихъ обязанностей и дѣлъ выражена въ русской сказкѣ въ слѣдующихъ словахъ: «И учалъ Уруславъ въ Солнечномъ-городѣ жить съ тою царевною много лѣтъ. И какъ съ тою царевною поспитъ мѣсяцъ времени, и онъ обезсилѣетъ, учнетъ тянуть свой добрый крѣпкій лукъ, и не можетъ и отъ петель отвести. А свою вѣнчальную жену Уруславъ и забылъ.»

Кей-Кауса. Туранское и иранское войска сходятся. «Сограбъ опоясался поясомъ, чтобъ идти на бой, и снялъ съ царской головы своей золотой вѣнецъ. Онъ радостно надѣлъ на себя кольчугу и панцырь, и покрылъ голову румскимъ шлемомъ; богатырь, побѣдитель Дивовъ, взялъ свое копье, лукъ, арканъ и тяжелую палицу; отъ гнѣва кровь у него кипѣла въ жилахъ; онъ сѣлъ на быстраго коня своего, громко крикнулъ боевой крикъ, схватилъ метательное копьецо и полетѣлъ на поле битвы, подобный разъяренному слону» (Mohl, II, 143). Когда богатыри съѣхались, Сограбъ, подозрѣвая, что передъ нимъ отецъ его, спрашиваетъ, не Рустемъ-ли онъ? Рустемъ отвѣчаетъ, что нѣтъ. Тогда у отца съ сыномъ происходитъ первая схватка, но она не имѣетъ рѣшительнаго результата, и они разъѣзжаются, исполненные удивленія другъ къ другу. На другой день они снова сходятся, Рустемъ опять не хочетъ отвѣчать на вопросы своего сына, и они бьются. «Они бросились другъ на друга, какъ львы для борьбы, и кровь и потъ потекли по ихъ тѣлу. Они мѣряли свои силы съ самого утра и до тѣхъ поръ, пока солнце стало удлиннять свои тѣни. Сограбъ метался какъ разъяренный слонъ, прыгáлъ какъ скачущій левъ. Онъ схватилъ Рустема за-поясъ, и дернулъ его — ты-бы сказалъ, что онъ разорветъ ему тѣло могучею силою своею: Рустемъ закричалъ отъ гнѣва и ненависти — ты-бы сказалъ, что онъ проломитъ землю. Этотъ яростный слонъ поднялъ Рустема съ земли, бросилъ его о-земь, и сѣлъ ему на грудь. Руки, лицо и ротъ были у него покрыты пылью. Сограбъ былъ точно левъ, что положилъ лапу на дикаго осла, котораго вотъ сейчасъ разорветъ. Онъ выхватилъ блестящій кинжалъ и хотѣлъ отрѣзать отъ туловища голову Рустемову» (Mohl, II, 163). Тогда Рустемъ спасаетъ жизнь свою хитростью: онъ увѣряетъ, что по иранскимъ правиламъ единоборства, побѣдитель не имѣетъ права по первому разу лишать побѣжденнаго противника жизни. Сограбъ послушался и отпустилъ его. Омывшись въ источникѣ свѣжей воды, и призвавъ Бога на помощь, Рустемъ въ третій разъ идетъ на бой противъ сына, и тутъ происходитъ послѣдняя ихъ борьба. «Они схватились другъ съ другомъ за ремни кушаковъ. Ты-бы сказалъ, что небо высокое отняло въ тотъ день силу отъ руки Сограбовой. Рустемъ пришелъ въ ярость, протянулъ руки, схватилъ этого могучаго крокодила за голову и за руку, и нагнулъ спину молодому богатырю. Время Сограбово пришло, и тѣло его было безсильно. Рустемъ, подобный льву, бросилъ его на землю; но зная, что тотъ долго подъ нимъ не пролежитъ, онъ вдругъ выхватилъ изъ ноженъ мечъ и вспоролъ грудь льву съ благоразумнымъ

сердцемъ. Сограбъ повернулся въ судорогѣ, сильно вздохнулъ, и почувствовалъ, что ему больше нечего думать ни о счастьи, ни о несчастьи. Онъ сказалъ Рустему: Это сдѣлалось со мной по моей же винѣ, и судьба вложила тебѣ въ руку ключъ отъ двери моей смерти. Ты въ этомъ невиненъ: сводъ небесный меня возвысилъ, онъ-же теперь раньше времени меня и свергнулъ. Надъ моею молодостью будутъ впередъ смѣяться, потому, что великое мое тѣло лежитъ теперь въ пыли. Мнѣ мать моя говорила, по какимъ примѣтамъ я узнаю своего отца, и вотъ моя нѣжность къ нему привела меня — къ смерти. Я искалъ его, чтобъ увидать его лицо, я для этого пожертвовалъ жизнью. Увы! напрасенъ былъ мой трудъ, не увидалъ я отцовскаго лица! Теперь-же, хоть оборотись ты рыбой морской, хоть спрячься во тьмѣ ночной, хоть попади звѣздой на небо, хоть отними у міра блестящее солнце, — мой отецъ все-таки отомститъ тебѣ, когда увидитъ, что кирпичъ сталъ мнѣ ложемъ. Вотъ одинъ изъ этихъ великихъ, славныхъ воиновъ разскажетъ Рустему, какъ Сограба убили и бросили о-земь, точно презрѣнную вещь какую-нибудь, когда онъ искалъ своего отца. — Рустемъ выслушалъ его, голова у него помутилась, свѣтъ потемнѣлъ въ глазахъ, тѣло ослабло, пропала его сила; онъ упалъ, умъ его помрачился. Придя потомъ въ себя, онъ съ громкимъ крикомъ горести и отчаянія сталъ спрашивать Сограба: Скажи мнѣ, какія у тебя есть примѣты Рустемовы? Пропадай его имя изъ числа всѣхъ великихъ именъ! Вѣдь Рустемъ-то — я, сгибни мое имя! И пусть Заль Самовичъ садится плакать по моей смерти! — Онъ громко кричалъ, его кровь кипѣла, онъ рвалъ на себѣ волосы и жаловался. Увидавъ Рустема такимъ, Сограбъ снова упалъ, обмеръ; потомъ онъ вскричалъ: Когда такъ, когда ты Рустемъ, — ты убилъ меня безумно, и ослѣпленный худою твоею судьбой. Я всячески хотѣлъ наладить тебя на миръ, но не нашелъ въ тебѣ ни единаго нѣжнаго движенія. Теперь разстегни мнѣ кольчугу, посмотри на нагое блестящее мое тѣло. Когда раздался звукъ трубъ подъ моею дверью, прибѣжала моя мать; у ней щеки были красны отъ кровавыхъ слезъ, сердце ея надрывалось при мысли о моемъ отъѣздѣ; она мнѣ пристегнула ониксъ на руку и сказала: Вотъ это память отъ твоего отца, береги его, и вспомни, когда придетъ время извлечь изъ него пользу. Но я употребилъ его — слишкомъ поздно: былъ бой, и сынъ умираетъ на глазахъ у отца. — Рустемъ разстегнулъ кольчугу и увидѣлъ ониксъ; онъ разорвалъ всѣ одежды на себѣ, и воскликнулъ: О ты, кого я убилъ своею рукой, ты — славенъ во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ! — Онъ кричалъ, рвалъ на себѣ

волосы, посыпалъ себѣ всю голову прахомъ и омочилъ щеки слезами. Сограбъ сказалъ ему: Нѣтъ спасенія, значитъ не проливай больше слезъ изъ своихъ глазъ. На что тебѣ убивать самого себя? Дѣло сдѣлано, и должно было сдѣлаться. Я видѣлъ знаки, указанные мнѣ матерью, да не вѣрилъ своимъ глазамъ. Моя судьба была написана надъ моею головой, и мнѣ надо было умереть отъ руки моего отца. Я пришелъ грозой, я ухожу вѣтромъ; можетъ быть, я увижу тебя счастливымъ въ небѣ.» — Скоро потомъ Сограбъ умеръ (Mohl, II, 145—173).

Какъ читатель видитъ, въ концѣ этого эпизода есть нѣкоторая разница между персидскихъ и русскимъ разсказомъ. Въ одномъ случаѣ, въ Шахъ-Намэ, при встрѣчѣ отца съ сыномъ, сынъ распрашиваетъ своего отца о его имени и происхожденіи, но тотъ не хочетъ сказать; они сражаются, и отецъ убиваетъ своего сына, но передъ смертью узнаетъ истину по ониксу на рукѣ. Въ другомъ случаѣ, въ русской сказкѣ, отецъ побѣждаетъ сына, собирается убить его, но уже въ послѣднюю минуту видитъ на его рукѣ драгоцѣнный камень, оставленный его матери, распрашиваетъ его объ имени и происхожденіи, и трагическая катастрофа, висѣвшая уже на ниточкѣ, отвращена въ самую послѣднюю минуту [1]). Исключая эту разницу въ исходѣ, оба разсказа вполнѣ во всемъ сходятся; только, какъ всегда, персидскій обширнѣе, богаче и поэтичнѣе подробностями, русскій сжатѣе, суше и прозаичнѣе.

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ много сходства между русскою сказкой объ Еруслане Лазаревичѣ и разными эпизодами изъ жизни персидскаго богатыря Рустема. Всѣ глав-

[1]) Разсказы о сраженіи между отцомъ съ сыномъ, не знающими другъ друга, встрѣчаются у очень многихъ европейскихъ народовъ, въ теченіе среднихъ вѣковъ. Древнѣйшіе изъ нихъ (кромѣ разсказа Шахъ-Намэ, восходящаго до глубокой древности Востока, по своимъ кореннымъ оригиналамъ), это—одна изъ шотландскихъ пѣсенъ Оссіяна, относимыхъ къ III-му вѣку, и потомъ отрывокъ нѣмецкой поэмы о Гильтибратѣ и Гадубратѣ, относимый Гриммами къ VIII-му вѣку. Дюмериль исчисляетъ другіе подобные-же разсказы у нѣмцевъ, ирландцевъ, датчанъ, нидерландцевъ, итальянцевъ и французовъ (Duméril, Hist. de la poésie scandinave. Paris 1839, стр. 417—440), и замѣчаетъ, что «немногіе сюжеты чаще этого занимали воображеніе поэтовъ.» Кажется, за исключеніемъ однихъ шотландцевъ (Duméril, стр. 428—440), которыхъ оригиналъ древнѣе всѣхъ, у остальныхъ народовъ встрѣча отца съ сыномъ кончается *безъ* убійства сына, какъ и въ нашей сказкѣ. — Здѣсь должно еще прибавить, что этотъ самый мотивъ встрѣчается у насъ въ пѣсняхъ объ Ильѣ Муромцѣ (о чемъ будетъ говорено ниже), и въ однихъ случаяхъ единоборство кончается тутъ трагически, а въ другихъ — счастливо.

нѣйшія черты тожественны. Добываніе коня богатырскаго, и участіе въ этомъ дѣлѣ отцовскаго конюха, первая побѣда (надъ дракономъ = княземъ Иваномъ русскимъ богатыремъ); помощь при этомъ бою — коня; вторая побѣда (надъ Дивомъ Арзенгомъ = Ѳеодуломъ-Змѣемъ); третья побѣда (надъ Бѣлымъ Дивомъ = Зеленымъ-царемъ и княземъ Даніиломъ-Бѣлымъ); содѣйствіе, при этой побѣдѣ, посторонней благопріятной помощи (царевичъ Ауладъ = дѣвица-птица); излѣченіе богатыремъ слѣпоты своего царя и его приближенныхъ посредствомъ крови убитаго врага; наконецъ, рожденіе сына у богатыря, и единоборство между отцемъ и сыномъ, незнающими другъ друга — все это одинаково существуетъ и въ персидскомъ и въ русскомъ разсказѣ, изложено въ одномъ и томъ же порядкѣ, съ соблюденіемъ одной и той же зависимости происшествій однихъ отъ другихъ. Мало того: многія, даже мелкія, подробности разсказа однѣ и тѣ-же, и многія рѣчи дѣйствующихъ лицъ совершенно тожественны. Наконецъ, какъ сказано выше, нѣкоторыя собственныя имена одинаковы.

Но имѣемъ-ли мы, однакоже, право изъ всего этого выводить заключеніе, что наша сказка есть не что иное, какъ переводъ извѣстныхъ частей персидской поэмы, въ нѣсколько сокращенномъ и измѣненномъ видѣ?

Наврядъ-ли. Есть не мало причинъ, противящихся такому заключенію.

И во-первыхъ, нельзя признавать нашей сказки прямымъ переводомъ по той причинѣ, что общій тонъ ея совершенно иной, чѣмъ въ разсказахъ Шахъ-Намэ о Рустемѣ. Въ этихъ послѣднихъ вездѣ царствуетъ колоритъ древне-персидскій: подробности религіозныя, бытовыя, внѣшняя обстановка, костюмъ, привычки, способъ сражаться богатырей — все это запечатлѣно древне-персидскою національностью, всѣми разнообразными ея особенностями! Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ русской сказкѣ. Здѣсь уже конечно, тò, чтò мы встрѣчаемъ, ничуть не имѣетъ на себѣ печати собственно-русской національности, но переноситъ насъ въ какой-то особый міръ. Безъ сомнѣнія, это *міръ восточный*, но никакъ *не персидскій*.

Во-вторыхъ, въ русской сказкѣ нѣтъ огромнаго количества не только болѣе или менѣе важныхъ подробностей, но цѣлыхъ похожденій главнаго дѣйствующаго лица. То чтò у насъ разсказано объ Урусланѣ Залазаревичѣ, составляетъ (какъ мы уже сказали выше) лишь малую долю жизнеописанія Рустемова въ Шахъ-Намэ. Мы имѣемъ только нѣкоторыя изъ богатырскихъ событій его жизни, и то нельзя сказать, чтобъ самыя важныя—

большинства его похожденій вовсе тутъ нѣтъ, не смотря на то, что они столько-же интересны и важны, какъ и приведенныя въ русской сказкѣ. Такъ напр., въ сказкѣ объ Урусланѣ вовсе нѣтъ помина о чудномъ и мучительномъ рожденіи богатыря (которое условило данное ему имя *«Рустемъ»*, означающее: «Я освободилась!»), и вообще во всей сказкѣ нашей мать богатыря не играетъ ровно никакой роли: о ней помянуто здѣсь всего лишь разъ, да и то вскользь, послѣ побѣды Уруслана надъ Ѳеодуломъ-Змѣемъ: «И учалъ Урусланъ думати: царевенъ искати поѣхать, или доѣзжати Ивашка, бѣлую поляницу, поѣхати, или поѣхати къ отцу да къ матери челомъ ударити? А отецъ мой да мати моя при старости были, какъ я отъ нихъ поѣхалъ. И поѣхалъ Урусланъ къ отцу да къ матери, челомъ ударити.» Но это намѣреніе не исполнилось, и о матери Урусланoвой вовсе уже болѣе не упоминается. Между тѣмъ въ Шахъ-Намэ матери Рустемовой отведено довольно видное мѣсто. Далѣе, въ нашей сказкѣ нѣтъ всѣхъ похожденій Рустема, еще мальчика (побѣжденіе разъяреннаго слона, отмщеніе за смерть предка Неримана, причемъ Рустемъ, желая проникнуть во вражескій замокъ, переодѣвается продавцемъ соли, а дружину прячетъ въ соляные мѣшки); нѣтъ всѣхъ блистательныхъ дѣлъ, совершенныхъ Рустемомъ при Кей-Кобадѣ, отцѣ Кей-Каусовомъ; нѣтъ множества другихъ дѣлъ его во время царствованія Кей-Кауса; значительно короче и хуже разсказъ о рожденіи сына (Сограба=Уруслана), а послѣ эпизода встрѣчи отца съ сыномъ, сказка наша окончательно прерывается, и въ ней ничего не говорится о дальнѣйшихъ подвигахъ Рустемовыхъ, и о другихъ его дѣтяхъ, кромѣ Сограба=Уруслана (въ томъ числѣ и о дочери-богатырьшѣ); наконецъ, ничего не разсказывается о любопытной его смерти, въ преклонныхъ лѣтахъ. Наврядъ-ли все это, столь важное, было бы выпущено изъ нашей сказки, если-бъ она была прямымъ переводомъ или извлеченіемъ изъ персидской поэмы.

Въ-третьихъ, въ нашей сказкѣ, не смотря на сравнительную ея краткость, встрѣчается много такого, чего вовсе нѣтъ въ разсказахъ Шахъ-Намэ о Рустемѣ. Это обстоятельство чрезвычайно важно. Новыя части, являющіяся здѣсь, оказываются не случайными приставками, выдуманными у насъ, на Руси, русскими пересказщиками, и возникшими изъ русской національной фантазіи, а повтореніемъ, столь-же близкимъ, какъ приведенные выше эпизоды изъ Шахъ-Намэ — повтореніемъ легендъ и разсказовъ, издревле существующихъ у многихъ восточныхъ народовъ.

Переберемъ одну за другою главнѣйшія эти части.

Въ началѣ исторіи Рустема мы встрѣчаемъ общую всѣмъ богатырямъ и героямъ восточныхъ поэмъ подробность, что уже во младенчествѣ и ребячествѣ Рустемъ всѣхъ превосходилъ силой. Русская сказка не довольствуется этими общими чертами, она говоритъ уже не объ одной только необыкновенной силѣ богатыря-мальчика, но и о злоупотребленіи ея. Когда Уруслану было всего только десять лѣтъ, «какъ выйдетъ на улицу и кого возьметъ за руку, и у того руку вырветъ, а кого возьметъ за ногу, тому ногу выломитъ. И пришли ко царю Киркоусу на дворъ князи, и бояре и гости сильные бити челомъ на князя Залазаря и сына его Уруслана. И пришелъ дядя князь Залазарь Залазаревичъ передъ царя Киркоуса, и царь Киркоусъ промолвилъ дядѣ своему, князю Залазарю: О дядя, князь Залазарь! почто на твоего сына князи, и бояре, и гости сильные, мнѣ бьютъ челомъ, и говорятъ такъ: Любо-де въ царствѣ насъ держи, или Уруслана держи, а намъ и дѣтямъ нашимъ отъ Урулановы обиды прожить не мочно. Роспустить мнѣ князей, и бояръ, и гостей: ино царство пусто будетъ, а выслать Уруслана вонъ изъ царства, ино царю жаль Уруслана и отца его, князя Залазаря, а своего дядю прогнѣвить». Тогда онъ объявляетъ Залазарю свое рѣшеніе: «Ино, дядюшка князь Залазарь, не пригоже для одного человѣка распустить царство; и ты, дядюшка, помысли о своей, да и моей головѣ, какъ-бы прожити въ царствѣ своемъ было мочно». Вслѣдствіе этого, Залазарь говоритъ своему сыну, Уруслану, что ему царь велѣлъ выѣхать изъ царства. Обыкновенно считаютъ эту подробность — подробностью чисто-національнаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что она встрѣчается у насъ и въ сказкахъ и въ пѣсняхъ [1]).

---

[1]) «Будетъ Василій (Буслаевъ) семи годовъ,
Сталъ онъ по городу похаживать,
На княженецкій дворъ онъ загуливать;
Сталъ шутить онъ, пошучивать,
Шутить-то шуточки недобрыя,
Со боярскыма дѣтьмы, со княженецкима:
Котораго дернетъ за руку, рука прочь,
Котораго за ногу, нога прочь,
Двухъ-трехъ вмѣсто столкаетъ, безъ души лежатъ.
Приходятъ съ жалобой отъ князей новгородскихъ
Къ пречестной вдовы Мамелфы Тимоѳеевны:
«Ай-же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
«Уйми ты свое дѣтище любимое,
«Молода Васильюшка Буслаева:
«Ходитъ онъ по городу, похаживаетъ,
«На княженецкій дворъ онъ загуливаетъ,

Но, изучая созданія восточной поэзіи, узнаешь, что такое мнѣніе совершенно невѣрно, что приведенный нами мотивъ идетъ изъ самой глубокой древности, и, что̀ особенно важно, связанъ самымъ тѣснымъ образомъ съ разсмотрѣнными выше эпизодами о добываніи коня и исцѣленіи родственниковъ.

Въ Магабгаратѣ мы находимъ слѣдующій разсказъ: «Царь Сагара (океанъ) приготовлялся къ великому жертвоприношенію коня. Пущенный имъ конь пробѣгалъ землю подъ охраною его сыновей [2]), и, приближась къ океану, лишенному воды (ее выпилъ отшельникъ Агастія), онъ, не смотря на бдительную охрану, исчезнулъ въ безднѣ. Сыновья же Сагары, воображая, что коня похитили, воротились къ отцу и разсказали ему, что конь вдругъ сдѣлался невидимъ, и что его взяли. По повелѣнію царя, они принялись искать его на всѣхъ концахъ міра; по повелѣнію отца своего, они стали искать слѣдовъ коня по всѣмъ странамъ, они прошли по всему лицу земли, а потомъ, сойдясь вмѣстѣ, все-таки не нашли ни коня, ни даже его похитителя. Воротившись тогда къ отцу, они, стоя и приложивъ руки къ вискамъ, сказали ему: По твоему повелѣнію, о царь, мы осмотрѣли всю землю, съ ея океаномъ, лѣсами, островами, рѣками, пещерами, горами, рощами и кустарниками, но не могли найти ни коня, ни даже его похитителя! — Услыхавъ эту рѣчь, царь весь возгорѣлся гнѣвомъ, и отвѣчалъ имъ всѣмъ такими словами: Ступайте вонъ отсюда, и не возвращайтесь; снова идите искать моего коня, котораго надо принести въ жертву, и не приходите назадъ, пока не отыщете его! — Получивъ отъ отца такое приказаніе, сыновья Сагары снова пошли по всей землѣ, внимательно вездѣ осматривая ее. Тогда эти богатыри увидали, что земля въ одномъ мѣстѣ растреснулась, и, подойдя къ отверстію, они стали копать дно океана кирками и лопатами, и работали изо всѣхъ силъ. Это было море. Изрытое такимъ образомъ сыновьями Сагары, обиталище Варуны (океанъ) впало въ страшное страданіе; оно было раздираемо со всѣхъ сторонъ:

«Шутитъ онъ шуточки нехорошія
«Со тыма дѣтьмы со боярскима,
«Со боярскима дѣтьмы, княженецкима,
«Побиваетъ смертію напрасною».
Тутъ честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна
Не спускаетъ сына гулять въ Новгородѣ,
Шутить шуточекъ не добрыихъ.

(Рыбниковъ I, 344; Древн. росс. стихотвор. 73; Кирѣевск. V, 15).

²) Назначенный, въ древней Индіи, для жертвоприношенія конь отпускался на волю на цѣлый годъ, и на совершенной свободѣ пасся, гдѣ хотѣлъ.

асуры, змѣи, ракшазы [1]) и всѣ созданія разныхъ породъ и естества испустили болѣзненныя вопли, ихъ всѣхъ изранили сыновья Сагары. Съ отрѣзанными головами, съ изуродованнымъ тѣломъ, съ пробитою кожею, съ пронзенными костями — вотъ какими являлись живыя существа сотнями и тысячами. Много времени прошло, пока они рыли, а конь все не показывался; тогда сыновья Сагары, полные ярости, пробили отверстіе на сѣверо-восточной сторонѣ во днѣ океана, и увидали коня, прохаживающагося по землѣ, и, подлѣ него, великодушнаго Капилу (святого отшельника), эту высокую гору блеска, пожирающую своимъ блескомъ подобне огню, пожирающему своимъ пламенемъ. Когда они увидали коня, у нихъ волосы встали дыбомъ отъ радости; не обращая вниманія на великодушнаго Капилу, и, презирая смерть, они съ яростью бросились впередъ, схватить коня. Тогда Капила, лучшій изъ пустынниковъ, тоже пришелъ въ ярость: его взглядъ исполнился одушевлявшимъ его гнѣвомъ и метнулъ въ нихъ свое страшное сіяніе, и пожегъ этимъ безконечнымъ сіяніемъ безумныхъ сыновей Сагары.... У Сагары былъ (въ прежнее время) сынъ Асаманджасъ, рожденный царицею Саивіей. Онъ хваталъ за горло слабыхъ дѣтей городскихъ жителей, и, не взирая на ихъ крики, кидалъ ихъ въ рѣку. Городскіе жители, приведенные въ горесть и уныніе, собрались и пошли всѣ вмѣстѣ къ Сагарѣ, и тамъ, стоя передъ нимъ, возложивъ руки на чело, стали говорить ему: Ты освобождаешь насъ, о великій царь, отъ страха, отъ чакры непріятельской [2]) и прочихъ бѣдъ; теперь, избавь ты насъ отъ ужаснаго страха, что̀ наводитъ на насъ Асаманджасъ! — Услыхавъ такую страшную рѣчь жителей своей столицы, лучшій изъ царей остался нѣсколько мгновеній безъ чувства, потомъ онъ сказалъ своимъ совѣтникамъ (министрамъ): Чтобъ Асаманджасъ, сынъ мой, сегодня-же былъ изгнанъ изъ города! Чтобъ тотчасъ-же это было выполнено, если только вы хотите мнѣ быть пріятны! Послѣ такихъ словъ, совѣтники (министры) поспѣшили сдѣлать такъ, какъ сказалъ имъ Сагара, какъ онъ приказалъ имъ.... Потомъ, послѣ погибели 60.000 сыновей своихъ (какъ разсказано выше), Сагара сказалъ богатырю Ансуману (своему внуву, сыну Асаманджаса): Утрата твоего отца, гибель прочихъ моихъ дѣтей, невозможность снова добыть этого коня — все это приводитъ меня въ великую горесть, о внукъ мой! огонь этой горести жжетъ меня, эта невозможность выполнить мое жертвоприношеніе разстроиваетъ мою

[1]) Асуры — темныя божества, противники свѣтлыхъ (суровъ); ракшазы — демоны.
[2]) Чакра, острый круглый дискъ, индѣйское оружіе.

душу: найди мнѣ коня, выведи меня изъ ада, о дитя мое!—Выслушавъ эту рѣчь великодушнаго Сагары, Ансуманъ пошелъ съ трудомъ въ страну, гдѣ земля разверзлась, и этимъ путемъ вошелъ въ океанъ. Тамъ онъ увидалъ высокомысленнаго Капилу и коня; и только что замѣтилъ лучшаго изъ пустынниковъ, тотчасъ же поклонился ему, ударивъ челомъ въ землю, и объяснилъ ему цѣль своего путешествія. Капила остался доволенъ Ансуманомъ, и пустынникъ этотъ, полный своего долга, сказалъ ему: Я тотъ, кто даетъ дары, о Бгарата!—Тогда царевичъ избралъ первымъ даромъ коня, нужнаго для жертвоприношенія, а для второго дара онъ попросилъ очищенія своихъ предковъ отъ прегрѣшеній [1]). Капила, одаренный великимъ сіяніемъ, всѣхъ болѣе почитаемый между пустынниками, отвѣчалъ ему такъ: «Блаженъ ты! Надо мнѣ даровать тебѣ все, чего ты просишь, о безгрѣшный! Въ тебѣ живутъ терпѣніе, справедливость, правда; черезъ тебя твой отецъ и твои дяди, Сагариды, взойдутъ на небо. Твой внукъ, удовлетворивъ Всевышняго, заставитъ рѣку Гангу сойти сюда съ неба для очищенія своихъ пра-прадѣдовъ. Блаженъ ты! Уводи съ собой этого коня, назначеннаго для жертвоприношенія, о великій царь! Пусть совершится жертвоприношеніе великодушнаго Сагары!» Этотъ эпизодъ кончается тѣмъ, что Ансуманъ приводитъ коня къ своему дѣду Сагарѣ, и тотъ совершаетъ жертвоприношеніе коня, а, нѣсколько времени спустя, внукъ Ансумановъ, царь Бгагиратга, молитвами и умерщвленіемъ плоти сводитъ рѣку Гангу съ неба, «и тогда царь приблизился къ океану съ Гангой, и она быстро наполнила высохшее море; царь принялъ ее себѣ въ дочери, и, сообразно со своими желаніями, выполнилъ для своихъ предковъ обрядъ похороннаго омовенія», черезъ что они и очистились, спаслись (*Fauche*, le Mahabharata. Paris, 1865. III, 475 — 486; *Th. Pavie*, Fragm. du Mahabharata, 239 — 248). Этотъ-же самый разсказъ, почти въ тѣхъ же словахъ, только нѣсколько короче, мы читаемъ и въ Рамаянѣ (*Gasp. Corresio*, Ramayana, trad. italiana. Parigi, 1847, I, 114 — 128).

Невозможно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь, въ этомъ космическомъ миѳѣ древней Индіи мы встрѣчаемъ первоначальную,

---

[1]) Прегрѣшенія предковъ (главнѣйшее изъ нихъ есть неимѣніе потомства) наказываются обыкновенно, по разсказу индѣйскихъ поэмъ, тѣмъ, что эти предки висятъ въ аду, повѣшенные за ноги, надъ пропастью, на тонкой травинкѣ, которую подтачиваетъ мышь (Fragments du Mahabharata, trad. par *Théod. Pavie*, Paris, 1844, 51, 128, 130; *Holtzmann*, Indische Sagen, Stuttgart, 1854, II, 158—160). Здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, первообразъ извѣстной средневѣковой легенды о Варлаамѣ и Іосафатѣ, бывшей въ большомъ ходу и въ древней Руси.

древнѣйшую форму выше приведенныхъ разсказовъ, азіятскихъ и русскихъ. Богатырь-мальчикъ, царскаго происхожденія, производитъ насиліе надъ дѣтьми, товарищами игръ своихъ; родители ихъ идутъ жаловаться царю, и царь изгоняетъ его изъ царства—вотъ что мы встрѣчаемъ и въ Магабгаратѣ, и Рамаянѣ, и сказкѣ объ Еруслапѣ; въ Шахъ-Намэ это уже утрачено. Потомъ богатырь-юноша добываетъ коня отъ стараго человѣка (въ Шахъ-Намэ и въ Еруслапѣ это конюхъ, въ Рамаянѣ и Магабгаратѣ — отшельникъ); наконецъ, богатырь-юноша облегчаетъ участь старшихъ родственниковъ своихъ (въ Магабгаратѣ и Рамаянѣ онъ очищаетъ предковъ отъ грѣха и изводитъ изъ тяжкаго положенія, омывъ ихъ водами низведенной съ неба Ганги; въ Шахъ-Намэ и въ Еруслапѣ онъ очищаетъ зрѣніе царю, своему родственнику и его приближеннымъ, посредствомъ печени и крови, добытой отъ врага, и всѣхъ ихъ выводитъ изъ тяжкаго заключенія). И въ тѣхъ и другихъ разсказахъ ясно видѣнъ одинъ и тотъ-же первоначальный скелетъ, только въ разныя эпохи онъ является въ разной обстановкѣ. Въ древнѣйшихъ разсказахъ (въ Магабгаратѣ и Рамаянѣ) онъ имѣетъ характеръ стихійный, космическій и религіозный. Главныя дѣйствующія лица здѣсь существа чисто-миѳологическія: Сагара-океанъ и конь-солнце, изсушающій воды его; святой отшельникъ, сторожъ солнца, лицо чисто-религіозное; предковъ своихъ герой освобождаетъ — отъ грѣха и отъ наказанія, имѣющаго смыслъ аллегорическій. Въ разсказахъ болѣе позднихъ (Шахъ-Намэ) все уже облечено въ формы какъ-бы историческія: дѣйствіе происходитъ въ персидскомъ царствѣ, дѣйствующія лица носятъ уже историческія имена, миѳическій конь превратился въ богатырскаго коня, его добываютъ уже вовсе не съ космическими цѣлями, а только съ богатырскими; святой отшельникъ превратился въ конюха царскаго; родственниковъ своихъ герой освобождаетъ отъ страданій ничуть не аллегорическихъ, а вполнѣ физическихъ: слѣпоты и тюрьмы. Тоже самое мы встрѣчаемъ и въ Еруслапѣ, разсказѣ происхожденія равномѣрно поздняго: все миѳическое и космическое въ немъ болѣе не существуетъ, дѣйствія и дѣйствующія лица имѣютъ уже характеръ только богатырскій и человѣческій.

Но если въ этой сказкѣ многое похоже на Шахъ-Намэ въ такой степени, что кажется какъ-бы переводомъ оттуда, а опять другое сходится съ космическими, хотя и измѣненными разсказами Магабгараты и Рамаяны, заключая въ себѣ то, чего нѣтъ въ Шахъ-Намэ, то не вправѣ-ли мы дѣлать тотъ выводъ, что прямого заимствованія ни изъ Шахъ-Намэ, ни изъ Магабгараты и Рамаяны у насъ не было, и что нашъ Еруслапъ про-

исходитъ изъ иныхъ еще источниковъ, которые имѣютъ одно общее, древнее начало съ Магабгаратой, Рамаяной и Шахъ-Намэ, но принадлежатъ уже другимъ національностямъ, другимъ временамъ и другимъ условіямъ жизни? Всѣ вообще подробности обстановки (какъ мы еще увидимъ ниже)—гораздо болѣе позднія, чѣмъ подробности Шахъ-Намэ, хотя многія имена прямо какъ-бы заимствованы изъ персидской поэмы. Что-же касается до всего самаго существеннаго, кореннаго и миѳическаго — оно древнѣе у насъ чѣмъ въ Шахъ-Намэ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы въ особенности можемъ указать на уцѣлѣвшій у насъ намекъ на олицетвореніе солнца въ видѣ коня и на связь его съ водою: миѳическій конь Магабгараты и Рамаяны, добываемый героемъ, исчезаетъ (какъ олицетвореніе солнца) въ глубинѣ моря, и потомъ исходитъ изъ него, послѣ чего герой и завладѣваетъ имъ: точно также въ нашей сказкѣ будущій конь Еруслановъ сначала идетъ къ водопою, на зарѣ напивается тамъ «водъ», и возвращается назадъ, и тутъ уже овладѣваетъ имъ нашъ богатырь. Герой Магабгараты и Рамаяны очищаетъ своихъ предковъ посредствомъ низведенія съ неба водъ Ганги, которая наполняетъ изсохшее дно моря: Ерусланъ излѣчиваетъ слѣпоту царя и его приближенныхъ кровью и печенью Зеленаго-царя, Огненнаго-щита, Пламеннаго-копья, ѣздящаго на осьминогомъ конѣ. Ясно, что корень въ обоихъ разсказахъ составляетъ мотивъ сильной засухи, произведенной солнцемъ и уничтоженной разлитіемъ водъ; только въ русской сказкѣ все космическое пріобрѣло уже новый колоритъ — сказочно-богатырскій. Но этихъ подробностей, хотя бы даже съ отдаленнѣйшими космическими намеками, въ Шахъ-Намэ мы не встрѣчаемъ [1]).

---

[1]) Любопытно замѣтить, что мотивъ «добыванія коня» въ весьма-отдаленное, повидимому, время, выдѣлился изъ общаго вышеприведеннаго космическаго разсказа, и, въ томъ новомъ, измѣненномъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ въ Шахъ-Намэ и въ сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, образовалъ самостоятельный, отдѣльный эпизодъ, вставлявшійся иногда въ такія легенды и пѣсни, которыя не имѣютъ ничего общаго съ приведенными отрывками изъ Магабгараты, Рамаяны, Шахъ-Намэ и русской сказки. Такъ наприм., въ одной пѣсни Чернолѣсныхъ татаръ у Телецкаго озера, въ южной Сибири, разсказывается слѣдующее: «Мальчикъ-богатырь говоритъ своему отцу: Нуженъ мнѣ конь для ѣзды.—Старикъ отвѣчалъ ему: Выбери себѣ коня изо ста коней, возьми себѣ лучшаго и садись на него.—Пошелъ мальчикъ къ ста конямъ, между ста конями сталъ онъ выбирать лучшаго. Ни одинъ изъ ста коней не могъ поднять его, и они умирали; не могъ онъ найти добраго коня. Мальчикъ воротился домой: Есть у тебя еще конь? сказалъ онъ.—По ту сторону Молочнаго озера стоитъ гора Суру-Тагъ, на верху Суру-Тага есть конь, пѣгая кобылица родила пѣгаго жеребенка; онъ стоитъ на колѣнкахъ и сосетъ у ней молоко. Если у тебя хватитъ силы, садись на него, если не хватитъ — умирай. Мальчикъ побѣжалъ, переплылъ

Перейдемъ къ другому эпизоду. Одно изъ первыхъ похожденій Уруслана Залазаревича — это его встрѣча и бой съ княземъ Иваномъ, русскимъ богатыремъ. Сказка наша говоритъ: «И ѣдетъ Урусланъ много дней, и въѣзжаетъ Урусланъ на высокое шеломя (холмъ), ажно лежитъ рать великая побита. И Урусланъ выѣхалъ середи побоища и кликнулъ богатырскимъ голосомъ дважды, и какъ въ третіе кликнулъ, ино ему на побоищѣ человѣкъ промолвилъ: Дай-де Богъ здравіе государю моему, Уруслану Залазаревичу, и чего ты, господине Уруслане, кличешь? И Урусланъ молвилъ: Кличу, брате, о томъ, какой тò богатырь сію рать побилъ и какая тò рать? коей вѣры? И человѣкъ промолвилъ на побоищѣ: То-де, господине, рать Ѳеодула-Змѣя, а билъ ту рать князь Иванъ, храбрый русскій богатырь, а уже князь Иванъ Ѳеодула-Змѣя тѣхъ ратей много побиваетъ, а хочетъ-де у него князь Иванъ поняти дочь его, красную царевну. И Урусланъ молвилъ: Скажи мнѣ, брате, гдѣ русскаго богатыря князь Ивана наѣхати? И человѣкъ молвилъ на побоищѣ: Русскій богатырь на девятомъ шеломени (холмѣ)». Урусланъ ѣдетъ отыскивать его, встрѣчаетъ, бьется съ нимъ, побѣждаетъ, но по его-же просьбѣ оставляетъ его въ живыхъ, и дѣлаетъ младшимъ своимъ братомъ (т. е. союзникомъ, служебнымъ помощникомъ и товарищемъ богатыр-

---

Молочное море, и поднялся на вершину Суру-Тага. У пѣгой кобылицы родился пѣгій жеребенокъ. Онъ рукой оторвалъ его отъ матери, жеребенокъ поднялся на дыбы; до звѣздъ небесныхъ поднялся онъ, до корней земли опустился онъ. Мальчикъ бросился къ нему, вскочилъ на него. Пока онъ его сѣдлалъ, коню исполнилось два года, пока онъ его взнуздалъ, коню исполнилось три года, пока онъ сѣлъ на него, коню исполнилось четыре года». Въ другой южно-сибирской пѣсни татаръ, племени Шальганду, на берегу рѣки Лебеди, мальчикъ-богатырь, при первомъ выходѣ своемъ на богатырскіе подвиги, встрѣчаетъ старика, который говоритъ ему: «Царскій конь хранится въ запертой странѣ. Садись на него и поѣзжай! Мальчикъ пошелъ къ запертой странѣ, нашелъ коня, сѣлъ на него, и поѣхалъ, поѣхалъ» (*Radloff*, Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens. Petersburg, 1866, I, стран. 297, 318). Наконецъ, въ пѣсняхъ минусинскихъ татаръ разсказывается про мальчика-богатыря Агъ-Ая, который не могъ найти по себѣ коня: «Потому что, котораго ни тронетъ рукой, такъ тотчасъ тотъ и падаетъ на землю, не можетъ снести руки мальчика, такая въ немъ была сила». Напослѣдокъ уже отецъ его, найденный имъ послѣ долгой разлуки, даетъ ему богатырскаго жеребчика, рожденнаго отъ сѣро-голубаго коня (*Schiefner*, Heldensagen der minussinischen Tataren. Petersb. 1859, 83—84). Въ этихъ разсказахъ сохраняются постоянно всѣ однѣ и тѣ-же главныя черты: коня достаетъ себѣ не человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, не юноша, а всегда—мальчикъ-богатырь. Для того, чтобъ добыть себѣ коня, онъ напередъ разговариваетъ о томъ со старикомъ (вовсе никогда прежде не видѣннымъ, либо давно не видѣннымъ). Старикъ этотъ научаетъ мальчика-богатыря, какъ и гдѣ сыскать коня. Конь добывается силою. Сверхъ того, въ первой изъ приведенныхъ пѣсенъ уцѣлѣлъ намекъ на связь коня съ водой, точь въ точь, какъ и въ нашей сказкѣ объ Еруслане: жеребенокъ и его мать живутъ у Молочнаго озера.

скихъ дѣлъ). Потомъ ѣдетъ противъ царя Ѳеодула-Змѣя, бьется съ нимъ, и, побѣдивъ, убиваетъ его. «И поѣхалъ Урусланъ на царевъ дворъ, и услышала царица, Ѳеодулова жена, и его дочь, красная царевна, что Ѳеодула-Змѣя въ животѣ не стало, и вышли вонъ изъ высокой палаты и съ своею дочерью противъ Уруслана, и учали бити челомъ: Господине Уруслане Залазаревичъ! Какого мы тебя слухомъ слышали, такого и въ очи тебя видимъ, о томъ тебѣ, государь, челомъ бьемъ, чтобъ мы полонянками не слыли, а царствіе все Божіе да твое, и безъ того красная царевна передъ тобою.—И пошелъ Урусланъ съ царевною въ палату, а по брата своего по князь-Ивана послалъ скорые гонцы. И какъ пріѣхалъ братъ его, князь-Иванъ, русскій богатырь, и Урусланъ часа того словомъ да дѣломъ велѣлъ свадьбу играти; и далъ Урусланъ красную царевну, Ѳеодулову дочь, за князь-Ивана, русскаго богатыря, за-мужъ за брата своего».

Очень близкій къ этому разсказъ встрѣчаемъ въ одной пѣсни минусинскихъ татаръ. Только разница вся въ томъ, что похожденія богатыревы происходятъ не съ названымъ, а съ роднымъ его братомъ, дѣйствительно младшимъ по самому рожденію. Богатырь Канашъ-Калешъ, выѣхавъ отыскивать брата своего, Айдолея, уведеннаго въ плѣнъ, взъѣзжаетъ на высокую гору, и оттуда видитъ поле, покрытое мертвыми. «Ближе подступаетъ онъ, чтобъ посмотрѣть, не лежитъ-ли тамъ его братъ. Но не можетъ онъ найти брата, а многихъ тамъ видитъ: кто лежитъ безъ рукъ, кто безъ ногъ, иные безъ головы; многіе богатыри лежатъ перерубленные на-двое и съ конемъ». Онъ ѣдетъ далѣе, встрѣчаетъ брата, бьющагося одинъ-на-одинъ съ богатырями, остатками побитой рати, и когда наконецъ и этотъ бой конченъ Айдолеемъ счастливо, т. е. когда онъ уже окончательно остался совершенно *одинъ* на-полѣ, Канашъ-Калешъ спрашиваетъ его: «Скажи мнѣ, что это за люди, что за богатыри лежатъ тутъ на полѣ? И отвѣчаетъ ему Айдолей: Вонъ тамъ есть чудовище о 30 головахъ, и сыновей у этого злого созданья тоже 30. Я всѣхъ ихъ перебилъ. Увели они меня отъ моря. Сначала старшій схватилъ моего коня за поводъ, и приволочилъ его сюда, а потомъ и остальные бросились на меня на полѣ». Послѣ того Канакъ-Калешъ оставляетъ своего брата, ѣдетъ одинъ на богатырскіе подвиги, и пріѣзжаетъ къ юртѣ богатыря Іедайхана, но хозяина нѣтъ дома: его увелъ въ плѣнъ чудовище-богатырь Бури-Миргенъ, живущій подъ землею. Канакъ-Калешъ объявляетъ женѣ его и дочери красавицѣ, что пріѣхалъ за невѣстой для своего брата, и мать отвѣчаетъ ему (точь-въ-точь Ѳеодулова жена въ нашей сказкѣ): «Кому намъ и отдавать ее,

какъ не вамъ, храбрымъ богатырямъ!» Потомъ Канакъ-Калешъ ѣдетъ къ Бури-Миргену, побѣждаетъ его, заставляетъ возвратить жизнь и свободу Іедай-хану, и отдаетъ его дочь въ замужство за своего брата (Schiefner, Heldensagen der minuss. Tataren, 281 — 293).

Сравнивая нашу сказку съ этою пѣснью, мы видимъ, что у насъ (какъ это часто встрѣчается во всѣхъ позднихъ редакціяхъ) слито въ одно лицо нѣсколько отдѣльныхъ лицъ оригинальнаго, или, по крайней мѣрѣ, болѣе ранняго разсказа: нашъ Ѳеодулъ-Змѣй совмѣщаетъ въ себѣ и Іедай-хана и Бури-Миргена, и потому дочь и жена Іедай-хана приходятся у насъ дочерью и женою Бури-Миргена. Сверхъ того, въ минусинской пѣсни братъ сватаетъ невѣсту для брата, — мотивъ необыкновенно частый въ пѣсняхъ тюркскихъ племенъ, и имѣющій свое основаніе въ нравахъ и привычкахъ этихъ племенъ; здѣсь это одинъ изъ эпизодовъ повѣсти о похожденіяхъ двухъ братьевъ: у насъ, напротивъ, Урусланъ безъ всякаго повода хлопочетъ о невѣстѣ для Ивана русскаго богатыря, который и самъ-то на одно лишь мгновеніе появляется, и потомъ безслѣдно исчезаетъ изъ пѣсни.

Далѣе. Послѣ побѣды надъ Ѳеодуломъ-Змѣемъ и послѣ брака князя Ивана, Урусланъ отправляется на новые подвиги. Это отправленіе обусловлено тѣмъ, что Иванъ русскій богатырь, въ первую-же ночь, лежа въ постели, разспрашиваетъ свою молодую жену: «Душечка моя, свѣтъ красная царевна! Скажи ты мнѣ правду: есть-ли тебя гдѣ краше, а брата моего удалѣе? И царевна молвитъ: Государь князь Иванъ, русскій богатырь! Чѣмъ я красна и хороша? Есть, господине, въ полѣ кочуютъ двѣ царевны, и у тѣхъ царевенъ краше меня дѣвки, которыя на руки воду подаютъ, а брата твоего есть удалѣе—Ивашкомъ зовутъ, Бѣлая-поляница, индѣйскаго царя сторожъ. И Уруслану то добре досадно, что невѣстка его похвалила Ивашку, Бѣлую-поляницу». Онъ и поѣхалъ отыскивать этого богатыря. Встрѣтившись, впослѣдствіи, съ указанными двумя царевнами, въ полѣ, Урусланъ распрашиваетъ ихъ уже самъ: «Есть-ли гдѣ васъ, царевенъ, краше, а меня удалѣе?» Услыхавъ отъ старшей сестры, что есть на границѣ индѣйскаго царства могучій богатырь смѣлѣе его, Урусланъ съ досады рубитъ царевнѣ голову, а ее бросаетъ подъ постель; потомъ беретъ вторую сестру и начинаетъ о томъ-же допрашивать ее. Эта отвѣчаетъ, что въ индѣйскомъ царствѣ дѣйствительно есть могучій богатырь, Ивашка, Бѣлая-поляница, но кто изъ нихъ сильнѣе, онъ или Урусланъ, то одинъ Богъ вѣдаетъ. Урусланъ

оставляетъ царевну живою, а самъ ѣдетъ помѣряться съ нимъ силой и удалью.

Этотъ мотивъ мы встрѣчаемъ, во-первыхъ, въ пѣсняхъ нѣсколькихъ народовъ, явно получившихъ его съ Востока, какъ и русская сказка. Такъ, въ одной болгарской пѣснѣ, богатырь Марко, находясь въ полѣ, слѣзаетъ съ коня, цѣлуетъ его въ чело и говоритъ, обращаясь къ вечерней звѣздѣ: «Ты, звѣзда вечерница! Все ты видишь, когда свѣтишь съ небесъ, отъ востока и до запада: но видѣла-ли ты такого молодца, какъ я, такого коня вихро-хода, какъ конь мой? Съ небесъ звѣзда провѣщала: Молчи, Марко, уста-бы у тебя засохли, языкъ-бы прилипнулъ! Здѣсь внизу, черезъ шесть ночлеговъ, городъ есть, городъ Докатинъ, а въ городѣ отрокъ Докатинче; еще малъ онъ—семи годочковъ, а въ семь разъ онъ тебя молодцоватѣе!» И Марко отправляется его отыскивать (*Безсоновъ*, Болгарскія пѣсни. Москва, 1855; Вступленіе, стр. 66). Въ одной греческой сказкѣ съ острова Сиры, герой разсказа, Иванушка (нѣчто въ родѣ нашего Иванушки-дурачка, и точно такой-же третій сынъ у отца) обращается къ горамъ и долинамъ и спрашиваетъ: Скажите вы мнѣ, горы и долины, есть-ли гдѣ на цѣломъ свѣтѣ человѣкъ сильнѣе меня? А онѣ ему отвѣчаютъ: Нѣтъ такого человѣка на свѣтѣ; и то-же самое повторили ему и на другой день, а когда на третій онъ снова сталъ спрашивать горы и долины, ему отвѣчала старая-престарая старуха: Да, ты сильный человѣкъ, но драконъ, похитившій царскую дочь, еще сильнѣе тебя. И послѣ этихъ словъ Иванушка ѣдетъ отыскивать дракона (*Hahn*, Griechische u. Albanesische Märchen. Leipzig, 1864, II, 15). Но корень этого мотива лежитъ въ пѣсняхъ азіатскихъ народовъ. Здѣсь онъ повторяется очень часто, и притомъ въ формѣ очень близкой къ той, которая употреблена нашею сказкою: нерѣдко даже всѣ вообще подвиги богатыря условлены этимъ однимъ мотивомъ, который такимъ образомъ выходитъ главною основою всего разсказа. Такъ, напримѣръ, въ одной пѣсни минусинскихъ татаръ читаемъ: «Богатырь Акъ-Молотъ жилъ много лѣтъ со своей женой, ѣздилъ на охоту. Однажды, проснувшись утромъ, онъ видитъ, что его жена уже встала, сидитъ у очага и чешетъ себѣ гребнемъ волосы. Онъ ей и говоритъ: Скажи мнѣ, дорогая, избранная моя, есть-ли на свѣтѣ конь сильнѣе и быстрѣе моего, есть-ли богатырь могучѣе меня? Ему отвѣчаетъ жена: Дорогой мой, избранный мой, не веди ты такихъ высокомѣрныхъ рѣчей, не держи ты такихъ мыслей про себя! Вскакиваетъ съ постели Акъ-Молотъ и говоритъ: Ничего ты не знаешь, баба. Я больше всѣхъ бога-

тырей здѣсь на землѣ, я ниже одного только Кудая (Бога). Ему отвѣчаетъ жена: Не хвались, дорогой ты мой, не говори ты такихъ высокомѣрныхъ рѣчей, не гнѣви другихъ богатырей! Тогда разсердился Акъ-Молотъ, лучшій изъ богатырей, схватилъ свою плеть, принялся бить жену, и говоритъ ей такія слова: Что, ты все еще не хочешь вѣрить и понять, что я всего только развѣ на два пальца стою ниже Кудая? И умоляетъ его жена: Полно тебѣ бить меня, о богатырь! Если тебѣ смерти нужно, я скажу тебѣ про богатыря, съ которымъ лучше тебѣ помѣряться силой, чѣмъ бить свою жену. Отсюда за девятью землями живетъ храбрый богатырь, по прозванію Булатъ. Слыхалъ-ли ты когда про него? Наврядъ ты его знаешь. Пойду, помѣряюсь съ Булатомъ, говоритъ Акъ-Молотъ, и отправляется на подвиги (*Schiefner*, Heldensagen der minussin. Tataren, 162 — 163). Точно также, въ началѣ другой пѣсни, богатырь Кулаты-Миргэнъ, осмотрѣвъ свои стада и свой народъ, съ самодовольствомъ спрашиваетъ коня своего: «О ты, бѣло-голубой конь мой, какъ ты думаешь: есть-ли на цѣломъ свѣтѣ человѣкъ, у котораго было-бы столько народа, столько стадъ? И отвѣчаетъ ему конь: Да, господинъ мой, Кулаты-Миргэнъ, есть на землѣ богатыри, которые гораздо выше тебя и богатствомъ и силой. И продолжаетъ спрашивать Кулаты-Миргэнъ: Какого-же такого богатыря ты знаешь, который важнѣе меня? И отвѣчаетъ ему конь: Тамъ за девятью землями живетъ Калангаръ-Таидши храбрый со свѣтло-сѣрымъ конемъ, живетъ Катай-Ханъ могучій со свѣтло-гнѣдымъ конемъ — оба братья, оба богатыри, гораздо могучѣе тебя. Есть у нихъ еще зять, зовутъ его Сокай-Алтынъ, конь у него тигровый», и проч. И Кулаты-Миргэнъ ѣдетъ бороться съ этимъ богатырями. (Тамъ-же, 396 — 397.)

Наконецъ, мы можемъ указать еще на одну составную часть, которая, хотя и кажется на первый взглядъ повтореніемъ разсказовъ персидской поэмы, но тѣмъ не менѣе не можетъ считаться исключительною ея собственностью. Это — первая половина эпизода объ отцѣ съ сыномъ. Мы видѣли уже, что есть близкое сходство между разсказомъ объ Урусланѣ Залазаревичѣ, какъ онъ пріѣзжаетъ въ индѣйское царство, женится тамъ на царской дочери и, поживъ съ нею короткое время, уѣзжаетъ, оставя ей драгоцѣнный камень, по которому можно было бы впослѣдствіи отцу узнать своего сына — между этимъ разсказомъ и разсказомъ о томъ же самомъ въ Шахъ-Намэ. Но, несмотря на ближайшее сходство, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, мы все-таки не можемъ сказать, чтобъ эта частица нашей сказки прямо происходила изъ Шахъ-Намэ. Во-первыхъ, окончаніе исто-

ріи отца съ сыномъ уже совершенно другое (въ персидской поэмѣ исходъ трагическій, въ русской сказкѣ — счастливый); во-вторыхъ, даже и вся первая половина этой исторіи представляетъ такой разсказъ, который не принадлежитъ исключительно одной только персидской поэмѣ, но появляется и въ разныхъ другихъ произведеніяхъ древней восточной литературы.

Такъ напр., въ одной изъ индѣйскихъ повѣстей Сомадевы, царица Мригавати, разлученная враждебной силой со своимъ супругомъ, царемъ Сагасраникой, надѣваетъ на палецъ своему сыну, царевичу Удаянѣ (рожденному, какъ Сограбъ и какъ Урусланъ Урусланович, въ отсутствіе отца), перстень, данный ей Сагасраникой, и перстень этотъ служитъ, впослѣдствіи, къ тому, чтобы отецъ нашелъ своего сына и возвратился къ женѣ (*Brockhaus*, Katha Sarit Sagara. Die Märchensammlung des Somadeva. Leipzig, 1839, 35—43). Но еще ближе къ разсказу нашей сказки и Шахъ-Намэ одна древне-индѣйская легенда, сохранившаяся въ китайскомъ сборникѣ *Фанъ-и-мингъ-и-тци:* «Въ царствѣ Вайсали, одинъ брахманъ посадилъ дерево Амру, изъ котораго родилась молодая дѣвушка. Онъ ее воспитывалъ до 15-ти лѣтняго возраста, и, такъ какъ она была надѣлена великою красотой, то слухъ объ этомъ событіи распространился по самымъ отдаленнымъ царствамъ, и семь царей пришли свататься за нее. Брахманъ испугался этого. Онъ посадилъ дѣвушку въ высокій теремъ, и сказалъ семи царямъ: Не я родилъ ее, она чудеснымъ образомъ произошла отъ дерева. Если я отдамъ ее одному изъ васъ, остальные шесть разгнѣваются на меня. Вотъ теперь она въ теремѣ, потолкуйте между собою, и пусть тотъ, кому она должна принадлежать, беретъ ее себѣ въ жены. Я ничего не хочу тутъ рѣшать. — Но царь Вимбасара ночью пробрался подземнымъ ходомъ въ теремъ, взошелъ въ верхній этажъ, и раздѣлилъ ложе дѣвушки. Если ты родишь сына, сказалъ онъ, передай его въ мои руки. Сказавъ эти слова, онъ снялъ золотой перстень со своею печатью, и отдалъ его дѣвушкѣ для признанія, потомъ вышелъ изъ терема. Впослѣдствіи, дѣвушка родила сына, котораго назвали: Дживака. Когда ему исполнилось восемь лѣтъ, онъ взялъ перстень съ печатью и пошелъ къ царю Вимбасарѣ, и этотъ далъ ему званіе царевича», и проч. (Mémoires sur les contrées occidentales par Hiunen-Thsang, trad. du chinois par *Stanislas Julien*. Paris, 1857, I, 388—389).

Послѣ этихъ цѣльныхъ эпизодовъ, укажемъ еще на двѣ отдѣльныя, очень крупныя и характеристическія подробности. Въ нашей сказкѣ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ попасть въ царство Зеленаго-царя, Урусланъ, по приказанію захваченной имъ

дѣвы-птицы, зажмуривается, «да ступилъ трижды на своемъ добромъ конѣ, вѣщемъ Арашѣ — ажно Урусланъ сталъ на чистомъ полѣ подъ царствомъ Зеленаго-царя». Эти три шага, при совершеніи подвига, — очень часто встрѣчающійся мотивъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ. Такъ, въ индѣйской поэмѣ Гариванзѣ, Вишну въ три шага овладѣваетъ тремя мірами (Harivansa, trad. par *Langlois*. Paris 1834, I, 177, 190); такъ въ пѣсняхъ минусинскихъ татаръ, богатырь Алтынъ-Айра, преслѣдуя дѣву Алтынъ-Арегъ, летящую на орлиныхъ крыльяхъ, «бьетъ плетью по бедрамъ своего свѣтло-голубаго коня, такъ что чуть не трескаются у него кости, и крѣпко натягиваетъ удила, такъ что ротъ у коня зіяетъ до ушей. Тогда богатырскій конь бросается впередъ съ такою силой, что въ три прыжка перепрыгиваетъ три земли» (*Schiefner*, Heldensag. der minuss. Tataren, 317); такъ въ пѣсняхъ койбаловъ, кони богатырей Алтынъ-Мергэна и Сугдюлъ-Мергэна также перепрыгиваютъ, въ три прыжка, три небесныхъ пространства (Radloff, Proben, II, 294, 350). Впрочемъ, иногда количество конскихъ прыжковъ измѣняется. Такъ наприм., кони богатырей, Гессеръ-Хана и Ай-Вергэна, перескакиваютъ огромныя пространства въ семь прыжковъ (*Schmidt*, Bogda Gesser-Chan. Petersburg, 1839, 128; *Radloff*, Proben, II, 427, 429); конь Сугдюлъ-Мергэна иногда перепрыгиваетъ девять пространствъ въ девять прыжковъ (тамъ-же, 378, 379); а богатырскій конь Канъ-Миргэна въ сорокъ скачковъ перескакиваетъ сорокъ странъ (*Schiefner*, Heldensag. der min. Tataren, 248).

Другая любопытная подробность нашей сказки, это — пограничный стражъ. «И ѣхалъ Урусланъ много дней и наѣхалъ: на индѣйскомъ рубежѣ человѣкъ спитъ на конѣ, подперся копьемъ, конь подъ нимъ воронъ, великъ добре. И пріѣхалъ Урусланъ къ нему близко, а человѣкъ спитъ, не подвинется съ мѣста. И Урусланъ подъѣхалъ близко и ткнулъ его копьемъ глухимъ концомъ, и человѣкъ на конѣ пробудился и прогляпулъ, а сей спросилъ: Господине! Кто ты еси? Какой человѣкъ, что съ коня не слазя спишь? — Ивашка (сторожъ) молвитъ: Нешто еси не слыхалъ Ивашка, Бѣлаго-поляницу? А я-де на индѣйскомъ рубежѣ стерегу украйны семь лѣтъ, а никаковъ человѣкъ иныя земли мимо меня не проѣзживалъ, а нынѣ было есми по твоему счастью уснулъ, и ты-бъ проѣхалъ мимо меня къ индѣйскому царю въ царство и царь-бы тебя спросилъ, по которой ты дорогѣ ѣхалъ, и ты-бъ царю сказалъ, что ѣхалъ мимо меня, а ничѣмъ не врежень, и царь-бы тебя пожаловалъ, и былъ-бы тебѣ великій подарокъ, и воздалъ-бы тебѣ великую честь. А нынеча

ты меня разбудилъ, и ты отъ меня не можешь живъ быти: живаго мнѣ тебя отпустити — и мнѣ честь свою потеряти». Вслѣдъ за тѣмъ происходитъ бой, и Урусланъ побѣждаетъ.—Ничего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ эти пограничные стражи въ восточныхъ легендахъ и пѣсняхъ. Они стерегутъ не только самое царство и людей его, но и стада царскія. Одинъ изъ такихъ стражей, Кызиль-Тасъ, — въ пѣсни шоровъ, живущихъ на рѣкѣ Томи, — 160 лѣтъ оберегаетъ царство своего хана, и ни одинъ богатырь не можетъ проѣхать мимо него: онъ всѣхъ побѣждаетъ. Наконецъ, онъ приходитъ къ ханьшѣ Алтынъ-Арыгѣ, и возвѣщаетъ, что черезъ три дня явится Кырчаганъ-ханъ, сватать ее для себя и взять всѣ ея имущества. Онъ, Кызиль-Тасъ, будетъ побѣжденъ, и потому онъ проситъ раньше смерти поѣсть—вотъ уже 160 лѣтъ, какъ онъ ничего не ѣлъ (*Radloff*, Proben der Volkslitt. der türk. Stämme Süd-Sibir., I, 388—389). Въ поэмѣ «Богда Гессеръ-ханъ», герой спрашиваетъ верблюжьяго пастуха, какъ ему найти зàмокъ великана, и тотъ ему разсказываетъ о пограничныхъ стражахъ: «Этотъ зàмокъ не далеко отсюда; на Бѣлой небесной горѣ поставлена стража изъ божьихъ дѣтей; потомъ на Желтой и всемірной горѣ поставлена стража изъ человѣческихъ дѣтей, а еще далѣе, на нашей Черной горѣ, великанской горѣ, стоятъ стражами великанскія дѣти (*Schmidt*, Bogda Gesser-Chan, 134). Въ одной пѣсни минусинскихъ татаръ, дѣва Алтынъ-Арегъ, спасаясь отъ преслѣдованія, попадаетъ на высокую гору, служащую межой двухъ сопредѣльныхъ странъ: «На горѣ стоятъ два богатыря, поставленные Кудаемъ (Богомъ), чтобъ держать стражу на горѣ. Никто не смѣлъ переступить эту межу» (*Schiefner*, Heldensagen der minuss. Tataren, 319). Въ другой пѣсни, волшебникъ Баламонъ, отпуская на подвигъ богатыря Агъ-Ая, говоритъ ему: «Ты пріѣдешь къ Бѣлому морю, гдѣ землѣ конецъ; дальше нельзя ѣхать на конѣ. На другомъ берегу моря стоитъ голый утесъ, куда дорога только и идетъ оврагомъ. У оврага стоятъ на стражѣ двое изъ самыхъ крѣпкихъ богатырей: между ними ты долженъ пробраться. Если проѣдешь, не взглянувъ на нихъ, они тебя не тронутъ; а взглянешь на нихъ — умрешь. Еслижъ счастливо тутъ проберешься, то доѣдешь до Соръ-Хана безъ всякой помѣхи». (Тамъ-же, 85 — 86.)

Все это вмѣстѣ — цѣлые эпизоды и отдѣльныя характеристическія подробности, которыхъ нѣтъ въ Шахъ-Намэ.

Но чтò-же наконецъ, какіе выводы извлекаемъ мы изъ всего этого сравненія сказки объ Урусланѣ Залазаревичѣ съ разными произведеніями древней восточной поэзіи? Они слѣдующіе: наша

богатырская сказка объ Еруслан Лазаревичѣ происхожденія нерусскаго; она ведетъ свое начало съ Востока, но вышла не изъ сказокъ, а изъ поэмъ, легендъ, пѣсенъ и сказаній древнѣйшаго Востока. Нельзя указать, по крайней мѣрѣ теперь, одного отдѣльнаго произведенія, откуда она была-бы переведена или заимствована: она имѣетъ многочисленные пункты ближайшаго сходства съ весьма разнообразными произведеніями восточной литературы, и представляется всего скорѣе какъ-бы народной компиляціей, въ продолженіе долгаго времени сложившейся мозаикой изъ разнородныхъ древнихъ мотивовъ [1]).

Замѣтимъ себѣ эти выводы: они намъ понадобятся, когда пойдетъ рѣчь о выводахъ, представляемыхъ изученіемъ древнерусскихъ богатырскихъ пѣсенъ.

II.

СКАЗКА О ЖАРЪ-ПТИЦѢ.

Мы разсмотрѣли русскую сказку, не имѣющую ничего себѣ параллельнаго между всѣми произведеніями народной словесности на Западѣ. Теперь, въ противуположность ей, возьмемъ другую сказку, которая столько-же распространена у западныхъ народовъ сколько и у насъ, и посмотримъ, къ какимъ она приведетъ насъ результатамъ.

Главныя черты этой сказки слѣдующія: у царя Выслава всякую ночь пропадаетъ изъ саду по золотому яблоку съ его любимой, чудной яблони. Онъ призываетъ трехъ сыновей своихъ, и обѣщаетъ отдать полъ-царства своего тому изъ нихъ, кто устережитъ и поймаетъ вора. Двое старшихъ царевичей берутся за это, но они только по-напрасну хвастаются. Ставъ на караулъ, въ саду, каждый изъ нихъ засыпаетъ во время первыхъ двухъ ночей и ничего не въ состояніи узнать. Тогда берется за это

---

[1]) Для полноты обзора, прибавимъ, что въ одной пѣснѣ сагайцевъ, живущихъ у рѣки Аскысэ, похожденія богатыря Тарба-Киндши имѣютъ не мало общаго съ похожденіями Еруслана: еще будучи мальчикомъ, этотъ богатырь играетъ съ товарищами *въ щелчки*, и даетъ имъ такіе сильные щелчки по лбу, что трое изъ нихъ умираютъ. Родители ихъ жалуются хану, отцу богатыря, и тотъ удаляетъ сына изъ своихъ владѣній, пустивъ его по морю въ бочкѣ. Въ послѣдствіи онъ выбираетъ себѣ коня какъ Еруслагъ и Рустемъ, и освобождаетъ отца своего, котораго враги, во время нашествія, взяли въ плѣнъ, распяли на деревѣ и выкололи ему глаза. Но этимъ ограничивается сходство. Все остальное въ пѣснѣ — рядъ совершенно другихъ событій и подробностей (*Radloff*, Proben, II, 254 — 264).

дѣло младшій, третій сынъ, Иванъ-Царевичъ: онъ-то и имѣетъ успѣхъ. Выйдя сторожить вора въ свою очередь, на третью ночь, онъ уже не засыпаетъ, бодро сторожитъ неизвѣстнаго врага, и скоро оказывается, кто это такой. Прилетаетъ Жаръ-Птица, и садится на дерево клевать золотыя яблоки. Тутъ Иванъ-Царевичъ хватаетъ Жаръ-Птицу за хвостъ, она вырывается и улетаетъ, оставя у него въ рукахъ одно перо свое: перо это было волшебное, оно испускало изъ себя такой свѣтъ, что освѣщало весь темный садъ. Но царю Выславу того мало, что у него съ этихъ поръ не пропадаютъ больше яблоки, ему мало и чуднаго пера Жаръ-Птицы: онъ непремѣнно хочетъ, чтобъ ему добыли ту самую птицу, изъ чьего хвоста у него есть перо, — и вотъ всѣ три сына отправляются на поиски, но младшій съ трудомъ выпрашиваетъ на то позволеніе отца, а старшіе двое царевичей наполнены ненависти къ болѣе удачливому младшему брату своему. Начинаются путевыя похожденія, и вся удача на сторонѣ младшаго, третьяго брата, Ивана-Царевича. Прежде всего на дорогѣ ему является сѣрый волкъ, который сначала разрываетъ на части его коня, но потомъ, сжалившись, становится ему самымъ вѣрнымъ помощникомъ, подаетъ совѣты, какъ совершать подвиги, и самъ переноситъ его, на своей спинѣ, съ быстротой молніи, изъ одного мѣста въ другое. Прежде всего волкъ привозитъ Ивана-царевича въ царство царя Далмата, у котораго въ золотой клѣткѣ сидитъ Жаръ-Птица. Иванъ-Царевичъ безпрепятственно похищаетъ ее ночью, готовъ уже воротиться къ отцу, но ему приходитъ въ голову захватить съ собою и золотую клѣтку Жаръ-Птицы, что̀ именно ему запрещено волкомъ: едва онъ до нея дотронулся, какъ вдругъ поднимается стукъ и громъ, звенятъ невидимыя струны, проведенныя къ клѣткѣ, проснувшіеся сторожа хватаютъ Ивана-Царевича и ведутъ его къ царю Далмату. Этотъ хочетъ наказать его, но потомъ соглашается простить, если онъ ему добудетъ коня златогриваго, отъ царя Афрона. Начинается второе похожденіе. Сѣрый волкъ приноситъ Ивана-Царевича въ царство царя Афрона, и царевичъ совсѣмъ-было уже похитилъ коня златогриваго, — столько же безпрепятственно, какъ прежде Жаръ-Птицу — но и тутъ ему опять приходитъ несчастная мысль: вмѣстѣ съ конемъ похитить и его золотую узду, что̀ запрещено ему было волкомъ. Тутъ опять поднимаются въ конюшняхъ царскихъ стукъ и громъ, звенятъ невидимыя струны, проведенныя къ уздѣ; проснувшіеся караульные конюхи хватаютъ Ивана-Царевича и ведутъ его къ своему царю. Этотъ сначала хочетъ, въ гнѣвѣ своемъ, наказать его, но потомъ обѣщается простить, если онъ добудетъ ему королеву

Елену-Прекрасную. Сѣрый волкъ скачетъ, съ Иваномъ-Царевичемъ на спинѣ, за тридевять земель, въ тридесятое царство, и тамъ онъ видитъ Елену-Прекрасную, за золотою рѣшоткой, гуляющую съ мамушками и нянюшками въ чудесномъ саду. Волкъ похищаетъ ее, потомъ бѣжитъ назадъ, съ царевичемъ и королевною на спинѣ своей, такъ быстро, что посланная за ними погоня не можетъ нагнать ихъ. Пріѣхавъ къ царю Афрону, Иванъ-Царевичъ получаетъ отъ него златогриваго коня, а самъ отдаетъ ему сѣраго волка, превратившагося въ Елену-Прекрасную. Скоро потомъ волкъ, сбросивъ съ себя превращеніе, догоняетъ ихъ, Иванъ-Царевичъ садится на него; Елена-Прекрасная на коня златогриваго, и они ѣдутъ къ царю Далмату. Тутъ волкъ оборачивается златогривымъ конемъ, и Иванъ-Царевичъ отдаетъ его царю Далмату, а самъ получаетъ отъ него, по условію, Жаръ-Птицу и ѣдетъ назадъ, въ царство своего отца. Тотчасъ послѣ его отъѣзда, волкъ сбрасываетъ съ себя и второе свое превращеніе, снова нагоняетъ Ивана-Царевича и прощается съ нимъ, такъ какъ уже сослужилъ ему всю службу въ награду за растерзаннаго вначалѣ коня. Послѣ того выступаютъ на сцену братья Ивана-Царевича, ѣздившіе по всему свѣту и ничего нигдѣ не нашедшіе. Они наѣзжаютъ на своего брата въ то время, какъ онъ спитъ въ полѣ, окруженный всѣмъ, что добылъ, при помощи волка. Въ своей ненависти и зависти, они его убиваютъ, берутъ царевну, златогриваго коня и Жаръ-Птицу, возвращаются въ царство къ отцу своему, и приписываютъ себѣ всѣ братнины подвиги. Между тѣмъ, сѣрый волкъ находитъ Ивана-Царевича мертвымъ въ полѣ, оживляетъ его, спрыснувъ мертвой и живой водой, за которою летаетъ по его порученію воронъ, потомъ везетъ его, опять-таки на своей спинѣ, въ царство отца его Выслава; все объясняется, братья посрамлены, отецъ сажаетъ ихъ въ темницу, а Иванъ-Царевичъ женится на царевнѣ Еленѣ-Прекрасной [1]). Въ одномъ изъ пересказовъ этой сказки подвиги совершаются не царевичемъ, а стрѣльцомъ царскимъ; по иному еще пересказу, завидуютъ герою и стараются повредить ему не два его брата, а нѣсколько министровъ царскихъ; въ обоихъ этихъ послѣднихъ пересказахъ герою помогаетъ во всѣхъ похожденіяхъ его — конь его богатырскій.

Долгое время сказка эта считалась у насъ чисто-русскою, истинно національною; но съ тѣхъ поръ, какъ началось изученіе народной словесности другихъ европейскихъ народовъ, ока-

---

[1]) *Аѳанасьевъ*, Народныя русскія сказки; выпускъ VII, 121 — 134.

залось, что она распространена у многихъ народовъ славянскаго, германскаго и романскаго племени (*Аѳанасьевъ*, Т. VIII, примѣч. къ сказкѣ о Жаръ-Птицѣ, стр. 620 — 626), а также и у новыхъ грековъ (*Hahn*, Griechische u. albanesische Märchen. Leipzig. 1864. I, 285; II, 49), и все это въ формахъ, до крайности близкихъ къ той, въ которой она существуетъ у нашего народа. Но мало того, что мы сознаемъ такую общераспространенность нашей сказки; мы имѣемъ, сверхъ того, возможность указать теперь, откуда она пришла въ Европу.

Происхожденіе этой сказки — восточное, и здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующіе первоначальные, очень древніе оригиналы.

Въ сборникѣ индѣйскихъ сказокъ Сомадевы, мы находимъ слѣдующую сказку: Въ Индіи, въ городѣ Вардхаманапурѣ жилъ нѣкогда могущественный и справедливый царь, именемъ Вирабхуджа. Изъ всѣхъ женъ своего гарема, онъ болѣе всего любилъ Гунавару, и сына ея Срингабхуджу; прочія жены и ихъ сыновья глубоко ненавидѣли за это Гунавару и ея сына. Имъ наконецъ удается оклеветать Гунавару передъ царемъ, и онъ велитъ заключить ее въ подземельи, украсивъ и убравъ его впрочемъ со всею роскошью, по прежней своей любви къ ней. Добившись этого перваго успѣха, царскія жены начинаютъ теперь думать о томъ, какъ-бы погубить и ненавистнаго Срингабхуджу. Случай помогаетъ имъ въ этомъ. Разъ всѣ царевичи были на дворѣ и учились стрѣльбѣ изъ лука и метанью копья, какъ вдругъ прилетаетъ громадный журавль и садится на кровлю царскаго дворца. Проходящій мимо буддійскій священникъ говоритъ молодымъ людямъ, съ удивленіемъ разсматривающимъ птицу, что это не простая птица, а Ракшаза (злой духъ), именемъ Агнисикха, принявшій на себя образъ журавля и летающій по цѣлому міру для того, чтобъ наносить, гдѣ только можно, вредъ: пусть же они прогонятъ его своими стрѣлами. Царевичи стрѣляютъ въ птицу, но ни одинъ не попадаетъ. Тогда священникъ объявляетъ, что только одинъ Срингабхуджа въ состояніи прогнать птицу, если ему дадутъ хорошій лукъ. Тутъ братья соображаютъ, что вотъ это-то и есть какъ разъ лучшее средство погубить ненавистнаго имъ младшаго брата. Они тотчасъ-же приносятъ драгоцѣнный отцовскій лукъ со стрѣлами, очень хорошо зная, какъ онъ дорогъ ихъ отцу; они соображаютъ такъ, что если Срингабхуджа попадетъ стрѣлой въ птицу, то она улетитъ съ этой стрѣлой, и Срингабхуджѣ придется во чтобы-то ни стало итти отыскивать стрѣлу, а если не попадетъ, и только спугнетъ птицу, то опять-таки навѣрное отправится за нею, чтобъ гдѣ-нибудь отыскать ее: во всякомъ случаѣ они отъ него избавятся.

Срингабхуджа беретъ лукъ и сразу попадаетъ въ птицу, которая тотчасъ-же, со стрѣлой въ груди, улетаетъ вонъ. Тутъ братья приступаютъ къ Срингабхуджѣ съ притворнымъ отчаяніемъ, и умоляютъ его добыть назадъ стрѣлу, иначе бѣда имъ всѣмъ. Срингабхуджа успокоиваетъ ихъ, обѣщаясь не возвращаться иначе, какъ убивъ птицу и воротивъ стрѣлу. Совершенно счастливые отъ удавшейся хитрости, братья возвращаются въ царскія палаты, и разсказываютъ о всемъ случившемся своимъ матерямъ; тѣ ужасно рады. — Между тѣмъ Срингабхуджа торопится по слѣдамъ птицы, вступаетъ въ густой лѣсъ, и, послѣ долгаго странствія, приходитъ въ большой зàмокъ, скрытый въ чащѣ. Ему выходитъ на встрѣчу дѣвушка чудной красоты и на вопросъ его разсказываетъ, что здѣсь живетъ царь ракшазовъ, Агнисикха, а она его дочь, и зовутъ ее: Рупасикха «Ты такой стрѣлокъ, какого нѣтъ другого на свѣтѣ, говоритъ она: ты съумѣлъ ранить даже моего отца. Золотую стрѣлу твою я взяла себѣ вмѣсто игрушки». Послѣ того она объявляетъ своему отцу, (котораго рана уже зажила), что она ни за кого не пойдетъ замужъ кромѣ этого юноши. Агнисикха соглашается отдать дочь свою за Срингабхуджу, если онъ исполнитъ всѣ его порученія. Срингабхуджа съ радостью соглашается на это условіе. Первая задача та, что онъ долженъ распознать свою невѣсту между ста ея сестрами: онѣ всѣ совершенно одинаковы и по лицу, и по платью, и по убору, и у всѣхъ надѣто на шеѣ одинакое жемчужное ожерелье. Срингабхуджа не знаетъ какъ быть, но невѣста помогаетъ ему, сказавъ, что онъ ее узнаетъ по жемчужной ниткѣ, которую она, вмѣсто шеи, повяжетъ на голову. «Отецъ-то этого не замѣтитъ, прибавляетъ она: онъ изъ демонской породы, а у нихъ нѣтъ остраго ума». Срингабхуджа вѣрно узнаётъ свою невѣсту, но Агнисикха все-таки еще не отпускаетъ ему своей дочери, а вмѣсто того задаетъ новую, трудную задачу: «На, вотъ тебѣ запряжку воловъ, говоритъ онъ, поди за-городъ; тамъ стоитъ куча зеренъ въ сто мѣръ: сегодня же вспаши землю и посѣй всѣ сто мѣръ зеренъ». Невѣста и тутъ помогаетъ Срингабхуджѣ, и своею волшебною силой вспахиваетъ землю и посѣваетъ всѣ сто мѣръ зеренъ. Тогда Агнисикха велитъ ему пойти и собрать всѣ посѣянныя зерна. Рупасикха исполняетъ это, за своего возлюбленнаго, пославъ своею волшебною силою несмѣтныя тьмы муравьевъ на поле: они въ короткое время сносятъ вмѣстѣ всѣ зерна. Но Агнисикха все продолжаетъ задавать царевичу задачи: онъ посылаетъ Срингабхуджу къ своему брату Дхумасикхѣ, обитающему въ пустомъ храмѣ Сивы, звать его, со всей его свитой къ другому дню

на свадьбу Рупасикхи. Этотъ храмъ стоитъ далеко отъ замка Агнисикхи, но Сринrабхуджа въ тотъ же день еще долженъ воротиться назадъ, не то не получитъ руки своей возлюбленной. Чтобъ помочь Сринrабхуджѣ, Рупасикха даетъ ему своего собственнаго превосходнаго коня, немного земли, воды, терновника и огня, и говоритъ ему, что̀ онъ долженъ дѣлать, чтобъ выполнить порученіе, и воротиться цѣлымъ и безвреднымъ. Сринrабхуджа ѣдетъ на новомъ конѣ своемъ къ указанному мѣсту и находитъ храмъ Сивы. Произнеся тутъ, передъ входомъ, громкимъ голосомъ, приглашеніе Агнисикхи, онъ тотчасъ-же во всю прыть скачетъ назадъ. За нимъ устремляется въ погоню Дхумасикха, и тогда онъ бросаетъ позади себя данный ему невѣстой комъ земли: тотчасъ-же на этомъ мѣстѣ поднимается огромная гора. Съ трудомъ карабкается на нее Дхумасикха и спѣшитъ потомъ за ускользающимъ у него изъ рукъ непріятелемъ. Тогда Сринrабхуджа выливаетъ воду: въ одно мгновеніе тутъ вдругъ разливается рѣка, и своими клокочущими волнами преграждаетъ путь демону. Но едва онъ, съ величайшимъ трудомъ, перебирается черезъ рѣку и начинаетъ нагонять Сринrабхуджу, этотъ бросаетъ терновникъ, который въ одинъ мигъ разростается непроходимымъ лѣсомъ. Дхумасикха почти уже продрался и черезъ этотъ лѣсъ, тогда царевичъ бросаетъ позади себя огонь, и лѣсъ тотчасъ-же весь стоитъ въ пламени. Увидавъ это, Дхумасикха пугается, и, измученный, возвращается домой. Спасенный такимъ образомъ Сринrабхуджа возвращается къ отцу своей возлюбленной, и объявляетъ ему, что выполнилъ и это его порученіе. Тогда Агнисикха начинаетъ думать, что этотъ юноша — богъ и, значитъ, достойный мужъ его дочери. Поэтому на другое-же утро торжественно совершается ихъ бракосочетаніе, но когда скоро потомъ Сринrабхуджа хочетъ воротиться съ молодой женой на свою родину, Рупасикха говоритъ ему, что добромъ имъ не выбраться изъ отцовскаго замка, Агнисикха ихъ не выпуститъ, а должны они уйти тайкомъ, и хотя отецъ ея и будетъ ихъ преслѣдовать, но ея волшебная сила защититъ ихъ отъ всякой опасности. На другое-же утро Рупасикха беретъ ящичекъ, наполненный неоцѣненными сокровищами и золотую стрѣлу Сринrабхуджи, вскакиваетъ съ мужемъ на своего волшебнаго коня, и они скачутъ къ городу Вардхаманапурѣ. Проѣхавъ уже довольно много, вдругъ они слышатъ ужасный громъ въ воздухѣ: это стремительно летитъ за ними яростный Агнисикха. Рупасикха говоритъ мужу: «Ничего не бойся! Смотри только, какъ я его проведу!» И тогда она дѣлаетъ Сринrабхуджу съ конемъ невидимыми, а сама

превращается въ мущину, беретъ у случившагося тутъ дровосѣка топоръ, и принимается рубить лѣсъ. Увидавъ дровосѣка, Агнисикха, не узнавая въ немъ своей дочери, сходитъ съ облака и спрашиваетъ: не проскакали-ли тутъ верхомъ мущина съ женщиной? Превращенная Рупасикха отвѣчаетъ: «Мы никого не видали, да къ тому-же наши глаза ничего не видятъ отъ слезъ: сегодня умеръ царь ракшазовъ, Агнисикха. Мы и въ лѣсъ-то пришли, чтобъ нарубить лѣсу для его костра». При этихъ словахъ Агнисикха думаетъ: «Ахъ, какая бѣда, значитъ, я умеръ! Чтò мнѣ за дѣло теперь до дочери! Пойду я домой, да распрошу своихъ людей, кàкъ и чтò было». Такимъ образомъ Агнисикха возвращается къ себѣ въ зàмокъ, а супруги, смѣясь, ѣдутъ своей дорогой далѣе. Но только что Агнисикха узнаётъ отъ своихъ служителей, насилу держащихся отъ смѣха, что онъ совершенно живъ, какъ тотчасъ-же бросается въ погоню за убѣжавшими. Рупасикха слышитъ, что онъ близко, снова дѣлаетъ невидимыми мужа своего съ конемъ, сама превращается въ мущину, и выхватываетъ письмо изъ рукъ бѣгущаго тутъ мимо вѣстника. Въ это время прилетаетъ Агнисикха и снова спрашиваетъ переодѣтую Рупасикху, не видала-ли она, какъ тутъ проскакали верхомъ мущина съ женщиной? «Нѣтъ, отвѣчаетъ Рупасикха, я никого не видалъ, и только думаю о томъ, какъ-бы скорѣе поспѣть: меня послалъ, съ письмомъ къ своему брату, Дхумасикхѣ, царь ракшазовъ Агнисикха: его нынче смертельно ранили въ бою съ непріятелемъ, теперь у него жизнь на волоскѣ, и онъ зоветъ брата, чтобъ передать ему свое царство». Эти слова сильно поражаютъ Агнисикху. «Значитъ, меня извели непріятели», подумалъ онъ, и поворотилъ назадъ. Дома служители удостовѣряютъ его, что онъ дѣйствительно еще живъ, но чтобъ опять не подвергнуться посмѣянію, онъ болѣе не преслѣдуетъ дочь. Срингабхуджа благополучно пріѣзжаетъ съ женой на родину свою, и тамъ радостно встрѣчаетъ ихъ обоихъ отецъ его. Срингабхуджа разсказываетъ свои похожденія, и въ присутствіи братьевъ отдаетъ золотую стрѣлу. Тогда-то царь узнаётъ все сплетеніе хитрости и обмана, посредствомъ которыхъ хотѣли разлучить его съ любимой женой и любимымъ сыномъ. Онъ велитъ тотчасъ-же привести изъ заключенія оклеветанную жену свою, и хочетъ послать туда, въ наказаніе, остальныхъ женъ своихъ, но Гунавара упрашиваетъ его простить ихъ, и онъ выполняетъ ея просьбу. Всѣхъ дурныхъ сыновей онъ также хочетъ наказать, и отдаетъ приказъ выслать ихъ изъ царства, но добродушный Срингабхуджа вступается за нихъ и вымаливаетъ имъ прощеніе, и съ тѣхъ поръ они становятся предан-

ными братьями и начинаютъ любить его. На другой день царь посвящаетъ Срингабхуджу въ наслѣдники престола [1]).

Родство нашей сказки, а равно и всѣхъ остальныхъ европейскихъ сказокъ о Жаръ-Птицѣ со сказкою Сомадевы — очевидно. Вездѣ тутъ мы имѣемъ все одни и тѣ-же главные мотивы. Во-первыхъ, намъ представляются царь и нѣсколько его сыновей (по индѣйскому разсказу сыновей этихъ много, по всѣмъ остальнымъ — ихъ только трое); младшій изъ сыновей самый лучшій, самый счастливый, самый ловкій и удачливый: имъ-то и совершаются всѣ подвиги. Далѣе, является оборотень, волшебное существо (всего чаще въ видѣ птицы), наносящее вредъ царству; надо изловить это вредное существо, и за эту задачу берется младшій царевичъ. Вся эта первая сцена происходитъ внѣ дома, на чистомъ воздухѣ (по индѣйскому пересказу — на дворѣ, по прочимъ — въ саду). Начинаются подвиги младшаго царевича, и при этомъ отыскиваніе волшебнаго вреднаго существа сопряжено съ тѣмъ, что царевичъ узнаетъ красавицу-царевну, въ которую страстно влюбляется и которая тоже начинаетъ любить его, а добываніе царевны связано со многими трудными задачами, которыя долженъ выполнить, по заказу, герой сказки. Онъ ихъ и выполняетъ, при помощи благодѣтельнаго волшебнаго существа (по индѣйскому пересказу это сама царевна-красавица, по одному русскому и по норвежскому пересказу это волкъ, по другому русскому — конь, по нѣмецкому — лисица, и т. д.); врагами-же героя вездѣ одинаково являются: во-первыхъ, невѣстинъ отецъ, существо волшебное и злое, а во-вторыхъ, братья героя, которые ненавидятъ его, завидуютъ ему и употребляютъ всѣ силы, чтобъ повредить ему; но старанія ихъ остаются однакоже тщетны, и младшій царевичъ благополучно побѣждаетъ всѣ препятствія, послѣ чего женится на возлюбленной своей, царевнѣ-красавицѣ. Не можетъ, конечно, во всемъ этомъ не остановить нашего вниманія то обстоятельство, что въ индѣйскомъ разсказѣ есть цѣлый рядъ происшествій, которыхъ нѣтъ въ европейскихъ пересказахъ этой сказки: по индѣйскому оригиналу, при возвращеніи героя въ свое отечество, съ добытою невѣстою, за ними нѣсколько разъ устремляется погоня, и царевна превращеніями и хитростью помогаетъ своему жениху спастись отъ этой погони. Но эти подробности и мотивы не остались принадлежностью однихъ только индѣйскихъ

---

1) *Brockhaus*, Analyse des VII Buches von Somadeva's Märchensammlung. Berichte über die Verhandl. der sächs. Gesellsch. der Wissensch. zu Leipzig, 1861. Philol.-histor. Classe, №№ II—III, 223—230.

оригиналовъ: они, правда, не перешли въ сказку о Жаръ-Птицѣ, но только потому, что выдѣлились изъ общаго разсказа подъ видомъ особаго эпизода, и образовали особенное самостоятельное цѣлое, которое въ этомъ видѣ и извѣстно какъ у насъ, такъ и въ остальной Европѣ. Разсказъ о спасеніи жениха, отъ погони, невѣстиными хитростями, очень распространенъ у большинства народовъ западной Европы въ сказкахъ разныхъ наименованій [1]).

Но не слѣдуетъ думать, основываясь на близкомъ сходствѣ нашихъ западно-европейскихъ разсказовъ съ индѣйскимъ, будто они непосредственно происходятъ отъ него. Какъ сказка о Еруланѣ Лазаревичѣ не происходитъ прямо изъ Шахъ-Намэ, не смотря на всю близость, такъ точно и сказка о Жаръ-Птицѣ не происходитъ отъ сказокъ Сомадевы. Есть другіе восточные разсказы, съ которыми она, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, имѣетъ еще болѣе сходства, чѣмъ съ приведеннымъ индѣйскимъ оригиналомъ. Въ одной пѣсни сибирскаго племени кизильцевъ, живущихъ при рѣкѣ Черномъ Юсѣ, разсказывается слѣдующее: Богатырь Сюдей-Мергэнъ женился, на чужой сторонѣ, на дѣвушкѣ чудной красоты. Однажды отецъ ея, Алтынъ-Ханъ, сталъ говорить своимъ двумъ другимъ зятьямъ, Ай-Мергэну и Кюнъ-Мэргену: У меня всякій годъ исчезаютъ, изъ загона конскихъ табуновъ, жеребята, родящіеся отъ серебряно-волосой голубой кобылы. Кто изъ васъ устережитъ эту пропажу, тому я даю половину своего скота, половину всего моего добра. Оба зятя тотчасъ-же и ѣдутъ въ поле караулить, какъ серебряно-волосая кобыла будетъ рожать жеребенка, и какъ онъ отъ ней пропадетъ. Узнавъ объ этомъ отъ своей жены, Сюдей-Мергэнъ тоже отправляется ловить вора, верхомъ на плохой клячѣ, данной ему тестемъ по просьбѣ жены, самъ одѣтый только въ медвѣжью шкуру. Едва онъ поднялся на вершину Алтая, какъ повстрѣчался ему прежній его богатырскій конь, вороной и золотошерстый; Сюдей-Мергэнъ тотчасъ надѣваетъ оружіе и хорошее платье, привязанныя на спинѣ у коня, садится на него и пріѣзжаетъ въ то мѣсто, гдѣ съ остальнымъ табуномъ пасется серебряно-шерстая кобыла. Смотритъ: оба зятя, Ай-Мергэнъ и Кюнъ-Мергэнъ стоятъ на своихъ коняхъ и спятъ. Въ это самое время серебряно-шерстая кобыла родитъ вороного золотошерстаго же-

[1]) *Grimm*, Kinder u. Hausmärchen, №№ 113, 193; *Wolf*, Deutsche Hausmärchen, Göttingen, 1858, стр. 286; Pentamerone deutsche, von *Liebrecht*. Breslau 1846, №№ 17 и 29; у новыхъ грековъ мы его находимъ въ сказкѣ о чортѣ и его дочери (*Hahn*, № 54), у древнихъ грековъ въ исторіи Язона и Медеи.

ребенка, и въ то-же мгновеніе словно громадное облако какое-нибудь спускается съ неба огромная птица, хватаетъ жеребенка и летитъ съ нимъ прочь. Сюдей-Мергэнъ беретъ свой лукъ и стрѣлы, стрѣляетъ въ птицу, попадаетъ ей прямо въ середину тѣла, и та падаетъ, выпустивъ жеребенка изъ когтей. Тогда Сюдей-Мергэнъ беретъ птицу, привязываетъ ее къ сѣдлу и ѣдетъ къ своякамъ своимъ, Ай-Мергэну и Кюнъ-Мергэну; тѣ просыпаются отъ его богатырскаго голоса, вступаютъ съ нимъ въ торгъ и покупаютъ птицу, давъ ему за нее по суставу отъ своего мизинца; послѣ того Сюдей-Мергэнъ, отпустивъ богатырскаго коня и снова одѣвшись въ медвѣжью шкуру, возвращается, какъ ни въ чемъ не бывало, домой, а зятья возвращаются домой съ торжествомъ, хвастаются своею побѣдою, и Алтынъ-Ханъ щедро награждаетъ ихъ. Скоро потомъ Алтынъ-Ханъ опять говоритъ своимъ зятьямъ: Ахъ, зятюшки, вотъ что̀ я еще вамъ скажу! У истоковъ Бѣлаго моря живетъ пестрый золото-шерстый тигръ: онъ нападаетъ на мой народъ, на моихъ людей, убиваетъ и пожираетъ ихъ. Подите, убейте его! Оба зятя отправляются. Дочь Алтынъ-Ханова и объ этомъ разсказываетъ своему мужу, Сюдей-Мергэну, и тотъ сейчасъ-же ѣдетъ на тигра, по прежнему въ одной медвѣжьей шкурѣ и верхомъ на плохой кляченкѣ своей; на дорогѣ онъ снова встрѣчается съ богатырскимъ золото-шерстымъ конемъ своимъ, садится на него, надѣвъ напередъ хорошее платье и оружіе, привязанныя на его спинѣ, съ быстротою молніи пріѣзжаетъ къ Бѣлому морю, у подошвы Золотой горы—вступаетъ въ бой съ золото-шерстымъ тигромъ, рубитъ его своимъ мечомъ пополамъ и, привязавъ къ сѣдлу, отправляется назадъ домой. Тутъ онъ встрѣчается со свояками своими, которые еще только ѣдутъ на мѣсто подвига, поднимаются еще въ гору. Они торгуются съ Сюдей-Мергэномъ, и покупаютъ у него тигра, давъ ему за него по ремню, вырѣзанному изъ кожи на своей спинѣ. Послѣ того Сюдей-Мергэнъ снова отпускаетъ золото-шерстаго коня, снова одѣвается въ медвѣжью свою шкуру, и возвращается къ женѣ; но, наскучивъ своимъ подчиненнымъ положеніемъ, и притомъ на чужой сторонѣ, онъ покидаетъ жену, ѣдетъ на вершину Алтая, ставитъ тамъ свою юрту и въ густомъ лѣсу, и поселяется въ этомъ мѣстѣ. Черезъ три года пріѣзжаютъ туда свояки его, Ай-Мергэнъ и Кюнъ-Мергэнъ, пока Сюдей-Мергэнъ былъ на охотѣ, и, догадавшись, что это онъ здѣсь живетъ, рѣшаются погубить его, въ отмщеніе за свои мизинцы и ремни изъ своей кожи. Они выжидаютъ его возвращенія, а когда онъ пріѣзжаетъ домой, они встрѣчаютъ его съ притворнымъ радушіемъ, ссаживаютъ съ зо-

лото-шерстаго коня, ведутъ за руки въ домъ и вдругъ сбрасываютъ въ яму, въ 100 саженъ глубины, вырытую ими и прикрытую оленьей шкурой. Потомъ, забравъ все его имѣніе, они возвращаются домой. Сюдей-Мергэнова жена начинаетъ подозрѣвать что-то недоброе съ ихъ стороны, и ѣдетъ отыскивать своего мужа, живого или мертваго. Скоро пріѣзжаетъ она къ юртѣ своего мужа; золото-шерстый конь, проливая слезы, разсказываетъ ей все дѣло, и они пробуютъ вдвоемъ добыть Сюдей-Мергэна изъ ямы, опустивъ ему туда хвостъ коня. Но хвостъ коротокъ, не достаетъ до дна на три сажени. Послѣ того, жена Сюдей-Мергэнова опускаетъ въ яму свои косы, — но и тѣ коротки, не хватаютъ одной сажени до дна. Тогда, по приказанію богатыревой жены, золото-шерстый конь скачетъ далеко-далеко, на край неба и земли, и хитростью овладѣваетъ тамъ дѣвицей-красавицей, у которой коса въ 100 саженъ длины: онъ привозитъ ее въ юрту. Дѣвица-красавица опускаетъ свои косы въ яму, и тогда всѣ они втроемъ вытаскиваютъ оттуда Сюдей-Мергэна. Тогда этотъ богатырь изъ благодарности беретъ себѣ въ жены обѣихъ красавицъ, и возвращается съ ними къ своему тестю, Алтынъ-Хану. Призываютъ обоихъ зятьевъ, Ай-Мергэна и Кюнъ-Мергэна, и Сюдей-Мергэнъ разсказываетъ все какъ было, и уличаетъ свояковъ своихъ во лжи и подлогѣ, показавъ Алтынъ-Хану отрѣзанные у нихъ составы мизинцевъ и ремни, вырѣзанные у нихъ изъ спины. Разгнѣванный Алтынъ-Ханъ велитъ отрубить имъ головы, но Сюдей-Мергэнъ вступается и выпрашиваетъ имъ помилованіе (*Radloff*, Proben, II, 615—634).

Легко видѣть, что пѣсня эта занимаетъ среднее мѣсто между индѣйскою сказкою о Срингабхуджѣ и европейскими сказками о Жаръ-птицѣ (въ томъ числѣ и нашею). Она сохраняетъ главныя черты древне-индѣйскаго прототипа, но въ подробностяхъ и послѣдовательности событій такъ близка къ русскому оригиналу, что кажется ближайшимъ его источникомъ. Главныхъ противниковъ, завидующихъ герою и ищущихъ его погубить, уже не нѣсколько, какъ въ индѣйской сказкѣ, а только два: ханскіе зятья Ай-Мергэнъ и Кюнъ-Мергэнъ — это два наши старшіе царевичи. Какъ эти послѣдніе, они засыпаютъ, вмѣсто того, чтобъ сторожить врага, противъ котораго высланы. Огромная птица — это наша Жаръ птица; благодѣтельный конь золотошерстый — это нашъ благодѣтельный сѣрый волкъ; побѣжденіе тигра золотошерстаго превратилось у насъ въ добываніе коня златогриваго; дѣвица-красавица, по приказанію коня золотошерстаго помогающая герою выбраться изъ ямы, превратилась у насъ въ ворона, который по требованію сѣраго волка прино-

ситъ мертвую и живую воду, чтобъ оживить нашего богатыря и т. д. Причина послѣдняго измѣненія понятна: у насъ не могло быть рѣчи о бракѣ героя съ *двумя* женами, и потому пришлось нѣсколько измѣнить весь мотивъ.

Но въ то-же время въ нашей сказкѣ есть много такого, чего нѣтъ въ сибирской пѣсни, но есть въ индѣйской сказкѣ. Такъ наприм., и въ этой послѣдней и въ сказкѣ о Жаръ-птицѣ, птица улетаетъ, а не остается на мѣстѣ, послѣ того какъ герой разсказа стрѣлялъ въ нее, и именно поэтому герой отправляется въ свое странствіе: ему надо отыскать эту птицу; потомъ, дѣвица-красавица добывается силой во время похожденій героя; въ разсказѣ есть на-лицо ея отецъ, существо дѣйствующее враждебно противъ героя, и вслѣдствіе того, женихъ съ невѣстой должны спасаться бѣгствомъ, и т. д.

Наконецъ, есть третьяго рода мотивы, которыхъ нѣтъ ни въ индѣйской сказкѣ, ни въ сибирской пѣсни, но есть въ нашей сказкѣ и въ европейскихъ сказкахъ: наприм., то, что прилетающая птица есть Жаръ-птица или Золотая-птица, что она своимъ появленіемъ освѣщаетъ весь садъ во время ночи, что для оживленія героя необходима мертвая и живая вода, принесенная птицей, и т. д. Но это все мотивы, очень распространенные въ древней восточной поэзіи: такъ наша Жаръ-птица или Золотая птица есть не что иное, какъ Птица-золототѣлъ индѣйскихъ разсказовъ (Hitopadesa, übers. von *Max Müller*. Leipzig, 1844, 107; Somadeva, 8); освѣщеніе сада тѣломъ божественнаго или волшебнаго существа встрѣчается также очень часто въ восточныхъ поэтическихъ преданіяхъ (Dsanglun, übers. von *I. Schmidt*. Petersburg, 1843. 27, 81, 84); о живой и мертвой водѣ, принесенной птицей, читаемъ разсказы въ Магабгаратѣ (напитокъ безсмертія, съ которымъ прилетаетъ птица гаруда для того, чтобъ воскресить умершихъ: *Fauche*, Mahabharata, I, 142 и слѣд.), въ сказкахъ Сомадевы (*Brockhaus*, 124), въ пѣсняхъ сибирскихъ народовъ (*Radloff*, II, 117—118, 197—199), и т. д. [1]).

[1]) Относительно живой и мертвой воды, приносимой птицами, надо замѣтить, что есть особенное сходство между нашей сказкой о Жаръ-птицѣ и одной сибирской пѣснью. У насъ разсказывается, что сѣрый волкъ, желая оживить Ивана-Царевича, прячется за кусты, и когда два вороненка спускаются на мертвое тѣло, онъ хватаетъ ихъ, и хочетъ разорвать. Но старый воронъ, ихъ отецъ, вымаливаетъ имъ помилованіе, обѣщаясь принести мертвой и живой воды. А когда эта вода принесена, волкъ разрываетъ одного вороненка и пробуетъ на немъ дѣйствіе воды. Опытъ удается, вороненокъ оживаетъ, и послѣ того волкъ прыскаетъ живой и мертвой водой на Ивана-Царевича, и тотъ оживаетъ. Въ пѣснѣ сагайцевъ разсказывается, что, желая оживить богатыря Катанджулу и его коня, богатырь Ай-Толызы прячется за тѣло коня; при-

Къ какому-же результату приходимъ мы послѣ всего сказаннаго? Къ тому-же, что и послѣ подробнаго разсмотрѣнія сказки о Еруланѣ Лазаревичѣ: мы не можемъ (покуда) указать одного единичнаго оригинала, отъ котораго происходитъ сказка о Жаръ-Птицѣ, обращающаяся какъ въ нашемъ народѣ, такъ и у многихъ другихъ европейскихъ народовъ,—но восточное ея происхожденіе несомнѣнно, и въ ней мы находимъ сохраненными, въ очень близкой передачѣ, цѣлые отрывки, полные эпизоды изъ древнѣйшихъ поэмъ и пѣсенъ древней Азіи.

Я разсмотрѣлъ двѣ наши сказки: о Еруланѣ и о Жаръ-птицѣ, лишь въ видѣ примѣровъ, насколько это необходимо для дальнѣйшаго изслѣдованія моего. Для примѣровъ выбраны сказки многосложныя, какъ бы составленныя изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сказокъ, и многіе мотивы которыхъ повторяются и въ другихъ нашихъ сказкахъ. Но точно также, какъ здѣсь прослѣжено и указано происхожденіе этихъ сказокъ, такъ легко прослѣдить и указать происхожденіе большинства и остальныхъ нашихъ богатырскихъ сказокъ. Сказки объ Иванушкѣ-дурачкѣ; о морской царевѣ; о Василисѣ премудрой; о двухъ изъ сумы; о скатерти самобранкѣ, дубинкѣ самоходкѣ и шкурѣ, изводящей дождь; о гусляхъ самогудахъ; о трехъ царствахъ; о семи Семіонахъ; о ворѣ, переполохѣ и испугѣ; о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ; о Бабѣ-Ягѣ и т. д., вообще большинство сказокъ нашихъ не имѣютъ въ основѣ своей ничего русскаго, и восточные оригиналы ихъ, иногда прозаическіе, но гораздо чаще стихотворные, легко обозначаются, при изученіи древне-восточной поэзіи и литературы. Трудами западныхъ изслѣдователей (особливо Бенфея) доказано, что почти вовсе нѣтъ на Западѣ такихъ сказокъ, которыя были бы самостоятельны, и не происходили бы съ Востока, изъ Азіи. Всѣ самыя важныя, самыя многозначительныя для изслѣдователя народной жизни и народныхъ вѣрованій, понятій,—имѣютъ восточное происхожденіе. Исключеніе остается лишь за немногими разсказами средневѣкового или еще болѣе

летаютъ молодые воронята спускаются и хотятъ клевать тѣло коня. Ай-Толызы выскакиваетъ изъ засады, хватаетъ воронятъ и хочетъ разорвать ихъ; но старые вороны, отецъ съ матерью, выпрашиваютъ имъ помилованіе, обѣщаясь принести воду, которою оживятъ Катанджулу. Скоро они приносятъ эту воду, и тогда Ай-Толызы отрываетъ голову у одного вороненка, и пробуетъ на немъ цѣлебную воду, а потомъ оживляетъ ею Катанджулу и его коня (*Radloff*, II, 197—199).

поздняго, мѣстнаго происхожденія. Въ настоящее время, приходится сказать тоже самое и о русскихъ сказкахъ. И тѣ, которыя у насъ общія съ западными народами, и тѣ, которыя обращаются исключительно въ одномъ нашемъ народѣ — всѣ происходятъ съ *Востока*. Немногія исключенія остаются за средневѣковыми сказками, перешедшими съ Запада, или возникшими на русской почвѣ: такихъ исключеній очень немного. О причинахъ же, почему вся главная масса сказокъ, восточнаго происхожденія, у насъ общая съ Западомъ, будетъ говорено въ третьей части, посвященной выводамъ.

Влад. Стасовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ЗАПИСКИ О РОССІИ

XVII-го и XVIII-го ВѢКА

ПО ДОНЕСЕНІЯМЪ ГОЛЛАНДСКИХЪ РЕЗИДЕНТОВЪ.

Конецъ «смутнаго времени» въ русской исторіи и эпоха воцаренія новой династіи въ лицѣ Михаила Ѳеодоровича ознаменовались у насъ новою, болѣе тѣсною международною связью, появленіемъ новаго дѣйствующаго лица въ нашихъ сношеніяхъ съ западною Европою. Почти въ самый годъ вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича, мы въ первый разъ вступили въ ближайшія и непосредственныя отношенія къ странѣ, которую въ концѣ того же вѣка внукъ Михаила Ѳеодоровича, Петръ Великій, избралъ своею школою и образцемъ, гдѣ онъ работалъ, какъ простой плотникъ. Это была республика Генеральныхъ Штатовъ Соединенныхъ Нидерландовъ, часть которой составляетъ нынѣшнюю Голландію; она привлекла къ себѣ все вниманіе нашего преобразователя, несмотря на то, что въ концѣ XVII вѣка царила надъ Европою во всемъ блескѣ монархія Лудовика XIV, и Версаль того времени слылъ законодателемъ и образцомъ подражанія для всей западной Европы; казалось, Петру Великому было бы трудно учиться въ какой нибудь другой странѣ, а не во Франціи, гдѣ учились, напримѣръ, современные ему и многочисленные владѣтели сосѣдней Германіи. Но наша болѣе тѣсная связь съ голландскою республикой началась гораздо прежде эпохи Петра, съ воцареніемъ его дѣда, и потому въ томъ отдаленномъ отъ нашего преобра-

зователя времени, можетъ быть, слѣдуетъ искать причинъ, почему онъ для своей школы предпочелъ Голландію всѣмъ другимъ западнымъ странамъ. До смутнаго времени, представителями западной Европы у насъ являлись народности, которыя имѣли въ виду изъ Россіи извлечь однѣ свои личныя выгоды. Таковы были Польша, Швеція, нѣмецкіе всельники, положившіе въ XII вѣкѣ основаніе ордену Меченосцевъ, но въ особенности Польша. Западная цивилизація, которая могла быть принесена ими, представлялась намъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ, какъ покушеніе на нашу независимость, подъ условіемъ рабства предъ иноземцами. Англичане, если и не имѣли завоевательныхъ цѣлей, по своей отдаленности, то въ отношеніи торговомъ тяготѣли надъ нами всею силою своихъ привилегій. Голландская республика во всякомъ случаѣ являлась уже соперницею Англіи, и не могла имѣть такихъ корыстныхъ цѣлей, какъ Польша и Швеція; Голландіи потому мы не могли опасаться, какъ другихъ сосѣдей: она доставляла намъ возможность не дорожить сношеніями съ Англіею, которая злоупотребляла исключительностью своего положенія; Голландія не могла думать о захватѣ Новгорода или Пскова, какъ Швеція; наконецъ, къ Голландіи мы не имѣли той ненависти, которая накопилась въ отношеніи прибалтійскихъ нѣмцевъ и особенно Польши, гдѣ католичество представляло новый источникъ опасеній, а Голландія была протестантскою страною. Едва ли бы и самъ Петръ Великій могъ провести свою реформу съ такимъ успѣхомъ, если бы, напримѣръ, онъ, для сближенія своего народа съ западною цивилизаціею, избралъ проводникомъ польскій языкъ и польскіе нравы; самозванецъ, при многихъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, разбился именно потому, что былъ осужденъ дѣйствовать средствами, заимствованными изъ Польши. Вотъ, почему первая наша оффиціальная встрѣча съ Голландіею должна имѣть важное значеніе въ исторіи нашей образованности, которое въ первый разъ и вполнѣ оцѣнилъ Петръ Великій.

Въ первые годы правленія Михаила Θеодоровича, а именно въ 1615 году, являются къ намъ первые голландскіе послы съ оффиціальною цѣлью — содѣйствовать намъ къ замиренію съ однимъ изъ сосѣдей, съ Швеціею, а смутное время оставило страну не только въ одномъ внутреннемъ броженіи, но и въ войнѣ съ Рѣчью Посполитой и съ шведскими королями. Съ того времени Голландія не переставала, въ теченіе всего XVII и XVIII столѣтія, поддерживать съ нами дипломатическія сношенія. Самыя сношенія, ихъ результатъ, вліяніе на общій ходъ нашей внѣшней политики принадлежатъ исторіи; для насъ же

эти сношенія имѣютъ еще и другой не менѣе важный характеръ: они породили, если можно такъ выразиться, цѣлую литературу, которая теперь можетъ представить намъ длинный рядъ драгоцѣнныхъ документовъ, изъ которыхъ мы можемъ почерпнуть весьма важныя свѣдѣнія о Россіи XVII и XVIII вѣка. Голландскіе резиденты писали Генеральнымъ Штатамъ подробные отчеты (Verbaal) о своихъ поѣздкахъ и о своемъ пребываніи въ Россіи, отличающіеся отъ всѣхъ прочихъ историческихъ документовъ именно тѣмъ, чѣмъ, какъ слѣдуетъ ожидать, должны были отличаться послы торговой республики—отъ пословъ съ порученіями чисто политическаго и дипломатическаго характера. Голландская республика, какъ и ея предшественница Венеціанская, старалась получать всѣ подробности о бытѣ страны, ея производительности, степени просвѣщенія,—съ цѣлью, на основаніи этихъ данныхъ, болѣе сознательно вести свои торговыя дѣла; венеціанскіе и голландскіе послы выбирались не по родственнымъ связямъ, не по положенію въ свѣтѣ, не по имени, а по качествамъ, которыя ручались бы, что посолъ съумѣетъ все разузнать и описать. Можно себѣ легко представить, какой драгоцѣнный матеріалъ изготовляли въ будущемъ Венеція и Голландія, собирая донесенія своихъ пословъ. Извѣстно, сколько новѣйшая историческая наука обязана венеціанскимъ архивамъ и Леопольду Ранке, обратившему на нихъ впервые весьма серьёзное вниманіе. Голландскіе архивы должны имѣть такое же большое значеніе для исторіи Сѣвера Европы, въ особенности Даніи, Швеціи и Россіи. Въ Швеціи уже умѣли оцѣнить такое значеніе голландскихъ «вербааловъ», донесеній. Лѣтъ тридцать тому назадъ, знаменитый шведскій историкъ Андр. Фриксель предпринялъ обширный трудъ изданія актовъ, относящихся къ исторіи Швеціи и собранныхъ имъ въ иностранныхъ архивахъ. Въ этомъ собраніи голландскіе документы занимаютъ самое почетное мѣсто. Андр. Фриксель, въ предисловіи къ своему изданію, весьма опредѣлительно характеризуетъ донесенія голландскихъ пословъ, разсматриваемыя какъ историческіе документы: «Уже въ прежніе годы я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, что нельзя «найти болѣе богатаго источника для исторіи какой либо страны, «какъ оффиціальныя письма и донесенія, которыя посылаютъ «своимъ правительствамъ министры и резиденты иностранныхъ «державъ, аккредитованные въ той странѣ. Довольно припомнить, что эти посланники обязаны, именно, доставлять и сообщать своимъ дворамъ наивѣрнѣйшія свѣдѣнія о странѣ, «дворѣ, народѣ, правительствѣ; что, въ положеніи иностранцевъ, они съ нѣкоторымъ безпристрастіемъ смотрятъ на вну-

«треннія партіи страны; какъ посланники, усердно исполняя «свои обязанности, они съ полнымъ безпристрастіемъ изобра«жаютъ все состояніе государства. Къ этому слѣдуетъ присово«купить вѣрный взглядъ обыкновенно встрѣчающійся у голланд«скихъ резидентовъ. Этими источниками до сихъ поръ мало «пользовались, частію потому, что изслѣдователи старины мало «обращали вниманія на нихъ, частію потому, что своего рода «политическая осторожность останавливала ихъ обнародованіе... «Вслѣдствіе образа правленія и политики голландцевъ, эти до«несенія занимаются болѣе переговорами относительно торго«выхъ дѣлъ, убытковъ, каперства, таможенныхъ постановленій «и проч., нежели внутренними партіями и политическими лицами и ихъ характеристикою» [1]).

Другими словами, голландскіе послы имѣли дѣло съ ежедневною, будничною жизнью, которая исчезаетъ отъ глазъ такъназываемой, высшей политики, и потому наблюденія подобнаго рода людей касаются такихъ сторонъ народной жизни, слѣды которой могли спастись только подъ перомъ голландцевъ. О нашихъ голландскихъ резидентахъ мы можемъ сказать еще то, что шведскій историкъ не имѣлъ случая замѣтить о своихъ: въ Швеціи, голландцы встрѣчались съ цивилизаціею весьма близкою къ нимъ и даже родственною; но у насъ они нашли другой міръ, и потому въ ихъ отчеты невольно вкрадывались замѣтки объ особенностяхъ нашихъ нравовъ и обычаевъ, что еще болѣе увеличиваетъ цѣну тѣхъ «вербааловъ», которые писались въ Голландію изъ далекой «Московіи».

Но при всей важности донесеній голландскихъ резидентовъ въ Россіи для нашей общественной и политической исторіи въ XVII вѣкѣ, эти документы не пользуются у насъ такою извѣстностью, какой можно было бы имъ желать. Даже наши ученые, разработывавшіе ту эпоху, относительно еще мало пользовались ими. Въ первый разъ мы находимъ должную имъ оцѣнку въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева; въ т. IX, говоря о прибытіи голландскихъ пословъ для участія въ переговорахъ о мирѣ Москвы съ шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, нашъ историкъ мимоходомъ упоминаетъ объ одномъ изъ донесеній этого посольства и называетъ «описаніе этого посольства замѣчательнымъ для насъ по изображенію тогдашняго состоянія Московскаго государства» [2]). Но воспользоваться такими до-

[1]) Handlingar rörande Sverges Historia, ur utrikes arkives samlade och utgifna af *And. Fryxell*. Stockh. 1836. 4 д. 8°, стр. 28 и 40.

[2]) Стр. 105.

несеніями было до сихъ поръ трудно, какъ потому, что они оставались неизданными, въ рукописи, такъ и по самому ихъ языку, мало распространенному у насъ. Отзывъ о нихъ Фрикселя, какъ мы уже замѣтили, только увеличиваетъ достоинство донесеній, относительно нашего древняго быта — голландскихъ резидентовъ: экономическая и общественная жизнь древней Россіи еще слишкомъ мало извѣстна, и нельзя не радоваться всякому новому историческому матеріалу, который бросаетъ новый свѣтъ на эту темную еще для насъ часть отечественной исторіи. Впрочемъ, голландскія донесенія представляютъ намъ также и весьма важныя политико-историческія данныя; такъ, въ особенности, депеши ванъ-Келлера (1673—1686), де-Би (1711—1718), даютъ намъ полную, живую и вѣрную картину политической и экономической жизни Россіи во время ихъ многолѣтняго пребыванія у насъ. Если торговые интересы своего отечества и были у нихъ на первомъ планѣ, то тѣмъ не менѣе голландскіе резиденты старались вникать во все, и наблюденія ихъ всегда чрезвычайно мѣтки, вѣрны и знаменательны. Напримѣръ, въ 1683 году, ванъ-Келлеръ сообщаетъ Генеральнымъ Штатамъ характеристику тогдашнихъ правителей Россіи, и нельзя не изумляться, съ какою замѣчательною прозорливостію онъ предугадываетъ въ отрокѣ-Петрѣ будущаго великаго преобразователя Россіи. Однимъ словомъ, изслѣдователь русской старины и исторіи найдетъ въ этомъ собраніи неисчерпаемый запасъ замѣчательныхъ данныхъ и политическихъ мнѣній современныхъ свидѣтелей; сужденія такихъ очевидцевъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что онѣ представляютъ не гадательный, а чисто положительный характеръ, основанный на фактахъ, такъ какъ вообще голландцы негнались за какими нибудь ухищренными политическими комбинаціями и дипломатическими тонкостями, а преслѣдовали лишь существенный интересъ, основанный на торговлѣ.

Вотъ, причины, побудившія насъ познакомить, и читающую публику, и нашихъ изслѣдователей, съ документами столь же мало извѣстными, сколько интересными по своему содержанію и внутреннему достоинству. Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ исторіи самыхъ рукописей.

Подлинные документы, писанные современною рукою, хранятся въ нидерландскомъ государственномъ архивѣ. Сколько намъ извѣстно, на нихъ впервые обратилъ вниманіе А. Н. Тургеневъ. Вѣроятно, по родственнымъ отношеніямъ, въ 1845 году, король нидерландскій, супругъ Анны Павловны, послалъ въ подарокъ императору Николаю Павловичу нарочно снятую копію съ донесеній голландскихъ резидентовъ, доставленныхъ ими сво-

ему правительству въ теченіе XVII и XVIII вѣка, начиная отъ 1615 г. до 1780-хъ годовъ. Эта драгоцѣнная коллекція, съ высочайшаго соизволенія, была передана, въ 1860 году, графомъ Д. Н. Блудовымъ въ Академію Наукъ, гдѣ и хранится въ библіотекѣ ея по настоящее время, въ числѣ 55 фоліантовъ. До сихъ поръ отдѣльными томами этого собранія пользовались нѣкоторые изъ нашихъ историковъ, но, благодаря представленію почтеннаго академика А. А. Куника, мы получили дозволеніе взять на себя изданіе на русскомъ языкѣ тѣхъ памятниковъ, въ важномъ значеніи которыхъ для отечественной исторіи никто не будетъ сомнѣваться, и сдѣлать ихъ такимъ образомъ болѣе общедоступными.

Переводъ съ голландскаго на русскій языкъ принялъ на себя А. М. Энгель, старшій переводчикъ Морскаго министерства [1]).

Вотъ планъ, которому мы намѣрены слѣдовать въ своемъ изданіи.

Вся масса документовъ можетъ быть раздѣлена на двѣ большія группы по столѣтіямъ: 1) Семнадцатый, и 2) Восемнадцатый вѣкъ. Семнадцатый вѣкъ обнимаетъ 1) четыре посольства, предшествовавшія самому знаменитому изъ всѣхъ голландскихъ резидентовъ, ванъ-Келлеру; а именно, a) посольство Бредероде, Басса и Іоакими въ 1615 и 1616 годахъ; b) два посольства Альберта, Конрада Бурга, въ 1630—31 и 1647—48 гг.; c) посольство Бореля и Гейнса, въ 1664—65 гг.; наконецъ, d) посольство Кленка, въ 1675—76 годахъ.

До 1676 г., какъ видно изъ указаннаго нами списка, голландскіе резиденты являлись по временамъ, вызываемые тѣми или другими политическими событіями; но съ того времени, при нашемъ дворѣ начинаются посольства постоянныя, и къ счастью для будущихъ историковъ, такимъ постояннымъ посломъ является ванъ-Келлеръ, человѣкъ замѣчательнаго ума, опытный наблюдатель. Онъ прожилъ въ Россіи отъ 1676 до 1693 года, безъ малаго двадцать лѣтъ, и доставлялъ почти еженедѣльно извѣстія о Россіи.

---

[1]) При копіи донесеній на подлинномъ, голландскомъ языкѣ, были доставлены переводы, а именно, русскій для донесеній отъ 1615 до 1676 г. (6 фоліантовъ); и французскій — съ 1676 года (37 фоліантовъ). Пользуясь этими переводами, мы въ то же время внимательно слѣдили за текстомъ подлинника, такъ что наше изданіе можетъ, по всей справедливости, считаться новымъ переводомъ, въ которомъ историки найдутъ исправленными немаловажныя погрѣшности, встрѣчающіяся даже и въ русскомъ переводѣ А. Х. Бека, бывшаго старш. секретаря посольства въ Гагѣ, при всей добросовѣстности его труда. А во французскомъ переводѣ до такой степени преслѣдовалась близость къ подлиннику, въ ущербъ правильности французской рѣчи, что этимъ переводомъ можно скорѣе пользоваться, какъ лексикономъ. *А. Э.*

Помимо личныхъ достоинствъ ванъ-Келлера, и короткаго его знакомства съ Россіею, самый интерессъ эпохи, которую пришлось ему пережить, придаетъ особое значеніе его многочисленнымъ донесеніямъ, составившимъ четыре огромныхъ картона въ общей коллекціи (№№ 11, 12, 13 и 14). Потому и мы посвятимъ одному ванъ-Келлеру цѣлый отдѣлъ.

Восемнадцатый вѣкъ составитъ, по нашему плану, вторую группу, не менѣе богатую по документамъ и столь же важную по ихъ содержанію; не смотря на то, что въ прошедшемъ столѣтіи Голландія начинаетъ терять свое политическое значеніе въ ряду прочихъ европейскихъ государствъ, но ея резиденты остаются вѣрными преданіямъ своихъ предшественниковъ—тщательно наблюдать за всѣми событіями въ средѣ, окружающей ихъ. Между резидентами XVIII-го вѣка мы ставимъ на первомъ мѣстѣ, на ряду съ ванъ-Келлеромъ, одного изъ ближайшихъ его преемниковъ, де-Би, который прожилъ въ Россіи отъ 1711 до 1718 года, и послѣдовавшаго вскорѣ за нимъ Сварта.

Взявъ на себя изданіе русскаго перевода, мы старались сохранить всю документальность подлинника, не дозволяя себѣ ни сокращать его въ самомъ изложеніи, ни прибѣгать къ перифразамъ; но въ то же время мы сочли необходимымъ, въ интерессахъ самихъ читателей и сообразно съ главною своею задачею, опускать цѣликомъ, напримѣръ, повторенія длинныхъ титуловъ при каждомъ отдѣльномъ случаѣ: такіе титулы мы переводили не болѣе одного раза, а затѣмъ, приводя его начало, ограничивались уже ссылкою на предъидущія страницы. Имѣя въ виду одну отечественную исторію, мы опускали также все то, что относилось къ исторіи другихъ странъ или къ самой Голландіи; равнымъ образомъ, мы не обременяли своего изданія такими донесеніями резидентовъ, которыя, очевидно, дѣлались въ исполненіе обязанности, но не содержали въ себѣ ничего, что могло бы послужить цѣли нашего изданія. Въ замѣнъ того, мы приняли на себя трудъ предпосылать каждому донесенію очеркъ положенія заинтерессованныхъ странъ съ цѣлью сдѣлать болѣе ясными самые документы и связать ихъ одно съ другимъ такъ, чтобы они составляли непрерывный рядъ историческихъ мемуаровъ; а къ тѣмъ мѣстамъ донесеній, для которыхъ такіе очерки оказались бы недостаточными, мы приложили въ выноскахъ дополненія и толкованія.

М. С.

I.

СЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Средневѣковая западная Европа обновилась въ XVI-мъ вѣкѣ реформаціею. При всемъ своемъ, повидимому, религіозномъ характерѣ, реформація обнаружила сильное вліяніе на политическій порядокъ, отодвинула назадъ тѣ государства, которыя прежде занимали первое мѣсто, и выдвинула на первый планъ новыя дѣйствующія народныя личности, остававшіяся до того времени въ тѣни. Всемірная монархія Габсбурговъ, границы которой почти соотвѣтствовали границамъ католичества, въ XVI столѣтіи раздѣлила участь католичества и была потрясена вмѣстѣ съ нимъ. Къ началу XVII вѣка, выдвигается впередъ Франція, гдѣ Генрихъ IV, продолжая посѣщать католическую мессу, въ жизни и характерѣ дѣятельности былъ проникнутъ протестантскими идеями. Но главный центръ политической тяжести въ ту эпоху передвинулся съ юга на сѣверъ, въ Голландію, Англію, Швецію и Пруссію — державы протестантскія.

При такомъ новомъ положеніи западной Европы началось сближеніе съ нею Россіи, которая для Европы прежнихъ эпохъ оставалась почти *terra incognita*, а мы знали Европу преимущественно по окраинѣ средневѣкового католическаго міра, чѣмъ именно была Польша. Для Польши же Россія была, до начала XVII вѣка, обширнымъ поприщемъ, на которомъ она разсчитывала вознаграждать себя за потери, испытанныя ею въ борьбѣ съ германскимъ міромъ, и именно съ тою его частью, которая приняла въ себя протестанство—съ Саксоніею и Пруссіею. По справедливому выраженію С. М. Соловьева, Польша подарила Германіи два королевства: прусское и саксонское. Но смутное время въ Россіи, доведя Польшу до самой Москвы, было послѣднимъ моментомъ ея наступательнаго движенія на востокъ. Западная Европа давно и близко знала Польшу, а потому въ XVII вѣкѣ она должна была заинтересоваться тою новою силою, которая остановила Польшу. Такимъ образомъ, единовременно передвинулись центры политической тяжести въ германскомъ мірѣ и въ мірѣ славянскомъ: Польша, служившая, въ глазахъ западной

Европы, единственною и главною представительницею славянской народности, обращается, въ XVII вѣкѣ, въ предметъ добычи для германскаго міра; а ея представительство западная Европа переноситъ на Россію.

При такомъ положеніи вещей, нисколько не удивительно, что Михаилъ Өеодоровичъ, по вступленіи на престолъ, отправляетъ пословъ къ *цезарю*, германскому императору въ Вѣну, такъ сказать, еще по старому порядку Европы, и въ тоже время приказываетъ имъ съѣздить въ Англію—и пишетъ письмо голландской республикѣ. Голландія получаетъ это письмо 23 января 1614 года; она рѣшается воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы завязать прочныя сношенія съ Россіею. Ассигнуется сумма въ 3,000 флориновъ для отправленія поздравительныхъ писемъ царю Михаилу; а русскій посолъ Ушаковъ, при его возвращеніи чрезъ Гамбургъ, получаетъ приглашеніе посѣтить Голландію. 8 мая, русскіе послы, послѣ торжественной встрѣчи, предстали предъ собраніемъ Генеральныхъ Штатовъ. Завязались переговоры о заключеніи трактата между Голландіею и «Московіею»; Голландія извинялась тяжкою войною съ Испаніею и отказывалась помочь непосредственно оружіемъ и деньгами, но обѣщала содѣйствіе царю чрезъ своихъ купцовъ и вмѣстѣ выражала намѣреніе содѣйствовать къ примиренію русскихъ со шведами, домогавшимися Новгорода и Пскова; за такія услуги Голландія просила торговыхъ льготъ. 23 мая, русскихъ пословъ проводили съ честью и подарками для нихъ и для царя. Но съ своей стороны Голландія не отправила еще пословъ, а на первый разъ ограничилась только тѣмъ, что избрала ходатаемъ по своимъ дѣламъ молодого голландскаго купца, уже давно поселившагося въ Архангельскѣ, Исаака Массу, или какъ его называли у насъ, Исака Абрамова[1]). Главная забота Голландіи состояла въ томъ, чтобы парализировать интриги англичанъ и ихъ посла Мерика. Штаты, преслѣдуя эту цѣль, доставили Массѣ, единовременно съ возвращавшимся русскимъ посольствомъ, — копіи своихъ писемъ къ царю и вмѣстѣ написали ему самому инструкцію[2]) слѣдующаго содержанія:

[1]) Къ лучшимъ біографіямъ И. Массы слѣдуетъ отнести сочинненіе ванъ-деръ-Линда: Isaac Massa van Haarlem. Een historische studie. Amsterd. 1864. Масса былъ по происхожденію итальянецъ, и его предки нашли въ Голландіи убѣжище отъ религіозныхъ преслѣдованій въ Италіи. Борясь библіею противъ католичества, въ ту эпоху особенно любили библейскія имена, а потому имена еврейскихъ патріарховъ были въ числѣ самыхъ популярныхъ.

[2]) Мы заимствуемъ это письмо изъ изданія кн. Оболенскаго и ванъ-деръ-Линде: Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610), par Is. Massa de Harlem, t. II, стр.

«Исааку Массѣ, молодому земляку,
поселившемуся въ Московіи»

«Генеральные Штаты и проч».

«Вы вѣроятно знаете, любезный и почтенный согражданинъ, какимъ образомъ, по нашему приглашенію, послы великаго князя Московскаго были препровождены изъ Гамбурга въ Гагу, гдѣ мы ихъ хорошо приняли и угощали все на свой счетъ. Они уѣзжаютъ съ подарками какъ для его императорскаго величества, такъ и для себя, и ихъ проводили до нашего корабля, который былъ оснащенъ и снабженъ провизіею для нихъ. Они выразили свое полное удовольствіе за наше обращеніе съ ними, и обѣщали съ вѣрностью засвидѣтельствовать о томъ своему государю, и приложить руку къ тому, чтобы е. в. предоставилъ торговцамъ нашей страны свободный провозъ и по морю и по суху въ государствахъ и странахъ, которыя находятся подъ его владычествомъ, свободный проѣздъ людямъ и товарамъ, а равно свободный отъѣздъ имъ и ихъ имуществу, по окончаніи своихъ дѣлъ. Хотя мы и не сомнѣваемся, что ихъ превосходительства выполнятъ обѣщанное, но все же мы сочли полезнымъ, по приглашенію нашихъ торговцевъ, просить васъ соизволить, при первомъ удобномъ случаѣ, напомнить господамъ посламъ о ходатайствѣ, которое они обѣщали оказать нашей торговлѣ предъ его величествомъ царемъ. На этотъ конецъ, мы посылаемъ вамъ прилагаемую при семъ копію двухъ писемъ, адрессованныхъ отъ насъ его величеству, а также и непосредственный отвѣтъ, данный нами на предложенія гг. пословъ, и кромѣ того, копію съ трактата и дружескаго договора, заключеннаго нами съ Великимъ-Султаномъ, въ силу котораго наши товары могутъ свободно продаваться и провозиться по владѣніямъ этого монарха, — съ тою цѣлью, чтобы эти документы руководили вами при ходатайствѣ у его величества о такомъ же намъ подобномъ договорѣ. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, вы дадите доказательство своей привязанности къ намъ, и окажете услугу, за которую мы будемъ весьма благодарны. Во всякомъ случаѣ благоволите, какъ можно скорѣе, увѣдомить насъ обстоятельнѣйшимъ образомъ о ходѣ вашихъ переговоровъ и о надеждѣ для насъ на право свободной торговли. Полагаемся въ этомъ дѣлѣ на васъ и поручаемъ васъ святому покровительству Всемогущаго. — Гага, 23 мая 1614 года.»

XXXIX. Brux. 1866 — чтобы дополнить тѣмъ нижепомѣщаемыя отвѣты Массы Генеральнымъ Штатамъ; текста ихъ письма нѣтъ въ нашемъ рукописномъ сборникѣ.

Вотъ, точка отправленія при первомъ оффиціальномъ шагѣ нашего сближенія съ Голландіею, какъ правительства съ правительствомъ. Приводимыя нами ниже письма Массы къ Генеральнымъ Штатамъ были его отчетомъ своему правительству относительно того, какія мѣры думаетъ онъ предпринять для исполненія возложеннаго на него порученія. Впрочемъ, Масса отвѣчаетъ не прямо на это письмо отъ 23 мая, но на второе письмо отъ 16 (6) іюля, котораго мы не имѣемъ, а только, судя по отвѣту Массы, можемъ заключить, что въ этомъ письмѣ указывалось, сверхъ вышесказаннаго, на заботу объ устраненіи конкурренціи со стороны англичанъ.

I.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ВАНЪ-КЕЛЛЕРА.

(1614 — 1676 г.)

При отношеніяхъ, въ которыя былъ поставленъ Масса къ своему правительству, мы имѣемъ право включить его въ число предшественниковъ ванъ-Келлера и даже поставить во главѣ ихъ, не смотря на то, что онъ не былъ облеченъ оффиціальнымъ характеромъ. Исаакъ Масса отлично знаетъ Россію; еще въ молодости, по обычаю своей страны, онъ былъ отправленъ родителями въ Москву пріучаться къ торговымъ дѣламъ, и съ 1600 г. оставался безвыѣздно въ Россіи до 1610 года. Слѣдовательно, онъ прожилъ въ Москвѣ почти все смутное время и въ сочиненіи, посвященномъ принцу Оранскому Морицу, исторіографу Голландіи, «Исторія московскихъ войнъ» (1601 — 1610)—оставилъ намъ любопытнѣйшій памятникъ той эпохи.

Получивъ новое назначеніе отъ своего правительства, Масса горячо взялся за дѣло и съ точностью выполнилъ возложенное на него обязательство писать обо всемъ Генеральнымъ Штатамъ. Массы не было лѣтомъ въ Архангельскѣ, а потому неудивительно, что онъ отвѣчаетъ въ первый разъ только 2 августа, за тѣмъ 4-го, и наконецъ 29-го; но судя по тому, что всѣ письма Массы были получены въ Голландіи въ одинъ день, надобно предполагать, что они и были отправлены также вмѣстѣ, и первыя два письма, отъ 2 и 4 августа, должны были ожидать окказіи, которая и представилась не ранѣе, какъ уже въ самомъ концѣ августа.

I.

ТРИ ПИСЬМА ИСААКА МАССЫ ИЗЪ АРХАНГЕЛЬСКА КЪ ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ ШТАТАМЪ [1]).

(1614 г.)

Радость Исаака Массы по поводу полученнаго имъ извѣстія объ отличномъ пріемѣ, оказанномъ русскому послу въ Гагѣ. — Взглядъ его на тогдашнее положеніе Россіи.—Нѣсколько словъ о Заруцкомъ.— Почему Масса откладываетъ поѣздку въ Москву.—Оправданія Массы противъ обвиненій Себрехтсена.—Надежды его на царя Михаила Ѳедоровича, при лучшей обстановкѣ. — Пріѣздъ англійскаго посла. — Блескъ и пышность англійскаго посольства и его интриги противъ голландцевъ. — Отъѣздъ англичанъ въ Москву. — Разсужденіе Массы о причинахъ перевѣса англичанъ надъ голландцами. — Еще замѣтка о Заруцкомъ, и обращеніе Массы къ Генеральнымъ Штатамъ.

Посланія Исаака Массы Генеральнымъ-Штатамъ, писанныя числа 2, 4 и 29 августа, а полученныя 22 октября 1614 года.

Благороднымъ и высокомогущественнымъ Господамъ Генеральнымъ Штатамъ Соединенныхъ Нидерландовъ!

Благородные, высокомогущественные Господа, мои всемилостивѣйшіе Господа Генеральные-Штаты Соединенныхъ Нидерландскихъ провинцій!

Письмо ваше, отъ 16 минувшаго іюля [2]), мнѣ было исправно вручено; изъ этого письма я съ удовольствіемъ узналъ о пріемѣ, учиненномъ Вашими Благородствами послу свѣтлѣйшаго и могущественнѣйшаго князя Московскаго. Сверхъ того меня подробно увѣдомили объ издержкахъ на ихъ содержаніе и о подаркахъ, розданныхъ всѣмъ, отъ перваго до послѣдняго. Возвращающееся посольство [3]) прибыло сюда въ полномъ здравіи подъ вашимъ надежнымъ конвоемъ: но оно отправилось въ Москву до возвращенія моего изъ сей столицы въ Архангельскъ: мы разъѣхались дорогою по случаю встрѣтившихся на пути

[1]) Оригиналъ этихъ трехъ писемъ составляетъ по академическому собранію фоліантъ № 15. — Князь Оболенскій, въ упомянутомъ нами выше изданіи (см. стр. 130, ссыл. 2), помѣстилъ, въ приложеніяхъ къ т. I, оригинальный текстъ этихъ писемъ, но безъ перевода на французскій языкъ, какъ то сдѣлано имъ для «Исторіи московскихъ смутъ».

[2]) Т. е. новаго стиля, а по старому 6-го іюля.

[3]) Т. е. русское, изъ Голландіи.

нашемъ препятствій, такъ что я съ посломъ не видѣлся. Это впрочемъ лучше, что мы не встрѣтились. Весьма хорошо также, что онъ поспѣшилъ отправиться отсюда въ Москву, такъ какъ уже носились слухи, что скоро прибудутъ послы датскій и англійскій; а изъ пословъ будетъ пріятнѣе тотъ, кто первый пріѣдетъ. Посолъ же, который вернулся отъ насъ, пользуется милостью нѣкоторыхъ изъ сановниковъ, и донесеніе его будетъ выслушано съ любопытствомъ, особенно, когда при дворѣ узнаютъ, что ему оказанъ былъ ласковый пріемъ въ странѣ столь отдаленной отъ ихъ государства.—Подарки наши будутъ также пріятны молодому царю [1]), и я надѣюсь, что Богъ обратитъ ихъ сердца къ намъ болѣе прежняго, что они болѣе и болѣе убѣдятся въ нашей силѣ и могуществѣ нашей страны, не взирая на завистниковъ, которые смотрѣли бы неохотно на наше сближеніе, и которые всѣми силами будутъ стараться тому препятствовать. Но силою любви къ нашему отечеству тому слѣдуетъ противиться.

Что же касается до дѣлъ нашихъ, т. е. до изысканія средствъ увѣдомить царское величество о пріемѣ, оказанномъ у насъ его послу, и довести до его свѣдѣнія то, что благоволили мнѣ поручить мои Господа Штаты, то это болѣе трудно, чѣмъ полагаютъ.

Москва теперь уже не та, что была до разоренія. Я не знаю въ настоящее время государства, которое было бы въ большей опасности. Царь, правда, избранъ войскомъ, и происходитъ отъ настоящаго потомства прежнихъ царей, т. е. отъ Ивана Васильевича [2]). Ему около двадцати лѣтъ отъ роду. А что въ этомъ?! Онъ подобенъ солнцу, котораго часть покрыта мрачными облаками, такъ что земля Московская до сихъ поръ не можетъ отъ него получить ни теплоты, ни свѣта; всѣ князья его кровные, имѣютъ мало власти; онъ вполнѣ необразованъ и до такой степени, что мнѣ неизвѣстно, можетъ ли онъ даже читать письма. Мать его — монахиня. Господинъ Отецъ его, послѣ того, какъ царя Шуйскаго выдали Польшѣ, былъ отправленъ въ Польшу съ посольствомъ, гдѣ и удерживается до сихъ поръ, въ противность слову и чести, а потому отъ него ему помощи ожидать нельзя. Кромѣ сего, поляки, шведы, крымскіе татары со стороны Астрахани, но всего болѣе туземная необузданная, дикая и вооруженная толпа, называемая казаками, дѣлаютъ безпрестанные набѣги, все жгутъ, грабятъ, рѣжутъ.

---

[1]) Въ голландскомъ оригиналѣ: *keyser*.
[2]) Очевидно, здѣсь разумѣется Иванъ Васильевичъ Грозный.

Недавно еще, вскорѣ послѣ Пасхи, крымскій ханъ изъ-подъ Москвы внезапно увелъ болѣе 25,000 человѣкъ въ плѣнъ. Всю прошедшую весну казаки дѣлали набѣги, опустошали, жгли остальныя уцѣлѣвшія области, вмѣсто того, чтобъ идти подъ Новгородъ противъ шведовъ; все это происходитъ отъ разоренія и нужды. На польской границѣ, настоящею весной, казаки одержали славную побѣду. Благодаря Всевышнему, здѣсь получены хорошія вѣсти изъ Астрахани, что Заруцкій, бывшій прежде полководцемъ польскимъ, потомъ русскимъ, а затѣмъ снова взбунтовавшійся, осажденъ съ частію мятежнаго войска въ Астраханскомъ острогѣ тамошними жителями. Заруцкій имѣлъ при себѣ бывшую царевну съ сыномъ ея отъ умершаго царя Димитрія (монаха); она же дочь воеводы Сендомірскаго въ Польшѣ, какъ о томъ вы, Милостивые Господа, знаете изъ книги, содержащей описаніе «Московскихъ смутъ»[1]) и представленной его княжескому превосходительству[2]). Во время управленія князя Дмитрія Пожарскаго, когда народъ требовалъ царя, а Пожарскій шелъ въ Москву, чтобъ содѣйствовать отнятію ея отъ поляковъ, Заруцкій поссорился съ Пожарскимъ и пустился съ частью войска грабить и разорять непріятельски всю страну. Онъ дошелъ до Астрахани, что̀ на Каспійскомъ морѣ, заключилъ союзъ противъ Московіи съ ногайскими татарами, говоря, что при немъ находятся сынъ настоящаго царя Дмитрія и сама царица. Онъ поднялъ астраханцевъ противъ Московіи и укрѣпилъ за собою это царство. Для большей вѣрности, онъ послалъ просить помощи у короля персидскаго, но сей послѣдній не повѣрилъ ему и отказалъ въ помощи. Заруцкій, въ страхѣ, послалъ просить всѣхъ казаковъ, стоявшихъ въ эту зиму подъ Новгородомъ и Смоленскомъ. Находившіеся подъ Новгородомъ, повидимому, согласились соединиться съ нимъ и обѣщались весною идти къ нему на встрѣчу, даже еслибы для исполненія своего намѣренія имъ пришлось употребить силу; они обѣщали идти водою по Волгѣ или сухимъ путемъ. Онъ не довольствовался и этимъ, а послалъ еще къ туркамъ, обѣщая отдать имъ царство Астраханское, если они прикажутъ крымскимъ татарамъ помочь ему завоевать царство Казанское, а потомъ Московское, отъ имени государя его, юнаго царя Ивана Дмитріевича. Между тѣмъ, нынѣшній царь, происходящій отъ прямого царскаго рода, укрѣпился въ Москвѣ, и вмѣстѣ со всѣми князьями государства употребилъ всѣ усилія, чтобъ устранить эту грозу

[1]) См. выше заглавіе этого сочиненія, на стр. 130.

[2]) Т. е. Морицу, принцу Оранскому, штатгальтеру Голландіи.

и потушить пламя, котораго все государство опасалось болѣе, нежели всѣхъ прочихъ своихъ непріятелей. Отсюда отправлено было лучшее набранное войско въ Казань, затѣмъ пустили внизъ по Волгѣ болѣе 1000 лодокъ съ войскомъ для занятія всѣхъ городовъ вплоть до Самары, маленькаго города на границѣ дикихъ луговъ Татаріи. Вмѣстѣ съ симъ посланы были отряды и противъ другихъ непріятелей, такъ что неудивительно, если вслѣдствіе этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ правительство совершенно обѣднѣло. Какъ выше сказано, теперь пришло извѣстіе, что астраханцы покинули Заруцкаго за то, что онъ намѣревался отдать туркамъ царство Астраханское. Они его тѣсно осаждаютъ въ острогѣ, такъ что ему придется сдаться. Я твердо увѣренъ, что ранѣе двухъ мѣсяцевъ будетъ ему конецъ. Кромѣ того, всѣ ногайскіе татары присягнули въ вѣрности Москвѣ, а мятежные казаки, видя, что имъ на Заруцкаго надѣяться нельзя, пустились снова всѣ подъ Новгородъ, грабя дорогою. Все почти войско, отправленное въ Казань, теперь будетъ отозвано назадъ и отправлено подъ Смоленскъ и Новгородъ. Словомъ, это одна изъ главнѣйшихъ побѣдъ царя, и великое будетъ счастіе для Россіи, если все такимъ образомъ кончится. Не достаетъ лишь добраго совѣта; всѣ приближенные царя — несвѣдующіе юноши; ловкіе же и дѣловые приказные — алчные волки; всѣ безъ различія грабятъ и раззоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя; къ царю доступу нѣтъ безъ большихъ издержекъ; прошенія подать нельзя въ приказъ безъ огромныхъ денегъ, и тогда еще не извѣстно, чѣмъ кончится дѣло, будетъ ли оно задержано или пущено въ ходъ. Если все это такъ останется, то и году не пройдетъ! Но я надѣюсь, что Богъ откроетъ глаза юному царю, какъ то было съ прежнимъ царемъ Ивановичемъ [1]), ибо такой царь нуженъ Россіи, или она пропадетъ; народъ этотъ благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки, и только въ рабствѣ, онъ богатъ и счастливъ. Вотъ почему все пойдетъ хорошо тогда лишь, когда царь по локти будетъ сидѣть въ крови [2]).

---

[1]) Очевидно, здѣсь разумѣется опять Иванъ Васильевичъ Грозный.

[2]) Приговоръ голландскаго современнаго наблюдателя жестокъ и странно его выслушивать отъ гражданина Соединенныхъ Нидерландъ, только-что освободившихся отъ герцога Альбы и другихъ намѣстниковъ Филиппа II, испанскаго короля. Можно подумать, что Масса намъ желаетъ того же благодѣянія, которое Филиппъ II думалъ сдѣлать для голландцевъ. Но въ словахъ Массы насъ сбиваетъ слово: «народъ», которое такъ часто употребляется для выраженія части народа, подобно тому какъ въ языкѣ допускается обратное, а именно *pars pro toto*. Изъ словъ Массы видно, что царю приходилось бороться не съ народомъ, но съ «ловкими и дѣловыми приказ-

Милостивые Господа! предшествующее изложено мною въ видѣ предисловія къ моему отвѣту, для того, чтобъ вы удобнѣе поняли то, что я пишу теперь, ибо еслибъ я нынѣ отправился въ Москву, то я остался бы въ дорогѣ по крайней мѣрѣ три недѣли, туда и назадъ, и въ пять недѣль не окончилъ бы дѣлъ въ Москвѣ и не могъ бы дать вамъ извѣстій чрезъ отправляющіеся въ непродолжительномъ времени корабли. На предложеніе наше въ Москвѣ согласились бы съ трудомъ, и на счетъ онаго учинено было бы много совѣщаній. Еслибъ даже согласились на наше предложеніе благоразумные совѣтники, въ каковыхъ московскій дворъ нынѣ имѣетъ недостатокъ, то путь въ Астрахань, не говоря уже о пути въ Персію, еще не свободенъ, и народъ не вполнѣ успокоился, послѣ всѣхъ мятежей. Дѣло наше возбудило бы зависть и негодованіе, которыхъ послѣдствія и предвидѣть всѣхъ не могу. Вотъ почему, зная лучше другихъ слабыя стороны сего государства, я остаюсь пока спокоенъ, не предпринимая ничего. Я однакожъ не премину исполнить данныхъ мнѣ приказаній, буду поступать такъ, какъ того потребуетъ честь и польза нашего отечества, не пожалѣю живота своего, докажу, что я истинный патріотъ, и изъ пламенной любви къ отечеству готовъ служить даже ему съ ущербомъ для себя. Хотя есть люди, которые сказали господину Ольденбарневельдту [1]), изъ одной зависти (чѣмъ чрезвычайно обезславлены наши голландскіе брабантцы), что почтенный господинъ и другъ мой Герритъ Яковъ Витсенъ (Witsen) имѣлъ въ виду однѣ лишь собственныя выгоды, когда онъ, по моему совѣту, просилъ, чтобъ московскому послу оказываемы были ласки и дружескій пріемъ. Кто знаетъ, не будетъ-ли это полезно нашей странѣ? Я въ присутствіи Бога, который все видитъ, объявляю, что въ поступкахъ нашихъ мы имѣли въ виду лишь честь, доброе имя и выгоды всего нашего отечества. Еслибъ въ Голландіи было много такихъ честныхъ, богобоязненныхъ и добродѣтельныхъ людей, то страна наша пользовалась бы продолжительнымъ благоденствіемъ. Меня въ то время не было въ Гагѣ, а то этотъ Адріанъ Себрехтсенъ (Adryaen Sebrechtsen) не обол-

---

ными — алчными волками», что этого рода «народъ» стоялъ между царемъ и настоящимъ народомъ. Наконецъ, воззваніе къ памяти Ивана Грознаго—комментируетъ до конца мысль Массы, а именно такъ, какъ мы ее понимаемъ.

1) Іоаннъ Барневельдтъ, котораго справедливо можно назвать Вашингтономъ Голландіи, былъ Великимъ-Пансіонеромъ Голландіи, и не за долго предъ этимъ временемъ вынудилъ въ 1609 г. подписать актъ, положившій начало независимости его страны. Онъ палъ въ 1619 г. на эшафотѣ, казненный по проискамъ своего соперника Морица Оранскаго, какъ глава республиканской партіи.

галъ бы такимъ образомъ почтеннаго человѣка. Онъ не сказалъ бы и не повторялъ: «Развѣ вы хотите, чтобъ къ царю съ подарками мы послали мальчишку». Пусть онъ встрѣтится съ этимъ «мальчишкою» и посоперничаетъ съ нимъ въ вѣрности, или рѣшитъ дѣло оружіемъ. Отецъ его былъ бѣглый монахъ Петропавловскаго монастыря въ Антверпенѣ. Мои же предки проливали кровь за отечество во Франціи и въ брабантскихъ войнахъ, а отецъ мой, скромный и благочестивый человѣкъ, богобоязненно скончался въ Гарлемѣ, гдѣ онъ торговалъ суквами. Пусть Себрехтсенъ лучше прикажетъ у себя чтобъ больше заботились о благѣ общемъ, и коль скоро нынѣ прибудутъ корабли, то пусть онъ замѣтитъ адмиралтейству, чтобъ оно предписало коммисару своему усерднѣе наблюдать за ввозомъ московскихъ товаровъ. Я увѣренъ, что многія тысячи мѣховъ контрабандою будутъ перевезены на его корабляхъ, въ бочкахъ, подъ именемъ сала или рыбьяго жира; а на корабляхъ г. Витсена этого не случится, даже объ этомъ и помышлять не станутъ.

Вы, Милостивые Господа, положитесь на меня въ исполненіи данныхъ мнѣ порученій Вашими Благородствами, для успѣха коихъ необходимо пожертвовать нѣсколькими подарками для нѣкоторыхъ господъ и князей. Вы, Милостивые Господа, не боитесь большихъ издержекъ, слѣдовательно и за малыми не остановитесь. Говорятъ, что finis coronat opus; а если будутъ строже наблюдать за ввозимыми товарами, то эти издержки воротятся; коль скоро я буду снабженъ письмами его княжескаго превосходительства [1]) и отъ васъ, мои Милостивые Господа, то я исполню все, что нужно и что будетъ справедливо, дабы совѣсть ни въ чемъ меня не упрекнула. Въ будущее лѣто я васъ обо всемъ обстоятельно увѣдомлю — лично или письменно. Теперь я долженъ пока только хоть залѣчить по возможности рану: если я не успѣю, по краткости времени, въ нынѣшнемъ году исполнить всего, то я устрою по крайней мѣрѣ то, чтобы мы были записаны въ «книгу Московитянъ» (boek van de Moscoviten) столь же близко какъ другіе государи, и даже еще ближе. Судя по послѣдней побѣдѣ, я увѣренъ, что царь этотъ будетъ имѣть счастливое и блистательное царствованіе, если только Всемогущій откроетъ ему глаза и поможетъ ему выполоть дурную траву во дворѣ и неправду своихъ приближенныхъ. На все нужно время, и самъ царь обнаружилъ добрые признаки: когда немедленно послѣ избранія его, ему доложили объ одномъ господинѣ, котораго слѣдовало наказать за важный, учиненный

[1]) Т. е. Морица Оранскаго.

имъ проступокъ, то онъ отвѣтилъ: «Вы развѣ не знаете, что наши московскіе медвѣди въ первый годъ на звѣря не нападаютъ, а начинаютъ лишь охотиться съ лѣтами». Если онъ будетъ поступать по симъ правиламъ, то скоро водворится миръ въ странѣ; наши дѣла пойдутъ хорошо и въ домогательствѣ нашемъ намъ отказано не будетъ.

Милостивые Господа! Сегодня прибылъ сюда изъ Англіи, въ качествѣ королевскаго посла, вновь пожалованный кавалеръ, по имени Маркъ (M-r Marck) [1]. Онъ въ прошедшемъ еще году былъ здѣсь служителемъ (dienner) у купцовъ въ англійской кампаніи. Въ чемъ состоитъ данное ему порученіе, объ этомъ я узнàю въ Москвѣ. Я полагаю, что цѣль сего посольства — вытѣснить насъ изъ этой страны, чего они уже не разъ добивались. Но я думаю, что это имъ не удастся. Я всѣми силами и средствами буду имъ противодѣйствовать, подъ покровительствомъ васъ, Милостивые мои Государи; пусть это будетъ стоить 1000 фунт. стер.! Я представлю царю, что Милостивые мои Господа сдѣлаютъ все возможное, чтобъ помирить его со Швеціею; далѣе, что мы будемъ ходатайствовать у турокъ объ освобожденіи московскихъ плѣнныхъ, и о томъ, чтобъ султанъ (Groote Herr) приказалъ крымскимъ татарамъ не дѣлать болѣе набѣговъ на Московское государство и помирился бы съ Москвою. Всего болѣе я постараюсь поставить на видъ, сколь велики выгоды, полученныя доселѣ царемъ отъ нидерландскихъ купцовъ; что въ десятеро болѣе еще можно отъ нихъ ожидать, если намъ даровано будетъ просимое нами въ переговорахъ дозволеніе свободно торговать по Каспійскому морю. Если все это будетъ изложено и договорено какъ слѣдуетъ, если задобрить князей, чтобъ они нашептывали царю въ нашу пользу, то я увѣренъ, что мы будемъ имѣть успѣхъ, не взирая на пышность и хвастовство голышей англійской кампаніи. Свита этого посла, или лучше сказать ново-испеченнаго кавалера, весьма многочисленна, но фигура его отказывается принять на себя кавалерскую посадку: онъ похожъ на мужика, каковымъ онъ былъ, впрочемъ, всегда. Англичане одѣты пышно, по-королевски; дворяне его свиты набраны отвсюду; слуги его, числомъ до двадцати, носятъ красную одежду; при немъ четыре пажа, три лакея и еще трое или четверо другихъ, добровольно присоединившихся къ посольству.

Но дайте намъ, голландцамъ, дожить до того, чтобы явиться въ нашихъ черныхъ бархатныхъ, длинныхъ кафтанахъ съ золотыми цѣпями, то на сколько я знаю русскихъ, мы произведемъ лучшее

[1]) Де Мерикъ.

впечатлѣніе и привлечемъ ихъ къ себѣ. Англичане же наряжены были словно комедіанты.

Post-scriptum [1]). — Милостивые Господа! Въ отвѣтъ на лестныя письма Вашихъ Благородствъ [2]), я прошу васъ положиться на меня точно также, какъ бы вы всѣ были сами здѣсь. Я буду соображаться съ обстоятельствами времени, и Милостивые мои Господа не будутъ вѣрить болтунамъ, которые ищутъ болѣе свои выгоды, нежели благо общее. Не слѣдуетъ забывать, что на дверяхъ судилища надписано: *Audi alteram partem.* Я полагаю, что тотъ болтунъ [3]) болѣе занимался кружками (пива), чѣмъ книгами, болѣе водкой, нежели вѣжливостью. Кромѣ сего, онъ до послѣдней минуты добивался отъ царскаго посла преимуществъ и льготъ собственно для себя одного, подъ предлогомъ будто онъ причиною почестей, оказанныхъ послу (русскому) въ Голландіи. Его не мѣшало бы теперь почтительнѣйше спросить: исполнены-ли просьбы его? Я же прошу объявить ему, что я «мальчишку» выростилъ и сдѣлалъ изъ него мужа. Вотъ разница между его и моими словами. Я прошу извинить меня за лишнее въ моемъ писаніи, и молю Бога Всемогущаго, дабы онъ принялъ васъ, Милостивые мои Господа, подъ свое покровительство, сохранилъ бы В. Б. въ ономъ, одарилъ бы мечемъ нерушимой вѣры, и я надѣюсь, что Милостивые мои Господа Генеральные-Штаты Соединенныхъ нидерландскихъ провинцій положатся на то, что̀ я писалъ изъ Архангельска 2-го августа 1614 года.

Воскресенье, 4-го августа 1614 г. въ Архангельскѣ.

Написавъ Вашимъ Благородствамъ прилагаемое у сего письмо, я послалъ лазутчика въ домъ помянутаго англійскаго посла Марка. Мнѣ донесли (это оказалось вѣрнымъ), что онъ произнесъ рѣчь контрабандистамъ (interlopers), т. е. англійскимъ и шотландскимъ, говоря имъ, чтобъ они сами позаботились спастись отъ немилости короля, а не думали бы болѣе торговать въ здѣшней странѣ, иначе все ихъ движимое и недвижимое имущество здѣсь и въ Англіи будетъ конфисковано.

Онъ важно сидѣлъ на сѣдалищѣ, вышитомъ золотомъ по красному бархату: вокругъ него все убрано было парчевыми

---

[1]) Все нижеслѣдующее мѣсто у кн. Оболенскаго издано съ большими пропусками.

[2]) Отъ 23-го мая и 16-го іюля.

[3]) Т. е. Себрехтсенъ, который, какъ видно изъ дальнѣйшаго, также живалъ въ Москвѣ.

занавѣсами. Все это занято у кампаніи и доказываетъ, что они умѣютъ показать свою пышность предъ этимъ глупымъ народомъ, который однако не такъ глупъ, какъ англичане полагаютъ.

Онъ сказалъ воеводамъ царскимъ (о чемъ я впрочемъ писалъ въ прошедшемъ году), что мы—мятежники, бунтуемъ противъ своего короля [1]), и много другихъ вещей, о которыхъ я боюсь даже писать. Онъ клялся, что морскіе разбойники и ихъ товарищи, здѣсь у московскихъ береговъ, подходившіе къ нашимъ судамъ, и ограбившіе московскія ладьи, посланы изъ нашей страны. Онъ присовокупилъ, что мы — подданные англійскаго короля [2]), и, для большаго увѣренія, хвастался предъ москвитянами, говоря, что они, англичане, имѣютъ отъ насъ въ залогѣ города, лежащіе въ лучшихъ областяхъ нашихъ, и что изъ этихъ именно городовъ отправлены были означенные морскіе разбойники. Онъ прибавилъ еще много другихъ мерзостей, которыхъ намъ перенести нельзя! Милостивымъ моимъ Господамъ слѣдуетъ обратить вниманіе на эти пункты, какъ касающіеся драгоцѣнной голландской чести нашей. Все, что англичане здѣсь разсказываютъ, немедленно пишется въ Москву. Если они осмѣливаются до такой степени нагло лгать здѣсь, то тѣмъ болѣе оклевещутъ насъ у самого царя. Я узналъ также, въ чемъ состоитъ ихъ предложеніе царю, а именно: они предлагаютъ царю платить ежегодно сполна всѣ пошлины, которыя получаются отъ голландцевъ, съ тѣмъ, чтобъ симъ послѣднимъ запрещенъ былъ въѣздъ въ эту страну. Съ этимъ намѣреніемъ англичане пожаловали Марка въ кавалеры, отправили его въ качествѣ посла, ибо онъ знаетъ всѣ обычаи и особенности этой страны, а поэтому лучше другого въ состояніи исполнить данныя ему порученія. Онъ имѣетъ много средствъ, хотя не весьма обширныхъ, которыми надѣется подѣйствовать на юнаго царя и склонить его на принятіе предложеній Англіи. Онъ между прочимъ обѣщаетъ, или будетъ обѣщать способствовать къ заключенію мира между Швеціею и Московіею. Сколько я понимаю дѣло, это имъ не удастся. Я еще молодой человѣкъ, недавно служу, и не смѣю открыть всего, что мнѣ извѣстно по сему дѣлу и многимъ другимъ дѣламъ. Но я все-таки предупреждаю В. Б. и прошу не слишкомъ довѣряться англичанамъ:

[1]) Англичане, очевидно, разсказывали у насъ о возстаніи Нидерландъ противъ испанскихъ королей, прежнихъ владѣтелей Голландіи, и тѣмъ хотѣли внушить въ Москвѣ дурное понятіе о голландцахъ.

[2]) Вѣроятно потому, что королева Марія Тудоръ была за Филиппомъ II-мъ, испанскимъ королемъ и владѣтелемъ Нидерландъ.

нужно смотрѣть не только на лицо, но и на хвостъ. Я пишу не изъ пристрастія или предубѣжденія, но основываюсь на томъ, что мнѣ вполнѣ извѣстно. Вамъ, Милостивые мои Господа, не худо было бы обо всемъ увѣдомить нашего посла въ Швеціи, дабы онъ не переставалъ прислушиваться. Намъ слѣдуетъ быть внимательными и не слишкомъ надѣяться на счастіе, ибо хотя мы, за грѣхи, заслуживаемъ наказанія, но Богъ тѣмъ не менѣе посылаетъ намъ предостереженіе. Сосѣди наши (англичане) готовятъ намъ болѣе заботъ и непріятностей, чѣмъ когда либо причиняли намъ испанцы. Знаетъ-ли обо всемъ, или нѣтъ, англійское величество, извѣстно одному Богу. Я постараюсь разузнать все и займусь дѣломъ, будто оно поручено мнѣ словесно В. Б., Милостивыми моими Господами, и если нужно будетъ дѣлать издержки для охраненія чести нашей страны, то я не побоюсь ихъ, надѣясь, что вы меня оправдаете во всемъ, что я предприму для выгодъ и чести отечества нашего.

Благородные великомогущественные Господа, Милостивые мои Господа!

Сегодня, 29-го августа, ничего не случилось особеннаго. Только англійскій посолъ выѣхалъ; я полагаю, что мы послѣдуемъ чрезъ 3 или 4 дня. Порученіе его состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ стараніи вытѣснить нашу націю изъ страны; они не хотятъ запретить намъ торговать въ Архангельскомъ портѣ, но ищутъ запереть намъ торговлю внутри государства, въ чемъ доселѣ и состоитъ главная слава, честь и выгода наша: ибо какая намъ будетъ польза, если намъ нельзя насладиться плодами трудовъ нашихъ, т. е. возможностію распространять славу нашего отечества. Издержками и многимъ мы превосходимъ другія націи, а насъ хотятъ лишить средствъ пріобрѣсти честь и выгоды на столько, сколько получаютъ другіе; у насъ хотѣли бы отнять свободную торговлю, которою вездѣ пользуются сосѣди наши, англичане и ганзейскіе города! Я ни во что не ставлю доступъ къ берегамъ и береговую торговлю, которую мы имѣемъ во всѣхъ государствахъ, благодаря мужеству и мудрости нашихъ мореходцевъ. Вотъ почему этимъ дѣломъ слѣдуетъ, Милостивые мои Господа, заняться своевременно. В. Б. въ состояніи дѣлать большія пожертвованія, такъ за малыми дѣло не станетъ; хотя отъ того для меня собственной выгоды произойти не можетъ, я тѣмъ не

менѣе всячески хлопотать буду, такъ точно какъ если бы вы, Благородные Господа, отправили чрезвычайное посольство собственно по этому дѣлу, и готовъ служить въ этомъ дѣлѣ какъ надлежитъ служить слугѣ Вашихъ Благородствъ.

Главный цвѣтъ, который принимаютъ на себя англичане, состоитъ въ томъ, чтобъ увѣрить, что они одни могутъ установить миръ, и что въ семъ дѣлѣ одно слово короля ихъ болѣе устроитъ, нежели старанія всѣхъ сосѣднихъ державъ вмѣстѣ. Вотъ почему мои Господа должны просить шведское величество не заключать мира, не спросясь напередъ могущественныхъ его сосѣдей, В. Б., Господъ мощныхъ Генеральныхъ Штатовъ Соединенныхъ Нидерландскихъ провинцій. Если это удастся, то я увѣренъ, что мы до того замараемъ цвѣтъ, въ который англичане выкрасили намѣреніе свое, что и красокъ распознать нельзя будетъ. При ихъ посольствѣ находится англійскій дворянинъ, котораго они хотятъ изъ Москвы отправить чрезъ Новгородъ къ шведскому величеству. Они всячески стараются пріобрѣсти особое уваженіе двора московскаго, и дѣйствительно умѣютъ поддержать честь, и во всемъ поддѣлываться подъ русскихъ: они получили бы уже значительный успѣхъ, еслибъ не встрѣтили съ нашей стороны противодѣйствія. Но къ чему все это намъ послужитъ! Частная ненависть, которую наши купцы питаютъ другъ къ другу, такъ велика, что она раззоряетъ торговлю нашу во многихъ отношеніяхъ. Ненависть эта происходитъ частію отъ различія вѣры, частію отъ различія націй; а въ прочной кампаніи ничего такого не можетъ быть. Англичане же успѣваютъ въ дѣлахъ своихъ, потому что одно лишь лицо у нихъ пользуется почестями и умѣетъ поддержать національную честь. Москвитяне во многомъ похожи на англичанъ; они также хитры, также любятъ блескъ и деньги, а поэтому двѣ эти націи легко сходятся и хорошо уживаются. Англичане пользуются большимъ довѣріемъ, и во время всѣхъ здѣшнихъ внутреннихъ безпорядковъ, они успѣли сохранить всѣ преимущества свои, какъ относительно пошлинъ, такъ и относительно другихъ пунктовъ,— между тѣмъ какъ ненависть и зависть нѣкоторыхъ изъ нашихъ купцовъ между собою уничтожаютъ всѣ наши старанія. Если мы предлагаемъ что либо въ пользу страны нашей, то они изъ личной ненависти обманываютъ другъ друга, вредятъ себѣ самимъ и другимъ, не щадя даже брата родного. Купцы другихъ націй поддерживаютъ другъ друга; еслибъ наши дѣйствовали одинаково, то мы получили бы все, что требуемъ, — даже дозволеніе проѣхать чрезъ Московію до Татаріи, до самой Персіи, въ землю ханскую, еслибъ можно было отбросить наши частныя распри.

Не слѣдуетъ молчать о томъ, что полезно, необходимо и выгодно для общей пользы. Я не упущу ничего, но напротивъ того займусь дѣлами этими точно такъ, еслибъ сами В. Б., Господа Генеральные Штаты, находились здѣсь на мѣстѣ. Издержки же будутъ не отяготительны для нашей страны. Я представлю количество потребныхъ расходовъ, или самъ заплачу. Если у меня не станетъ средствъ, то безденежно закабалю себя скорѣе, нежели допущу, чтобы честь нашихъ благочестивыхъ батавцевъ была еще болѣе затронута въ этомъ великомъ княжествѣ.

Все, что посолъ [1]) сказалъ вамъ, ничего не значитъ, ибо онъ отправленъ не прямо и собственно вовсе не къ Вашимъ Благородствамъ [2]). Если бы они сдѣлали намъ честь отправить по именному приказанію особаго чрезвычайнаго посла къ намъ, съ царскимъ словомъ, обѣщающимъ дружбу, для выгодъ нашей страны, то мы имѣли бы право жаловаться, что обѣщаніе не было сдержано; когда они ознакомятся съ силами, которыми мы можемъ располагать противъ непріятелей, и узнаютъ, сколь непобѣдимы мы, Божіею милостью, на морѣ, то они будутъ насъ почитать и бояться наравнѣ съ могущественнѣйшими державами.

Я пополнилъ здѣсь конскую збрую, слѣдующую царю въ подарокъ; я купилъ еще нѣсколько другихъ мелочей (jentilessen), относительно которыхъ я знаю, что онѣ будутъ ему пріятны, суммою на 300 фунт. фламскихъ приблизительно, потому что я не желаю явиться предъ царемъ съ однимъ высокимъ словомъ В. Б., великомощныхъ Господъ Штатовъ. Положитесь твердо на меня; я поступлю, какъ слѣдуетъ, и съ наименьшими издержками. Если издержки эти не окажутся необходимыми, то это все таки не будутъ брошенныя деньги, какъ употребленныя для общей пользы страны. Положитесь совершенно на меня; я съ Божіею помощію исполню все, о чемъ писалъ; въ предпріятіяхъ моихъ помогутъ мнѣ молитвы В. Б., служителей слова Божьяго. Я предаю В. Б. покровительству Всевышняго, который да сохранитъ васъ на многія лѣта въ мирѣ и здравіи на страхъ врагамъ, и на честь Бога и его св. церкви.

Я вамъ всѣмъ кланяюсь сердечно. Въ эту минуту пришло извѣстіе, что Заруцкій сдѣлалъ вылазку изъ астраханскаго острога съ 300 своихъ, пробился сквозь 8000 войска и бѣжалъ въ царство тюменское. Хотя царь овладѣлъ Астраханью, но весьма жалко, что Заруцкаго не захватили.

---

[1]) Русскій посолъ Ушаковъ.

[2]) Какъ мы видѣли, Ушаковъ былъ отправленъ только къ цезарю въ Вѣну и въ Лондонъ.

Post-scriptum. — О послѣдующемъ, Милостивые мои Господа, узнаете, съ помощію Божіею, въ будущемъ году, но я прошу В. Б. не разглашать, что я пишу: я на это имѣю особыя причины, и преимущественно относительно шведскаго дѣла [1]).

Исаакъ Масса.

Надежда Массы скоро покончить дѣло въ Москвѣ и явиться въ Голландію для личныхъ донесеній — не скоро оправдалась. Только въ октябрѣ 1615 года, онъ возвратился на родину, когда Соединенные Штаты, не за долго предъ тѣмъ, рѣшились наконецъ принять дѣятельное участіе въ русскихъ дѣлахъ, а быть можетъ и Михаилъ Ѳедоровичъ требовалъ предварительно, чтобы Голландія оказала ему болѣе существенную услугу, а именно, употребила бы свое содѣйствіе къ примиренію Россіи съ Швеціею. Въ концѣ августа 1615 года, отправились въ первый разъ оффиціальные послы изъ Голландіи въ Россію, чтобы принять участіе вмѣстѣ съ Англіею въ примиреніи русскихъ съ шведами. По окончаніи миссіи, голландскіе послы представили подробный отчетъ относительно даннаго имъ порученія. Но почти въ то самое время, когда Бредероде, Бассъ и Іоакими садились на корабль для отплытія въ Россію, король шведскій Густавъ Адольфъ, овладѣвшій уже Гдовомъ, встрѣтилъ себѣ сильный отпоръ подъ Псковомъ. Англійскій посолъ де-Мерикъ еще до того времени успѣлъ склонить обѣ стороны къ открытію переговоровъ. Послѣ многихъ преній, уполномоченные шведскіе, Горнъ, Яковъ Делагарди съ другими, и русскіе, князь Данило Мезецкій и Алексѣй Зюзинъ условились съѣхаться въ помѣстьи Хвостова, сельцѣ Дедеринѣ, у англійскаго посланника. Въ такомъ положеніи были наши дѣла со шведами, когда высадились голландскіе послы въ Ревелѣ и оттуда направились въ Новгородъ, поручивъ одному Іоакими заѣхать предварительно въ шведскій лагерь подъ Псковомъ, къ королю Густаву Адольфу.

---

[1]) Впрочемъ, Масса писалъ на слѣдующій же день, 30 августа; но это письмо не вошло въ нашъ сборникъ. Оно находится въ упомянутомъ нами выше изданіи Кн. Оболенскаго, и мы познакомимъ читателей съ этимъ письмомъ въ особомъ приложеніи.

II.

ПОСОЛЬСТВО ВРЕДЕРОДЕ, БАССА И ІОАКИМИ ВЪ РОССІЮ, И ИХЪ ДОНЕСЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ ШТАТАМЪ [1]).

(1615—1616 г.)

Отъѣздъ голландскихъ пословъ изъ Гаги въ Амстердамъ, — Дальнѣйшій путь и прибытіе въ Орезундъ. — Аудіенція у наслѣднаго принца датскаго Фридриха. — Прибытіе въ Ревель и разсужденіе по поводу упадка этого города. — Нарва. — Встрѣча пословъ съ Акселемъ Оксенштьерна. — Герцогъ Юлій Виртембергскій и шталмейстеръ шведскаго короля Горнъ.—Бредероде и Бассъ ѣдутъ въ Новгородъ, а Іоакими—въ шведскій лагерь подъ Псковомъ.—Въѣздъ Іоакими въ лагерь, и аудіенція у короля.—Іоакими въ Старой Руссѣ, и соединеніе голландскихъ пословъ въ Новгородѣ.—Общее письмо ихъ къ царю въ Москву, отправленное съ ванъ-деръ-Гейденомъ.—Свиданіе пословъ въ Романовѣ съ шведскими уполномоченными, и ихъ разговоръ съ де-Мерикомъ.—Споръ о титулахъ.—Переговоры объ охранныхъ граматахъ, и интриги англичанъ противъ голландцевъ.—Возвращеніе ванъ-деръ-Гейдена съ толмачемъ Павломъ Стерлингомъ.—Свиданіе голландскихъ пословъ съ русскими, и начало переговоровъ. — Споръ о шатрахъ, и обѣдъ у Зюзина.—Конференціи пословъ и объясненіе со стороны Де-ла-Гарди. — Взаимныя неудовольствія шведовъ и русскихъ.—Проектъ трактата отправляется къ царю.—Письмо голландскихъ пословъ къ нему же.—Письмо царя къ англійскому послу.—Новые переговоры и новое письмо голландцевъ къ царю.—Переговоры о перемиріи и отъѣздъ шведскихъ уполномоченныхъ и голландскихъ пословъ.—Письмо къ послѣднимъ царя Михаила Ѳедоровича. — Оправдательный ихъ отвѣтъ изъ Новгорода.—Голландскіе послы продолжаютъ возвращаться чрезъ Ямъ, Нарву и Ревель.—Встрѣча ихъ съ Ламбертомъ Массою.—Переѣздъ изъ Ревеля въ Або.—Прибытіе въ Стокгольмъ.

Журналъ Нидерландскихъ посланниковъ Рейнгоута ванъ-Бредероде, Дидериха Басса и Альберта Іоакими, о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 годахъ. Представленъ 17 октября 1616 г.

Письменный рапортъ, поданный высокомощнымъ Господамъ, Господамъ моимъ, Генеральнымъ Штатамъ Соединенныхъ Нидерландовъ, Благородными Господами, владѣтельными и вы-

[1]) Оригиналъ въ Академическомъ собраніи помѣщается въ фоліантахъ №№ 1 и 2, подъ заглавіемъ: Verbaal van de Nederlandsche Gesanten Reynout van Brederode, Diderich Bass en Albert Ioachimi van hunne legatie in Zweden en Russland in de jaren 1615 en 1616.

сокоучеными Господами Рейнгоутомъ ванъ-Бредероде, барономъ Везенбергскимъ, кавалеромъ, владѣтелемъ въ Веенгуйзенѣ, Спанбрукѣ, Оостгуйзенѣ, Этерсемѣ, Гобредѣ, Саардамѣ, Квадейкѣ, и пр., предсѣдателемъ верховнаго совѣта Голландіи, Зеландіи и Вестъ-Фрисландіи; Дидерихомъ Бассомъ, кавалеромъ, бургомистромъ города Амстердама, и Альбрехтомъ Іоакими, кавалеромъ, владѣтелемъ Остендскимъ въ Гудекенскеркѣ и пр.—о посольствѣ предпринятомъ, по приказанію Ихъ Мощностей, къ Свѣтлѣйшему и могущественному Королю и Государю Густаву Адольфу, Королю Шведовъ, Готѳовъ и Вендовъ, и проч. Королю и Наслѣдному Князю, Великому Герцогу Эстляндскому и Вестманландскому и проч. и проч., въ годахъ 1615 и 1616 — а потомъ въ Россію для заключенія мира между упомянутымъ Королевскимъ Величествомъ и равно Свѣтлѣйшимъ могущественнымъ Княземъ, Великимъ Господиномъ, царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, Самодержцемъ (Samodersetz) Всероссійскимъ [1]).

Высокіе и могущественные Господа, Гопсода мои Генеральные Штаты Соединенныхъ Нидерландовъ!

Послѣ того, какъ Вашимъ Державнѣйшимъ Властямъ угодно было намъ тремъ нижеподписавшимся поручить посольство къ Е. В. Королю Шведскому, и потомъ въ Россію для присутствованія при переговорахъ между помянутымъ Королемъ и между В. К. Московскимъ и для способствованія заключенію мира, слѣдуя вышеизложеннымъ инструкціямъ, которыя намъ, Рейнгоуту, ванъ-Бредероде и Альберту Іоакими, вручены были 21 августа 1615 г., вмѣстѣ съ различными грамотами В. Д. В. и Свѣтлѣйшаго, Высокороднаго Князя и Владѣтеля Морица, принца Оранскаго, графа Нассаускаго, Катценэльнбогенскаго, Віанденскаго, Дицскаго etc. — мы оба отправились 25-го того же мѣсяца въ Амстердамъ, на другой день, вмѣстѣ съ Дидерихомъ Бассомъ, сперва тщательно и надлежащимъ образомъ постаравшись увѣриться въ основательности извѣстій, полученныхъ за нѣсколько

[1]) За этимъ авторы прилагаютъ копію съ данной имъ инструкціи, но она составлена въ самыхъ общихъ выраженіяхъ и въ духѣ вышеприведеннаго письма къ Массѣ, а потому мы и опускаемъ эти инструкціи.

дней предъ симъ въ Гагѣ изъ Кельна о томъ, что вышепоименованный Великій Князь бѣжалъ изъ Москвы, спасся къ татарамъ, вслѣдствіе чего съѣздъ для заключенія мира будто бы не состоялся, и путешествіе наше дѣлалось такимъ образомъ безполезнымъ; но узнавъ, что купцы, ведущіе восточную торговлю, не получали подобнаго извѣстія, мы, окончивъ дѣла, которыя имѣли въ Амстердамѣ, и которыя могли служить намъ для успѣха нашего путешествія, отправились въ путь на другой день и къ вечеру пріѣхали въ Меденбликъ. Господа бургомистры и совѣтники Амстердама дали намъ во все время нашего присутствія въ семъ городѣ, въ честь В. Д. В., готовое содержаніе, которымъ мы также пользовались 27 числа въ Горнѣ и Меденбликѣ утромъ и въ полдень.

28-го утромъ, мы отплыли при слабомъ вѣтрѣ изъ Меденблика на островъ Фли (Vlie). Штиль съ обѣда на вечеръ обратился въ сильный штормъ съ запада и юго-запада, съ молніею и громомъ, вслѣдствіе чего многія суда были выброшены на мель, а нѣкоторыя даже погибли въ глазахъ нашихъ. Мы отдѣлались лишь потерею одного якоря, и въ воскресенье 30-го, предъ обѣдомъ, когда утихла погода, переѣхали на военный корабль, который для насъ былъ назначенъ, и которымъ командовалъ капитанъ Симонъ Квирейнсъ Робель, (Simon Quirynss Robel). Мы тотчасъ спросили конвойныхъ людей, не имѣютъ ли они какого либо извѣстія о томъ, что Великій Князь покинулъ Москву, и такъ какъ они намъ объявили, что не получали подобнаго извѣстія, то мы рѣшились тотчасъ же отправиться, пользуясь приливомъ, о чемъ мы въ тотъ же день и донесли В. Д. В., но такъ какъ время прилива прошло прежде, чѣмъ капитанъ успѣлъ вполнѣ приготовиться къ отходу, а затѣмъ поднялся вѣтеръ противный, то мы должны были дожидаться болѣе попутнаго вѣтра.

Въ четвергъ, 3 сентября, ночью подулъ вѣтеръ съ юга и мы около обѣда подняли паруса, о чемъ увѣдомили В. Д. В. въ тотъ же день. Прибыли въ воскресенье, 6 сентября послѣ обѣда, въ Орезундъ. Проѣзжая мимо замка Кроненбургъ у Эльзенера, мы приказали капитану спустить флагъ съ мачты и марсель. Мы сдѣлали шесть салютныхъ выстрѣловъ, на это намъ отвѣчали изъ замка тремя выстрѣлами, по приказанію данному по сему предмету королемъ Датскимъ [1]) передъ его отъѣздомъ, какъ намъ сказалъ Исаакъ Питерсъ (Pieters). Его Величество за 8-мь

---

[1]) Христіанъ IV.

или 9 дней предъ симъ отправился съ малочисленною свитою къ герцогу Брауншвейгскому. Тотчасъ по пріѣздѣ, мы дали знать таможнѣ, кѣмъ мы посланы, и что мы намѣрены немедленно отправиться далѣе, потому что не застали Его Величество, которому въ противномъ случаѣ засвидѣтельствовали бы почтеніе по приказанію В. Д. В. Начальникъ таможни на это отвѣтилъ, что не можетъ согласиться на нашъ отъѣздъ, и что мы хорошо сдѣлаемъ, если пошлемъ кого нибудь изъ нашей свиты въ Копенгагенъ, гдѣ находились совѣтники короля, чтобы получить позволеніе на отъѣздъ; это мы нашли неудобнымъ, боясь унизить достоинство Генеральныхъ Штатовъ; но узнавъ, что принцъ Датскій Фридрихъ, старшій сынъ короля, находился со своимъ дворомъ въ означенномъ замкѣ Кроненбургѣ, предпочли просить аудіенціи у Его Высочества, чтобы ему поклониться. Аудіенція была назначена намъ на другой день въ обѣдъ, чрезъ одного изъ служителей (domesticquen) Его Высочества. Мы сошли съ корабля со свитою и были встрѣчены у самаго входа въ замокъ королевскими гофмейстеромъ, шталмейстеромъ и капитаномъ тѣлохранителей. Насъ проводили мимо гарнизона замка и гауптвахты короля до самой комнаты принца, котораго мы нашли стоящимъ посреди комнаты съ открытою головою. Когда мы подходили къ Его Высочеству, то онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ намъ на встрѣчу. Поклонившись и пожелавъ ему всякаго благополучія, увѣривъ его въ благорасположеніи Генеральныхъ Штатовъ и предложивъ ему наши услуги, мы увѣдомили Его Высочество о причинѣ нашего путешествія и о порученіи, просить аудіенціи у короля, еслибъ Его Величество не былъ въ отсутствіи. При этомъ мы изъявили Его Высочеству желаніе, чтобы онъ былъ расположенъ къ Нидерландскому государству, прося его въ то же время доложить Его Величеству королю, отцу его, нашу просьбу не оставить своимъ благорасположеніемъ государство наше, подданныхъ онаго и насъ самихъ. Его Высочество чрезъ наставника своего поблагодарилъ насъ за посѣщеніе, обѣщалъ намъ исполнить нашу просьбу у короля, своего родителя, и пожелалъ счастливаго пути и успѣшнаго окончанія нашего посольства. Его Высочеству было тогда 12 лѣтъ съ половиною; онъ для лѣтъ своихъ былъ высокаго роста и хорошаго тѣлосложенія. При уходѣ мы были сопровождаемы тѣми же господами, которые насъ проводили на верхъ; насъ почтили тремя выстрѣлами изъ пушекъ, также и ружейными салютами. Кромѣ того, принцъ приказалъ поставить на свой счетъ то, что было издержано нами въ гостинницѣ, въ ко-

торой мы остановились, когда сошли съ корабля. Мы написали также письмо къ г. Христіану Фриву, канцлеру короля [1]).

Мы въ тотъ же день извѣстили В. Д. В. о вышесказанномъ письмѣ и о томъ, что мы представлялись принцу датскому. Мы увѣдомили также и о томъ, что король шведскій, какъ намъ говорили, былъ тогда подъ Псковомъ, и начали толковать о томъ, что уже долженъ былъ заключиться миръ между Е. В. и В. К. Московскимъ, при посредничествѣ посла Е. В. короля Великобританскаго, и что, за день предъ прибытіемъ нашимъ, датскими военными судами были приведены два бискайскихъ судна, захваченныя на сѣверномъ берегу Норвегіи, за производство рыбной ловли безъ предварительнаго на то согласія Датскаго короля, и что эти датскіе военные корабли крейсировали около Шпицбергена, съ цѣлію захватывать по возможности суда, занимающіяся китовымъ ловомъ. Намъ сказали, что датчане, на десятый день послѣ отплытія отъ Нордкапа, достигли Шпицбергена, который, по ихъ мнѣнію, составляетъ часть Гренландіи, и что другіе, которые тамъ вмѣстѣ съ голландцами производятъ этотъ промыслъ, предложили датчанамъ соединиться съ ними, чтобъ выгнать или захватить наши суда, но датчане отвѣтили, что они не имѣютъ приказанія съ кѣмъ либо соглашаться по этому предмету.

Ночью съ 7-го на 8-ое сентября, мы отплыли при попутномъ юго-западномъ вѣтрѣ и прибыли къ Ревелю во вторникъ утромъ 13 сентября. Мы тотчасъ дали знать о своемъ пріѣздѣ губернатору, но такъ какъ онъ находился въ Швеціи, то завѣдывающій городомъ началъ извиняться, что не можетъ принять насъ такъ, какъ того требовалъ санъ пославшихъ насъ и собственное наше званіе, ибо онъ не имѣетъ надлежащей власти и въ городѣ не существуетъ гостинницъ, гдѣ бы мы могли пристать. Тогда мы обратились къ гг. бургомистрамъ съ тѣмъ, чтобы намъ отвели квартиры. Бургомистры, получивъ списокъ свиты нашей, помѣстили каждаго изъ насъ особо, съ 3-мя иногда 4-мя лицами изъ нашей свиты, у одного изъ горожанъ и распредѣлили остальныхъ между другими. Мы тамъ были принимаемы и угощаемы по 28 сентября на счетъ города; кромѣ того гг. бургомистры и совѣтники дали въ честь нашу прекрасный обѣдъ въ ихъ канцеляріи, показали намъ зȧмокъ, городской арсеналъ и все прочее въ городѣ, заслуживающее вниманія. Городъ этотъ былъ прежде въ блестящемъ положеніи и считался членомъ

---

[1]) Самый текстъ письма, какъ не относящійся къ дѣлу русскаго посольства, мы опускаемъ.

Ганзы, отъ которой, въ ту эпоху цвѣтущаго состоянія, старался сдѣлаться независимымъ. Теперь же, вслѣдствіе продолжительныхъ лифляндскихъ войнъ, онъ много потерпѣлъ, какъ отъ поляковъ, такъ и отъ москвитянъ. Чрезъ войны и другія чрезвычайныя бѣдствія, Лифляндія лишилась почти всѣхъ своихъ жителей; кромѣ того Ревель перенесъ двѣ губительныя осады москвитянъ; опустошенія, произведенныя послѣдними и незначительность торговли съ ними, которая вся нынѣ направляется на Нарву, довели Ревель до такой бѣдности и раззоренія, что онъ нынѣ не былъ бы въ состояніи нести издержекъ Ганзы, даже еслибъ король позволилъ ему снова присоединиться къ ней. Гг. бургомистры и совѣтники показали намъ разныя привилегіи, дарованныя городу королями шведскими, въ которыхъ между прочимъ обѣщано, что никакимъ иностраннымъ кораблямъ, идущимъ въ Нарву или въ Россію, не будетъ позволено идти этою дорогою. Они поручали намъ не забыть о сихъ привилегіяхъ въ предстоящихъ переговорахъ, и когда мы ѣхали назадъ, то они насъ просили отрекомендовать ихъ городъ королю, чтобы торговля могла снова хоть нѣсколько подняться, на что его величество изъявилъ полное свое согласіе и благорасположеніе. Но мы могли замѣтить, что не всѣ лица, окружающія Его Величество, питаютъ одинаковое расположеніе къ сему городу, потому что изъ всѣхъ городовъ, подвластныхъ шведской коронѣ, лишь онъ одинъ не подчиненъ шведскимъ законамъ, королевскимъ губернаторамъ и намѣстникамъ, и слишкомъ настаиваетъ на сохраненіи своихъ преимуществъ, какъ относительно таможенныхъ доходовъ, которыхъ половина поступаетъ въ городскую казну, такъ и относительно другихъ пунктовъ.

18 сентября, мы оставили Ревель съ большимъ числомъ нашей свиты и съ небольшою поклажею, перегрузивъ остальную часть съ военнаго корабля на любское судно, потому что плаваніе въ этихъ краяхъ весьма опасно для кораблей, глубоко сидящихъ въ водѣ, особенно въ тогдашнее время года. Намѣстникъ губернатора предложилъ намъ повозки и лошадей для того, чтобы насъ доставить въ сосѣдній округъ. Ревельское начальство прибавило къ сему двѣ кареты (coetswagen) и нѣсколько другихъ повозокъ, которыя оставались при насъ до Нарвы. При отъѣздѣ нашемъ, почтили насъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами, то же сдѣлалъ и намѣстникъ губернатора изъ крѣпости. Въ тотъ же день мы извѣстили В. Д. В. о пріѣздѣ нашемъ въ Ревель и о намѣреніи оставить городъ въ тотъ же день. Отъ Ревеля до Нарвы 30 миль, чрезъ порядочный, но мало обработанный край. Около половины дороги находится древній королевскій

замокъ, лежащій въ сторонѣ и называемый Тользбургъ, куда мы прибыли 20 числа въ обѣдъ. 22 числа, мы доѣхали до Нарвы. О пріѣздѣ нашемъ мы извѣстили Его Королевское Величество письмомъ [1]).

Съ этимъ письмомъ отправились къ Е. В. (который находился подъ Псковомъ) Николай Газеларъ (Nicolas Hasselaer), Янъ Данкартсъ (Ian Danckaerts) и секретарь г. посла ванъ-Дика — Андрей Мейтрейхъ (Andreas Meutreich), въ сопровожденіи служителя, даннаго барономъ Эвертомъ Бременомъ, намѣстникомъ Ивангорода, замка, лежащаго на горѣ на другой сторонѣ рѣки, именуемой Наровою, не далѣе отъ нѣмецкой Нарвы, какъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Подъ означеннымъ замкомъ, у подошвы горы, лежитъ небольшое укрѣпленіе или маленькій городокъ обороненный сильными палисадами и населенный русскими [2]), куда спаслись съ имуществомъ своимъ многіе сосѣдніе жители во время послѣднихъ опустошеній новгородской области. Это мѣстечко въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ сгорѣло до тла, неизвѣстно однако отъ несчастія ли, или отъ злого умысла чужестранныхъ солдатъ. По рѣкѣ Наровѣ до вышеозначенныхъ двухъ городовъ могутъ идти суда, сидящія восемь футъ въ водѣ; выше того суда подниматься не могутъ, по причинѣ подводныхъ камней и пороговъ и на полмили оттуда находится большой водопадъ, образуемый водами озера, именуемаго Пейбусъ, которое, простираясь на 18 миль и принимая болѣе 70 рѣкъ и рѣчекъ, не имѣетъ другого исхода. Е. В. король шведскій приказалъ изъ Нарвы сухимъ путемъ доставить выше означеннаго водопада разныя суда, на которыхъ могли бы быть доставляемы въ лагерь подъ Псковъ орудія, военные снаряды, продовольствіе и другія вещи.

25 сентября 1615 г., прибылъ въ Нарву изъ Швеціи г. Аксель Оксенштіерна, шведскій государственный совѣтникъ, государственный и королевскій канцлеръ, и г. Рютгерзіусъ (Rutgersius), которые нѣсколько дней принуждены были оставаться на весьма опасномъ Нарвскомъ рейдѣ; той же опасности былъ подверженъ корабль, на которомъ находились наши вещи. Канцлеръ сообщилъ намъ разныя копіи съ трактатовъ и письменныхъ условій, заключенныхъ между русскими, и блаженныя памяти королемъ Карломъ IX. Эти документы служатъ къ поясненію начала и причинъ настоящихъ недоразумѣній между шве-

[1]) Письмо опускаемъ по его незначительности: это было одно церемоніальное извѣщеніе.

[2]) Т. е. эмигрантами.

дами и русскими. Мы узнали отъ его превосходительства, что пріѣздъ нашъ и старанія о заключеніи мира не слишкомъ будутъ пріятны англійскому послу, но что ему лучше понравилось бы посредничество датскаго короля, который предложилъ свои услуги шведскому королю, и за нѣсколько мѣсяцевъ до сего, присылалъ къ Е. В. секретаря, которому приказано было отправиться далѣе въ Москву, чтобъ узнать расположенія великаго князя къ миру, а по полученіи этихъ свѣдѣній, король датскій намѣревался отправить своихъ пословъ на переговоры; но король шведскій, разсудивъ, что чрезъ предполагаемое путешествіе въ Москву, переговоры будутъ слишкомъ на долго отложены, отправилъ секретаря обратно съ письмомъ, въ которомъ Е. В. писалъ, что ему предложенія датскаго короля весьма пріятны, и онъ проситъ, какъ можно поспѣшнее отправить пословъ, которые однако не были отправлены.

Въ началѣ октября, прибылъ въ Нарву свѣтлѣйшій князь, герцогъ Юлій Виртембергскій, братъ нынѣшняго владѣтельнаго герцога Виртембергскаго. Путешествіе его не имѣетъ другой цѣли, какъ лишь посѣтить короля. Такъ какъ Его Свѣтлость былъ почти во всѣхъ государствахъ и земляхъ христіанства, то онъ хотѣлъ посѣтить и королевство шведское и увидѣть достопримѣчательности Лапландіи, Біермена и Ботніи, и чрезъ эти страны онъ въ нынѣшнюю зиму проѣхалъ съ паспортомъ короля и на счетъ Е. В. Мы посѣтили Его Свѣтлость, и онъ въ свою очередь посѣтилъ насъ.

2 октября, возвратились изъ лагеря подъ Псковомъ посланные наши съ письмами, отъ 22 сентября, къ королю шведскому. Они рапортовали намъ, что король былъ весьма доволенъ нашимъ пріѣздомъ, и что Е. В. весьма тщательно распросилъ, были ли мы на пути отъ Ревеля въ Нарву снабжены всѣми нужными удобствами, и хорошо ли насъ содержали въ Нарвѣ. Они сказали намъ также, что король отправилъ къ намъ государственнаго шталмейстера и что отъ него равно и изъ писемъ, которыя онъ намъ вручить долженъ, мы узнаемъ резолюцію короля на предъидущее письмо наше.

5-го октября, королевскій шталмейстеръ г. Николай Горнъ (Horn) передалъ намъ письмо Е. В. [1]).

7-го означеннаго мѣсяца, мы увѣдомили В. Д. В. о письмѣ нашемъ къ Е. В., о вышеписанномъ его отвѣтѣ и также о намѣреніи нашемъ исполнить желаніе Е. В. Мы разрѣшили ка-

[1]) Оно приводится послами на старомъ нѣмецкомъ языкѣ, т. е. въ оригиналѣ, и не представляетъ ничего замѣчательнаго: король назначаетъ имъ дальнѣйшій маршрутъ.

питану Симону Квейнрейнзену Рообелю, съ военнымъ кораблемъ, оставленнымъ нами въ Ревелѣ, возвратиться на родину, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ высадилъ въ томъ или другомъ Балтійскомъ городѣ нѣкоторыхъ изъ молодыхъ людей, которые пріѣхали съ нами, и которые, по болѣзни, должны были воротиться съ нимъ.

12-го октября, когда гг. градоначальниками Нарвы, Ивангорода, Яма (Ямбурга) и Копорья сдѣланы были распоряженія къ отъѣзду нашему и г. канцлера, и когда поклажа, которая должна была быть въ Новгородѣ, была наканунѣ отправлена водою, то означенный г. Николай Горнъ подарилъ каждому изъ насъ по двѣ лошади, и тѣмъ, которымъ слѣдовало ѣхать въ Новгородъ, карету и еще двѣ лошади, говоря, что Е. В. прислалъ бы большее число, но что онъ раздарилъ почти всѣхъ лошадей, находившихся при немъ въ лагерѣ разнымъ рейтарамъ, которые на войнѣ лишились лошадей своихъ. Е. В. послалъ изъ лагеря, вмѣстѣ съ шталмейстеромъ, придворнаго чиновника, Андрея Грейпа (Andraeas Gryp); онъ долженъ былъ проводить тѣхъ изъ насъ, которые отправлялись въ Новгородъ и долженъ былъ служить намъ приставомъ до Старицъ-шанца (Staritz-Schansse), гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтить другого еще пристава. Съ нимъ то и съ г. градоначальникомъ Ивангорода Эвертомъ Бременомъ и многими другими дворянами, мы, Рейнгоутъ, ванъ-Бредероде и Дитрихъ Бассъ отправились въ означенный день въ Новгородъ, а Альбертъ Іоакими, въ обществѣ г. канцлера и г. шталмейстера и многихъ другихъ шведскихъ и лифляндскихъ господъ и дворянъ, съ конвоемъ лифляндской конницы, пришедшемъ изъ лагеря, поѣхалъ въ Псковъ на свиданіе съ королемъ. Не доѣзжая Ямбурга, встрѣтилъ насъ, по дорогѣ въ Новгородъ, градоначальникъ Ямбурга, баронъ Дитловъ фонъ-Тизенгаузенъ съ нѣсколькими дворянами; мы у него остались до утра 16 октября, а потомъ были проведены имъ до Старицъ-шанца, въ 14 миляхъ отъ Нарвы. 17 октября, не доѣзжая означеннаго шанца, встрѣтилъ насъ градоначальникъ Копорья, Іоахимъ Бернтсъ, съ 120 конницы и 25 пѣхоты, которые вмѣстѣ съ нимъ должны были остаться при насъ, пока онъ насъ не проводитъ до уполномоченныхъ Е. В. Конница и пѣхота служили для охраненія насъ отъ казаковъ, которые скрылись въ лѣсахъ и бродили вдоль по дорогѣ весьма опасной, потому что все пространство между Старицъ-шанцомъ и Новгородомъ необитаемо, исключая крѣпостцы, по названію Тессау (Тесово?), принадлежащей королю и лежащей въ 10 миляхъ отъ Новгорода.

25-го октября, лишь около обѣда, мы достигли Новгорода,

до котораго отъ Нарвы 36 миль. Намъ нельзя было ѣхать скоро, ибо дни были короткіе, дороги очень дурны; почти половина дороги состоитъ изъ деревъ, которыя кладутся по болоту. Деревья эти во многихъ мѣстахъ были переломаны, а стороною нельзя ни ѣхать, ни идти, и такъ какъ во всей окрестности не было домовъ, то мы должны были большее число ночей проводить въ лѣсахъ. Не доѣзжая города, встрѣтили насъ королевскіе намѣстники Гансъ Бой (Boy) и князь Иванъ Ивановичъ Одоевскій, одинъ изъ знатнѣйшихъ людей Россіи, съ сыномъ. Съ ними находилось нѣсколько русскихъ князей и бояръ и 3 или 4 корнетовъ рейтеровъ съ ихъ командами. Они проводили насъ въ городъ и мимо вооруженной пѣхоты, разставленной шпалерами отъ градскихъ воротъ, до самаго зàмка. При въѣздѣ въ городъ и зàмокъ, насъ почтили нѣсколькими выстрѣлами изъ пушекъ и ружей, какъ конницы, такъ и пѣхоты.—2 ноября, мы увѣдомили В. Д. В. о прибытіи нашемъ въ Новгородъ и объ отъѣздѣ г. Іоакими въ лагерь подъ Псковомъ [1]).

---

[1]) На этомъ мѣстѣ прерывается общій журналъ пословъ: ванъ-Бредероде вставляетъ въ свое донесеніе рапортъ объ отдѣльномъ путешествіи Іоакими, командированнаго къ Густаву Адольфу въ его лагерь подъ Псковомъ. За тѣмъ опять слѣдуетъ общій журналъ о пребываніи пословъ въ Новгородѣ и отъѣздѣ ихъ въ дальнѣйшій путь.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

СЕКТАТОРЫ-КОЛОНИСТЫ

ВЪ РОССІИ

(Историческіе очерки.)

Мы, русскіе, какъ бы не чая у себя дома ничего достойнаго ближайшаго изслѣдованія, обращаемся обыкновенно по всѣмъ вопросамъ гражданственнаго и экономическаго развитія нашего прежде всего къ изученію не того, что создано жизнью у насъ, а напротивъ, ищемъ разрѣшенія предлежащихъ намъ задачъ почти исключительно въ учрежденіяхъ и примѣрахъ западной Европы, забывая, что тамъ сложилась жизнь на иныхъ основаніяхъ, при дѣйствіи иныхъ историческихъ факторовъ. Къ счастью, этотъ упрекъ можетъ относиться болѣе къ нашему прошедшему; настоящее, и особенно будущее сулятъ намъ, повидимому, иные задатки и пріемы.

Такъ, между прочимъ, только въ Россіи, при ея громадности, при отсутствіи въ ней до послѣдняго десятилѣтія всякой самодѣятельности и самосознанія общества, при безгласности печати, менѣе всего касавшейся нашего собственнаго быта, — только у насъ, повторяемъ мы, могъ оставаться вовсе или слишкомъ мало замѣченнымъ столь крупный фактъ, каковымъ представляется въ исторіи экономическаго нашего развитія колонизація иностранныхъ выходцевъ, давшая Россіи, преимущественно на бывшихъ окраинахъ ея — въ степяхъ Саратовско-Самарскаго приволжья, Новороссіи и Бессарабіи, полумилліонное, дѣятельное и богатое сельское населеніе.

Многимъ, конечно, извѣстно о существованіи нашихъ колоній какъ въ указанныхъ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Но едва ли не десятками только считаются люди, которые знаютъ ближе условія внутренняго строя и развитія той или другой группы колоній, и еще менѣе найдется такихъ, которые задавались бы серьезно вопросомъ: въ чемъ именно заключаются дѣйствительныя причины экономическаго и гражданственнаго преуспѣлянія нашихъ иностранныхъ поселеній, отличающаго ихъ во всемъ отъ огромнаго большинства даже тѣхъ изъ крестьянъ, которые живутъ рядомъ съ колонистами, въ болѣе или менѣе одинаковыхъ съ ними хозяйственныхъ условіяхъ. Если же и случалось кому обращать вниманіе нашихъ экономистовъ и сельскихъ устроителей на успѣхи колоній, то это подавало обыкновенно только поводъ къ отвѣту: «развѣ въ вопросахъ о благоустройствѣ нашихъ крестьянъ можно принимать въ соображеніе бытъ колонистовъ, пользующихся исключительными привилегіями; одна свобода отъ рекрутства», и т. д., Подобными замѣчаніями всегда отклонялся вопросъ объ изслѣдованіи и соображеніи истинныхъ причинъ успѣховъ колонистскаго хозяйства и общественнаго благоустройства. А между тѣмъ, изъ ближайшаго знакомства со всѣми подробностями быта нашихъ колоній мы вынесли и, по мнѣнію нашему, не могли не вынести то глубокое убѣжденіе, что привилегіи колонистовъ имѣли и могли имѣть въ дѣлѣ упроченія ихъ благосостоянія только весьма условное значеніе. Въ настоящее же время, когда права общественнаго самоуправленія, собственнаго суда и расправы въ мелочныхъ дѣлахъ повседневнаго поселянскаго быта, сдѣлались достояніемъ не одниxъ только колоній, но и вообще всего крестьянства; когда населеніе колоній, скучиваясь все болѣе и болѣе въ предѣлахъ отведенныхъ ему земель, ищетъ повсюду и, подъ давленіемъ хозяйственныхъ и торгово-промышленныхъ потребностей, должно искать выхода изъ изолированнаго положенія и добиться болѣе тѣснаго слитія съ общимъ государственнымъ строемъ, въ это время присвоенныя колонистамъ исключительныя предъ остальнымъ сельскимъ состояніемъ преимущества могутъ служить имъ только во вредъ, особенно среди земства, сущность котораго чужда всякой привилегіи. Не вдаваясь въ ближайшее развитіе только-что высказанной мысли, ограничимся указаніемъ на бѣлопашцевъ села Домнина, Костромской губерніи, которые, какъ потомство Сусанина, пользуются несравненно болѣе обширными преимуществами, нежели наиболѣе привилегированные изъ нашихъ колонистовъ; а между тѣмъ, общеизвѣстно крайне безотрадное положеніе домнинскихъ

бѣлопашцевъ и въ хозяйственномъ, и въ общественномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, не привилегіи, а совершенно иныя условія способствуютъ сельскому благосостоянію и благоустройству.

Колоніи наши исходили въ началѣ ихъ поселенія отъ однихъ и тѣхъ же основныхъ началъ, какъ по поземельному устройству, такъ и по общественному самоуправленію. Различіе между ними заключалось въ то время только въ нѣкоторыхъ преимуществахъ, по состоянію и по размѣру земельнаго надѣла, которыя предоставлены разнымъ поселенческимъ водвореніямъ не въ одинаковой степени. Но въ настоящее время, за послѣдовательнымъ, въ теченіе около 100 лѣтъ, развитіемъ этихъ основныхъ началъ въ различныхъ комбинаціяхъ ихъ по внутреннему поземельному и общественному строю, — разныя группы колоній, соотвѣтственно симъ комбинаціямъ, пришли каждая и къ совершенно своеобразнымъ конечнымъ результатамъ. Изслѣдованіе этихъ результатовъ не можетъ, по нашему мнѣнію, не заинтересовать всякого мыслящаго человѣка.

Кромѣ того, нигдѣ въ иномъ мѣстѣ не представляется столько удобства для всесторонняго анализа хода развитія различныхъ комбинацій сельскаго устроенія, какъ именно въ колоніяхъ. Каждая группа колоній въ отдѣльности составляетъ нѣчто цѣльное, status in statu, нарождающее населеніе процентъ на процентъ. Къ тому же онѣ, во все время своего существованія, еще не подвергались никакимъ существеннымъ внутреннимъ преобразованіямъ, ни въ условіяхъ общественнаго хозяйства, ни по управленію.

Намъ извѣстно, что нынѣ уже подготовляется передача въ вѣдѣніе общихъ учрежденій всѣхъ безъ изъятія колоній и, какъ прямое послѣдствіе сего, совершенное упраздненіе главныхъ мѣстныхъ колонистскихъ управленій въ Саратовѣ и Одессѣ. Поэтому, для многихъ можетъ быть не безъинтереснымъ ознакомиться нѣсколько подробнѣе съ дѣломъ колонизаціи и узнать, что̀ же выработали колоніи, и какія онѣ дали практическія результаты.

Мы не имѣемъ пока въ виду знакомить читателя съ ходомъ всей нашей иностранной колонизаціи и съ ея результатами во всѣхъ подробностяхъ, и потому въ настоящемъ трудѣ ограничиваемся по преимуществу одними сектаторами-колонистами; общаго же колонизаціоннаго дѣла коснемся теперь лишь на столько, на сколько это необходимо для лучшаго уразумѣнія приводимыхъ нами частностей, подробностей, и тѣхъ заключеній и выводовъ, которыя впослѣдствіи представятся намъ сами собою.

Наплывъ въ Россію иностранцевъ съ запада былъ всегда болѣе, или менѣе великъ. Но жителя европейскаго запада привлекало не столько намѣреніе окончательно водвориться въ Россіи, сколько почти исключительное желаніе нажиться здѣсь и съ нажитымъ капиталомъ уѣхать обратно на родину. Конечно, далеко не всѣмъ удавалось осуществить эту мысль; множество такихъ выходцевъ, обжившись и освоившись вполнѣ въ Россіи, оставались въ ней навсегда и сливались съ природными жителями. Но не эту колонизацію мы имѣемъ въ виду; такая колонизація являлась притомъ большею частью по приглашенію правительства, а послѣднее руководствовалось въ этомъ случаѣ желаніемъ пріобрѣсти въ иностранцахъ разнаго рода техниковъ и спеціалистовъ по всякимъ другимъ, но не земледѣльческимъ отраслямъ государственнаго хозяйства.

Первый примѣръ *земледѣльческаго* водворенія у насъ иностранцевъ относится ко времени императрицы Елисаветы, и стоитъ въ прямой связи съ тогдашней политикой нашей въ отношеніи Польши и Турціи.

Извѣстно, что въ то время юговостокъ, югъ и югозападъ нынѣшней европейской Россіи состояли изъ степей, образовывавшихъ какъ бы посредствующій поясъ между нами и постояннымъ кочевьемъ ордъ: башкиръ, киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ, въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Оренбургской, Уфимской, Самарской и Астраханской; ногаевъ и вообще татаръ въ Кубанской области, по побережью морей Чернаго и Азовскаго, и въ Крыму. На юго-западѣ — съ Турціею и Польшею — границею служилъ, по преимуществу, Днѣпръ. Нынѣшняя Харьковская и южная часть Воронежской губерніи именовались Слободскою-Украйною; тамъ водворялись въ слободахъ, по системѣ Дона и Донца, казаки—выходцы изъ Заднѣпровской, въ то время польской Украйны. Русское осѣдлое населеніе было весьма рѣдкое даже въ большей части нынѣшней Саратовской губерніи. Здѣсь оно ограничивалось главнѣйше правымъ берегомъ Волги и отчасти побочныхъ рѣкъ, впадающихъ въ нее и въ Донъ. Вообще колонизація русскихъ крестьянъ напирала и прежде, еще въ періодъ царей, и около описываемаго нами времени, не столько на юговостокъ и Заволжье, сколько прямо на югъ и юго-западъ. По Воронежской, Курской и другимъ въ одной параллели губерніямъ и до настоящей поры сохранились остатки большого вала, по обѣ стороны котораго шла колонизація служилыхъ людей и крестьянъ. Для привлеченія сюда русскихъ переселенцевъ, правительство жаловало имъ въ вотчину, или въ помѣстье, земли по сю и по ту сторону вала съ обязательствомъ нести погранич-

ную и ратную службу противъ хищническихъ набѣговъ ордынцевъ. Потомки этихъ пограничныхъ стражей образовали частью помѣстное дворянство, частью же вошли въ составъ такъ называемыхъ нынѣ четвертныхъ или однодворческихъ крестьянъ.

Вѣроятно подобныя же потребности въ усиленіи пограничныхъ силъ нашихъ на юго-западѣ и невозможность достигнуть этого переселеніемъ изъ самой Россіи, побудили императрицу Елисавету поручить [1]) австрійской службы полковнику Хорвату навербовать за-границею полки «изъ сербовъ». Онъ дѣйствительно не замедлилъ привести въ Россію два полка: гусарскій и пандурскій, состоявшіе изъ сербовъ, грековъ, венгерцевъ, черногорцевъ, болгаръ, молдаванъ и валаховъ. Ихъ поселили «на Украйнѣ за Днѣпромъ», около бывшей польской границы, особыми округами, называвшимися ротами. Самая мѣстность, ими заселенная, часть нынѣшней Екатеринославской губерніи, получила наименованіе Новой Сербіи. Людей изъ другихъ націй и не военнаго званія, строго запрещалось селить между ними. Впослѣдствіи, сформировалось такихъ полковъ четыре: два гусарскихъ и два пандурскихъ, каждый изъ 20 ротъ, а рота въ 200 человѣкъ рядовыхъ. Земли были имъ надѣлены по-ротно: на капитана по 100, на поручика по 80, на подпоручика по 70, на прапорщика по 50 и на рядовыхъ отъ 20 до 30 четвертей [2]) на каждаго. Поселенія ихъ назывались шанцами, и жители каждой шанцы подраздѣлялись на три категоріи: одни — служилые — защищали границы имперіи; другіе составляли резервъ, отправлявшій мѣстную службу, въ случаяхъ выступленія первыхъ въ дальній походъ; наконецъ, третьи, такъ называвшіеся фамиліаты, обработывали какъ свои земли, такъ и поля первыхъ двухъ разрядовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе были отвлечены отъ домовъ службою. Въ 1764 г., по изданіи новаго штата симъ поселеніямъ, новая Сербія переименована въ Новороссійскую губернію; изъ нѣсколькихъ полковыхъ мѣстечекъ образованы города, а шанцы названы военными поселеніями. Въ 1783 г. полки эти обращены въ легко-конные, а въ 1798 г. они совершенно преобразованы въ регулярное войско. Военныя поселенія уступили мѣсто иной колонизаціи.

Временамъ императрицы Екатерины II и императора Алексан-

---

[1]) Указъ 29 декабря 1751 г.; Жалов. Грамота генералъ маіору Хорвату, 11 января 1752, и послѣдующіе указы 1752—1798 гг.

[2]) «Четверть» — древняя мѣра, равняющаяся полдесятинѣ, а выраженіе «столько-то четвертей въ полѣ, въ дву по тому жъ» означало $1\frac{1}{2}$ десятины. Здѣсь слѣдуетъ разумѣть именно четверть = $1\frac{1}{2}$ дес. Ст. 567, ч. 3, т. X, Зак. гражд.

дра I выпало на долю окончательно утвердить наше владычество съ одной стороны, до Яика или Урала, а съ другой, до Кавказа, Чернаго моря, Прута и Дуная. По Кучуккайнарджискому миру, въ 1774 г., мы пріобрѣли между прочимъ Крымъ; но только въ 1783 г., воспослѣдовало уничтоженіе автономіи крымскаго ханства и полное присоединеніе его владѣній къ Россіи, подъ наименованіемъ Таврической губерніи. По миру Ясскому, въ 1792 г., границею нашею съ Турціею сдѣлался Днѣстръ, и оставался ею до Бухарестскаго мира, въ 1812 г., передвинувшаго границу на Прутъ и Дунай.

Всѣ вновь пріобрѣтенныя, громадныя степныя пространства предстояло оживить осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ, и, водворивъ тамъ гражданственность, сдѣлать ихъ пріобрѣтеніемъ выгоднымъ, прочнымъ и безопаснымъ. Для осуществленія этого не доставало у насъ въ то время ни людей вообще, ни собственно надежныхъ колонизаторовъ. Грустное положеніе въ то время нашихъ крестьянъ вообще, и крѣпостныхъ въ особенности, слишкомъ общеизвѣстно, чтобы входить здѣсь въ ближайшія подробности. Рисовать хотя-бы давно-минувшія картины варварскаго угнетенія, произвола личнаго и начальственнаго, лихоимства, истязаній, плетей и ссылокъ — задача слишкомъ тяжелая, чтобы безъ особенной нужды останавливаться на ней. «Въ нашей Имперіи переселенія совершаются весьма дурно, по причинѣ худыхъ чиновниковъ, которымъ вынуждены повѣрять подобнаго рода предпріятія, и потому кончаются дурно... Это значило-бы предать переселенцевъ на вѣрную погибель» [1]). Вотъ убѣжденіе, завѣщанное опытомъ XVIII вѣка лучшимъ государственнымъ дѣятелямъ начала царствованія императора Александра I. И несомнѣнно то, что крестьянство наше въ то время было слишкомъ принижено и обезсилено, чтобы представить достаточные элементы успѣшной колонизаціи въ тѣхъ размѣрахъ, какъ того требовали насущные государственные интересы. Во всякомъ случаѣ, колонизація исключительно русскими силами тогдашнихъ окраинъ имперіи потребовала-бы такого періода времени, выждать который казалось правительству несовмѣстнымъ съ пользами и потребностями государства. И вотъ гдѣ начало колонизаціи изъ за-границы.

Еще манифестомъ 4 декабря 1762 г., Екатерина II призывала всѣхъ желающихъ изъ Европы, кромѣ евреевъ, свободно поселяться въ новыхъ степныхъ владѣніяхъ нашихъ. Призывъ

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1866 г., т. I, отд. I, стр. 185: «Первая эпоха преобразованій имп. Александра I», М. Богдановича.

этотъ не оказалъ ожидаемаго дѣйствія; по крайней мѣрѣ въ 1763 г., не было отклика на него. Оно впрочемъ и понятно. Манифестъ, кромѣ призыва къ поселенію, не заключалъ въ себѣ никакихъ положительныхъ гарантій въ пользу будущаго гражданскаго положенія новыхъ переселенцевъ. Съ другой стороны, Европа смотрѣла на Россію, и въ извѣстномъ смыслѣ не безъ основанія, почти тѣми же глазами, какъ древніе греки и римляне на Скиѳію. Нужно было восполнить недостатокъ перваго манифеста и дѣйствовать противъ предубѣжденія Европы. Задачу эту выполнилъ манифестъ 22 іюля 1763 г., послужившій краеугольнымъ камнемъ всей нашей колонизаціи. Въ немъ говорилось:

«Мы, вѣдая пространство земель нашей имперіи, между прочаго усматриваемъ наивыгоднѣйшихъ къ населенію и обитанію рода человѣческаго полезнѣйшихъ мѣстъ, до сего еще праздно остающихся, не малое число, изъ которыхъ многія въ нѣдрахъ своихъ скрываютъ неисчерпаемое богатство разныхъ металловъ; а какъ лѣсовъ, рѣкъ, озеръ и къ коммерціи подлежащихъ морей довольно, то и къ размноженію многихъ мануфактуръ, фабрикъ и прочихъ заводовъ способность великая. Сіе подало намъ причину въ пользу всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ издать манифестъ 1762 г. декабря 4 дня; но какъ въ ономъ мы о желающихъ изъ иностранныхъ въ имперіи нашей селиться, соизволеніе наше вкратцѣ объявили, то, въ пополненіе онаго, повелѣваемъ всѣмъ объявить слѣдующее учрежденіе, которое мы наиторжественнѣйше учреждаемъ и исполнять повелѣваемъ. 1) Всѣмъ иностраннымъ дозволяемъ въ имперію нашу въѣзжать и селиться, гдѣ кто пожелаетъ, во всѣхъ нашихъ губерніяхъ. 2) Такіе иностранные могутъ пріѣзжать и являться не только въ резиденціи нашей въ учрежденной на то канцеляріи опекунства иностранныхъ, но и въ прочихъ имперіи нашей пограничныхъ городахъ, гдѣ кому способнѣе у губернаторовъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то и у главныхъ городскихъ начальниковъ. 3) Если въ числѣ иностранныхъ, желающихъ въ Россію на поселеніе, случатся и такіе, которые для проѣзда своего не будутъ имѣть довольнаго достатку, то оные могутъ являться у министровъ и резидентовъ нашихъ, находящихся при иностранныхъ дворахъ, отъ коихъ не только на иждивеніи нашемъ немедленно въ Россію отправлены, но и путевыми деньгами удовольствованы будутъ. 4) Коль скоро прибудутъ иностранные въ резиденцію нашу, и явятся въ канцелярію опекунства, или въ другой какой пограничный нашъ городъ, то имѣютъ объявить рѣшительное свое намѣреніе, въ чемъ ихъ желаніе состоитъ, записаться-ль въ купечество или въ цѣхи, и быть мѣщаниномъ, и въ которомъ городѣ, или поселиться колоніями и мѣстечками на свободныхъ и выгодныхъ земляхъ для хлѣбопашества и другихъ многихъ выгодностей, то всѣ таковые, по ихъ желаніямъ, немедленное о себѣ опредѣленіе получать; гдѣ-жъ и въ которыхъ именно мѣстахъ въ имперіи нашей, свободныя и удобныя къ населенію земли находятся, изъ послѣдующаго реэстра видиме, хотя еще и несравненно болѣе объявленнаго числа пространныхъ земель и всякихъ угодій есть, на коихъ также позволяемъ селиться, кто только и гдѣ изъ оныхъ для пользы своей самъ изберетъ. 5) Какъ скоро кто изъ иностранныхъ прибудетъ въ имперію нашу на поселеніе, и явится въ учрежденной для оныхъ канцеляріи опекунства, или въ прочихъ нашихъ пограничныхъ городахъ, то во первыхъ объявя, какъ выше сего въ 4 пун. предписано, о желаніи своемъ, имѣетъ потомъ всякой учинить по вѣрѣ своей и обрядамъ обыкновенную

о подданствѣ намъ въ вѣрности присягу. 6) Но чтобъ всѣ желающіе въ имперіи нашей поселиться иностранные видѣли, сколь есть велико для пользы и выгодностей ихъ наше благоволеніе, то мы соизволяемъ: а) всѣмъ прибывшимъ въ имперію нашу на поселеніе, имѣть свободное отправленіе вѣры по ихъ уставамъ и обрядамъ безпрепятственно; а желающимъ не въ городахъ, но особыми на порожнихъ земляхъ поселиться колоніями и мѣстечками, строить церкви и колокольни, имѣя потребное число при томъ пасторовъ и прочихъ церковно-служителей, исключая одно построеніе монастырей: напоминая однакожъ при семъ, чтобъ изъ живущихъ въ Россіи въ христіанскихъ законахъ, никто и никого въ согласіе своей вѣры или сообщества ни подъ какимъ видомъ несклонялъ и непривлекалъ, подъ страхомъ всей строгости нашихъ законовъ, изъемля изъ сего разнаго званія находящихся въ магометанскомъ законѣ, прилежащихъ къ границамъ нашей имперіи народовъ, коихъ не только благопристойнымъ образомъ склонять въ христіанскіе законы, но и всякому крѣпостными себѣ учинить позволяемъ; б) не должны таковые прибывшіе изъ иностранныхъ на поселеніе въ Россію, никакихъ въ казну нашу податей платить, и никакихъ обыкновенныхъ ниже чрезвычайныхъ службъ служить, равно постоевъ содержать, и словомъ заключить, отъ всякихъ налоговъ и тягостей свободны слѣдующимъ образомъ, а именно: поселившіеся многими фамиліями и цѣлыми колоніями на праздныхъ мѣстахъ тридцать лѣтъ, а желающіе жительствовать въ городахъ, тожъ въ цѣхи и купечество записываться въ резиденціи нашей въ С.-Петербургѣ, или близь оной въ лежащихъ мѣстахъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ, Ингерманландскихъ, Корельскихъ и Финляндскихъ городахъ, такожъ въ столичномъ г. Москвѣ—пять лѣтъ; въ прочихъ губернскихъ, провинціальныхъ и другихъ городахъ десять лѣтъ, но сверхъ того, еще каждому прибывшему въ Россію не для временнаго пребыванія, но и на поселеніе, свободную квартиру на полгода; в) всѣмъ иностраннымъ, прибывшимъ на поселеніе въ Россію, учинено будетъ всякое вспоможеніе и удовольствіе, склоннымъ къ хлѣбопашеству или другому какому рукодѣлію, и къ заведенію мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ, не только достаточное число отведено способныхъ и выгодныхъ къ тому земель, но и всякое потребное сдѣлано будетъ вспоможеніе, по мѣрѣ каждаго состоянія, усматривая особливо надобность и пользу вновь заводимыхъ фабрикъ и заводовъ, а наипаче такихъ, коихъ до нынѣ въ Россіи еще не учреждено; г) на построеніе домовъ, на заведеніе къ домостроительству разнаго скота, на потребные къ хлѣбопашеству и къ рукодѣлію всякіе инструменты, припасы и матеріялы выдавано будетъ изъ казны нашей потребное число денегъ безъ всякихъ процентовъ, но съ единою заплатою, и то по прошествіи десяти лѣтъ, въ три года по равнымъ частямъ; д) поселившимся особыми колоніями и мѣстечками, внутреннюю ихъ юрисдикцію оставляемъ въ ихъ благоучрежденіе, съ тѣмъ, что наши начальники во внутреннихъ ихъ распорядкахъ никакого участія имѣть не будутъ, а впрочемъ обязаны они повиноваться нашему праву гражданскому. Если же иногда сами пожелаютъ отъ насъ имѣть особую персону для опекунства, или для безопасности своей и охраненія, пока съ сосѣдственными жителями опознаются, съ доброю дисциплиною воинской салвогвардіи, то имъ дано будетъ; е) всякому желающему иностранному въ Россію на поселеніе, позволяемъ имѣніе свое ввозить, въ чемъ бы оное ни состояло, безъ всякаго платежа пошлинъ, съ тѣмъ однакожъ, что оное для его собственнаго употребленія и надобности, а не на продажу. А если жъ таковой, сверхъ своего употребленія, привезетъ что либо въ товарахъ и на продажу, то не болѣе безпошлинно ввезть позволяемъ, какъ по цѣнѣ до трехъ сотъ руб. каждой фамиліи, съ тѣмъ, когда они въ Россіи не меньше десяти лѣтъ пробудутъ; въ противномъ же случаѣ за тѣ при возвратномъ проѣздѣ взыскивать

ввозныя и вывозныя настоящія пошлины; ж) поселившіеся въ Россіи иностранные, во все время пребыванія своего, ни въ военную, ниже въ гражданскую службу противу воли ихъ опредѣлены не будутъ, кромѣ обыкновенной земской, и то по прошествіи предписанныхъ льготныхъ лѣтъ; а буде кто пожелаетъ самоизвольно вступить въ военную службу въ солдаты, такому дастся при опредѣленіи въ полкъ, тридцать рублевъ въ награжденіе сверхъ обыкновеннаго жалованья; з) явившіеся иностранные въ учрежденной для ихъ канцеляріи опекунства, или въ прочихъ пограничныхъ нашихъ городахъ, коль скоро объявятъ желаніе свое ѣхать на поселеніе внутрь Россіи, то даны имъ будутъ какъ кормовыя деньги, такъ и подводы безденежно до намѣреннаго имъ мѣста; и) кто изъ поселившихся въ Россіи иностранныхъ заведетъ такія фабрики, мануфактуры или заводы, и станетъ на оныхъ дѣлать товары, какихъ до нынѣ въ Россіи не было, то позволяемъ оные продавать и отпускать изъ нашей имперіи десять лѣтъ безъ всякаго платежа внутренней, портовой и пограничной пошлины; і) если же кто изъ иностранныхъ капиталистовъ собственнымъ своимъ иждивеніемъ, заведетъ въ Россіи фабрики, мануфактуры и заводы, таковому позволяемъ покупать надлежащее число къ тѣмъ мануфактурамъ, фабрикамъ и заводамъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ; к) поселившимся въ имперіи нашей иностраннымъ колоніями и мѣстечками, позволяемъ установлять по собственному ихъ благоразсужденію торги и ярмарки, безъ всякаго побора и платежа пошлинъ въ казну нашу. 7) Всѣми предписанными выгодами и учрежденіемъ пользоваться имѣютъ не только пріѣхавшіе въ имперію нашу на поселеніе, но и оставшіе дѣти и потомки ихъ, хотябъ оные и въ Россіи рождены были, считая число лѣтъ со дня пріѣзда ихъ предковъ въ Россію. 8) По прошествіи вышеписанныхъ льготныхъ лѣтъ, повинны будутъ всѣ поселившіеся въ Россіи чужестранные, платить обыкновенныя безъ всякой тягости подати, и службы земскія нести, какъ и прочіе наши подданные. 9) Напослѣдокъ, будебъ которые изъ поселившихся и вступившихъ въ наше подданство иностранныхъ, пожелали выѣхать изъ имперіи нашей, таковымъ всегда свободу даемъ, съ такимъ однакожъ притомъ изъясненіемъ, что они повинны изо всего благонажитаго въ имперіи нашей имѣнія, отдать въ казну нашу, а именно: живущіе отъ одного года и до пяти лѣтъ — пятую часть, а отъ пяти и до десяти и далѣе—десятую, и потомъ отъѣхать, кто куда пожелаетъ, безпрепятственно. 10) Ежели же нѣкоторые изъ чужестранныхъ, желающихъ на поселеніе въ Россію, по какимъ особливымъ причинамъ, еще другихъ, сверхъ предписанныхъ кондицій и привилегій востребуютъ, то о томъ могутъ они въ учрежденную нашу канцелярію опекунства иностранныхъ, письменно или персонально адресоваться, отъ коей намъ обо всемъ съ подробностью донесено будетъ, и мы тогда, по обращенію обстоятельствъ, толь склоннѣе рѣшеніе учинимъ, какого они отъ нашего праводушія надѣяться могутъ. Данъ въ Петергофѣ 1763 г. іюля 22 дня, государствованія нашего во второе лѣто.

Этотъ манифестъ не замедлилъ оказать желаемое дѣйствіе, особенно въ Германіи, куда были отправлены правительствомъ особые коммисары для пріема переселенцевъ, составленія изъ нихъ партій, и доставленія ихъ въ Россію. Уже начиная съ 1764 вплоть до 1770 г., являлись изъ разныхъ мѣстъ Германіи партія за партіей, которыя водворялись преимущественно въ низовомъ Поволжьѣ, и частію въ губерніяхъ Слободско-украинской (нынѣ Воронежской), Черниговской, Лифляндской и С.-Петербургской.

Тѣмъ временемъ, а именно въ 1764 г. [1]), въ виду «той пользы, которая умноженіемъ выхода въ Россію иностранныхъ народовъ государству пріобрѣтена будетъ,» признано было необходимымъ дать ближайшее развитіе манифесту 22 іюля 1763 г., и постановить для прибывшихъ уже иностранцевъ «такія узаконенія, которыя, будучи вездѣ извѣстны, могли бы служить возбужденіемъ и въ другихъ лучшей охоты къ выходу въ Россію и къ поселенію въ оной»; тогда было постановлено: 1) обратить подъ поселеніе иностранцевъ всю мѣстность, начиная «отъ острова Чердынскаго до г. Царицына; отъ Царицына до крѣпостцы Донской и далѣе до Безъимянной рѣки, впадающей въ Донъ; потомъ до р. Медвѣдицы и далѣе до Хопра; а отъ Хопра вверхъ Дономъ до р. Битюга, и вверхъ оною рѣкою до самой ея вершины; а отъ вершины до Новохоперской, и оттуда вверхъ по Хопру до селъ Знаменскаго и Долгорукова; а потомъ подлѣ земель Пензенской провинціи до Саратовскаго уѣзда и чрезъ оный по малымъ рѣкамъ до Безъимянной рѣки, впадающей въ Волгу противъ острова Гордынскаго, а тою рѣкою внизъ до помянутаго острова»; 2) переселенцевъ водворять округами «прежде подлѣ обитаемыхъ мѣстъ, простирая потомъ къ центрамъ». Округи занимать «на подобіе циркуля» такимъ образомъ, чтобы, для примѣра, окружность округа составляла не менѣе 60-ти и не болѣе 70-ти верстъ и заключала въ себѣ достаточно удобныхъ угодій для надѣла до 1.000 семействъ, по тому уваженію, что «по округамъ можно будетъ впредь, по умноженіи поселянъ, способнѣе сдѣлать всякое потребное по обстоятельствамъ учрежденіе, а въ разсужденіе различныхъ вѣръ, населяя каждой религіи людей въ особый округъ, отвратить всякую вражду и ненависть», и что сверхъ того, «по округамъ способнѣе располагать всякаго званія селенія и сдѣлать въ угодьяхъ такое уравненіе, чтобы неоставалось въ оныхъ праздныхъ мѣстъ, и селенія одной округи имѣли другъ отъ друга взаимную нужду»; 3) въ случаѣ колонизаціи другихъ мѣстностей «занятіе округи производить на томъ же основаніи»; 4) дать земли «каждой семьѣ особо», независимо отъ числа состоящихъ въ ней душъ, по 30 дес., полагая 15 дес. пашенной, 5 дес. сѣнокосной, 5 дес. лѣсныхъ угодій и 5 дес. усадебной, огуменной, огородной и выгонной; 5) избранныя въ округахъ удобныя къ поселенію мѣста располагать такъ, «чтобы нѣкоторую часть какъ изъ пашенной земли, такъ и изъ прочихъ угодій, оставлять впустѣ для будущихъ дѣтей, дабы оныя, пришедши въ возврастъ и женясь, сами хозяевами быть могли»;

[1]) Полн. Собр. Св. Зак. т. XVI, № 12.095.

сверхъ того, «при всякомъ селеніи оставлять пустыхъ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ для рукомесленниковъ шестую часть противъ общаго числа всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, да такую же часть съ пашенною землею и прочими угодьями для размножающихся впредь жителей того же селенія; ярмаркамъ же и торгамъ быть только въ главныхъ селеніяхъ каждой округи»; 6) отдавать земельные участки семьямъ, съ условіемъ соблюдать слѣдующій законъ: а) наслѣдуютъ меньшіе сыновья «въ такомъ разсужденіи, что каждый отецъ, зная сіе узаконеніе, припужденъ будетъ стараться дѣтей своихъ, съ самаго ихъ малолѣтства, учить разнымъ рукодѣліямъ»; б) если меньшій сынъ владѣть участкомъ съ надлежащимъ успѣхомъ не можетъ, «за малолѣтствомъ или какою либо неспособностью, то оставить на волю отцовскую: кого онъ изъ большихъ своихъ сыновей или родственниковъ въ наслѣдники или опекуны изберетъ и письменно утвердитъ»; если же отецъ при жизни своей этого сдѣлать не успѣетъ, то «начальство той округи обязано выбрать изъ большихъ братьевъ или родственниковъ на время наслѣдникова малолѣтства опекуна; а когда наслѣдникъ ко владѣнію явится вовсе неспособенъ, то отдать тотъ участокъ изъ ближайшихъ родственниковъ *тѣмъ, которые собственныхъ участковъ не имѣютъ* [1]), при равенствѣ правъ нѣсколькихъ по жребію»; в) «если братья или родственники сами согласятся жить въ одномъ домѣ, то сего не воспрещать, только-бы одинъ изъ нихъ хозяиномъ слылъ, а не всѣ»; г) распоряженіе движимымъ имуществомъ оста-

---

[1]) Этому правилу дано обществами на практикѣ, въ силу ст. 159, 171 и 173 уст. о кол., весьма широкое значеніе. Общества безусловно придерживаются того, что *хозяйственный земельный участокъ* можетъ быть во владѣніи исключительно только одной *самостоятельной семьи;* если же владѣлецъ участка желаетъ пріобрѣсти еще одинъ или болѣе подобныхъ участковъ, то это дозволяется ему на-равнѣ съ другими, но лишь подъ *непремѣннымъ условіемъ*, чтобы онъ лично не владѣлъ *одновременно* нѣсколькими участками, а устроилъ на каждомъ совершенно самостоятельную семью или хозяйство, раздѣлившись *окончательно* со своими сыновьями и домочадцами на столько же семействъ, сколько онъ пріобрѣлъ хозяйственныхъ участковъ. Послѣдствіе сего то, что богатые колонисты хотя и владѣютъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, огромнымъ количествомъ земель на сторонѣ и вообще капиталами, но въ самой колоніи или вообще въ колоніяхъ, т. е. на земляхъ казеннаго надѣла, имѣютъ и могутъ имѣть въ единоличномъ владѣніи не болѣе *одного* хозяйственнаго участка или земледѣльческаго двора.—Но, да не подумаетъ читатель, что каждый хозяйственный участокъ состоитъ съ усадьбой въ одномъ обрубѣ. Владѣнія каждой семьи или двора *во всѣхъ колоніяхъ*, сохранившихъ по сіе время участковую систему, расположены такъ: усадьба съ садомъ, а иногда и съ огородомъ; общіе для всѣхъ хозяевъ колоніи выгонъ, лѣсъ, луговые покосы и т. д., пахатныя поля, коихъ полосы разбросаны въ 4, 5, 6 и мѣстами, напр., въ Петербургскихъ колоніяхъ, даже въ 30—40 мѣстахъ, смотря по удобствамъ почвы и т. п. условіямъ.

вить вовсе на волю родителей; «въ случаѣ же неоставленія колонистомъ завѣщанія», оставить четвертую долю матери и такую же долю всѣмъ дочерямъ на приданое, а остальное дѣлить по равнымъ частямъ между братьями, обязывая наслѣдника участка «содержать и кормить мать по смерть, а сестеръ до замужества»; д) если послѣ колониста останется одна вдова съ дочерьми, то «владѣть имъ тѣмъ участкомъ вообще до тѣхъ поръ, пока сама мать, или которая либо изъ дочерей, выдутъ за мужъ, и первый мужчина, вошедшій посредствомъ брака въ такой домъ, имѣетъ право владѣть онымъ участкомъ навсегда»; е) ни сами хозяева, ни наслѣдники ихъ, тѣхъ своихъ участковъ ни продать, ни заложить, ниже въ дробныя части раздѣлить не имѣютъ власти, а остаются оные нераздѣльно во владѣніи жителей той деревни»; и ж) на томъ же основаніи отводить земли подъ церкви, фабрики, заводы, виноградные сады и т. п., а также болота, рѣки, озера, глинистыя и песчаныя мѣста, известь и сему подобное. 7) «Заблаговременно сочинить нѣсколько различныхъ учрежденій по внутренней юрисдикціи, и на которыя изъ оныхъ выѣхавшіе уже, или впредь выѣзжающіе согласятся, или отъ нихъ предложенныя приняты быть могутъ, тѣ, утвердя письменно, учинить всегдашнимъ той колоніи и всѣхъ поселянъ одной округи закономъ, а объ исполненіи сего узаконенія, при вступленіи во владѣніе земли, обязывать каждаго поселянина подпискою [1]).

Изъ этого законодательнаго акта мы убѣждаемся, что въ тѣ времена само правительство не допускало возможности колонизировать ни Заволжья, гдѣ бродили кочевыя орды, ни Новороссіи, равнымъ образомъ не безопасной отъ набѣговъ ногайскихъ и крымскихъ татаръ. Тѣмъ не менѣе, одна половина переселенческихъ партій, хотя и не безнаказанно, какъ увидимъ впослѣдствіи, заняла лѣвое побережье Волги, въ нынѣшней Самарской губерніи, на протяженіи около 100 верстъ вверхъ, и столько же внизъ отъ слободы Покровской, противъ г. Саратова. Другая половина водворилась въ Саратовской губерніи. И хотя оставалась незанятою большая часть тѣхъ мѣстностей, которыя предназначалось заселить иностранцами, но правительство убѣдилось, что продолжать переселеніе на принятыхъ основаніяхъ и крайне разорительно, и не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Принятіе ком-

---

[1]) Всѣ эти законы остаются въ дѣйствіи по сіе время. Сравни уст. о колон. ч. 2, т. XII, Св. Зак. изд. 1857 г. ст. 113, 120—126, 149—161, 169—178 и др. Изъ нихъ одинъ только законъ наслѣдованія, какъ несогласный съ обычаями поселенцевъ, остался безъ полнаго примѣненія. Мы возвратимся къ этому обстоятельству въ отдѣльныхъ очеркахъ.

мисарами въ число переселенцевъ всѣхъ «желающихъ» на полное иждивеніе казны съ мѣста и со дня зачисленія въ партію — привлекло массу народа негоднаго, который положительно не соотвѣтствовалъ условіямъ успѣшной колонизаціи ни по физическому навыку, ни тѣмъ болѣе по нравственному складу. Такимъ образомъ, а также вслѣдствіе турецкихъ и польскихъ войнъ, съ 1770 г., вызовъ и пріемъ переселенцевъ изъ за-границы былъ временно пріостановленъ. Только 12-ть лѣтъ спустя, мы видимъ новыя колонизаціонныя попытки, вызванныя успѣхами нашего оружія противъ Турціи и Польши. Но съ этого времени колонизація направилась почти исключительно въ Новороссійскій край, Крымъ и Бессарабію. Въ 1782 г., князь Потемкинъ водворилъ въ Херсонской губерніи партію шведовъ съ острова Даго, положившую начало нынѣшнему шведскому колонистскому округу. Къ нимъ, вслѣдъ за тѣмъ, присоединилась небольшая партія плѣнныхъ шведовъ. Съ 1787 г., началось переселеніе въ Новороссію меннонитовъ изъ окрестностей Данцига, въ западной Пруссіи, продолжавшееся въ теченіе около 30 лѣтъ безостановочно, а также другихъ нѣмецкихъ колонистовъ, изъ за-границы и частью изъ С.-Петербургской губ. Въ 1784 и 1787 гг., были направлены въ Крымъ партіи выходцевъ изъ Корсики, Ливорно, Пизы, Генуи и разныхъ мѣстъ Германіи, всего въ числѣ 160 обоего пола душъ; но люди эти разбрелись, неизвѣстно куда.

Въ самомъ началѣ текущаго столѣтія, правительство снова обратилось къ вызову иностранныхъ переселенцевъ, преимущественно только въ Новороссійскій край. Но, чтобъ избѣжать прежнихъ ошибокъ, въ 1804 г., было постановлено: 1) допускать къ переселенію въ Россію и къ водворенію на казенныхъ земляхъ исключительно хорошихъ земледѣльцевъ и людей, пріобрѣвшихъ навыкъ къ воздѣлыванію винограда, въ разведеніи шелковичныхъ деревъ и другихъ полезныхъ растеній, а также свѣдущихъ въ скотоводствѣ, особенно въ содержаніи и разведеніи улучшенныхъ породъ овецъ; 2) равнымъ образомъ, допускать мастеровыхъ, полезныхъ собственно въ сельскомъ быту; 3) къ переселенію въ Россію никого неподговаривать и не склонять, а также не назначать для этого, какъ было прежде, особыхъ коммисаровъ; напротивъ, предоставить желающимъ изъ иностранцевъ являться въ наши миссіи и агентства за-границею съ надлежащими свидѣтельствами и вѣрными поруками въ томъ, что они добрые хозяева и могутъ, каждый изъ нихъ, вывезти съ собой въ наличномъ капиталѣ или товарѣ не менѣе 300 гульденовъ; 4) изъ желающихъ выдти въ Россію образовывать партіи отъ

20 до 30 семей, назначая изъ ихъ среды на время переѣзда старшину; 5) миссіямъ выдавать въ одинъ годъ паспортовъ не болѣе, какъ на 200 семействъ и, не дѣлая переселенцамъ никакихъ ссудъ, платить только за суда или подводы, на коихъ будетъ отправленъ транспортъ; вообще же принимать только людей семейныхъ; 6) всѣхъ прибывающихъ на этихъ основаніяхъ иностранцевъ направлять къ поселенію въ Новороссійскій край, располагая ихъ колоніи, по возможности, ближе къ портовымъ городамъ, по мѣрѣ же увеличенія числа колоній вдаваться во внутрь страны; 7) даровать льготу въ податяхъ и всѣхъ повинностяхъ только на 10 лѣтъ; по прошествіи же сего срока, облагать поселенцевъ поземельною податью, на дальнѣйшіе 10 лѣтъ, отъ 15 до 20 к. за десятину, а затѣмъ, уравнять съ тою, какую вообще въ томъ мѣстѣ платятъ другіе поселяне, на казенныхъ земляхъ водворенные; повинности же земскія обязать ихъ нести тотчасъ по истеченіи льготы, на равнѣ съ тѣми россійскими подданными, между коими они поселены, исключая повинности рекрутской и воинскихъ постоевъ, отъ которыхъ они свободны по манифесту 1763 г.; 8) уплату ссудныхъ отъ казны денегъ, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, располагать на послѣдующія 10 лѣтъ; и 9) для доставленія «вящшихъ удобствъ и покровительства иностранцамъ, на земляхъ казенныхъ поселеннымъ, препоручить ихъ собственному начальству, подъ наименованіемъ: «Конторы опекунства иностранныхъ».

Во всемъ прочемъ оставались въ своей силѣ манифестъ 1763 года и законоположенія 1764 года. Такимъ образомъ, въ Новороссійскій край являлись уже не бродяги, какъ въ Приволжье, а люди болѣе или менѣе испытанные и при томъ семейные и владѣющіе извѣстными средствами.

Для водворенія прибывшихъ и ожидавшихся изъ за-границы переселенцевъ, были переданы въ распоряженіе колоніальнаго начальства, сплошными участками, въ губерніяхъ: Екатеринославской — 52,000, Херсонской — 263,000 и Таврической — 214,000 дес. Впослѣдствіи и въ Бессарабіи были отведены особые участки подъ поселеніе колонистовъ. Эти пространства распредѣлялись, согласно указаніямъ закона 1764 г., на округи и т. д.

На этихъ основаніяхъ шла колонизація на югѣ болгаро-грековъ, меннонитовъ и другихъ нѣмецкихъ колонистовъ съ полнымъ успѣхомъ, хотя, конечно, и не безъ временныхъ въ началѣ затрудненій. Такъ, еще въ 1806 г., дюкъ Ришелье, военный губернаторъ херсонскій, писалъ министру внутреннихъ дѣлъ: «что сказать вамъ о нашихъ колонистахъ? меннониты удивительны; болгары безподобны; но нѣмцы несносны. Жатва по-

слѣднихъ была хуже посредственной; имъ нечѣмъ будетъ жить, по крайнѣй мѣрѣ тѣмъ, которые около Одессы.» Но «несносные» нѣмцы успѣли въ скоромъ времени поправить свое состояніе и даже далеко опередить «безподобныхъ» болгаръ.

Съ 1810 г., прекращены всякія со стороны миссій пособія на переселеніе, а съ 1819 г., и самый вызовъ иностранцевъ, съ воспрещеніемъ миссіямъ выдавать паспорты желавшимъ поселиться въ Россіи. Тѣмъ не менѣе колонизація свободныхъ казенныхъ и частныхъ земель безостановочно подвигалась впередъ, уже собственными силами колоній.

Переселеній иностранцевъ въ Россію въ новѣйшее время, а именно: съ 1855 г., меннонитовъ въ Самарскую губернію, а въ 1861 и послѣдующихъ годахъ, болгаро-славянъ изъ Турціи и Молдавіи — въ губ. Таврическую, — мы пока не касаемся. Поэтому намъ остается ознакомиться еще только съ условіями высшаго, главнаго мѣстнаго и внутренняго управленія колоніями.

Льготы, обязательства и преимущества колонистовъ, на точномъ основаніи манифестовъ, грамотъ и договоровъ, вошли впервые въ Св. Зак. изд. 1842 г., въ видѣ особаго устава о колоніяхъ (ч. 2, т. XII, Св. Зак. 1857 г.). По уставу, колонистамъ и ихъ потомству предоставляются права гражданства не только въ ихъ колоніяхъ, но и во всей имперіи; они пользуются полною свободою и властію распоряжаться собственнымъ своимъ имѣніемъ внутри государства, «по ихъ произволу»; безпрепятственно торговать; вступать въ гильдіи и цѣхи; заводить въ селеніяхъ «по собственному благоразсужденію» торги и ярмарки (ст. 124, 125, 373 и 376). Для распространенія и улучшенія своего хозяйства, колонистамъ дозволяется покупать и вообще пріобрѣтать въ полную собственность частныя земли, при чемъ они пользуются всѣми правами, присвоенными прочимъ сельскимъ обывателямъ въ отношеніи частной ихъ собственности (ст. 166 и 167). Собственное свое имущество каждый колонистъ можетъ завѣщать «по своему произволу безъ всякаго ограниченія» (ст. 176). Колонисты заключаютъ письменныя обязательства «контракты, договоры» и выдаютъ «векселя, вѣрющія письма, счеты и прочіе акты», но неиначе, какъ съ согласія своего начальства (ст. 180 — 186). Общество не вправѣ удерживать колониста, желающаго уволиться въ другое званіе; получившій увольненіе, по вступленіи въ другое званіе, пользуется «на равнѣ съ прочими, всѣми правами и преимуществами тому званію предоставленными». Кромѣ того, «уволенные въ другое званіе могутъ вмѣстѣ оставаться и въ званіи колонистовъ, съ исправленіемъ повинностей по обоимъ состоя-

ніямъ», и на этомъ основаніи т. е. съ исправленіемъ повинностей по обоимъ состояніямъ, разрѣшается колонистамъ записка въ другія состоянія «и цѣлыми селеніями, и во всякомъ членѣ, неограниченно» (ст. 136, 137, 139 и 140). Права гражданскаго состоянія колонистовъ прекращаются: 1) окончательнымъ переходомъ въ другія званія; 2) отъѣздомъ за-границу; и 3) преступленіемъ, влекущимъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія (ст. 131).

Мы уже замѣтили выше, что, на основаніи манифеста 1763 г., для высшаго управленія дѣломъ переселенія и водворенія иностранцевъ и устроенными ими колоніями, въ томъ же году была учреждена въ Петербургѣ: «Канцелярія опекунства иностранныхъ». Канцеляріи этой были присвоены «власть и преимущества равныя противъ государственныхъ коллегій», т. е. права особаго министерства, сносившагося непосредственно съ высочайшею властью. Канцелярія обязывалась «удовлетворять всѣмъ справедливымъ требованіямъ» приходившихъ въ наши предѣлы иностранцевъ и «пещись, дабы они, при самомъ началѣ ихъ прихода въ Россію, не были подвергаемы никакому изнуренію, и дабы, на первый случай, отведены имъ были покои для жительства до тѣхъ поръ, пока каждый, по желанію своему, опредѣленъ будетъ». Канцелярія должна была «особливо уговаривать иностранцевъ, но безъ принужденія, къ поселенію на праздныхъ мѣстахъ.» Для доставленія иностранцамъ квартиръ, а также на вспоможеніе имъ при поселеніи на покупку сѣмяннаго хлѣба, скота, лошадей, земледѣльческихъ орудій и проч., въ распоряженіе канцеляріи отпускалось изъ «камеръ-коллегіи» ежегодно по 200,000 р. «пока впослѣдствіи не понадобится больше.» Она обязывалась: а) давать надлежащія наставленія пограничнымъ губернаторамъ и начальникамъ, «дабы они чинили являющимся къ намъ иностранцамъ вспоможеніе на томъ же основаніи, какъ и въ Петербургѣ»; б) имѣть «вѣрную записку» о томъ, сколько каждымъ иностранцемъ и на какую сумму привезено будетъ собственнаго имѣнія и товаровъ, «дабы въ таможняхъ имъ не было отягощенія и можно было знать, сколько кѣмъ пріобрѣтено будетъ въ Россіи имѣнія, а въ случаѣ выѣзда кого либо обратно за-границу, — взять съ него въ казну опредѣленную часть съ сего благопріобрѣтеннаго имѣнія»; и в) имѣть вѣрные планы съ подробнымъ описаніемъ «всѣхъ порожнихъ земель», удобныхъ къ населенію.

Подъ руководствомъ канцеляріи опекунства производилось первоначальное водвореніе иностранцевъ въ извѣстныхъ читателю мѣстностяхъ, чрезъ особыхъ коммисаровъ, на которыхъ

лежали, слѣдовательно, обязанности главнаго мѣстнаго управленія. О томъ, были ли эти коммисары снабжены инструкціями относительно устройства внутренняго управленія въ колоніяхъ, а также были ли «заблаговременно сочинены нѣсколько различныхъ учрежденій по внутренней юрисдикціи», какъ это указано въ 1764 г., и было ли введено гдѣ либо въ дѣйствіе подобное учрежденіе, — обо всемъ этомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ. По ходу дѣла вѣроятнѣе предположить, что чисто внутреннія дѣла колоніи были предоставляемы ближайшему усмотрѣнію самихъ поселенцевъ и завѣдывавшихъ ими коммиссаровъ.

Въ 1782 г.[1]), по образованіи губерній, канцелярія опекунства была упразднена и колонисты отошли, вмѣстѣ съ казенными крестьянами, въ завѣдываніе бывшихъ «директоровъ Домоводства». Подъ этимъ управленіемъ они оставались до 1797 г., когда учреждена была [2]), при правительствующемъ сенатѣ, особая «Экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства». Съ учрежденіемъ министерствъ [3]), эта экспедиція вошла въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ и оставалась при немъ до учрежденія, въ 1838 году, министерства государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе коего, вмѣстѣ съ государственными крестьянами, отошли и поселенные на казенныхъ земляхъ колонисты.

Мѣстное чрезъ коммиссаровъ завѣдываніе колоніями обнаружило свои неудобства, особенно въ приволжскомъ водвореніи. Поэтому, уже въ 1766 г., было открыто [4]) въ Саратовѣ, въ видѣ отдѣленія канцеляріи опекунства, особое мѣстное для колонистовъ управленіе, подъ наименованіемъ: «Контора канцеляріи опекунства иностранныхъ», но лишь «на то время, пока сіе иностранное населеніе, вошедъ во всѣ россійскіе обычаи, можетъ уже препоручено быть подъ общее обыкновенно учрежденныхъ мѣстъ россійское правленіе». Предѣлъ власти конторы опредѣлялся «съ равнымъ преимуществомъ противъ прочихъ коллежскихъ конторъ; а случающіяся между россійскими и чужестранными ссоры и происходящія отъ нихъ жалобы разсматривать ей обще съ тамошнею воеводскою канцеляріею». Конторѣ подчинялись мѣстные коммиссары. Но и въ этомъ случаѣ законодательство не касалось вовсе внутренняго общественнаго управленія

---

[1]) Указъ 30 апрѣля 1782 г., п. 3 и 5.

[2]) Указъ 4 марта 1797 г.

[3]) Манифестъ 8 сентября 1802 г., ст. IV и выс. утв. 17 октября того же года докладъ министерства внутр. дѣлъ.

[4]) Выс. утв. 28 (30) апрѣля 1766 г. докладъ прав. сената.

поселенцевъ. Въ такомъ положеніи, съ упраздненіемъ канцеляріи опекунства, а съ нею и конторы, въ Саратовѣ, и мѣстныхъ коммиссаровъ, колонисты перешли съ 1782 г. въ вѣдѣніе общаго съ казенными крестьянами управленія т. е., казенныхъ палатъ, земскихъ исправниковъ или коммиссаровъ, земскихъ и уѣздныхъ судовъ.

Но уже въ 1797 г., въ виду крайняго упадка колоній и всеобщихъ жалобъ поселенцевъ на злоупотребленія и всякаго рода стѣсненія, подтвердившіяся вполнѣ произведенными чрезвычайными ревизіями, правительство признало необходимымъ возвратиться къ прежнему порядку управленія колонистами и приступить къ устройству «внутренней ихъ юрисдикціи», съ изъятіемъ ихъ изъ вѣдѣнія общихъ полицейскихъ, судебныхъ и правительственныхъ учрежденій. Съ этого времени, управленію колоніями дано прочное и соотвѣтственное условіямъ каждой отдѣльной мѣстности устройство, какъ по первоначальному виду его, такъ и въ дальнѣйшемъ его развитіи. Особенность различныхъ комбинацій этого устройства касается, главнымъ образомъ, только высшаго мѣстнаго управленія и отношеній, въ какія послѣднее становилось въ разныхъ мѣстностяхъ, съ одной стороны, къ управленію выборному или общественному самихъ поселенцевъ, а съ другой — къ прочимъ высшимъ и мѣстнымъ общимъ властямъ и учрежденіямъ. Мы коснемся этихъ условій въ частныхъ очеркахъ.

Начиная съ 1797 г., были установляемы постепенно отдѣльныя главныя мѣстныя управленія: а) для колоній приволжскихъ; б) для колоній сѣверныхъ, т. е. С.-Петербургской губерніи, и в) для колоній южнаго края Россіи, т. е. губерній Херсонской, Екатеринославской и Таврической, а также Бессарабской области. Главное же мѣстное управленіе остальными колоніями въ губерніяхъ Воронежской, Черниговской и др., до 1838 г., оставалось на обязанности мѣстныхъ губернаторовъ, а за тѣмъ перешло въ палаты государственныхъ имуществъ. — Вотъ то, что мы сочли необходимымъ предпослать частному изслѣдованію трехъ группъ иностранной колонизаціи, совершенной исключительно сектаторами, а именно: въ Радичевѣ, Сарептѣ и Новороссійскомъ краѣ, гдѣ утвердились меннониты.

I.

КОЛОНІЯ РАДИЧЕВЪ.

Поселенцы, основавшіе эту колонію въ Кролевецкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, оффиціально всегда были причисляемы къ числу меннонитовъ; въ дѣйствительности же, происхожденіе, догматы вѣры и правила общиннаго устройства этихъ людей имѣютъ слишкомъ мало общаго съ происхожденіемъ и религіозно-соціальными воззрѣніями меннонитскаго братства, вѣтви котораго, какъ извѣстно, перешли къ намъ въ Новороссію изъ Западной Пруссіи, а съ 1855 г. продолжаютъ водворяться и въ Самарской губерніи.

Радичевское поселеніе возбуждало особенный интересъ современниковъ по исключительнымъ условіямъ своего внутренняго устройства, и о судьбахъ его мы имѣемъ подробныя оффиціальныя свѣдѣнія. По преимуществу, этими источниками мы и воспользовались для настоящаго очерка. Такъ, въ маѣ 1806 г., ревизовавшій южныя наши колоніи, статскій совѣтникъ Контеніусъ, доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ: «Въ первый разъ увидѣлъ я семейство, изъ двухъ-сотъ душъ состоящее, которое живетъ въ согласіи, подъ церковнымъ управленіемъ и въ одномъ дворѣ, въ которомъ рѣдко показываются люди, спокойствіе нарушающіе, и въ коемъ трудолюбіе, преданность провидѣнію, спокойствіе духа и терпѣливость отличаютъ большую часть между ихъ собратами. Ихъ догматы происходятъ (по устнымъ преданіямъ) отъ древнихъ вальдензеровъ [1]), а поучительныя книги и молитвенники у нихъ большею частью рукописные. Они даютъ своимъ пропитаніе и одежду, и смотрятъ за больными подобно тому, какъ сіе заведено у братьевъ евангелическаго общества. Одежда ихъ весьма проста и единообразна».

---

[1]) Вальдензерами назывались послѣдователи перваго раскола, появившагося среди римской церкви около 1170 г. Основателемъ секты называютъ Петра Вальда, богатаго гражданина г. Ліона, отъ коего сектаторы и получили свое наименованіе. Сущность ученія Вальда заключалась въ стремленіи, въ виду тогдашняго упадка церкви, возстановить ея первоначальную простоту и апостольскую чистоту въ экзотерическихъ общинахъ и коммюнахъ. Папа Люцій III, буллою 1184 г., осудилъ ученіе вальдензеровъ, которые именовались также ліонистами, бѣднякамы изъ Ліона, саботами, по поводу носимыхъ ими деревянныхъ башмаковъ или сандалій, и гумиліатами, по ихъ смиренному, тихому нраву. Вообще же исторія этого раскола и до сего времени не разъяснена вполнѣ. Извѣстно только, что вальдензеры укрывались отъ ожесточенныхъ преслѣдованій римскаго духовенства въ самыхъ суровыхъ и недоступныхъ вершинахъ Альпъ сѣверной Италіи, Швейцаріи, Тироля, Дофине и Прованса.

Домашняя хроника собственно радичевскихъ поселенцевъ восходитъ до 1530 г. Она повѣствуетъ, что тиролецъ Яковъ Гуттеръ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ, но менѣе извѣстныхъ дѣятелей реформаціоннаго движенія въ Тиролѣ, Зальцбургѣ, Баваріи и Швабіи, нашолся вынужденнымъ бѣжать съ своими приверженцами въ Моравію. Тамъ, около 1533 г., онъ основалъ общество, которое признавало одну общинную собственность, допускало къ воспріятію св. крещенія только однихъ взрослыхъ, и отвергало, какъ грѣхъ, собственность личную, присягу и воинскую службу. Но уже въ 1535 г., было и здѣсь возбуждено противъ новой общины преслѣдованіе, кончившееся тѣмъ, что самъ Гуттеръ погибъ на кострѣ въ Инспрукѣ. Часть его послѣдователей, преимущественно уроженцы Тироля, собрались въ Трансильваніи, вблизи города Германштадта, гдѣ жили нѣкоторое время спокойно. Но римское духовенство вновь обратило на нихъ вниманіе и вызванныя имъ правительственныя стѣсненія сдѣлались до того нестерпимыми, что братство, бросивъ все имущество свое около Германштадта, бѣжало въ 1757 г. въ Молдавію. Послѣ долгихъ странствованій изъ мѣста въ мѣсто, послѣ всякаго рода лишеній и бѣдствій, братья получили наконецъ право проживать въ княжествѣ вездѣ, гдѣ окажется свободная земля, съ обязательствомъ уплачивать за общину *по 40* талеровъ ежегодной подати. Однако, этимъ бѣглецамъ не суждено было успокоиться и на новомъ мѣстѣ водворенія. Только что они устроились и начали улучшать свой бытъ, возгорѣлась война между Россіею и Турціею. Молдавія, наводняемая то русскими, то турецкими войсками, доведена была до изнеможенія военными постоями, контрибуціями и другими неизбѣжными послѣдствіями войны. Общее бѣдствіе не пощадило, конечно, и селенія гуттерцевъ. Въ началѣ января 1770 г., они бросили свой общинный дворъ и поголовно удалились въ лѣса. Тамъ, подъ открытымъ небомъ, съ женами, дѣтьми и больными, скрывались они до половины апрѣля, терпя самый крайній недостатокъ даже въ одеждѣ и продовольствіи. Въ этомъ безъисходномъ положеніи, общество, кинувъ жребій, и *слѣдуя его указанію*, рѣшилось переселиться въ Россію. 10-го апрѣля, гуттерцы пустились въ путь. Случайно встрѣтилъ ихъ на дорогѣ одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала графа Петра Румянцова-Задунайскаго и, освѣдомившись о цѣли ихъ путешествія, вручилъ имъ письмо къ графу. Странники наши выхлопотали себѣ, въ лицѣ депутатовъ, аудіенцію у графа, были имъ приняты очень милостиво и приглашены къ поселенію въ помѣстьѣ его Вишенкахъ, Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи. Они не упустили, конечно, случая тотчасъ воспользо-

ваться этимъ милостивымъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что братство, при мистицизмѣ своемъ, видѣло въ такомъ счастливомъ совпаденіи случайныхъ обстоятельствъ — перстъ божій, руководившій и жребіемъ, подвигнувшимъ братьевъ къ переселенію въ Россію. Съ графомъ Румянцевымъ былъ заключенъ контрактъ, первый пунктъ котораго обезпечивалъ за братствомъ полную свободу въ дѣлахъ вѣры, по принципу общинной собственности. Изъ лагеря нашей арміи переселенцамъ былъ отпущенъ, ссудою, провіантъ, и они, въ сопровожденіи конвойнаго офицера, отправились къ мѣсту своего поселенія. Въ Вишенкахъ, по распоряженію фельдмаршала, обществу дали необходимый лѣсъ для первоначальныхъ построекъ, и вообще, какъ выражается радичевская хроника, графъ заботился о братьяхъ, какъ отецъ.

Послѣдователямъ Гуттера повелѣвается жить безусловно «одной семьей, подобно христіанамъ первыхъ вѣковъ церкви». По клятвенному обѣту, они обязаны торжественно отрекаться «отъ всякой личной собственности и вполнѣ предаваться своей общинѣ». Община въ свою очередь обезпечиваетъ своихъ членовъ полнымъ содержаніемъ. Всѣ заработки братьевъ и всякое пріобрѣтеніе ихъ, какого бы рода оно ни было, должны непремѣнно быть обращаемы въ достояніе общины. Но исполненіе этого оставляется безусловно на совѣсть каждаго члена, въ томъ предположеніи, что «при строгой нравственности братьевъ — нарушенія не мыслимы». Изъ среды общества избирается пожизненно старшина, который управляетъ всѣми дѣлами церковными и хозяйственными. Приговоры и рѣшенія старшины священны; онъ распоряжается всѣми священнодѣйствіями; по его же назначенію совершаются брачные союзы, хотя бы даже помимо воли брачущихся [1]). Въ помощь старшинѣ избираются, смотря по надобности, особые помощники — одни по церковнымъ дѣламъ, другіе (хозяева) для непосредственнаго завѣдыванія хозяйственною частью. Св. крещеніе совершается, какъ у меннонитовъ, только по достиженіи 15-лѣтняго возраста и по предварительномъ предъ цѣлымъ обществомъ испытаніи въ правилахъ вѣры. Всякій пріемлющій крещеніе впервые произноситъ торжественный обѣтъ строго и неуклонно слѣдовать правиламъ братства. Обѣтъ этотъ возобновляется впослѣдствіи всякій разъ при совершеніи таинства св. причащенія. Кромѣ увѣщаній и внушеній словесныхъ, — никакихъ иныхъ взысканій или наказаній въ общинѣ не допускается.

---

[1]) Впослѣдствіи братство устранило всякое принужденіе въ отношеніи брака, предоставивъ полную свободу личному выбору брачущихся.

Въ духѣ этихъ основныхъ положеній, гуттерцы устроили себѣ въ Вишенкахъ общее жилое помѣщеніе, подъ одной крышею и съ особыми отдѣленіями для общинниковъ по поламъ и возрастамъ, для молитвы, ремесленныхъ и другихъ хозяйственныхъ работъ, для отдохновенія, трапезы и т. д. Равнымъ образомъ, всѣ полевыя работы производились сообща, общиною. — Въ 1784 г., въ составъ общества были приняты еще 16 семействъ послѣдователей Гуттера, пришедшихъ изъ Венгріи и Богеміи. Здѣсь община жила спокойно до исхода прошлаго столѣтія, когда, какъ повѣствуетъ радичевская хроника, сынъ и наслѣдникъ умершаго фельдмаршала, графъ Сергій Петровичъ, вздумалъ обратить братьевъ въ крѣпостное состояніе и, въ этихъ видахъ, сталъ дѣлать имъ разныя стѣсненія и притязанія. Основываясь на своемъ контрактѣ, предоставлявшемъ имъ полную свободу во всякое время оставить владѣнія графа, съ уплатою лишь $^1/_{10}$ части всего благопріобрѣтеннаго имущества, вишенскіе поселенцы вознамѣрились было путемъ судебнымъ искать защиты своихъ правъ и свободы; но контрактъ оказался затеряннымъ. Въ этой крайности — общество отправило отъ себя двухъ депутатовъ въ С.-Петербургъ. По ходатайству ихъ, воспослѣдовалъ 22 мая 1801 г. именной указъ, разрѣшавшій братству переселиться на свободный казенный участокъ, въ 12 верстахъ отъ Вишенокъ. Тѣмъ же указомъ дарованы обществу всѣ права и привилегіи, присвоенныя грамотою 6-го сентября 1800 г. поселеннымъ въ Новороссійскомъ краѣ меннонитамъ, а именно: 1) свобода вѣроисповѣданія по догматамъ братства; 2) земельный надѣлъ, въ размѣрѣ 65 дес. на каждое семейство и съ обязательствомъ уплачивать подати: поземельную по $4^1/_2$ к. съ удобной дес. надѣла и, впослѣдствіи, подушную по 14 к. съ души; 3) вѣчная свобода отъ рекрутства и военнаго постоя, за исключеніемъ «ночлега или расттага», во время прохода войскъ; 4) «по праву владѣнія» курить вино и варить пиво, уксусъ и т. д., и продавать эти напитки и издѣлія въ предѣлахъ отведенныхъ обществу земель; и 5) право собственной внутренней полиціи и «юрисдикціи» по проступкамъ и искамъ между собою.

Община въ отношеніи главнаго мѣстнаго управленія — подчинялась вѣдѣнію новороссійской конторы опекунства иностранныхъ въ Екатеринославѣ, и приняла наименованіе радичевской колоніи. Въ ней числилось въ то время 44 семейства, въ составѣ 99 муж. и 103 жен. пола душъ. Имъ приходилось надѣлить 2,860 дес. Но въ дѣйствительности было отведено не болѣе 753 дес., такъ какъ братство само признавало этотъ надѣлъ для себя достаточнымъ по его плодородію и привольному

положенію въ 25 верстахъ отъ уѣзднаго города, по обѣ стороны р. Десны. На правомъ берегу, при помощи полученныхъ ссудою отъ правительства 4,000 р. асс., общество возвело свой общинный дворъ. На этой же сторонѣ рѣки находились 463 дес., по преимуществу, пахатныхъ полей, немного лѣсу и луговыхъ сѣнныхъ покосовъ. Остальное пространство надѣла — 312 дес., большею частію лѣсъ и луга, лежало по лѣвому берегу Десны.

Здѣсь-то статскій совѣтникъ Контеніусъ «въ первый разъ увидѣлъ семью изъ 200 душъ», помѣщавшуюся «въ одномъ дворѣ подъ церковнымъ управленіемъ». По свидѣтельству его, братство, сверхъ хлѣбопашества, занималось дѣланіемъ горшковъ; сбывало большое количество муравленой посуды и производило мастерства: кожевенное, слесарное, столярное, токарное, кузнечное, шляпное и ткаческое. Тонкія полотна, выдѣлывавшіяся братствомъ, продавались по 1 р. 10 к. за аршинъ, и «ни въ чемъ не уступали голландскимъ». Въ то время общество было занято увеличеніемъ своихъ фруктовыхъ садовъ и, насадивъ уже «до 1000 двухъ и трехъ годовалыхъ шелковицъ», имѣло въ виду завести «регулярную шелковичную плантацію» до пяти тысячъ деревъ.

И такъ, горсть несчастныхъ послѣдователей Гуттера, вмѣсто огня и меча, преслѣдовавшаго ихъ въ цивилизованномъ Западѣ, нашла въ Россіи не только всѣ матеріальные способы къ спокойной жизни по догматамъ церковно-соціальнаго своего ученія, но еще и особенныя льготы, обезпечивавшія братству вполнѣ самостоятельное гражданское положеніе по внутреннему устройству общины. Сами члены братства, путемъ вѣковыхъ страданій и мученическихъ испытаній за свои убѣжденія, не могли, конечно, не отличаться и, по общему свидѣтельству, дѣйствительно отличались «всѣми христіанскими добродѣтелями» и безукоризненною во всѣхъ отношеніяхъ нравственностью.

Еще въ 1841 г., черниговскій губернаторъ [1]) свидѣтельствовалъ, что радичевскіе «меннониты, когда жили въ братствѣ, одной семьей, вели свои дѣла благоразумно, честно и были въ полномъ довольствіи», и что многіе купцы, съ которыми онъ, губернаторъ, говорилъ лично, имѣли съ ними тогда дѣла и «еще теперь не могутъ нахвалиться ихъ вѣрностью въ словѣ и точностью въ исполненіи обѣщаннаго.» Слѣдовательно, и нравственный закалъ братства и матеріальная обстановка одинаково соотвѣтствовали всѣмъ условіямъ преуспѣянія. Но на дѣлѣ вышло иначе. Во времена нищеты и гоненій имущественная общность

[1]) Дѣло П. Д. Г. И., IV отд., ст. 1 № 524, 1836 г. стр. 36.

выражалась у гуттерцевъ исключительно только въ равномѣрномъ для всѣхъ общинниковъ несеніи всякого рода лишеній, и въ томъ, что никто изъ нихъ не могъ уклоняться отъ участія въ общихъ всѣмъ трудахъ и заботахъ о насущномъ хлѣбѣ. Люди, взросшіе въ такой школѣ, не могли не внести тотъ же общинно-братскій духъ и въ условія новой общежительной коммюны. Выше мы видѣли, что оно дѣйствительно такъ и было, и что дружныя усилія братства сильно подвинули хозяйственное преуспѣяніе общины, даже въ первые годы по водвореніи. Но, чтобы еще ближе ознакомиться съ внутреннимъ строемъ радичевской колоніи, позволимъ себѣ привести выписку наиболѣе интересныхъ мѣстъ изъ донесенія министру внутреннихъ дѣлъ коллежскаго совѣтника Бунина, обозрѣвавшаго эту колонію 28 и 29 января 1818 года, по случаю командированія его въ черниговскую и другія губерніи для переговоровъ съ мѣстнымъ дворянствомъ о поселеніи на земляхъ послѣдняго иностранныхъ колонистовъ.

«Братство—сообщаетъ Бунинъ—помѣщается на одномъ дворѣ, обнесенномъ плетневымъ заборомъ и имѣющимъ одни ворота. Оно считаетъ себя однимъ семействомъ. Строеніе, въ которомъ живетъ братство и производитъ разныя ремесла, состоитъ изъ шести каменныхъ и двухъ деревянныхъ корпусовъ малой высоты, въ одинъ этажъ. Сверхъ того, есть во дворѣ еще нѣсколько небольшихъ домиковъ. Крыши надъ корпусами очень высокія, такъ что по длинѣ чердаковъ устроены корридоры, а по обѣимъ сторонамъ корридоровъ небольшія кельи или комнаты; въ каждую изъ нихъ особый входъ изъ корридора и тамъ помѣщаются женатые меннониты, каждая пара особо. Комнаты сіи безъ печей и сдѣланы только для спанья или временнаго пребыванія женатыхъ. Въ таковыхъ же, но устроенныхъ по обширнѣе, комнатахъ помѣщаются, для ночлега и отдохновенія, холостые мужчины отъ 15-ти-лѣтняго возраста, т. е. когда кончатъ ученіе и получатъ крещеніе. Ихъ помѣщается отъ 12 до 16 человѣкъ въ каждой комнатѣ, и на каждыхъ двухъ назначается по одной кровати. Точно также и дѣвицы старшаго возраста живутъ въ особомъ отдѣленіи. Сверхъ этихъ комнатъ, остается на чердакахъ еще довольно мѣста для просушиванія бѣлья—и т. п. Извѣстно уже правительству, что меннониты эти имѣютъ вѣроисповѣданіе особенное, которое называютъ апостольскимъ. Для моленія назначена у нихъ особенная комната, безъ всякихъ иконъ и крестоизображеній. Туда они собираются на молитву по всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а также ежедневно, по вечерамъ, предъ ужиномъ. Богослуженіе отправляетъ старшина

Вальднеръ и его два помощника; во время служенія поютъ приличные стихи, и пѣнію обучается преимущественно женскій полъ. Образъ жизни братьевъ, повидимому, скромный въ обращеніи; они благонравны, ласковы, услужливы, гостепріимны и готовы на всякую помощь. Коль скоро въ семьѣ случится новорожденный, то родильница переводится въ особую общую теплую комнату, гдѣ рожаетъ и совокупно съ другими выкармливаетъ младенца до $1^1/_2$ лѣтъ. Во все это время она уклонена отъ брачнаго ложа. Для воспріятія дѣтей у общества есть искусныя, хотя и неученыя бабки. По воспитаніи младенца, родильница соединяется съ мужемъ, а дитя переводится въ особую комнату, гдѣ съ прочими дѣтьми воспитывается до 4-хъ-лѣтняго возраста, подъ присмотромъ нянекъ, избираемыхъ изъ пожилыхъ вдовъ общества. Въ сей комнатѣ устроены кровати и колыбели; тамъ-же и кормятъ дѣтей, для чего устроена особая дѣтская кухня. Четырехъ-лѣтняго возраста дѣти обоего пола переводятся въ другую комнату, подъ присмотръ таковыхъ-же надзирательницъ. Затѣмъ, семи-лѣтнія дѣти раздѣляются — мальчики отъ дѣвочекъ особо, и отдаются послѣднія подъ руководство воспитательницъ, а мальчики подъ надзоръ учителя. Съ этого времени оба возраста начинаютъ учиться грамотѣ и закону, а когда обучатъ ихъ, и они придутъ въ порядочный возрастъ, то ихъ окрестятъ и переводятъ на чердаки. Матерямъ и отцамъ не воспрещается въ свободное время приходить къ дѣтямъ или брать ихъ въ свои комнаты. Всѣ вообще одѣты бѣдно. Всѣмъ дѣтямъ прислуживаютъ старушки, а въ спальняхъ постели приготовляютъ взрослыя дѣвицы тогда, когда мальчики на работѣ или въ ученіи. Для сего учреждено между дѣвицами дежурство. Къ обѣду и ужину собираются какъ женатые, такъ и холостые, а также малолѣтніе, кои окрещены, въ одну комнату, въ которой каждый полъ садится за столъ особо. Предъ трапезою бываетъ моленіе. Обѣденное время—въ $11^1/_2$ часовъ; послѣ обѣда одинъ часъ отдохновенія, а ужинаютъ — когда смеркнется. Зимой ложатся спать въ 9 часовъ вечера, а на работу выходятъ въ 5 ч. утра; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ наряжаются особые дежурные, по-очереди, для возвѣщенія времени ко сну или къ работѣ. Лѣтомъ, по случаю усиленныхъ работъ, встаютъ раньше и ложатся позже. Посѣтители сего общества не могутъ быть чьи либо лично, но вообще къ братству, именемъ коего угощаетъ пріѣхавшаго старшина».

Такимъ образомъ, продолжаетъ Бунинъ, братство жило спокойно съ самаго водворенія своего до 1817 г., «благоденствуя въ житіи, прославляя Бога и государя, и заслуживъ удив-

леніе сосѣдей.» Хлѣбопашественное и луговое хозяйство было въ цвѣтущемъ положеніи. Но велось оно братствомъ, по преимуществу, чрезъ наемныхъ рабочихъ изъ сосѣднихъ малороссіянъ, получавшихъ отъ 100 до 200 р. годичнаго содержанія. Скотоводство содержалось «обильно, въ порядкѣ и хорошей венгерской породы.» Поддерживали братья и пчеловодство; но главнѣйшими, личными ихъ занятіями были промыслы и ремесла, а затѣмъ, садоводство и шелководство. Они имѣли двѣ винокурни,—одну на правомъ, другую на лѣвомъ берегу р. Десны, съ необходимыми при нихъ жилыми и хозяйственными постройками. Заводы эти выкуривали въ годъ до 5 тыс. ведеръ вина. На рѣчкѣ Эсмани, въ 15-ти верстахъ отъ усадьбы, братство имѣло мукомольную мельницу о трехъ поставахъ. Въ самой общинѣ выдѣлывались поярковыя простыя и частью пуховыя шляпы, и производились мастерства: столярное, токарное, швальное, ткаческое, гончарное, кузнечное и слесарное, издѣлія коихъ расходились въ не маломъ количествѣ въ продажу. Кромѣ того, имѣлись: одно заведеніе, приготовлявшее зимнія и лѣтнія повозки, бороны, плуги, вѣялки, самопрялки и т. п. и кожевенный заводъ, выдѣлывавшій подошвенныя и юфтяныя кожи.

Все это доказываетъ, что братство не сидѣло сложа руки, что оно жило, хотя и просто, безъ всякой роскоши, но въ довольствѣ. Къ несчастію, не доставало одного — первоначальнаго внутренняго согласія. Мы замѣтили уже, что отреченіе отъ всякой личной собственности въ пользу общины — было для гуттерцевъ принципомъ, легко осуществимымъ во время скитальческой, нищенской жизни, когда, среди гоненій, личность каждаго общинника всецѣло была поглощена повседневною заботою о пропитаніи и спасеніи жизни. Но, какъ скоро дѣло дошло до дѣйствительнаго владѣнія вещественнымъ имуществомъ, и когда община была ограждена отъ всякихъ случайныхъ или систематическихъ насилій со стороны, тогда скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, среди общинниковъ стало зарождаться постепенно и, по нашему мнѣнію, не могло не зародиться сознаніе, что личной собственности и вообще земнымъ, преходящимъ благамъ, братья придавали такъ мало значенія, вовсе не во имя вѣчныхъ, небесныхъ благъ, какъ они прежде убѣждали себя, и что общинная собственность, въ смыслѣ догмата ихъ вѣрованія, есть только подражаніе внѣшней формѣ первыхъ христіанскихъ общинъ, безъ внутренней духовной силы, обусловливавшей жизненность и крѣпость этихъ общеній. Радичевская община, поглотивъ всецѣло и безусловно личность общинниковъ и въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, лишало ихъ главнаго побужденія къ труду и сбереженію

лично для себя и для своего семейства, убивая личную предпріимчивость и энергію. При обезпеченности насущныхъ потребностей, находились въ средѣ общины люди, которые стали уклоняться, по возможности, отъ общихъ работъ, но въ тоже время заявляли притязаніе на болѣе удобную жизнь и предавались наслажденіямъ, въ сущности, быть можетъ, вовсе не предосудительнымъ, но несоотвѣтствовавшимъ ни простотѣ и воздержности, ни вообще духу общинныхъ правилъ. Не малое время подобныя стремленія сдерживались, конечно, унаслѣдованнымъ навыкомъ большинства и строгостью общественнаго, такъ сказать, мнѣнія и суда, выражаясь въ началѣ только въ видѣ рѣдкихъ исключеній, маскируемыхъ разными благовидными способами. Но сѣмя было брошено, соблазнъ на-лицо, и искренные, добросовѣстные общинники не могли не возмущаться имъ, а болѣе развитые и энергичные изъ нихъ видѣли въ такихъ явленіяхъ знаменія зловѣщія для будущаго преуспѣянія общества. Къ тому же распущенность общинниковъ видимо росла. По мѣрѣ улучшенія общаго матеріальнаго благосостоянія, въ средѣ общины развивалась болѣе и болѣе наклонность къ тунеядству, къ наслажденію на счетъ общиннаго достоянія, которая парализировала дѣятельность всѣхъ и каждаго, наводила на всю общину апатію и привела ее мало по малу къ полному внутреннему разладу. Къ этому присоединилось еще и то, что старшина Вальднеръ, человѣкъ «благонравный, но слѣпо приверженный къ правиламъ своего общества» сдѣлался дряхлымъ старикомъ. «Если», отзывается Бунинъ, «онъ въ чемъ либо могъ причинить неудовольствіе общинникамъ, то скорѣе по слабости и престарѣлости своей, нежели по злому намѣренію». Съ другой стороны, помощникъ старшины, Яковъ Вальтеръ, человѣкъ не менѣе честный, сознавалъ, повидимому, яснѣе другихъ корень зла, грозившаго подорвать благосостояніе общины. Здравый смыслъ его, если не вполнѣ сознательно, то инстинктивно угадалъ всю безнадежность борьбы въ данныхъ условіяхъ общиннаго строя, противъ этого зла. Это ставило Вальтера естественнымъ образомъ во главѣ недовольныхъ, и ему первому пришлось бросить перчатку общинѣ.

Еще до пріѣзда Бунина, а именно, въ исходѣ 1817 г., въ контору опекунства новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ поступила жалоба радичевскаго старшины Вальднера. Онъ заявлялъ, что «второй наставникъ братства», Яковъ Вальтеръ, вмѣстѣ съ братомъ и двумя женатыми сыновьями своими, «оставя должность свою, совершенно удалился» изъ общины, началъ строить отдѣльный домъ на общинной землѣ, въ верстѣ отъ общаго двора,

и присвоилъ себѣ нѣкоторую часть общиннаго имущества. «Съ сего времени—говоритъ Бунинъ—поколебалось спокойствіе братства. Вальтеръ съ братомъ и сыновьями, безъ всякихъ причинъ, взявъ самовольно часть общественнаго имущества и лошадей, живетъ уже въ особомъ домѣ; однако не рѣдко навѣщаетъ братство». Между тѣмъ, жены и дѣти отщепенцевъ продолжали жить по прежнему въ обществѣ. «Уклоненіе сихъ людей», продолжаетъ Бунинъ, «привело въ соблазнъ нѣсколько женатыхъ фамилій, которыя готовы также разрушить братскую связь, чрезъ что нынѣ живущихъ въ братствѣ повергло въ совершенное уныніе. Хотя для убѣжденія первыхъ (т. е. отщепенцевъ) употребляли всевозможные способы дружескаго увѣщанія, но ничто не подѣйствовало». Тѣмъ временемъ, на жалобу старшины, со стороны конторы опекунства было предписано «обратиться уклонившимся въ прежнее жилище, возвратить все ими взятое и примириться съ обществомъ, или, въ противномъ случаѣ, избрать родъ жизни, не касаясь собственности общественной». Но Яковъ Вальтеръ лично отправился въ Екатеринославъ и подалъ тамъ въ контору опекунства прошеніе уже за подписомъ 24-хъ радичевскихъ общинниковъ. Описывая скудость и нужду, претерпѣваемыя будто братьями въ содержаніи, и пристрастіе старшины Вальднера, «расположеннаго болѣе къ частной пользѣ своихъ родственниковъ, нежели къ поддержанію общественнаго равенства во всѣхъ выгодахъ, какъ о томъ постановлено въ правилахъ братства», просители ходатайствовали о дозволеніи имъ «устроить каждому отдѣльное хозяйство, и для сего получить такой участокъ земли, какой причтется, по раздѣленіи всего количества оной на число наличныхъ въ братствѣ семействъ». Контора опекунства, убѣдившись въ необходимости ближайшаго изслѣдованія этихъ взаимныхъ жалобъ, поручила это дѣло одному изъ членовъ своихъ [1]), а радичевскому старшинѣ предписала, чтобы тѣмъ временемъ, «Вальтеру съ товарищами особо жить воспрещено не было, и не дѣлать имъ никакихъ обидъ и притѣсненій».

Обстоятельство это побудило Бунина сдѣлать попытку къ примиренію враждующихъ. Прежде всего онъ убѣждалъ старшину. Получивъ его согласіе, Бунинъ поѣхалъ и къ Вальтеру, въ домѣ коего нашелъ собравшимися всѣхъ его сообщниковъ. «Они приняли меня съ кротостью», говоритъ Бунинъ. Склоняя и ихъ къ примиренію, онъ выставлялъ имъ между прочимъ на видъ, что «правительство, имѣя о людяхъ сихъ хорошее мнѣніе,

---

[1]) Товарищу главнаго судьи конторы А. Фадѣеву.

можетъ оное перемѣнить, когда узнаетъ, что они между собою враждуютъ, и что такое обстоятельство повлечетъ за собою, можетъ быть, много непріятнаго». Но всѣ увѣщанія его, основанныя, по собственнымъ словамъ Бунина, «на любви къ ближнему», были тщетны. Вальтеръ съ товарищами, сведенные съ противной стороной, доказывали, «что они угнетены; не соблюдается справедливости въ обществѣ, попускаются слабости большія, а малыя наказываются по пристрастію; что пищу имѣютъ самую умѣренную и худую; больные безъ призрѣнія, а дѣти въ рубищѣ, и что гораздо лучше раздѣлиться, нежели жить въ такомъ обществѣ, которое совершенно уронило и не соблюдаетъ законъ своихъ праотцевъ». Въ то же время Вальтеръ, съ товарищами, убѣждали Бунина, чтобы онъ не обманывался наружнымъ порядкомъ и благочиніемъ, говоря, что еслибъ онъ «пожилъ между ними хотя одинъ мѣсяцъ, то бѣжалъ бы изъ общины и никогда не оглянулся-бы съ раскаяніемъ; что хлѣбопашество ихъ ослабѣло, земли отдаются въ оброкъ постороннимъ людямъ и т. д.». Такимъ образомъ, попытка къ соглашенію братьевъ, возобновленная Бунинымъ на вторичной сходкѣ въ братскомъ домѣ, не имѣла успѣха. Вальтеръ, съ товарищами, не переставали утверждать и уличать своихъ противниковъ, что «братство въ такомъ дурномъ положеніи, что ни одинъ благомыслящій человѣкъ не только не можетъ въономъ остаться, но невозможно безъ содроганія и смотрѣть на внутреннее распоряженіе его: въ средѣ общины водворились всякаго рода пороки и даже воровство; неустройство это уже нѣсколько лѣтъ скрывалось подъ разными личинами, и угнетенные сколько ни терпѣли, однакожъ безпорядки вынудили ихъ открыть правительству (истину?) и просить о раздѣленіи общества въ подобіе тому, какъ многіе изъ меннонитовъ, поселившихся въ Россіи, живутъ раздѣльно».

Самъ Бунинъ, не входя въ ближайшее изслѣдованіе и обсужденіе причинъ раздора, ограничивается общимъ замѣчаніемъ, что хозяйственныя строенія братства, содержавшіяся до вражды въ порядкѣ, выказывали уже нѣкоторые слѣды упадка, и что для предупрежденія бо̀льшаго разстройства ихъ, необходимо употребить всѣ средства, чтобы «наклонить общину къ миролюбію и постановить такія правила, которыя бы строго соблюдаемы были старшина̀ми безъ послабленія и пристрастія.»

Прибывшій въ Радичевъ, въ мартѣ того же 1818 года, товарищъ судьи конторы опекунства, Фадѣевъ вошелъ глубже въ дѣло. «При самомъ началѣ изслѣдованія—говоритъ онъ—я усмотрѣлъ, что корень зла, воспламенившій духъ раздора между тамошними меннонитами, находится въ несообразности правилъ

сего общества съ настоящими обстоятельствами и въ испорченности братьевъ». Послѣ краткой характеристики въ пользу старшины Вальднера и помощника его Вальтера, и очерка исторіи братства, его религіозно-общиннаго устройства и хозяйства, подтверждающихъ все выше сообщенное, Фадѣевъ продолжаетъ: «Вникнувъ въ показанія Вальтера о неудобствахъ и невыгодахъ общинной жизни братства, я нашолъ, что правила строгой нравственности и неразрывнаго единодушія, предписываемыя основателемъ общества, нынѣ вообще ослабѣли. Правила эти, по преданіямъ, существовали во всей силѣ и подавали рѣдкій примѣръ согласія между нѣсколькими десятками семействъ, во время принужденія предковъ братства къ обращенію къ римской церкви, во время краткаго ихъ пребыванія въ Валлахіи, и даже во время жительства ихъ на землѣ графа Румянцова, когда они находились въ меньшемъ числѣ, не имѣли собственной земли и должны были обращать часть пріобрѣтенія своего на уплату повинностей помѣщику. Но когда сіи братья переселились на настоящее мѣсто, получили во владѣніе 775 дес. плодородной земли, при многихъ мѣстныхъ выгодахъ и при платежѣ ничтожныхъ податей [1]), и чрезъ то увидѣли себя въ изобиліи; тогда, съ умноженіемъ населенія, начали оказываться нѣкоторые, понявшіе возможность, въ числѣ 50 семействъ, жить на счетъ трудолюбія другихъ, избѣгая подъ разными предлогами исполненія своихъ обязанностей; тогда возродилась во многихъ наклонность къ пріобрѣтенію частной собственности и побужденіе — обращать плоды трудовъ своихъ къ выгодамъ собственныхъ семействъ, устраняя отъ соучастія въ оныхъ нѣкоторыхъ тунеядцевъ, безъ связи кровной, почитаемыхъ ими чуждыми». Въ подтвержденіе этого, Фадѣевъ указываетъ на то, что, въ 1817 г., въ общинную кассу внесли: семь ткачей полотенъ 729 р. 6 к., семь горшечниковъ 969 р. 8 к., четыре кузнеца 711 р. 20 к., четыре столяра 404 р. 90 к. и трое шляпочниковъ 586 р. 25 к. Слѣдовательно, каждый изъ этихъ мастеровыхъ доставилъ не болѣе 100 — 196 руб. Въ виду хорошихъ цѣнъ и сбыта на издѣлія братства, Фадѣевъ признавалъ такой заработокъ не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что такую же плату, включая сюда содержаніе, получали въ томъ самомъ братствѣ наемные сторожа и работники изъ крестьянъ. Стремленію жить раздѣльно, особымъ семействомъ и хозяйствомъ, содѣйствовали,

[1]) Братство уплачивало ежегодно въ казну: поземельныхъ 164 р. 52 к. и около 90 р. на содержаніе присутственныхъ мѣстъ и почтъ, а всего около 255 р. асс. въ годъ.

какъ удостовѣряетъ Фадѣевъ, сколько примѣръ прочихъ меннонитовъ, съ коими братство поддерживало сношенія, столько же и самыя условія повседневной жизни общины и допущенное тамъ въ нѣкоторыхъ частяхъ неустройство. Такъ, напр., въ общихъ столовой и кухнѣ, особенно же въ 3-хъ дѣтскихъ комнатахъ или «школахъ», въ коихъ помѣщалось 106 душъ, допущена была чрезвычайная неопрятность; воздухъ былъ, «нестерпимо тяжелый, отъ чего дѣти подвергались тяжелымъ болѣзнямъ.» Жалобу на скудость пищи Фадѣевъ нашолъ неосновательною, такъ какъ обѣденный столъ состоялъ въ хлѣбѣ, похлебкахъ изъ огородныхъ овощей, два или три раза въ недѣлю съ говядиной или свининой. Для больныхъ изготовлялась пища особая, но «для всѣхъ больныхъ общая, а не по роду болѣзни.» Мужчины и женщины получали ежегодно по двѣ рубашки и по двѣ пары башмаковъ, а прочее одѣяніе изъ общинныхъ суконъ и шерстяныхъ издѣлій, «по мѣрѣ надобности.» Въ такъ называвшейся малой школѣ, Фадѣевъ нашолъ, подъ надзоромъ трехъ женщинъ, 18 дѣтей отъ $1\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ лѣтъ, которыя спали «по 5 и 6 душъ на одной кровати, безъ различія пола.» Въ большой школѣ (для возраста отъ 7 лѣтъ и старше), оказалось 88 человѣкъ, которые обучались чтенію и письму, а также, по склонности, ремесламъ и рукодѣліямъ.

«Такимъ образомъ — продолжаетъ Фадѣевъ — сіе общество, благонравное и полезное, когда оно было твердо соединено узами братства, потеряло нынѣ не только нѣкотораго рода удивленіе къ его строгому житію отъ окрестныхъ жителей, но даже сдѣлалось соблазнительнымъ и противнымъ правиламъ гражданскаго устройства, по коему каждое частное семейство должно быть, колико возможно, устранено отъ покушенія къ разврату въ нравственности и отъ золъ физическихъ. Здѣсь отецъ семейства долженъ быть въ непремѣнной борьбѣ съ совѣстью своей; влеченіе природы внушаетъ ему желаніе улучшить жребій жены и дѣтей своихъ и доставить имъ нѣкоторыя выгоды, тогда какъ священный обѣтъ грозитъ ему какъ злодѣю, нарушителю закона и клятвы; здѣсь матери лишены священной обязанности попеченія надъ своими дѣтьми, кои устраняются отъ родителей и содѣлываются имъ нѣкоторымъ образомъ чуждыми, безъ всякой къ тому необходимости; здѣсь народоумноженіе идетъ весьма медленно, поелику надзоръ и призрѣніе за дѣтьми, престарѣлыми, больными, родильницами, и общія средства къ сохраненію здоровья недостаточны, или слишкомъ пренебрежены. Нынѣ, въ числѣ 50 семействъ находятся только два человѣка, имѣющіе свыше 50 лѣтъ, а народоумноженіе, по сдѣланному извлеченію

изъ метрической книги со времени поселенія ихъ въ настоящемъ мѣстѣ, съ 1802 г., состоитъ всего въ 58 душахъ, а общество, по послѣдней ревизіи, въ 242 душахъ. Слѣдовательно, оно можетъ удвоиться не прежде какъ въ 60 или 70 лѣтъ, тогда какъ, по примѣрному исчисленію, въ новороссійскихъ меннонитскихъ колоніяхъ, таковое удвоеніе должно послѣдовать не далѣе, какъ въ 30 лѣтъ.» Но эти неудобства сознавались далеко не всѣми братьями. Напротивъ, многіе приверженцы правилъ общинныхъ были большею частію фанатики, которые согласились бы скорѣе подвергнуться мученической смерти, нежели оставить жизнь общинную. Даже четверо изъ братьевъ, согласившихся на убѣжденія Фадѣева подѣлиться, явились къ нему на другой день съ просьбою вычеркнуть ихъ изъ списка, такъ какъ они «всю ночь были терзаемы ужасными сновидѣніями и мученіями совѣсти.»

Съ другой стороны, фанатической привязанности къ общинѣ однихъ, не уступало нисколько ожесточеніе противъ нея отщепенцевъ. Старшина Вальднеръ, сознавая свою старческую немощь и, желая добиться примиренія, предложилъ было уступить своему противнику Вальтеру должность общиннаго начальника, въ надеждѣ, что его благоразумію и дѣятельности удастся исправить вкравшіяся неурядицы, улучшить содержаніе братьевъ и измѣнить, хотя-бы исподоволь, нѣкоторыя вредныя постановленія братства, «освященныя болѣе временемъ и навыкомъ, нежели закономъ.» Но Вальтеръ отвѣтилъ, что скорѣе разстанется съ жизнію, нежели возвратится въ общину, и такимъ образомъ предстала необходимость окончательно раздѣлиться. Однако, на попытку склонить братство къ добровольному выдѣлу отщепенцамъ части земли и имущества, старшина и сообщники его возразили Фадѣеву, что такой раздѣлъ воспрещается ихъ уставомъ, и они приступятъ къ нему только въ такомъ случаѣ, если это повелѣно будетъ высочайшею властью.

Представляя объ этомъ на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, Фадѣевъ предлагалъ два исхода для устройства радичевскихъ поселенцевъ: или, переселить Вальтера съ товарищами въ Новороссійскій край и водворить ихъ тамъ на меннонитскихъ запасныхъ земляхъ отдѣльными дворами, или же дозволить имъ принять въ свое пользованіе часть радичевской земельной дачи, по лѣвому берегу Десны. Но, не дождавшись разрѣшенія, повѣренный приверженцевъ общины, Самуилъ Виппъ, и тотъ же Яковъ Вальтеръ, послѣдній въ качествѣ уполномоченнаго отъ 24 семействъ, выдѣлявшихся изъ нея, 5 іюля 1818 г., заключили условіе, которымъ было постановлено: 1) Вальтеръ,

съ товарищами, оставляютъ братство, непремѣнно въ тотъ же 1818 г. и переселятся въ Новороссійскій край; тѣмъ же изъ отдѣляющихся семействъ, которыя пожелаютъ остаться въ Малороссіи, предоставляется избрать родѣ жизни внѣ общины; и 2) радичевское братство должно выдать каждому выдѣляющемуся семейству по 400 руб. наличными деньгами, всего на 24 семейства 9,600 р.; сверхъ того, 250 р. на покупку барки, три ткацкихъ станка и половину всего имѣвшагося въ братствѣ скота, «исключая того количества свиней, которое обществомъ куплено весною 1818 года—въ долгъ». Наконецъ, каждое выдѣлявшееся семейство сохраняло право взять съ собою имѣвшееся у него отъ общества одѣяніе и всѣ инструменты своего ремесла, за исключеніемъ земледѣльческихъ орудій.

Въ сентябрѣ 1818 г., когда Вальтеръ съ товарищами совсѣмъ изготовились къ переселенію, къ нимъ присоединились еще 6 семействъ радичевскихъ общинниковъ, такъ что они двинулись въ путь частью водою по Деснѣ, частью сухимъ путемъ, въ числѣ 30 семействъ или 69 муж. и 74 жен. душъ. Но въ братствѣ оставались 5 женъ, съ 4 дѣтьми, и одинъ мужчина, которые отказались слѣдовать — первыя за мужьями, а послѣдній за своей женой, отправлявшейся въ Новороссію вмѣстѣ съ отцомъ. Никакія убѣжденія не въ состояніи были измѣнить рѣшимость ни тѣхъ, ни другихъ.

Въ Радичевѣ оставались 20 семействъ. Они выражали надежду поправить свое состояніе, несмотря на то, что въ числѣ выдѣлившихся изъ общины находились всѣ ихъ лучшіе мастера. «За всѣмъ тѣмъ — говоритъ Фадѣевъ, вновь навѣщавшій общину въ исходѣ сентября 1818 г. — остается у нихъ всякаго мастерства людей столько, что въ хозяйственныхъ заведеніяхъ и вообще въ домашнихъ работахъ не можетъ послѣдовать никакой остановки. Съ добрымъ и единодушнымъ согласіемъ въ братствѣ; съ надлежащимъ присмотромъ старшины онаго за нравственностью своихъ собратій, и съ хорошимъ наблюденіемъ ихъ хозяевъ за производствомъ работъ, безъ сомнѣнія, можно бы ожидать сего, еслибъ только своекорыстіе, содѣлавшееся началомъ настоящаго ихъ разстройства, навсегда удалено было отъ сего общества. Но неумѣстная скромность и слабость старшины Вальднера едва ли въ состояніи отвратить отъ общества сего порока. Всѣ остающіеся въ Радичевѣ меннониты находятся въ довольно примѣтномъ уныніи, хотя впрочемъ считаютъ себя переселеніемъ отдѣлившихся избавленными, какъ бы, отъ тѣхъ пороковъ, кои, видимымъ образомъ, нарушали ихъ покой и благоустройство».

Вальтеръ и товарищи его прибыли тою же осенью къ мѣсту поселенія, въ хортицкія меннонитскія колоніи, Екатеринославской губерніи. Но, за позднимъ временемъ года, къ водворенію они приступить не могли. Вообще они не могли придти къ окончательному рѣшенію: поселиться ли имъ особою колоніею, или же присоединиться къ существовавшимъ уже меннонитскимъ колоніямъ. Въ мартѣ 1819 г., часть переселенцевъ заявила даже о намѣреніи своемъ возвратиться въ Радичевъ и устроиться тамъ посемейно, отдѣльными дворами. Съ другой стороны, старшина послѣдней, Вальднеръ, донесъ конторѣ опекунства, что оставшіеся на мѣстѣ братья, съ согласія его, раздѣлили между собою, въ ноябрѣ 1819 г., общественный скотъ и прочее имущество. Вслѣдствіе того, было разрѣшено: 1) дозволить желающимъ возвратиться изъ Екатеринославской губ. въ радичевскую колонію, но съ тѣмъ, чтобы они водворялись не иначе, какъ посемейно, отдѣльными дворами, и устроили колонію по даннымъ въ руководство правиламъ; тѣхъ же, которые пожелаютъ остаться въ Екатеринославской губ., приписать, съ согласія обществъ, къ хортицкимъ колоніямъ; 2) учредить для радичевской колоніи, по примѣру прочихъ колонистскихъ обществъ, особый сельскій приказъ, въ который опредѣлить шульцемъ меннонита Якова Вальтера «извѣстнаго по благоразумію и опытности въ хозяйственныхъ дѣлахъ», а въ бейзицеры (сельскіе засѣдатели) предоставить обществу избрать изъ своей среды двухъ способныхъ къ тому хозяевъ; 3) прежняго старшину Іогана Вальднера оставить старшиною духовнымъ, «не лишая его по престарѣлости и одиночеству, ни призрѣнія, ни надлежащаго къ нему уваженія»; и 4) сельскому приказу поставить «въ первую обязанность», по соединеніи всѣхъ, принадлежащихъ къ радичевскому братству семействъ, произвести между ними безобидный и уравнительный раздѣлъ земли, скота и движимости; но лѣсъ, винокурни, мельницу, плантацію и общественныя строенія оставить во владѣніи общественномъ, распоряжаясь ими «по согласію всѣхъ къ пользѣ общей». Послѣ этого, всѣ бывшіе въ Екатеринославской губ. радичевскіе братья не замедлили возвратиться на прежнее мѣсто-жительства.

Такимъ образомъ, радичевская община распалась окончательно, и послѣ раздѣла земли и имущества, образовались двѣ колоніи — одна, въ 25 хозяйствъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ братскій дворъ и садъ, — а другая, въ 24 хозяйства, на лѣвомъ берегу Десны. Обозрѣвавшій эти колоніи, осенью 1821 г., членъ конторы опекунства Бабіевскій удостовѣрялъ, что не смотря ни на непривычность братьевъ жить отдѣльными хозяй-

ствами, ни на бывшій въ томъ году въ означенной мѣстности полный неурожай, устройство колоній шло довольно успѣшно: фасадъ и внутреннее расположеніе домовъ и хозяйственныхъ строеній соотвѣтствовали правиламъ инструкціи. Хотя скотоводство у нихъ было не велико, и «по причинѣ стѣсненныхъ и чрезполосныхъ земель» не представлялось возможности увеличить его, но всякій хозяинъ имѣлъ «нужный домашній скотъ и по малому числу овецъ». Общественный лѣсъ найденъ былъ нѣсколько вырубленнымъ, что̀, впрочемъ, объяснялось необходимостью новыхъ построекъ. Посему, радичевскій приказъ получилъ наставленіе какъ о сохраненіи, такъ и о пользованіи лѣсомъ на будущее время. Въ отношеніи обезпеченія продовольствія, оказалось излишнимъ распространять на поселенцевъ, принятыхъ въ то̀ время по всей губерніи общихъ мѣръ, такъ какъ «меннониты, употребивъ всѣ возможныя средства, хотя съ крайнимъ для себя отягощеніемъ, на покупку хлѣба дорогою цѣною, отъ вспоможенія начальства совершенно отказались».

Старшина Вальднеръ не выдержалъ ломки общины и, вслѣдъ за ея распаденіемъ, сошелъ въ могилу. Что же касается до его сообщниковъ, то они были полны надеждъ на лучшее будущее. Они обстраивались, обзаводились въ новыхъ условіяхъ, и отклонили, какъ мы видѣли, даже предложенное имъ по случаю неурожая правительственное пособіе. Но тщетны были эти надежды; не здѣсь суждено было осуществиться имъ, и вотъ почему.

Мы замѣтили, что всей земли въ радичевской дачѣ было не болѣе 775 дес. Слѣдовательно, на каждую семью приходилось всѣхъ угодій около 15 дес. Если этого надѣла было достаточно при прежнемъ общинномъ хозяйствѣ, то, послѣ раздѣла на отдѣльныя хозяйства, онъ могъ удовлетворять, по нуждѣ, потребностямъ поселенцевъ, только при удобномъ въ хозяйственномъ отношеніи расположеніи угодій надѣла, и то лишь на первое время, пока населеніе колоній не увеличилось. Но въ обзорѣ Бабіевскаго обращаютъ на себя вниманіе два зловѣщихъ обстоятельства. Онъ говоритъ, что скотоводство у поселенцевъ было не только не велико, но не представлялось и возможнымъ увеличивать его, по причинѣ стѣсненности и чрезполосности участковъ подворнаго пользованія. Всякому извѣстно, что не рѣдко одного изъ этихъ двухъ условій, т. е. чрезполосности владѣнія, или стѣсненности по землѣ, и, прямого послѣдствія сего, ничтожности скотоводства, совершенно достаточно для того, чтобы парализировать всякій хозяйственный успѣхъ, особенно въ такихъ дробныхъ частяхъ, въ какихъ представляется надѣлъ двухъ радичевскихъ колоній. Здѣсь, ни усердное трудолюбіе, ни

хозяйственное знаніе не помогутъ поселянину, а увеличивающееся населеніе довершаетъ затрудненія. Такъ случилось и съ нашимъ братствомъ.

Въ 1834 г., въ попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ [1]), въ Одессѣ, поступило отъ радичевскихъ обществъ ходатайство о дозволеніи имъ переселиться въ Новороссійскій край. Въ подтвержденіе своего ходатайства, они приводили, что отведенной имъ земли совершенно недостаточно и по количеству, и по удобствамъ «устроеннаго хозяйства»; и что они затруднены какъ въ сбытѣ ремесленныхъ своихъ произведеній, такъ «еще болѣе въ образованіи и утвержденіи въ доброй нравственности» подраставшаго молодого поколѣнія.

Итакъ, снова настала для братьевъ критическая минута. Но замѣчательно то, что настоящее *заявленіе* общества, по формѣ и сущности, носитъ уже совершенно иной характеръ, нежели первый кризисъ въ 1818 г. Тогда дѣло имѣло форму внутренняго среди общины раздора и, въ сущности, касалось почти исключительно религіозно-соціальныхъ вѣрованій и убѣжденій. Теперь, о догматическихъ разногласіяхъ нѣтъ и слѣда, несмотря на то, что, какъ убѣдимся ниже, поселенцы и въ хозяйственномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ дошли до такого бѣдственнаго положенія, въ какомъ прежняя радичевская коммюна никогда не бывала. На сколько, въ 1818 г., взаимныя жалобы общинниковъ, сами по себѣ и по фактическимъ ихъ основаніямъ, казались мелочными и приводили въ недоумѣніе всякаго, не вглядывавшагося ближе и глубже въ условія общины, на столько же настоящее ходатайство было чуждо всякихъ мелочныхъ обстоятельствъ, заявляя о такихъ крупныхъ фактахъ, для удостовѣренія въ справедливости которыхъ, не настояло бы даже надобности въ ближайшемъ мѣстномъ изслѣдованіи. Неудобства, указанныя Бабіевскимъ еще въ 1821 г. и обратившія уже на себя наше вниманіе, а затѣмъ естественное увеличеніе численности населенія,—вотъ тѣ доказательства, которыхъ было-бы совершенно достаточно для убѣжденія въ основательности и несомнѣнной справедливости заявленія обществъ о невозможности для нихъ существовать въ данныхъ условіяхъ надѣла. Отсюда, какъ прямой логическій выводъ изъ предъидущаго, являлись сами собою обѣдненіе поселенцевъ, невозможность для нихъ образовывать свою молодежь, утверждать ее въ доброй нравственности и т. д.

Но начальство колоній не ограничилось подобными сообра-

[1]) Комитетъ замѣнилъ прежнюю контору опекунства.

женіями. Оно командировало на мѣсто особаго чиновника, выслушало прибывшихъ въ Одессу уполномоченныхъ отъ обществъ и только на основаніи такихъ положительныхъ свѣдѣній, въ декабрѣ 1835 г., донесло министерству, что причины, побуждающія радичевскихъ меннонитовъ къ переселенію, вполнѣ уважительны, и что «земля, имъ надѣленная, могла быть достаточна къ ихъ безбѣдному существованію только въ то время, когда они состояли въ небольшомъ числѣ семействъ, соединенно братствомъ жившихъ». Оказалось по дознанію, что по 8-й ревизіи (1834 г.) въ обѣихъ колоніяхъ состояло уже 153 муж. пола душъ, а въ числѣ 775 дес. ихъ надѣла, имѣлось пахатной не болѣе 270 дес.; но и та состояла въ 43 чрезполосныхъ участкахъ, частію чрезполосно за двумя, тремя русскими селеніями, въ разстояніи 10—15 верстъ отъ усадебъ. Оттого поселенцы не получали даже въ урожайные годы достаточно хлѣба для своего пропитанія, а сѣно, при самомъ ограниченномъ скотоводствѣ, постоянно прикупали. Ремесленники ихъ, пріумножившись значительно, также затруднялись въ сбытѣ своихъ издѣлій; раздоры же съ русскими крестьянами, вслѣдствіе чрезполосности владѣній, вредили благосостоянію и *«даже доброй нравственности»* поселенцевъ. Эти вредныя послѣдствія стали особенно замѣтны по смерти прежнихъ старшинъ. Особенно въ школѣ, замѣнить ихъ было некому. Попечительный комитетъ испрашивалъ разрѣшеніе на переселеніе радичевскихъ меннонитовъ въ Таврическую губернію. Онъ полагалъ возможнымъ надѣлить ихъ тамъ по 65 дес. на семейство, изъ запасныхъ при молочанскомъ меннонитскомъ округѣ земель.

Представленіе комитета пришло въ Петербургъ въ то время, когда подготовлялось здѣсь образованіе министерства государственныхъ имуществъ. Вѣроятно по настоящему случаю, представленіе это обратило на себя вниманіе только по окончательномъ открытіи сего министерства, въ вѣдѣніе котораго отошли, въ числѣ другихъ, и черниговскіе колонисты. Тѣмъ временемъ, обстоятельства нашихъ радичевскихъ поселенцевъ ухудшались изъ года въ годъ все болѣе. Ожидая со дня на день разрѣшенія на переселеніе, они отправляли въ своихъ хозяйствахъ только самыя насущныя работы, численность же ихъ стала возрастать значительнѣе прежняго, и къ 1841 г., они составляли уже наличныхъ 69 семействъ, въ составѣ 185 муж. и 199 жен. пола душъ. При такихъ условіяхъ дѣлаются вполнѣ понятными отзывы мѣстныхъ властей, съ которыми производилась переписка по ходатайству радичевскихъ поселенцевъ. Такъ, черниговскіе губернаторъ и палата имуществъ удостовѣряли единогласно, что поселенцы эти въ то

время уже перестали пользоваться «добрымъ о себѣ мнѣніемъ въ околодкѣ, хотя окрестные жители и обязаны имъ нѣкоторымъ улучшеніемъ скотоводства». Самъ духовный старшина братьевъ жаловался, что «они уклоняются даже отъ своихъ религіозныхъ правилъ и не походятъ на нѣмцевъ»; по отзыву же палаты, меннониты эти, имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе $2^1/_2$ дес. усадебной, сѣнокосной и пахатной земли на ревизскую душу, и, сверхъ того, 375 дес. лѣсу, двѣ мельницы на р. Есманѣ, рыболовное озеро при Деснѣ и, въ видѣ оброчной статьи, паромъ на той же рѣкѣ, могли бы наравнѣ съ прочими поселянами уѣзда, «не столь обильно надѣленными землею и угодьями», содержать себя безбѣдно и исправно нести лежавшія на нихъ ничтожныя повинности и подати.

Но, съ другой стороны — присовокупляетъ палата — чрезполосность земель, отдаленность отъ пунктовъ, доставляющихъ выгодный сбытъ промышленникамъ и ремесленникамъ, и наконецъ нерадѣніе поселенцевъ къ ремесламъ, «отъ коихъ они еще недавно получали значительныя выгоды», оплошность въ хозяйствѣ «ежедневно» увеличивавшаяся, и упадокъ прежней доброй нравственности, «чѣмъ они славились» — вотъ истинныя причины того, что поселенцы изъ года въ годъ приходили въ худшее положеніе и не приносили уже краю прежней пользы.

Наконецъ, въ февралѣ 1842 года, переселеніе радичевскихъ братьевъ было разрѣшено, съ тѣмъ, чтобы они совершили его разомъ — въ полномъ составѣ обществъ, и на свой счетъ, а на мѣстѣ оставили повѣренныхъ для распродажи того имущества, которое имъ нельзя было забрать съ собой.

Изъ имѣющейся предъ нами подворной описи видно, что каждое переселенческое семейство, за исключеніемъ двухъ совершенно обѣднѣвшихъ хозяевъ, имѣло въ своемъ распоряженіи отъ 20 до 300 руб. не болѣе. Сюда не входила, впрочемъ, цѣнность скота и строеній [1]), которыя приходилось распродать на мѣстѣ почти за-даромъ. Хотя недоимокъ казнѣ на нихъ никакихъ не числилось, но тѣмъ не менѣе эти средства были едва-едва достаточны для покрытія расходовъ на путевое слѣдованіе за 500 верстъ — въ Таврическую губернію. Собственно въ виду этого обстоятельства, правительство, опасаясь вовлечь себя въ значительные расходы, дало разрѣшеніе на переселеніе только послѣ того, какъ молочанскіе меннониты, и въ особенности представитель ихъ, меннонитъ Корнисъ, пользовавшійся личною

[1]) Всего не болѣе 19 лошадей, 137 головъ рогатаго скота, и 137 простыхъ овецъ; 49 жилыхъ домовъ, молитвенный домъ, 2 школьныхъ дома, и хлѣбозапасный амбаръ.

извѣстностью и полнымъ довѣріемъ бывшаго министра графа Киселева, дали положительное завѣреніе, что черниговскимъ колонистамъ, по причисленіи ихъ къ округу молочанскому, будетъ достаточно 4-хъ или 5-ти лѣтъ, чтобы совершенно преобразоваться и придти въ цвѣтущее положеніе; что ближайшее руководство дѣломъ водворенія принимаетъ на себя лично Корнисъ, въ сосѣдствѣ съ образцовымъ имѣніемъ его Юшанле, и что необходимость въ пособіи переселенцамъ на первоначальное обзаведеніе будетъ удовлетворена мѣстными средствами, безъ отягощенія казны.

Осенью 1842 г., радичевскіе колонисты прибыли къ мѣсту назначенія. Дорогою они не только издержали скудныя средства свои, но и вошли въ долги. Имъ отвели участокъ земли, въ количествѣ 65 дес. на земледѣльческую семью, а всего на 50 семействъ до 3,300 дес., безводной степи, на которой усадебная осѣдлость обусловливалась вырытіемъ колодцевъ; лѣсу же не имѣлось ни куста. Казалось бы труднымъ основаться съ успѣхомъ при такихъ условіяхъ. Но трудъ, терпѣніе, разумное руководство и пособіе преодолѣли всѣ препятствія. Нашимъ бѣднякамъ выдали, безпроцентною ссудою, изъ общественныхъ суммъ 15 т. руб. асс.; взрослую молодежь Корнисъ временно размѣстилъ, въ качествѣ наемныхъ работниковъ, къ наиболѣе благонадежнымъ мѣстнымъ хозяевамъ и ремесленникамъ. На полученную ссуду и при помощи заработной платы, переселенцы, съ весны 1843 г., приступили къ вырытію въ каждой усадьбѣ по колодцу, для чего нашлось, къ счастію, удобное мѣсто. Съ тѣмъ вмѣстѣ устранилось важнѣйшее препятствіе къ водворенію, а потому безъ замедленія было приступлено и къ постройкѣ жилыхъ и хозяйственныхъ заведеній. Пахатныя, сѣнокосныя и выгонныя угодія были уже распредѣлены не на подворные участки, какъ прежде, а по системѣ [1]), установленной вообще для колоній, по примѣру меннонитскаго хозяйства. Озимыя поля были засѣяны еще съ осени при помощи молочанскаго меннонитскаго братства, яровые же посѣвы, новые поселенцы производили уже собственными средствами. Въ іюлѣ 1843 г., Корнисъ свидѣтельствовалъ предъ министромъ государственныхъ имуществъ, что ввѣренные его ближайшему попеченію радичевцы, какъ люди трудолюбивые, «ведущіе себя добропорядочно, опрятно, миролюбиво и послушно», могутъ достигнуть «при хорошемъ управленіи, цвѣтущаго положенія». Въ томъ же

[1]) Съ этой системой мы ознакомимъ читателя, при описаніи быта нашихъ меннонитовъ.

удостовѣряло и главное мѣстное начальство, и увѣренія эти не замедлили оправдаться вполнѣ. Колонія Гуттерталь [1]), (такъ наименовалось поселеніе радичевцевъ) незамедлила уплатить всѣ долги свои по водворенію и переселенію и видимо стала богатѣть, а съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличеніе населенія пошло до того быстро, что уже къ 1852 г., представилась надобность выселить на тѣ же запасныя при округѣ земли 17 молодыхъ семействъ, которыя образовали особую колонію Іоганесру. Теперь, по 10 ревизіи (1857 г.), числится въ Гуттерталѣ 50 семействъ, въ составѣ 255 ревизскихъ муж. пола душъ, а въ Іоганесру 21 семья, 72 таковыхъ душъ. Обѣ колоніи отлично обстроены; каждая усадьба скрывается въ зелени садовъ и плантацій; повсюду видно полное довольство и благосостояніе. Особеннымъ богатствомъ отличается колонія Іоганесру, въ которой 40 хозяйствъ. Всѣ постройки тамъ кирпичныя и крыты черепицею. Вообще въ настоящее время, каждый изъ хозяевъ этихъ двухъ колоній въ отдѣльности имѣетъ больше наличныхъ средствъ и имущества, нежели имѣло сообща все радичевское общество при выходѣ его изъ Черниговской губерніи.

Но успокоились-ли, наконецъ, наши радичевцы — нравственно? Къ сожалѣнію, — нѣтъ. Ихъ идеалъ общинно-имущественнаго устройства, не взирая на горькій опытъ цѣлаго ряда поколѣній, не давалъ имъ покоя даже до новѣйшаго времени. «Болѣе разумная часть поселенцевъ и скряги», сообщаетъ по этому предмету одна нѣмецкая газета [2]) «совершенно удовлетворялись жизнью раздѣльными семьями. Первые находили этотъ порядокъ освященнымъ самимъ евангеліемъ; послѣдніе видѣли въ новыхъ условіяхъ болѣе гарантій для своихъ личныхъ интересовъ. Наконецъ, третьи, замѣчая, что одни изъ сообщественниковъ дѣлались состоятельнѣе другихъ, рѣшились возвратиться къ прежнимъ условіямъ общежительства». Обстоятельство это возбудило въ обществѣ сильное броженіе: 40 семействъ слили постепенно свое имущество въ одну массу, и, распродавъ свои хозяйства въ колоніи, пріобрѣли, въ 1856 г., отъ помѣщицы Кушевой, близъ города Орѣхова въ Екатеринославской губерніи, участокъ земли въ 1500 десят. за 21.000 руб. Здѣсь они водворились общиннымъ дворомъ, наименовавъ его Гуттердорфъ. Вскорѣ однако возникли внутренніе раздоры, и мало по малу стали происхо-

[1]) Мѣстное названіе этой колоніи — «Бородатый нумеръ» оттого, что радичевцы не брѣютъ бороды, по религіозному обычаю.

[2]) Süddeutsche Warte, religiöses und politisches Wochenblatt. 1867, №№ 19, 20 и 21.

дить раздѣлы и выдѣлы общинниковъ, такъ что теперь тамъ остается не болѣе 4-хъ семействъ».

Два года тому назадъ, подобное же движеніе охватило-было вновь обѣ колоніи — Гуттерталь и Іоганесру. Это движеніе заслуживаетъ особеннаго вниманія. Наиболѣе развитые, зажиточные и положительные изъ хозяевъ, и во главѣ ихъ тирольцы, Гоферъ, Клейнфассеръ и другіе, пришли къ заключенію, что, не взирая на видимое матеріальное довольство, все же замѣчается постепенное ослабленіе въ обществѣ благочинія, христіанскаго благочестія и стремленія «къ пріобрѣтенію истинныхъ, невещественныхъ благъ.» При этомъ они руководились рукописными книгами своими, которыя, и въ числѣ ихъ не мало историческихъ манускриптовъ временъ реформаціи, считаются у нихъ цѣлыми сотнями. Во многихъ изъ этихъ книгъ указывается на имущественную общность, какъ на единственный путь къ спасенію. Поэтому понятно, что лучшіе изъ поселенцевъ чаяли въ этомъ принципѣ обрѣсти единственное средство для успѣшнаго противодѣйствія общественнымъ ихъ недугамъ. Мало по малу 23 хозяйства были соединены въ одно цѣлое; взаимныя долговыя претензіи, если они существовали, были сквитованы, а долги внѣшніе — погашены на счетъ общинной экономіи. Одинъ изъ домовъ своихъ общинники обратили въ молитвенный, другой въ трапезный для мужчинъ, третій въ такой же для женскаго пола, четвертый въ дѣтскій и т. д. Точно также были устроены общія мастерскія: для столяровъ, кузнецовъ и т. д., для каждаго рода мастерства особо. Каждый вечеръ вся община собиралась на молитву. Всякій изъ мужчинъ, каждая женщина и дѣвица, получили опредѣленныя положеніе и занятія; во главѣ же каждой отрасли общиннаго хозяйства стали надзиратели и надзирательницы. Разбросанность домовъ и хозяйственныхъ заведеній на довольно значительныхъ разстояніяхъ и устройство каждаго отдѣльнаго хозяйства, соотвѣтственно данному ему спеціальному назначенію, — представляли общинникамъ весьма существенныя затрудненія и повели къ потерямъ. Одни дома оставались безъ всякаго употребленія; при другихъ оказывались равнымъ образомъ излишнія помѣщенія; при третьихъ наконецъ, не доставало этихъ помѣщеній и приходилось или возводить ихъ заново, или взяться за перестройки. Но здѣсь, по убѣжденію общинниковъ, дѣло шло о душевномъ спасеніи, а «въ такихъ случаяхъ», замѣчаетъ авторъ статьи, которою мы пользуемся въ настоящемъ случаѣ, «даже невозможное при другихъ условіяхъ, совершается и осуществляется, лишь-бы исполнителями руководили чувства искренности и честности». Не мало было

въ числѣ новыхъ общинниковъ такихъ, которые сознавали всю неловкость своего новаго положенія; но, тѣмъ не менѣе, они безропотно подчинялись ему. Въ глазахъ другихъ, имущественный переворотъ былъ только средствомъ, наружною формою, имѣвшею цѣлью возстановить и укрѣпить въ сообщинникахъ истинное, по ихъ воззрѣніямъ, христіанство; они-то обратили особенное вниманіе на воспитаніе дѣтей. Но, несмотря на всевозможныя предложенія и совѣщанія, община не могла придти къ окончательному соглашенію ни по одному предмету болѣе существенной важности. Особенно мало способности къ общинной жизни обнаруживали женщины; противъ нихъ приходилось прибѣгать на каждомъ шагу къ принудительнымъ мѣрамъ. Это лишало всѣ учрежденія общины всякаго удобства и практичности. Одно имущественное переустройство, само по себѣ, недавало, конечно, ожидаемыхъ для душевной жизни благихъ послѣдствій. Слѣдовательно, и многіе изъ наиболѣе серьезныхъ общинниковъ - мужчинъ не находили соотвѣтственнаго нравственнаго воздаянія за личныя права, которыми пожертвовали, и за имущественныя потери, которыя они понесли, въ пользу осуществленія общины. Такимъ образомъ, постепенно брало верхъ убѣжденіе, что общностью вещественнаго имущества ничего не достигается, и что «за непроникновеніемъ общинниковъ силою Святаго Духа»,—правильная, истинная общность до времени не осуществима. Многіе, наконецъ, предавались полной безнадежности въ отношеніи вообще возможности нравственнаго возрожденія ихъ братства. Все это привело братьевъ къ добровольному разрушенію общины, возвративъ ихъ прежней жизни, въ отдѣльныхъ семьяхъ и хозяйствахъ. Лѣтомъ 1866 г., непосредственно за днемъ св. Троицы, когда въ первые вѣка нашей эры сложилась и, силою Духа Святого, сплотилась первая христіанская община, наши общинники совершали раздѣлъ своего имущества. Впрочемъ, достойно всякой похвалы и не можетъ не свидѣтельстовать въ пользу этихъ людей то, что раздѣлъ между ними состоялся безъ ссоръ и раздоровъ, хотя многіе хозяева потеряли невозвратно значительную часть своего достоянія.

Что будетъ далѣе: явятся-ли среди гуттерцевъ новыя попытки осуществить — неосуществимую утопію, неимѣющую практическаго смысла? — вопросъ этотъ не беремся рѣшить. Но какой же сдѣлаемъ практическій выводъ изъ настоящаго очерка? Непорядки или даже пороки, служившіе въ 1817 г. поводомъ для распаденія радичевской общины, можно встрѣтить въ любомъ изъ нашихъ сельскихъ обществъ, не исключая колонист-

скихъ, и при томъ въ несравненно болѣе рѣзкихъ и широкихъ условіяхъ, нежели непорядки и пороки эти проявлялись въ Радичевѣ. Однако, далеко не вездѣ найдется столько нравственныхъ силъ, честныхъ, безкорыстныхъ стремленій и христіанскаго смиренія, способности жертвовать собою и личными интересами на пользу общаго блага, — какъ именно среди описанной нами горсти людей. Много ли найдется между нами личностей, которыя были бы способны отстаивать изъ рода въ родъ чистоту и неприкосновенность своихъ убѣжденій среди вѣковыхъ гоненій, въ упорной борьбѣ съ насущными, но враждебными ихъ принципу условіями дѣйствительной жизни? Но такой, по мнѣнію гуттерцевъ, крайній упадокъ нравственности нигдѣ не приводитъ у насъ къ распаденію сельско-общественнаго строя. Напротивъ того, всякое общество, будучи приблизительно въ тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ какихъ была радичевская община предъ ея паденіемъ, представляется всюду организмомъ тѣмъ крѣпче сплоченнымъ и сплачивающимся внутри себя, чѣмъ экономическій бытъ его обезпеченнѣе и богаче. Такимъ образомъ, не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, что главнѣйшая, если не единственная причина распаденія радичевской общины заключается въ неестественности отрицанія братствомъ всякой личной собственности. Практическое приложеніе къ жизни этого начала, въ неразрывной связи съ началомъ равноправности, не могло не привести общинниковъ къ полному обезличенію, къ безусловному общинному гнету, выразившимся въ основныхъ положеніяхъ братства: «приговоры и рѣшенія старшины священны», и «посѣтители сего общества не могутъ быть чьи-либо лично, а лишь вообще къ братству». Человѣкъ, по природѣ своей, не можетъ жить и развиваться всецѣло тамъ, гдѣ для его личной самодѣятельности и вообще индивидуальности нѣтъ извѣстнаго простора, гдѣ вся жизнь составляетъ рядъ самоотрицаній и мелочныхъ, повседневныхъ регламентацій, опутывающихъ каждый шагъ, каждое помышленіе его. Человѣкъ не можетъ помириться, не можетъ сжиться съ подобными условіями, и, при первомъ благопріятномъ обстоятельствѣ, порветъ эти путы. Поэтому, истинной причины, разрушившей общину, нужно искать въ самой глубинѣ человѣческой природы. Но радичевцы были и, повидимому, остались плохими психіатрами. Самъ Вальтеръ и товарищи его чувствовали весь гнетъ, всю несообразность ихъ общинной жизни, но сознательно высказать — въ чемъ именно лежала причина тому — они не умѣли. Только примѣръ иной жизни родственныхъ людей могъ навести ихъ на правильный исходъ изъ угнетавшаго ихъ положенія. Не

будь этого примѣра — они сами, собственнымъ мышленіемъ, едва-ли бы добились того пути, который избавилъ ихъ отъ прежняго общиннаго гнета. Иначе, если бы радичевцы сознательно приступили къ жизни посемейной, раздѣльными хозяйствами, мыслимо-ли, чтобы ближайшіе потомки ихъ, изъ которыхъ нѣкоторые были, быть можетъ, очевидцами перваго кризиса общиннаго, могли придти снова къ рѣшимости возстановить общежительство? Только совершенное непониманіе дѣйствительныхъ причинъ паденія радичевской общины могло поддерживать въ нынѣшнихъ ревнителяхъ братства увѣренность, что общежительное устройство можетъ противодѣйствовать нравственному упадку и вообще тѣмъ недугамъ, которые, по мнѣнію ихъ, препятствуютъ полному осуществленію ихъ религіозно-соціальнаго идеала.

Далѣе убѣждаемся мы изъ опыта гуттерцевъ, что имущественно-поземельное устройство нигдѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть такого всесильнаго, воспитательнаго значенія и вліянія, какъ именно въ средѣ сельско-земледѣльческаго состоянія. Вникая въ сущность радичевской общинной жизни, для насъ дѣлается несомнѣннымъ, что общими началами и всею обстановкою сельско-общественнаго строя обусловливаются не только общественное и частное преуспѣяніе поселянъ вообще, но даже нравственный складъ и характеристическія свойства поселянской личности. При томъ, само собою разумѣется, чѣмъ ниже личное развитіе поселянина, тѣмъ экономическій бытъ его — въ семьѣ и обществѣ — сильнѣе вліяетъ на нравственность и характеръ. Тѣ же радичевскіе братья, проживши всего только десятки лѣтъ при иной поземельно-имущественной комбинаціи, дѣлаютъ, правда, попытки, въ смыслѣ догмата ихъ отцовъ; но вскорѣ, съ понятною грустью и отчаяніемъ въ душѣ, приходятъ къ сознанію полной несостоятельности ихъ начинанія. Далеко не всѣ принимали участіе въ попыткѣ; многіе послѣдовали примѣру другихъ только нехотя и какъ бы не довѣряя дѣлу въ самомъ началѣ; наконецъ, только третьи — нашли возможнымъ, поддерживая святость и непогрѣшимость принципа, сваливать всю вину неудачи на то, что общинники не прониклись «силою Святого Духа.» Но аргументъ этотъ едва-ли можетъ поддержать значеніе принципа въ глазахъ значительнаго большинства гуттерцевъ. А изъ всего этого слѣдуетъ, что нравственный складъ этихъ людей и личныя ихъ воззрѣнія весьма замѣтно измѣнились, благодаря, конечно, прежде всего инымъ хозяйственнымъ условіямъ, въ которыхъ сложился ихъ настоящій бытъ и характеръ.

Наконецъ, настоящій очеркъ вполнѣ указываетъ, по нашему

мнѣнію, совершенную ложность понятія нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ, доказывающихъ, будто сельско-общинное устройство нашихъ крестьянъ тождественно съ началами коммунизма и соціализма; что каждое изъ нашихъ сельскихъ обществъ едва-ли не черезъ край переполнено этими теоріями и т. д. Примѣръ радичевской коммюны слишкомъ осязателенъ и можетъ убѣдить каждаго въ глубокомъ различіи между коммюною и сельско-общиннымъ началомъ, преобладающимъ въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

А. Клаусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПОСЛѢДНІЕ МОНТАНЬЯРЫ

ВО

ФРАНЦІИ.

Les derniers Montagnards. Histoire de l'insurrection de prairial an III (1795). D'après les documents originaux et inédits, par Jules Claretie. Paris. Librairie internationale. 1867. 1 vol. in 8° 403 стр.

Въ послѣднія времена, эпоха большой французской революціи сдѣлалась во Франціи предметомъ самаго разносторонняго изученія. Не проходитъ почти мѣсяца, чтобъ не появилось какое-нибудь новое изданіе неизвѣстныхъ матеріаловъ, или новое изслѣдованіе, монографія. Къ массѣ прежнихъ трудовъ примыкаетъ и недавно вышедшая книга Жюля Клареси, въ которой авторъ останавливается на самомъ послѣднемъ актѣ кровавой драмы, и представляетъ намъ агонію паденія революціи. Во Франціи, какъ замѣчаетъ справедливо Клареси, поняли наконецъ, что та изумительная эпоха была худо изучена, что слѣдовало обратиться къ источникамъ, къ оригинальнымъ документамъ. Но авторъ не правъ, когда тутъ же увѣряетъ, что «приговоры, произнесенные прежде невѣжествомъ или духомъ партіи, теперь быстро уничтожились.» Къ сожалѣнію, многіе чрезъ-чуръ усердные авторы монографій вздумали не только сохранять духъ партіи, но даже держаться отжившей старой системы аналогіи, защищая всѣ слабыя и мрачныя стороны своихъ героевъ, и понося ихъ враговъ еще съ бòльшимъ ожесточеніемъ и пристрастною слѣпотою, чѣмъ то дѣлалось самими дѣйствующими лицами. Такъ поступилъ, напр., Бужаръ (Bougeard, Marat, l'ami du peuple. 1865. 2 vol.) въ сочиненіи о Маратѣ,

и часто представляются приторною риторикою разные возгласы, проклятія и гимны, которыми французы сопровождают свои историческія изслѣдованія; можетъ быть, это происходитъ отъ ихъ слишкомъ близкаго отношенія къ революціи, какъ къ больному, незажившему мѣсту, какъ къ недавней традиціи, переходящей для нихъ такъ сказать въ «живое-мясо».

Помимо этого, книга Клареси весьма интересна и дѣйствительно заслуживаетъ похвалы за живое изложеніе, за пополненіе историческаго разсказа новыми данными, за тѣ искусно начерченныя біографіи, которыя здѣсь представлены гораздо полнѣе, чѣмъ въ общихъ сочиненіяхъ о революціи, и наконецъ, за изображеніе одной личности изъ народныхъ вожаковъ того времени, выведенной теперь въ первый разъ на сцену, на основаніи документовъ архивовъ имперіи (глава VI-я: Brutus-Magnier).

Послѣдними монтаньярами зоветъ Клареси конвентистовъ: Рома, Гужона, Дюкенуа, Бурбота, Дюруа и Субрани. Всѣ они болѣе или менѣе извѣстны въ исторіи революціи, преимущественно Ромъ [1]), своею дѣятельностію какъ члены конвента или какъ его коммиссары; но особенно извѣстны они своимъ самоубійствомъ, спокойнымъ и рѣшительнымъ, по осужденіи ихъ военною коммиссіей за участіе въ возстаніи 1-го преріаля.—Кинé посвятилъ этимъ личностямъ художественную главу, во II-мъ томѣ «Революціи», подъ заглавіемъ «Les derniers des Romains». Всѣ эти люди были далеко не террористами и не партизанами Робеспьера; всѣ они ждали новой эры для *своей* республики послѣ паденія тирана (Робеспьера), и надѣялись на установленіе во Франціи человѣчности, рядомъ съ свободою. Скоро однако ихъ надежды пошатнулись, и они отнеслись съ горькимъ недовѣріемъ къ термидоріанцамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Таліенъ. Видя не только возвращеніе эмигрантовъ и роялистовъ, но вмѣстѣ съ ними появленіе небывалой роскоши партій, созданіе цѣлыхъ ватагъ «Золотой молодежи», открыто попиравшихъ ногами всѣ «принципы святой республики»,—люди эти, вмѣстѣ съ другими уцѣлѣвшими остатками суровыхъ революціонеровъ—сомкнулись въ небольшую партію, удержавшую прежнее названіе «Горы», «монтаньяровъ». Они обвиняли Таліена и его друзей въ союзѣ съ роялизмомъ, въ предательствѣ республики. Обвиненіе — перешедшее въ исторію и до сихъ поръ постоянно

[1]) Ромъ, до начала революціи, былъ въ Россіи воспитателемъ молодого графа Строганова, и съ своимъ воспитанникомъ отправился въ Парижъ въ разгаръ революціи, вводя молодого графа въ разныя собранія, знакомя его съ тогдашними личностями и обстоятельствами. За это, Ромъ былъ лишенъ своего любимаго ученика, отозваннаго въ Россію. Тѣмъ не менѣе, послѣ самоубійства Рома, въ народѣ ходила легенда, что Ромъ вовсе не умеръ, а только раненный былъ спасенъ, увезенъ тайно въ Россію и тамъ будто нашелъ пріютъ въ домѣ графа Строганова.

утверждаемое, но врядъ-ли имѣющее основаніе. Таліенъ, личность котораго заклеймена сентябрьскими убійствами и террористическимъ проконсульствомъ, не искупающимися даже кинжаломъ, поднятымъ на Робеспьера, — Таліенъ оставался всегда врагомъ феодальнаго роялизма. Но при этомъ, онъ все же не могъ обладать гигантскою силою сопротивленія реакціонному потоку, — причина реакціи лежала внѣ Таліена и его поведенія, и Таліенъ былъ только однимъ изъ мечтателей, воображавшихъ примирить всѣ интересы и всѣхъ французовъ, раздѣленныхъ глубокими рѣками пролитой крови. — Полуумный экстазъ и фанатическое самоотверженіе смѣнились послѣ отвратительными вакханаліями и бѣшенымъ презрѣніемъ. «Народъ присутствовалъ съ сердцемъ полнымъ горечи — говоритъ авторъ — при томъ внезапномъ нападеніи на всѣ мѣста, при томъ припадкѣ горячки и истерики, которая овладѣла всѣми людьми, захватившими власть. Уже не было идеи, которая господствовала бы надъ массами; то былъ сбродъ метавшихся и наслаждавшихся; каждый для себя; непреодолимое желаніе вкусить наконецъ широкой и легкой науки, жажда нѣги, всѣ лакомства, всѣ опьяненія, какой-то послѣдній матеріализмъ; женщина — нѣтъ — куртизанка, господствующая надъ свѣтомъ; деньги, развратъ, инстинктъ, смѣнившій страсть; съумасшествіе удовольствій послѣ безумія патріотизма. Какая противоположность! Все забывается, поетъ, рядится, уносится въ вихрѣ, хохочетъ, убиваетъ. Топоръ изгнанъ, но кинжалъ бережется. Въ каждомъ термидоріанцѣ есть доля сентябриста (сентябрьскія убійства въ тюрьмахъ въ 1792 году). Никогда еще Франція не присутствовала при подобныхъ сатурналіяхъ.» Скоро съ криками наслажденій на верху смѣшался страшный крикъ голода въ низу. «Народъ — говоритъ современникъ-роялистъ (Пельтье) — влачится въ нищетѣ, и если еще двигается и торопится — то только для того, чтобъ продлить жизнь, чтобъ достать кусокъ хлѣба.» — А хлѣба не было. Реакція мстила республикѣ жестоко; при скудости хлѣба, она рѣшалась еще на произведеніе искуственнаго голода; барышники скупали хлѣбъ, булочники и лабазники берегли муку для аристократическихъ печеній; провіантскія подводы не доходили до Парижа, ихъ грабили и раскрадывали по дорогамъ; былъ день, когда народъ остался даже и безъ воды — сама природа казалось вызывала его отчаяніе: въ половинѣ марта, 27-го вентоза — источники и фонтаны оказались замерзшими. Народъ однако терпѣлъ не одинъ разъ голодъ во время революціи, и всегда переносилъ лишенія самоотверженно; онъ вѣрилъ своимъ представителямъ, что свободу нельзя добыть безъ лишеній, и ждалъ этой обѣтованной свободы. Теперь же онъ не хотѣлъ болѣе терпѣть, онъ угрюмо смотрѣлъ на конвентъ, который вмѣсто заботъ о народномъ пропитаніи, объ установленіи нормальной науки, — занимался только личными обвиненіями того или другого члена, и разбиваясь

на мелкія партіи, жаждалъ въ своей средѣ личнаго мщенія тому или другому за прошлыя обиды. Къ словамъ Гужона—«Если вы хотите, чтобъ міръ царствовалъ въ республикѣ, то не терпите никакихъ названій, кромѣ названія «гражданъ»; изгоните всѣ другія, которыя только служатъ орудіемъ въ рукахъ того, кто хочетъ возстановить терроръ», — къ этимъ словамъ конвентъ остался глухъ и продолжалъ тянуть дѣло обвиненія товарищей Робеспьера по комитету. Товарищи эти (Берреръ, Бильо-Варень, Коло-д'Эрбуа) были конечно страшно виновны и преступны, но не много въ бо́льшей степени, чѣмъ другіе члены конвента, терпѣвшіе и поддерживавшіе диктатуру Робеспьера.

Наступило 1-ое апрѣля 1795 г. — 12 жерминаля года III-го, — народъ вторгся въ залу собранія съ криками: хлѣба! хлѣба! Депутатъ предмѣстій укорялъ конвентъ въ его распряхъ, требовалъ отъ имени народа освобожденія всѣхъ заключенныхъ патріотовъ, требовалъ мѣръ противъ страшнаго паденія ассигнацій и смертоноснаго голода. — Толпа разошлась предъ появившейся военной силой; но военная сила не уничтожила ея голода, ея озлобленія противъ конвента. Прошло еще смутныхъ полтора мѣсяца. Парижъ прожилъ въ это время, по выраженію Кине́ — долгіе дни отчаянія. Наступило 1-е преріаля—20-е мая 1795. Въ пять часовъ утра Парижъ былъ разбуженъ знакомымъ ему зловѣщимъ гуломъ набата; на улицахъ поднималось возстаніе. Въ 9-ть часовъ, въ предмѣстьяхъ С. Марсо и С. Антуань сверкнули пики, застучали ружья; стѣны покрылись прокламаціей, «программой возстанія». Самое провозглашеніе программы, ея содержаніе, ея форма были необыкновенны, и начинались они уже не обычнымъ призывомъ къ завоеванію правъ: рядомъ съ правами, выше правъ, стоялъ другой новый призывъ: хлѣба! «Народъ — начиналась программа — чтобъ добыть хлѣбъ и возвратить свои права», постановлялъ отправиться въ конвентъ и требовать хлѣба и уничтоженія революціоннаго правительства, «которымъ каждая фракція въ свою очередь злоупотребляетъ для разоренія, голода и рабства народа». Далѣе шло требованіе «демократической» конституціи 1793-го года; отставки существующаго правительства; выпуска патріотовъ изъ тюремъ, и наконецъ — созванія новаго законодательнаго національнаго собранія для смѣны конвента. — Такимъ образомъ, народъ давалъ отставку самому конвенту, и эта отставка была гораздо болѣе категорическая, чѣмъ нѣсколько-лѣтъ предъ тѣмъ дѣло Людовика XVI-го.—Вообще замѣчателенъ тотъ кругъ, тотъ путь, который совершала революція въ своемъ быстромъ теченіи вверхъ и потомъ обратно внизъ—по сходству и одинаковости въ ея пріемахъ и выраженіяхъ въ совершенно различныхъ обстоятельствахъ. Тамъ и здѣсь, этотъ актъ конца революціи, которымъ она заключилась, поразительно сходенъ съ однимъ изъ актовъ ея начала. Она кончилась,

какъ и началась, женщинами, съ однимъ и тѣмъ же ихъ естественнымъ требованіемъ утоленія голода. 5-го и 6-го октября 1789-го года, женщины отправляются въ Версаль, изступленно требуя отъ короля и королевы хлѣба, и подвергая королевскую фамилію униженію возвращаться плѣнною въ Парижъ. Теперь, 20-го мая 1793-го года, только преобразованнаго въ 1-е преріаля года III-го,—тѣже женщины, впереди мужей и братьевъ, отправляются, въ изступленіи голода, въ конвентъ, тоже требуютъ хлѣба, и конечно, своимъ хохотомъ, своимъ громкимъ презрѣніемъ, подвергаютъ конвентъ не меньшему позору.

И конвентъ тоже сохранялъ свои привычки, свои пріемы и выраженія, какъ въ былое время; какъ всегда, въ его средѣ опять раздается призывъ къ самоотверженію: «Съумѣемъ умереть, если надо! Конвентъ съумѣетъ умереть на своемъ постѣ»! и всѣ депутаты, какъ и всегда, клянутся въ томъ, съ поднятою рукою; но ихъ клятвы потеряли торжественность, ихъ обѣты утратили смыслъ, и прерываются нестройнымъ крикомъ: «хлѣба, хлѣба, и поменьше рѣчей»! Мало того, крайняя мѣра, рѣшившая еще недавно окончательную побѣду надъ Робеспьеромъ, когда онъ укрылся въ городскую думу, объявленіе «внѣ закона» всѣхъ его сообщниковъ, которое имѣло магическое вліяніе и разогнало возстаніе,—теперь это «внѣ закона» вызываетъ судорожный смѣхъ голодныхъ женщинъ, снова вторящихъ: «хлѣба»!—Напрасно президентъ хочетъ велѣть очистить залу,—ему отвѣчаютъ: «мы не уйдемъ»! и въ тоже время, въ подтвержденіе отвѣта, въ двери раздаются удары молота и ружей; мужья пришли на помощь женамъ, отцы требуютъ хлѣба для дѣтей, свободы для братьевъ. Всѣ депутаты тѣснятся въ одномъ углу, въ залѣ шумъ и безпорядокъ, говоръ и крики, движеніе входящихъ и выходящихъ; на срединѣ залы завязывается битва. Въ три съ половиною часа раздаются свѣжіе крики: къ оружію! къ оружію! и конвентъ оглашается выстрѣлами между мятежнымъ народомъ и термидоріянскимъ баталіономъ. Залѣ конвента суждено было ороситься кровью. Среди общаго смятенія, въ моментъ геройскаго хладнокровнаго поведенія президента, остававшагося неподвижнымъ предъ дулами ружей, произошла извѣстная сцена, въ которой былъ убитъ молодой депутатъ Феро (Féraud), хотѣвшій защитить президента своимъ тѣломъ. Въ него выстрѣлила изъ пистолета одна помѣшанная женщина, Аспазія Карле-Мигелли. Толпа съ дикимъ звѣрствомъ посадила его отрубленную голову на пику и поднесла президенту, сохранившему то же спокойствіе. Инсургенты были въ силѣ. Они заставили конвентъ слушать свою прокламацію, прочитанную при барабанномъ боѣ; они требовали немедленныхъ мѣръ. Тогда, въ 9-ть часовъ вечера, поднялся съ своего мѣста депутатъ Ромъ и сталъ формулировать высказанныя требованія, предлагая ихъ народу и конвенту на утвержденіе. Онъ предлагалъ, чтобъ былъ допущенъ и дозволенъ

только одинъ родъ хлѣба для всѣхъ безъ различія [1]), чтобъ немедленно были произведены обыски для розысканія скраденной и укрытой муки. Рядомъ съ нимъ говорилъ Гужонъ, предлагая назначеніе особой коммиссіи продовольствія; и наконецъ Бурботъ, среди общаго разгара, предвидя страшныя репрессаліи власти, предлагаетъ уничтоженіе смертной казни, тотчасъ же торжественно провозглашаемое массою.

Въ такомъ положеніи находились дѣла и конвентъ, когда въ полночь стали появляться свѣжіе баталіоны отъ разныхъ кварталовъ (sections), и съ крикомъ: «долой якобинцевъ»! выстрѣлами разогнали уставшую, изнеможенную толпу. Нѣсколько слѣдующихъ дней еще продолжалось смятеніе, стычки, баррикады; роялисты ходили на осаду предмѣстья с.-антуанскаго; жители предмѣстья въ свою очередь устраивали засаду «золотой молодежи»; власти разсуждали о бомбардированіи и сожженіи предмѣстья,—пока наконецъ предмѣстье не сдалось и не покорилось подъ страхомъ запрета снабженія его какой бы то ни было провизіей.

Осьмого преріаля, Ромъ, Гужонъ и другіе монтаньяры были преданы суду нарочно для того учрежденной военной коммиссіи, и приговорены къ смерти за участіе и возбужденіе возстанія. Ихъ опроверженія и доказательства непричастности возстанію не были даже выслушаны до конца. Когда они спокойно узнали приговоръ и спустились въ комнату, гдѣ обыкновенно осужденные одѣвались въ послѣдній разъ [2]), въ рукахъ Гужона сверкнулъ ножъ и исчезъ вонженный имъ въ сердце; Ромъ поспѣшно вытащилъ ножъ изъ полумертваго друга и съ остервенѣніемъ пронзилъ себѣ грудь, изранилъ шею и лицо и упалъ потопленный въ своей крови, протянувъ все тотъ же ножъ третьему осужденному Дюкенуа, и такъ поочередно и быстро погибли всѣ они, шестеро [3]), отъ собственной руки, сохраняя сознаніе и имѣя силу передавать другъ другу орудіе смерти. Но трое изъ нихъ не успѣли во время испустить послѣдній вздохъ; ихъ торопились наказать гильотиной. Эти «послѣдніе Римляне», какъ и первые казненные республиканцы, прощались съ народомъ крикомъ: «да здравствуетъ республика»!..

Одно качество, засвидѣтельствованное исторіей, дѣйствительно остается за всѣми ими неотъемлемо: они всѣ умѣли смѣло встрѣчать

---

[1]) Извѣстный анекдотъ о разрѣшеніи труднаго вопроса одной изъ тогдашнихъ Фриней: узнавъ, что народъ жалуется на недостатокъ хлѣба, она замѣтила: «такъ пусть онъ ѣстъ *бріоши*; бріоши всегда есть»!

[2]) До сихъ поръ историки разсказывали, что самоубійство произошло на ступеняхъ лѣстницы, когда осужденные спускались послѣ приговора. Клареси доказываетъ по документамъ ошибку этого и переноситъ сцену въ комнату одѣванья.

[3]) Другіе замѣшанные въ дѣло, покончили съ жизнью раньше. 10-го преріаля зарѣзался Рюль (Rhûl); 11-го преріаля повѣсился Пріёръ (Prieur-de-la Marne). 15-го преріаля, Моръ (Maure), будучи въ постели, выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета «и спокойно набросилъ на себя покрывало». Утромъ его нашли полумертваго.

смерть, они всѣ непоколебимо уносили съ собой вѣру въ свободу, безполезную смерть, тщетную вѣру.

Рѣшимость самоубійства не могла не поразить и народное воображеніе и власти. Какимъ образомъ у осужденныхъ могъ оказаться ножъ, когда ихъ тщательно осматривали предъ входомъ въ судилище? Утромъ, 29 преріаля, мать Гужона написала письмо къ судьямъ коммиссіи, прося о свиданіи съ сыномъ; она упорно настаивала, несмотря на всѣ отказы, пока наконецъ ее допустили. Ей надо было видѣть сына, чтобъ передать ножницы; она была не одна, и не одно орудіе смерти принесла Гужону: жена принесла ядъ, сестра — ножъ, другъ, Плессо — кинжалъ. Они простились спокойно, безъ слезъ, безъ воплей; только блѣдность женщины могла бы сказать, что то было послѣднее свиданіе.

Другіе осужденные прощались съ родными письменно. То, чтó было замѣчено не разъ относительно другихъ личностей той эпохи, должно быть сказано и объ этихъ. Замѣчательно, что эти суровые фанатики были самыми нѣжными супругами, самыми привязанными и почтительными сыновьями. «Мой послѣдній вздохъ—писалъ Ромъ—будетъ принадлежать отечеству, столь жестоко раздираемому; народу бѣдному и угнетенному; друзьямъ, вѣрнымъ республикѣ; моей добродѣтельной матери, которой послѣднія минуты преисполнены будутъ горечью, и моей несчастной женѣ»!—«Будь спокойна—утѣшалъ онъ жену въ другомъ письмѣ—на счетъ моей судьбы; думай о ребенкѣ, котораго ты носишь; не забудь писать моей бѣдной матери, — исполняй всегда этотъ священный долгъ....... сообщи мнѣ, можешь ли ты продолжать нашу обычную помощь бѣднымъ въ декадѣ (10-й день, замѣнившій воскресенье); мнѣ было бы грустно, еслибъ мы были принуждены прекратить ее»... Другой, Дюкенуа, прощаясь съ женой, завѣщаетъ ей евангельскую заповѣдь: заботься о сохраненіи своихъ дней для дѣтей. Напоминай имъ часто: «не дѣлай никогда ближнему того, чего не хотѣлъ бы, чтобъ сдѣлали тебѣ».

И женщины той странной, исключительной эпохи въ исторіи Франціи, относились къ жизни и къ исторіи сообразно съ подобными понятіями людей. Первый протестъ, который раздался противъ назначенія военной коммиссіи, принадлежитъ матери молодого Гужона: «Я спрашиваю исторію»—говорила она въ своихъ напечатанныхъ размышленіяхъ обращенныхъ къ конвенту—«исторія отвѣчаетъ мнѣ, что всѣ чрезвычайныя учрежденія магистратуры всегда поглощали свободу народовъ».

Относительно Франціи, окровавленной терроромъ и ввергнутой въ голодъ—пророчество было справедливо и не долго заставило ждать своего исполненія. Свобода была давно уже поглощена и только ждала на смѣну себѣ смѣлаго воина, чтобъ окончательно исчезнуть. Исторія, привыкшая къ оффиціальности — считаетъ днемъ такой смѣны 18-ое брюмера.

И. И.

ОБОЗРѢНІЕ НАУКЪ.

НѢМЕЦКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историческое и критическое изслѣдованіе, съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи со временъ Бэкона и Локка. М. Троицкаго. Москва. 1867. in 8°. XIII и 658 стр.

Съ полнымъ упадкомъ всѣхъ философскихъ системъ, психологія выдвинулась на первый планъ, и очень понятно — почему. Она — собственно центръ, къ которому теперь сходятся, и который предполагаютъ всѣ науки, имѣющія предметомъ человѣка. Выяснить научнымъ образомъ отправленія и законы дѣятельности нашей души значитъ, ни больше ни меньше, какъ дать руководящую нить для цѣлаго огромнаго отдѣла знанія, которое занимается человѣкомъ. Итакъ, нѣтъ въ настоящее время, въ цѣлой философіи, вопросовъ болѣе интересныхъ и болѣе важныхъ, какъ психологическіе, и если слѣдуетъ съ чѣмъ знакомить русскую публику по части философіи, то, конечно, прежде всего, съ психологическими изслѣдованіями. А затѣмъ, въ этой еще колеблющейся наукѣ, которая позже другихъ стала предметомъ положительнаго изученія, и по самой сложности психическихъ явленій такъ туго и медленно подвигается впередъ, — *вопросъ о методѣ психологическихъ изслѣдованій* есть все еще пока первый и главный.

Именно на этотъ предметъ и обратилъ все вниманіе г. Троицкій въ своемъ недавно вышедшемъ изслѣдованіи о состояніи нѣмецкой психологіи въ новѣйшее время. Въ этомъ почтенномъ, ученомъ и очень замѣчательномъ трудѣ, авторъ взялся за дѣло съ большимъ знаніемъ и талантомъ, отнесся къ нему съ тою серьезностью и добросовѣстностью, которыхъ въ высокой степени требуетъ всякое научное изслѣдованіе, а тѣмъ болѣе по такой запутанной и трудной наукѣ, какъ психологія. Излагая при этомъ сравнительно пріемы и изслѣдованія англійскихъ и нѣмецкихъ психологовъ, авторъ даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе, и нагляднымъ образомъ на выведенныхъ резуль-

татахъ показываетъ, на сколько англійская метода удачнѣе, лучше, выше нѣмецкой. Такимъ образомъ, г. Троицкій прямо вводитъ русскихъ читателей, вообще мало знакомыхъ съ современнымъ движеніемъ философіи, въ самую «суть» дѣла, и въ ясномъ, отчетливомъ изложеніи знакомитъ ее со всѣми существенными психологическими выводами, до которыхъ въ наше время доработалась наука. Это—большая заслуга, и въ особенности именно теперь. Требованіе на философское чтеніе несомнѣнно существуетъ въ нашемъ обществѣ, но мы еще мало подготовлены къ самостоятельному труду мысли: книга г. Троицкаго даетъ обильный и здоровый матеріалъ для философскаго обсужденія, и тѣмъ удовлетворяетъ умственной потребности русской публики, пополняя въ то же время важный пробѣлъ въ нашей ученой литературѣ. Отнынѣ трудно уже будетъ морочить нашихъ читателей доморощенными фантазіями, съ залихватскою удалью, выдавая ихъ за философскія аксіомы и послѣднее слово науки; не поможетъ и обычная замѣна аргументовъ площадными шутками и кулаками, ни маскировка грубаго незнанія наглою самоувѣренностью тона и дикостью рѣчей. Татарская перифразировка на-угадъ и авось — европейскихъ взглядовъ, наѣздничество въ области науки, обращеніе за панибрата съ вопросами, которые тысячелѣтія занимали лучшіе умы и все еще не получили окончательнаго рѣшенія, — все это безобразіе и философское гаерничанье должны у насъ, съ появленіемъ книги г. Троицкаго, прекратиться и исчезнуть, надѣемся, навсегда. Теперь у каждаго будутъ подъ руками послѣдніе выводы европейской науки, изложенные общедоступно, послѣдовательно, спокойно, обдуманно, и спекуляція на незнаніе читателей должна волей-неволей стать тише, скромнѣй и приличнѣй.

Взглядъ автора, вообще говоря, кажется намъ правильнымъ, и трудно не согласиться съ основною его мыслью. Мы находимъ однако, что онъ не совсѣмъ безпристрастно относится къ англійскимъ и нѣмецкимъ психологамъ, преувеличиваетъ заслуги первыхъ и несправедливо отрицаетъ значеніе послѣднихъ. Психологія — наука сравнительно новая. Психологическія изслѣдованія, до сихъ поръ, не болѣе, какъ подготовительныя работы, при помощи которыхъ мы пытаемся болѣе или менѣе неудачно, оріентироваться въ загадочной и темной области психическихъ явленій, упорно отстаивающей свои тайны. Въ этихъ подготовительныхъ трудахъ, въ постепенной выработкѣ твердой почвы для психологіи, англійскіе ученые безспорно занимаютъ очень видное и почетное мѣсто. Они высвободили психологію изъ-подъ философской кабалистики, которою она была завалена, и первые взглянули на психическіе факты, какъ на предметъ фактическаго научнаго изученія. Въ этомъ отношеніи нѣмецкіе писатели далеко отъ нихъ отстали, примѣшивая въ своихъ изслѣдованіяхъ произвольныя

умозрѣнія къ выводамъ изъ положительныхъ данныхъ. Но едва ли справедливо идти далѣе этой сравнительной оцѣнки. При несомнѣнныхъ преимуществахъ метода, англичане смотрятъ на психологію чрезвычайно односторонне; вслѣдствіе того, они теряютъ изъ виду цѣлый рядъ психическихъ явленій, который, напротивъ, разработанъ, сравнительно, очень обстоятельно и полно нѣмцами, правда въ странной формѣ и съ примѣсью удивительныхъ галлюцинацій. Вотъ почему мы думаемъ, что будущему психологу, которому выпадетъ на долю счастливая и блистательная роль Колумба въ научномъ уясненіи свойствъ и операцій души,— одной изъ величайшихъ загадокъ, надъ которыми когда либо работалъ человѣческій умъ — придется одинаково воспользоваться и трудами англичанъ и работами нѣмцевъ. Тѣ и другіе подходятъ къ предмету съ двухъ различныхъ сторонъ, въ одинаковой мѣрѣ участвующихъ въ произведеніи психическихъ явленій и потому равно необходимыхъ для правильнаго ихъ пониманія. Въ этомъ смыслѣ нѣмецкіе и англійскіе ученые скорѣй дополняютъ другъ друга, и занимаясь психологіей, нельзя, безнаказанно, обойти тѣхъ или другихъ.

Къ этимъ мыслямъ приводитъ слѣдующее простое наблюденіе. Анализируя любое психическое явленіе, мы находимъ, что, оно по своему содержанію, приводится къ двумъ источникамъ, указаннымъ Локкомъ, т. е. къ внѣшнимъ и внутреннимъ впечатлѣніямъ; только въ однихъ изъ психическихъ явленій источникъ, откуда взято ихъ содержаніе, ясенъ съ перваго взгляда, въ другихъ, напротивъ, онъ сразу не узнаваемъ, и мы открываемъ его лишь съ помощью разложеній или аналитическихъ операцій. Такое различіе показываетъ, что внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія проходятъ въ нашей душѣ чрезъ какіе-то процессы, которые ихъ переработываютъ въ новый видъ, какого они сначала не имѣли. Для примѣра, возьмемъ понятіе о человѣкѣ, домѣ и проч. Ихъ содержаніе видимо сложилось изъ впечатлѣній внѣшняго міра; понятіе о памяти, чувствѣ, волѣ — изъ внутреннихъ впечатлѣній; напротивъ, понятіе о времени и пространствѣ не имѣетъ, по своему содержанію, такой же наглядности и очевидности, какъ приведенныя выше, и только цѣлымъ рядомъ аналитическихъ дѣйствій мы можемъ открыть ихъ источникъ, — внѣшнія впечатлѣнія.

Но если впечатлѣнія, внутреннія и внѣшнія, подвергаются въ насъ переработкѣ, и притомъ не одной, а послѣдовательно нѣсколькимъ, изъ которыхъ каждая болѣе и болѣе измѣняетъ ихъ первоначальный видъ, такъ что наконецъ на иныхъ психическихъ фактахъ, намъ сразу и не понятно, откуда они взялись, то, значитъ, въ душѣ нашей, сознательно или безсознательно, совершаются процессы, которые выдѣлываютъ поступившій въ насъ внутренній и внѣшній матеріалъ въ новыя формы. Что же это за процессы, и можемъ ли мы прослѣдить

нихъ? Судя по результатамъ, ихъ должно быть безчисленное множество, чрезвычайно разнообразныхъ. Изучить эти процессы можно только сравнивая между собою разныя формы, которыя впечатлѣніе получаетъ въ нашей душѣ впродолженіе постепенной его переработки, подмѣчая измѣненія, которымъ оно послѣдовательно подвергалось и, по свойству такихъ измѣненій, дѣлая заключенія о свойствахъ, характерѣ и особенностяхъ самаго процесса, черезъ который впечатлѣніе проходило въ нашей душѣ. Какъ ни трудна сама по себѣ эта работа, какъ она ни усложняется еще необходимостью принимать въ разсчетъ разнообразныя видоизмѣненія продуктовъ такихъ процессовъ безчисленными побочными обстоятельствами и вліяніями, внутренними и внѣшними,—все же подобный анализъ возможенъ, и пока онъ не сдѣланъ, о психологіи, какъ наукѣ и думать нечего. Физіологъ вѣдь не ограничивается разсмотрѣніемъ того, что выработывается организмомъ; онъ внимательно, шагъ за шагомъ, слѣдитъ за ходомъ физіологическихъ операцій, которыя объясняютъ свойства изучаемаго живаго организма. Та же задача предстоитъ и психологу: психическій анализъ долженъ обнимать не одни результаты нашей духовной дѣятельности, но и самую эту дѣятельность, ея формы и законы; иначе, обративъ вниманіе на одну сторону и опустивъ другую, онъ вѣчно будетъ ходить въ потемкахъ.

Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на выполненные доселѣ психологическіе труды, то окажется, что англійскіе ученые обратили все вниманіе почти исключительно на одно содержаніе, нѣмецкіе почти также исключительно на одни операціи и процессы души. Этимъ, какъ мы думаемъ, объясняются сильныя и слабыя стороны тѣхъ и другихъ и неудовлетворительность результатовъ, выведенныхъ англійскими и нѣмецкими психологами, не смотря на большія заслуги и высокое совершенство анализа.

Англійскіе психологи — великіе мастера въ изслѣдованіи психическаго содержанія; но процессы души остаются у нихъ не выясненными. Геніальный основатель науки психологіи въ Англіи, Локкъ, не обратилъ на эту сторону души никакого вниманія и по его стопамъ пошли всѣ англійскіе психологи. На сколько Локкъ силенъ и глубокъ, изслѣдуя содержаніе психическихъ явленій, на столько онъ слабъ, касаясь психическихъ процессовъ.

Самое содержаніе объясняется имъ крайне неудовлетворительно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правильность анализа существенно зависитъ отъ правильнаго пониманія психическаго процесса, черезъ который прошелъ анализируемый фактъ. Такъ, Локкъ никакъ не можетъ справиться съ понятіемъ о пространствѣ, именно потому, что оно есть продуктъ очень сложнаго психическаго процесса; усилія его объяснить этотъ мудрёный продуктъ невольно вызываютъ улыбку.

Читая Локка, съ изумленіемъ замѣчаешь, что онъ даже не подозрѣвалъ существованія органическихъ процессовъ души; а когда самые факты наталкивали его на ихъ присутствіе и дѣятельность, онъ входилъ въ объясненія произвольныя и ничего не объясняющія.

Совсѣмъ другое нѣмецкіе философы. Ихъ вниманіе сосредоточено именно на психическихъ операціяхъ и процессахъ, которые разработаны ими превосходно, съ неподражаемымъ совершенствомъ, но въ своемъ родѣ также односторонне, какъ англичане изслѣдовали психическое содержаніе. Послѣдніе не знаютъ и не понимаютъ процессовъ души, нѣмецкіе ученые не подозрѣваютъ реальнаго, положительнаго содержанія психическихъ операцій и потому расширяютъ ихъ въ міровые законы, переносятъ изъ человѣческой души въ заоблачныя пространства и вдаются въ невѣроятныя фантазіи. Ихъ психическій анализъ, доведенный до изумительной тонкости во всемъ, что касается психическихъ процессовъ и операцій, крайне слабъ въ примѣненіи къ психическому содержанію. Они не умѣютъ привести его къ его источникамъ, что̀ въ такомъ совершенствѣ исполнили англійскіе ученые, и вслѣдствіе этого принимаютъ за первоначальные элементы психической жизни. Изъ этого источника проистекаютъ, главнымъ образомъ, ошибки и заблужденія нѣмецкихъ психологовъ. Не обращая почти никакого вниманія на положительное содержаніе психическихъ явленій, и потому не умѣя открыть его, нѣмецкіе ученые становятся въ тупикъ и принуждены прибѣгать къ фантазіямъ, чтобъ наполнить пробѣлъ въ наукѣ. Нельзя не согласиться съ г. Троицкимъ, что эти фантазіи обильно уснащены преданіями схоластики среднихъ вѣковъ; но было бы крайне несправедливо забывать изъ-за одного этого положительныя и огромныя заслуги нѣмцевъ по разработкѣ психологіи, какъ науки. Въ разъясненіи организма и отправленій души, нѣмецкіе философы — величайшіе мастера, и также точно опередили англичанъ, какъ послѣдніе превзошли нѣмцевъ въ анализѣ психическаго содержанія.

Вотъ съ какой точки зрѣнія и въ какомъ смыслѣ мы находимъ сужденія г. Троицкаго о нѣмецкой философіи слишкомъ строгими, а относительно Канта даже несправедливыми. Кантъ сдѣлалъ для научной разработки дѣятельности отправленій души, формъ и процессовъ этой дѣятельности, тоже, что Локкъ для выясненія психическаго содержанія. Его изслѣдованія односторонни, несовершенны, отзываются сильнымъ вліяніемъ схоластическихъ преданій, — все это такъ; но вправѣ ли мы, изъ за этого, утверждать, какъ дѣлаетъ г. Троицкій, что Кантъ не болѣе какъ продолжатель той же схоластики на новый ладъ, только съ кой-какими плохо и на половину понятыми заимствованіями изъ англійскихъ психологовъ? Мы, напротивъ, думаемъ, что Кантъ такой же геніальный творецъ психологіи, какъ Локкъ, только

начавшій свои изслѣдованія съ другого конца; потому то Кантъ и не принялъ выводовъ англійскаго мыслителя. Между Локкомъ и Кантомъ произошло недоразумѣніе единственно вслѣдствіе того, что психологическіе пріемы того и другого были еще очень несовершенны. Мы теперь имѣемъ уже подъ руками превосходныя подготовительныя работы надъ психологическими явленіями во всѣхъ отрасляхъ положительнаго знанія и потому не останавливаемся передъ анализомъ идей, категорій и формъ чувственнаго созерцанія. У Канта этихъ богатыхъ научныхъ пособій не было и ему казались эти психическіе факты первичными, неразложимыми. Оттого, Кантъ остановился на полдорогѣ и пришелъ ко многимъ ошибочнымъ выводамъ. Но, какъ мы замѣтили выше, у Локка развѣ мало такихъ же ошибочныхъ выводовъ, хотя и совсѣмъ другого рода, вслѣдствіе того только, что онъ опустилъ изъ виду психическіе процессы и операціи? Намъ теперь едва ли можно, не грѣша противъ истины, противуполагать ихъ другъ другу. Полное безпристрастіе и ясный взглядъ на психологическія задачи, напротивъ, должны рано или поздно привести къ убѣжденію, что оба великіе психолога дополняютъ другъ друга и только вмѣстѣ взятые могутъ быть по справедливости названы творцами психологіи въ смыслѣ положительной науки. Кромѣ того, мы не можемъ согласиться съ общепринятымъ мнѣніемъ, которое раздѣляетъ и г. Троицкій, будто Кантъ есть основатель послѣдующей спекулятивной нѣмецкой философіи. Такъ всѣ думаютъ по преданіямъ, по внѣшней связи философскихъ системъ съ критическими изслѣдованіями Канта. Но что же, спрашивается, на самомъ дѣлѣ, общаго, между философскими построеніями Фихте, Шеллинга и Гегеля, съ критикой Канта? Развѣ они могутъ быть, по справедливости, названы продолжателями его психолохическихъ изысканій? Совсѣмъ напротивъ: они воспользовались его весьма еще несовершенными выводами изъ столько же несовершенныхъ психологическихъ изслѣдованій, для «конструированія» науки, когда слѣдовало работать, въ томъ же критическомъ направленіи далѣе и далѣе. Замѣтимъ еще, что Кантъ не былъ творцомъ философской системы, а только подготовлялъ для нея основанія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, между нимъ и Локкомъ много общаго. У послѣдняго нашлись тоже послѣдователи во Франціи, которые его не поняли и пошли по старой колеѣ, строить философскія системы, воображая, что развиваютъ далѣе его идеи. Спекулятивная нѣмецкая философія развивалась подъ вліяніемъ Канта — обойти его было невозможно, — но совсѣмъ не по проложенному имъ пути, и договорилась Богъ-знаетъ до чего. Г. Троицкій является ея рѣшительнымъ противникомъ и въ этомъ нельзя ему не сочувствовать. Но мы думаемъ, что руководимый вообще вѣрнымъ взглядомъ на предметъ, онъ увлекся слишкомъ далеко въ своемъ нерасположеніи

къ нѣмецкой философіи, и вслѣдствіе того, не оцѣнилъ какъ слѣдуетъ ея роль, значеніе, причины ея временныхъ успѣховъ и ея положительныя заслуги. Спекулятивныя нѣмецкія системы работали, сами того не сознавая, надъ психическими явленіями, дѣлали открытія въ области психологіи и выяснили множество психическихъ законовъ. Содержаніе этихъ системъ — чисто психологическое; каждая изъ нихъ основана на психическихъ данныхъ, которыя раздуты во всемірные законы, въ законы цѣлаго бытія. Нѣмецкая философія послѣ Канта есть, если можно такъ выразиться, иносказательная психологія, легенда, въ основаніи которой лежитъ правда, но только не та, которую она выдаетъ за правду. Поэтому мы, съ своей стороны, убѣждены, что безъ пристальнаго изученія нѣмецкой философіи конца XVIII и XIX вѣка и безъ самаго внимательнаго соображенія добытыхъ ею психологическихъ результатовъ, дальнѣйшая научная разработка психологіи не можетъ двигаться успѣшно впередъ. Направленіе психологическихъ работъ у нѣмцевъ также необходимо для созданія науки, какъ и направленіе, господствующее у англичанъ. Опуская изъ виду одну изъ сторонъ, представляемыхъ тѣми и другими, психологія никогда не выберется на торную дорогу, не сдѣлается положительной наукой. Доказательства тому на лицо. Г. Троицкій очень убѣдительно разоблачилъ неудовлетворительность результатовъ, къ которымъ пришли нѣмецкіе психологи. Но мы позволимъ себѣ, въ свою очередь, спросить: развѣ результаты, добытые англичанами, несмотря на видимое, безспорное превосходство ихъ метода, удовлетворительнѣе? Развѣ англійскіе психологи не путаются, точно также какъ нѣмцы, въ опредѣленіи воли, отношеній человѣка къ предметному міру, свободы и необходимости, или, какъ они поправляютъ, свободы и принужденія, необходимости и случайности? Нельзя назвать сколько нибудь удовлетворительнымъ выводъ, что «существованіе системы вещей, какое мы понимаемъ, когда говоримъ о внѣшнемъ мірѣ, не можетъ быть доказано никакимъ аргументомъ», тогда какъ «вѣра въ него имѣетъ силу, которая выше силы аргумента и абсолютно непреодолима». Читая это, невольно становишься снисходительнѣе къ выводамъ Канта и даже Фихте. Длинныя и весьма затѣйливыя, весьма хитросплетенныя разсужденія англійскихъ психологовъ о волѣ, необходимости и свободѣ, приводятъ къ тому результату, что собственно свободной воли нѣтъ, что она всегда дѣйствуетъ по внушеніямъ, на которыя соглашается. Изъ этого выходитъ, что свобода воли приводится къ сознанію, или правильнѣе сказать къ иллюзіи, что она свободна; на самомъ же дѣлѣ ее опредѣляютъ внушенія, т. е. извѣстное расположеніе обстоятельствъ и условій, которыя слагаются независимо отъ нея и человѣка; но изъ этого слѣдуетъ, что воля не свободна, что произвольныхъ ея движеній на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Стало быть воля не свободна. Чѣмъ же этотъ вы-

водъ лучше разумно-свободной воли Гегеля, которая, въ дѣйствительности, оказывается несвободною? Джонъ Стюартъ Милль, на котораго ссылается г. Троицкій, разбирая понятіе о свободѣ и необходимости, играетъ словами, не хуже гегеліанцевъ и чрезвычайно остроумно отдѣлывается отъ вопроса свободы воли. Онъ не признаетъ, но всячески избѣгаетъ выразить это прямо и забрасываетъ читателя діалектическими тонкостями, которыя сдѣлали бы честь любому софисту или схоластику. Дѣло въ томъ, что и нѣмецкіе и англійскіе психологи, отправляясь въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ различныхъ посылокъ, разрѣшая различныя задачи, употребляя различные пріемы, обращаютъ, какъ мы сказали выше, все вниманіе исключительно на одну какую нибудь сторону психологическихъ явленій. Вслѣдствіе этого, и совокупность условій, производящихъ эти явленія, теряется изъ виду; изслѣдованія, несмотря на кажущуюся реальность, имѣютъ, на самомъ дѣлѣ, отвлеченный характеръ, и какъ всякая отвлеченность, не въ состояніи обнять живой дѣйствительности. Мы не думаемъ ставить имъ это въ упрекъ. Всякая наука начинаетъ съ разложенія предмета на части, и съ дробнаго ихъ изслѣдованія, только впослѣдствіи, когда детальная работа кончена, частные результаты сводятся въ цѣлое. Не слѣдуетъ однако забывать, что выводы односторонняго разсмотрѣнія не могутъ быть названы окончательными; нельзя безъ важныхъ оговорокъ соглашаться съ результатами такихъ отрывочныхъ изслѣдованій. Повторяемъ, психологія какъ наука еще впереди и останется надеждою будущаго, пока новыя изслѣдованія не воспользуются въ одинаковой мѣрѣ трудами нѣмецкихъ и англійскихъ ученыхъ, не отдавая несправедливаго предпочтенія тому или другому направленію, между которыми до сихъ поръ безвыходно колеблется психологія.

Вотъ нѣсколько мыслей, которыя мы считали необходимымъ высказать по поводу замѣчательной и почтенной книги г. Троицкаго. Надѣемся, что онъ прочтетъ ихъ съ тѣмъ же доброжелательствомъ, съ какимъ мы ихъ писали. У насъ то или другое рѣшеніе психологическихъ задачъ имѣетъ не одинъ чисто теоретическій, научный интересъ, какъ въ Европѣ, но и важное практическое значеніе. Авось либо, съ легкой руки г. Троицкаго, мы наконецъ обратимъ на нихъ особенное вниманіе, и сосредоточимъ на нихъ серьезный умственный трудъ.

К. КАВЕЛИНЪ.

ОБОЗРѢНІЕ ИСКУССТВЪ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ВО ФРАНЦІИ.

Если XIX-й вѣкъ не будетъ начертанъ золотыми буквами въ лѣтописяхъ драматическаго искусства, то тѣмъ не менѣе Франціи не прійдется обтягивать его мѣсто чернымъ крепомъ. Какъ бы часто ни раздавались въ обществѣ фразы о томъ, что французскій театръ умеръ, что его мѣсто заняли безсмысленные фарсы и дикія зрѣлища, дающія пищу одному глазу, но никакъ не головѣ — драматическое искусство во Франціи нельзя признать погребеннымъ; оно, для мертвеца, слишкомъ много заставляетъ еще о себѣ говорить. Не отказывая ему въ жизни, справедливо все таки будетъ сказать, что драматическое искусство, какъ во всей остальной Европѣ, такъ и во Франціи, значительно понизилось въ своемъ уровнѣ, и причину того нужно искать въ тревожномъ состояніи всего цивилизованнаго міра. Для того, чтобы искусство развивалось свободно, необходимо, чтобы въ жизни народной была гармонія, единство, чтобы общество не распадалось на нѣсколько враждебныхъ лагерей, чтобы въ средѣ его не гнѣздилось вредное для искусства революціонное движеніе. Если въ будущемъ оно оказываетъ ему нѣкоторую пользу, внося въ него новую идею, то, въ настоящемъ, эпоха броженія останавливаетъ его развитіе. Періодъ испытанія еще не кончился для искусства; общество, занятое практическими вопросами, слишкомъ мало посвящаетъ ему вниманія. Но, не смотря на то, что Франція стояла на первомъ планѣ въ общемъ европейскомъ движеніи, ея драматическое искусство менѣе потерпѣло отъ него, чѣмъ въ другихъ странахъ. И въ этомъ легко убѣдиться, если, взглянувъ на французскую сцену, мы обратимся къ другимъ. Вездѣ мы видимъ только одно, а именно, французскій театръ, осуждаемый на смерть, занимаетъ собою чуть не всѣ европейскія афиши. Тому, кто или самъ путешествуетъ по Европѣ, или слѣдитъ за тѣмъ, что

дается на англійской, нѣмецкой, испанской или итальянской сценѣ, нельзя не быть поражену этимъ фактомъ: вездѣ только и видно, что переводы, передѣлки или переложенія французскихъ пьесъ. Посѣщая англійскіе театры, большею частью видишь тоже, чтó и въ Парижѣ, и только изрѣдка, какъ бы для того, чтобы напомнить, что и тутъ было когда-то драматическое искусство, на афишѣ ставятъ величественное имя Шекспира. Въ Германіи — тотъ же фактъ, съ тою только разницею, что вмѣсто имени Шекспира красуются имена Шиллера и Гёте, которыя въ Италіи замѣняются именемъ Альфьери, а въ Испаніи Кальдерономъ. Но всѣ эти имена принадлежатъ прошедшему, настоящее же не спѣшитъ замѣнить ихъ, и въ ожиданіи, европейскія сцены заимствуютъ свой современный репертуаръ у Франціи, которая если не даритъ ихъ новыми Мольерами и новыми Бомаршé, то все-таки даетъ имъ иногда, хотя и рѣдко, талантливыя произведенія, которыми не слѣдуетъ пренебрегать. Бѣдность остальныхъ европейскихъ сценъ, за исключеніемъ можетъ быть русской, и сравненіе съ ними репертуара французскаго театра, который съ трудомъ, но все таки борется съ противнымъ ему теченіемъ и не даетъ угаснуть драматическому искусству, даже питаетъ своими современными драматическими произведеніями всѣ почти европейскія сцены, — это одно должно было бы удерживать отъ безусловнаго обвиненія французскаго театра въ полномъ паденіи и ничтожествѣ. Тотъ театръ, который выработалъ себѣ новое направленіе, рѣзко отличающееся отъ всѣхъ другихъ, который имѣетъ силу защищать это направленіе, — заслуживаетъ другой оцѣнки, болѣе справедливой, нежели та, которая, поражаясь одними кидающимися въ глаза пороками и не желая вникнуть съ одной стороны въ ихъ причину, и съ другой не обращая вниманія на стоящія рядомъ съ недостатками достоинства, произноситъ надъ этимъ театромъ приговоръ окончательнаго паденія.

Нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить весьма близко и точно направленіе современнаго французскаго театра, оно ясно каждому, кто захочетъ лишь дать себѣ трудъ уловить общую нить, связующую всѣ явившіяся въ послѣднее время сценическія произведенія, или тотъ духъ, которымъ проникнуты всѣ современные драматурги. Это — реализмъ. Но гораздо труднѣе, или по крайней мѣрѣ, кажется труднымъ на первый взглядъ, уясненіе себѣ того, какимъ образомъ это новое направленіе утвердилось во Франціи, какимъ образомъ реализмъ въѣлся въ ту почву, которая считалась всегда самымъ крѣпкимъ оплотомъ псевдо-классицизма? Глубоко ошибутся тѣ, которые подумали бы, что реализму стоило лишь только показаться, чтобы тотчасъ же сдѣлаться господствующимъ направленіемъ! Нѣтъ, побѣда ему не досталась такъ легко, псевдо-классицизмъ не былъ для него слабымъ противникомъ, который бѣжитъ съ поля битвы при первомъ напорѣ врага.

Борьба́ реализма съ псевдо-классицизмомъ на театрѣ продолжалась болѣе вѣка, съ перемѣннымъ счастьемъ, съ измѣнявшимися шансами на успѣхъ, на окончательное преобладаніе одного надъ другимъ. Въ борьбѣ этой есть нѣсколько фазисовъ, изъ которыхъ каждый сопровождался новымъ направленіемъ драматическаго искусства, и на эти то грани, на эти переходныя эпохи французскаго театра и нужно указать, хотя въ общихъ чертахъ, чтобы господствующій въ настоящую минуту реализмъ представлялся не упавшимъ прямо съ неба, а напротивъ,—неизбѣжною формою, вытекшею изъ всего прошедшаго. Не останавливаясь на причинахъ, вызвавшихъ во Франціи псевдо-классицизмъ, мы поймемъ однако его происхожденіе, если вспомнимъ какіе сильные корни оставила латинская цивилизація вообще во всѣхъ странахъ, находившихся подъ римскимъ господствомъ. Христіанскій слой, легшій на латинскую цивилизацію, не могъ подавить языческаго элемента, который въ XII вѣкѣ старается уже воскресить свою старую философію [1]). Въ XIII и XIV вѣкахъ, языческая литература уже сильно занимаетъ собою умы, и ея вліяніе всего болѣе отражается въ произведеніяхъ италіянскихъ писателей. Скоро поклоненіе латинскимъ и греческимъ писателямъ достигаетъ въ Италіи поразительныхъ размѣровъ, обращается въ какую-то мономанію, и заставляетъ всѣхъ ученыхъ отказаться отъ собственнаго языка и замѣнить его латинскимъ. Классическая эпидемія заражаетъ собою Францію и простирается на всѣ области искусства, подчиняетъ себѣ архитектуру, скульптуру, литературу. Походы въ Италію Карла VIII и Лудовика XII перенесли ее оттуда. Классическое искусство возстаетъ точно изъ могилы; для него начинается эпоха *Rénaissance.* Въ этомъ общемъ вихрѣ идей, поднятомъ среди «возрожденія», выступилъ на сцену весь древній міръ съ его матеріализмомъ, шедшимъ рядомъ съ Платономъ и Аристотелемъ, съ его учеными поэтами; даже миѳологія сдѣлалась религіей воображенія чуть не для всѣхъ «докторовъ», художниковъ и поэтовъ, которые были недалеки отъ того, чтобы увѣровать въ Венеру и великаго Юпитера [2]). Римъ свирѣпо возсталъ противъ такого языческаго вторженія, но не на долго. Все, что́ удалось сдѣлать папѣ Павлу II, это замучить въ пыткѣ нѣсколькихъ послѣдователей Платона и Аристотеля. Преемники Павла II, болѣе равнодушные и занятые другими интересами, оставили это движеніе во имя «возрожденія» древняго міра идти своимъ путемъ. При этомъ нужно замѣтить, что обожаніе древняго міра обхватило собою главнымъ образомъ именно тѣ страны, въ которыхъ католицизмъ одержалъ верхъ надъ протестантизмомъ. Общества, оставшіяся вѣрными папѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утомленные все-

---

[1]) Histoire des idées littéraires en France, par Alfred Michiels, p. 3, III.
[2]) Histoire de France, par Henri Martin. T. VII, p. 231.

возможными правилами, стѣсненіями, которыя налагалъ на нихъ Римъ, искали развлеченія отъ католическихъ принциповъ и традицій въ воспоминаніяхъ древняго міра, въ его исторіи, въ его доктринахъ, въ его миѳологіи, въ его поэтахъ; древніе боги, герои, получали теперь какую-то поэтическую оболочку. Въ католическихъ государствахъ принятіе классической поэзіи было не чѣмъ инымъ, какъ литературнымъ протестантизмомъ. Она замѣнила собою знаніе, философію, основывавшуюся на наблюденіи, на лучшемъ знакомствѣ съ внѣшнимъ міромъ, и выработанную реформаціей. Вотъ отчего классицизмъ преимущественно водворился въ Италіи, Испаніи и во Франціи; съ одной стороны, католичество было слишкомъ узко для общества, съ другой — наблюденіе дѣйствительной жизни было слишкомъ широко для Рима, и онъ недопускалъ его. Поклоненіе классицизму выразилось во Франціи съ самою большою силою въ XVII в., когда ея великіе поэты, Корнель и Расинъ взяли себѣ не только за образцы, но за модели, которые они старались копировать, — Эврипида и Софокла. Но истинный классицизмъ, перейдя на французскую почву, превратился въ псевдоклассицизмъ, и это не могло быть иначе. Греческій театръ, творенія ихъ трагиковъ, образцы ихъ комедій, выражали собою жизнь народа; поэты вдохновлялись своими богами, своими героями, у нихъ былъ свой идеалъ, выработанный ихъ собственною цивилизаціею, они почерпали свое вдохновеніе въ окружавшей ихъ средѣ, и потому въ ихъ произведеніяхъ и свѣтитъ та правда, которой недостаетъ поэтамъ XVII вѣка. Однимъ словомъ, древніе греки и римляне были собственно реалисты по отношенію къ самимъ себѣ, и потому не столько наши классики, сколько наши реалисты могутъ въ древней цивилизаціи видѣть своихъ предковъ. Но то, что̀ у древнихъ реально, у ихъ подражателей осталось безъ почвы; то, что̀ тамъ поражаетъ своею истиною, здѣсь является притворствомъ, что̀ тамъ въ самомъ дѣлѣ передаетъ жаръ и страсть, то здѣсь замѣняется напыщенностью; что̀ тамъ должно было волновать цѣлый форумъ, здѣсь было назначено для того только, чтобы вызвать одобрительную улыбку небольшой театральной залы Версальскаго дворца. Роль поэтовъ Лудовика XIV была несравненно труднѣе той, которая выпала на долю древнихъ греческихъ творцевъ: имъ открыты были всѣ стороны жизни, они могли вдохновляться всѣмъ, что̀ можетъ только человѣка вдохновлять; имъ не дѣлали извѣстныхъ требованій, которыхъ они не смѣли бы нарушать; передъ ихъ воображеніемъ смѣло могъ являться весь человѣкъ со всѣми его страстями, со всѣми его даже дикими инстинктами, стремленіемъ; искусство было выраженіемъ человѣческой натуры во всей ея полнотѣ, а не удовлетвореніе пустого требованія: красно говорить! У поэтовъ Лудовика XIV никто не спрашивалъ ни волненія страстей, ни новизны идей, ни блеска образовъ, но только связь мыслей, вѣрность выраженій и гармонію періодовъ.

Общество, для котораго писали Корнели и Расины, гораздо холоднѣе относилось къ изображенію истиннаго и сильнаго чувства, чѣмъ къ гладкимъ мадригаламъ и остроумнымъ разсужденіямъ; оно гораздо болѣе любило выраженіе, нежели то, чтó выражалось; ему нуженъ былъ стиль, а не душа. Оно терпѣло, оно апплодировало умѣренной, приличной, урѣзанной страсти Федры, но оно не вынесло бы ее, если бы Расину хоть на минуту вздумалось забыть требуемый тонъ и изобразить ея дѣйствительную, непосредственную страсть. Придворная жизнь требовала придворнаго театра, этикетъ при дворѣ требовалъ этикета на театрѣ; всѣ дѣйствующія лица, всѣ характеры должны были дѣлаться и говорить по тѣмъ правиламъ, по тѣмъ строгимъ законамъ, по которымъ двигались и говорили придворные. Горе тому поэту, который захотѣлъ бы хоть на минуту вырваться изъ версальской атмосферы и вдохнуть въ себя свѣжаго воздуха, заглянуть въ дѣйствительную жизнь и изобразить истинный характеръ. Тутъ все должно было быть условно и искусственно, все должно было быть подчинено однообразному вкусу абсолютной монархіи Лудовика XIV. Люди, характеры, идеи, все должно было быть выстрижено подъ одинъ уровень, какъ были выстрижены кусты, деревья, цѣлые лѣса Версаля. Свободная природа была изгнана повсюду, и вездѣ была замѣнена ложью и искуственностью. Театръ не могъ составлять исключенія. Много разнился отъ этихъ поэтовъ, писавшихъ исключительно для аристократическаго общества, презиравшихъ всѣми случайностями обыкновенной жизни, представлявшихъ только нравы элегантныхъ салоновъ, говорившихъ жеманнымъ, избраннымъ языкомъ большого свѣта,— греческій театръ, не пренебрегавшій ни простыми смертными, ни интимными подробностями. Пастухи, свинопасы, являются въ произведеніяхъ Эврипида, Эсхила и Софокла точно также, какъ цари, герои и миѳическія личности; языкъ ихъ спускался съ этихъ абстрактныхъ высотъ, гдѣ онъ дѣлается однообразнымъ и отвѣчаетъ многосторонней человѣческой природѣ. «Греки, говоритъ Michiels, называли вещи ихъ собственными именами: имъ въ голову не приходило, какъ пансіонерамъ Лудовика XIV, раздѣлять всѣ выраженія на два класса: классъ благородныхъ и классъ разночинныхъ. Они не поняли бы того восторга, въ который впадаютъ профессора риторики, заставляющіе своихъ учениковъ удивляться смѣлости Расина, котораго не испугали существительное *собака*, и существительное *мостовая*. Жители маленькихъ городовъ или селъ, болѣе близкіе къ природѣ, чѣмъ писатели нашихъ столицъ, они не презирали деревенской жизни и не обращались съ сельскими образами такъ точно, какъ прежде наши маркизы обращались съ мужиками. Они безъ отвращенія говорили о быкѣ, о коровѣ, о баранѣ, о конюшнѣ и даже о поросенкѣ; они не думали даже избѣгать грубыхъ словъ, которыми называются различные предметы природы. Чувства, которыми они снабжаютъ

своихъ дѣйствующихъ лицъ, имѣютъ тотъ же характеръ, какъ и ихъ стиль. Нѣтъ тутъ ложной политики, нѣтъ аристократической элегантности, нѣтъ моральныхъ тонкостей. Почитая боговъ, которые освящали всѣ страсти, они не считали себя обязанными скрывать которую нибудь изъ нихъ: ихъ пороки даже показывались голыми, и они также мало закрывали свою душу, какъ и свое тѣло [1]). Въ этой общей съ народомъ жизни, въ вѣчномъ соприкосновеніи съ нимъ, въ этомъ глубокомъ пониманіи человѣческой натуры со всѣми хорошими и дурными ея сторонами, со всѣми страстями, пороками и добродѣтелями, и скрывается великое достоинство классическаго искусства. Знаніе природы, человѣка, во всей ихъ многообразности, во всѣхъ развѣтвленіяхъ, рѣзкое изображеніе ихъ, не стѣсненное условными формами, не сдавленное требованіями одного небольшого кружка общества, не ослабленное его фальшивыми идеями и искуственными чувствами, и составляетъ силу греческихъ поэтовъ. Изображая ли дорогія для народа побѣды, выставляя ли любимыхъ имъ героевъ, созданныхъ дѣйствительностію или фантазіею, рисуя ли гнѣвъ боговъ и несчастія смертныхъ, — греческіе трагики никогда незабывали происхожденія драматическаго искуства, которое преимущественно передъ всѣми другими родами поэзіи принадлежитъ народу; оно для него создается, къ нему обращается, оно оживляетъ его нравственное существованіе, оно облагораживаетъ его. «Драматическое искусство чахнетъ, говоритъ Гизо, если оно отрывается отъ почвы, на которой выросло. Народное по происхожденію, оно должно оставаться народнымъ, должно захватывать въ свое владѣніе и очаровывать въ своихъ празднествахъ всѣ классы, которые способны возвыситься до ощущеній, откуда оно черпаетъ свою силу» [2]). Все это именно и забыли поэты Лудовика XIV. Они заимствовали у классической трагедіи ея сюжеты, ея формы, но не заимствовали того урока, который она имъ давала: не отдѣляться отъ народа. Они заговорили чуждымъ для него языкомъ, о непонятныхъ для него предметахъ, они черпали свое вдохновеніе въ отжившемъ давно мірѣ, имъ не было дѣла до того, что основанія, на которыхъ стоятъ новыя общества, измѣнились со временъ Софокла и Эсхила. Если поэты XVII вѣка старались о сходствѣ своихъ произведеній съ греческими твореніями, то они во всемъ, что относится къ внутреннему, дѣйствительному сходству, совершенно не успѣли. Тѣ обращались къ цѣлому народу, эти къ одному двору, тѣ говорили общимъ языкомъ, понятнымъ для всѣхъ, эти исключительно элегантнымъ, аристократическимъ; тѣ брали сюжеты изъ своей исторіи, своихъ вѣрованій, изображали свои нравы,—эти, беря тѣ же сюжеты, упу-

---

[1]) Histoire des idées littéraires en France, t. II, p. 519.

[2]) Shakspeare et son temps, par Guizot p. 4.

скали изъ виду всю новую исторію, новыя вѣрованія, созданныя новымъ складомъ общества, нравы и обычаи. Поэтому-то, произведенія поэтовъ XVII вѣка, какъ ухватившихъ только сходство формъ и сюжетовъ классическаго искусства, но не заключающихъ его внутреннихъ достоинствъ, и получили совершенно справедливо названіе псевдо-классическаго искусства. Какъ въ древнемъ мірѣ, драматическое искусство раздѣлялось на трагедію и комедію, какъ всю греческую жизнь раздѣлили между собою съ одной стороны Софоклъ и Эврипидъ, а съ другой Аристофанъ, точно такое же дѣленіе принято было и во Франціи: Корнель и Расинъ взяли одну половину, Мольеръ другую. Какъ Аристофанъ казнилъ пороки аѳинянъ, такъ точно и Мольеръ бичевалъ притворство, скупость, чванство и фальшь двора, тщеславіе и глупость буржуазіи; оба одинаково черпали свои комедіи въ окружающей ихъ средѣ, въ нравахъ и идеяхъ ихъ времени, въ порокахъ и кривизнахъ ихъ гражданъ. Оба дали геніальныя картины нравовъ двухъ различныхъ цивилизацій, различныхъ странъ и вѣковъ, какъ тотъ такъ и другой оставили вѣчные характеры, и оба они останутся безсмертными. Но если гармонія греческой жизни, ея спокойное развитіе, отсутствіе борьбы и хаоса, совершенно допускали и дѣлали понятнымъ это рѣзкое дѣленіе драматическаго искусства на трагедію и комедію, если это дѣленіе совершенно отвѣчало соціальному порядку, состоянію умовъ, вкусу публики, которая была бы оскорблена смѣшеніемъ этихъ двухъ родовъ, то можно ли сказать тоже о той эпохѣ, когда писалъ Мольеръ? Нѣтъ, въ новомъ обществѣ все носитъ другой характеръ. «Порядокъ, правильность, естественное и легкое развитіе казались изгнанными. Громадные интересы, удивительныя идеи, самыя высокія чувства, были точно брошены въ кучу вмѣстѣ съ дикими страстями, съ грубыми требованіями, вульгарными привычками. Тьма, безпокойство, волненіе, господствовали какъ въ умахъ, такъ и въ государствахъ» [1]). При такомъ положеніи трудно опредѣлить, гдѣ нужно смѣяться, гдѣ плакать; и смѣхъ и слезы—все вмѣстѣ. Шекспиръ понялъ это какъ нельзя лучше: трагедія у него рядомъ съ комедіей, онъ такъ плачетъ, что точно смѣется, и такъ смѣется, что точно плачетъ. И слезы и смѣхъ идутъ у него рядомъ; въ своихъ произведеніяхъ онъ слилъ трагедію и комедію и создалъ новый родъ драматическаго искусства. Во Франціи же то дѣленіе осталось во всей своей силѣ, благодаря господствовавшимъ безъ соперничества правиламъ классическаго искусства, и какъ Расинъ и Корнель не смѣли заглянуть въ область Мольера, такъ точно и Мольеръ остерегался переступать границу ихъ владѣнія. Всѣ поэты, всѣ произведенія должны были повиноваться этимъ суровымъ правиламъ классическаго искусства, всѣ они

---

[1]) Shakspeare et son temps, par Guizot, p. 79.

должны были строго соблюдать эту троицу: единство мѣста, единство времени и единство дѣйствія; всѣ они должны были копировать въ печальныхъ произведеніяхъ высокій и торжественный тонъ греческихъ трагедій, даже тогда, когда они рѣшались брать самостоятельные сюжеты изъ новой исторіи, въ которой такъ часто смѣшное стоитъ рядомъ съ грустнымъ; они не имѣли возможности выставлять полнаго характера, во всѣхъ его проявленіяхъ, а всегда должны были ограничиваться только одною его стороною, въ трагедіяхъ — печальнаго, несчастнаго, въ комедіяхъ — смѣшнаго. Вслѣдствіе этого заимствованія греческой формы и повиновенія классическимъ правиламъ, всѣ драматическія произведенія, основанныя даже на новой исторіи, носили на себѣ печать древняго міра, и такое лице, которое дѣйствовало въ XVI или XVII столѣтіи, они переносили за пять или за шесть вѣковъ до Р. X. Это именно и заставило сказать Ж. Ж. Руссо, что чѣмъ больше онъ думаетъ о томъ, что̀ представляется на театрѣ, тѣмъ болѣе онъ находитъ, что вмѣсто того, чтобы приближать къ намъ событіе, его удаляютъ отъ насъ. «Когда я вижу графа Эссекса, царствованіе Елизаветы отодвигается отъ меня на десять столѣтій; и если бы на сценѣ представляли то, что̀ случилось вчера въ Парижѣ, меня бы заставили думать, что оно случилось при Мольерѣ. Театръ имѣетъ свои правила, свои положенія, свою особенную мораль, точно также, какъ свой языкъ и свои костюмы. Всякій очень хорошо понимаетъ, что все это намъ негодится, и всякій считалъ бы одинаково смѣшнымъ усвоить себѣ добродѣтели героевъ, какъ напялить на себя римскій костюмъ и заговорить стихами» [1]). Эти строки Руссо показываютъ, что въ первой половинѣ XVIII вѣка общество чувствовало уже усталость отъ вѣчныхъ правилъ классическаго искусства, которые нагоняли тоску, оно желало освободиться отъ нихъ, и требовало отъ искуства менѣе торжественнаго языка, болѣе простоты, и главное — болѣе близкихъ къ сердцу общества сюжетовъ. То общее движеніе, которое стало распространяться во французскомъ обществѣ, должно было коснуться и театра; вездѣ чувствовался новый духъ, которому было тѣсно въ старомъ зданіи, онъ прорывался наружу во всѣхъ сторонахъ жизни, и старый псевдо-классицизмъ былъ слишкомъ близокъ къ старой абсолютной монархіи, чтобы его не постигла таже участь, какъ и ее. Высшему выраженію абсолютной монархіи — Лудовику XIV, и высшему выраженію псевдо-классицизма, какъ бы созданному этою монархіею, Расину, грозила одинаковая опасность: почти въ одно и тоже время поднялся противъ нихъ ропотъ, въ одно время они вызвали противъ себя критику. Развившіяся идеи перенесли умъ на другую дорогу, указали ему новый путь,

1) Lettre à D'Alembert sur les spectacles.

театръ поневолѣ долженъ былъ слѣдовать за этимъ переходомъ и распроститься съ его старыми правилами и формами. «Литература, говоритъ Гизо, не ускользаетъ отъ революціи человѣческаго ума; она принуждена слѣдовать за его ходомъ, переноситься подъ горизонтъ, подъ который переносится онъ, возвышаться и распространяться идеями, которыя его занимаютъ, разсматривать вопросы, которые волнуютъ его съ новой точки зрѣнія и подъ новыми условіями, въ которыя ставитъ ихъ новое состояніе мысли и общества [1])».—Первый, который началъ походъ противъ псевдо-классицизма и его устарѣлыхъ формъ, былъ Ламотъ. Онъ возсталъ противъ главныхъ трехъ правилъ старой трагедіи, т. е. единства мѣста, времени и дѣйствія, и показалъ, какое пагубное вліяніе они оказываютъ на истину, здравый смыслъ и интересъ современнаго произведенія. Рядомъ съ войною, которую онъ объявилъ тремъ единствамъ, онъ порицаетъ и убѣждаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ отбросить употребленіе наперсниковъ и наперсницъ, которые созданы только для того, чтобы выслушивать изліянія героевъ, и безъ которыхъ не могла обойтись ни одна трагедія. Брошенную Ламотомъ перчатку поднялъ Вольтеръ, и съ жаромъ началъ защищать всѣ законы псевдо-классицизма. Борьба его съ Ламотомъ была тѣмъ болѣе неудачна, что за два, за три года передъ тѣмъ, живя въ Англіи и пораженный Шекспиромъ, онъ самъ опровергалъ все то, что теперь хотѣлъ защищать. Онъ тогда съ большою силою возставалъ противъ этого безконечнаго числа правилъ, которыми были переполнены всѣ области искусства,—правилъ, изъ которыхъ большая часть, говорилъ онъ, ложны или ненужны. А теперь, онъ же опровергалъ Ламота, защищавшаго новое, свободное направленіе въ искусствѣ, которое зависитъ отъ воображенія, и утверждавшаго, что въ искусствѣ совершается столько же переворотовъ какъ въ государствахъ, что оно измѣняется тысячу разъ, и потому не можетъ быть примѣнено къ какой нибудь формѣ. Вольтеръ защищалъ теперь всѣ заимствованныя отъ грековъ условія, правила, формы, какъ будто бы не помнилъ тѣхъ словъ, которыя онъ самъ произносилъ въ пользу новаго направленія: «Нужно сильно ошибаться, писалъ Вольтеръ, чтобы желать идти по слѣдамъ древнихъ. Мы говоримъ другимъ языкомъ. Религія, которая почти всегда служитъ основаніемъ эпической поэзіи, у насъ является совершенно противоположною ихъ миѳологіи. Наши обычаи гораздо болѣе разнятся отъ обычаевъ героевъ осады Трои, чѣмъ отъ обычаевъ американцевъ.... наша философія во всемъ противоположна ихъ философіи [2])». Нападенія на свободу въ искусствѣ и защита ея идутъ у Вольтера рука объ руку и обличаютъ въ этомъ вопросѣ его крайнюю

[1]) Shakspeare et son temps, p. 2.
[2]) Essai sur la poésie épique.

непослѣдовательность.—Почти тоже можно сказать о Мармонтелѣ, который одинаково принялъ участіе въ этой борьбѣ между старымъ направленіемъ и новымъ, между защитниками псевдо-классицизма и тѣми, которые требовали свободы драматическаго искуства. То онъ требуетъ для воображенія полной свободы, то желаетъ, чтобы оно повиновалось Аристотелю и принятымъ условіямъ. Въ отвращеніи своемъ къ тремъ единствамъ онъ слѣдуетъ за Ламотомъ и объявляетъ ихъ пагубными для искусства. Точно также онъ возстаетъ противъ маніи — дѣлать героями трагедій только царей и князей, говоря, что они не есть единственныя лица, достойныя интереса, и что въ мірѣ, кромѣ общественнаго положенія, есть еще и другое величіе. Какъ ни часты противорѣчія, въ которыя онъ вдается, тѣмъ не менѣе Мармонтель оказалъ несравненно болѣе пользы, нежели вреда свободному направленію искусства.—За нимъ является Дидро, который не только представилъ теоретическія воззрѣнія на драматическое искусство, но написалъ нѣсколько комедій, въ которыхъ проводилъ свои начала. Но его комедіи не носятъ болѣе того характера, который принадлежалъ комедіямъ по классическому дѣленію искусства. Онъ не ограничивается смѣхомъ, улыбкой, насмѣшкой, онъ переходитъ въ серьезный родъ, и герои его комедіи, какъ напримѣръ въ «le Pere de famille», гораздо чаще проливаютъ слёзы, нежели усмѣхаются. Вмѣсто стараго распредѣленія драматическаго искусства на трагедію и комедію, онъ даетъ новую классификацію, которая имѣла одно только достоинство новизны, и это въ то время не было лишено значенія, хотя бы только какъ доказательство враждебнаго отношенія къ псевдо-классицизму. Новая классификація искусства заключается въ нѣсколькихъ строкахъ: «Вотъ моя система, говоритъ Дидро, во всей своей широтѣ. Веселая комедія, имѣющая своимъ предметомъ порокъ и все достойное насмѣшки. Серьезная комедія, которая имѣетъ своимъ предметомъ добродѣтель и обязанности человѣка. Трагедія, имѣющая своимъ предметомъ наши домашнія несчастія. Трагедія, занимающаяся общественными катастрофами и несчастіями значительныхъ лицъ [1])». Какъ ни сбивчива такая классификація, какъ ни трудно понять разницу нѣкоторыхъ родовъ, какъ напримѣръ, чтó понимается подъ «серьезною комедіею, которая имѣетъ своимъ предметомъ добродѣтель и обязанности человѣка», и чтó — подъ «трагедіею, занимающеюся нашими домашними несчастіями», она все таки была крайне полезна, потому что указала, чего требуетъ Дидро отъ драматическаго искусства. Онъ хочетъ, чтобы дѣйствующія лица были близки намъ, чтобы они походили на нашихъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ, друзей, и т. д. Онъ хочетъ, чтобы рѣшительно во всемъ, въ костюмахъ, декораціяхъ,

[1]) De la poésie dramatique, par M. Diderot. — Oeuvrès de théatre, t. I, p. 226.

во всей постановкѣ была истина, онъ не выноситъ этихъ постоянно представляемыхъ большихъ и голыхъ залъ и этихъ дворцовъ безъ характера, ему противны всѣ эти мушки, пудры, дикія прически, ленты и богатые костюмы, которые сохраняются даже въ тюрьмѣ, въ несчастіи. Сколько, говоритъ онъ, правда въ костюмахъ, въ декораціяхъ прибавила бы впечатлѣнію, которое дѣлаетъ какое-нибудь произведеніе! Впечатлѣніе — вотъ цѣль Дидро; для него онъ требуетъ, чтобы поэты брали обыкновеннаго человѣка, который бы походилъ на зрителей, который могъ бы имъ служить примѣромъ или урокомъ для него; онъ желаетъ правды въ костюмахъ и въ декораціяхъ, чтобы зритель забылся и хоть на минуту вообразилъ, что онъ присутствуетъ при настоящемъ совершающемся событіи, чтобы онъ сталъ на сторону одного или другого, чтобы онъ восхвалялъ однихъ и порицалъ другихъ. Онъ хочетъ дѣйствовать на общество, желаетъ исправлять его пороки, и сцена служитъ ему только средствомъ. «Партеръ и комедія есть единственное мѣсто, гдѣ слезы добродѣтельнаго человѣка смѣшиваются со слезами злого. Тутъ злой раздражается противъ несправедливостей, которыя бы онъ самъ сдѣлалъ, сострадаетъ бѣдамъ, которыя бы онъ причинилъ, и возмущается противъ человѣка своего собственнаго характера. Но впечатлѣніе получено, оно остается въ насъ по-мимо нашей воли; злой человѣкъ выходитъ изъ своей ложи менѣе расположенный дѣлать зло, чѣмъ если бы его упрекалъ строгій ораторъ [1])». Для того, чтобы произвести такое впечатлѣніе, онъ не считаетъ лишнимъ длинныя тирады, рѣчи, онъ даже спрашиваетъ «отчего бы на театрѣ не обсуждались самые главные пункты морали [2])». Въ этихъ послѣднихъ нѣсколькихъ словахъ заключается весь секретъ крайней неудачи его драматическихъ произведеній, которыя скучны, растянуты, переполнены не нужными, не относящимися къ дѣйствію тирадами, которыя, однимъ словомъ, достигаютъ прямо противоположнаго результата, чѣмъ тотъ, котораго онъ добивался.

Вмѣсто сильнаго впечатлѣнія, комедіи Дидро вызываютъ только зѣвоту. Но какъ ни слабы его пьесы, какъ ни много есть спорнаго и ложнаго въ теоріи Дидро, онъ оказалъ драматическому искусству, постоянно толкая его на единственную вѣрную дорогу, большую заслугу. Онъ не переставалъ проповѣдывать простоту, истину, наблюденіе; онъ вѣчно твердилъ, что для того, чтобы искусство оживилось, ему нужно окунуться въ дѣйствительную, реальную жизнь. На помощь новой школѣ явился человѣкъ, который своимъ громаднымъ талантомъ съ разу упрочилъ ея существованіе. Онъ показалъ на практикѣ то, что другіе проводили только въ теоріи, и такъ какъ общество, масса судитъ прин-

[1]) De la poésie dramatique, p. 233.
[2]) De la poésie dramatique, p. 234.

ципы только по результатамъ, которые они даютъ, и осуждаетъ теорію, если произведеніе, построенное на ея основаніяхъ неудачно, то «Севильскій цирюльникъ» и «Свадьба Фигаро» были истиннымъ торжествомъ для новаго направленія. Бомарше сталъ смѣло на сторону Дидро и защищалъ новую школу, какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи. Въ нѣсколькихъ предисловіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ къ своимъ драматическимъ произведеніямъ, онъ рѣзко нападалъ на защитниковъ Аристотеля и освященныя традиціею правила, которыя, по его словамъ, заковываютъ только въ цѣпи талантъ или геній. Онъ точно также нападалъ на это раздѣленіе искусства па трагедію и комедію, говоря что драма представляетъ болѣе интереса, чѣмъ героическая трагедія или веселая комедія. Въ трагедіи вездѣ является какой-то фатумъ, который толкаетъ къ добру или ко злу всѣ дѣйствующія лица, и потому они возбуждаютъ собою не интересъ, а страхъ. Помимо этого, онъ справедливо говоритъ, что отдаленныя эпохи ослабляютъ интересъ, и что общество не можетъ быть сильно тронуто смертію какого-нибудь греческаго или римскаго тирана, и что ему не особенно близко къ сердцу несчастіе, случившееся въ какомъ-нибудь Пелопоннезѣ. Произведенія Бомарше имѣли большой успѣхъ и дали обществу хорошее понятіе о новомъ направленіи. Его мнѣнія находили себѣ въ обществѣ горячую защиту; молодая школа съ каждымъ днемъ занимала собою болѣе твердую позицію, псевдо-классицизмъ встрѣчалъ себѣ самую ѣдкую критику, трагедія и комедія тѣснились, чтобы дать мѣсто новой формѣ—драмѣ. Трагедія, говорила новая школа, уродуетъ и клевещетъ на человѣчество. Въ своемъ желаніи вызвать ужасъ и состраданіе, она изобрѣтаетъ невозможныя преступленія и придумываетъ положенія, дурно согласуемыя съ дѣйствительностью. Комедія же, имѣя одну цѣль—смѣшить публику, создаетъ какихъ-то уродовъ глупости, низости, невѣжества, и идя другою дорогою, чѣмъ трагедія, точно также приводитъ ко лжи и невѣроятному. Помимо этого, и та и другая располагаютъ всю пьесу для одного характера, и потому въ ней является какая-то натянутость. Драма же, говорятъ они, избѣгаетъ всѣхъ этихъ ошибокъ, рисуя людей такъ, какъ они являются въ дѣйствительности, соединяя хорошее съ дурнымъ, глупость съ умомъ, энергію и силу со слабостью. Тотъ самый принципъ, который рождаетъ великое въ одномъ случаѣ, въ другомъ производитъ смѣшное. Сколько людей не было по очереди то жестокими, то мягкими, то сильными, то слабыми, то низкими, то надмѣнными, преданными и потомъ несправедливыми, и не случается ли, что старикъ ведетъ себя какъ юноша, и юноша какъ старикъ. Наша природа представляетъ странную смѣсь, которую драма только и передаетъ. Если поэтъ хочетъ дѣйствовать на толпу, онъ долженъ отказаться отъ всевозможныхъ правилъ, единствъ, законовъ ложнаго классицизма, ему не должно быть дѣла ни до

требованій Аристотеля, ни до притязаній риторовъ, его воображеніе должно быть свободно, оно должно сбросить съ себя оковы; онъ не долженъ искать вдохновенія въ томъ, что не имѣетъ жизни, его умъ не долженъ бродить по кладбищу только царей и героевъ, его взглядъ долженъ блуждать по всей вселенной, погружаться въ нее и отражать ее въ своихъ произведеніяхъ. Только тогда, когда поэты отбросятъ отъ себя старую систему, когда они разорвутъ съ нею всякую связь, когда они примутъ другой языкъ, другую нравственность, когда они вдунутъ въ свои произведенія новую душу, новую жизнь, правду и простоту, только тогда Франція будетъ обладать истиннымъ драматическимъ искусствомъ [1]). Какъ далекъ отъ подобныхъ воззрѣній XVII-й вѣкъ, и какой длинный путь долженъ былъ сдѣлать театръ, чтобы дойти до такихъ требованій? Псевдо-классицизмъ рушился вмѣстѣ съ абсолютною монархіею Лудовика XIV, которая была его колыбелью. «Боги Олимпа эмигрировали изъ Франціи» вмѣстѣ съ дворомъ, поддерживавшимъ ихъ. Вмѣстѣ съ новыми людьми, вышедшими на историческую сцену, явились новыя требованія, другой вкусъ, другіе интересы, дѣлавшіе неизбѣжнымъ переворотъ и въ искусствѣ. Но переворотъ этотъ не произошелъ съ такою быстротою какъ въ политикѣ. Въ обществѣ было слишкомъ распространено классическое образованіе, чтобы формы и правила классическаго искусства не попробовали продолжать борьбу. Стоитъ только вспомнить рѣчи главныхъ ораторовъ революціи, ихъ постоянныя обращенія, сравненія съ древнимъ міромъ, чтобы понять какую магическую силу имѣли еще Аѳины и Спарта. Вѣчно носясь съ римскою и греческими республиками, они неизбѣжно обращались къ ихъ языку, къ ихъ литературѣ, искусству и находились подъ ихъ вліяніемъ; они высказывали и распространяли новыя, совершенно противоположныя павшему порядку, идеи, но обертывали ихъ въ старыя формы и располагали ихъ сообразно старымъ правиламъ. Вотъ почему въ литературѣ образуется два направленія: одно, которое продолжало тянуть къ древнему міру, и другое, которое желало летѣть впередъ на всѣхъ парусахъ, останавливаясь только въ Германіи, чтобы попросить помощи у Гёте и Шиллера, въ Англіи, чтобы поклониться Шекспиру и взять его тѣнь себѣ въ руководители, и заглянуть въ Италію, чтобы познакомиться съ ея литературою. Если время революціи было невыгодно для драматическаго искусства, такъ какъ оно не можетъ развиваться при ежедневныхъ взрывахъ и потрясеніяхъ, если искусство преимущественно требуетъ для себя спокойной эпохи, то время это принесло ей большую пользу и тѣмъ, что было причиною болѣе близкаго знакомства съ иностранными литера-

---

[1]) Всѣ эти требованія развиты въ сочиненіи Себастьена Мерсье: «Essai sur l'art dramatique», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1773.

турами. Авторъ «Коринны» и потомъ «Германіи», изгнанный изъ Франціи Наполеономъ, проводитъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи, въ Веймарѣ, въ обществѣ Гёте и Шиллера, и знакомитъ Францію съ ихъ геніемъ, съ ихъ произведеніями и направленіями. Мадамъ де Сталь популяризируетъ во Франціи то слово, которое, начиная съ этого времени, должно было игратѣ большую роль, именно со словомъ «романтизмъ». До нея это слово было уже употреблено во Франціи авторомъ «Обермана» Сенанкуромъ, но оно не вошло въ употребленіе. «Оно служило, чтобы выражать смутное, восхитительное, проникающее до самой глубины души впечатлѣніе, могущество котораго не умѣли опредѣлить. Эти сильныя и вмѣстѣ мягкія ощущенія всегда имѣли своею причиною красоту природы или искусства, совершенно согласную съ основаніями новой жизни, съ расположеніями, вкусомъ, наклонностями, которыя она поддерживаетъ въ умахъ!» [1]). Самое сильное выраженіе романтическаго характера, говоритъ Сенанкуръ, природа вложила въ звуки. Но теперь еще новая школа во Франціи не принадлежала романтизму; ей не было времени принять то или другое направленіе, она знала покамѣстъ только одно, что ей нужно бороться съ псевдо-классицизмомъ, который хотѣлъ было поднять опять голову при Наполеонѣ. Въ санѣ императора ему нужно было окружить себя дворомъ, помпой, которая напоминала бы народу прежнихъ королей; онъ заимствовалъ отъ нихъ все, что могъ, ему хотѣлось воскресить умершее преданіе, все новое оскорбляло его зрѣніе. Въ этомъ общемъ гоненіи на всякую свѣжую идею не могло быть забыто и драматическое искусство. Онъ всѣми силами старался поддерживать псевдо-классицизмъ и его писателей, говоря, что они не производятъ революцій и не воспламеняютъ умы, новая же школа внушала ему отвращеніе, какъ проявленіе свободнаго духа, и потому на все время его господства, она должна была или скрыться подъ землю Франціи или перебраться черезъ границу. Въ это время новое направленіе въ искусствѣ распространилось по всей Европѣ, оно могло диктовать законно всему міру, поддерживаемое въ Германіи Гёте и Шиллеромъ, въ Англіи Вальтеръ-Скотомъ и Байрономъ, въ Италіи Уго Фосколо и Манцони. Реставрація была безсильна защищать старую классическую школу, всѣ самые талантливые люди этой эпохи объявили себя приверженцами новаго направленія драматическаго искусства. Сисмонди, Гизо, Барантъ, Ремюза́ стали защищать его въ своихъ сочиненіяхъ. Въ 1820 году, при изданіи сочиненій Шекспира, Гизо написалъ къ нему родъ предисловія, въ которомъ высказывалъ свой взглядъ и свои убѣжденія въ вопросѣ о драматическомъ искусствѣ. Онъ, не задумываясь, объявилъ себя сторонникомъ новаго направленія, которое должно

[1]) Histoire des idées littéraires, t. I, p. 510.

сдѣлать драматическое представленіе народнымъ, такъ какъ оно будетъ говорить языкомъ понятнымъ для массы и о предметахъ, не настолько ей чуждыхъ, какъ греческіе или римскіе герои. «На правительствѣ и на поэзіи, говоритъ Гизо, лежитъ теперь одинаковая обязанность; они оба должны существовать для всѣхъ, и заразъ удовлетворять требованіямъ массъ и нуждамъ возвышенныхъ умовъ. Англія, Франція, вся Европа требуютъ отъ театра удовольствій и ощущеній, которыя не можетъ дать безжизненное представленіе міра, болѣе несуществующаго. Классическая система явилась изъ жизни своего времени; это время прошло: его образъ блещетъ въ его произведеніяхъ, но онъ не можетъ быть болѣе воспроизведенъ. Около памятниковъ прошедшихъ столѣтій начинаютъ теперь возвышаться памятники другого времени. Какая будетъ ихъ форма? я не знаю; но теперь уже виднѣется почва, на которой могутъ быть утверждены ихъ основанія. Почва эта не та, на которой стоялъ Расинъ и Корнель; не та, на которой возвышался Шекспиръ; она наша, но мнѣ кажется, что система Шекспира можетъ служить планамъ, по которымъ геній долженъ теперь работать» [1]). Всѣ писатели, всѣ живущіе чувствовали, что старая система упала, что новыя идеи, новый порядокъ требуетъ новой формы, но новое направленіе въ драматическомъ искусствѣ не имѣло еще человѣка, который бы сильною рукою провелъ его въ своихъ произведеніяхъ. Предчувствіе, что скоро явится такой человѣкъ, что на театрѣ подымется страшная буря, было у всѣхъ, и многіе его высказывали. «Пусть отчаяваются друзья прошедшаго, защитники обычая, но они все-таки должны покориться, неизбѣжная революція угрожаетъ театру [2])». Рутина и предубѣжденіе старались остановить эту фатальную и рѣшительную минуту для старой школы, но дни ея были сочтены, вездѣ просачивалась эта жажда новаго, неизвѣстнаго, нужно было только, чтобы явилось какое-нибудь богатое и мощное воображеніе, которое взялось бы удовлетворить требованіямъ времени. Когда защитники псевдо-классицизма требовали доказательствъ того, что старый порядокъ «драматическаго царства» рушился, что революціонный духъ одолѣваетъ его, когда они спрашивали на чемъ основывается предсказаніе, что не сегодня такъ завтра они будутъ свидѣтелями торжества новой школы, имъ отвѣчали: взгляните на это «рѣзкое отвращеніе публики ко всѣмъ произведеніямъ, задуманнымъ и исполненнымъ по правиламъ. Кажется, какъ будто бы всѣ старыя средства для того, чтобы растрогать ее, потеряли всякую силу» [3]). Сколько ни передѣлывали бы костюмовъ, декорацій, именъ, публика вездѣ находила

[1]) Shakespeare et son temps, p. 178.

[2]) Passé et présent, par Charles de Rémusat, t. I, p. 127.

[3]) Idem p. 133.

старыя положенія на новыхъ мѣстахъ, старыя лица въ новыхъ костюмахъ. «Ее нельзя было обмануть, говоритъ Ремюза, ничто не ускользало отъ ея проницательности и ея презрѣнія». Явись въ эту минуту, когда всѣ ожидали и готовы были принять все новое, смѣлое, сильное, какъ бы рѣзко оно ни расходилось со всѣмъ прошедшимъ, явись при такомъ положеніи сильный драматическій талантъ, ему бы удалось основать и упрочить какое угодно драматическое направленіе, ни одинъ голосъ не посмѣлъ бы возвыситься противъ него. Къ несчастію такого человѣка теперь не явилось, и тотъ, который принялъ на себя роль руководителя новаго направленія драматическаго искусства, отличался несравненно бо́льшимъ талантомъ какъ лирическій поэтъ и романистъ, чѣмъ драматургъ. — Не желая разбирать всей громадной дѣятельности Виктора Гюго, мы должны только сказать какую роль игралъ онъ въ развитіи драматическаго искусства. Если можно судить эту роль по тому страшному движенію, которое онъ вызвалъ, по той ожесточенной, лютой борьбѣ, которая завязалась изъ-за его драмъ, то трудно не признать его съ первой же драмы, съ «Кромвеля», главою новой школы. Введеніе къ Кромвелю было цѣлою системою драматическаго искусства, а самъ «Кромвель» былъ, можетъ быть, несовсѣмъ удачнымъ вступленіемъ романтизма на французскую сцену. И драма и система подняла цѣлую бурю, и система еще болѣе нежели драма. Онъ раздѣлилъ всю поэзію на три эпохи: первая, рождающаяся вмѣстѣ съ обществомъ, поэзія лирическая; типъ ея выражается въ книгѣ Бытія; вторая представляетъ собою эпическую поэзію, которая получила свое выраженіе въ Гомерѣ; къ этой эпохѣ онъ причисляетъ и греческій театръ: и наконецъ, третья эпоха, наступающая съ христіанствомъ, когда геній новаго общества болѣе созерцательный и вмѣстѣ съ тѣмъ критическій, даетъ начало драматической поэзіи. Такое произвольное дѣленіе въ одно и тоже время вызвало и ярую и радостную критику враговъ новаго направленія, и мягкую—его защитниковъ. Въ этомъ дѣленіи только одну вторую эпоху, т. е. эпическую признавали справедливой, и то не относя къ ней греческаго театра, который представляетъ тысячу отличительныхъ чертъ отъ эпопеи, и своими сильными сценами и раздирательными ощущеніями скорѣе принадлежитъ драматической эпохѣ. Ремюза́, явившійся немедленно защитникомъ Виктора Гюго и написавшій разборъ его «Кромвеля», говоритъ по этому поводу: «Все, что нужно знать, это въ чемъ разнится драматическій родъ древнихъ отъ драматическаго рода новаго общества. У первыхъ, несчастіе и преступленіе имѣютъ нѣчто фатальное; судьба господствуетъ, чудесное наполняетъ греческую трагедію: человѣческая природа является душею нашей. Страсти и характеры, болѣе нежели судьба, оживляютъ и усложняютъ современную драму, которая свидѣтельствуетъ въ нашемъ обществѣ болѣе тон-

кое и глубокое знаніе человѣческаго сердца...» [1]). Поэтому мы и можемъ сказать, что наша поэзія преимущественно драматическая, не отсылая все таки греческой трагедіи къ эпопеѣ. Помимо этого невѣрнаго основанія системы, въ ней было разброшено бездна весьма справедливыхъ и сильно высказанныхъ воззрѣній, относящихся къ единствамъ, къ языку, къ употребленію собственныхъ словъ и т. д. Что касается самого «Кромвеля», который былъ написанъ Викторомъ Гюго въ очень молодые годы, то не смотря на недостатки въ планѣ, въ движеніи, въ характерахъ, онъ былъ написанъ тѣмъ новымъ языкомъ, съ его богатыми образами и сильными красками, который одинъ съ разу отвелъ бы Гюго почетное мѣсто въ литературѣ. «Кромвель» и его предисловіе останутся навсегда памятными; день его появленія является знаменательнымъ числомъ для французскаго драматическаго искусства, какъ день вступленія романтизма во владѣніе французскою сценою. Молодой вожатый романтической школы, гордый своею ролью, сравнивалъ торжество романтизма на французской сценѣ съ 89 годахъ въ политикѣ. Принципъ свободы, продолжая свое шествіе, переходитъ изъ матеріальнаго въ нравственный міръ и, разрушивъ старый порядокъ вещей, служитъ теперь главнымъ элементомъ возрожденія поэзіи, какъ служилъ для возрожденія общества. «Романтизмъ, говоритъ Викторъ Гюго, много разъ дурно опредѣленный, представляетъ собою не что иное, и въ этомъ заключается его истинное опредѣленіе, какъ либерализма въ литературѣ. Свобода въ искусствѣ, свобода въ обществѣ, вотъ двойная цѣль, къ которой должны стремиться всѣ послѣдовательные и логичные умы. Послѣ столькихъ великихъ вещей, которыя сдѣлали наши отцы, и которыя мы видѣли, мы, наконецъ, вышли изъ старой соціальной формы; какъ же намъ не выйти изъ старой поэтической формы? Новому народу—новое искусство» [2]). Эти послѣднія два слова ни на секунду не исчезали изъ ума Гюго, и желая упрочить новое направленіе и доставить ему полную побѣду, онъ не переставалъ работать съ жаромъ, съ энергіею и часто съ замѣчательнымъ вдохновеніемъ. Талантъ его былъ такъ силенъ, и общество такъ устало отъ старыхъ формъ, что ему удалось доставить романтизму полное, хотя и непродолжительное господство на французскомъ театрѣ. Но если оно было непродолжительно, за то оно было полно жизни, лихорадочнаго движенія, бой завязывался двадцать разъ, перестрѣлка не умолкала. Каждое новое драматическое произведеніе было сигналомъ къ новой борьбѣ, въ которой романтизмъ всегда торжествовалъ, несмотря на враждебное отношеніе одного лагеря критики и значительной части общества. Первыя пред-

---

[1]) Passé et présent, t. I, p. 258.

[2]) Эти строки были написаны имъ въ 1830 г., послѣ іюльскаго движенія.

ставленія каждой драмы составляли каждый разъ грозное событіе, ставя враговъ лицемъ къ лицу. Дѣятельность Гюго была поразительна, одна драма слѣдовала за другою: «Эрнани», «Маріонъ де-Лормъ», «le Roi s'amuse», «Лукреція Борджіа», «Анжело», «Рюи-Блазъ» смѣняютъ другъ друга и смѣняютъ съ возрастающимъ успѣхомъ въ публикѣ съ одной стороны, и съ возрастающимъ ожесточеніемъ критики съ другой. Если его можетъ быть справедливо обвиняли въ томъ, что онъ беретъ только историческія имена, но не будитъ исторіи, и что онъ обращается къ ней слишкомъ нецеремонно [1]), что его характеры болѣе принадлежатъ небу, нежели землѣ, что его дѣйствующія лица могли родиться только въ воображеніи, а не въ дѣйствительности; если ему дѣлали основательный упрекъ, что въ его драмахъ фантазія играетъ слишкомъ большую, поглощающую роль, что жизнь, наблюденіе не достаточно руководили имъ, что онъ черезъ чуръ былъ склоненъ къ сценическимъ эффектамъ, за то какою силою владѣетъ онъ при описаніи страстей, какими жгучими красками заставляетъ онъ рисовать своихъ героевъ, пороки сильныхъ и страданія слабыхъ. Трудной задачѣ, которую онъ задавалъ себѣ въ каждой драмѣ, его благородной, далеко не банальной идеѣ, которую онъ развивалъ каждый разъ, отвѣчалъ его мощный и картинный языкъ, выкупавшій цѣли слишкомъ межетъ быть горячей фантазіи, приводившей его иногда къ неправдоподобности. Даже самые злые, самые желчные изъ его враговъ отдаютъ ему справедливость, когда дѣло идетъ объ языкѣ. Даже Gustave Planche, нападавшій съ такимъ ожесточеніемъ на главу романтической школы, и тотъ говоритъ: «что касается до владѣнія языкомъ, то г. Гюго не имѣетъ себѣ соперниковъ, онъ дѣлаетъ изъ него все, что ему угодно; онъ куетъ его и дѣлаетъ крѣпкимъ, твердымъ и гибкимъ, какъ сталь, расплавляетъ его, какъ бронзу, вычеканиваетъ, какъ серебро, и высѣкаетъ, какъ мраморъ» [2]). Къ Виктору Гюго смѣло можно приложить слѣдующія слова: «душевное волненіе, родившееся съ нимъ, такъ глубоко и такъ тѣсно съ нимъ связано, что оно погрузило его съ дѣтства въ невольный экстазъ, въ безконечныя мечтанія и нескончаемые вымыслы. Воображеніе овладѣло имъ выше всего остальнаго [3])». Альфредъ де-Виньи, который говорилъ это, рисуя вообще типъ поэта, былъ достойнымъ послѣдователемъ Виктора Гюго, и его «Чатертонъ», вмѣстѣ съ нѣкоторыми произведеніями главы школы, останется однимъ изъ лучшихъ выраженій романтическаго направленія французской сцены. Не таковы были другіе послѣдователи Гюго, которые, стараясь быть самыми ярыми защитниками романтизма, были скорѣе его отчаянными врагами.

---

[1]) Portraits littéraires, par Gustave Planche, t. I, p. 260.

[2]) Idem, p. 207.

[3]) Dernière nuit de travail—предисловіе къ Чатертону—par Alfred de Vigny, p. 6.

Сюда нельзя не причислить Александра Дюма съ его «Antony» и цѣлую плеяду на вѣки погибшихъ романтиковъ, слѣдовавшихъ за нимъ. Они недовольствовались откинуть, какъ Викторъ Гюго, всѣ старыя правила и старыя формы, они недовольствовались отказаться отъ стараго, торжественнаго языка и начать писать новымъ (не такимъ конечно, какъ языкъ Гюго), имъ мало было брать близкіе намъ сюжеты, выставлять несчастія обыкновенныхъ людей, они не хотѣли даже остановиться на слишкомъ горячей фантазіи своего руководителя, имъ нужно было идти дальше, дальше — и дальше фантазію свою они сдѣлали безсмысленною, характеры ходульными, неестественными, подъ романтизмомъ они очевидно понимали возможно большое удаленіе отъ дѣйствительности. Понятно, что романтизмъ такого рода долженъ былъ скоро не только наскучить, но опротивѣть публикѣ; ей надоѣли эти нелѣпыя басни, эта грубая фантазія, это отсутствіе простоты и признаковъ дѣйствительной жизни. И вотъ, послѣ того, что романтизмъ, представляемый Викторомъ Гюго и Альфредомъ де Виньи, рѣшительно торжествовалъ на французскомъ театрѣ, который покинулъ свой старый псевдо-классическій репертуаръ, романтизмъ, какъ его понималъ Дюма и его подражатели, сталъ возбуждать противъ себя французское общество, которое скоро перенесло свой гнѣвъ и на главу романтическаго направленія. Враждебная романтизму партія начала снова надѣяться, что окончательное господство, окончательная побѣда будетъ принадлежать ей и еще болѣе усилила свои нападенія на новое направленіе. На помощь этой партіи явилась дѣвушка, которая силою своего таланта снова подняла величіе псевдо-классицизма. Всѣ бѣжали смотрѣть Рашель въ «Федрѣ», «Поліевктѣ»; послѣдніе защитники псевдо-классицизма провозглашали уже его торжество. Но имъ мало было артистки, имъ хотѣлось также, чтобы явился писатель, воскресившій старое направленіе. Ихъ желаніе казалось было услышано богами, и въ тотъ годъ, когда послѣднее драматическое произведеніе Виктора Гюго «les Burgraves» рухнулось на театрѣ французской комедіи, въ тотъ же самый годъ раздались на той же самой сценѣ страшныя рукоплесканія и упали тысячи лавровыхъ вѣнковъ на голову молодого поэта Понсара, который образуетъ собою новое направленіе, гордо назвавшимъ себя направленіемъ «здраваго смысла».—1843-й годъ былъ годомъ паденія романтизма и торжествомъ школы «здраваго смысла» (l'école du bon sens). Какія же стремленія были у новаго направленія, что именно хотѣла она дать вмѣсто романтизма, у котораго всегда была одна цѣль, которую онъ преслѣдовалъ всѣми своими силами, чтобы прямо дѣйствовать на массу, трогать ее, задѣвать ея чувствительныя стороны, отрывать ее хотя на нѣсколько минутъ отъ слишкомъ большой прозы жизни, и при помощи сильныхъ ощущеній вселять въ ней отвращеніе къ однимъ и уваженіе къ другимъ, рисовать передъ нею кромѣ обыкновенныхъ, на каждомъ

шагу встрѣчающихся типовъ, тотъ идеалъ, къ которому авторъ хочетъ вызвать сочувствіе, и въ которомъ скрывалось бы поученіе массы. Романтизмъ, черпая свою идею изъ окружающей насъ среды, бралъ ее изъ дѣйствительной жизни, и при помощи фантазіи, иногда слишкомъ пылкой, уносилъ ее въ поднебесье, переработывалъ и тамъ, и когда снова опускалъ ее на землю, и вдохновлялъ ею своихъ героевъ, то люди уже не узнавали себѣ подобныхъ, и стали кричать, что романтизмъ покушается на здравый смыслъ, который новая школа и сдѣлала своимъ девизомъ. Эта школа взяла себѣ за модель тотъ языкъ, который отбросилъ романтизмъ, она отказалась отъ его слишкомъ сильныхъ положеній, которыя нарушали спокойствіе и оскорбляли нравы благовоспитаннаго общества; она слишкомъ хорошо помнила тотъ порывъ негодованія, который вырвался при видѣ Рюи-Блаза, замѣчательнаго по уму и благородству сорванца, безъ титула, безъ имени, позволившаго себѣ влюбиться въ королеву; она поставила себѣ цѣлію не отдаляться очень отъ «средняго человѣка» и не рисовать людей, которые своими характерами или своими поступками слишкомъ выходили бы изъ ряда обыкновенныхъ, или по крайней мѣрѣ изъ ряда тѣхъ, которые хорошо были знакомы всѣмъ и каждому, и съ которыми исторія давно сблизила общество и заставила его простить имъ исключительное передъ нимъ положеніе. Фактъ тотъ, что общество не любитъ, чтобы ему рисовали новыхъ, неизвѣстныхъ ему героевъ, которые черезъ чуръ высоко возвышаются надъ его золотою серединою, людей, которые своимъ возвышеннымъ характеромъ слишкомъ далеко стоятъ отъ его низменности; такія дѣйствующія лица колятъ ему глаза и возбуждаютъ въ немъ обидное для его самолюбія сравненіе съ нимъ самимъ. Новая школа поняла это и рѣшилась не противорѣчить господствовавшему въ эту минуту буржуазному духу общества. Въ этомъ заключается ея заслуга. Неизвѣстно, заслужила ли бы эта школа «здраваго смысла» такія горячія рукоплесканія защитниковъ псевдо-классицизма, если бы они могли догадаться, что это возвращеніе къ старинѣ не есть истинное возвращеніе, что это отступничество отъ романтизма, что эта простота, спокойствіе, стараніе не возвышается слишкомъ надъ обыкновенною натурою, есть не что иное, какъ новый этапъ, новая переходная эпоха, шагъ впередъ къ водворенію на сценѣ того реализма, котораго они такъ боялись, что говорили: въ ту минуту когда настанетъ его торжество, нужно будетъ отказаться «отъ вѣры въ Бога и въ душу [1])». Вѣроятно, Понсаръ не былъ бы провозглашенъ спасителемъ истиннаго драматическаго искусства. Впрочемъ ошибиться было не трудно; его первая пьеса «Лукреція» была составлена въ духѣ псевдо-классицизма. Не смотря на «мертвенность

[1]) Gustave Planche. T. I, p. 237.

дѣйствующихъ лицъ, длинныя тирады, безконечныя разсужденія, замѣняющія дѣйствіе и прямую борьбу», и не смотря на блѣдный, безцвѣтный стиль, отзывавшійся риторикою, пьеса имѣла громадный успѣхъ. Понсаръ съ разу былъ произведенъ во главу новой школы, имя его съ перваго же представленія стерло самыя большія знаменитости. Публика была въ восторгѣ отъ спокойнаго, ровнаго, холоднаго удовольствія, доставленной ей «Лукреціею»; публика ни разу не была выведена изъ ея нормальнаго настроенія, пьеса не мѣшала перевариваться проглоченному обѣду. Понсаръ былъ приглашенъ въ Тюльери и удостоился сидѣть за однимъ столомъ съ Луи-Филиппомъ. Отчего же эта пьеса имѣла такой успѣхъ, не смотря на ея крайнюю бѣдность какими бы то ни было достоинствами? Отчего эта пьеса, про которую теперь одинъ изъ защитниковъ Понсара, говоритъ: «перечитывая Lucrèce, трудно объяснить себѣ весь этотъ шумъ»,—отчего она была провозглашена какъ chef-d'oeuvre? Отвѣтъ очень простъ. Она явилась въ минуту самой свирѣпой реакціи противъ романтизма; въ ту минуту, онъ не представлялся болѣе Викторомъ Гюго, Альфредомъ де-Виньи и пожалуй Альфредомъ де-Мюссе, а цѣлою новою литературою, шедшею подъ ихъ прикрытіемъ, взявшею себѣ ихъ знамя, и наполнявшею театръ своими бездарными произведеніями, то «замѣняя, говоритъ болѣе остроумный и элегантный, нежели глубокій критикъ Pontmartin, истинныя понятія искусства механическими процессами, то оскорбляя своимъ уродливымъ успѣхомъ языкъ, нравственность, общество, здравый смыслъ и хорошій вкусъ» [1]). Что это было справедливо, съ этимъ не спорили даже самые горячіе партизаны романтизма, но не справедливо было смѣшивать все направленіе, и заставлять его отвѣчать за тѣхъ, которымъ угодно было вкривь и вкось прилагать его принципы. Мишельесъ, который все свое прекрасное сочиненіе «Histoire des idées littéraires en France» посвятилъ на защиту романтизма, говоритъ по этому поводу: «безсиліе все портитъ, все обезображиваетъ и высѣкаетъ уродовъ изъ паросскаго мрамора, изъ котораго геній создалъ бы Афродиту. Къ несчастію, толпа не изслѣдуетъ самыхъ принциповъ, а смотритъ только на произведенія» [2]). Никто не хотѣлъ разбирать, стóитъ ли «Лукреція» своего торжества, заслуживаетъ ли она такой успѣхъ,—публикѣ было довольно, что она встрѣтила во «тьмѣ» (такъ называла она теперь романтизмъ) новаго поэта, укрывшагося подъ колоннаду римскаго храма, «поэта, явившагося со всею прелестью неизвѣстнаго, и опиравшагося одною рукою на Тита Ливія, другою на Андрé Шенье». Но успѣхъ, вызванный пресыщеніемъ романтизма и возбужденною жаждою

---

[1]) Causeries littéraires, par A. de Pontmartin.

[2]) Histoire des idées littéraires, t. II, p. 529.

классицизма, этотъ тріумфъ его первой пьесы дѣлалъ почти невозможнымъ удачу слѣдующихъ произведеній Понсара. Три года прошло съ перваго дебюта увѣнчаннаго поэта, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали новой пьесы, новаго торжества для автора, который вызвалъ уже себѣ послѣдователей. Скоро послѣ «Lucrèce», Эмиль Ожье дебютировалъ небольшою комедіею «La Ciguë», взятою изъ греческой жизни. Наконецъ, появляется вторая пьеса Понсара «Agnès de Méranie», написанная въ томъ же духѣ, въ томъ же направленіи, какъ и «Lucrèce», съ тою только разницею, что сюжетъ, вмѣсто того, чтобы быть по прежнему взятымъ изъ древней исторіи, теперь былъ заимствованъ изъ средней. Казалось бы, что пьеса, взятая изъ французской исторіи, такъ какъ Agnès de Méranie была женою, хотя и непризнанною Римомъ, короля Филиппа-Августа, должна была бы вызвать еще большій восторгъ. Случилось наоборотъ, пьеса упала, несмотря на то, что заключала въ себѣ больше достоинствъ, чѣмъ «Лукреція». Ее обвиняли въ скукѣ, въ недостаткѣ движенія, въ выборѣ сюжета. Причина была другая — реакція противъ-романтизма остыла, изъ «Agnès de Méranie» не нужно было больше дѣлать знамени новаго направленія. Можетъ быть, послѣдніе могиканы псевдо-классицизма были недовольны, что Понсаръ обнаруживалъ нѣкоторыя признаки самостоятельности и не спѣшилъ удовлетворить ихъ строгимъ требованіямъ. Они возложили на него слишкомъ большую надежду, что онъ воскреситъ старую трагедію, и теперь усомнившись, отнеслись къ нему сухо, точно обвиняя его, что онъ не выполнилъ всего того, что отъ него ожидалось. Что же касается публики, которая могла увлечься, возбуждаемая критикою, и апплодировать «Лукреціи», то она, какъ только первый разъ прошелъ, должна была сознать, что симпатіи ея немогутъ принадлежать отжившему міру, и что если романтизмъ подчасъ не слишкомъ волновалъ, за то возвращеніе псевдо-классицизма могло ее окончательно усыпить. Понсаръ, понявшій это и испуганный тѣми, которые требовали отъ него больше, чѣмъ онъ желалъ дать, написалъ по поводу этой пьесы письмо, въ которомъ разрывалъ свою связь съ основаніями псевдо-классицизма, говоря: «Мнѣ извѣстно одно, что я недопускаю другого господства, кромѣ господства здраваго смысла; я считаю, что всякая доктрина, старая или новая, должна быть постоянно подвергнута разсмотрѣнію этого высшаго судьи». Но тутъ очевидно представляется вопросъ, достаточно ли для искусства одно только удовлетвореніе здраваго смысла, не требуетъ ли оно чего нибудь еще? Отвѣтъ на это мы находимъ въ нѣсколькихъ словахъ Мишіельса, когда онъ говоритъ: «Послѣ того, что въ насъ удовлетворены чувства животнаго, тогда разсудокъ, воображеніе, чувство прекраснаго, желаніе знанія, любовь и дружба, добродѣтель и честь переносятъ насъ въ высшія сферы, достиженіе которыхъ равняется славѣ.

Здравый смыслъ не можетъ до нихъ возвыситься, онъ остается прикрѣпленнымъ къ землѣ и пренебрегаетъ высшими законами» [1]). Ошибаться не нужно: здравый смыслъ, который былъ знаменемъ господствовавшаго класса іюльской монархіи, означалъ при переводѣ на ея языкъ: посредственность, плоскость, съ которыми не могутъ примириться драматическія произведенія. Понсаръ, проученный опытомъ, наказанный паденіемъ Agnès de Meranie, пьесы, въ которой онъ удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ здраваго смысла въ его исключительномъ смыслѣ, т. е. въ которой была и историческая правда, и спокойный, никого не раздражавшій сюжетъ, и ловкіе разговоры, но вмѣстѣ съ тѣмъ пьесы въ высшей степени скучной,—рѣшился, казалось, забыть, что онъ былъ посланъ провидѣніемъ для воскресенія погибавшей школы и для успокоенія страстей, и взялъ сюжетъ политическихъ страстей. Четыре года прошло послѣ паденія его второй пьесы, четыре года, въ которые совершился переворотъ 1848 года, имѣвшій вѣроятно сильное вліяніе на Понсара. Въ 1850 году, появляется его «Шарлота Кордé»—пьеса, въ которой онъ окончательно откинулъ отъ себя всѣ старые пріемы, и вмѣсто нихъ взялъ себѣ за образецъ произведенія Шиллера. «Шарлота Корде» точно также, какъ и «Agnès de Méranie не имѣла успѣха; отъ Понсара отступились всѣ старые его защитники, а для того, чтобы найти себѣ убѣжище въ новомъ, молодомъ лагерѣ, онъ не достаточно высказалъ, въ своей пьесѣ, свои симпатіи къ тѣмъ или другимъ. И тутъ ему повредила его теорія «здраваго смысла», которая высказалась въ томъ, что, желая играть роль примирителя двухъ враждебныхъ лагерей, ему удалось только вызвать противъ себя неудовольствіе какъ однихъ, такъ и другихъ. Дѣлая всевозможное, чтобы быть безпристрастнымъ, онъ достигъ только того, что сдѣлался безличнымъ; сюжетъ, который способенъ былъ возбудить въ немъ и жаръ и страсть, оставилъ его холоднымъ, благодаря «здравому смыслу». Та буря, которая висѣла надъ обществомъ, была перенесена имъ на театръ, и обѣ враждебныя политическія партіи наполняли собою сцену Comédie francaise. Какое-то неловкое чувство господствовало въ публикѣ, никто не зналъ, на которую изъ двухъ сторонъ станетъ авторъ, которая въ этотъ вечеръ будетъ побѣдительницею. «Когда занавѣсъ поднялась, разсказываетъ одинъ изъ присутствовавшихъ тогда въ театрѣ, когда въ прологѣ, написанномъ съ элегантностью, Кліо, муза исторіи, явилась чтобы сдѣлать воззваніе къ забвенію прошлыхъ неистовствъ, къ успокоенію страстей, къ этой высокой и чистой безпристрастности, которая позволяетъ судить, вмѣсто того, чтобы ненавидѣть, тотчасъ же почувствовалось что между

[1]) Histoire des idées littéraires, p. 526, t. II.

желаніемъ автора и настроеніемъ публики, нѣтъ никакого согласія» [1]). Послѣ этого пролога начала развиваться драма, написанная несравненно съ большею силою, чѣмъ его прежнія произведенія, съ ловко очерченными характерами, и въ нѣкоторыхъ сценахъ съ замѣчательно мощнымъ языкомъ. Но главный характеръ самой Шарлоты Корде оставался точно покрытымъ вуалью, которую авторъ не посмѣлъ сорвать. Робость и боязливость Понсара были ударомъ для пьесы. Всѣ партіи находили для себя и пріятныя и непріятныя мѣста; авторъ старался скрыть свою личность и оставить всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ отвѣтственность за ихъ собственныя убѣжденія, слова и поступки; ему никто за это не былъ благодаренъ, разъигрывавшіяся страсти публики требовали отъ автора, чтобы и онъ былъ одушевленъ страстью, чтобы онъ принялъ сторону однихъ или другихъ. Онъ этого не сдѣлалъ, и публика была въ негодованіи. «Желая угодить всѣмъ, онъ не угодилъ никому» [2]). Онъ убѣдился, что выбранная имъ минута для того, чтобы быть безпристрастнымъ, была неудачна, что политическія страсти были еще слишкомъ возбуждены въ обществѣ, что рана еще недостаточно зажила, чтобы съ нее можно было срывать повязку. Понсаръ еще разъ почувствовалъ, что «здравый смыслъ» обманулъ его надежды, что общество состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, изъ которыхъ не всѣ удовольствовались, и онъ усомнился въ своемъ собственномъ знамени. Въ одномъ письмѣ, написанномъ Понсаромъ по поводу «Шарлоты Корде», онъ говорилъ: «Вѣрьте только, что если я хотѣлъ возвеличить здравый смыслъ, то никакъ не въ томъ буржуазномъ смыслѣ, который нѣкоторые ему придаютъ. Я далекъ отъ того, чтобы не признавать воображеніе, идеалъ, порывы, и допускать только одно положительное. Я понимаю подъ нимъ все, что истинно и естественно, что очень далеко отъ того, чтобы исключать великое и прекрасное. Вѣрьте также, что во всемъ мнѣ дорога свобода, и что я также мало, какъ вы, люблю традицію, авторитетъ и правила, когда они не основываются на разумномъ, что я совершенно преданъ свободному анализу, и что я принадлежу къ тѣмъ, которые поддерживаютъ, что все можетъ быть всегда обсуждаемо и подвергнуто разсмотрѣнію. Относительно же характера драматическихъ правилъ трехъ единствъ, то давно уже я смотрю на нихъ какъ на мертвыхъ, и никогда не имѣлъ ни малѣйшаго желанія ихъ воскрешать» [3]). Послѣ такого profession de foi, слѣдовало бы кажется ожидать, что Понсаръ твердо пойдетъ по взятому имъ направленію, не обращая вниманія на подводные камни, которые попались ему на пути. Но этого не слу-

---

[1]) Nouveaux Samedis, t. III, p. III., par A. de Pontmartin.

[2]) Gustave Planche, t. II, 278.

[3]) Письмо это помѣщено въ Histoire des idées littéraires, par Michiels, t. II, p. 569.

чилось. Огорченный неуспѣхомъ «Шарлоты Корде», онъ покидаетъ сюжеты, которые могутъ вызвать живой интересъ, поднять бурю, разжечь страсти, онъ удаляется опять въ древній міръ и даетъ два произведенія «Улиссъ» и «Гомеръ», явившіяся одно за другимъ и утонувшія во мракѣ ночи. Ни талантъ, ни натура Понсара не были созданы для того, чтобы сдѣлаться главою школы; онъ не обладалъ для этого ни силою, ни энергіею, ни настойчивостью, ни блескомъ, которые нужны для такого ремесла; однимъ словомъ, онъ не имѣлъ всего того, что въ такой сильной степени принадлежало Виктору Гюго. Событія, случайность сдѣлали изъ него то, чѣмъ онъ никогда не долженъ бы быть, заставили его играть роль, которая никогда не могла прійти ему въ голову. Мы увидимъ, что послѣ «Улисса» и «Гомера» обстоятельства постараются выставить его еще разъ на первый планъ, и дать ему въ руки скипетръ власти, который можетъ только достаться руководителю или главѣ цѣлой школы. Это время, начиная съ послѣднихъ дней романтизма и его неудачи, послѣ перваго мгновеннаго торжества школы «здраваго смысла», было крайне печально для драматическаго искусства. Тутъ можетъ быть будетъ кстати упомянуть объ одномъ драматическомъ авторѣ, который во время междуцарствія, т. е. въ тѣ минуты, когда ни одно направленіе не преобладало исключительно во французскомъ драматическомъ искусствѣ, занималъ собою всѣ сцены, начиная отъ театра «Французской комедіи» и кончая самою крошечною театральною залою какого нибудь провинціальнаго городка. Имя этого плодовитаго автора—Скрибъ. Кромѣ своей плодовитости, онъ обладалъ еще необыкновенною сценическою ловкостью, умѣньемъ не писать, не творить, а составлять сцены, и тѣмъ легкимъ талантомъ, который случайно напишетъ маленькую драму или мелодраму болѣе или менѣе удачную, комедію или либретто, но котораго истинное назначеніе: сантиментальный водевиль. У него былъ одинъ богъ — успѣхъ; помимо этого ему все было рѣшительно одинаково, полная индифферентность была у него ко всему остальному. Онъ не имѣлъ ни убѣжденій, ни направленія, онъ согласенъ былъ сдѣлаться и псевдо-классикомъ, и романтикомъ и послѣдователемъ «здраваго смысла», лишь бы публика рукоплескала ему. Когда наступилъ романтизмъ, Скрибъ старался поддѣлаться подъ него; готовый слѣдовать во всемъ за вкусомъ публики, онъ предпочиталъ изъ всего извлекать себѣ выгоду, нежели волноваться и сопротивляться требованію той или другой минуты. Онъ не имѣлъ никакихъ политическихъ воззрѣній, не держась никакой школы, а слѣдуя всегда за силою, ему было легко угождать публикѣ. Дѣятельность его поэтому громадна; вѣроятно, потребовались бы цѣлые томы только для номенклатуры его пьесъ. Если бы нужно было произнести сужденіе, вывесть заключеніе изъ всей его дѣятельности, то мы бы не могли сдѣлать ничего

лучшаго, какъ произнести слова одного изъ его критиковъ: «Взятое отдѣльно, каждое изъ его произведеній не имѣетъ значенія, и не заслуживаетъ быть поставленнымъ высоко въ литературной іерархіи; собранныя же всѣ вмѣстѣ, они называются театромъ Скриба»[1]) т. е., такою дѣятельностью, которая взяла три порціи славы. Вѣроятно, Скрибъ пережилъ бы и 48-й годъ, если бы онъ сталъ на которую нибудь сторону, а не сидѣлъ бы въ своемъ кабинетѣ и не писалъ бы либрето какой-то оперы въ тѣ самыя минуты, когда дрались на баррикадахъ. Вотъ отчего послѣдніе его годы были годами полнаго паденія. Положеніе драматическаго искусства было критическое. Романтическая школа окончательно вымерла, школа «здраваго смысла» послѣ нѣскольких неудачъ, какъ-то стерлась, умолкла.

Ни одно произведеніе болѣе не являлось, чтобы вырвать театръ изъ его временной летаргіи. Все, напротивъ, содѣйствовало ея продолженію. Происшедшій политическій переворотъ повѣялъ на всю жизнь тѣмъ вреднымъ, злокачественнымъ воздухомъ, подъ вліяніемъ котораго люди падаютъ въ изнеможеніе, въ полномъ безсиліи, сознавая, что вся окружающая ихъ среда должна будетъ подвергнуться опасному разложенію. Театръ немогъ избѣгнуть участи общества[2]); на театръ опустилась таже тяжелая рука новаго порядка. Вся область политики была вырвана изъ его владѣнія, у его дверей была поставлена стража, съ цѣлью задерживать всякое произведеніе, которое своею идеею или содержаніемъ могло бы освѣжительно дѣйствовать на общество. Въ такую минуту общей деморализаціи, общаго затмѣнья и упадка духа, написать честное произведеніе, выставить человѣка, который на перекоръ всей окружающей средѣ рѣшается бороться съ людьми и съ жизнью, какъ бы говоря этимъ, что не слѣдуетъ отчаяваться, что нѣтъ такого положенія, изъ котораго при помощи энергіи, стойкости и борьбы нельзя было бы выйти,—написать такое произведеніе, въ 1853 году, было дѣйствительнымъ достоинствомъ и заслугою. Понсаръ написалъ новую пьесу «l'Honneur et l'Argent», и еще разъ окружилъ свое имя ореоломъ славы. Въ этотъ разъ онъ отбросилъ исторію какъ древнюю, такъ и среднюю, отбросилъ вмѣстѣ съ нею своихъ старыхъ учителей, и обратился къ самой новой исторіи, къ исторіи дня, къ окружающему его обществу, и пораженный его грустнымъ состояніемъ, написалъ комедію въ которой съ твердостью и силою нарисовалъ его пороки, его язву, показалъ борьбу человѣка съ жизнью, его страданія, безпокойства, и рядомъ съ этимъ, какъ выразился одинъ критикъ, ожесточенный противъ своего общества,

---

[1]) Causeries littéraires, par A. de Pontmartin.

[2]) Мы имѣли уже случай, въ нашихъ статьяхъ, подъ заглавіемъ: «Современная Франція» (Вѣстн. Евр., 1867), сказать подробнѣе объ этой участи общества.

онъ предалъ анаѳемѣ «верховную власть золота среди этого народа безъ убѣжденій». Эта комедія была вторымъ тріумфомъ для Понсара; но остается спросить, былъ ли онъ болѣе законенъ, нежели первый? Если этотъ вопросъ не можетъ представлять никакого сомнѣнія, то все-таки нельзя не замѣтить, что и въ этотъ разъ пьеса была главнымъ образомъ обязана своимъ колоссальнымъ успѣхомъ тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ она появилась. Она отвѣчала темному недовольству, которое скрывалось у всѣхъ честныхъ людей; ея краснорѣчивые эпизоды по поводу безкорыстности, по поводу продажи своей совѣсти, чтобы служить золотому тельцу, и т. д. были перенесены весьма легко изъ области частной жизни въ область политики, а французскіе критики объявили, что «комедія l'Honneur et l'Argent демократическая, потому только, что она была глубоко честна» [1]. Она такъ мѣтко задѣвала чувствительныя стороны общества, такъ отражала собою его слабости, пороки, и такъ бичевала ихъ тѣми старыми, избитыми истинами, которыя все таки охотно и съ радостью произносятся тогда, когда они изгнаны насильно, что правительство нашлось вынужденнымъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ остановить ея представленіе. Выборъ допускаемыхъ пьесъ къ представленію послѣ того сдѣлался такъ строгъ, какъ только можно; драматическимъ писателямъ нужно было ограничиться простою копировкою жизни, иногда легкою насмѣшкою надъ тою или другою забавною стороною общества. Комедія Понсара стояла на перепутьи къ новому направленію: школа «здраваго смысла», впавшая черезъ «Lucrèce» въ псевдо-классицизмъ, вошла теперь черезъ «l'Honneur et l'Argent» въ реализмъ, который и является нынѣ господствующимъ направленіемъ современнаго драматическаго искусства. Такимъ образомъ, всѣ незамѣтно, вмѣстѣ съ Понсаромъ, перешли въ реализмъ, которому не болѣе, какъ два года тому назадъ, онъ, какъ говорили, желалъ противодѣйствовать своимъ «Lion amoureux». Можно сильно сомнѣваться, чтобы такова была цѣль Понсара, онъ очень хорошо понималъ, что реализмъ, къ которому онъ подошелъ довольно близко своею комедіею «l'Honneur et l'Argent», начинаетъ преобладать, что онъ имѣетъ не мало представителей, которые съ талантомъ поддерживаютъ свое знамя, и что если имъ не позволяютъ плакать надъ пороками опустившагося общества и не позволяютъ высказывать, чѣмъ оно должно быть, и какая задача лежитъ передъ нимъ не разрѣшенная, если, однимъ словомъ, современное драматическое искусство силою обстоятельствъ вынуждено быть отрицательнымъ, лишеннымъ идеала, который нисколько не противоположенъ реализму, за то французскіе драматурги нашего времени не жалѣютъ своихъ силъ въ преслѣдованіи пороковъ и общей деморализаціи насмѣшками и кри-

[1]) Nouveaux Samedis, par Pontmartin.

тикою выдающихся уродливыхъ сторонъ. Возвращаясь къ эпохи революціи, Понсаръ возвращался просто къ исторической драмѣ, которая ближе лежала ему къ сердцу, чѣмъ современная комедія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось къ сердцу французскаго общества приставить термометръ, чтобы узнать, какъ высока его температура и исчезъ ли тотъ жаръ, благодаря которому его «Шарлотта Корде» не имѣла успѣха. Въ его «Влюбленномъ Львѣ» таже цѣль, тѣже средства, тѣже достоинства, и тѣ же самые пороки, какъ въ «Шарлоттѣ Корде», тотъ же недостатокъ движенія, таже невыдержанность возрастающаго интереса, и отсутствіе новыхъ, оригинальныхъ и сильныхъ положеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточная сила, рѣзкость при начертаніи характеровъ. И тутъ, какъ въ Шарлоттѣ Корде, онъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ, хотѣлъ стереть свою личность, свои политическія убѣжденія и страсти, и вложилъ въ уста своихъ героевъ одинаковую силу и одинаково благодушную рѣчь, не клонясь къ тому или къ другому. Примиреніе враждебныхъ лагерей, казалось, было самою дорогою его идеею, и если бы онъ захотѣлъ судить по тому успѣху, который встрѣтилъ его «Lion amoureux», то онъ могъ бы подумать, что минута этого примиренія настала, и что послѣдній стихъ его пьесы, который выражаетъ собою всю его идею: «когда же наконецъ всѣ французы встанутъ подъ одно знамя»! найдетъ отголосокъ во всемъ обществѣ. Онъ ошибся. Вся разница въ томъ, что въ ту минуту, когда явилась «Шарлотта Корде», всѣ политическія страсти были въ движеніи, а въ минуту, когда онъ вывелъ на сцену суроваго конвенціоналиста Гумберта (Humbert), влюбленнаго въ женщину стараго порядка, маркизу де Мона́, общество находилось въ апатіи. А апатія далеко еще не значитъ примиреніе. Въ «Lion amoureux» мы находимъ опять то достоинство, которое никто не станетъ оспаривать у Понсара,—это его простота и твердый языкъ, то искусство, съ которымъ онъ заставляетъ говорить своихъ героевъ о государственныхъ дѣлахъ, объ исторіи, политикѣ и даже о научныхъ предметахъ, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться еще на послѣднемъ его произведеніи, представленномъ въ этомъ году, «Галилеѣ». Въ продолженіе цѣлаго акта онъ съ такою же легкостью и свободою заставляетъ произносить своего героя цѣлую астрономическую лекцію, какъ какой нибудь юноша у Альфреда де Мюссе дѣлаетъ любовное объясненіе. Рядомъ съ этимъ большимъ достоинствомъ, мы находимъ въ немъ еще и другое: это необыкновенная простота въ концепціи сюжета и почти полное отсутствіе въ его пьесахъ тѣхъ сценическихъ эффектовъ, которыми можетъ быть была слишкомъ богата романтическая школа.

Если мы остановились болѣе подробно на дѣятельности Понсара, то причина этого лежитъ въ той ролѣ, которую его заставили играть

случайныя обстоятельства, въ томъ значеніи, которое онъ имѣетъ, какъ послѣдняя ступень къ господствующему теперь направленію, и наконецъ, главнымъ образомъ потому, что это единственный изъ современныхъ драматическихъ писателей, котораго дѣятельность закончена, и для котораго началась уже исторія. Онъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

ЕВГ. УТИНЪ.

Парижъ. 26 декабря, 1867.

ОБОЗРѢНІЕ СУДЕБНОЕ.

НОВЫЕ СУДЫ ВЪ РОССІИ.

I.

Будущій русскій историкъ послѣдняго десятилѣтія (1857 — 1867) неминуемо остановится на двухъ событіяхъ: на освобожденіи крестьянъ и на судебномъ преобразованіи. Остановившись на этихъ двухъ коренныхъ реформахъ, изъ которыхъ первая измѣнила экономическое положеніе русскаго общества, а вторая—юридическія отношенія членовъ этого общества, и стремилась къ водворенію въ нихъ законности и равноправности на мѣсто произвола и насилія, — онъ не оставитъ безъ вниманія, конечно, то участіе самаго общества, которое оно принимало въ обоихъ преобразованіяхъ: такъ какъ въ ряду всѣхъ крупныхъ и мелкихъ реформъ, преимущественно эти двѣ не заслуживаютъ упрека въ томъ, чтобы онѣ задуманы и составлены были въ тиши канцелярій и кабинетовъ, и чтобы общество не было къ нимъ подготовлено рядомъ различныхъ мѣръ. Вызванныя одинаково настоятельною необходимостью, онѣ были предложены на сужденіе всего русскаго общества, которому въ обоихъ случаяхъ дано было время и возможность высказаться, выразить свой взглядъ и свои потребности. Казалось бы, что при этомъ общество одинаково должно было отнестись къ двумъ вопросамъ одинаково для него важнымъ, и равно жизненнымъ. Но этого именно и не случилось. Чѣмъ объяснить подобное явленіе?

Крестьянская реформа породила особые журналы, въ которыхъ печатались присылавшіяся со всѣхъ концовъ Россіи статьи, выражавшія самыя разнообразныя мнѣнія о готовившемся преобразованіи, скромно называвшемся въ то время «устройствомъ быта помѣщичьихъ крестьянъ». Цѣлые мѣсяцы проходили въ какомъ-то трепетномъ ожиданіи манифеста, — ожиданіи, охватывавшемъ не однихъ крестьянъ и помѣ-

щиковъ, но и людей, которыхъ ближайшіе матеріальные интересы мало, повидимому, соприкасались съ освобожденіемъ крестьянъ. Въ этомъ ожиданіи, правда, проглядывало много ребяческаго, даже смѣшного: стóитъ вспомнить то опасеніе, которое многіе серьозно высказывали, — что крестьяне взбунтуются въ день объявленія манифеста, дававшаго имъ человѣческія права, — но тѣмъ не менѣе во все это время общество обнаруживало свою жизнь, свои стремленія и его нельзя было упрекнуть въ безучастности и апатіи. Наконецъ, ожиданія осуществились. Манифестъ, за долго передъ тѣмъ напечатанный, — обнародованъ; общаго волненія крестьянъ не произошло и началось самое введеніе въ дѣйствіе реформы. Общество и тутъ не оставалось спокойнымъ зрителемъ. Оно слѣдило за мировыми посредниками, разбирало ихъ дѣйствія, одобряло ихъ или осуждало; первыя постановленія главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ возбуждали живой интересъ. Общество не успокоилось совершенно даже и теперь, когда убѣдилось, что повернуть народъ нельзя, что вопли обиженныхъ и оскорбленныхъ, желавшихъ уничтожить ненавистное имъ преобразованіе (не потому только, чтобы они отъ него что нибудь теряли, — такъ какъ многимъ изъ нихъ и терять-то было ужь нечего, а оттого, что въ каждомъ движеніи жизни впередъ они видѣли для себя обиду и оскорбленіе) суть не что иное, какъ словесныя упражненія, не могущія имѣть никакихъ серьозныхъ послѣдствій.

Такъ ли отнеслось русское общество къ судебному преобразованію? что это преобразованіе по важности своей уступаетъ крестьянской реформѣ—это справедливо; но справедливо также и то, что оно уступаетъ немного, касаясь ближайшихъ, и при томъ осязательнымъ образомъ, интересовъ каждаго, и что оно являлось необходимымъ послѣдствіемъ освобожденія крестьянъ. Положеніе, при которомъ незначительное меньшинство; пользовавшееся выгодами общественнаго порядка жило на счетъ остальнаго безправнаго народонаселенія не могло вовсе уничтожиться до тѣхъ поръ, пока существовало старое судоустройство и судопроизводство, при которыхъ правосудіе совершалось въ непроницаемой тайнѣ, а злоупотребленія должностныхъ лицъ сдѣлались чуть не общимъ правиломъ. Тутъ весь вопросъ могъ быть сначала только въ томъ: можно ли ограничиться въ необходимомъ преобразованіи мѣрами палліативными; или слѣдуетъ произвести коренную реформу. Но палліативныя мѣры не могли имѣть мѣста для сохраненія судебнаго порядка, ненавистнаго народу, вреднаго для администраціи, колебавшаго довѣріе общества къ правительству и верховной власти. Мѣстное представительство отъ всѣхъ классовъ народа въ земскихъ учрежденіяхъ дѣлало аномаліей прежній порядокъ выборовъ должностныхъ лицъ въ судебныя мѣста, при чемъ самое многочисленное сословіе — крестьянское — было почти лишено права, даннаго другимъ сословіямъ.

Если прибавить къ этому затрудненія финансовыя, дѣлавшія положительно невозможнымъ существованіе порядка, уничтожавшаго кредитъ и препятствовавшаго развитію торговли и промышленности, то становится понятнымъ, почему необходимо было рѣшиться на такое коренное обновленіе нашего отечества. Учрежденіе независимаго и гласнаго суда со всѣми необходимыми гарантіями правосудія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ благоустроеннѣйшихъ свободныхъ государствахъ, не могло не показаться дѣломъ первостепенной важности для всего русскаго общества. Какъ бы подготовленіемъ къ реформѣ послужилъ проектъ устава о военно-морскомъ судѣ. Проектъ этотъ вызвалъ довольно много замѣчаній, которыя тотчасъ же обнаружили всѣ качества противниковъ задуманнаго преобразованія: на ряду съ дѣльными указаніями и сочувственными отзывами о гласности и устности суда, другіе видѣли въ этомъ, — «перенесеніе къ намъ западнаго порядка со всѣми его горькими плодами»; они даже утверждали, что «гласные суды въ Россіи не будутъ посѣщаемы благомыслящими людьми», и что судьи «останутся подъ надзоромъ легкомысленныхъ послѣдователей бездушнаго ученія о царствѣ гласности». Эти люди наивно говорили, что «перенесеніе на русскую почву французской формулы au nom de la loi будетъ значить — «во имя безбожія»; и при этомъ въ вящшее подкрѣпленіе своихъ предостереженій противъ написаннаго въ духѣ «англо-французскаго ригоризма и выработаннаго изъ теоріи de la souveraineté du peuple» устава, приводили соображенія въ родѣ того, что «ничтоженъ противъ общественнаго врага древній острый мечъ безъ новѣйшаго огнестрѣльнаго оружія христіанской дальновидности». Слабыя въ своихъ соображеніяхъ и доводахъ противники судебнаго преобразованія не богаты были сначала и числомъ: ихъ показывалось мало и они не могли остановить готовившейся реформы. Осенью 1862 года обнародованы были и «Основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи».

Въ отвѣтъ на обнародованныя основныя Положенія явилось нѣсколько статей въ разныхъ журналахъ, и присланы въ коммиссію, учрежденную для составленія проектовъ законоположеній о судебной реформѣ, замѣчанія и предположенія о развитіи основныхъ положеній. Замѣчанія эти присылались какъ должностными лицами, такъ и людьми частными. Въ тоже время стали образовываться въ Петербургѣ и провинціяхъ юридическія общества, главная цѣль которыхъ состояла въ упражненіяхъ по судоговоренію и въ преніяхъ о томъ, какъ лучше устроить будущій судъ. На сколько эти общества, образованныя большею частью молодыми людьми, — исполняли свою задачу — въ большинствѣ случаевъ оставалось неизвѣстнымъ. Но высказавъ свое участіе къ предполагавшемуся преобразованію, русское общество въ дѣлѣ судебной реформы не выказывало уже прежней горячности, прежняго

энтузіазма. Напротивъ того, чѣмъ больше проходило времени со дня обнародованія «Основныхъ Положеній», и чѣмъ болѣе близилось время введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, тѣмъ, повидимому, хладнокровнѣе относилось оно къ предстоявшей реформѣ. Статьи въ журналахъ объ этомъ предметѣ являлись рѣже. О дѣятельности провинціальныхъ юридическихъ обществъ, о которыхъ прежде повѣствовали газеты, прекратились всякіе слухи, и никто даже не интересовался знать — хорошо ли вели онѣ свои дѣла или дурно, изучили ли онѣ различныя отправленія открытаго суда или нѣтъ. Изъ множества столичныхъ обществъ слышно было только о существованіи трехъ: двухъ въ Петербургѣ (изъ которыхъ впрочемъ одно въ послѣдствіи закрылось) и одного въ Москвѣ. Чѣмъ же объяснить такое видимое охлажденіе общества къ улучшенію матеріальнаго и нравственнаго своего быта? Конечно, прежде всего нельзя оставить безъ вниманія тѣхъ особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ, которыя, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на время пресѣкли начинавшееся развитіе общественной жизни. Общество не могло оставаться довѣрчивымъ оптимистомъ, послѣ того, какъ дорого поплатилось нѣсколько разъ за увлеченія и попытки нѣскольких отдѣльныхъ лицъ, попытки, имѣвшія серьезныя послѣдствія только для самихъ увлекавшихся. Общество стало старше и благоразумнѣе; наученное опытомъ, оно стало понимать, что дѣйствительное владычество закона не есть такое благо, котораго можно достигнуть посредствомъ одного провозглашенія его на печатной бумагѣ, что значеніе и дѣйствительность преобразованія зависятъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ условій, среди которыхъ оно является, и что эти-то условія могутъ дать ему дѣйствительную жизнь или могутъ низвести его на степень мертвой буквы. Эта-то пріобрѣтенная опытность и ближайжее знакомство съ условіями русской жизни объясняютъ также, почему судебная реформа не встрѣтила такой храброй оппозиціи, какая являлась противъ освобожденія крестьянъ.

Русское общество не могло, въ прежнее время, получить въ дѣйствительной жизни хотя какую-нибудь юридическую подготовку; уваженія къ закону оно не имѣло и опытомъ цѣлыхъ столѣтій убѣдилось, что всякій законъ во власти сильнѣйшаго; оно смотрѣло на дѣло чисто экономически, и законъ для него представлялся не вѣчнымъ началомъ правды, а иногда пятакомъ, иногда рублями и сотнями рублей, — смотря по важности закона. Съ такимъ положеніемъ не только простой народъ, но даже и такъ-называемый образованный классъ свыклись до того, что на всякую попытку къ улучшенію смотрѣли какъ на дѣло для нихъ постороннее. Еще сто лѣтъ тому назадъ съ высоты русскаго трона геніальная женщина и русская императрица провозгласила во всеуслышаніе, что правосудіе необходимо

и государство разрушится безъ него [1]); всякій образованный русскій человѣкъ зналъ это, какъ зналъ можетъ быть и то, что наказъ Екатерины II, гдѣ такое мнѣніе было выражено, показался современникамъ сочиненіемъ до того вольнодумнымъ, что его запретили во Франціи. Но зная все это, русскій образованный человѣкъ не могъ не видѣть, что правосудіе въ отечествѣ его не существовало, а вмѣстѣ съ тѣмъ отечество его еще не разрушилось. Русскій образованный человѣкъ изучалъ иногда въ университетѣ и юриспруденцію, и вступая въ жизнь ему были извѣстны общественныя необходимости, которымъ законы должны удовлетворять; ему могли быть знакомы и условія хорошаго законодательства и лучшее устройство судовъ и легальной процедуры. Но къ чему все это было русскому образованному человѣку въ дѣйствительной жизни? Д. С. Милль [2]) отводитъ важное мѣсто изученію юриспруденціи потому только, что лучшее устройство судовъ и легальной процедуры «составляютъ не только главную долю трудовъ правительства, но и жизненный интересъ каждаго гражданина, что ихъ усовершенствованіе представляетъ обширное поприще для энергіи каждаго, должнымъ образомъ приготовленнаго ума, который ставитъ предметомъ своего честолюбія содѣйствовать лучшему состоянію человѣчества.» На сколько такія стремленія были позволительны въ нашей прежней общественной жизни — объ этомъ и распространяться нечего. Эта-то безполезность изученія науки права при нашемъ прежнемъ общественномъ строѣ объясняетъ, почему нашему обществу весьма мало знакомы какъ общія юридическія истины, такъ и русскіе законы. Въ послѣднемъ, т. е. въ незнакомствѣ съ отечественнымъ законодательствомъ винить, впрочемъ, русскаго человѣка нельзя еще и по другимъ причинамъ. Сводъ Законовъ россійской имперіи, состоящій изъ 15 томовъ и заключающій въ себѣ до семидесяти тысячъ статей, уже по одному объему своему недоступенъ почти никому, кромѣ лицъ, спеціально посвятившихъ себя судебному дѣлу. Но этотъ Сводъ Законовъ, — по выраженію Бисмарка, обширный арсеналъ, въ которомъ изъ семидесяти тысячъ статей всегда можно подыскать статью, подходящую къ какому угодно дѣйствію, въ которомъ за-то нѣтъ отвѣта на самые обыкновенные вопросы гражданскаго и уголовнаго права—еще далеко не содержитъ въ себѣ всѣхъ законоположеній, дѣйствующихъ въ россійской имперіи. Въ 15-ти томахъ Свода Законовъ есть, правда, положеніе о киргизахъ, чукчахъ, двоеданцахъ, объ агаларахъ, меликахъ, реубаряхъ, о вавилонахъ, о рупштахъ, о долдіяхъ, врадахъ, видмахъ, алетахъ и т. под., но въ Сводѣ нѣтъ законовъ, относящихся къ господствующей православной церкви,

[1]) Наказъ Екатерины II, ст. 367.
[2]) Рѣчь объ университетскомъ воспитаніи.

нѣтъ законоположеній или уставовъ объ учрежденіяхъ разныхъ духовныхъ вѣдомствъ, нѣтъ законовъ о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, нѣтъ законовъ царства польскаго, великаго княжества финляндскаго, остзейскихъ губерній, нѣтъ законовъ вахчанговыхъ, дѣйствующихъ въ Закавказскомъ краѣ, нѣтъ законовъ Донича и другихъ, дѣйствующихъ въ Бессарабіи, нѣтъ законовъ военныхъ и морскихъ, нѣтъ, наконецъ, многихъ законовъ объ училищахъ, подвѣдомыхъ министерству просвѣщенія, о почтахъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, о внутренней стражѣ, о жандармахъ [1]). Такимъ образомъ, въ сводѣ нельзя найти установленныхъ закономъ правилъ о важнѣйшихъ предметахъ, встрѣчающихся въ обыденной жизни, и которыя разсѣяны въ особыхъ положеніяхъ, сводахъ и уставахъ, такъ что всѣ, дѣйствующія въ Россіи законоположенія заключаются болѣе нежели въ 120 книгахъ и содержатся въ нѣсколькихъ стахъ тысячахъ статей. Нечего и говорить о томъ, что нѣтъ человѣка, которому могло бы быть доступно русское законодательство во всемъ его объемѣ. Но можно сказать и больше: можно смѣло утверждать, что даже 70,000 законоположеній общаго свода съ 5,000 ссылками на военныя постановленія,—никто не знаетъ. Такое состояніе дѣла было очень выгодно для тѣхъ людей, которые, ведя искони жизнь паразита, привыкли жить на счетъ другихъ. Эти-то люди, понимая хорошо условія, при которыхъ суждено было осуществиться судебной реформѣ, видя тотъ низкій уровень юридическихъ понятій, господствовавшихъ въ большинствѣ русскаго общества не находили даже нужнымъ противодѣйствовать готовившемуся судебному преобразованію. Они если и негодовали, то въ тихомолку, но уже не кричали такъ храбро и громко, какъ то дѣлалось при освобожденіи крестьянъ, когда они подвергали заслуженнымъ насмѣшкамъ всѣхъ здравомыслящихъ людей. Дѣйствуя такимъ образомъ, они поступали очень расчетливо; они глубоко вѣрили въ невозможность коренного измѣненія

---

[1]) Въ этомъ отношеніи интересна статья бывшаго совѣтника петербургскаго губернскаго правленія А. Бабичева, умершаго въ 1859 году и помѣщенная въ «Чтеніяхъ Московск. общ. истор. и древн. россійскихъ» 1865 г. к. IV, подъ заглавіемъ: «О редакціонномъ направленіи Свода Законовъ». Въ этой статьѣ А. Бабичевъ на основаніи близкаго знакомства съ Сводомъ Законовъ утверждаетъ, что изъ 70,000 статей Свода нашего можно уменьшить 25,000 и сдѣлать болѣе 2,500,000 исключеній, и что всѣ настоящія законоположенія, заключающіяся нынѣ болѣе, нежели въ 120-ти книгахъ, за исключеніемъ всего лишняго могутъ быть сведены въ 12-ти томахъ средней величины; и при этомъ замѣтимъ, число «двѣнадцать» нравится ему только потому, что это число 12 св. апостоловъ, 12 мѣсяцевъ, 12 категорій въ философіи, 12 таблицъ перваго законодательства римскаго, и 12 книгъ кодекса юстиніанова. Бабичевъ замѣчаетъ, что «есть дѣла, кои высочайше рѣшались нѣсколько разъ и всегда разно, что по законамъ нашимъ одно дѣло можетъ быть рѣшено 10, 12 разъ, и всѣ рѣшенія будутъ основаны на законахъ, слѣдовательно правильно, т. е. по правиламъ нашихъ законовъ и не даромъ говорятъ: «по закону правъ, чуть не святъ, а по совѣсти — сущій супостатъ!»

прежняго судоустройства и судопроизводства, и надѣялись на то, что судебное преобразованіе примется у насъ плохо, что оно сажалось въ почву, недостаточно еще подготовленную, что самое преобразованіе надолго ограничится «въ видѣ опыта» однѣми столицами — Петербургомъ и Москвою, а если и перейдетъ въ провинціи, то черезъ многое множество лѣтъ, въ теченіе которыхъ удастся испортить преобразованіе и перенести его въ провинціи въ измѣненномъ видѣ, извративъ основныя положенія по мѣрѣ силъ и возможности. Нерѣдко можно было встрѣтить людей, видѣвшихъ въ судебномъ преобразованіи не великую мысль законодателя, а какую-то уступку современнымъ потребностямъ, уступку, которая ограничится одною внѣшностью, технической стороною дѣла и при которой по прежнему будетъ господствовать право сильнаго, прикрывающее преступленіе и произволъ, и при которой жизнь на чужой счетъ будетъ идти также спокойно и безмятежно. Эта-то увѣренность и сладкія надежды во многомъ объясняютъ то спокойствіе идей, съ которымъ представители враждебныхъ реформъ встрѣтили судебные уставы 20-го ноября 1864 года. Эта увѣренность была до такой степени велика, что она даже пугала ту небольшую, развитую часть русскаго общества, которая сочувственно отзывается на всякую попытку къ улучшенію строя русской общественной жизни, и которая вполнѣ понимала всю необходимость измѣненія стараго судебнаго порядка и всѣ важныя послѣдствія преобразованія.

Послѣ обнародованія судебныхъ уставовъ, изъ которыхъ общество могло ознакомиться съ тѣмъ, каковъ будетъ новый судъ, введены въ дѣйствіе, въ октябрѣ 1865 года правила, измѣнившія порядокъ дѣлопроизводства въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ. Правила эти имѣли значеніе потому, что наканунѣ гласнаго и публичнаго суда поднимали передъ обществомъ часть той завѣсы, за которою дотолѣ прятались старыя судебныя мѣста: публика была допущена къ слушанію докладовъ дѣлъ, и такимъ образомъ пріобрѣла возможность своими глазами увидѣть хотя нѣкоторыя изъ сторонъ уже приговореннаго къ смерти судоустройства и судопроизводства. Что-же она увидѣла и услышала? Въ провинціяхъ публика посѣщала суды мало; сначала ее заинтересовало взглянуть, какъ знакомые ей судьи и засѣдатели безмолвно сидятъ, слушая докладъ секретаря, какъ нѣкоторые изъ нихъ дремлютъ при этомъ подъ тяжестью лѣтъ и хозяйственныхъ заботъ; потомъ и это ей наскучило, и она шла въ судъ только тогда, когда разсматривалось дѣло какого-нибудь мѣстнаго туза или какое-нибудь особенно выдающееся уголовное дѣло. Даже въ Петербургѣ и Москвѣ публики не бывало много въ судахъ и палатахъ. Простого же народа почти не было видно вовсе; да онъ, вѣроятно, и не зналъ, если его даже и пускали, что онъ можетъ посмотрѣть, какъ это сидятъ господа

въ шитыхъ мундирахъ и дѣла рѣшаютъ. Только процессы въ родѣ И. Арсеньева, судившагося за клевету, Бибикова, судившагося за свои «Критическіе этюды», и гражданскія дѣла, въ родѣ дѣла о духовномъ завѣщаніи Сухотиной, привлекали многочисленныхъ слушателей. Въ сенатѣ, публика также интересовалась дѣлами почему-либо пріобрѣвшими извѣстность; видѣла она тутъ цѣлые тюки подлинныхъ дѣлъ, лежавшихъ возлѣ докладчиковъ и невольно задавалась вопросомъ: неужели все это всѣми, кѣмъ слѣдуетъ, прочтено и обсужено; слышала о томъ, какъ тянулись десятки лѣтъ дѣла, и дойдя до сената возвращались опять назадъ для новаго производства; какъ производились слѣдствія по дѣламъ уголовнымъ, и по-скольку лѣтъ сиживали подсудимые по тюрьмамъ и острогамъ при предварительномъ слѣдствіи. Больше всего бывало въ сенатѣ слушателей на докладахъ гражданскихъ дѣлъ по жалобамъ на административныя лица. Тутъ бывали не одни петербуржцы, но и пріѣзжіе по дѣламъ изъ провинцій. Всѣ они видѣли прежде, въ дѣйствительной жизни, какъ администраторы вмѣшивались въ судебныя дѣла, и какія изъ этого выходили послѣдствія; какъ смѣнялись лица судебнаго вѣдомства, не умѣвшія ладить съ сильными «міра сего» и пользовавшіяся съ одной стороны репутаціей честныхъ и добросовѣстныхъ дѣятелей, а съ другой—неуживчивыхъ и задорныхъ людей; какъ вся эта комедія разыгрывалась иногда ревизіей, при чемъ за ревизоромъ иногда уѣзжалъ изъ губерніи мѣстный администраторъ и потомъ иногда возвращался—съ «замѣчаніемъ», какъ говорили одни,—съ «выговоромъ», какъ говорили другіе, или съ «наградой», какъ говорили третьи — или же вовсе не возвращался, а отправлялся на покой отъ трудовъ въ свои помѣстья или за-границу и замѣнялся другимъ, съ которымъ не рѣдко повторялась таже самая исторія. Стоустая молва все это, конечно, извращала и преувеличивала, роняя все больше и больше авторитетъ и администраціи и суда. Теперь публика изъ устъ докладчиковъ знакомилась съ тѣмъ, какъ пріостанавливались взысканія, какъ основанныя на законахъ рѣшенія дѣлались ничтожными. Когда оканчивались доклады, публика уходила и думала: неужели все это скоро кончится, неужели это—предсмертныя судороги личнаго усмотрѣнія, попирающаго законъ; неужели, наконецъ, произволъ уступитъ свое господство безъ борьбы и притомъ отчаянной, какъ всякая послѣдняя борьба на жизнь и смерть.

Приготовленія ко введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ начались прежде всего въ Петербургѣ. Временная коммиссія, которой поручено было принимать заявленія отъ лицъ, желавшихъ и имѣвшихъ право баллотироваться въ мировые судьи собирала свѣдѣнія о прежней дѣятельности кандидатовъ, чтобы сообщить эти свѣдѣнія общей думѣ, производившей выборы въ первый разъ, почти не зная большинства

лицъ баллотируемыхъ. При этомъ никому и въ голову не приходило собирать свѣдѣнія о благонамѣренности или неблагонамѣренности кандидата, о его мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, о его политической благонадежности. Не приходило никому въ голову возобновить изобрѣтенный террористами первой революціи loi des suspects, о необходимости котораго заявляли нѣкоторые господа, не смотря на то, что всякій зналъ его вредъ и нелѣпость. Члены городской коммиссіи и общей думы смѣялись надъ печатными и словесными инсинуаціями противъ нѣкоторыхъ кандидатовъ, очень хорошо понимая, что какихъ бы политическихъ убѣжденій ни былъ человѣкъ, но коль скоро онъ становился защитникомъ закона, а не произвола, то онъ, самою силою вещей, дѣлался представителемъ началъ охранительныхъ, ибо ничто не можетъ болѣе охранить общество отъ переворота какъ реакціоннаго, такъ и прогрессивнаго, какъ господство закона. Самые выборы мировыхъ судей въ петербургской думѣ, въ мартѣ 1866 года, привлекли далеко не полное число гласныхъ и произведены они были довольно спокойно. Точно также, при такихъ же условіяхъ, совершились выборы въ Москвѣ, потомъ и во всѣхъ губерніяхъ петербургскаго и московскаго судебныхъ округовъ. Составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей окончилось еще проще. Списки эти были весьма не полны, особенно въ Петербургѣ, но даже не слышно было, чтобы поступило хотя одно заявленіе отъ лицъ, имѣвшихъ право быть присяжными-засѣдателями и не внесенныхъ въ списки. За выборами мировыхъ судей послѣдовали назначенія личнаго состава въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, пріемъ присяжныхъ-повѣренныхъ и, наконецъ, 17 апрѣля 1866 года, открытіе дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій.

Тутъ все зависѣло отъ первыхъ шаговъ новыхъ дѣятелей на новомъ судебномъ поприщѣ. Къ этимъ первымъ шагамъ одинаково подозрительно присматривались какъ народъ, для котораго дотолѣ судъ представлялся источникомъ всякаго зла и разоренія, такъ и та часть образованнаго класса, которая одинаково свысока относилась прежде и къ закону, и къ суду, и наконецъ та часть русскаго общества, которая искренно желала осуществленія на дѣлѣ благого намѣренія законодателя, чтобы «правда и милость царствовали въ новыхъ судахъ».

Обстоятельства, при которыхъ дѣлались эти первые шаги, были самыя тяжелыя, и испытаніе, которое выдержали дѣятели новаго судебнаго порядка могло быть по плечу судьямъ самымъ опытнымъ, присяжнымъ-засѣдателямъ, уже не разъ призывавшимся для рѣшенія сомнительныхъ вопросовъ о виновности или невинности подсудимыхъ, присяжнымъ-повѣреннымъ, уже не одинъ годъ занимавшимся адвокатурой. Стóитъ только вспомнить, что многіе изъ лицъ, только-что вступившихъ въ сословіе присяжныхъ-повѣренныхъ, были призваны въ верховный уголовный судъ для защиты Каракозова и лицъ, пре-

данныхъ суду по обвиненіямъ въ знаніи о преступномъ намѣреніи Каракозова, въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ и въ другихъ преступленіяхъ. На первыхъ же порахъ, присяжнымъ-засѣдателямъ пришлось рѣшать вопросъ о душевномъ состояніи подсудимаго; судьямъ досталось разсмотрѣніе литературныхъ процессовъ и рѣшеніе сложныхъ вопросовъ, которые обходила старая судебная практика; судебные слѣдователи не могли имѣть необходимой помощи отъ полицейской власти, дѣятели которой выросли въ иныхъ понятіяхъ и привычкахъ, чѣмъ тѣ, которые допускались новымъ, обвинительнымъ, уголовнымъ процессомъ.

Теперь, когда прошло уже полтора года съ тѣхъ поръ, какъ началъ свою дѣятельность новый гласный и независимый судъ, можно безъ увлеченія отвѣтить, на сколько исполняетъ новый судебный порядокъ свое назначеніе, справедливы ли были господствовавшія до введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ опасенія и надежды. Прошло уже достаточно времени и для того, чтобы опредѣлилось положеніе новаго суда въ окружающемъ его обществѣ, и былъ готовъ отвѣтъ на вопросъ: подчиняется ли новый судъ требованіямъ окружающей его среды, или, являясь достойнымъ защитникомъ правды и законы, онъ стоитъ выше современнаго общества и дѣйствуетъ на него какъ новая и сильная цивилизующая сила.

Чтобы отвѣтить на это, слѣдуетъ оглянуться назадъ и припомнить лица, явившіяся въ новомъ судѣ въ качествѣ тяжущихся и подсудимыхъ и ихъ защитниковъ, рѣшенія присяжныхъ и суда по различнымъ дѣламъ, интересовавшимъ общество, и правильность дѣйствій судей и слѣдователей.

При этомъ сами собою обрисуются защитники и противники новыхъ судовъ, и станетъ ясно, кого удовлетворяетъ новый судъ, какія желательны въ немъ перемѣны, и кому съ каждымъ днемъ онъ все дѣлается болѣе и болѣе тяжелъ.

II.

Еслибы кто захотѣлъ опредѣлить,—какое сословіе выставило наибольшее количество тяжущихся въ новыхъ судахъ, то едвали бы онъ ошибся, еслибы по дѣламъ, производившимся въ обоихъ судебныхъ мѣстахъ, поставилъ тяжущихся, по сословіямъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: купцы, мѣщане, дворяне, крестьяне и духовное сословіе; въ мировыхъ учрежденіяхъ этотъ порядокъ измѣняется вслѣдствіе преобладанія крестьянъ и мѣщанъ. Но еслибы кто вздумалъ уловить характеристическую черту общую большинству тяжущихся, явившихся первое время въ судахъ, то онъ скоро убѣдился бы въ томъ,

что такими чертами являлись, къ сожалѣнію, преимущественно невѣжество и наклонность къ эксплуатаціи ближняго [1]).

Дѣлъ, представлявшихъ для разрѣшенія спорные вопросы гражданскаго права, весь первый годъ, въ новыхъ судахъ, было немного. По крайней мѣрѣ въ началѣ, двѣ трети гражданскихъ процессовъ составляли взысканія, такъ называемыя, безспорныя, т. е. по векселямъ, заемнымъ письмамъ, роспискамъ и подписаннымъ счетамъ.

Очень скоро послѣ открытія новыхъ судовъ нѣкоторыя весьма извѣстныя фамиліи пріобрѣли себѣ постоянныя мѣста въ судебномъ указателѣ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію. Съ нихъ взыскивали за все, такъ какъ они до того времени имѣли обыкновеніе все дѣлать въ долгъ, но долговъ своихъ не платить. Съ нихъ взыскивали мясники и лавочники за провизію, поставленную къ ихъ роскошному столу, повара—за изготовленные обѣды и ужины, содержатели лѣсныхъ дворовъ, за топливо, согрѣвавшее ихъ апартаменты, обойщики, обивавшіе роскошную мебель, лавочники, поставлявшіе масло и свѣчи въ карсели и люстры, каретники за взятые у нихъ экипажи, хозяева милютиныхъ лавокъ за съѣденныя у нихъ устрицы и поставленные фрукты, и наконецъ портные, одѣвавшіе самыхъ владѣтелей почтенныхъ фамилій. Все это дѣлалось въ долгъ въ теченіе многихъ лѣтъ, накоплялись суммы почтенныхъ размѣровъ, а кредиторы все ждали, не рѣшаясь взыскивать при прежнемъ порядкѣ. Съ открытіемъ новаго суда всѣ эти дѣла не явились разомъ: сначала показалось нѣсколько такихъ взысканій, какъ бы для пробы. Должники не находили сначала нужнымъ являться въ судъ. Но когда черезъ нѣсколько дней къ нимъ являлся судебный приставъ и требовалъ уплаты, и притомъ, уплаты немедленной, они начинали сердиться; когда же затѣмъ приставъ, не получая денегъ, начиналъ прикладывать свои печати къ изящнѣйшимъ шифоньеркамъ и роскошнымъ козеткамъ и кушеткамъ и прикладывая на видныхъ мѣстахъ печати, быть можетъ въ самый день назначеннаго раута, предупреждалъ о статьѣ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, грозящей большими непріятностями тому, кто себѣ позволитъ сорвать этотъ небольшой кусокъ сургучу, то неудовольствіе почтенныхъ должниковъ не знало границъ. Тогда — или платились деньги, или на другой же день приносилась

---

[1]) Мы не считаемъ нужнымъ, въ большинствѣ случаевъ, приводить фамиліи тяжущихся, участвовавшихъ въ дѣлахъ, изъ которыхъ мы почерпнули наши замѣчанія. Но мы разъ на всегда предупреждаемъ, что все, что мы говоримъ, почерпнуто нами изъ дѣлъ, публично разсматривавшихся въ новыхъ судахъ съ мая 1866 по декабрь 1867 года, — дѣлъ, которыя мы сами слушали въ судебныхъ засѣданіяхъ, или читали въ сборникахъ и корреспонденціяхъ. Нигдѣ, ни въ одномъ случаѣ, мы не позволили себѣ не только ничего для краснаго словца, — но даже малѣйшаго преувеличенія.

суду жалоба на дерзкаго пристава, и представлялись доказательства въ подтвержденіе того, что описанное имущество принадлежитъ не тому лицу, за долгъ котораго оно описано. Такъ, большею частью доказывалось, если описывались вещи за долгъ женатаго человѣка, что имѣніе принадлежитъ женѣ, и на оборотъ; если же описывалось имѣніе не женатаго—что имѣніе принадлежитъ родителямъ. Въ этихъ спорахъ бывало много курьознаго и наивнаго: иной почтенный человѣкъ смѣло утверждалъ, что изъ всѣхъ описанныхъ за его долгъ вещей ему принадлежитъ только папиросница, а все остальное—родителю или родительницѣ, и это же письменно удостовѣряли его знакомые. Само собою разумѣется, что законныхъ доказательствъ заднимъ числомъ сдѣлать нельзя, и судъ признавалъ большинство такихъ споровъ недоказанными, а продажу имѣнія не пріостанавливалъ. Каковы же должны были господствовать юридическія отношенія въ обществѣ, въ которомъ могъ произойти такой случай, слышанный нами изъ достовѣрныхъ источниковъ: когда къ одному почтенному господину явился приставъ съ требованіемъ уплаты присужденнаго съ него долга, то онъ, показавъ ему приготовленныя для уплаты деньги, спряталъ ихъ къ себѣ въ карманъ, чтобы «наказать» взыскателя. Тогда приставъ объявилъ, что онъ приступитъ къ продажѣ движимости. Но должникъ просто не повѣрилъ, чтобы можно было его заставить заплатить или продать его вещи,—и отдалъ деньги только черезъ нѣсколько дней, когда увидѣлъ въ газетахъ объявленіе о продажѣ его лошадей.

Случалось, впрочемъ, что должникъ находилъ возможность бѣжать отъ своихъ кредиторовъ за-границу или въ какой нибудь дальній уголъ Россіи, что иногда почти тоже самое: какъ бы длинна ни была рука пристава, а до Ташкента, Кавказа или Сибири ей не достать. Иногда удавалось скрыть имущество, и кредиторъ обращался въ судъ съ просьбою о личномъ задержаніи неимущаго, должника. Не смотря на привольное, во многихъ отношеніяхъ, житье лицъ, населяющихъ въ Петербургѣ домъ содержанія неисправныхъ должниковъ, никто, однако, добровольно туда не поселялся. Чтобы избѣгнуть даровой квартиры, употреблялись различныя средства: одинъ представлялъ свидѣтельство врачей, болѣе или менѣе извѣстныхъ, о его болѣзни, препятствующей, будто бы, ему вести образъ жизни безъ различныхъ удобствъ, несовмѣстныхъ съ жизнью въ долговой тюрьмѣ; другой ссылался на то, что онъ содержитъ дѣтей, которыя останутся безъ средствъ къ существованію. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла обыкновенно оказывалось, что болѣзнь, о которой краснорѣчиво говорили врачи въ своихъ свидѣтельствахъ, вовсе не такого характера, чтобы мѣшать переселенію должника въ долговую тюрьму, и что дѣти, требующія будто

бы попеченія, уже давно достигли возраста, въ которомъ сами могутъ служить опорою своимъ родителямъ [1]).

Какъ только выяснилась простота и скорость взысканій по дѣламъ безспорнымъ, — дѣла эти наводнили новые суды. Явились цѣлыя артели рабочихъ, взыскивавшихъ съ купцовъ, подрядчиковъ и нанимателей за произведенныя работы. При безграмотности простого народа часто не было никакихъ письменныхъ условій, а представлялись, въ видѣ доказательства, лоскутки бумаги, съ цифрами, безъ всякой связи и значенія, или въ рѣдкихъ случаяхъ, книжки, въ которыхъ записаны были работы. Единственными доказательствами, большею частью, первое время, служили свидѣтели и осмотръ работъ на мѣстѣ. Впрочемъ, свидѣтельскія показанія могли быть употребляемы, какъ единственное доказательство съ большою осмотрительностью потому, что не рѣдко нѣсколько свидѣтелей, допрашивавшихся порознь, явно обнаруживали, что они показывали по слухамъ или даже просто по подговору, не смотря на принятую присягу и на то, что у нихъ «душа не вѣникъ» какъ нѣкоторые изъ нихъ выражались. Относительно показаній подъ присягою, всякій, кто бывалъ много разъ при допросахъ свидѣтелей могъ замѣтить, что лица лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій и русскіе раскольники относились къ присягѣ и своимъ показаніямъ серьезнѣе, нежели лица римско-католическаго и даже православнаго исповѣданій. Осмотры на мѣстѣ всегда приводили къ какому нибудь положительному результату, когда они производились одними судьями или съ участіемъ свѣдущихъ людей, назначаемыхъ самимъ судомъ; но они рѣдко разъясняли дѣло, когда свѣдущіе люди выбирались самими спорящими сторонами, потому что въ такихъ случаяхъ свѣдущія лица явно тянули въ сторону тѣхъ, кто ихъ выбралъ, и, чтобы вывести какое нибудь правильное заключеніе, судъ вынуждаемъ былъ назначать новую экспертизу изъ лицъ, имъ самимъ назначенныхъ.

Простота дѣлопроизводства и скорость взысканій вынудили и отвѣтчиковъ являться въ судъ. Они пробовали затягивать дѣла разными возраженіями противъ документовъ и счетовъ, ими самими подписанныхъ. Способы возраженія были различны, смотря по степени образованности возражающаго. Люди необразованные—мѣщане и крестьяне, большею частью заявляли, что представленный на нихъ ко взысканію документъ подложенъ, что они никогда его не выдавали и не подписывали. Споры эти, заявляемые преимущественно въ мировыхъ судахъ, переносились въ окружные суды, гдѣ и разсматривались вопросы о подлогѣ. Этихъ споровъ о подлогѣ въ началѣ явилось множество, быть

---

[1]) Мы здѣсь не касаемся вовсе самаго вопроса о личномъ задержаніи по гражданскимъ дѣламъ. Его мы коснемся въ свое время, говоря о лишеніи свободы въ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ.

можетъ отчасти и по винѣ мировыхъ судей. Бывая часто на засѣданіяхъ петербургскаго окружнаго суда всякій могъ замѣтить, что изъ нѣкоторыхъ участковъ поступало такихъ дѣлъ особенно много и часто, изъ другихъ же, напротивъ того, очень рѣдко. Причина этого кроется, конечно въ томъ, что нѣкоторые изъ мировыхъ судей считали своею обязанностью убѣдительно разъяснить сторонамъ — какія послѣдствія имѣетъ споръ о подлогѣ въ случаѣ, если подлогъ будетъ доказанъ, а также и въ томъ случаѣ, когда споръ останется недоказаннымъ. Послѣдствіемъ этого было то, что или истецъ прекращалъ свой искъ, или заявлявшій неосновательно споръ о подлогѣ бралъ свое заявленіе назадъ. Другіе же мировые судьи, ошибочно понимая свою обязанность, не дѣлали этого и не рѣдко передавали въ окружные суды дѣла, въ которыхъ собственно даже и спора о подлогѣ не было. Большинство дѣлъ, въ которыхъ заявлялись споры о подлогѣ, кончались въ окружныхъ судахъ не въ пользу лицъ, заявившихъ такіе споры бездоказательно и голословно и платившихся за это штрафами. Крупныхъ дѣлъ, въ которыхъ бы возбуждались вопросы о подлогахъ, было немного, и изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ процессъ И. Арсеньева съ А. Заруднымъ о правахъ на газету «Петербургскій Листокъ», въ которомъ И. Арсеньевъ, при требованіи отъ него книгъ о подпискѣ на газету, представилъ въ судъ книги, съ явными признаками подлога. Если, какъ мы сказали, необразованный классъ отвѣтчиковъ прибѣгалъ большею частью къ объявленію подложнымъ представленнаго на него ко взысканію документа, какой бы онъ ни былъ: росписка ли, подписанный счетъ, или даже заемное письмо, то должники болѣе образованные прибѣгали къ способамъ болѣе утонченнымъ. Часто, напримѣръ, доказывали, что хотя долговой документъ писанъ, или подписанъ ими, но онъ не можетъ имѣть значенія потому, что по нёмъ денегъ взято не было, а написанъ онъ былъ только такъ, въ видѣ проекта, на случай, если будутъ даны деньги. Нерѣдко также ссылались они на то, что заемъ сдѣланъ ими, или взяты какія нибудь вещи въ долгъ во время ихъ несовершеннолѣтія — хотя бы даже самые счеты были подписаны и по достиженіи совершеннолѣтія. А одинъ должникъ, принадлежащій къ бѣлому духовенству, съ котораго производилось взысканіе по подписанному имъ счету взятой имъ въ кредитъ съ бумажной фабрики бумаги для печатанія его сочиненія, просто заявилъ, что онъ вовсе не считаетъ себя подсуднымъ гражданскому суду. По поводу же возраста должника, портной, взыскивавшій съ одного князя за сшитое ему платье, очень остроумно замѣтилъ, что на будущее время онъ будетъ требовать отъ своихъ закащиковъ представленія метрическихъ свидѣтельствъ, и даже смѣялся отъ удовольствія, разсказывая, какъ окружный судъ и судебная палата рѣшили дѣло въ его пользу.

Количество безспорныхъ дѣлъ, т. е. взысканій по векселямъ, заемнымъ письмамъ, роспискамъ, счетамъ и т. под., постепенно увеличивалось весь первый годъ и стало уменьшаться, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, на второй годъ дѣятельности новыхъ судовъ. Одновременно съ этимъ сдѣлались рѣже споры о подлогахъ. Чаще стали повторяться случаи уплаты долговъ до рѣшенія суда, многіе дѣлали это даже тотчасъ по предъявленіи ко взысканію, не желая видѣть свою фамилію, красующеюся въ судебномъ указателѣ.

Когда публика, наполнявшая съ утра до вечера залы судебныхъ засѣданій, какъ въ общихъ, такъ и мировыхъ судахъ, увидѣла легкость, съ которою производились взысканія, явились охотники взыскивать безъ всякихъ документовъ и доказательствъ. Эти дѣла преимущественно наводнили мировые суды и съѣзды, но было ихъ не мало въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ и кассаціонномъ департаментѣ сената. Въ мировыхъ судахъ вести эти дѣла ничего не стоило: они не требовали ни у мироваго судьи, ни въ съѣздѣ, ни въ сенатѣ, никакихъ судебныхъ издержекъ. Но вѣдь охотники до взысканій, во что бы то ни стало, не ограничивались десятками и сотнями рублей; они желали получить тысячи и являлись въ судебныя мѣста съ правомъ бѣдности.

Право бѣдности — привилегія, данная судебными уставами лицамъ неимущимъ, какъ явленіе у насъ совершенно новое, не могло не породить въ первое же время охотниковъ на злоупотребленіе. Въ самомъ началѣ, даже мировые судьи, выдававшіе свидѣтельства о недостаточности средствъ извѣстнаго лица на веденіе дѣла, и суды, дававшіе на основаніи этихъ свидѣтельствъ самое право бѣдности, т. е. привилегію писать на простой бумагѣ, не платить судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ, и наконецъ, даромъ поручать веденіе дѣла присяжному-повѣренному—отнеслись къ этому дѣлу довольно снисходительно. Но скоро обнаружились вредныя послѣдствія. Дѣла невозможныя, нелѣпыя въ самомъ основаніи, прошли всѣ инстанціи безъ пользы, уничтожая труды и время. Съ другой стороны, до кассаціоннаго департамента сената дошелъ и самый вопросъ о свидѣтельствахъ, на основаніи которыхъ можетъ быть даруемо право бѣдности. Сенатъ указалъ, какія свѣдѣнія должны заключать въ себѣ выдаваемыя отъ мировыхъ судей или общественныхъ и служебныхъ начальствъ свидѣтельства о недостаточности средствъ на веденіе извѣстнаго дѣла и при этомъ прямо выразилъ, что такія свидѣтельства должны быть выдаваемы не иначе, какъ послѣ личнаго удостовѣренія. Съ тѣхъ поръ уменьшились нелѣпыя дѣла лицъ, неправильно пользовавшихся правомъ бѣдности.

Къ разряду дѣлъ невозможныхъ нельзя не причислить также случаевъ, въ которыхъ сознательно представлялись документы не только сомнительные, но даже просто подложные. Въ этомъ отношеніи ин-

тересны бывали способы составленія такихъ документовъ, способы самые простые и нехитрые, и которые, вѣроятно, и удавались прежде. Не говоря о мелкихъ дѣлахъ, производившихся у мировыхъ судей, стоитъ упомянуть хотя о двухъ дѣлахъ изъ практики петербургскаго окружнаго суда. Одинъ изъ прежнихъ ходатаевъ по дѣламъ представилъ ко взысканію росписку своего бывшаго довѣрителя мѣщанина, въ которой тотъ обязывался уплатить ему за веденіе какого-то дѣла извѣстную сумму въ опредѣленные сроки. Отвѣтчикъ въ судебномъ засѣданіи прямо заявлялъ, что, хотя онъ подписывалъ условіе, но совсѣмъ не того содержанія, какъ представленное въ судъ. Онъ при этомъ просилъ судей обратить вниманіе на то, что прежнее условіе, имъ дѣйствительно подписанное, было написано карандашомъ его бывшимъ повѣреннымъ, который, не потрудившись даже хорошенько стереть карандашъ, написалъ чернилами совсѣмъ другое, какъ это все и видно на представленномъ условіи. Другой случай: представляется ко взысканію выписка изъ журнала словеснаго суда при полицейской части (были и такіе словесные суды, о существованіи которыхъ мало даже кто и зналъ), въ которой сказано, что такой-то, явившись въ словесный судъ, обязался уплатить такому-то около трехъ тысячъ рублей. Отвѣтчикъ говоритъ, что онъ въ словесномъ судѣ никогда не былъ. Представляются съ обѣихъ сторонъ доказательства, и дѣло кончается тѣмъ, что судъ въ статьѣ журнала словеснаго суда, на которой основывался искъ, находитъ несомнѣнные признаки подлога.

Съ увеличеніемъ количества дѣлъ безспорныхъ, усилились и тяжбы, основанныя на договорахъ.

Имѣя въ рукахъ условіе домашнее, или законный контрактъ, каждому хотѣлось выручить изъ него побольше денегъ, прикрываясь закономъ, по которому договоры должны быть исполняемы буквально. Забывалось совершенно другое, не менѣе важное правило нашего гражданскаго закона, что договоры должны быть изъясняемы по намѣренію ихъ и доброй совѣсти. Явились во множествѣ страхователи, видѣвшіе даже въ пожарѣ, истребившемъ ихъ имущество, источникъ къ обогащенію. По нѣкоторымъ такимъ дѣламъ было доказано, что страхователи заблаговременно припрятали часть своего имущества, за которое потомъ взыскивали, какъ за сгорѣвшее. Явились споры между домохозяевами и жильцами: первые, въ большинствѣ случаевъ, обнаружили замѣчательное умѣнье заключать контракты, всею своею тяжестью падавшіе на нанимателей, обременяя ихъ неустойками и штрафами за неплатежъ въ срокъ денегъ за квартиру, не принимая при этомъ на себя никакихъ обязательствъ передъ нанимателями за исправность квартиръ, въ которыхъ, какъ это доказывалось иногда мѣстными осмотрами судей, жить не было никакой физической воз-

можности. Съ другой стороны, мѣстные осмотры не рѣдко показывали, что и наниматели самымъ недобросовѣстнымъ образомъ наносятъ поврежденія домамъ, въ которыхъ они живутъ.

Договоры, по которымъ, черезъ посредство суда, требовалось исполненіе, обнимали собою самыя разнообразныя стороны жизни. Сдѣлки заключались на все, даже на личность свою и своихъ дѣтей. Мировымъ судьямъ представлялись нерѣдко сдѣлки, по которымъ люди отдавали себя и своихъ дѣтей просто въ кабалу. Въ договорахъ не обращалось вниманія ни на гражданскіе, ни на нравственные законы. До кассаціоннаго департамента сената дошелъ даже вопросъ о томъ: можетъ ли содѣйствіе къ устройству брака, предлагаемое за извѣстную плату, быть предметомъ гражданскаго договора. Вопросъ этотъ возникъ по одному московскому дѣлу, въ которомъ Волкова требовала съ Кузнецовой 1,000 рублей, обѣщанныя ей, въ роспискѣ, за хлопоты и труды по устройству брака. Отмѣняя рѣшеніе московской судебной палаты, признавшей искъ Волковой правильнымъ, сенатъ нашелъ, что содѣйствіе къ устройству брака, за извѣстную плату, какъ противное чистотѣ ученія о брачномъ союзѣ, оскорбительное для его достоинства и могущее колебать нравственность и благочиніе въ семействахъ, не можетъ быть предметомъ гражданскаго договора по смыслу дѣйствующихъ законовъ.

Но если бракъ, въ нерѣдкихъ случаяхъ, представлялся столь желательнымъ, что служилъ поводомъ къ сдѣлкамъ и обязательствамъ, то еще чаще онъ являлся въ новыхъ судахъ договоромъ, остающимся въ силѣ, вопреки всякому желанію лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Объ уголовныхъ дѣлахъ между супругами мы будемъ еще имѣть случай упомянуть. Говоря же о дѣлахъ гражданскихъ, нельзя не замѣтить значительнаго количества дѣлъ, возникавшихъ и въ мировыхъ учрежденіяхъ и въ общихъ судебныхъ мѣстахъ между мужьями и женами. Большая часть дѣлъ возникала по просьбамъ женъ, требовавшихъ отъ мужей содержанія и отдѣльнаго жительства. При существованіи закона (ст. 103, ч. I, т. X, зак. гражд.), положительно запрещающаго всякіе акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ, рѣшенія судовъ были до крайности стѣснены волею мужей. Требуетъ ли жена отдѣльнаго вида на жительство — судъ отказываетъ ей въ томъ, коль скоро на то нѣтъ согласія мужа. Требуетъ ли жена, живущая отдѣльно отъ мужа, содержанія отъ него для себя и дѣтей — опять таки все зависитъ отъ добраго желанія мужа, который обязанъ дать содержаніе, если не хочетъ жить съ женою, но можетъ въ отвѣтъ на такое требованіе жены заявить о своемъ желаніи жить съ нею вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ судъ поставленъ въ невозможность удовлетворить просьбу жены, которой остается на выборъ: или отказаться отъ всякой помощи мужа себѣ и дѣтямъ, или жить съ нимъ вмѣстѣ и опять ходить

по мировымъ судамъ съ жалобами на побои и оскорбленія. Къ числу дѣлъ этого рода, въ которыхъ гражданскій судъ былъ поставленъ въ совершенную невозможность сдѣлать что-либо для обиженной стороны, относятся и просьбы объ обезпеченіи участи дѣтей, прижитыхъ въ союзѣ, не освященномъ церковнымъ бракомъ. Бывали, правда, случаи, въ которыхъ женщины назойливо требовали по шести тысячъ рублей на содержаніе незаконно прижитаго ребенка, въ видѣ промысла, надѣясь хоть что-нибудь сорвать съ человѣка, котораго совершенно незаслуженно тянули въ судъ. Но бывали и такіе случаи, въ которыхъ ясно было видно, на комъ лежитъ обязанность обезпечить и мать и ребенка, но въ которыхъ гражданскій судъ былъ поставленъ въ невозможность сдѣлать что-либо въ пользу обиженной до разслѣдованія дѣла въ порядкѣ уголовномъ, или рѣшенія духовнаго суда.

Выше мы замѣтили, что характеристическую черту тяжущихся являвшихся въ новыхъ судахъ составляло невѣжество, страсть къ жизни на чужой счетъ, эксплуатація ближняго. Эти черты въ большинствѣ случаевъ присущи лицамъ обоихъ половъ, всѣхъ сословій, всякаго рода занятій и ремеслъ. Гражданскія дѣла, въ которыхъ дѣйствующими лицами явились гг. И. Арсеньевъ, Артоболевскій, Юркевичъ-Литвиновъ, Старчевскій, Благосвѣтловъ, не могли возбудить уваженія къ представителямъ того литературнаго міра, которому особенно привольно жилось въ послѣднее время литературнаго затишья. Но о литераторахъ передъ судомъ будетъ говорено особо. Здѣсь же, говоря объ эксплуатаціи, о дѣлахъ, въ которыхъ она проявилась особенно рѣзко, и въ которыхъ оправдалось вполнѣ замѣчаніе Екатерины II, что «не трудящіеся почитаютъ себя властелинами надъ трудящимися» [1]), слѣдуетъ указать на дѣла о литературной собственности и литературномъ трудѣ, и о тѣхъ, въ которыхъ явились прежніе дѣятели акціонерныхъ обществъ.

Нѣкто г. Никитинъ съ начала дѣятельности новыхъ судовъ сталъ ходить по мировымъ судамъ Петербурга, записывать дѣла въ нихъ производившіеся, составлять изъ нихъ, насколько умѣетъ, сцены и разсказы и печатать ихъ сначала въ газетахъ, а потомъ особою книжкою. Но гг. Надѣинъ и Старчевскій также очень хорошо понимаютъ, что эти разсказы и сцены читаются, что ими публика интересуется. И вотъ, недолго думая, одинъ пользуется трудами Никитина для своей газеты, гдѣ перепечатываетъ разсказы и сцены имъ составленныя, а другой помѣщаетъ ихъ въ особый сборникъ скандальныхъ случаевъ, бывшихъ въ мировыхъ судахъ Петербурга и Москвы. Никитинъ обвиняетъ Старчевскаго и Надѣина въ контрафакціи, въ присвоеніи чужой литературной собственности и требуетъ вознагражденія за свой трудъ. Но

[1]) Наказъ, ст. 304.

гг. Старчевскій и Надѣинъ трудъ г. Никитина литературнымъ не считаютъ и находятъ себя вправѣ имъ пользоваться. Петербургскій окружной судъ и судебная палата смотрятъ на дѣло иначе и признаютъ за г. Никитинымъ право на вознагражденіе за этотъ трудъ.

Книгопродавецъ Стелловскій покупаетъ, въ 1862 году, за безцѣнокъ, за 500 рублей, всѣ сочиненія Всев. Крестовскаго, какъ имъ уже написанныя, такъ и тѣ, которыя онъ напишетъ до 1 ноября 1867 года, съ правомъ помѣстить послѣднія сочиненія въ издаваемомъ имъ «Собраніи сочиненій русскихъ авторовъ». При этомъ онъ обязался за эти новыя сочиненія и за второе изданіе прежнихъ заплатить еще Крестовскому по 17 копѣекъ съ печатнаго экземпляра. На основаніи этого условія, г. Стелловскій уже два раза издалъ сочиненія Крестовскаго, которыя пришлись по вкусу трущобной публикѣ. Но этого показалось еще мало г. Стелловскому. Онъ видитъ нарушеніе своихъ правъ въ томъ, что Крестовскій вновь написанныя сочиненія печатаетъ въ журналахъ и особыми книгами; на этомъ основаніи, онъ обвиняетъ его въ контрафакціи, въ нарушеніи договора тѣмъ, что Крестовскій отдѣльною книгою издалъ «Петербургскія Трущобы». Но судъ, отказывая въ искѣ г. Стелловскому, признаетъ, что Крестовскій вовсе не продавалъ въ исключительную собственность Стелловскому тѣхъ сочиненій, которыя еще не были написаны въ 1862 году, при заключеніи договора, а Стелловскаго не лишаетъ права эти сочиненія Крестовскаго присоединить къ новому изданію. Стелловскій дѣлаетъ это новое изданіе, но условленныхъ денегъ Крестовскому не платитъ. Новый процессъ.—Еще дешевле достаются Стелловскому музыкальныя сочиненія Глинки. Онъ пріобрѣтаетъ ихъ за 25 рублей, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ на себя обязанность напечатать эти сочиненія въ опредѣленные сроки подъ условіемъ неустойки. Но за то, при напечатаніи, онъ выговорилъ себѣ право на полученіе отъ наслѣдниковъ Глинки вознагражденія. Считая себя собственникомъ сочиненій Глинки и не позволяя ихъ даже играть въ концертахъ, Стелловскій въ назначенные сроки ихъ не печатаетъ и требуетъ неустойку съ наслѣдницы Глинки за то, что она нѣкоторыя изъ сочиненій Глинки напечатала за границею. Судъ разсматриваетъ дѣло и признаетъ, что нарушителемъ договора является самъ Стелловскій, и присуждаетъ неустойку съ него въ пользу наслѣдницы Глинки.

Книгопродавецъ Лисенковъ, въ 1843 году, покупаетъ у Т. Г. Шевченко сочиненія его,—«Чигиринскій Кобзарь» и «Гайдамаки». Два раза послѣ того, въ 1844 и 1867 году издавалъ Лисенковъ эти сочиненія и уже давно, конечно, вернулъ затраченныя деньги. Но когда, въ 1867 году, наслѣдники Шевченко продали за 600 рублей книгопродавцу Кожанчикову, право изданія всѣхъ сочиненій Шевченко, и Кожанчиковъ, въ числѣ другихъ стихотвореній, помѣстилъ и тѣ, которыя были про-

даны Лисенкову, то послѣдній нашелъ свои права нарушенными и потребовалъ убытковъ 3,750 рублей. Интересно было бы знать, во сколько сумма эта превосходитъ ту, которая была получена самимъ Т. Г. Шевченко въ 1843 году отъ Лисенкова. Судъ въ искѣ Лисенкову отказываетъ.

Книгопродавецъ Вольфъ, въ 1865 году, изъявляетъ желаніе имѣть литературную работу писательницы Маркевичъ, извѣстной подъ псевдонимомъ Марко-Вовчокъ. Онъ пишетъ объ этомъ въ Парижъ, гдѣ жила въ то время г-жа Маркевичъ, книгопродавцу Гетцелю и предлагаетъ опредѣленную плату за сочиненія оригинальныя и переводы. Г-жа Маркевичъ переводитъ цѣлую книгу: «Les aventures d'un petit parisien» — и присылаетъ ее Вольфу. Но времена и вкусы публики перемѣнились; сочиненія г-жи Маркевичъ быть можетъ уже не такъ читаются, какъ въ то время, когда объ нихъ писалъ Н. Добролюбовъ. Вольфъ не только отказывается платить за переводъ, но еще требуетъ отъ г-жи Маркевичъ возвращенія тѣхъ денегъ, которыя ею получены были впередъ за работу, на томъ основаніи, что переводъ не хорошъ, и что Вольфъ не можетъ его печатать «изъ уваженія къ своей фирмѣ и достоинству русской литературы».

Изъ дѣятелей господствовавшей одно время у насъ акціонерной горячки являлись на судѣ два: гг. Шумлянскій и Тарасенко-Отрѣшковъ.

Шумлянскій, заключивъ въ качествѣ директора-распорядителя общества пароходства по Днѣпру и его притокамъ, контрактъ, отъ котораго общество понесло 99,000 рублей убытка, до такой степени считалъ себя правымъ въ этомъ дѣлѣ, что довелъ дѣло до сената, гдѣ окончательно его проигралъ. Но въ этомъ дѣлѣ замѣчательно еще то, что не только самъ г. Шумлянскій оставался недоволенъ рѣшеніями окружнаго суда и судебной палаты, но даже люди посторонніе съ нимъ вмѣстѣ обидѣлись. Бывшіе три посредника третейскаго суда, разбиравшаго прежде споръ Шумлянскаго съ обществомъ, нашли, что рѣшеніе судебныхъ мѣстъ противъ Шумлянскаго нарушаютъ ихъ «нравственныя права», видя нарушеніе это въ неправильномъ будто бы толкованіи постановленнаго ими рѣшенія. Но кассаціонный департаментъ сената объяснилъ, что отвлеченное понятіе о нарушеніи нравственныхъ правъ, никакими законами не указанныхъ, не можетъ имѣть никакого юридическаго значенія. Жалоба самого г. Шумлянскаго также никакихъ для него послѣдствій не имѣла, и рѣшеніе окружнаго суда, присудившаго съ Шумлянскаго въ пользу общества 99,000 р., утвержденное судебною палатою, осталось безъ измѣненія.

Другой дѣятель, г. Тарасенко-Отрѣшковъ, выступилъ передъ судомъ въ качествѣ учредителя товарищества поземельныхъ банковъ не по своему, правда, дѣлу, но по взысканію съ бывшихъ членовъ вре-

меннаго правленія товарищества поземельнаго банка. По этому дѣлу въ судѣ обнаружилось, что учрежденіе поземельныхъ банковъ велось вообще съ отступленіемъ отъ правилъ объ акціонерныхъ компаніяхъ, что званіе учредителя давалось за деньги, что лица, живущія въ разныхъ губерніяхъ были привлечены къ участію въ расходахъ учредительства, что въ печатныхъ извѣстіяхъ объявлено было, что учредительскіе взносы возвратятся учредителямъ по открытіи банка съ прибавкою 50 процентовъ, и что это извѣщеніе было ложное. Такимъ образомъ, подъ фирмою товарищества поземельнаго банка дѣлались различныя злоупотребленія, и мнимое существованіе фирмы и правленій вызвало кредитъ въ разныхъ видахъ: учредительскихъ взносовъ, займовъ, поставокъ и т. п.

Изъ представленной характеристики тяжущихся, являвшихся въ суды, и обнаруживавшихъ большею частью отсутствіе основныхъ юридическихъ понятій, нелѣпо было бы выводить какое нибудь отношеніе къ присяжнымъ засѣдателямъ, представителямъ того же общества, изъ котораго являлись и тяжущіеся. Какъ бы низокъ ни былъ уровень развитія общества и господствующихъ въ немъ юридическихъ понятій,— ему все же присуще понятіе о справедливости, и оно отличитъ всегда праваго отъ неправаго. Каждый членъ общества можетъ пріучиться пользоваться выгодами извѣстнаго порядка вещей, можетъ ради своихъ личныхъ интересовъ пренебречь требованіями нравственности и закона, но онъ все же никогда не заставитъ себя уважать такой порядокъ и не извратитъ себѣ понятія о справедливости, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока окружающее его общество не разшаталось еще, изъѣденное прежними началами. При этомъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Прудона, который говоритъ: «понятіе о справедливости, какъ подчиненіе выгодъ отдѣльной личности общественному благу, не есть, какъ нѣкоторые прежде утверждали, предразсудокъ воспитанія, внушеніе фанатизма или власти. Она присуща общественному строю и вытекаетъ изъ самой природы вещей» [1].

Переходя къ суду присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ, мы сначала остановимся на важнѣйшихъ вопросахъ, ими рѣшенныхъ. Защищать самый институтъ присяжныхъ нѣтъ надобности, такъ какъ опытъ уже достаточно показалъ, что онъ годится одинаково для всѣхъ странъ и народовъ. Сущность его выражена въ слѣдующихъ словахъ Екатерины II: «Въ изысканіи доказательствъ преступленія надлежитъ имѣти проворство и способность; чтобы вывесть изъ сихъ изысканій окончательное положеніе, надобно имѣть точность и ясность мыслей: но чтобы судити по окончательному сему положенію, не требуется больше ничего, какъ простое здравое разсужденіе, которое вѣрнѣйшимъ будетъ пред-

[1] Proudhon, De la justice. I, p. 66.

водителемъ, нежели все знанье судьи, пріобыкшаго находить вездѣ виноватыхъ. Ради того сей законъ весьма полезенъ для общества, гдѣ онъ установленъ, который предписываетъ всякаго человѣка судити чрезъ равныхъ ему; ибо когда дѣло идетъ о жребіи гражданина, то должно наложить молчаніе всѣмъ умствованіямъ, вперяемымъ въ насъ отъ различія чиновъ и богатства или счастія; имъ не надобно имѣть мѣста между судьями и обвиняемымъ [1]).»

III.

Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, на который натолкнулись у насъ присяжные, и который волновалъ общество въ первый годъ дѣятельности новыхъ судовъ, — это вопросъ объ умственномъ разстройствѣ подсудимыхъ.

Люди, лишенные элементарныхъ понятій о томъ, въ чемъ заключаются необходимыя принадлежности всякаго преступнаго дѣянія, увидѣвъ человѣка, совершившаго поступокъ, запрещенный закономъ — не наказаннымъ и отправленнымъ не на каторгу, а въ больницу, испугались за свою собственную безопасность. Въ каждомъ врачѣ, приглашаемомъ въ судъ для опредѣленія душевнаго состоянія подсудимаго, имъ мерещится докторъ Круповъ, видѣвшій во всей исторіи человѣчества не что иное, какъ повѣсть о родовомъ хроническомъ безуміи и его медленномъ излеченіи, — и они пожалѣли о старомъ судебномъ порядкѣ, при которомъ не видали съумасшедшихъ преступниковъ. Эти опасенія объяснялись главнымъ образомъ тою непроницаемою тайною, которая окружала въ старомъ судѣ всякое уголовное дѣло отъ самаго его начала — полицейскаго розыска, и кончая рѣшеніемъ. Только одни наказанія на площади происходили публично. Тутъ и въ голову не приходило, что быть можетъ наказывается не преступникъ, а больной, которому мѣсто не на площади, а въ сумасшедшемъ домѣ, котораго слѣдовало отдать не въ руки палача, а на попеченіе врача. Но вотъ проходило нѣсколько лѣтъ, и гдѣ нибудь на краю Россіи, въ острогѣ или на заводѣ, мнимый преступникъ попадетъ въ больницу и вызываетъ вниманіе врача. Пораженный явными признаками безумія, врачъ присматриваясь къ больному, котораго поручали лечить для новыхъ истязаній, за новое преступленіе, начиналъ слѣдить шагъ за шагомъ за его прошедшею жизнью, и наконецъ приходилъ къ убѣжденію, что преступникъ — безуменъ, а слѣдовательно и невиненъ. Послѣдствіемъ этого являлась иногда статья въ какомъ нибудь специальномъ медицинскомъ журналѣ, которая всѣмъ, кромѣ специалистовъ, оставалась неизвѣст-

---

[1]) Наказъ, ст. 179 и 180.

ною, — и все шло по прежнему. Если же иногда тотчасъ послѣ преступленія возбуждалось сомнѣніе въ умственномъ разстройствѣ подсудимаго, то онъ подвергался разнымъ испытаніямъ, напоминающимъ во всей своей чистотѣ средневѣковыя пытки, и затѣмъ признавался или сумасшедшимъ или ловкимъ притворщикомъ — смотря по усмотрѣнію врачей, его испытывавшихъ. Чтобы насъ не упрекнули въ преувеличеніи, мы разскажемъ одно уголовное дѣло, въ которомъ ярко отразились и прежній порядокъ суда и прежній порядокъ медицинскаго освидѣтельствованія.

Въ тобольскомъ острогѣ, въ 1859, 1860 и 1861 годахъ, содержалась арестантка Василиса (непомнящая родства), назвавшая себя впослѣдствіи Елисаветой Осиповой, болѣе 30-ти лѣтъ отъ роду. Она первоначально судилась въ Симбирскѣ за бродяжество (въ приговорѣ сказано, что бродяга скрываетъ свое имя нѣмотою). За это преступленіе, она, въ январѣ 1857 года, приговорена къ заключенію въ рабочемъ домѣ на одинъ годъ и потомъ къ ссылкѣ, для водворенія въ Восточную Сибирь, съ употребленіемъ и тамъ въ работы на 8 лѣтъ. Находясь въ рабочемъ домѣ, Василиса, ночью 2-го апрѣля 1857 года, убила смотрителя дома Егорова и арестантку изъ бродягъ Александру, но за что именно,—того слѣдствіемъ не открыто. Преступленіе это совершено слѣдующимъ образомъ: около 11 часовъ вечера, съ 1-го на 2-е число, она бросилась вдругъ съ ножемъ на спавшую подлѣ нея арестантку Александру и начала наносить ей удары въ грудь. На крики Александры сбѣжались и другія арестантки, находившіяся въ женской камерѣ. Василиса продолжала однакожъ наносить раны, не смотря на то, что жертва ея защищалась скамейкою, попавшеюся ей подъ руку. Когда пришелъ смотритель рабочаго дома, Егоровъ, и отворилъ дверь въ камеру, всѣ бывшія въ ней женщины выбѣжали въ коридоръ, кромѣ Василисы и другой арестантки Натальи, спрятавшейся во время суматохи подъ нары. Смотритель, пославъ сторожей за убѣжавшими женщинами, самъ остался у двери. Спрятавшаяся же арестантка, улучивъ минуту, когда смотритель снова пріотворилъ дверь до половины, бросилась въ нее, а Василиса пустилась за ней въ погоню, но не догнавъ, остановилась въ дверяхъ и однимъ ударомъ ножа въ бокъ смертельно ранила стоявшаго тутъ Егорова. Какъ скоро возвратились сторожа, смотритель приказалъ имъ запереть арестантокъ въ камеру, но тотчасъ же упалъ и умеръ. Израненная арестантка умерла черезъ день. За это преступленіе, по приговору симбирской палаты уголовнаго суда, утвержденному 15 ноября 1858 года начальникомъ губерніи, Василиса подверглась публичному наказанію черезъ палача плетьми 80 ударами и была сослана въ каторжную работу на заводахъ въ отдаленныя мѣста Сибири на $22^1/_2$ года съ тѣмъ, чтобы дорогою вести ее, какъ буйную женщину, въ желѣзныхъ наручникахъ.

Послѣ наказанія въ Симбирскѣ, Василиса отправлена была къ мѣсту назначенія. Партія, съ которой она слѣдовала въ Сибирь, 28 августа 1859 года, остановилась на ночлегъ въ Карачинскомъ полу-этапѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Тобольска. Тутъ Василиса сдѣлала опять покушеніе на новое убійство. Ночью, часу во второмъ, когда всѣ спали, она встала и ткнула ножемъ спавшую недалеко отъ нея арестантку Нестерову, вскричавши при этомъ: «вставай обѣдать». Бывшіе въ камерѣ два караульныхъ удержали ее отъ дальнѣйшихъ покушеній убить Нестерову. Когда вошелъ въ камеру этапный начальникъ, Василиса, зажмуривъ глаза и дрожа, кричала, чтобъ ее связали. Ближайшая причина и этого преступленія осталась также не разгаданною. До окончанія впрочемъ слѣдствія и суда, она отправлена была 19 февраля 1860 года въ другой партіи далѣе, по назначенію, въ Иркутскую губернію.

24-го марта, партія эта прибыла въ Мѣшковскій этапъ, Торскаго округа, гдѣ на-

значена была дневка. Дорогой Василиса шла безъ ручныхъ кандаловъ, по причинѣ сильнаго холода, но по прибытіи на Мѣшковскій этапъ кандалы опять были надѣты. Кандальныя женщины помѣщались въ отдѣльной камерѣ въ числѣ 18 человѣкъ и при одной былъ двухлѣтній сынъ. Тутъ же находилась Василиса. Ночью на 26-е марта, она сдѣлала покушеніе на новыя убійства, укравши предварительно ножикъ, которымъ арестантки рѣзали хлѣбъ за ужиномъ. Около 11 часовъ вечера, одна изъ арестантокъ, Дунаева, мать двухлѣтняго мальчика, вышла въ корридоръ на нѣсколько минутъ и возвратившись увидѣла, что сынъ ея раненъ въ животъ и чрезъ рану выпали кишки. Схвативъ на руки своего сына, она закричала о помощи, видя, что Василиса на нее бросается съ ножемъ въ правой рукѣ, съ которой успѣла снять желѣзный браслетъ. При общей суматохѣ, поднявшейся въ камерѣ отъ проснувшихся женщинъ, Василисѣ удалось ранить, хоть и не опасно, еще четырехъ арестантокъ, силившихся выхватить изъ рукъ ея ножикъ, въ томъ числѣ и старостиху, которая схватила-было ее сзади за плечи. Тогда всѣ арестантки, не желая болѣе подвергаться опасности со стороны Василисы, пришедшей въ бѣшенство, выскочили въ другую комнату, притворивши за собою дверь. По несчастію тамъ оставалась еще одна, не успѣвшая выбѣжать арестантка, Харитонова; на нее то и бросилась съ ножемъ Василиса. На крикъ ея прибѣжала въ камеру старостиха и выпустила бѣжавшую оттуда израненную Харитонову. Послѣдняя, добѣжавши до сосѣдней камеры, упала на полъ со словами: «простите, смерть моя!» и чрезъ полчаса дѣйствительно умерла; мальчикъ же умеръ на другой день дорогой. Пришедшій въ камеру этапный начальникъ съ дежурнымъ карауломъ нашелъ Василису сидящую на нарахъ; на вопросы она ничего не отвѣчала, а только протягивала руки и показывала знаками, чтобы ихъ сковали. По приказанію его, тотчасъ надѣли ей наручники и посадили на цѣпь въ сосѣдней камерѣ. По слѣдствію и тутъ, какъ въ двухъ первыхъ случаяхъ, не открыта причина, заставившая ее сдѣлать покушеніе на убійство. Только во всѣхъ трехъ случаяхъ очевидцы происшествія единогласно признавали ее виновницею преступленій. На этомъ основаніи Торскій окружной судъ приговорилъ ее 27 октября 1860 года къ наказанію плетьми публично чрезъ палача ста ударами и къ ссылкѣ въ каторжную работу на отдаленные заводы въ Восточной Сибири на 22½ года, съ содержаніемъ въ отрядѣ испытуемыхъ впродолженіе того же срока.

И такъ, вотъ рядъ преступленій совершенныхъ этой женщиной въ теченіе четырехъ лѣтъ. Она убила трехъ взрослыхъ — одного мужчину и двухъ женщинъ и одно двухлѣтнее дитя, и кромѣ того ранила еще пятерыхъ женщинъ, которыя навѣрно также были бы убиты, еслибы не успѣли выбѣжать.

Всѣ эти преступленія, совершенныя безъ всякаго повода и какой либо причины, обнаруженной при трехъ слѣдствіяхъ, составляютъ одну только особенность арестантки Василисы; но есть еще и другая, не менѣе важная,— это временная ея нѣмота, которая останавливала на себѣ, по временамъ, вниманіе судей и врачей, но не спасла ея отъ рукъ палача и 180 ударовъ плети. Нѣсколько разъ во время производства дѣла свидѣтельствовали Василису въ губернскомъ правленіи, нѣсколько разъ подвергали ее испытаніямъ, и всѣ находили только, что она, «кромѣ злобнаго характера, никакихъ болѣзненныхъ припадковъ и никакого разстройства въ умственныхъ способностяхъ не имѣетъ». При этомъ невозможно безъ ужаса и содроганія читать о томъ, какія

средства употреблялись врачами для того, чтобы узнать, не притворяется ли Василиса нѣмою.

Такъ, послѣ освидѣтельствованія ея въ Тобольской врачебной управѣ, гдѣ она на всѣ предложенные ей вопросы ничего не говорила, ее отправили на испытаніе въ больницу тюремнаго замка и тамъ, съ 8-го сентября по 12-е октября, употреблялись надъ нею слѣдующія средства: въ первый же день дѣлали ей многочисленные уколы иглой въ разныхъ мѣстахъ тѣла въ надеждѣ — вызвать какой нибудь звукъ отъ чувства боли, но, не смотря на то, что производились уколы неожиданно, Василиса не только голосомъ, но даже ни малѣйшимъ движеніемъ не выразила чувства боли и показывала совершенное равнодушіе, какъ будто кололи не ее, а кого нибудь другого. Тогда, назначивши ей слабую порцію, приступили къ обливаньямъ, направляя струи холодной воды на остриженную голову. Обливаніе это производили ежедневно утромъ и вечеромъ изъ ковшика съ значительной высоты, посадивъ ее въ ванну. Выливалось всякій разъ по два ведра воды. Хотя такое обливаніе должно бы было производить замѣтное сотрясеніе во всемъ тѣлѣ, однакожъ она и тутъ ничѣмъ не выразила никакой перемѣны. 10-го числа, голодъ заставилъ ее просить прибавки пищи знаками, ставъ на колѣняхъ. На этотъ разъ не исполнили ея просьбу. 12-го числа, она усилила свою просьбу слезами и чуть-чуть не проговорила что-то. Послѣ этого ей прибавили не много пищи. Къ обливаніямъ она во все время оставалась нечувствительною, поэтому ихъ оставили. Назначена мушка на затылокъ, и для растравленія раны — присыпка на рану изъ нашатырной соли. 13-го числа, присыпка эта послѣ мушки, хотя замѣтно вызвала сильную боль, но больная не выражала ее, и только время отъ времени пожимала плечами и морщилась. 13-го же числа, она была подвергнута хлороформированію въ томъ предположеніи, что при началѣ дѣйствія, когда воля начнетъ утрачивать свою силу и теряться сознаніе, испытуемая можетъ быть проговоритъ, но этого не произошло. 14-го и 15-го числа, больная провела молча и даже не просила ѣсть; 16-го, опять подвергнута была хлороформированію, но и въ этотъ разъ полъ-унціи не произвело на нее никакого дѣйствія, даже и зрачки не расширились. Съ 17-го по 29-е сентября, Василиса значительно похудѣла, силы ея ослабѣли; мушка заживлена. 30-го, опять хлороформированіе и — также безъ успѣха, не смотря на то, что хлороформа употреблено было болѣе полъ-унца. Съ 1-го по 10-е октября, больной не давали заснуть ни днемъ, ни ночью: едва только она начинала засыпать, часовой входилъ и безпокоилъ ее. Это Василису еще болѣе ослабило, такъ, что она съ трудомъ могла сидѣть, а все таки не проговорила ни слова. 12-го октября, врачъ выписалъ ее изъ тюремной больницы, написавъ къ слѣдователю, что «арестантка Василиса, не смотря ни на какія испытанія, во все время оставалась нѣмою, но что она должна владѣть даромъ слова, а не говоритъ по упрямству, ибо и нѣмые чувствуютъ боль и выражаютъ ее звуками голоса, перемѣнами въ лицѣ и разными движеніями», или другими словами, врачъ вывелъ заключеніе одинаковое съ симбирскими врачами, будто она притворяется нѣмою.

Итакъ, всѣ эти истязанія не спасли Василису отъ торговой казни; но не охранили ее и отъ новыхъ врачебныхъ испытаній. Послѣ убійства, совершеннаго въ третій разъ, недалеко отъ г. Торы, преступницу препроводили сначала въ торскій острогъ, а потомъ въ тобольскій; и тамъ и тутъ по прежнему она ничего не говорила. 25-го февраля 1861 года, вытребовали ее въ совѣтъ общаго губернскаго управленія для освидѣтельствованія, гдѣ не добились отъ ней никакого толку: она стояла съ наклоненной впередъ головою, съ глазами устре-

мленными на полъ; по временамъ, впрочемъ, взглядывала на предлагающихъ вопросы и на присутствующихъ, дѣлала какія-то движенія руками, закладывая пальцы одной между пальцами другой, морщилась часто и безпрестанно сжимала губы. Рѣшили однакожъ отправить ее въ тюремную больницу «для большаго удостовѣренія въ притворствѣ ея въ нѣмотѣ и для опредѣленія состоянія въ ней разсудка». Черезъ три мѣсяца, 29-го мая 1861 года, управа донесла гражданскому губернатору слѣдующее: «изъ наблюденій, произведенныхъ надъ арестанткою Василисою въ тюремной больницѣ, управа заключаетъ, что она притворяется нѣмою, а изъ признаковъ, замѣченныхъ какъ въ тѣлесной ея чувствительности, такъ и въ измѣненіи ея характера, по соображенію съ кровожадными поступками ея, не иначе слѣдуетъ заключать, что арестантка Василиса одержима безвреднымъ помѣшательствомъ, съ наклонностью къ буйству, вслѣдствіе желательной сферы душевныхъ способностей. Рядъ убійствъ и покушеній къ убійствамъ, совершенный ею безъ всякой цѣлесообразности, служитъ тому полнымъ доказательствомъ».

Недолго послѣ этого прожила въ острогѣ Василиса. Сдѣлавшись беременною отъ какого-то этапнаго солдата, соблазнившагося ея невинностью еще во время препровожденія изъ Торы въ Тобольскъ, она умерла на третьи сутки послѣ родовъ. Послѣ смерти Василисы, тѣло ея подверглось вскрытію, при чемъ въ черепной полости оказались различныя патологическія измѣненія. На основаніи этого вскрытія, а главное, добросовѣстнаго изслѣдованія всей жизни Василисы, докторъ М. Г. Соколовъ пришелъ къ положительному убѣжденію, что всѣ преступленія, совершенныя арестанткой Василисой, произведены были въ припадкахъ помѣшательства, что нѣмота ея была непритворная, и что, стало быть, наказаніе, понесенное мнимой преступницой, было назначено неправильно. Статья объ этомъ дѣлѣ г. Соколова была прочитана въ засѣданіи петербургскаго общества русскихъ врачей 2-го марта 1864 года, и члены собранія нашли заключеніе г. Соколова совершенно справедливымъ.

Приведенный нами случай, заимствованный изъ «Протоколовъ общества петербургскихъ врачей за 1864 годъ» разсказанъ нами не для того, чтобы подѣйствовать на слабые нервы читателей. Прежде всего мы должны сказать, что приведенный нами случай далеко не единственный. Въ «Архивѣ Судебной Медицины» можно найти множество подобныхъ примѣровъ какъ въ старой, такъ и въ недавней судебной практикѣ, и притомъ какъ у насъ, такъ и за границею [1]). Но къ со-

[1]) Вѣроятно, многіе еще не забыли о производившемся въ 1865 году въ Парижѣ процессѣ Никитченкова. Сынъ помѣщика Харьковской губерніи, Никитченковъ судился за предумышленное покушеніе на убійство состоящаго при русскомъ посольствѣ во

жалѣнію «Архивъ Судебной Медицины» имѣетъ, повидимому, весьма ограниченный кругъ читателей, и это отчасти объясняетъ, почему въ печати было высказано столько нелѣпостей, и обнаружено было столько невѣжества, по поводу производившагося въ петербургскомъ судѣ дѣла Протопопова.

Дѣло арестантки Василисы обрисовываетъ вполнѣ и старый порядокъ суда и старый порядокъ освидѣтельствованія душевнаго состоянія подсудимыхъ, порядокъ, при которомъ нисколько не была обезпечена правильность освидѣтельствованія ни многочисленностью лицъ свидѣтельствовавшихъ, ни присутствіемъ представителей мѣстной административной власти. Случай этотъ вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе извѣстнаго французскаго психіатра Дагоне (Dagonet), который, занимая должность старшаго врача обширнаго заведенія для помѣшанныхъ въ Стефенсфельдѣ, близъ Страсбурга, имѣлъ полную возможность ознакомиться со всѣми многообразными видами душевныхъ болѣзней и сдѣлался однимъ изъ авторитетныхъ писателей по части психіатріи. Дагоне [2]) говоритъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ не должно ожидать слишкомъ многого отъ мнѣній высшихъ медицинскихъ инстанцій, которымъ судъ предлагаетъ вопросы, потому что этимъ инстанціямъ нѣтъ возможности самимъ, въ теченіе продолжительнаго времени, наблюдать обвиняемыхъ; такъ, что имъ приходится держаться актовъ, и коллегіальное обсужденіе, представляющее въ другихъ случаяхъ наибольшую гарантію, не имѣетъ здѣсь значенія. Обнаруживая всю несостоятельность прежняго порядка освидѣтельствованія душевнаго состоянія подсудимаго, приведенный нами случай, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ возможный способъ къ отвращенію опасности — наказанія больного и невиннаго — въ показаніяхъ экспертовъ, представляемыхъ на обсужденіе присяжныхъ. Способъ этотъ, лучше котораго не выработала до сихъ поръ ни теорія, ни юридическая практика указанъ въ судебныхъ уставахъ 20-го ноября 1864 года, въ уставѣ уголовнаго судопроизводства въ VII главѣ, раздѣла IV, книги I.

Показаніе экспертовъ, представляемое на обсужденіе присяжныхъ, дается подъ присягой; къ нему примѣнимы общія правила о судебныхъ доказательствахъ: оно подвергало перекрестному допросу. Сверхъ того, предсѣдательствующій судья въ своемъ краткомъ словѣ,

---

Франціи г. Бальша, служителя при посольствѣ, Савуа и Пикколо, кучера г. Обрѣзкова; судъ присяжныхъ призналъ его виновнымъ, и онъ приговоренъ къ пожизненной каторжной работѣ. Между тѣмъ, въ настоящее время, рядомъ статей, помѣщенныхъ въ Архивѣ Судебной Медицины за 1866 г., вполнѣ доказано наслѣдственное разстройство умственныхъ способностей г. Никитченкова.

[2]) Expertises médico-légales en matière d'alienation mentale, par Mittermaier. Analyse par Dagonet, въ Annales médico-psychologiques, par Baillarger. 1865. Архивъ Судебной Медицины 1866 г, № 4: Новыя психіатрическія изслѣдованія Миттермайера.

по окончаніи судебныхъ преній, указываетъ присяжнымъ, какія стороны показанія экспертовъ существенны и какія несущественны для дѣла. Ясно, что при такомъ пособіи присяжные *могутъ* придти къ положительному заключенію, свободному отъ всякаго разумнаго сомнѣнія по предложеннымъ имъ вопросамъ. Слово «могутъ» имѣетъ здѣсь существенное значеніе. Основной принципъ суда присяжныхъ требуетъ, чтобъ обвиняемый не былъ осуждаемъ, пока не будетъ представлено столько доказательствъ его вины, сколько нужно, чтобъ убѣдить двѣнадцать обыкновенныхъ людей, и слѣдовательно, чтобы убѣдить всѣхъ обыкновенныхъ людей. Но, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, гдѣ исходъ дѣла зависитъ отъ научныхъ доказательствъ, присяжные могутъ придти къ убѣжденію, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такъ разсуждаетъ извѣстный англійскій юристъ, членъ адвокатской корпораціи Inner Temple, бэрристеръ и рекордеръ (судья) въ мѣстечкѣ Ньюоркѣ-на-Трентѣ, Джемсъ Стифенъ, говоря объ англійскомъ судоустройствѣ и доказывая способность присяжныхъ судить на основаніи научныхъ доказательствъ [1]. Вопросъ не въ томъ, говоритъ также Стифенъ, виновенъ ли подсудимый, а въ томъ, имѣютъ ли присяжные какое либо основательное сомнѣніе на счетъ его вины. На практикѣ, въ большинствѣ случаевъ, интересы подсудимаго не страдаютъ отъ примѣненія этого правила, но иногда могутъ и пострадать. Можетъ случиться, что нельзя представить никакого разумнаго сомнѣнія на счетъ вины невиннаго человѣка, ибо нерѣдко бываетъ, что сомнѣваться въ истинности того или другого положенія было бы, повидимому, безразсудно, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ это положеніе ложно. Присяжный есть не ученый изслѣдователь, а судья, обязанный присягой сказать, удовлетворяетъ ли его то, или другое доказательство. Ученый изслѣдователь не связанъ никакимъ подобнымъ обязательствомъ. Онъ можетъ продолжать свое изслѣдованіе столько времени, сколько пожелаетъ, можетъ пріостановливать и снова начинать свою работу, смотря потому, какъ потребуютъ интересы истины. Цѣль его—достигнуть безусловной истины. Совершенно иная цѣль у присяжнаго; задача послѣдняго—дать справедливый вердиктъ. Когда присяжный произноситъ: «не виновенъ», то это часто значитъ: «я сомнѣваюсь»; когда же онъ произноситъ: «виновенъ», то это всегда должно значить: «я вполнѣ увѣренъ».

Этотъ новый порядокъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей подсудимаго — показаніями экспертовъ передъ присяжными —

---

[1]) Уголовное судопроизводство вообще, англійское въ особенности, изложенное сравнительно съ шотландскимъ и французскимъ, Джемса Стифена. Переводъ и изданіе Н. И. Ламанскаго. С.-Петербургъ, 1866.

впервые былъ примѣненъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ по дѣлу Протопопова. Хотя дѣло это, занимавшее одно время и литературу и общество, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно, но мы считаемъ нужнымъ передать коротко обстоятельства этого дѣла, чтобы обратить вниманіе на такіе вопросы, въ дѣлѣ этомъ возбужденные, которые остались незамѣченными, не смотря на то, что они неминуемо должны повториться въ дальнѣйшей судебной практикѣ.

Коллежскій секретарь Протопоповъ, 39-ти лѣтъ, состоялъ на службѣ канцелярскимъ чиновникомъ 23 года, въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ; на свое скудное жалованье содержалъ мать и двухъ сестеръ, изъ коихъ одна идіотка; во все время службы отличался дѣятельностью; нрава былъ кроткаго, поведенія всегда хорошаго. Начальникъ Протопопова получилъ анонимное письмо, въ которомъ неблагопріятно отзывались о Протопоповѣ. Вскорѣ послѣ того, на открывшуюся вакансію помощника столоначальника, должность котораго надѣялся занять Протопоповъ, назначенъ былъ не онъ, а другой. Обстоятельство это сильно разстроило Протопопова; сестра его показала, что послѣ анонимнаго письма онъ совсѣмъ потерялся, почти лишился разсудка, вставалъ ночью, ходилъ, выбѣгалъ на улицу, словомъ, нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Одинъ изъ свидѣтелей, Шнейдель, показалъ, что 3-го іюля, онъ вмѣстѣ съ матерью, былъ у Протопопова и видѣлъ его въ болѣзненномъ состояніи: онъ ходилъ по комнатѣ, ни съ кѣмъ не говорилъ, или отвѣчалъ только отрывистыми, непонятными словами. А мать Шнейделя объяснила, что Протопоповъ въ послѣднее время совсѣмъ измѣнился; сталъ недовольнымъ, жаловался, что начальство обходитъ его. 4-го іюля, она пришла къ Протопопову и ушла съ его сестрой посовѣтоваться въ другую комнату, чтобы послать за докторомъ. Воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, Протопоповъ одѣлся и ушелъ на дежурство. Хотя онъ и говорилъ, но говорилъ непонятно, произнося слова: «честь, служба, письмо.» Когда къ нему приставали, онъ просилъ оставить его въ покоѣ. 4-го іюля 1866 года, Протопоповъ явился въ департаментъ на дежурство во второмъ часу. Чиновникъ Моревъ далъ ему занятіе, но чрезвычайно удивлялся вопросамъ Протопопова относительно переданныхъ ему бумагъ, такъ что Мореву показалось, что Протопоповъ какъ будто помѣшался. Затѣмъ Протопоповъ вошелъ въ директорскую комнату къ графу Коскулю безъ доклада и нанесъ ему извѣстное оскорбленіе дѣйствіемъ. По приказанію графа Коскуля, унтеръ-офицеръ Катышовъ вывелъ Протопопова за-руки изъ директорской комнаты въ переднюю, гдѣ онъ просилъ пустить его, говоря, что никого не тронетъ, и тутъ-же попросилъ стаканъ воды. Изъ видѣвшихъ его тогда въ передней, одни незамѣтили въ немъ признаковъ

помѣшательства, другіе замѣтили большое волненіе, третьи, что Протопоповъ находился въ ненормальномъ состояніи.

Въ одномъ изъ своихъ показаній судебному слѣдователю, Протопоповъ объяснилъ, что преступленіе онъ совершилъ въ умоизступленіи; предсѣдательствующему въ судѣ, во время судоговоренія, сказалъ, что не можетъ признать себя виновнымъ въ томъ, чего не помнитъ. Подробное же объясненіе его было слѣдующее: «Онъ не помнитъ, какъ оскорбилъ графа Коскуля; но сохранилъ въ памяти, какъ его отвели въ какой-то темный подвалъ и тамъ начались съ нимъ судороги; онъ сталъ ходить скорыми шагами по комнатѣ; ему принесли большой графинъ воды, половину онъ выпилъ,—судороги усилились, онъ выпилъ другую половину воды, его вырвало, и онъ крѣпко заснулъ; силы его были истощены отъ того, что почти недѣлю ничего не ѣлъ и не спалъ. Его разбудили: кто-же его разбудилъ — онъ этого не помнитъ, и начался допросъ. Что писалъ слѣдователь—онъ этого тоже не помнитъ. Онъ не можетъ себѣ объяснить, откуда родилось въ немъ подозрѣніе, что графъ Коскуль написалъ анонимное письмо къ директору, въ которомъ старался очернить его. Графа Коскуля онъ совершенно не зналъ, никогда не питалъ къ нему ненависти, и считаетъ его за человѣка посторонняго въ своемъ дѣлѣ.»

Освидѣтельствованіе душевнаго состоянія Протопопова произведено не было на предварительномъ слѣдствіи, и эксперты, изъ которыхъ четыре были приглашены судомъ и одинъ защитникомъ подсудимаго, дали свои показанія на судебномъ слѣдствіи. Вотъ краткое содержаніе мнѣній этихъ экспертовъ: 1) частный врачъ Лозинскій заявилъ, что Протопоповъ находился во время преступленія въ нормальномъ состояніи, въ совершенной памяти и полномъ разумѣніи того, что̀ онъ дѣлалъ; заключеніе это Лозинскій основалъ на послѣдовательности отвѣтовъ, которые давалъ Протопоповъ при слѣдствіи. 2) Докторъ Мейнгардтъ объяснилъ, что, во время происшествія, Протопоповъ былъ не совершенно здоровымъ, и что разстройство умственныхъ способностей можетъ произойти въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. 3) Докторъ Шульцъ сказалъ, что онъ отказывается дать заключеніе о душевномъ состояніи подсудимаго 4-го іюля; но что не было ни одного показанія на слѣдствіи, которое бы говорило противъ состоянія его душевнаго разстройства, и что даже показаніе Лозинскаго не говоритъ противъ этого, такъ какъ на основаніи послѣдовательности въ отвѣтахъ, далеко нельзя заключить о томъ, въ нормальномъ ли состояніи находился Протопоповъ. На вопросы прокурора окружнаго суда, г. Шрейбера, — можно ли преступленіе Протопопова вмѣнить ему въ вину, былъ ли подсудимый въ припадкѣ умоизступленія, сознавалъ ли противозаконность поступка имъ совершеннаго, можетъ ли человѣкъ въ припадкѣ умоизступленія имѣть понятіе о противозаконности поступка,

—Шульцъ отвѣчалъ, что начиная отъ насморка, всѣ острыя, всѣ хроническія болѣзни могутъ сопровождаться припадками умоизступленія; а вопросъ о томъ, доказано ли, что подсудимый былъ въ припадкѣ умоизступленія, онъ считаетъ юридическимъ, не подлежащимъ разрѣшенію врача. 4) Докторъ Майдель объяснилъ, что онъ не можетъ вывести заключенія о нервномъ состояніи Протопопова во время совершенія преступленія, что онъ считаетъ недоказаннымъ, чтобы подсудимый находился въ припадкѣ умоизступленія во время совершенія преступленія, и что можно имѣть полное понятіе о противозаконности своего поступка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть помѣшаннымъ, быть въ припадкѣ умоизступленія. 5) Докторъ Чеховъ, собравшій возможныя справки о прошедшей жизни подсудимаго, о его родителяхъ и родственникахъ, и наблюдавшій за нимъ во время его ареста, обратилъ вниманіе на слѣдующіе факты: а) Протопоповъ предрасположенъ къ заболѣванію разстройствомъ умственныхъ способностей наслѣдственно; б) онъ велъ странную жизнь, чуждался общества, бывалъ только дома и на службѣ; в) перенесъ нѣсколько тяжелыхъ болѣзней, въ особенности тифозную горячку, оставившую послѣ себя головныя боли и раздражительность; г) весною 1866 года, въ его характерѣ и привычкахъ произошла рѣзкая перемѣна, замѣченная всѣми окружающими; д) въ началѣ іюля страдалъ уже явными признаками мрачнаго помѣшательства, усилившимися вслѣдъ за анонимнымъ письмомъ, породившемъ нелѣпую идею о его происхожденіи, и явное нелѣпое дѣйствіе, привлекшее его къ суду; и е) во время ареста онъ не былъ совершенно здоровъ, припадки мрачнаго помѣшательства продолжались. На основаніи этихъ данныхъ докторъ Чеховъ пришелъ къ положительному заключенію, что Протопоповъ и прежде совершенія преступленія страдалъ уже разстройствомъ умственныхъ способностей, что преступленіе совершилъ при усилившихся припадкахъ болѣзни, которые продолжались въ слабой степени и по арестованіи его въ тюрьмѣ. На вопросы прокурора: можетъ ли помѣшанный совершить преступленіе и сознавать при этомъ свою преступность, Чеховъ отвѣчалъ — можетъ; а можетъ ли помѣшанный написать связно и правильно три строки — отвѣчалъ положительно: можетъ.

Затѣмъ, на предложенный судомъ вопросъ: доказано ли, что Протопоповъ, во время совершенія имъ преступленія, находился въ такомъ припадкѣ болѣзни, который привелъ его въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, присяжные дали утвердительный отвѣтъ. На этомъ основаніи Протопоповъ признанъ невиновнымъ и отъ суда освобожденъ.

Весь ходъ этого уголовнаго процесса показываетъ, къ сожалѣнію, что и къ нашимъ юристамъ можетъ относиться тотъ-же упрекъ, который дѣлаетъ Миттермайеръ англійскимъ судьямъ. Незнакомство съ

психіатріей можетъ только объяснить, почему экспертамъ обвинитель предлагалъ и судъ допускалъ вопросы въ родѣ того,—можно ли преступленіе Протопопова вмѣнить ему въ вину, сознавалъ ли подсудимый противозаконность поступка имъ совершеннаго, можетъ ли человѣкъ въ припадкѣ умоизступленія имѣть понятіе о противозаконности поступка и т. п. Еще въ 1843 году, англійскіе судьи рекомендовали присяжнымъ за норму при обсужденіи вопроса о помѣшательствѣ опредѣлять только: могъ ли подсудимый, во время совершенія преступнаго дѣянія, отличить законное отъ незаконнаго,—но всѣ англійскіе и американскіе врачи-психіатры заявили всю несостоятельность этого правила и вредныя отъ него послѣдствія, объясняя происхожденіе подобнаго правила только полнѣйшимъ пренебреженіемъ психіатрическими изслѣдованіями и наблюденіями. Наконецъ, собраніе нѣмецкихъ психіатровъ въ Гильденсгеймѣ, въ сентябрѣ 1865 года, обсуждая тезисы, долженствующіе служить основою при обсужденіи судебно-психіатрическихъ вопросовъ, относительно способности ко вмѣненію, между прочимъ постановило, что неспособность душевно-больныхъ ко вмѣненію не уничтожается слѣдующими обстоятельствами, преимущественно передъ всѣми другими: а) тѣмъ, что они въ состояніи разсуждать о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ; б) тѣмъ, что относительно совершеннаго ими проступка они могутъ отличить правое отъ неправаго; в) тѣмъ, что они чувствуютъ раскаяніе; г) тѣмъ, что нельзя доказать прямой связи между поступкомъ съ одной стороны и ненормальными идеями, настроеніемъ и побужденіями больного, съ другой,—и д) тѣмъ, что у больного вообще нельзя доказать никакихъ сумасбродныхъ идей. Въ дѣлѣ Протопопова обращаетъ на себя вниманіе еще и то обстоятельство, что предсѣдатель суда не протестовалъ противъ вопроса эксперту о томъ, можетъ ли преступленіе Протопопова быть ему вмѣнено, такъ какъ, отвѣчая на этотъ вопросъ, экспертъ превысилъ бы права ему предоставленныя. Экспертъ, по справедливому замѣчанію Гризингера [1]) можетъ сдѣлать заключеніе только о томъ: находился ли подсудимый въ такомъ болѣзненномъ состояніи, которое нарушало бы духовную жизнь вообще, и въ особенности уничтожало бы или ограничивало свободу воли и дѣйствія.

Наконецъ, это господство воззрѣній, уже давно признанныхъ наукою ошибочными, и, конечно, недовѣріе къ экспертамъ высказалось въ данномъ случаѣ еще и тѣмъ, что обвинительная власть почла себя въ правѣ протестовать противъ рѣшенія суда по дѣлу Протопопова и перенести его въ кассаціонный департаментъ сената, основываясь, между прочимъ, на томъ, что удостовѣреніе въ умственномъ растройствѣ обвиняемаго могло послѣдовать не иначе, какъ путемъ врачеб-

---

[1]) Душевныя болѣзни для врачей и учащихся. В. Гризингера.

наго освидѣтельствованія подсудимаго при предварительномъ слѣдствіи, и что, если такого удостовѣренія на предварительномъ слѣдствіи сдѣлано не было, то вопросъ объ умственномъ разстройствѣ подсудимаго не могъ быть предоставленъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей.

Но уголовный кассаціонный департаментъ правительствующаго сената, являясь строгимъ защитникомъ началъ законности и правосудія, впервые явившихся въ судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 года, призналъ толкованіе обвинительной власти неосновательными и рѣшеніе окружнаго суда утвердилъ.

Такимъ образомъ, это рѣшеніе сената указало на будущее время тотъ путь, которымъ должны слѣдовать наши новыя судебныя мѣста, въ случаяхъ возникающихъ сомнѣній относительно душевнаго разстройства подсудимыхъ. На сколько этотъ путь, выработанный теоріей и практикой отличается отъ нашего прежняго порядка, объ этомъ говорить нечего послѣ сравненія дѣлъ Василисы и Протопопова. Желательно только, чтобы наши юристы отрѣшились отъ предразсудка, будто врачи наклонны къ оправданію подсудимыхъ, тѣмъ болѣе, что въ нашей судебной практикѣ уже обнаружилось по дѣлу Ивановой [1]), до какой степени эксперты осторожно даютъ свои замѣчанія объ умственномъ разстройствѣ подсудимыхъ. Къ тому же, что касается того мнимаго вреда, который будто бы психологія, въ своемъ примѣненіи, можетъ причинять судебной практикѣ,— то на это можно только возразить словами извѣстнаго психіатра и врача при домѣ умалишенныхъ въ Илленау, Краффта Эбинга [2]), что наукѣ нѣтъ дѣла, какія послѣдствія будетъ имѣть найденная ею истина. Она стремится только къ одному — къ отысканію истины, и въ этомъ отношеніи преслѣдуетъ ту же цѣль, что и судебная практика. Тамъ, гдѣ психіатріи удается найти истину, судебная практика можетъ ожидать отъ нея только пользу.

Но вѣдь еще недостаточно, чтобы судъ и присяжные выслушивали показаніе экспертовъ о душевномъ состояніи подсудимаго всякій разъ,

---

[1]) Солдатская жена Тереза Иванова обвинялась въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ въ кражѣ и покушеніи на убійство. Врачи Балинскій и Чеховъ были приглашены въ засѣданіе 13 октября 1867 г. для опредѣленія душевнаго состоянія подсудимой при совершеніи преступленій. Докторъ Балинскій, представивъ мастерскую оцѣнку всѣхъ дѣйствій подсудимой, вывелъ заключеніе, что ни въ причинахъ преступленія, ни въ послѣдовавшихъ за нимъ обстоятельствахъ нѣтъ признаковъ болѣзненнаго состоянія. На основаніи этого заключенія, которое справедливо можно назвать образцовымъ по своей ясности, простотѣ изложенія, присяжные-засѣдатели, на предложенный имъ вопросъ: была ли подсудимая во время нанесенія ранъ Потаповой въ такомъ болѣзненномъ состояніи, которое совершенно уничтожило въ ней сознаніе того, что она дѣлала, отвѣтили: нѣтъ, не была.

[2]) Ученіе о временномъ или проходящемъ помѣшательствѣ (mania transitaria), изложенное для врачей и юристовъ.

когда того потребуетъ самъ подсудимый или его защитникъ. Нужно еще, чтобы экспертизу производили врачи, исключительно занимающіеся душевными болѣзнями, такъ какъ, по мнѣнію американскаго профессора Бишопа, обыкновенные врачи, не сдѣлавшіе этого рода болѣзней исключительнымъ предметомъ своихъ занятій, недостаточно знающи для того, чтобы принести пользу своими свѣдѣніями судьямъ, при опредѣленіи душевнаго состоянія подсудимыхъ. Вотъ почему казалось полезнымъ, на будущее время, нашимъ судамъ ввести юридическій обычай, существующій въ Сѣверной Америкѣ, по которому врача-эксперта спрашиваютъ всегда предварительно, — считаетъ ли онъ себя компетентнымъ въ разрѣшеніи предлагаемаго ему вопроса, и какими учеными занятіями и наблюденіями онъ пріобрѣлъ необходимыя для того свѣдѣнія. Кромѣ всего этого, слѣдовало бы вообще быть внимательнѣе къ подсудимымъ, и во всѣхъ, сколько нибудь сомнительныхъ случаяхъ, по-мимо заявленія подсудимаго или его защитника, обращаться къ освидѣтельствованію душевнаго состоянія подсудимаго черезъ врачей-экспертовъ. «Неразуменъ тотъ законодатель», говоритъ Миттермайеръ, «который равнодушно смотритъ на осужденіе къ наказанію подсудимаго, одержимаго душевною болѣзнью, и не заботится о томъ, чтобы правительство употребило всѣ средства къ устраненію всѣхъ сомнѣній касательно вопроса о способности по вмѣненію. Тѣ, которые вносятъ въ законы предположеніе, что каждый подсудимый обладаетъ полнымъ психическимъ здоровьемъ, упускаютъ изъ виду, что нельзя принять за правило, чтобъ всякій человѣкъ дѣйствовалъ въ состояніи полнаго физическаго, умственнаго и нравственнаго здоровья, что если гражданское общество обвиняетъ человѣка въ преступленіи, то оно должно брать человѣка въ его индивидуальности, имѣя при этомъ въ виду, что нѣтъ рѣзкой границы между здоровьемъ и болѣзнью, что въ каждомъ человѣкѣ, рано или поздно, обнаруживаются элементарныя разстройства, или уже существовавшія въ немъ, или обусловленныя извѣстными событіями, и что состоянія тѣла могутъ имѣть вліяніе на психическую жизнь, а такимъ образомъ быть причиною болѣзней душевныхъ. Признающіе предположеніе закона, что каждый подсудимый обладаетъ полною способностью ко вмѣненію, значитъ, чужды всѣхъ наблюденій и изслѣдованій надъ душевною жизнью человѣка и не обращаютъ вниманія на факты, которые показываютъ, что часто и при первомъ уже извѣстіи о совершенномъ тяжкомъ преступленіи получающія гласность побочныя обстоятельства касательно образа совершенія преступленія и самой личности преступника такого рода, что въ каждомъ здравомыслящемъ человѣкѣ должно родиться предположеніе, что преступленіе совершено человѣкомъ, не способнымъ ко вмѣненію, и если добросовѣстный обвинитель хочетъ дѣйствовать во имя справедливости, то онъ долженъ принять всѣ

мѣры для того, чтобы собрать всѣ факты, основательное разсмотрѣніе которыхъ могло бы способствовать къ рѣшенію вопроса о томъ, былъ ли преступникъ способенъ ко вмѣненію».

Быть можетъ, насъ упрекнутъ въ томъ, что мы слишкомъ долго остановились на вопросѣ, интересующемъ только спеціалистовъ. Но мы объ этомъ другого мнѣнія. При существованіи суда присяжныхъ, весьма важно указывать обществу на господствующія въ немъ предразсудки и устарѣвшія юридическія понятія, потому что на основаніи этихъ-то господствующихъ понятій представители общества въ лицѣ двѣнадцати присяжныхъ произносятъ свой приговоръ надъ подсудимымъ. Стифенъ справедливо замѣчаетъ въ этомъ отношеніи, что въ наше время невозможно было бы добиться осужденія кого либо за колдовство, если бы даже законы не измѣнились,—невозможно потому, что почти всякій убѣжденъ, что колдовства не существуетъ, и никакія доказательства въ подкрѣпленіе обвиненія извѣстнаго лица въ колдовствѣ не убѣдили бы никого въ противномъ; между тѣмъ, два вѣка тому назадъ, большинство людей иначе смотрѣло на колдовство, и безпристрастные судьи и присяжные очень часто осуждали за преступленіе, которое теперь мы считаемъ невозможнымъ. Тоже самое можно сказать въ настоящее время о психіатріи, наукѣ мало извѣстной даже и юристамъ. И они, повидимому, не отыскали еще того критеріума, на основаніи котораго можно было бы произнести правильный отвѣтъ на вопросъ: въ нормальномъ или ненормальномъ состояніи душевныхъ способностей совершено данное преступленіе. А между тѣмъ наблюденія надъ преступниками здоровыми и душевно-больными даютъ нѣкоторыя указанія для отвѣта. Желаніе скрыть преступленіе, происходящее отъ врожденнаго человѣку чувства самосохраненія и цѣлесообразность дѣйствій, какъ послѣдствіе нормальной дѣятельности душевныхъ способностей—несвойственны только людямъ, лишеннымъ свободы ума, чувства и воли.

Дѣло Протопопова вполнѣ доказываетъ, что отъ прозорливости суда зависитъ обращать должное вниманіе не только на укоренившіяся душевныя болѣзни, но даже и на преходящія помраченія разсудка, справедливо освобождающія подсудимыхъ отъ суда и наказанія. Въ этомъ отношеніи остается только желать, чтобы производившееся въ петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло Протопопова послужило примѣромъ и урокомъ для всѣхъ новыхъ судовъ. В. И.

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-е января, 1868.

Факты исторіи политической, какъ и всякое дѣло, пріурочиваются къ опредѣленнымъ годамъ, даже мѣсяцамъ, а иногда и днямъ; но идеи, которыя вызвали самый фактъ, направляли его къ тому или другому рѣшенію, не заключаются вмѣстѣ съ концомъ года, переживаютъ его, и ищутъ новыхъ случаевъ для своего дальнѣйшаго осуществленія. Годъ кончился для фактовъ, но не для идей,—а потому и мы считаемъ необходимымъ, начиная свою ежемѣсячную хронику, обратиться не къ послѣднему мѣсяцу, не къ тому, чтó только-что кончилось, но къ цѣлому прошедшему году, къ тому, чтó собственно еще не кончается, къ тѣмъ основамъ, принципамъ, которыя прошедшій годъ не уноситъ съ собою, но передаетъ встрѣчаемому нами его преемнику. Но и при этомъ мы ограничимся внутреннею политикою: она, во-первыхъ, къ намъ ближе, а во-вторыхъ, внѣшняя наша политика была такъ превосходно, полно и всесторонне развита въ документахъ, изданныхъ недавно нашимъ канцлеромъ, что для хроники осталось за тѣмъ немного мѣста.

Россія переживаетъ время, которое принято называть переходнымъ. Правительство открыло народу пути къ развитію, устранило главныя препятствія. Какимъ образомъ народъ пойдетъ, какіе пути будутъ имъ избраны, велико ли будетъ разстояніе между этапами, которые отмѣтитъ исторія — все это вопросы, которые предрѣшать было бы неосновательно. Въ политическомъ мірѣ существуетъ только одна аксіома — гдѣ нѣтъ безусловныхъ препятствій, тамъ будетъ само собою совершаться развитіе.

Переходное время носитъ обыкновенно на себѣ всѣ признаки неопредѣленности. Это — естественно. Общество, призываемое къ самоуправленію, къ содѣйствію въ реформахъ личнымъ трудомъ и знаніемъ, не всегда берется именно за то, чтó можетъ принесть ему практическую пользу, и гдѣ усилія его могутъ достигнуть цѣли. Въ обще-

ствѣ могутъ показываться люди, которыхъ преимущественно занимаютъ цѣли отдаленныя, иногда даже мечтательныя. Эти цѣли заявляются иногда и въ обществахъ, окрѣпшихъ опытомъ, въ государствахъ, привыкшихъ къ свободному броженію всѣхъ интересовъ,—и тамъ заявленіе такихъ цѣлей бываетъ даже положительно полезно, потому что оно не даетъ тѣмъ обществамъ кристаллизироваться въ ихъ относительномъ застоѣ, указываетъ имъ, что еще далеко не все достигнуто, что впереди есть еще безконечный путь, много данныхъ для работы и борьбы, то-есть для жизни. Даже мечты полезны, когда онѣ являются въ видѣ надеждъ, примиряющихъ человѣка съ его работою. Въ противоположность людямъ, увлеченнымъ видами будущаго, является, въ тѣ же переходныя эпохи, увлеченіе прошедшимъ и, что̀ еще хуже, люди, которые думаютъ просто эксплуатировать минутное недоразумѣніе, и потому говорятъ о необходимости реакціи. Такъ сталкиваются между собою двѣ крайности: политика «дѣйствія во что бы то ни стало» и «политика противодѣйствія не смотря ни на что». Но всѣ эти общіе законы не должны въ насъ колебать вѣры въ добрую будущность развитія нашего общества. Если не ошибаемся—періодъ недоразумѣній у насъ близится къ концу, хотя мы еще не въ концѣ переходнаго времени.

Вся исторія Россіи представляетъ намъ стремленіе къ государственному единству, и если главнымъ дѣятелемъ при этомъ явилась власть государей-собирателей русской земли, то за народомъ должно признать въ высокой степени инстинктъ этого единства. Народъ содѣйствовалъ этому единству неисчислимыми жертвами. Составилось государство, безпримѣрное по огромности, и до послѣдняго времени оно все еще только росло. Всѣ заботы его были о ростѣ, о силѣ такъ-сказать физической. Нельзя не признать, что государство росло по отношенію къ своему народу отдѣльно, что долгое время народъ, приносившій всевозможныя жертвы единству съ безконечною преданностью своему собирательному инстинкту, оставался только матеріаломъ.

Когда правительство вступило на путь реформъ и въ обществѣ зашевелилась жизнь, то первые же признаки самостоятельныхъ отправленій многимъ могли показаться и, въ самомъ дѣлѣ показались, признаками борьбы. Думали объ опасныхъ стремленіяхъ, видѣли партіи, слышали какой-то отдаленный гулъ. На самомъ же дѣлѣ, стремленій, ясно сознанныхъ, не могло быть у народа, который еще не сдѣлалъ и двухъ шаговъ; партій не было потому, что партіи возникаютъ изъ фактовъ, изъ жизни, изъ сгруппировки людей интересами, а не изъ теорій.

Правда, правительству пришлось подавлять преступные замыслы и усмирять мятежъ. Но эти замыслы явились однако не среди массы народа; открытіе ихъ только обнаружило одну его преданность правительству; мятежъ не былъ дѣломъ русскаго народа. Только недобро-

желатели, и правительства, и народа, могли находить связь между признаками пробужденія жизни и предпріятіями безумцевъ или мятежемъ непримирившейся еще съ нами національности. Задачею людей безъ заднихъ мыслей было до сихъ поръ именно выяснять это коренное различіе.

Но каковы бы ни были причины недоразумѣнія, этого послѣдствія всѣхъ принятыхъ правительствомъ мѣръ: мѣръ къ продолженію реформъ, уже начатыхъ, и мѣръ къ сдержанію казавшихся опасными уклоненій — обнаружился въ полномъ свѣтѣ одинъ фактъ, что правительство сильно, сильно не только средствами, какія предоставляетъ ему законъ, но и силою преданнаго ему народа. Правительство одержало побѣду на всѣхъ пунктахъ. Крестьянскую реформу, которую еще такъ недавно считали невозможною, оно окончило со славою; земскую реформу оно провело съ успѣхомъ, и мѣры, принятыя противъ быть можетъ излишняго, но, во всякомъ случаѣ, не опаснаго заявленія нѣкоторыми собраніями своей самостоятельности относительно администраціи, были исполнены, какъ самое обыкновенное дѣло. Печать наша, въ которой иные видѣли какую-то таинственную силу, сперва подъ усугубленіемъ цензуры предупредительной обнаружила безсиліе, а потомъ, подъ опекою цензуры карательной лишилась и своей таинственности. Наконецъ, мятежъ польскій былъ подавленъ, и повтореніе его сдѣлается невозможнымъ перестройкою управленія края, въ гражданскомъ смыслѣ этого слова.

Въ первый разъ говоря объ общемъ направленіи внутренней нашей политики, мы прямо начинаемъ выраженіемъ надежды, что правительство неуклонно пойдетъ впередъ, — и искреннимъ желаніемъ успѣха всѣмъ предпринятымъ имъ же самимъ мѣрамъ на благо народа. Сознаніе силы даетъ великую увѣренность. Правительство сильно только-что пройденнымъ опытомъ, который указалъ ему, конечно, что нѣкоторыя проявленія общественной самостоятельности, или личнаго мышленія, напрасно были выставлены ему опасными. Но сверхъ того — мы глубоко убѣждены еще и въ томъ, что правительство сильно прежде всего неизмѣнностью той воли, которая сама призвала на помощь московскому началу единства древне-русское начало вѣчевого содѣйствія.

Государство открыло нынѣ исторію русскаго народа, въ продолженіи вѣковъ засыпавшаго собою пропасти на своемъ пути, изъ своей груди создававшаго ему охранныя стѣны отъ востока до запада. Оно признало его и призвало къ себѣ, поручило ему долю въ работѣ уже не инстинктивной, а сознательной. Опираясь на русскій народъ, крѣпчайшій изъ всѣхъ государственныхъ матеріаловъ, государственная власть можетъ, безъ опасенія, поднимать теперь выше и выше идею человѣчности, идею свободнаго развитія. Безопасность и матеріальная сила государства могутъ быть велики и безъ помощи этой идеи, но

благосостояніе его самого — начиная съ его финансовъ — не могутъ безъ нея обойтись. Въ работѣ органической нужны *живые* пособники, свободное развитіе. Какъ много мы видимъ въ исторіи примѣровъ, что это было понято слишкомъ поздно, когда опытъ уже не могъ принесть пользы!

Началу нынѣшняго года предоставляется покончить съ однимъ изъ фактовъ прошлаго времени. Въ январѣ ожидаютъ выборовъ отъ петербургскаго земства. Земскому вопросу мы придаемъ большую важность въ нашемъ развитіи. Земства въ своей дѣятельности прежде всего должны руководствоваться правилами, что имъ слѣдуетъ совладать со своей непосредственной, практической задачей, какова бы она ни была, какъ бы скроменъ ни казался нѣкоторымъ изъ ихъ членовъ кругъ ихъ дѣятельности. Они имѣютъ великое образовательное значеніе. Нѣтъ того скромнаго дѣла, если только оно *дѣло*, и если съ нимъ совладать, если внушить имъ къ себѣ довѣріе и пріобрѣсть имъ силу, которое бы не приносило лепты на общее зданіе. Прежде, чѣмъ находить свою задачу недостаточною, надо ее выполнить, прежде чѣмъ заявлять о необходимости размѣренія круга своей дѣятельности, надо, чтобы эта необходимость дѣйствительно наступила, и чтобы ее можно было заявлять голосомъ, который уже пріобрѣлъ довѣріе и значеніе въ государствѣ, соотвѣтственное услугамъ, а не громкимъ словамъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы были изданы нѣкоторыя постановленія, измѣняющія или точнѣе опредѣляющія порядокъ производства дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ. Такъ, опредѣлены точнѣе обязанности предсѣдателей земскихъ собраній и установлено, что: «постановленіе о сношеніи или соглашеніи съ другими собраніями по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ распоряженіямъ или къ вопросамъ объ установленныхъ закономъ предѣлахъ вѣдомства собраній, вступаютъ въ силу и подлежатъ исполненію не иначе, какъ съ согласія начальника губерніи». Такъ, вначалѣ требовалось разрѣшеніе мѣстнаго губернатора только на печатаніе постановленій земскихъ собраній, а вновь изданнымъ закономъ разрѣшеніе это требуется и для печатанія «отчетовъ о засѣданіяхъ, сужденій, преній и рѣчей въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ обществахъ и сословныхъ собраніяхъ». Въ «Сѣверной Почтѣ» была помѣщена статья, которая объясняла, что это новое постановленіе не стѣснительно для гласности дѣйствій земскихъ собраній, а напротивъ благопріятно для нея, такъ какъ до изданія этого постановленія вопросъ о гласности земскихъ собраній подавалъ поводъ къ недоразумѣніямъ, которое нынѣ и устранено новымъ постановленіемъ. Гласность всѣхъ преній и постановленій была допускаема, терпима, а теперь установлена закономъ, кромѣ нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ.

Хотя дѣйствительно въ законоположеніяхъ точность совершенно

необходима, но бываютъ случаи, когда предоставленіе нѣкотораго простора, особенно въ дѣлѣ новомъ, можетъ принесть пользу. Въ этихъ случаяхъ не слѣдуетъ останавливаться на первыхъ опытахъ и отдѣльныхъ примѣрахъ.

Но какъ бы то ни было, и на сколько бы новыя постановленія ни были преимущественно направлены къ предупрежденію возможныхъ злоупотребленій въ сношеніяхъ между земскими собраніями и въ гласности земской дѣятельности, мы убѣждены, что въ намѣреніе законодательной власти не могло входить устраненіе солидарности земства и тѣсной связи земскихъ учрежденій со всѣмъ обществомъ путемъ гласности,—потому что солидарность установляется сходствомъ интересовъ и общими стремленіями, даже безъ оффиціальныхъ соглашеній, а упроченіе связи съ обществомъ и силы въ немъ этихъ учрежденій зависитъ не отъ переписки между ними, а отъ степени радѣнія ихъ къ дѣлу.

Земскія учрежденія, кромѣ своего гражданственно-образовательнаго значенія, имѣютъ еще и другое, весьма важное: на нихъ лежитъ примѣненіе децентрализаціи, не административной, которая представляетъ не что иное, какъ распредѣленіе чиновниковъ, въ большей или меньшей зависимости другъ отъ друга, а той, которая основана на началѣ самоуправленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что когда земскія учрежденія окрѣпнутъ и докажутъ на дѣлѣ свою способность совладать съ нынѣ предоставленною имъ задачею, она будетъ расширена самимъ правительствомъ, уже для облегченія самыхъ центральныхъ управленій, которыя и теперь сильно обременены дѣлами, не требующими высшихъ, правительственныхъ соображеній.

Прежде всего съ интересами земства тѣсно связаны успѣхи народнаго богатства, народной промышленности. Читатель, можетъ быть, захочетъ остановить насъ вопросомъ: ктó мы, фритредеры или протекціонисты? Отвѣтимъ вопросомъ: ктó заслуживаетъ вниманія, производители или потребители? Устроены ли потребители для производителя, или производитель для потребителя? Мы думаемъ — послѣднее.

Впрочемъ, исторія экономической политики государствъ есть исторія ихъ экономическихъ ошибокъ. Если бы не было Кольбера, то въ современной Франціи протекціонистъ Тьеръ не имѣлъ бы единственнаго своего серьёзнаго аргумента, а именно, что однажды созданныя или неестественно развитыя покровительствомъ отрасли внутренняго производства не могутъ быть оставлены безъ поддержки. Это — единственный доводъ протекціонистовъ, на который можно отвѣчать въ настоящее время, послѣ того, какъ протекціонизмъ въ смыслѣ теоріи окончательно разрушенъ экономическою наукою. Протекціонизмъ нынѣ не имѣетъ иного значенія, какъ практическаго ходатайства въ ограж-

деніе интересовъ, хотя бы искуственно-созданныхъ, но тѣмъ не менѣе почтенныхъ, такъ какъ съ ними связанъ вопросъ о «хлѣбномъ ремеслѣ» множества людей въ государствѣ. Въ смыслѣ теоріи, протекціонизмъ болѣе не существуетъ, и ни одно правительство въ Европѣ не объявляетъ приверженности къ самому его принципу. Даже въ Соединенныхъ-Штатахъ, гдѣ до сихъ поръ процвѣталъ онъ, теперь подъ нимъ сильно колеблется почва. Въ Европѣ главными этапами къ его ниспроверженію были: законы Роберта Пиля, измѣнившіе всю торговую политику и финансовую систему Великобританіи, англо-французскій трактатъ 1860 года, заключенный подъ вліяніемъ Кобдена и Мишеля Шевалье, основанный на принципѣ свободной торговли, и послѣдніе трактаты, заключенные съ Франціею и Англіею германскимъ таможеннымъ союзомъ, Бельгіею и Италіею.

Нашъ тарифъ 1857 года долженъ быть признанъ не только протекціонистскимъ въ высокой степени, но даже въ значительной мѣрѣ запретительнымъ, такъ какъ на многіе заграничные фабрикаты наложены пошлины, равные ихъ стоимости, стало-быть пошлины запретительныя. И замѣтимъ, такое запрещеніе наложено не на одни предметы роскоши, не на дорогія иностранныя издѣлія, а именно, на дешевые сорты иностранныхъ фабрикатовъ. Нашъ нынѣшній тарифъ достаточно характеризуется тѣмъ фактомъ, что когда зашла рѣчь о замѣнѣ его тарифомъ, котораго средній размѣръ былъ бы въ 25% или 30% съ цѣны заграничныхъ издѣлій, то наши фабриканты пришли въ ужасъ и огласили воздухъ криками о предстоящемъ окончательномъ разореніи нашей національной промышленности. Но что̀ это доказываетъ? Этотъ крикъ доказываетъ, что наши производители воспользовались періодомъ запретительнаго тарифа для ухудшенія своей фабрикаціи, и въ 10 лѣтъ довели свое дѣло до того, что даже средній размѣръ въ 25% для нихъ страшно опасенъ. Большаго обвиненія не могли бы придумать и враги, а для насъ кроется тутъ назиданіе: чего мы дождемся при дальнѣйшемъ дѣйствіи тарифа 1857 года?!

Въ началѣ іюля былъ обнародованъ высочайше утвержденный докладъ министра финансовъ о необходимости пересмотра нашего тарифа. Цѣль, выставленная въ докладѣ, была собственно фискальная. Таможенный доходъ за послѣдніе 20 лѣтъ не увеличивался. Потребность финансовая заставляетъ измѣнить тарифъ тѣмъ болѣе, что внутренняя промышленность сдѣлала значительные успѣхи за это время. Докладъ не провозглашаетъ протекціонизма неизбѣжною системою, но выражаетъ убѣжденіе, что покровительство «еще» необходимо и даже необходимо въ значительной мѣрѣ для нашего производства. Это соображеніе и приводитъ министерство финансовъ къ убѣжденію, что нашъ таможенный доходъ не можетъ быть доведенъ до соотвѣтственности таможеннымъ доходамъ другихъ государствъ. Но измѣне-

ніе тарифа предположено все-таки съ цѣлью уменьшенія контрабанды и увеличенія государственнаго дохода. Средствомъ къ увеличенію этого дохода—докладъ выставлялъ пониженіе пошлинъ съ нѣкоторыхъ недорогихъ заграничныхъ издѣлій, съ тѣмъ, чтобы привлечь ко ввозу такія категоріи товаровъ, которыя до сихъ поръ были совсѣмъ устранены отъ ввоза высокою пошлиною. При этомъ докладъ допускаетъ возвышеніе пошлины на иностранные продукты высокой стоимости. Такимъ образомъ, увеличеніе таможеннаго дохода ожидается отъ увеличенія ввоза дешевыхъ заграничныхъ товаровъ и отъ высшей пошлины, наложенной на продукты, дорого стоющіе, и, наконецъ, отъ уменьшенія контрабанды.

Итакъ, нынѣшній пересмотръ тарифа имѣетъ цѣль чисто-фискальную, между тѣмъ, какъ тарифъ 1857 года имѣлъ собственно-покровительственную цѣль, защищая русское производство отъ соперничества иностранныхъ дешевыхъ фабрикатовъ. Эти дешевые продукты и доставлялись къ намъ изъ за границы преимущественно путемъ контрабанды. Контрабанда на сухопутной границѣ нашей съ Европою имѣетъ не только огромные размѣры, но и правильную организацію, такъ какъ вблизи отъ границы существуютъ даже конторы страхованія отъ конфискаціи товаровъ, отправляемыхъ въ Россію контрабандою. Эти конторы дѣйствуютъ почти открыто и не дорого берутъ: всего 30, 30% положенной по нашему тарифу пошлины. Съ какой же стати купцу платить намъ всю пошлину, когда онъ можетъ ввесть свой товаръ въ Россію, безъ риска, за 35% пошлины?

Въ докладѣ предположено сверхъ того, уровнять пошлины съ товаровъ приходящихъ моремъ и привозимыхъ сухимъ путемъ, точнѣе опредѣлить сорты по тарифной табели, наконецъ, внесть въ тарифъ разные дополнительные сборы, установленные уже послѣ 1857 года.

Для разсмотрѣнія проекта, составленнаго въ министерствѣ финансовъ, учреждена коммиссія изъ членовъ мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ и ихъ отдѣленій внутри имперіи и изъ депутатовъ отъ министерства финансовъ. Такимъ образомъ, у насъ теперь засѣдаетъ нѣкотораго рода таможенный парламентъ. Тарифной коммиссіи поручено разсмотрѣть проектъ министерства и всѣ матеріалы, которые представлены какъ въ его работахъ, такъ и въ мнѣніяхъ, доставленныхъ разными лицами. Затѣмъ, будетъ составленъ окончательный проектъ, который и поступитъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Мы не можемъ прослѣдить хода работъ въ тарифной коммиссіи, потому что о нихъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній, а только слухи. Замѣтимъ только, что, сколько извѣстно, правительственный проектъ возбуждаетъ жаркія пренія, и коммиссія не считаетъ себя вполнѣ стѣсненною докладомъ министерства. Такъ, въ докладѣ было выражено мнѣніе противъ пониженія пошлины на вина, колоніальные товары,

табакъ, крѣпкіе напитки и т. д., а между тѣмъ, въ коммиссіи было принято мнѣніе о пониженіи пошлины на вина, и заявлены мнѣнія о необходимости пониженія пошлины на сыръ, портеръ и пиво, табакъ и сигары и проч.

Стоимость всѣхъ нашихъ торговыхъ операцій съ Европою составляла, считая ввозъ и вывозъ, по оффиціальнымъ даннымъ («Виды россійской внѣшней торговли за 1866 годъ»):

въ 1866 году.	381,622,679 рублей [1]).
болѣе противъ 1865 г. на .	49,323,119 р.
Таможенный доходъ за 1866 годъ составлялъ въ общей сложности. . .	30,506,366 р.

Доходъ этотъ положительно обременителенъ для нашей внѣшней торговли, такъ какъ онъ ложится на нее сверхъ разницы курса. А между тѣмъ, для казны онъ недостаточенъ. Вотъ, въ краткихъ словахъ полный приговоръ нынѣшнему тарифу.

Если сравнить оффиціальныя цифры вывоза и ввоза по нашей торговлѣ съ Европою, то окажется, что вывозъ нашъ значительно превышаетъ ввозъ, именно:

Ввозъ въ 1865 году	140,976,091 р.
» » 1866 »	180,573,208 »
Вывозъ въ 1865 »	191,323,469 »
» » 1866 »	201,049,471 »

Итакъ, въ прошломъ году мы отпустили за границу почти 20½ милліоновъ рублей болѣе, чѣмъ было ввезено къ намъ, а въ 1865 году, даже на слишкомъ 50 милліоновъ рублей! Откуда же является та невыгодность торговаго баланса, которую протекціонисты выставляютъ какъ главный аргументъ противъ пониженія пошлинъ? Что эта невыгодность баланса дѣйствительно существуетъ, это мы видимъ изъ ввоза и вывоза въ Россію металлическихъ денегъ и слитковъ. Ихъ вывезено:

Въ 1865 году на	18,424,335 р.
» 1866 » »	25,826,753 »

Ввезено же:

Въ 1865 году на	3,020,933 р.
» 1866 » »	2,372,582 »

Огромное развитіе контрабанды совершенно измѣняетъ показанное соотношеніе цифръ ввоза и вывоза. Контрабанда не такъ вредна ману-

[1]) Здѣсь заключаются и цифры торговли Финляндіи.

фактуристамъ и вообще производителямъ, какъ казнѣ. Для нее всякій фунтъ ввезеннаго контрабандою товара составляетъ чистую потерю. Для производителя же товаръ, поставленный въ исключительныя условія, продающійся не открыто, не составляетъ слишкомъ опасной конкуренціи. Иначе сами производители были бы сговорчивѣе къ открытому допущенію иностранныхъ продуктовъ съ пониженной пошлиной. Существованіе контрабанды требуетъ пониженія тарифа для интересовъ казны.

Но интересы потребителей не менѣе почтенны. За что же масса населенія должна вѣчно нести лишенія для поощренія неестественныхъ въ государствѣ отраслей производства или платить имъ дорогія цѣны за ихъ продукты въ видѣ преміи за лѣность и скупость, если продукты эти не улучшаются и фабрикація находится въ застоѣ? Но, мы не одни, говорятъ фабриканты, потерпимъ отъ пониженія цѣнъ на наши продукты, мы должны будемъ понизить плату рабочимъ. Наука давно опровергла этотъ и другіе обычные софизмы протекціонистовъ. «Мѣна и деньги», говоритъ Милль («Начала общественной экономіи»)—«не дѣйствуютъ на законъ, управляющій заработками. Заработная плата зависитъ отъ отношенія между числомъ населенія и капиталомъ; тоже самое было бы, хотя бы всѣ капиталы цѣлаго свѣта принадлежали одному товариществу, или еслибы у каждаго капиталиста было свое производство каждаго предмета нужнаго потребителямъ, и еслибы цѣны товаровъ вовсе не было». Но мы закроемъ фабрики, говорятъ мануфактуристы. Какъ?! при введеніи новаго тарифа, который вамъ всетаки оставитъ пошлину въ размѣрѣ 25% или 30% сверхъ разницы въ курсѣ и издержекъ доставки заграничныхъ товаровъ — спросимъ мы; въ такомъ случаѣ—закрывайте; фабрики ваши слишкомъ дорого обходятся странѣ. Но чѣмъ же вы будете платить за привозные продукты, которыми «наводнятъ» Россію—спросятъ протекціонисты? На это мы имъ отвѣтимъ словами Ф. Бастіа («Маленькій арсеналъ фритредера»): «Небезпокойтесь! Если мы будемъ наводнены, стало быть мы могли заплатить, а если не можемъ заплатить, то стало-быть не будемъ и наводнены».

Протекціонисты пустили въ ходъ не только свои интересы, «интересы національной промышленности», но еще слухъ, что рабочіе будто бы заступаются за нихъ. Въ «Торговомъ Сборникѣ» было заявлено, что тысячи рабочихъ подписали прошеніе объ оставленіи безъ измѣненія нынѣшняго тарифа, которое будто бы и представлено министру финансовъ. Но этотъ слухъ былъ опровергнутъ «Сѣверной Почтой». Протекціонисты стараются найти союзниковъ себѣ въ земледѣльцахъ и связываютъ свое дѣло съ ихъ дѣломъ. Какъ будто земледѣльцы не заинтересованы болѣе чѣмъ кто-либо въ увеличеніи нашего сбыта хлѣба за границу,—усиленіемъ ввозной торговли. До такой степени у насъ еще не выяснены интересы! Напомнимъ на этотъ разъ любимый про-

текціонистами примѣръ Соединенныхъ-Штатовъ. Протекціонисты знаютъ, что сѣверные Штаты держатся системы покровительства, но не мѣшаетъ помнить и то, что южные, земледѣльческіе штаты, стоятъ за свободную торговлю. А такъ какъ Россія—государство по преимуществу земледѣльческое, то ему-то и нуженъ шагъ въ этомъ смыслѣ. Россія отпускаетъ хлѣба на слишкомъ 73½ милл. р., т. е. почти на ⅖ всего нашего отпуска. Протекціонистъ во Франціи Тьеръ лучше понимаетъ интересы нашего земледѣлія, чѣмъ наши протекціонисты. Въ апрѣлѣ 1847 года, онъ сказалъ въ палатѣ депутатовъ: «русскимъ нужна свобода торговли, для выгодной мѣны ихъ произведеній».

Вопросъ о введеніи свободной торговли есть только вопросъ времени. Не надо внезапнаго скачка потому только, что временное неудобство — необходимость для множества людей перемѣнить родъ занятія, пристроиваться къ новому труду, само по себѣ было бы тяжело. Но постепенное пониженіе особенно нашего тарифа требуется здравымъ смысломъ. На этотъ разъ и предполагается оно вѣдь собственно съ фискальной цѣлью, и нашимъ фабрикантамъ оставляется утѣшеніе средней пошлины съ иностранныхъ продуктовъ въ 30%.

Главными предметами ввоза за 1866 годъ были:

Хлопокъ.	на	35.584.318	руб.
Металлическія издѣлія . .	»	10.392.425	»
Машины	»	10.368.424	»
Чай.	»	9.086.848	»
Металлы	»	8.883.584	»
Краски.	»	8.517.613	»

Такимъ образомъ, при нынѣшнемъ тарифѣ, предметы, которые представляютъ наибольшую цѣнность въ общей сложности своего ввоза, предметы, которые наиболѣе выписываетъ Россія — это (за исключеніемъ чая и только отчасти за исключеніемъ металлическихъ издѣлій) именно тѣ, которые нужны самой нашей фабрикаціи. Мы покупаемъ болѣе чѣмъ на 35½ милл. хлопка. А на сколько ввозится изъ-за границы бумажной ткани? На 2.692.319! Не краснорѣчиво ли свидѣтельствуетъ эта цифра о непомѣрной выгодности тарифа 1857 года — для фабрикантовъ!

Переходя отъ дѣлъ, которыя интересуютъ насъ лично, къ тѣмъ дѣламъ внутренней политики, которыя служатъ предметомъ оживленныхъ преній и борьбы во всѣхъ европейскихъ государствахъ нашего времени,— мы встрѣтимся на первомъ же шагу съ вопросомъ національностей.

Вопросъ о національностяхъ, объ отношеніи такъ-называемаго «принципа національностей» къ идеѣ государства — одинъ изъ тѣхъ, которые ввели въ современную политику наиболѣе недоразумѣній.

Пока стремленія «національности» состояли только въ приверженности къ вѣрѣ отцовъ, въ храненіи національныхъ преданій и обычаевъ, и требованія «національности» удовлетворялись уваженіемъ къ особенностямъ расы,—вопроса о національностяхъ не было. Онъ возникъ вслѣдствіе перевѣса государственной силы, вслѣдствіе завоеваній; но, не смотря на то, сама государственность вызвала этотъ вопросъ, — прямымъ обращеніемъ къ національному духу за помощью. Государственная власть въ покоренныхъ Наполеономъ I странахъ, послѣ многихъ пораженій, *приписанныхъ* сперва случаю, наконецъ поняла, что за этимъ новымъ Тамерланомъ стояла и новая, невѣдомая дотолѣ сила; что грозный духъ революціи развѣвалъ по свѣту побѣдоносныя знамена этого новаго Прометея, конфисковавшаго въ свою пользу искру новаго огня. Съ одними преданіями фридриховской выправки солдатъ нельзя было опрокинуть колдуна, обратившаго революцію въ войну. Узкій, отчужденный отъ народовъ, абстрактный, чопорный государственный авторитетъ былъ безсиленъ для этой борьбы; отъ марсельезы, превращенной въ военное ура, летѣла пудра съ этого авторитета.

Отчего было не противопоставить великому «престидижитатору» чего нибудь въ томъ же родѣ? Отчего было не коснуться на моментъ народной почвы, чтобы воспрянуть съ новыми силами? Наполеонъ самъ первый доказалъ возможность эскамотировать въ свою пользу народное увлеченіе. И вотъ, духу революціонному, который безсознательно, въ самозабытьи, шелъ, какъ плѣнный царь, передъ колесницею военнаго деспота, противопоставлена была въ Германіи и Италіи идея національности. Римлянину и кассельцу, безъ всякаго сомнѣнія, было лучше подъ наполеоновымъ кодексомъ, чѣмъ подъ ферулою buon governo и «національнымъ» курфиршескимъ прюгелемъ. Но нѣтъ, интересъ приносится въ жертву идеѣ, и римлянинъ съ кассельцомъ пошли противъ француза, пошли за свою національность, одушевленные идеею, и французы встрѣтили въ нихъ уже не истукановъ пригнанныхъ въ шеренги, а такое же увлеченное, такое же сильное войско, какимъ являлись сами завоеватели.

Не мѣсто здѣсь напоминать, что́ сталось потомъ со всѣми этими патріотами: тевтонами, готами и итальянскими nazionali; какими галунами были обшиты данные имъ мундиры. Достаточно сказать, что знамена, побѣдившія во имя идеи, при возвращеніи въ казармы, были заботливо провѣтрены, что ни въ одной складкѣ ихъ не сохранилось того духа, который придалъ имъ жизненную силу и далъ побѣду. «Идея» національностей, сыгравъ предназначенную ей роль, была конфискована точно также, какъ Наполеонъ конфисковалъ въ свою пользу духъ принциповъ 1789 года.

Но бѣда въ томъ, что въ политическомъ мірѣ привидѣнія не только грезятся, но и являются въ самомъ дѣлѣ. Средство, отброшенное за

минованіемъ надобности, возстало требуя расплаты. Получивъ отказъ, «принципъ» національностей обратился къ своему вчерашнему врагу; онъ вступилъ въ коалицію съ новыми идеями, онъ смѣшалъ свои цвѣта съ цвѣтами революціи во имя общественной свободы. «Триколоръ», возникшій на развалинахъ Бастильи, послужилъ образцомъ для трехцвѣтныхъ знаменъ итальянской и германской національностей.

Почти полвѣка прошли въ борьбѣ соединенныхъ идей общественной свободы и національности съ правительствами, пока въ Туринѣ и въ Берлинѣ не явились два политика, которые нашли, что «идея національностей» годна на государственное дѣло. «Идея національностей» была вызвана изъ опалы; Кавуръ, а по примѣру его и Бисмаркъ, усвоили себѣ національную кокарду, и результатами были: почти законченное единство Италіи и близкое къ завершенію объединеніе Германіи.

Можно ли не одобрить того, что̀ произошло такъ естественно? Нѣтъ, единый итальянскій народъ и единый народъ германскій имѣли право выразиться въ государственной формѣ. Но національность у нихъ не была принципомъ политическимъ, точно также и у насъ, въ Россіи, какъ въ Италіи, и въ Германіи, государство русское есть больше, чѣмъ національный принципъ, это — фактъ несомнѣнный, не нуждающійся ни въ какомъ доказательствѣ, который требуется для принципа.

Мы сказали выше, что русская національность, представила сильный, прочный матеріалъ для созданія государства. Она продолжаетъ быть могучимъ элементомъ объединенія, и въ этомъ — первенствующее ея значеніе въ государствѣ, отсюда должны вытекать всѣ послѣдствія внутренней политики. По голой теоріи, государству нѣтъ дѣла до національности, точно также, какъ до религіозныхъ вѣрованій. Законъ не долженъ знать объ этихъ различіяхъ, какъ онъ не знаетъ о философскихъ убѣжденіяхъ равныхъ передъ нимъ гражданъ или о ихъ вкусахъ въ искусствахъ. Но практическая политика обращаетъ вниманіе на свойства государственныхъ матеріаловъ — національностей — и дѣлаетъ между ними различіе. Въ Россіи русская національность составляетъ, во-первыхъ, огромное большинство гражданъ; а потому ея языкъ долженъ быть преобладающимъ во всѣхъ частяхъ имперіи, какъ языкъ государственный. Во-вторыхъ, этотъ элементъ, создавшій государство, представляетъ самый надежный въ немъ источникъ жизни. Отсюда истекаетъ необходимость предпочтенія въ Россіи и русскому языку и всѣмъ русскимъ особенностямъ. Вѣра народа русскаго есть вѣра огромнаго большинства гражданъ.

Гдѣ границы этого предпочтенія — это можетъ указать только тактъ; въ теоріи могутъ быть строгія разграниченія, въ законахъ твердыя положенія, — но въ практической политикѣ, тактъ — единственный указатель и единственное мѣрило. Само собою разумѣется,

что здѣсь прежде всего приходится соображаться съ первымъ интересомъ государства, съ его самосохраненіемъ, цѣлостью. Въ виду этого интереса приходится даже въ значительной степени нарушать равноправность въ ущербъ какой либо національности. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подобныя мѣры могутъ быть только временныя; — временность — неизбѣжное условіе политическихъ мѣръ, отклоняющихся отъ гражданской равноправности.

Итакъ — говоримъ теперь независимо отъ временныхъ положеній — въ русскомъ государствѣ могутъ существовать всякія національности, въ смыслѣ національныхъ разновидностей, но народность въ русскомъ государствѣ опредѣляется единственно принадлежностію къ нему. Русская народность, государственная народность одна можетъ существовать въ Россіи, ея граждане составляютъ русскій народъ. Всякое стремленіе какой либо національности обратиться въ народность, стремленіе поляковъ или нѣмцевъ, или казанскихъ татаръ заставить себя признать въ Россіи *какъ народъ* — есть посягательство на цѣлость русскаго государства. И замѣтимъ, что при этомъ почти все равно, будетъ ли такая національность стремиться къ тому, чтобы оторваться отъ русскаго государства, или будетъ ли она предъявлять притязанія на то, чтобы быть въ Россіи отдѣльнымъ народомъ. Обособленіе какъ и отпаденіе посягаетъ на государственное единство.

Мы обыкновенно представляемъ такое государство, какъ Францiя, вполнѣ единымъ, въ смыслѣ національности, и исключаемъ развѣ только Эльзасъ; но въ Бретани, народныя массы говорятъ языкомъ, столько же близкимъ къ французскому, на сколько близокъ къ русскому—языкъ массъ въ остзейскихъ провинціяхъ. Тѣмъ не менѣе, Бретань на столько же Францiя, на сколько Францiею можно назвать Парижъ, и жители Бретани—бретонцы, но они тѣмъ не менѣе французскій народъ.

Бросимъ краткій взглядъ на внутреннія наши отношенія по такъ-называемымъ національнымъ вопросамъ. Начнемъ съ Финляндіи.

Финляндія соединена съ имперіею только въ томъ смыслѣ, что она не иностранное государство. Это единственная *реальная* связь Финляндіи съ Россіею. Во всемъ остальномъ, связь этой страны съ нами — чисто-личная, въ особѣ общаго государя. Финляндія имѣетъ не только административную и финансовую автономію, и отдѣльное войско, но и самостоятельную законодательную власть, въ которой принимаетъ участіе сеймъ. Финляндія даже имѣетъ собственныхъ консуловъ. Послѣдній сеймъ, котораго сессія закрыта въ началѣ прошлаго лѣта, отвергъ предложенный ему правительствомъ законъ о печати, и законъ этотъ не получилъ окончательной силы. Въ тронной рѣчи, которую прочелъ генералъ-губернаторъ, выражалось «сожалѣніе касательно возникшихъ по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ недоразумѣній», и

правительственный проектъ закона о печати обнародованъ вмѣстѣ съ декретомъ о закрытіи сейма, но только въ видѣ временной мѣры, а не закона. Можно пожалуй сказать, что Финляндія думаетъ быть болѣе независимою отъ Россіи, чѣмъ Венгрія отъ Австріи. Въ самомъ дѣлѣ, венгерскій сеймъ посылаетъ делегацію отъ себя для соисканія по нѣкоторымъ общимъ дѣламъ съ делегаціею сейма австрійскаго. Въ Финляндіи же ни одно дѣло, подлежащее рѣшенію сейма, не можетъ быть рѣшено окончательно внѣ его. Даже нашъ рубль ходитъ въ Финляндіи, по курсу, и принятіе его не обязательно. При такомъ положеніи дѣлъ, Финляндія представляется *государствомъ*, правда, связаннымъ съ имперіею, но все-таки государствомъ, и финскую національность въ предѣлахъ этой страны приходится признавать финляндскою народностью. Пока будутъ сохраняться внутреннія отношенія между составными частями населенія Финляндіи, раздѣленной между финскимъ и шведскимъ языкомъ, такая автономія страны будетъ служить порукою за прочность ея связи съ нами.

Извѣстно, что большинство финскаго народа не хочетъ и слышать инсинуацій о возвращеніи къ Швеціи. И въ настоящее время политика въ Финляндіи наконецъ стала опираться на прочную основу—финскій народъ, а не на тотъ мѣстный элементъ, который усвоилъ себѣ шведскій языкъ и шведскіе нравы.

Положеніе царства польскаго, при присоединеніи его къ имперіи, было установлено на сходныхъ съ этими началами. Мы не станемъ напоминать подробно, какимъ образомъ это положеніе измѣнилось. Національная вражда поляковъ къ русскому государству привела къ новому завоеванію царства. События 1831-го года уничтожили прежнія обязательства. Послѣ завоеванія представился вопросъ, какое положеніе дать этому краю, и признано было полезнымъ объединеніе, уничтоженіе автономіи. Въ нынѣшнемъ году уничтоженъ совѣтъ управленія царствомъ и всѣ дѣла его переданы въ учредительный комитетъ, который самъ будетъ дѣйствовать только до окончанія реформъ, которыя на него возложены. Мѣстныя управленія по разнымъ отраслямъ хозяйства и администраціи уже отмѣнены, казначейство слито съ казначействомъ имперіи, правительственныя коммисіи, кромѣ коммисіи внутреннихъ дѣлъ и ликвидаціонной уничтожены, и порученныя имъ части управленія подчинены центральной администраціи въ имперіи.

Осталось еще названіе царства польскаго и намѣстничество въ немъ. Но по слухамъ, уже въ близкомъ времени подготовляется полное сліяніе этаго края съ имперіею и уничтоженіе всѣхъ его административныхъ особенностей, автономій, которыя мятежомъ были обращены въ орудіе противъ Россіи.

Въ отношеніяхъ нашихъ къ польской національности вообще те-

перь уже кажется наступилъ моментъ, когда обоюдныя страсти достаточно улеглись и можно серьезно подумать о взаимномъ примиреніи. Поляки должны примириться съ Россіею уже вслѣдствіе постигшаго ихъ громаднаго разочарованія относительно западной Европы. Но этого мало. Классы духовный, дворянскій и ремесленный, которые были дѣятелями революціи, убѣдились, что масса самого польскаго народа не идетъ за ними. Сельское населеніе въ царствѣ, получивъ отъ русскаго правительства то, что напрасно обѣщали помѣщики, чѣмъ манили революціонеры, высказало во время самаго мятежа преданность правительству. О западно-русскомъ краѣ и говорить нечего. Здѣсь мятежъ, имѣя положительно противъ себя массу народа, былъ совсѣмъ безсиленъ, и прекращеніе его стоило мѣстной администраціи, быть можетъ, не столь громаднаго труда, какъ то многіе предполагаютъ. Лицъ, прикосновенныхъ къ мятежу въ западномъ краѣ было дѣйствительно очень много, такъ какъ существовала обширная революціонная организація; но результаты ея усилій были самые жалкіе. Ее однакоже слѣдовало открыть и наказать виновныхъ. Самые фанатическіе поляки должны теперь сознаться, что въ ихъ мятежныхъ мѣрахъ было много декораціоннаго и театральнаго; но мы не имѣемъ надобности, укротивъ мятежъ, подражать его пріемамъ. и полагаемъ потому, что запрещеніе употребленія польскаго языка не можетъ быть отнесено къ числу мѣръ дѣйствительныхъ, или примирительныхъ. Пруссія въ Познани никогда не дѣлала усилій въ этомъ смыслѣ, и ея вліяніе оттого нисколько не пострадало.

Да и вообще, чѣмъ скорѣе будетъ снято съ западнаго края исключительное его положеніе, тѣмъ скорѣе будетъ онъ поставленъ въ положеніе нормальное. Подъ нормальнымъ же положеніемъ мы разумѣемъ уравненіе этихъ губерній съ остальными русскими губерніями и, между прочимъ, подготовленіе ихъ къ скорѣйшему принятію судебной и земской реформъ.

Поводъ къ этому можетъ дать примѣненіе одного изъ постановленій указа 10 декабря 1865 года объ обязательной продажѣ въ руки лицъ русскаго происхожденія имѣній въ западномъ краѣ, принадлежащихъ тѣмъ лицамъ, которыя высланы изъ края административнымъ распоряженіемъ, съ наложеніемъ на ихъ имѣнія секвестра. Въ указѣ этомъ постановлено, что по истеченіи льготнаго времени непроданныя добровольно имѣнія имѣютъ быть проданы съ аукціона. Добровольная продажа положительно не состоялась, и въ настоящее время имѣнія эти должны быть продано съ торговъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мысль о возможности отмѣны указа 10 декабря могла играть роль въ бездѣйствіи, обнаруженномъ польскими помѣщиками относительно полюбовной продажи имѣній русскимъ. По крайней мѣрѣ газетныя корреспонденціи изъ западнаго края постоянно

утверждали это. Что такіе слухи распространялись, это видно и изъ циркуляра, которымъ главный начальникъ сѣверо-западнаго края объявлялъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, неизмѣнное намѣреніе правительства привесть въ исполненіе указъ 10 декабря. Къ составленію списка, описаній и оцѣнкѣ имуществъ, имѣвшихъ подлежать продажѣ было приступлено заранѣе, такъ-что теперь эти имѣнія должны продаваться безостановочно, въ силу высочайшаго повелѣнія 21 октября о немедленной продажѣ съ публичнаго торга, въ январѣ 1868 года, имѣній, не отчужденныхъ къ тому времени самими владѣльцами. Недавно газета «Кіевлянинъ» заявляла, что въ послѣднее время «нѣкоторые владѣльцы убѣдились, что русское правительство съумѣетъ выдержать одинъ и тотъ-же взглядъ на польское дѣло втеченіе двухъ лѣтъ, а потому торопятся пріискивать покупателей» .«Кіявлянинъ» дѣлалъ предположеніе, что вслѣдствіе того быть можетъ будетъ продано нѣсколько имѣній до 10 декабря.

Такимъ образомъ, положено будетъ начало укорененію русскаго элемента въ землевладѣніи. Въ губерніяхъ сѣв.-запад., это въ политическомъ отношеніи всего важнѣе. Но въ какомъ размѣрѣ обязательная продажа имѣній привьетъ къ сѣверо-западному краю русскій элементъ? Отвѣтъ на это — въ оффиціальной цифрѣ высланныхъ изъ этого края землевладѣльцевъ, сообщенной въ «Сѣверной Почтѣ»: такихъ лицъ приходится всего 578! Вотъ почему водвореніе русскаго элемента въ западномъ землевладѣніи должно имѣть еще другія средства. Въ рукахъ правительства находятся имѣнія конфискованныя; право передачи имѣній польскихъ помѣщиковъ ограничено только однимъ наслѣдственнымъ путемъ; наконецъ, правительство предназначило фондъ въ 5 милліоновъ рублей для вспомоществованія ссудами русскимъ пріобрѣтателямъ имѣній въ западномъ краѣ. Конфискованныя имѣнія необходимо скорѣе передать въ частныя руки потому, что при нынѣшней системѣ они окончательно разстроятся. Они теперь отдаются въ аренду на годовой срокъ. Понятно, что при такой системѣ нельзя ожидать ни улучшенія, ни вообще поддержанія хозяйства. Арендная же плата въ нихъ понизилась именно вслѣдствіе конфискаціи. По словамъ одной корреспонденціи «Москвы», въ Минскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ она упала со дня конфискаціи, съ 10 до 3 рублей за десятину пашни. Конфискованныя имѣнія лучше всего было бы передать въ руки крестьянъ, гдѣ это возможно. Въ «Кіевлянинѣ» заявлено было, что крестьяне одного имѣнія г. Молодецкаго просили начальство о выдачѣ имъ свидѣтельства на допущеніе ихъ къ публичному торгу. Къ сожалѣнію, слышно, что представились нѣкоторыя препятствія. Между тѣмъ переходъ имѣній въ руки мѣстныхъ крестьянъ — наиболѣе желательное явленіе. Относительно имѣній кон-

фискованныхъ, это — единственная мѣра, которою можно остановить ихъ разореніе.

Вопросъ объ обрусеніи западнаго края по справедливости привлекаетъ усиленное вниманіе нашей печати. Но онъ не всегда, къ сожалѣнію, разсматривается съ надлежащею искренностью. Такъ, достаточно было, чтобы кто-нибудь представилъ проектъ желѣзной дороги въ западномъ краѣ, чтобы тотчасъ на него съ отчаяніемъ напали, донося, что это дѣло «польской интриги». Такова была исторія съ балтско-черновицкою дорогою, пинско-бѣлостокскою, наконецъ съ недавней просьбою о концессіи на желѣзную дорогу изъ Бѣлостока съ Кенигсбергомъ, или собственно говоря съ Лыкомъ. Между тѣмъ, предложенія эти исходили даже не отъ поляковъ, а отъ гг. Офенгейма, графа Витгенштейна, Штроуберга и графа Ленсдорфа. Съ ожесточеніемъ нападали на лыцко-бѣлостоцкую дорогу, видя въ ней возобновленіе прежняго польскаго проекта и «глумленіе надъ русскимъ обществомъ». Между тѣмъ, правительство не можетъ же, въ угоду чьимъ-нибудь заднимъ мыслямъ, *запрещать* полезныя предпріятія въ краѣ, который всѣ мы признаемъ русскимъ. И вотъ комитетъ, разсматривающій концессіи частнымъ обществамъ на построеніе желѣзныхъ дорогъ, какъ слышно, согласился на предложеніе г. Штроуберга и графа Ленсдорфа, обязывающихся построить желѣзную вѣтвь между Бѣлостокомъ и Лыкомъ, *на свой страхъ*. Хороша *польская интрига* предлагаемая флигель-адъютантомъ его величества короля прусскаго (графъ Ленсдорфъ) и вспомоществуемая, какъ говорятъ, даже гарантіею отъ прусскаго правительства! Хороши и тѣ политики, которые хотятъ усвоить окончательно край Россіи, отказывая ему даже въ позволеніи на предпріятія нужныя для развитія его промышленности! Не одинъ такой промахъ сдѣлали эти предлагатели медвѣжьихъ услугъ русскому дѣлу въ западномъ краѣ, или, какъ справедливо назвали ихъ «Московскія Вѣдомости», люди, «кипятящіеся ревностью о *русскомъ дѣлѣ*».

Независимо отъ административныхъ мѣръ, прямо направленныхъ къ обрусенію западнаго края, важнымъ залогомъ его преданности и средствомъ къ скрѣпленію нераздѣльности съ Россіею и этого края и нынѣшняго царства польскаго служитъ освобожденіе и улучшеніе быта сельскаго класса. Главная наша сила въ западномъ краѣ и въ царствѣ будетъ все-таки не въ переселившихся изъ Россіи новыхъ землевладѣльцахъ, а въ массѣ народа. Улучшеніе быта сельскаго класса создастъ и въ западномъ краѣ и въ царствѣ тотъ элементъ, котораго недоставало польскому государству — національное среднее сословіе и это-то сословіе, вызванное Россіею, будетъ вполнѣ предано русскому правительству. Среднее сословіе — политическій элементъ огромной важности.

Мѣсто его занимаютъ теперь евреи. И мы видимъ, что со времени

подавленія мятежа, евреи сдѣлались положительно классомъ, преобладающимъ и въ западныхъ губерніяхъ и даже въ царствѣ. Но евреи, оставаясь элементомъ обособленнымъ, никогда не могутъ получить въ западно-русскомъ краѣ того нравственнаго значенія, какое имѣло бы мѣстное русское и въ царствѣ польскомъ новое польское среднее сословіе. Оно одно можетъ вырвать преобладаніе изъ рукъ дворянства, въ которомъ проявлялась вражда къ Россіи. Оно, произойдя изъ облагодѣтельствованнаго правительствомъ народа, не можетъ не быть предано русскому государству. Особенно въ западномъ краѣ, необходимо было бы способствовать даже спеціальными мѣрами образованію такого сословія, изъ мѣстнаго русскаго народа. Для этого, открывъ евреямъ полный доступъ во всѣ губерніи Россіи, не мѣшало бы даже предоставить нѣкоторыя льготы мѣстнымъ ремесленникамъ и промышленникамъ изъ великорусскаго, западно-русскаго и литовскаго населенія. Само собою разумѣется, что мы не рекомендуемъ ни малѣйшаго насилія противъ евреевъ, которые до сихъ поръ были насильственно такъ-сказать привязаны къ польскимъ панамъ; напротивъ, евреи, принадлежа Россіи, должны естественно жить во всей той странѣ, которой они принадлежатъ. Вообще, чѣмъ меньше будетъ насилія, тѣмъ менѣе временный характеръ будутъ имѣть политическія мѣры къ укрѣпленію за Россіею принѣманскаго, заднѣпровскаго и привислинскаго краевъ и къ созданію тамъ прочнаго политическаго порядка, на началахъ равенства и примиренія.

Въ русскомъ обществѣ и русской печати нерѣдко, къ сожалѣнію, замѣчаютъ признаки непріязни къ нѣмцамъ. Непріязнь эта отчасти происходитъ отъ всѣмъ извѣстныхъ причинъ историческихъ: былъ періодъ нашей исторіи, въ которомъ Бироны, Минихи, Остерманы и ихъ клевреты тяжело ступали по головамъ русскаго народа, для проложенія себѣ необыкновенной карьеры. Отчасти нелюбовь къ нѣмцамъ можетъ объясняться историческою борьбою расъ, отчасти, наконецъ — скажемъ прямо — и завистью къ несомнѣнному превосходству нѣмцевъ надъ нами во многихъ отношеніяхъ. Какъ бы то ни было, но общаго «нѣмецкаго» вопроса у насъ быть не можетъ. Въ своемъ общемъ видѣ онъ тотчасъ разрѣшается двумя практическими правилами: подражать нѣмцамъ въ томъ, чѣмъ они насъ превосходятъ, и не оказывать нѣмецкой національности предпочтенія въ государственной службѣ.

Но недавно возникъ мѣстный нѣмецкій вопросъ, вопросъ прибалтійскій. Нѣмцы, живущіе въ прибалтійскомъ краѣ и составляющіе тамъ такое же меньшинство, какъ поляки въ западномъ краѣ, столь же мало имѣютъ права навязывать свой языкъ всему населенію, столь же мало имѣютъ права противиться введенію русскаго языка въ переепискѣ казенныхъ мѣстъ. Представьте себѣ, что какой нибудь безумный

польскій фанатикъ потребовалъ бы, чтобы вся оффиціальная переписка въ западномъ краѣ происходила на польскомъ языкѣ. Это теперь кажется чудовищной нелѣпостью. А между тѣмъ, совершенно тоже самое защищаютъ въ краѣ прибалтійскомъ ревнители германизма. Но нѣмцы всегда были вѣрны Россіи, а поляки были мятежники, возражаютъ нѣмцы. Это правда, но за то же никто и не предлагаетъ чтобы противъ нѣмцевъ были приняты такія мѣры, какія были приняты относительно поляковъ въ западномъ краѣ. Весь вопросъ въ томъ, долженъ ли языкъ государственный быть языкомъ администраціи въ трехъ губерніяхъ Россіи, гдѣ просто живутъ нѣмцы? Отвѣтъ можетъ быть только утвердительный.

Но этимъ не ограничится современемъ прибалтійскій вопросъ. Нѣмцы сами, вѣроятно, не придали бы такого значенія введенію русскаго языка въ администрацію, если бы они не видѣли въ томъ (совершенно неосновательно покамѣстъ, и къ сожалѣнію) посягательства на завѣтныя свои феодальныя привилегіи. На эти привилегіи и обязательную силу ихъ нѣмцы постоянно ссылаются. Между тѣмъ, эти привилегіи, какъ тягостныя для большинства мѣстнаго населенія, какъ подчиняющія крестьянскую общину полицейской власти помѣщика, какъ ограничивающія пользованіе нисшихъ сословій голосомъ въ мѣстномъ самоуправленіи и даже исключающія ихъ отъ сеймовъ, — должны быть отмѣнены, и сила обстоятельствъ, логика соотношенія съ Россіею заставитъ отмѣнить ихъ.

Но какъ же отмѣнить то, что̀ обѣщано на вѣчныя времена и на основаніи чего присоединенъ къ Россіи край? спрашиваютъ нѣмцы. Кто же его присоединилъ? Если одни нѣмцы, то какое же право они имѣли дѣйствовать отъ имени большинства и выговаривать для него, отъ его имени, вѣчность тягостныхъ условій? Въ присоединеніи края играли роль тогдашнія нѣмецкія власти; онѣ однѣ предъявляли условія, но ихъ уже нѣтъ. Притомъ, замѣтимъ, что при самомъ присоединеніи прибалтійскаго края, особыя права его оставлены были ему, на сколько они не противорѣчатъ общимъ постановленіямъ.

Законъ 8-го января 1850 года предписалъ введеніе дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ въ казенныхъ присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскихъ губерній. Но исполненъ этотъ законъ не былъ, пока нынѣшнимъ лѣтомъ правительство не озаботилось энергически приведеніемъ его въ исполненіе.

Государь, возвращаясь нынѣшнимъ лѣтомъ изъ-за границы, въ Ригѣ, напомнилъ, что прибалтійскіе граждане принадлежатъ къ единой русской землѣ и образуютъ нераздѣльную часть Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, государь упомянулъ, что онъ ожидаетъ содѣйствія этихъ гражданъ «въ исполненіи тѣхъ мѣръ и реформъ, которыя онъ изволитъ» считать необходимыми и полезными для края.

Введеніе русскаго языка и до сихъ поръ, на сколько можно судить изъ корреспонденцій русскихъ газетъ, идетъ неуспѣшно. Такъ, корреспондентъ «Москвы» заявлялъ, что возбужденъ вопросъ: слѣдуетъ ли въ коронныхъ мѣстахъ вести на русскомъ языкѣ только переписку или все дѣлопроизводство. Тотъ же корреспондентъ сообщилъ, что въ Ригѣ и Ревелѣ ходила по рукамъ копія съ представленія ревельскаго магистрата главному начальнику края, по поводу полученной отъ него русской бумаги. Магистратъ представлялъ, по-нѣмецки, что хотя предложеніе, полученное имъ на русскомъ языкѣ и не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, но имѣетъ «весьма важное историческое значеніе» и т. д., слѣдовала ссылка на привилегіи шведскаго и акты русскаго правительства.

Вопросъ о введеніи русскаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ вызвалъ жестокую полемику между русскими и прибалтійскими газетами, полемику на которую стали откликаться и газеты нѣмецкія за границей. Тогда появилась въ «Сѣверной Почтѣ» статья, которая въ одно время и порицала увлеченія газетной полемики, и заявляла, что законъ 1850 года долженъ быть въ балтійскихъ губерніяхъ исполненъ, и объясняла, что правительство не намѣрено преслѣдовать не только нѣмецкаго языка, но и прочимъ туземнымъ языкамъ готово оказать покровительство (замѣчаніе, нелишенное значенія), и наконецъ сообщила, что правительство не предпринимаетъ уничтоженія «всѣхъ особенностей» края. Удивительно, что эту статью «Москва» истолковала какъ полное подтвержденіе своего мнѣнія о балтійскомъ вопросѣ, а «St. Petersburger Zeitung» — какъ оправданіе своихъ выраженій.

«Московскія вѣдомости», разбирая тотъ же вопросъ, указали на напечатанное въ «Курляндскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ главному начальнику края, отъ 28 минувшаго октября, сообщенное генералъ-губернаторомъ курляндскому губернатору. Въ этомъ отношеніи сообщалось высочайшее повелѣніе, чтобы относительно пріобрѣтенія имѣній въ западномъ краѣ, на основаніи указа 10 декабря 1865 года, уроженцы прибалтійскихъ губерній были считаемы въ числѣ тѣхъ, которымъ въ этомъ указѣ дано названіе «лицъ русскаго происхожденія». Замѣтимъ, что статья «Московскихъ вѣдомостей» съ этою цитатой была перепечатана въ «Сѣверной Почтѣ». Замѣтимъ также, что нѣкоторая непріязнь къ нѣмцамъ возбуждалась въ русскомъ обществѣ именно тѣмъ, что нѣмцы всегда спѣшили воспользоваться правами русскаго происхожденія тамъ, гдѣ это было для нихъ выгодно, но отказывались отъ солидарности съ той національностью, къ которой приравнивались такимъ образомъ. Но не будемъ напоминать про непріязнь, которая должна исчезнуть, какъ скоро того захотятъ сами нѣмцы, т. е. нѣмецкая часть населенія городовъ въ остзейскомъ краѣ.

Прибалтійскій вопросъ неограничился поприщемъ газетной полемики. Прусскій депутатъ Лёве возбудилъ его въ прусской палатѣ. Онъ выставлялъ между прочимъ «притѣсненіе» нѣмцевъ введеніемъ русскаго языка. Графъ Бисмаркъ, въ своемъ отвѣтѣ, очень ловко лавировалъ между необходимостью, или отречься отъ «нѣмецкаго дѣла» въ балтійскомъ краѣ—что́ было бы непопулярно, или вступить въ неудобныя для дипломата заявленія. Поэтому, онъ глухо сказалъ, что нѣмцы составляютъ меньшинство какъ 1 къ 1,000 сравнительно съ эстами, финнами, русскими и *другими*. Г. Бисмаркъ не сказалъ, что нѣмцы составляютъ незначительное меньшинство въ остзейскомъ краѣ: это было бы отреченіе. Онъ имѣлъ въ виду населеніе всей имперіи, но выразился такъ, что всякъ могъ толковать его слова по своему.

Г. Бисмаркъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что г. Лёве поднялъ этотъ вопросъ и, сходя съ трибуны (а не на трибунѣ, такъ онъ однако остороженъ), сказалъ, что онъ знаетъ отъ самихъ остзейцевъ, что они не желаютъ, чтобы этотъ вопросъ былъ предметомъ преній прусскаго сейма. Мы можемъ смѣло прибавить къ этому заявленію, что то сословіе, которое въ остзейскомъ краѣ наиболѣе держится за свои привилегіи, не могло бы помышлять о присоединеніи къ Пруссіи, даже если бы оно не было—какъ мы убѣждены—вполнѣ предано Россіи. Дѣло въ томъ, что первымъ послѣдствіемъ присоединенія къ Пруссіи было бы уничтоженіе привилегій и тѣлеснаго наказанія крестьянъ помѣщиками, въ томъ числѣ. Подобные феодальныя права существуютъ для нѣмецкихъ дворянъ только въ Мекленбургѣ и въ Россіи; въ Пруссіи, они существовать не могутъ.

Вотъ все, что мы нашли необходимымъ высказать, дѣлая нынѣшній разъ вступленіе въ свою ежемѣсячную хронику. Но и въ самой хроникѣ, впослѣдствіи, мы будемъ избавлять читателя отъ перечня пережитыхъ и перечитанныхъ имъ ежедневныхъ событій; названіе вещей мы будемъ всегда предполагать извѣстнымъ; наша обязанность указывать ихъ внутреннюю связь, причины и предполагаемыя послѣдствія. Мы не откажемся и отъ полемики, но только подъ условіемъ, если она поведетъ къ разъясненію вопроса, чтобы, въ противномъ случаѣ, не пришлось намъ когда нибудь повторить сожалѣніе одной изъ прежнихъ редакцій «Вѣстника Европы, а именно, что она недостаточно охраняла свой журналъ «отъ сваръ и хлопотъ полемическихъ»....

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Берлинъ, 24-го декабря 1867.

М. Г. Охотно принимаю вызовъ редакціи доставлять время-отъ-времени читателямъ »Вѣстника Европы» обзоры разнообразныхъ явленій, въ которыхъ выражается движеніе національной жизни Германіи; но я прошу прежде всего позволенія высказаться, какимъ образомъ понимаю ту задачу, которую беру теперь на себя. Меня спросятъ, какъ я намѣренъ поставить себя въ отношеніи политики?—Наука и искусство, конечно, уже по своей сущности преимущественно космополитичны, — но въ политическихъ дѣлахъ самая строгая объективность не въ состояніи воспрепятствовать тому, чтобы, въ виду переживаемыхъ событій, мы не приняли той или другой стороны, *pro* или *contra*. Можно поставить затѣмъ и другой вопросъ: въ какой степени послѣдовательное изображеніе нѣмецкой политики можетъ интересовать русскаго читателя. Наша нѣмецкая политика не окружена тѣмъ ореоломъ, который блеститъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, надъ головою Франціи и Англіи: нѣмецкая политика является иностранцу запутанною, мелочною, тревожною. Конституціонная борьба, которую у насъ ведутъ съ горячностью между трибуною ораторовъ и скамьею министровъ, не представляетъ ничего новаго: вопросы, раздѣляющіе противниковъ, въ теоріи давно разрѣшены, и казалось бы всего проще примѣнить положенія, выработанныя теоріею, къ даннымъ случаямъ. Но—Was darüber ist, ist vom Uebel,—говоритъ нѣмецкая пословица, которую можно комментировать русскою поговоркой: «Чужое добро въ прокъ нейдетъ!» Между тѣмъ, непониманіе этого простого принципа народной мудрости много повредило конституціонному дѣлу во Франціи и въ Германіи, хотя, впрочемъ, въ Германіи начинаютъ отказываться отъ прежнихъ заблужденій. Никто не сочтетъ теперь за особенное счастье, и даже не найдетъ возможнымъ, распространять на весь міръ образцовыя англійскія учрежденія, именно потому, что только тѣ политическія формы могутъ дѣйствовать благотворно, могутъ пускать корни и приносить плоды, которые вполнѣ выходятъ изъ народнаго духа и изъ исторіи народной. Все это нисколько не мѣшаетъ политику прилежно изучать учрежденія и исторію другихъ государствъ, лишь бы онъ не задавался мыслью о непосредственномъ примѣненіи у себя изученныхъ имъ учрежденій или опытовъ, почерпнутыхъ изъ исторіи; а помимо того, для него должно быть интересно всякое развитіе народной жизни, и притомъ не съ точки зрѣнія его пространственности, а именно — его содержанія. Для естествоиспытателя былинка, растоптанная ногою путника, не маловажнѣе кедра.

Пусть Гиббонъ изобразилъ намъ картину цѣлаго міра, и Маккіавели— крошечную городскую республику: историческое содержаніе одинаково важно и въ томъ, и въ другомъ случаѣ.

Нынѣшнія событія въ Германіи, несмотря на то, что въ нихъ нѣтъ ничего величественнаго, ни шумнаго, заслуживаютъ все-таки, какъ мнѣ кажется, вниманія тѣхъ, кто интересуется развитіемъ новыхъ политическихъ формацій. Интересъ, ими возбужденный, заключается въ томъ, что передъ вами происходитъ опытъ государственнаго преобразованія и прочнаго объединенія Германіи, возможность котораго обусловлена пока прошлогоднею войною,—и этотъ опытъ тѣмъ интереснѣе, что не смотря на то въ немъ стремятся достигнуть своей цѣли безъ принужденій и насилій, посредствомъ общей дружной дѣятельности значительнаго числа правительствъ и съ содѣйствіемъ народа, а цѣлью служитъ созданіе совершенно новаго союзнаго устройства (нынѣшній сѣверо-германскій союзъ созданъ не въ подражаніе прежнему германскому союзу и не имѣетъ ничего общаго ни съ сѣверо-американскимъ союзомъ, ни съ швейцарскимъ), съ сохраненіемъ какъ различныхъ самостоятельныхъ государей, такъ и особенностей различныхъ населеній. Въ ходъ пущено чрезвычайно много силъ; политическія и парламентскія стремленія возбуждены въ крайней степени; въ борьбѣ проявляется обиліе политическихъ и научныхъ пріемовъ, и это обиліе переходитъ нерѣдко въ тягостный излишекъ.

Результаты прошлогодней войны изумили самого графа Бисмарка. Изъ заявленій, сдѣланныхъ имъ въ союзномъ засѣданіи 14-го іюля, видно, что его первоначальное намѣреніе не простиралось далѣе простого преобразованія союза, которое дало бы Пруссіи возможность достигнуть того, къ чему стремилась прусская политика уже съ 1849—50 годовъ до самой ольмюцкой катастрофы. Роковое упорство ганноверскаго короля и гессенскаго курфирста, не желавшихъ принять предложеніе прусскаго короля, обѣщавшаго сохраненіе ихъ троновъ (если эти государи останутся нейтральными въ войнѣ между Австріею и Пруссіею), побудило Пруссію включить въ свои владѣнія какъ Ганноверъ, такъ и Гессенъ-Кассель. Но кромѣ этихъ земель, въ составъ Пруссіи вошелъ Шлезвигъ-Голштейнъ, Нассау и Франкфуртъ-на-Майнѣ. Такое расширеніе Пруссіи на счетъ другихъ нѣмецкихъ земель возбудило во всѣхъ остальныхъ, еще не пріобщенныхъ нѣмецкихъ государствахъ, опасеніе за свою самостоятельность, и подало поводъ ко французскому вмѣшательству, желавшему провести пресловутую майнскую линію. Приверженцы бисмарковской политики уже въ то время смотрѣли на это вмѣшательство, какъ на серьезную опасность, а противники ея — какъ на начало безконечнаго дѣленія Германіи. Но Бисмаркъ постарался между тѣмъ перекинуть мосты и черезъ майнскую линію. Когда южно-германскія государства, предостав-

ленныя Австріею собственнымъ силамъ, побитыя во всѣхъ сраженіяхъ, разъединенныя между собою и другъ другомъ недовольныя, сознали необходимость войти съ Пруссіею въ отдѣльныя примирительныя сдѣлки, послѣдняя поступила съ ними великодушно. Она объявила имъ, что не желаетъ расширять своей территоріи и готова поступиться даже баварскимъ Байрейтомъ, столь долго находившимся подъ властью Гогенцоллерновъ и занятомъ въ то время прусскою арміею, одержавшей побѣду. Такая хорошо разсчитанная снисходительность обворожила даже фонъ-деръ-Пфордтена, этого стараго противника Бисмарка: въ признательность за безкорыстіе, Пфордтенъ назвалъ графа «истымъ нѣмцемъ». Но безкорыстіе было не безцѣльно. Одновременно съ мирными договорами, между Пруссіею и каждымъ изъ южно-германскихъ государствъ заключены были тайные договоры о взаимномъ союзѣ, обязавшіе ту и другую сторону стоять другъ за друга въ случаѣ какой либо войны, при чемъ южно-германскія войска должны поступить подъ начальство прусскаго главнокомандующаго. Эти договоры оставались неизвѣстными впродолженіи почти девяти мѣсяцевъ и, при обнародованіи своемъ, возбудили повсюду крайнее изумленіе, но преимущественно во Франціи, гдѣ сочли ихъ даже оскорбительными. Съ того самаго времени началось постоянно возрастающее напряженное состояніе между Франціею и Пруссіею.

Позднѣйшіе историки будутъ, вѣроятно, спорить о томъ, почему Бисмаркъ не отважился, послѣ кенигсгрёцкой побѣды, на войну съ Франціею, чтобы разомъ покончить дѣло германскаго единства. Говорятъ, что генералъ Мольтке, предвидя возможность войны съ Франціею, объявилъ уже въ то время, что 200-тысячная армія можетъ отстоять Рейнъ отъ нашествія французовъ, а военный министръ Роонъ сказалъ, что у него есть въ запасѣ 150 тысячъ солдатъ. Я думаю, что графу Бисмарку подобная мысль и въ голову не приходила, но если приходила, то онъ тотчасъ же отрекся отъ нея. Ставить на карту все выигранное, было дѣломъ черезъ-чуръ отважнымъ. Только время — а не сила — можетъ способствовать дальнѣйшему объединенію Германіи.

Рѣшивъ прежніе споры и обезпечивъ миръ на ближайшее время, слѣдовало приступить къ упроченію новыхъ отношеній. Я не стану излагать въ отдѣльности и хронологическомъ порядкѣ всѣ дальнѣйшія событія, какъ-то: заключеніе союзнаго договора, созваніе сѣверогерманскаго сейма, принятіе союзнаго уложенія (конституцію) сеймомъ и ландтагами отдѣльныхъ государствъ, и т. д., — но мнѣ необходимо указать на основную мысль прусской политики, проявляющуюся во всѣхъ этихъ фактахъ. Это — желаніе внушить союзнымъ правительствамъ довѣріе къ тому, что отъ ихъ верховной власти потребуется только такая жертва, которая необходима для существованія союза и

дружной дѣятельности всѣхъ его членовъ. Относительно этого пункта Бисмаркъ высказался недавно весьма ясно. Прусское правительство заключило съ владѣтельнымъ княземъ Вальдека и Пирмонта договоръ, въ силу котораго Пруссія принимаетъ на себя все управленіе обоими княжествами. Такъ какъ между обоими государствами существуетъ еще военная конвенція, допускающая вальдекскихъ и пирмонтскихъ рекрутъ отдавать въ прусскія войска, то верховная власть, оставшаяся за княземъ, походитъ въ дѣйствительности, какъ говоритъ Лихтенбергъ, на ножикъ безъ клинка. Въ палатѣ предложено было полное присоединеніе княжествъ къ Пруссіи (чего, впрочемъ, просилъ и самъ князь). Но Бисмаркъ рѣшительно отказался отъ этого, ибо, сказалъ онъ, устранить боязнь, что союзныя учрежденія станутъ тисками для раздавливанія мелкихъ государей,— устранить такое опасеніе въ умахъ нашихъ союзниковъ есть долгъ какъ справедливости, такъ и политики. Союзное уложеніе разрушится съ измѣненіемъ числа голосовъ. Голосъ Вальдека не разрушаетъ еще уложенія, но по пути, по которому пошелъ бы Вальдекъ, пошли бы и многіе другіе. Когда же Пруссія достигла бы «натуральнаго» большинства, тогда и остальныя государства тоже перестали бы являться на союзномъ сеймѣ, гдѣ имъ всегда пришлось бы оставаться въ меньшинствѣ.

Эта осторожная политика имѣетъ свое значеніе, особенно для Саксоніи. Саксонское королевство занимаетъ, по величинѣ своей, второе мѣсто въ сѣверо-германскомъ союзѣ; у него есть небольшая, но превосходная армія; наконецъ, по географическому положенію своему, оно весьма важно въ видахъ охраненія союза въ случаѣ войны. Исторія Саксоніи доказываетъ всего очевиднѣе, что единство Германіи достигается съ крайнимъ трудомъ не отъ недостатка воли въ нѣмецкой націи, но оттого, что надъ ея судьбами господствовали нерѣдко роковыя несчастія. Менѣе 200 лѣтъ тому назадъ курфирсты саксонскіе были могущественнѣе своихъ бранденбургскихъ сосѣдей. Во время тридцатилѣтней войны существованіе Бранденбурга не разъ висѣло на одномъ волоскѣ. Великій курфирстъ спасъ свою страну и заложилъ основаніе ея будущему величію. Завистливымъ окомъ смотрѣла Саксонія на возрастающее могущество безпокойнаго, честолюбиваго сосѣда, и оба государства пошли вскорѣ разными путями. Только однажды Пруссія вступила въ союзъ съ Саксоніею, и обѣ вмѣстѣ потерпѣли пораженіе — подъ Іеною. Три раза, въ критическую минуту, Саксонія становилась на сторону враговъ Пруссіи, и три раза Пруссія побѣдила ее: въ Семилѣтнюю войну, въ войну 1813 года, и въ 1866 году. Въ 1814 году, половина Саксоніи присоединена къ Пруссіи,— въ 1866, Саксонія принуждена была пожертвовать значительною долею своихъ верховныхъ правъ. Безумно требовать, чтобы подобныя воспоминанія, отчасти унаслѣдованныя путемъ многихъ поколѣній, от-

части совершенно свѣжія, не оставили глубокихъ слѣдовъ въ душѣ саксонскаго народа. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что часть саксонцевъ, и особенно солдатъ саксонской арміи, исполнена нѣмой, но глубокой ненависти къ Пруссіи. Съ другой стороны, и Пруссія, въ первое время послѣ заключенія мира, возымѣла сильное недовѣріе къ саксонскому двору, вслѣдствіе вступленія Бейста въ управленіе австрійскими дѣлами; — тогда полагали, что онъ все еще продолжаетъ находиться въ тайныхъ сношеніяхъ съ своимъ отечествомъ и съ партіею, враждебною Пруссіи. Но король саксонскій Іоаннъ не одобрялъ анти-прусскихъ агитацій, посредствомъ которыхъ надѣялись выслужиться мѣстные патріоты, и добровольно объявилъ, что онъ намѣренъ придерживаться союзнаго договора съ Пруссіею, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Тогда же состоялось свиданіе между королями Пруссіи и Саксоніи, и отношенія обоихъ правительствъ становились съ тѣхъ поръ все лучше и лучше. До настоящаго времени, оба они занимались союзными дѣлами совершенно согласно, и еще недавно саксонскій король представилъ серьезное доказательство своей вѣрности союзнымъ обязательствамъ, отклонивъ приглашеніе французскаго правительства на конгрессъ. Пруссія цѣнитъ такое поведеніе короля Іоанна весьма высоко, и въ признательность за эту вѣрность вывела изъ Саксоніи, къ концу года, всѣ свои войска, — только въ маленькой крѣпости Кенигштейнѣ осталась одна рота пѣхоты.

Вотъ въ какомъ положеніи находятся теперь дѣла въ Сѣверо-Германскомъ союзѣ. 22-а или 23-и правительства, его образовавшія, пребываютъ въ добромъ и, какъ мнѣ кажется, искреннемъ согласіи; машина, не смотря на свое сложное устройство, работаетъ, сверхъ всякихъ ожиданій, легко и быстро. До сихъ поръ не рѣшено только одно: на сколько результаты ея трудовъ зависятъ отъ самой машины, и на сколько — отъ машиниста. Болѣе тогда, когда ее испытаетъ кто нибудь другой, кромѣ Бисмарка, можно будетъ сказать, хороша ли эта машина сама по себѣ, или она требуетъ рукъ искуснаго мастера. Ловкій охотникъ бьетъ птицу на-лету даже изъ уродливаго, неуклюжаго ружья, а неискусный, и съ изящнымъ *Лефоше*, не попадаетъ въ зайца на пяти шагахъ.

Менѣе удовлетворительны результаты прусской политики въ сношеніяхъ съ южно-германскими государствами, за исключеніемъ Бадена, который готовъ завтра же присоединиться къ Сѣверо-германскому союзу,—и только высшія политическія соображенія принуждаютъ Пруссію отказаться отъ допущенія Бадена въ Союзъ. Но съ тремя другими южно-германскими государствами Пруссія ушла не далеко, хотя торжество здѣшней политики въ дѣлѣ таможеннаго договора и трактата объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ имѣетъ значеніе немаловажное.

Политическій горизонтъ, во второй половинѣ октября, казался мрачнымъ. Во всякомъ случаѣ, свиданіе французской императорской четы съ австрійскою въ Зальцбургѣ не имѣло того значенія, которое старались ему придать слишкомъ усердныя перья. Горячее желаніе императора Наполеона исполнилось однако, и онъ имѣлъ удовольствіе видѣть у себя въ гостяхъ императора Франца-Іосифа, а министръ Бейстъ могъ помѣтить: «Парижъ»—на своемъ циркулярѣ къ австрійскимъ посламъ. На обратномъ пути Францъ-Іосифъ хотѣлъ посѣтить южно-германскихъ государей. Еще прежде, по дорогѣ въ Парижъ, онъ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ, который оставался еще въ Баденѣ. Свиданіе произошло на небольшой станціи желѣзной дороги въ Оосъ и продолжалось менѣе четверти часа;—судя по его кратковременности, ему едва ли можно придавать какое нибудь политическое значеніе. Тотъ фактъ, что императоръ Францъ-Іосифъ отправился въ Парижъ, несмотря на недавнее событіе въ Кверетаро, могъ быть объясненъ, повидимому, только тѣмъ, что между Австріею и Франціею состоялось полное соглашеніе, и что своимъ свиданіемъ они желали объявить объ этомъ передъ глазами цѣлой Европы. Но противъ кого же могло состояться подобное соглашеніе, какъ не противъ Пруссіи и прусскаго созданія, Сѣверо-германскаго союза?

По всему югу пришла въ движеніе партія, враждебная Пруссіи. Эта партія составилась изъ двухъ совершенно различныхъ факторовъ: изъ клерикаловъ и реакціонеровъ, которые видятъ въ Австріи оплотъ противъ современныхъ идей, и соціальныхъ демократовъ, которые ненавидятъ Пруссію, какъ «военное» государство. Эти оба фактора, удерживая за собою свободу дѣйствій въ будущемъ, заключили союзъ ad hoc. Въ послѣднихъ числахъ октября собрались виртембергскій и баварскій парламенты для утвержденія таможеннаго договора съ Пруссіею и вмѣстѣ—вышеупомянутаго трактата объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ. Сѣверо-германскій сеймъ, принимая таможенные договоры, поставилъ однимъ изъ условій своего согласія на нихъ, чтобы они считались нераздѣльными съ договорами политико-военнаго характера. Ратификація таможеннаго договора должна была состояться не позже 31-го октября. Въ Мюнхенѣ, палата депутатовъ приняла таможенный договоръ значительнымъ большинствомъ голосовъ, а оппозиція сосредоточилась въ верхней палатѣ, состоящей частію изъ наслѣдственныхъ, частію изъ пожизненныхъ членовъ, большинство которыхъ принадлежитъ къ высшему дворянству и высшему духовенству. Въ Штутгартѣ, гдѣ палата депутатовъ сложилась на основаніи весьма устарѣлаго и анти-либеральнаго избирательнаго закона, партикуляристы и партія, противная договорамъ съ Пруссіею, были сильнѣе и въ этой палатѣ. Однако большинство и здѣсь выразилось въ пользу договоровъ; верхняя же палата ожидала рѣшенія

изъ Мюнхена. Это рѣшеніе состоялось,— и въ пользу Пруссіи. Сначала баварская верхняя палата хотѣла просто отвергнуть таможенный договоръ, но самое рѣшеніе страдало, какъ говоритъ Гамлетъ, «блѣдностью мысли», и палата приняла договоръ подъ условіемъ, что Баваріи предоставляется право отвергать рѣшенія таможеннаго парламента. Это условіе, разумѣется, не понравилось Пруссіи, ибо она стремилась, какъ на коммерческомъ поприщѣ, такъ и на политическомъ, уничтожить всѣ тѣ *veto*, которыя допускались въ прежнемъ таможенномъ договорѣ (гдѣ имъ пользовался каждый членъ союза) и въ старомъ союзномъ уложеніи, гдѣ требовалось единодушное согласіе всѣхъ членовъ всякій разъ, когда рѣшался вопросъ нѣкоторой важности. Когда баварскій министръ-президентъ, князь Гогенлоэ, поспѣшилъ попытаться—не согласится ли Пруссія принять рѣшеніе верхней палаты—здѣшнее правительство отказалось на отрѣзъ. Этотъ отказъ оказался бы, можетъ быть, не въ состояніи побѣдить упорство мюнхенской верхней палаты, если бы агитація въ пользу договоровъ не приняла не только въ Мюнхенѣ, но и въ Штутгартѣ, могущественныхъ и грозныхъ размѣровъ. Въ Штутгартѣ, напримѣръ, петиція въ пользу утвержденія договоровъ была подписана почти 4,000 гражданъ. Трудно было предвидѣть, къ какимъ послѣдствіямъ въ Баваріи повело бы непринятіе договора, потому что министерство Гогенлоэ должно было бы выйти въ отставку, и вмѣсто него очутилось бы министерство, составленное изъ партіи большинства верхней палаты, то есть изъ партіи, которая представляетъ собою самое ничтожное меньшинство въ странѣ. Но оппозиція была разбита, и баварская верхняя палата приняла таможенный договоръ почти безусловно, только съ прибавкою объ «ожиданіи» того, что баварское правительство постарается недопустить предсѣдательскую власть Пруссіи нанести вредъ хозяйственнымъ интересамъ Баваріи. Это «ожиданіе» не имѣетъ никакого значенія, и Пруссію, конечно, ни къ чему не обязываетъ. Вслѣдствіе этихъ затрудненій, ратификація договоровъ замедлилась на нѣсколько дней (виртембергская верхняя палата, послѣ пораженія ея мюнхенской союзницы, отказалась отъ всякаго сопротивленія и приняла всѣ договоры) и состоялась не ранѣе 6-го ноября.

На другой день въ Пруссіи происходили выборы въ прусскій ландтагъ, въ чемъ приняли въ первый разъ участіе и новыя провинціи, гдѣ прусская конституція введена только съ 1-го октября, и гдѣ до того времени существовало диктаторское управленіе. Число членовъ въ палатѣ депутатовъ значительно увеличилось: съ 352 до 432. Эти выборы показали, что усиленіе консервативной партіи, начавшееся съ 1863 года, продолжается и до сихъ поръ; въ 1862 году, консерваторовъ въ палатѣ депутатовъ было не болѣе дюжины, теперь число ихъ возрасло до 184! Еслибы не члены новыхъ провинцій, безспорно большинство

палаты оказалось бы въ пользу консерваторовъ. Такъ, напримѣръ, Ганноверъ послалъ исключительно однихъ либераловъ, и эта-то фаланга въ 40 человѣкъ поддерживаетъ равновѣсіе между прусскими либералами и прусскими консерваторами. Ганноверскіе депутаты принадлежатъ всѣ къ національно-либеральной партіи, которая въ дѣлахъ союзной политики ревностно поддерживаетъ правительство, а въ вопросахъ конституціонныхъ твердо защищаетъ либеральные принципы. Національные либералы, съ присоединеніемъ къ нимъ двухъ мелкихъ фракцій, насчитываютъ до 100 членовъ; собственно лѣвая сторона, когда-то столь гордая прогрессивная партія (Fortschrittspartei) уменьшилась до 35; — но вообще, если разбить всю палату на двѣ крупныя категоріи: на консерваторовъ и либераловъ, или на правительственную и оппозиціонную партію, то обѣ стороны группируются такимъ образомъ, что рѣшенія выпадаютъ то въ пользу одной, то въ пользу другой въ силу самаго ничтожнаго большинства. Въ истинно парламентскомъ государствѣ, какъ въ Бельгіи или въ Англіи, такое положеніе вещей оказалось бы совершенно невыносимымъ, но въ скудной конституціонной обстановкѣ Пруссіи оно не приноситъ вреда только потому, что во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и серьезныхъ вопросахъ государственные интересы и вліяніе правительства пріобрѣтаютъ постоянно перевѣсъ надъ всѣми другими интересами и вліяніями.

Сессія должна была, какъ случалось и прежде, утвердить всѣ измѣненія, совершенныя въ прусской конституціи вслѣдствіе утвержденія союзнаго уложенія. Какъ ни очевидно, что союзная конституція лишила всякой силы многія опредѣленія прежней прусской конституціи; послѣдняя остается все-таки неизмѣненною на бумагѣ, и трудно въ точности опредѣлить, что въ ней годнаго, и что негоднаго. Допустимъ, что и прежде думали о необходимости пересмотрѣть конституцію, — однако эта мысль постоянно оказывалась непрактичною и неосуществимою. Лѣтъ 10—15 тому назадъ, за это дѣло принялись бы непремѣнно такъ, что пришлось бы перебирать всю конституцію пунктъ за пунктомъ, и понадобились бы безчисленныя пренія и безконечныя препирательства впродолженіи, по крайней мѣрѣ, 6 мѣсяцевъ, но и потомъ результатъ этихъ трудовъ, опредѣленіе того, что годно и что негодно, послужилъ бы снова источникамъ безконечныхъ разсужденій и переливаній изъ пустого въ порожнее. Теперь дѣло начато практическимъ образомъ; — теоріямъ предоставляютъ оставаться теоріями, и смотрятъ лишь на то, въ какихъ пунктахъ прусское уложеніе потерпѣло фактическія измѣненія. Главною задачею сессіи остается, слѣдовательно, утвержденіе бюджета, обнимающаго въ первый разъ и новыя провинціи. При обсужденіи бюджета придется обсудить и всѣ вопросы управленія. Не вдаваясь въ слишкомъ спеціяльныя подробности, мы должны сказать еще, что организація мѣстныхъ управленій

въ новыхъ прусскихъ провинціяхъ, особенно въ Ганноверѣ и Шлезвигъ-Гольштейнѣ, сохранена по возможности въ своемъ прежнемъ видѣ. Отвращеніе къ слишкомъ тугой централизаціи составляетъ глубоко укоренившуюся черту въ характерѣ нѣмецкаго народа.

Всѣ эти событія интересны преимущественно въ домашнемъ, мѣстномъ отношеніи, но въ нынѣшней сессіи не было недостатка и въ болѣе возбудительномъ матеріалѣ, которымъ особенно интересуется европейская публика вообще. Вотъ уже три года сряду идетъ въ Пруссіи борьба изъ-за свободы рѣчи въ парламентѣ. Пока собранія имѣютъ только совѣщательный характеръ, до тѣхъ поръ все равно, будутъ ли члены этихъ собраній пользоваться безграничною свободою рѣчи, или нѣтъ, потому что, давая совѣтъ, совѣтующій не можетъ употребить понужденія; въ такихъ собраніяхъ, слѣдовательно, не форма только, но и самое дѣло требуетъ умѣренности. Иначе бываетъ въ собраніяхъ законодательныхъ и контролирующихъ: здѣсь свобода рѣчи, то-есть невмѣшательство суда въ пренія членовъ, составляетъ безусловную необходимость. Они поэтому, какъ доказываетъ Гнейстъ, нашъ лучшій знатокъ англійскаго государственнаго права, вовсе не изобрѣтеніе конституціонализма. Съ перваго мгновенія, когда лорды (члены палаты лордовъ) и коммонеры (члены палаты общинъ) пріобрѣли значеніе законодательнаго собранія, они *присвоили* себѣ право на свободу рѣчи, какъ право, принадлежащее подобному собранію по достоинству и назначенію. Когда въ смутное время, въ 1397 году, одинъ изъ членовъ парламента подвергся осужденію за оскорбительное предложеніе, то этотъ приговоръ уже спустя два года былъ отмѣненъ, какъ противозаконный и несогласный съ парламентскими обычаями и правами. Еще до 1848 года, Клюберъ и Цахаріе, разбирали вопросъ о томъ, имѣютъ ли суды, въ конституціонныхъ государствахъ, право рѣшать жалобы, могущія возникать вслѣдствіе заявленій какого либо депутата въ парламентѣ (если эти заявленія преступны сами по себѣ), и разбирая этотъ вопросъ на основаніи одной лишь сущности конституціонныхъ учрежденій и вполнѣ независимо отъ опредѣленій положительнаго права, пришли къ тому же заключенію, то-есть отвергли вмѣшательство судовъ въ пренія парламента. Но какъ случалось позже въ Англіи и въ нѣмецкихъ палатахъ до 1848 г. и какъ происходитъ теперь въ Пруссіи,— во всякой конституціонной борьбѣ правительство склонно находить источникъ зла въ свободѣ рѣчи того представительнаго собранія, съ которымъ оно находится въ борьбѣ, и направлять противъ нея свои нападенія. И въ Пруссіи является необходимость пройти черезъ борьбу изъ-за принциповъ. Кажется, впрочемъ, что эта борьба уже близится къ своему концу.

За четыре дня до открытія сессіи прусскаго сейма, трое совѣтниковъ городского суда, именъ которыхъ не забудетъ конституціонная

исторія Пруссіи: графъ Бредовъ, Шретеръ и Бахъ, осудили человѣка, не явившагося въ судъ потому, что онъ оспаривалъ право судей произносить надъ нимъ свой приговоръ; — они присудили его за оклеветаніе министра, верховнаго суда и т. п. на два года тюремнаго заключенія. Осужденный былъ депутатъ Твестенъ, совершившій проступокъ, своею рѣчью 20-го мая 1865 года. Приговоромъ суда рѣшенъ противъ палаты депутатовъ и самый вопросъ о свободѣ рѣчи въ парламентѣ. Сущность и ходъ процессовъ состояли въ слѣдующемъ.

Прусская конституція опредѣляетъ въ 84-мъ параграфѣ, что депутаты обѣихъ палатъ ландтага не несутъ никакой отвѣтственности за подачу своего голоса, а за свои мнѣнія могутъ подвергнуться отвѣтственности только въ самой палатѣ и во имя сохраненія дѣловаго порядка. До 1863 года, это опредѣленіе всѣ безспорно понимали такъ, что судебное преслѣдованіе депутата за произнесенную въ палатѣ рѣчь—дѣло немыслимое. Еще 11-го мая 1863 года, между министерствомъ и предсѣдателемъ палаты депутатовъ происходилъ споръ о томъ, подлежатъ ли министры въ палатѣ дисциплинарнымъ правиламъ собранія, и всѣ министры заявили письменно, что они не станутъ подчиняться этой дисциплинѣ, потому что на нихъ не распространяется привилегія 84-го параграфа, «исключающая приложеніе общихъ карательныхъ законовъ къ могущимъ произойти противозаконнымъ заявленіямъ депутатовъ». Мало того, — 11-го января 1865 года, верховный судъ объявилъ, что слово: «мнѣнія» въ упомянутомъ параграфѣ обнимаетъ всѣ заявленія, высказываемыя депутатомъ при исполненіи своихъ обязанностей. Затѣмъ, не много мѣсяцевъ спустя, составилась новая попытка пробить брешъ въ послѣднемъ оплотѣ палаты депутатовъ. Государственный прокуроръ началъ противъ двухъ депутатовъ, Твестена и Френцеля, судебное преслѣдованіе за клевету, совершенную ими во время произнесенія рѣчей въ палатѣ. Суды первой инстанціи снова отвергли преслѣдованіе, на основаніи 84-го параграфа конституціи. Прокуроръ подалъ аппеляцію. Аппеляціонные суды тоже отказались судить. Прокуроръ аппелируетъ въ верховный судъ, куда министръ юстиціи успѣлъ между тѣмъ призвать двухъ помощниковъ (въ суды, министерства и т. п. призываются иногда помощники изъ другихъ судовъ или вѣдомствъ, въ случаяхъ, напримѣръ, недостатка силъ, положенныхъ закономъ). Верховный судъ, въ своемъ достопамятномъ засѣданіи 29-го января 1866 года, рѣшилъ большинствомъ *одного* голоса, что подъ «мнѣніями» нельзя разумѣть «сообщенія ложныхъ фактовъ», и возвратилъ процессы обратно въ суды первой инстанціи. Но рѣшеніе верховнаго суда не становится обязательнымъ для низшихъ судовъ, и потому процессъ снова пробѣгаетъ обѣ нижнія инстанціи;— суды, впрочемъ, уже не отвергаютъ преслѣдованія, но прямо оправдываютъ обвиненныхъ на основаніи 84-го параграфа — дѣло перехо-

дитъ снова въ верховный судъ, и онъ объявляетъ, что 84-й параграфъ конституціи не приложимъ къ данному случаю. Послѣ этого вторичнаго объясненія оба депутата подверглись осужденію: сперва Френцель, въ одномъ изъ судовъ Восточной Пруссіи, денежному штрафу, а потомъ и Твестенъ, здѣсь, двугодичному тюремному заключенію.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ приговоровъ собрался ландтагъ. Большинство членовъ палаты депутатовъ придерживалось того убѣжденія, что положеніе, созданное этими приговорами, невыносимо, особенно потому, что Сѣверо-германскому союзу дарована полная свобода рѣчи, и въ конституціи его даже слово «мнѣнія» замѣнено во избѣжаніе всякихъ ложныхъ толкованій, словомъ «выраженія», и прямо сказано, что члены собранія не подлежатъ никакимъ взысканіямъ, ни судебнымъ, ни дисциплинарнымъ. Но какъ помочь бѣдѣ—объ этомъ разныя партіи думали различно. Правая сторона желала признать справедливость рѣшенія верховнаго суда и потомъ ввести особую конституціонную поправку о свободѣ рѣчи въ парламентѣ (какъ будто подобный законъ вовсе не существовалъ впродолженіи послѣднихъ 16 лѣтъ!). Прогрессивная партія утверждала, что прежнее рѣшеніе палаты, въ силу котораго всякое преслѣдованіе депутатовъ объявлено дѣломъ противоконституціоннымъ, остается еще въ силѣ и не можетъ быть ослаблено. Національные либералы предложили составить декларацію о 84-мъ параграфѣ. Эта декларація, говорили они, не отмѣнитъ и не ослабитъ прежде высказанныхъ взглядовъ и давно принятыхъ рѣшеній, декларація необходима всякій разъ, когда какой нибудь законъ ложно понимается, а верховный судъ превратно истолковалъ сущность 84-го параграфа. Этотъ взглядъ встрѣтилъ одобреніе со стороны умѣренныхъ либераловъ и умѣренныхъ консерваторовъ, и принятъ палатою, не смотря на отношенія крайней лѣвой стороны и крайней правой. Такъ какъ это рѣшеніе должно подвергнуться, до своего перехода въ палату господъ, (гдѣ его ожидаетъ судьба весьма сомнительная) вторичной подачѣ голосовъ въ палатѣ депутатовъ, то нечего и думать, что средній путь въ этомъ случаѣ былъ и сильнѣе и вмѣстѣ вѣрнѣе. Между тѣмъ произошло одно событіе, которое позволяетъ ожидать, что эта долгая и жаркая борьба окончится скорѣе, чѣмъ полагали. Министръ юстиціи, графъ Липпе, дѣйствительная душа этой борьбы, вышелъ въ отставку. Въ монархическихъ государствахъ существуетъ обычай увольнять коронныхъ слугъ, когда въ нихъ болѣе не нуждаются, въ отставку, оказывая имъ при этомъ почести и уваженіе, и даже монаршую милость. Это соблюдается всегда и въ Пруссіи, и графъ Липпе, подавшій въ отставку по болѣзни, получилъ милостивое письмо отъ короля и важный орденъ. Но такъ какъ съ того самого дня онъ принялъ ревностное участіе въ парламентскихъ преніяхъ палаты господъ, то ясно, что отставка понадобилась ему не для поправленія своего здоровья.

И въ самомъ дѣлѣ, есть самыя ясныя доказательства тому, что отставка Липпе состоялась исключительно по политическимъ причинамъ. Въ последнее время, графъ Бисмаркъ сдѣлалъ, на сѣверо-германскомъ сеймѣ и въ палатахъ прусскаго ландтага, множество заявленій, въ которыхъ заключались нѣкоторыя колкости противъ министра юстиціи. Палата господъ, съ своей стороны, сочувствуетъ графу Липпе и заявила это сочувствіе тѣмъ, что отвергла первый законъ преемника Липпе, не смотря на ходатайство самого графа Бисмарка. Правительство убѣдилось, вѣроятно, въ томъ, что побѣда, одержанная имъ 11-го ноября путемъ осужденія одного изъ депутатовъ, вопреки желаніямъ всей палаты, оказалась побѣдою царя Пирра. Столько труда впродолженіи двухъ лѣтъ сряду, столько нерасположенія со стороны общественнаго мнѣнія Европы, постоянное раздраженіе въ странѣ, возмущеніе совѣсти судей, недовѣріе къ судамъ, — и все это лишь для того, чтобы достигнуть судебнаго приговора, который возбуждаетъ только страсти, никого не устрашая, потому что умѣренность на трибунѣ будетъ считаться въ будущемъ не достоинствомъ, а просто трусостью!

Преемникомъ графа Липпе назначенъ бывшій ганноверскій министръ юстиціи, Леонгардтъ. Съ 1848 года, когда онъ былъ адвокатомъ безъ практики, Леонгардтъ, благодаря своему замѣчательному юридическому таланту и большой гибкости въ политическихъ дѣлахъ, успѣлъ постепенно дойти до должности министра юстиціи въ бывшемъ ганноверскомъ королевствѣ. Онъ считался однимъ изъ приверженцевъ анти-прусской партіи;—но послѣ катастрофы Леонгардтъ такъ быстро примирился съ прусскимъ владычествомъ, что въ народѣ подшучивали надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ, которому удалось повторить мюльхаузенскій кунштюкъ, то-есть, вылетѣвъ изъ пушки на ганноверскомъ ядрѣ, пересѣсть на встрѣтившееся прусское! Но какъ бы то ни было, онъ во всякомъ случаѣ замѣчательный юристъ и превосходный организаторъ. Ганноверскій законъ объ уголовномъ и гражданскомъ процессахъ, въ приготовленіи котораго онъ принималъ весьма важное участіе, считается лучшимъ закономъ во всей Германіи; въ качествѣ предсѣдателя высшаго апелляціоннаго суда для новыхъ провинцій, онъ быстро и прекрасно устроилъ его. Можно надѣяться поэтому, что за безплодною эпохою графа Липпе настанетъ теперь періодъ весьма плодотворный. Всѣ сознаютъ подобную необходимость, потому что всякій разъ, когда законодательство не подвигается впередъ, существующіе законы быстро становятся въ противорѣчіе съ потребностями общества.

О прочихъ событіяхъ сессіи буду говорить коротко. Увеличеніе въ *liste civile* на 4 милліона талеровъ, мотивированное расширеніемъ самаго государства, уже принято. Палатѣ предстоитъ принять договоры, которые заключены съ государями, лишенными троновъ. Суммы, въ

нихъ опредѣленныя, признаются вообще крайне высокими и тѣмъ болѣе чувствительными, что вся восточная часть монархіи терпитъ сильную нужду (правительство, впрочемъ, приняло широкія мѣры для облегченія ея); — однако нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что палата утвердитъ ихъ.

Если бросить взглядъ на общее положеніе вещей, то о немъ нельзя сказать, чтобы оно было особенно радостное или нерадостное, успокоительное или тревожное, или что оно полезно или вредно для развитія свободы. Каждая партія видитъ, конечно, всѣ событія подъ своимъ собственнымъ угломъ. Реакціонеры замѣчаютъ снова, что тронъ находится въ опасности, что «волны демократіи грозятъ поглотить его», а демократы утверждаютъ, что національные либералы «бросились», по выраженію Тацита, «въ рабство» (ruere un servitium). Но въ періодъ разложенія, въ періодъ образованія новыхъ партій и переобразованія старыхъ иначе и быть не можетъ; — хорошо и то, что среди этой борьбы и переполоха мы нейдемъ назадъ. Но прогрессъ возможенъ только путемъ борьбы, какъ говоритъ Фаустъ въ поэмѣ Гёте:

Nur der erwirbt sich Freiheit, wie das Leben,
Der täglich sie erkämpfen muss [1]).

Послѣ долгаго застоя, въ области нашей литературы замѣтно снова и большое оживленіе, притомъ какъ въ области серьезной науки, такъ и въ беллетристикѣ. Передовое мѣсто въ нашемъ обозрѣніи мы отдадимъ, по справедливости, исторіи, и во главѣ историковъ поставимъ Ранке старшаго. Въ послѣднее время онъ, правда, не обнародовалъ ни одного новаго сочиненія, но недавно праздновали его пятидесятилѣтній юбилей, и издатели Дункеръ и Гумблотъ рѣшились ознаменовать эти событія новымъ изданіемъ всѣхъ сочиненій Ранке. Холодная натура этого историка, его мѣрное отношеніе къ предмету, его дипломатическая тонкость произвели на публику такое впечатлѣніе, что она относится къ Ранке скорѣе съ уваженіемъ, чѣмъ съ любовью; но чѣмъ чаще вы заглядываете въ его труды, тѣмъ глубже понимаете, что въ этомъ человѣкѣ волнуется теплая жизнь, и то, что́ прежде казалось вамъ холоднымъ и гладкимъ, какъ мраморъ, пріобрѣтетъ въ вашихъ глазахъ живыя формы и яркіе цвѣта. Новое изданіе начинается исторіею Германіи во времена реформаціи, и невольно изумляешься тому, что въ ней заключено такъ много поучительнаго для настоящаго времени, сообщаемаго безъ всякихъ заднихъ тенденцій.— Второй выпускъ большого сочиненія Макса Дункера вышелъ въ до-

---

[1]) Т. е.:
Свободу, жизнь, лишь тотъ пріобрѣтаетъ,
Кто долженъ биться дни за нихъ.

полненномъ изданіи подъ особымъ заглавіемъ: «Исторія Аріанъ». Большіе успѣхи, достигнутые въ области первобытной исторіи при помощи сравнительнаго языкознанія, доставили Дункеру обильный матеріялъ, и онъ обработалъ его съ своимъ обычнымъ искусствомъ.— Эрнстъ Курціусъ, родственный по духу своихъ трудовъ съ Моммзеномъ и обладающій, подобно послѣднему, юморомъ и живостью—качествами вообще весьма рѣдкими и особенно между нѣмецкими учеными, написалъ третій томъ своей греческой исторіи, обнимающій время паденія Греціи отъ сраженія подъ Левктрою до Херонейской битвы.

Тотъ періодъ греческой исторіи, который предшествовалъ появленію Филиппа Македонскаго, представляетъ замѣчательныя параллели съ бытомъ Германіи, ибо и въ Греціи носились въ то время мечты объ единствѣ, но въ этомъ мечтаніи греки никогда не заходили далѣе мысли о возможности осуществить единство посредствомъ гегемоніи; поэтому и сами мечты объ единствѣ возбуждали только взаимную зависть между подчиненными государствами. Параллели между Греціею и Германіею были въ прежнее время на устахъ каждаго политика, и изъ того, что Греція не могла преодолѣть своихъ раздоровъ и несогласій, замѣчали обыкновенно, что Германія не въ состояніи преодолѣть ихъ. Но здѣсь дѣло поставлено иначе въ весьма многихъ отношеніяхъ, да и самая мысль о гегемоніи порѣшена очень удачно. Въ Сѣверо-германскомъ союзѣ быть пруссакомъ не значитъ пользоваться какими бы то ни было преимуществами, потому что всѣ составныя части его обладаютъ одинаковыми правами, и если прусскій король признанъ предсѣдателемъ союза и главнокомандующимъ союзною арміею, то ему пришлось за то отказаться отъ многихъ прусскихъ особенностей. Еще недавно графъ Бисмаркъ отважился на смѣлое слово, заявивъ о томъ, что онъ знаетъ только одинъ патріотизмъ—«нѣмецкій». Лѣтъ десять тому назадъ это слово привело бы всю консервативную партію, со включеніемъ самого Бисмарка, въ крайнее негодованіе, потому что въ то время прусскіе консерваторы могли быть только «Черно-бѣлыми» (прусскіе цвѣта), а «Черно-красно-золотая» Германія казалась имъ синонимомъ всѣхъ революціонныхъ идей и предметомъ отвращенія. Sic tempora mutantur, et nos mutamur in illis!

Къ области исторіи принадлежатъ въ нѣкоторой степени и «Картины» Густава Фрейтага изъ нѣмецкаго прошлаго, тоже обнародованныя въ новомъ, значительно дополненномъ изданіи. Густавъ Фрейтагъ—писатель par excellence старой «готской» партіи, отъ которой, послѣ понесенныхъ ею многихъ пораженій и крушеній, осталась лишь небольшая группа политиковъ, достойныхъ во всякомъ случаѣ занимать свое мѣсто среди нѣмецкаго народа, такъ какъ въ нихъ сосредоточиваются многія національныя нѣмецкія качества. Эта партія—партія блаженныхъ надеждъ, вѣчнаго оптимизма, педантическая и доктринерная съ головы

до пятокъ. Густавъ Фрейтагъ, авторъ «Soll und Haben» и «Журналистовъ», этой лучшей изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ піесъ, сталъ теперь и старикомъ и гофратомъ. Когда онъ появился на сеймѣ и взошелъ въ первый разъ на трибуну, его можно было принять за профессора, вступающаго на кафедру. Но къ сожалѣнію, рѣчь ему не удалась, и одинъ изъ шутливыхъ ораторовъ сейма отпустилъ по этому поводу *bon-mot*, сказавъ, что Фрейтагъ сталъ теперь авторомъ не только погибшихъ рукописей (такъ называется его послѣдній романъ: «Die verlorne Handschriften), но и погибшей рѣчи. «Картины» широки и иногда утомительны, но въ нихъ есть также много интереснаго.

Другой писатель готской партіи, но не столь односторонній, Лудвигъ Гейссеръ, вырванъ смертью у науки. Его «Нѣмецкая исторія послѣ смерти Фридриха Великаго» будетъ всегда занимать почетное мѣсто въ средѣ нѣмецкой исторической литературы. Одинъ изъ учениковъ Гейссера издалъ теперь его лекціи объ исторіи французской революціи (стенографически записанныя), читанныя въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Лекціи не отличаются, правда, тою гладкостью и гармоніей въ своемъ изложеніи, которыя въ главномъ трудѣ автора присоединены къ осторожной критикѣ и прилежному знакомству съ источниками, но въ нихъ видѣнъ широкій размахъ, и имъ нельзя не порадоваться, какъ всякому новому труду о неистощимой до сихъ поръ исторіи французской революціи. Въ изображеніе французской революціи каждый историческій писатель вноситъ свои субъективныя воззрѣнія гораздо болѣе, чѣмъ при изображеніи какого либо другого предмета; онъ вноситъ сюда даже свои политическія убѣжденія, и вноситъ потому, что своими послѣдствіями эта революція оказываетъ на насъ теперь дѣйствіе несравненно болѣе непосредственное, чѣмъ многія событія, близко насъ касающіяся. Я увлекся бы за предѣлы настоящаго письма, еслибъ приступилъ къ описанію отдѣльныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ изложеніе Гейссера отличается отъ изложенія другихъ историковъ французской революціи. Онъ разсуждаетъ о ней, какъ либеральный конституціоналистъ, и его взгляды, поэтому, отстоятъ одинаково далеко какъ отъ воззрѣній строгихъ легитимистовъ, такъ и отъ мечтаній восторженныхъ поклонниковъ революціи.

Молодою, здоровою силою между историками является Теодоръ Бернгардтъ, написавшій исторію Рима отъ Валеріана до Діоклетіана, первая часть которой — исторія политическая — обнародована въ настоящее время. Не отличаясь ни силою, ни искусствомъ изложенія, этотъ историкъ собралъ обширный новый матеріалъ и разработалъ его критически.

По желанію покойнаго баварскаго короля, историкъ Ремонъ взялся написать исторію города Рима. Эта исторія составляетъ въ высшей степени почтенное изданіе по своему объему; второй томъ

его, недавно обнародованный и заключающій въ себѣ исторію Рима со времени господства германскихъ народовъ и до великаго раскола (1420 г.), написанъ на 1200 страницахъ. Уже Грегоровіусъ писалъ, но еще не окончилъ, исторію города Рима въ средніе вѣка. Ремонъ начинаетъ съ самаго основанія города и намѣренъ довести до новѣйшихъ временъ. Я считаю подобную исторію чѣмъ-то ненормальнымъ, потому что отдѣлить ее отъ общей исторіи—дѣло почти невозможное. Римъ, этотъ вѣчный городъ, заслуживаетъ, разумѣется, исключенія. Ремонъ глубокій знатокъ Италіи и Рима; какъ историкъ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ достойныхъ людей, которые отказываются вступать въ первые ряды и изъ любви къ наукѣ подготовляютъ съ неутомимымъ прилежаніемъ новыя поля, на которыхъ какой нибудь будущій геній соберетъ драгоцѣннѣйшіе плоды.

Мнѣ остается упомянуть еще о выходѣ новаго тома Дройзеновой исторіи прусской политики, въ которомъ изложена исторія перваго короля. Разсказъ Дройзена сухъ, но самый трудъ въ высшемъ смыслѣ прагматиченъ и соединяетъ въ себѣ изумительную добросовѣстность изслѣдованія съ неуязвимою тонкостью сужденія и поразительными спокойствіемъ и ясностью мысли.

Если нашею цѣлью историческихъ отношеній служитъ познаніе исторіи своей собственной націи, предварительною подготовкою къ которому являются въ нѣкоторой степени всѣ труды объ исторіи другихъ народовъ, то намъ нельзя не упомянуть еще объ исторіи нѣмецкаго народа Зугенхейма, три тома которой лежатъ передъ ними.

Преподаватели государственнаго права ревностно изучаютъ новое союзное уложеніе, и литература этого предмета составляетъ уже небольшую библіотеку. 14-ое іюня 1866 года, тотъ день, когда Пруссія объявила Германскій Союзъ уничтоженнымъ—уничтожило весьма многое и между прочимъ цѣлую груду учености, накопленной впродолженіи пятидесятилѣтняго непрерывнаго научнаго изученія союзнаго права. Сколько прилежанія и сколько знанія употребили на этотъ трудъ всѣ эти Пюттеры и Клюберы, до Блунчли и Плётцля! и все это разрушено однимъ взмахомъ пера!

Говоря о литературѣ государственнаго права, я считаю своимъ долгомъ упомянуть о только что появившемся въ свѣтѣ сочиненіи Зигфрида Гюппе: «Уложеніе польской республики» (Verfassung der Republik von Polen). Авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать, что государственныя учрежденія Польши должны были довести ее до окончательнаго паденія; онъ изображаетъ эти учрежденія въ ихъ развитіи и ихъ взаимной связи. Сочиненіе посвящено графу Бисмарку. Гюппе обладаетъ философскимъ образованіемъ, взглядомъ, знаніями, но у него недостаетъ спокойствія, зрѣлости мысли и плавности. Самая тенденція труда выдается слишкомъ грубо;—на судьбахъ Польши авторъ стре-

мится доказать нѣмцамъ, что безграничная свобода есть отрицаніе государства. Но нѣмцы не отличаются столь страстнымъ поклоненіемъ свободѣ, и потому нѣтъ никакой крайней необходимости предлагать имъ поученіе подобнаго рода.

Изящная литература и особенно романы не представляютъ ничего замѣчательнаго. Ауербахъ трудился надъ своимъ календаремъ, Шпильгагенъ тоже не создалъ ничего великаго. «Свободныя земли» (Freier Boden) Карла Френцеля, романъ изъ американской жизни, и «Гамлетъ» Брахфогеля, романъ изъ временъ Шекспира, представляютъ публикѣ хорошую пищу для чтенія—но не больше! На горизонтѣ выплываетъ новая звѣзда: романистъ Робертъ Швейхель. Онъ изображаетъ жизнь въ Швейцаріи, и его романы могутъ быть смѣло поставлены на ряду съ сочиненіями Ауербаха и Пауля Гейзе. Картины природы изображаются съ величайшею вѣрностью и живостью, основаніемъ разсказа всегда служитъ какая нибудь опредѣленная нравственная задача, техника доведена до совершенства.

Драматическая литература отличается одною безплодностью, причина которой заключена не только въ безплодности самихъ писателей, но и въ томъ прискорбномъ обстоятельствѣ, что творческія силы Германіи ведутъ слишкомъ уединенное, въ мелкихъ кружкахъ заключенное существованіе, что онѣ слишкомъ мало знакомы съ базаромъ житейской суеты, и слишкомъ рѣдко вращаются среди крупныхъ общественныхъ явленій,—что они, словомъ, слишкомъ рѣдко бываютъ въ дѣйствительно порядочныхъ кругахъ, и поэтому мало знакомы съ жизнью образованнаго общества. Естественность характеровъ, разговора, побужденій и поступковъ, составляетъ основное условіе хорошей драмы или комедіи, особенно, если пьеса изображаетъ настоящее время. Уединяясь отъ общественной жизни, драматурги впадаютъ въ ложь и несостоятельность. Таковъ, напримѣръ, Бенедиксъ въ своей послѣдней піесѣ: «Замарашка» (Aschenbrödel). Ни лица, ни событія въ піесѣ невозможны въ общественной жизни. Госпожа Бирхпфейферъ снова взялась за перо и передѣлала Диккенсовъ романъ: «Нашъ взаимный другъ», въ піесу: «Завѣщаніе чудака» (Das Testament des Sonderlings), которая понятна только тѣмъ, кто помнитъ самый романъ.

Чѣмъ болѣе чужды поэты общественной жизни, тѣмъ пріятнѣе забираются они на Парнассъ.

Willst du in meinem Himmel mit mir wohnen,
So oft du kommst, er soll dir offen stehen [1]!

---

[1]) Т. е.:

Захочешь ли на небѣ жить со мною.
Ты приходи всегда: открыты двери!

говоритъ Зевсъ, въ Шиллеровомъ стихотвореніи, поэту, который опоздалъ присутствовать при дѣлежѣ земли. Впрочемъ, школа драматурговъ весьма дѣятельна, но ей приходится бороться съ суровостью театральныхъ дирекцій, которыя знаютъ, что балетъ, опера-фарсъ, и пожалуй, комедія приносятъ хорошій сборъ;—на трагедію онѣ не падки. «Софонисба» Гейбеля, превосходная драма по содержанію и по формѣ, уже давно стучится во всѣ двери, и ни одна не открывается передъ нею. Тоже самое случилось и съ «Геліодорою», піесою талантливаго, высокообразованнаго, глубокомысленнаго и страстнаго Клейна; — за то драма Іосифа Вейлена: «Драгомира» уже появилась на вѣнской и дрезденской сценахъ. Интересное содержаніе послѣдней драмы заимствовано изъ чешской исторіи. Въ ней изображены послѣднія усилія вендскаго язычества, представительницею котораго является царица Драгомира, возвратить погибшее государство изъ рукъ побѣдоносно распространяющагося христіанства. Людмила, христіанская мачиха Драгомиры, причтенная впослѣдствіи къ лику святыхъ, погибаетъ, правда, подъ кинжаломъ убійцы вслѣдствіе настояній Драгомиры, но христіанство торжествуетъ, и Венцеславъ, сынъ Драгомиры, воспитанный Людмилою въ христіанской религіи, вступаетъ на престолъ послѣ смерти своей матери-язычницы.

Альбертъ Линднеръ, драма котораго изъ римской жизни: «Брутъ и Коллатинъ» принесли своему творцу, два года тому назадъ, премію прусскаго короля въ тысячу талеровъ (премія дается однажды въ каждое трехлѣтіе за лучшую драму), переселился изъ Тюрингіи въ Берлинъ и занимается теперь собираніемъ драматическаго матеріала для піесы: «Екатерина II». Наконецъ, Пауль Гейзе подалъ въ генеральное интенданство королевскихъ театровъ драму: «Богиня разума» (Die Göttin der Vernunft), сюжетъ которой заимствованъ изъ временъ первой французской революціи.

Королевская опера вела свои дѣла въ ноябрѣ мѣсяцѣ, до отъѣзда Лукки къ вамъ, блестящимъ образомъ, и успѣла собрать до 36,000 талеровъ, хотя на сценѣ не появилось ни одной новой піесы. Изъ частныхъ театровъ только одинъ ставитъ оперы, и на немъ безгранично господствуетъ—Оффенбахъ! «Парижская жизнь» выдержала 150 представленій; за нею появится «Великая герцогиня Герольштейнская». Гнѣвъ критиковъ и рвеніе моралистовъ не оказываютъ на публику никакого вліянія: публика всегда думаетъ, какъ говоритъ Гёте: «лучше развращаться, чѣмъ скучать»! А оперы Оффенбаха — оперы веселыя.

К.

ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

ИМПЕРАТОРЪ МАКСИМИЛІАНЪ И ЛАТИНОФИЛЬСТВО.

Слишкомъ шесть лѣтъ тянулся мексиканскій вопросъ, законченный катастрофою въ Кверетаро; но основная идея императорской политики, приведшей Францію къ печальной развязкѣ экспедиціи, оставалась темною, или, что̀ еще хуже, являлась въ формѣ звучныхъ словъ, которыми посыпаны были оффиціальные документы, возвѣщавшіе о необходимости для Франціи защищать свою національную честь, интересы своихъ подданныхъ. Развязка войны, конечно, не могла быть признана удовлетвореніемъ національной чести; интересы подданныхъ Франціи также немного выиграли отъ казни Максимиліана; а между тѣмъ война прекратилась, и французское правительство должно теперь сознаться, что или мексиканская экспедиція вовсе не имѣла въ виду защищать національную честь, а только прикрывала этою фразою какую-то другую невѣдомую тенденцію, или объявить своимъ подданнымъ, что въ настоящемъ случаѣ оно не въ состояніи выполнять своихъ обязанностей правительства, и вынуждено отказаться отъ защиты интересовъ Франціи.

При множествѣ документовъ, которые появились въ послѣднее время, мы не имѣли однако средствъ добиться до истинныхъ мотивовъ французской политики въ ея мексиканской кампаніи, и ходили только около критики побочныхъ сторонъ, ища причину неудачи въ частныхъ ошибкахъ, между тѣмъ какъ эта причина находилась въ ошибочности самой основной идеи, которую изобрѣло императорское правительство Франціи, совершенно независимо отъ оскорбленій его національной чести мексиканцами. Эту совершенно новую и любопытную сторону дѣла открываютъ намъ мемуары графа Эмиля де-Кератри о мексиканской экспедиціи, написанныя имъ въ формѣ біографіи императора Максимиліана [1]). Изъ всей литературы, порожденной мексиканскимъ вопросомъ, сочиненіе Кератри принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ основательныхъ.

Быть можетъ, намъ скажутъ, что мексиканскій вопросъ довольно прискучилъ современникамъ, чтобы снова поднимать это дѣло, когда оно совсѣмъ покончилось. Но въ мексиканскомъ вопросѣ есть одна сторона, которая не была заключена казнью Максимиліана, которая продолжаетъ жить съ нами и дѣйствовать на насъ; это—императорская

---

[1]) *L'empereur Maximilien, son élévation et sa chute*, d'après des documents inédits, par le comte Émile de Keratry. Amsterd. 1867.

политика Франціи. Благодаря мемуарамъ графа де-Кератри, мексиканская экспедиція можетъ намъ обличить ея сущность, ея нравы, тѣ предѣлы, до которыхъ она можетъ доходить, и орудія, которыя она можетъ создавать, если ей нужно выступить на политическую арену.

Авторъ задается мыслью «открыть самую идею, подъ вліяніемъ которой французскій флагъ явился на стѣнахъ Вера-Круцы, и президенту Жуарецу была объявлена война». Пройдя мимо парадныхъ словъ и фразъ, выработанныхъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, какъ-то: «необходимо принудить Мексику выполнить обязательства, торжественно ею принятыя и дать намъ гарантію дѣйствительной безопасности для лицъ и собственности нашихъ странъ» [1], — авторъ приводитъ въ параллель съ ними и другія не менѣе торжественныя заявленія трехъ союзниковъ, Франціи, Англіи и Испаніи, которыя 30 ноября 1861 года выступили вмѣстѣ для домогательства своихъ правъ на законное удовлетвореніе. Союзники торжественно объявляли, что они не уклонятся отъ своей программы и ограничатся строго требованіемъ удовлетворенія, дѣйствительнаго, несомнѣннаго. Въ инструкціяхъ, данныхъ тремя правительствами, опредѣлялось точнѣе, что́ нужно разумѣть подъ словами: *дѣйствительное, несомнѣнное*, — словами, которыя довольно эластичны, и могли потому закончиться баснею о Волкѣ и Ягненкѣ, когда волкъ нашелъ дѣйствительнымъ и несомнѣннымъ только одно ручательство для чистоты своего водопоя, а именно — съѣсть ягненка. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель, отправляя адмирала Жюліена съ флотомъ къ Вера-Круцу, давалъ ему слѣдующую оффиціальную инструкцію: «Союзныя государства обязуются *не вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны*, и въ особенности не оказывать давленія на волю народа относительно избранія имъ своего правительства». Нѣсколько позже, когда Англія замѣтила, что ихъ союзное заявленіе обращается въ шутку, и настоятельно спрашивала у Тувенеля объясненій по поводу различныхъ слуховъ, французское правительство отвѣчало лаконически, но какъ бы понимая, къ чему клонятся сомнѣнія англійскаго кабинета: «Мексиканскому народу никакого правительства не будетъ навязано» [2]. Когда не было уже никакой возможности скрыть настоящей цѣли, къ которой стремилась Франція, помимо своихъ союзниковъ, и когда начали называть имя Максиміліана, — Тувенель на категорическій вопросъ лорда Коулей, англійскаго посланника при французскомъ дворѣ, отвѣчалъ опять уклончиво: «Переговоры съ Максиміліаномъ ведутся одними мексиканцами (т. е. мексиканскими эмигрантами, врагами Жуареца,

---

[1]) Слова договора между Англіею, Испаніею и Франціею, подписаннаго 30 ноября 1861 г., предъ ихъ совокупною экспедиціею въ Мексику.

[2]) Депеша Коулея къ гр. Росселю, 2 мая 1862 г.

нравственное достоинство которыхъ обнаружилось въ послѣдствіи), которые съ этою цѣлью и отправились въ Вѣну».

Такъ началось дѣйствіе на оффиціальной сценѣ, но что̀ происходило за кулисами дипломатіи? Англія, какъ видно, не была посвящена въ секретъ, и шла дѣйствительно съ тою практическою и справедливою цѣлью, какъ она была выставлена въ договорѣ. Другое дѣло,—Испанія. Испаніи также не показали настоящихъ цѣлей экспедиціи, но съ нею поступили еще хуже: Испанія условилась съ Франціею обмануть вмѣстѣ Англію, между тѣмъ, какъ Франція уже обманывала Испанію. Испанскій генералъ Примъ, какъ въ послѣдствіи Бисмаркъ, ѣздилъ на свиданіе съ императоромъ на водахъ; но то, что̀ не удалось съ Бисмаркомъ, то кончилось превосходно съ Примомъ. Примъ въ родствѣ, по женѣ, съ знатнѣйшею фамиліею въ Мексикѣ; Примъ честолюбивъ, и послѣ свиданія съ Наполеономъ III, въ Виши, онъ видитъ въ мексиканской экспедиціи средство, если не достигнуть мексиканской короны, то по крайней мѣрѣ возвратить Испаніи утраченныя ею мексиканскія колоніи, а для себя приготовить во всякомъ случаѣ мѣсто вице-короля. Таковы были роли трехъ дѣйствующихъ лицъ въ концѣ 1866 года. Дѣло для Франціи могла испортить одна уступчивость Жуареца: тогда пришлось бы или проглотить свои тайные планы, или прибѣгнуть къ морали той басни, и довести мексиканцевъ до отчаянія.

Такъ и случилось. Въ концѣ 1861 г. отплыла союзная экспедиція, и общее начальство было поручено испанскому генералу Приму: испанцы выставили 7,000, французы около 3,000, Англія дала только моряковъ. Въ половинѣ января 1862 г., союзные уполномоченные представили министру Жуареца, Добладо, свои требованія; а 19-го февраля были уже подписаны въ Соледадо уполномоченными съ обѣихъ сторонъ предварительныя условія, признававшія правительство Жуареца законнымъ и удовлетворявшія требованія союзниковъ. Для утвержденія договора отправлены были курьеры въ Европу. Черезъ два мѣсяца курьеры явились и привезли три отвѣта, обнаружившія всю рознь союзниковъ: Англія, принимая серьезно союзный договоръ, считала себя удовлетворенною и утвердила подпись своего уполномоченнаго сера Ч. Уайка; Испанія выразила, правда, нѣкоторыя сожалѣнія, но не отказала своему уполномоченному, Приму; одна Франція въ *Монитерѣ*, объявляла громогласно, что она не можетъ принять Соледадской конвенціи, какъ «*противной національному достоинству*». Это заявленіе было разрывомъ Франціи съ Мексикой и вмѣстѣ отдѣленіемъ ея отъ своихъ союзниковъ. Первое дѣйствіе драмы окончилось. Затѣмъ слѣдуетъ война со всѣми ея перипетіями, но мы, руководясь документами Кератри, вернемся къ началу дѣла, и именно, къ тайнымъ его пружинамъ. Замѣтимъ только одно, что англійскій уполномоченный Уайкъ, по прибытіи своего курьера, привезшаго ратификацію

Соледадской конвенціи со стороны Англіи, писалъ графу Росселю, что англійскій кабинетъ своими дружественными отношеніями съ мексиканскимъ правительствомъ Жуареца можетъ дать ему твердую опору, а «правительство Жуареца представляетъ собою самую интеллектуальную и уважаемую часть націи». Понятно, какъ Англія, еще въ 1862 году, смотрѣла на противниковъ Жуареца, мексиканскихъ эмигрантовъ, сосредоточившихся въ то время въ Парижѣ.

«Ограничиваясь фактами, которые угодно было императорскому правительству Франціи сообщить своей странѣ — говоритъ де-Кератри — мы придемъ къ простому заключенію, что Наполеонъ III имѣлъ одну цѣль, а именно, оказать покровительство національнымъ интересамъ, которые были оскорблены Соледадскою конвенціею, если бы Франція рѣшилась ратификовать ее (т. е. сдѣлать то, что сдѣлала Англія и Италія). Французское правительство, повидимому, было только великодушно, принявъ подъ свой покровъ мексиканскихъ эмигрантовъ, накликавшихъ бѣдствіе на свою родину. Судя по оффиціальному языку, война родилась или изъ отказа со стороны республиканскаго президента удовлетворить законныя требованія французскаго уполномоченнаго, или вслѣдствіе ненадежности его уступокъ. Жуарецъ, однимъ словомъ, единственный виновникъ предъ судомъ исторіи въ разореніи своего народа и въ крови, которая залила мексиканскую почву, не сдѣлавъ ее болѣе плодородною!» Но что происходило за кулисами, еще раньше, чѣмъ былъ подписанъ договоръ 30 ноября 1861 года между Англіею, Испаніею и Франціею—спрашиваетъ де-Кератри? Объясненіе этой-то закулисной дипломатіи и составляетъ самую интересную и поучительную часть мемуаровъ автора. Еще за десять мѣсяцевъ до составленія союза, французскіе агенты уже агитировали въ Мексикѣ и поддерживали втайнѣ партію Маркеца, которая задалась программою «составить политическую, соціальную и военную реакцію». Французскихъ агентовъ и людей мало уважаемыхъ въ странѣ поддерживало духовенство, котораго лишили на 900 милліоновъ имущества; такимъ образомъ, и папа выступилъ защитникомъ интерессовъ католической церкви. Переговоры съ несчастнымъ Максимиліаномъ о будущей мексиканской коронѣ велись одновременно съ увѣреніями и оффиціальными заявленіями Франціи, что дѣло идетъ только объ удовлетвореніи интерессовъ націи, но не о томъ, чтобы навязывать мексиканцамъ правительство, помимо ихъ собственной воли. Наконецъ, отказъ Франціи ратификовать Соледадскую конвенцію долженъ былъ положить предѣлъ прежнимъ пріемамъ: опираться, какъ прежде, на національную честь не было возможности, ограничиться непризнаніемъ удовлетворительности вознагражденія, предложеннаго Жуарецомъ — также было трудно, потому что Англія и Испанія имѣютъ также понятіе о національной чести, а между тѣмъ онѣ удовлетворились Со-

ледадскою конвенціею, безъ ущерба для своей національной чести. Въ эту трудную минуту поворота, императорское французское правительство выступило болѣе откровенно съ новою идеею, которая выразилась въ письмѣ Наполеона III къ генералу Форей, принимавшему начальство надъ главною частью арміи, предназначенной для веденія войны съ жуаристами.

Императоръ писалъ:

Фонтенебло, 3 іюля 1862.

.....Если Мексика сохранитъ свою независимость, и цѣлость своей территоріи, если въ ней помощью Франціи утвердится прочное правительство, *то мы возвратимъ латинской расѣ, и по другую сторону океана, всю силу и ея чарующее вліяніе.*

Наполеонъ.

Итакъ, о національной чести и о ея возстановленіи нѣтъ болѣе рѣчи; поставлена другая задача. Понадобилось возвратить латинской расѣ, и по другую сторону океана, всю силу и ея чарующее вліяніе, какими она пользуется на европейскомъ материкѣ. Испанцы, владѣтели Мексики, унизили латинскую расу въ Америкѣ; французы должны поправить это дѣло.

Во всемъ этомъ мы удивляемся только одному, что такой авторъ, какъ де-Кератри былъ пораженъ не ложью идеи, положенной въ основаніе мексиканской экспедиціи, которою руководило такимъ образомъ латинофильство, и притомъ явившееся не какъ литературная партія, но какъ цѣлая система правительственныхъ дѣйствій,—нѣтъ, де-Кератри нападаетъ на Наполеона III за его колебанія и нерѣшительность, съ которою онъ приступилъ къ осуществленію своей «импозантной идеи».

«Тяжелыя впечатлѣнія—говоритъ де-Кератри—производятъ колебанія императорскаго правительства; оно не осмѣлилось принять на себя болѣе рѣшительный характеръ въ своей политикѣ по ту сторону океана, и отъ начала до конца экспедиціи ограничивалось полумѣрами. Идея противопоставить латинскую расу вторженіямъ англо-саксовъ, которые, вѣроятно, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, обхватятъ весь земной шаръ, подавъ руку русскимъ, ихъ прирожденнымъ союзникамъ, — это идея величественная, достойная увлечь за собою великое сердце и великую націю, но подъ условіемъ обезпечить напередъ средства къ успѣху. Легко было предвидѣть, что въ случаѣ неудачи, латинская раса потеряетъ всякое вліяніе въ Америкѣ и вмѣстѣ погибнетъ ея очарованіе, скомпрометированное испанцами навсегда.... Случай былъ благопріятенъ въ 1862 г., когда Штаты распались на сѣверъ и югъ.... Слѣдовало, безъ колебанія, идти до конца и довершить дѣло ихъ распаденія, объявивъ себя открыто за плантаторовъ-южанъ, которые, вспомнивъ старую французскую славу, затрепетали и для торжества своего

дѣла хотѣли услышать отъ насъ слово помощи, чтобы помочь дѣломъ нашему экспедиціонному корпусу въ Америкѣ».

Нѣтъ надобности вступать въ споръ съ авторомъ; его собственныя слова лучше всего характезируютъ тотъ смыслъ, съ которымъ выступило на сцену въ мексиканскомъ вопросѣ латинофильство. Развѣ только одинъ успѣхъ могъ бы заставить противниковъ императорской политики во Франціи замолчать; но именно этого и не случилось, а потому латинофильство не нашло ни малѣйшаго сочувствія въ обществѣ. За то исторія обогатилась новымъ примѣромъ того, какъ ложно и опасно въ политикѣ преслѣдовать одни звуки, какъ бы громки они ни были, если интерессы дѣйствительной жизни не лежатъ въ основаніи дипломатіи; а истинные интерессы дѣйствительной жизни народовъ всегда приводятъ ихъ скорѣе къ миру, нежели къ войнѣ. Д.

М. Стасюлевичъ.

стopія девятнадцатаго вѣка, отъ временъ Вѣнскаго конгресса, Г. Гервинуса. — Изд. Бакста. — Т. V. — Возстаніе и возрожденіе Греціи (Ч. 1-я). Спб. 1868. Ц. 2 р.

Труды такихъ писателей, какъ Гервинусъ, пользются значеніемъ, независимо отъ интереса дня, потому посиѣшность и ея послѣдствія не могутъ ужить извиненіемъ для переводчиковъ. При томъ, жно имѣть большую увѣренность въ искусствѣ падной дипломатіи, чтобы торопиться, изъ опасе-я, что греческій вопросъ перестанетъ быть воосомъ. Настоящій переводъ не составляетъ исючения изъ большинства подобнаго рода предріятій, которыя такъ обильно подносятся нашей бликѣ подъ названіемъ переводовъ. Издатель виняется, что онъ «не могъ измѣнить мнѣній и глядовъ автора», но за это онъ заслуживаетъ ну благодарность; впрочемъ, Гервинусъ принадкитъ къ числу еще самыхъ безпристрастныхъ по еческому вопросу историковъ, и опасенія издаля за крайнее противорѣчіе съ принятымъ у насъ глядомъ — едва ли не преувеличено.

сторія цивилизаціи Германіи, І. Шерра. Съ 3-го изд. перев. А. Невѣдомскаго и Писарева. — Первая половина. Изд. В. Ковалевскаго. Спб. 1868. Ц. 3 руб.

Шерръ обладаетъ драгоцѣннымъ талантомъ пиъ для народа, но не тривіально; потому немно- нѣмецкіе писатели пользуются такою популярстью и оказываютъ въ тоже время дѣйствительо услугу обществу. Настоящій выпускъ русскаго ревода разсматриваетъ «землю и людей» въ Гернія почти до новаго времени. Нельзя лучше руппировать разбросанныя по лѣтописямъ данія для ежедневной, будничной жизни средневѣвого германца, какъ сдѣлалъ Шерръ, и сложить ъ въ цѣлую непрерывную картину. Переводчимъ приходилось бороться съ трудностями средневковой терминологіи, и феодальнаго языка; но и успѣли ихъ преодолѣть съ знаніемъ дѣла и маго предмета.

чѣ и князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. Историч. очерки В. И. Сергѣевича. Москва. 1867. Ц. 2 руб.

Авторъ ограничился въ своемъ изслѣдованіи еимущественно тремя вопросами — правительвенное дѣленіе, личный составъ администраціи военное управленіе одной древнѣйшей эпохи,ликокняжеской. Какъ систематическій сводъ лѣписныхъ извѣстій, подкрѣпленный ссылками на документы, этотъ трудъ всегда займетъ почтенное мѣсто въ ряду настольныхъ книгъ, какъ историка, такъ и юриста.

Военно-статистическій сборникъ на 1868 г. Выпускъ 1. Составл. подъ ред. Г. Ш. ген.-м. Н. Н. Обручева. Спб. Ц. 1 р.

При замѣтномъ увеличеніи интереса въ нашемъ обществѣ къ статистическимъ даннымъ, какъ лучшему средству для оцѣнки степени развитія общественныхъ и народныхъ силъ, мы должны были однако по прежнему довольствоваться заграничными сборниками, и невыгода того понятна сама собою. Гг. офицеры Главнаго Штаба оказали весьма важную услугу, издавъ теперь справочную статистику, примѣненную къ нашимъ интересамъ. Въ настоящемъ выпускѣ мы имѣемъ описаніе Великобританіи, Франціи, Австріи, Пруссіи и прочихъ государствъ Германіи. При своемъ спеціальномъ названіи, сборникъ обнимаетъ и прочіе элементы основныхъ силъ государства. Вообще, это едвали не впервые такъ хорошо выполняется у насъ столь широко задуманный планъ статистическаго обозрѣнія.

Военныя силы Сѣверо-американскихъ штатовъ Сочин. В. Руссельона. Перев. Станкевича и Витмера. Изд. Воен. Уч. Комитета Генер. Штаба. Спб. 1868. Ц. 2 р.

Въ своемъ внутреннемъ междоусобіи, сѣвероамериканцы имѣли случай развить небывалыя средства, такъ что теперь нація, посвящающія значительную часть своихъ финансовыхъ и матеріальныхъ средствъ на военное искусство, не могутъ сдѣлать ничего лучше, какъ учиться военному искусству у людей, предававшихся исключительно жизни гражданской. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ существовалъ по этому предмету одинъ переводъ 1-го тома сочиненія Флетчера, а потому переводъ новаго труда, выполненный самымъ научнымъ и добросовѣстнымъ образомъ, мы рекомендуемъ какъ спеціалистамъ, такъ и вообще читателямъ, интересующимся міровыми событіями.

Гражданская практика кассаціоннаго Сената, по вопросамъ судопроизводства. Спб. 1867 г. Ц. 1 р.

Верховный кассаціонный судъ не ограничивается возстановленіемъ нарушеннаго права въ отдѣльныхъ случаяхъ, но установляетъ повсюду единообразное правильное примѣненіе закона. Послѣднее даетъ понятіе о важности изданій, подобныхъ настоящему обзору рѣшеній гражд. кассац. деп. Сената за 1866 и первое полугодіе 1867 г. Добросовѣстность самаго труда заставляетъ желать скорѣйшаго его продолженія.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ 1868 году, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ: шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

съ доставкою и пересылкою:

С.-Петербургъ и **Москва** .	Годъ, **15** руб.	—	Полгода, **8** руб.
Губерніи	„ **16** „	—	„ **9** „

За-границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ къ цѣнѣ въ губерніяхъ за пересылку по почтѣ въ бандероляхъ: **2** руб. въ *Пруссію* и въ *Германію;* **3** руб. въ Бельгію; **4** руб. во Францію и Данію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію; — **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается, въ *Петербургѣ:* въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы» (открыта, при книж. маг. А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по буднямъ отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ *Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Иногородная и заграничная подписка высылается, *по почтѣ,* исключительно: въ Редакцію журнала «Вѣстникъ Европы», (Галерная, 20), или прямо въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіеся *лично* обращаются въ мѣста, указанныя для городской подписки.

Подписывающіеся лично въ Главной конторѣ «Вѣстника Европы», для обезпеченія себѣ правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ выдачи билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Конторы журнала, а не книжнаго магазина, и съ помѣткою дня выдачи билета.

Подписка безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) принимается въ мѣстахъ, указанныхъ для городской подписки.

NB. *Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамтъ только предъ тѣми, кто сообщаетъ ей нумеръ и число мѣсяца: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Главной Конторы «Вѣстника Европы».*

☞ Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ сданныхъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, ☜ редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго почтою, но не иначе, какъ по предъявленіи подписчикомъ свидѣтельства отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый нумеръ книги не былъ высланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи.

Желающіе пріобрѣсти полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1866 и 1867 гг. (отдѣльный годъ въ 4 томахъ: 8 руб.) обращаются въ Главную Контору журнала.— Гг. Иногородные — исключительно въ редакцію (Спб. Галерная, 20), съ приложеніемъ 1 руб. для пересылки годового экземпляра.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ